

ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2016 № 3 (67)

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Просеков А. Ю. – д-р техн. наук, профессор, профессор РАН, и. о. ректора КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.

Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Барбараи Л. С. – д-р мед. наук, профессор, академик РАМН, Председатель КНЦ СО РАМН (г. Кемерово, Россия).

Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).

Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (Потсдам, Германия).

Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).

Милошевич Х. – д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).

Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Пихица П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).

Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).

Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).

Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).

Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Просеков А. Ю., д-р техн. наук, профессор, профессор РАН, и. о. ректора КемГУ – главный редактор.

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ – ответственный редактор.

Митько Н. В., ответственный редактор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Гаврилов С. О. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зильбер Б. И. – д-р физ.-мат. наук, проф., Институт Математики Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Клочко В. Е. – д-р психол. наук, проф., НИ ТГУ (Томск, Россия).

Лушикова Г. И. – д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).

Овчинников В. А. – д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).

Проскурин С. Г. – д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серый А. В. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа В. И. – д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2016 № 3 (67)

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

A. Y. Prosekov – Dr. of Technical Science, Prof., RAS Prof., Acting Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.

A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

L. S. Barbarash – Dr. med. Sciences, professor, academician of the Academy of Medical Sciences, the President of KSC SB RAMS (Kemerovo, Russia).

Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).

R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

H. Milosevic – Dr. of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).

V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).

V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).

Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

UNITED EDITORIAL BOARD:

A. Y. Prosekov, Dr. of Technical Science, Prof., RAS Prof., Kemerovo State University – Editor-in-Chief.

B. P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University – Executive Editor.

N.V. Mitko, Executive Editor.

EDITORIAL BOARD:

L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

S. O. Gavrilov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

B. I. Zilber – Dr. of Physics and Mathematics, Prof. of Mathematical Logic, Mathematical Institute, University of Oxford (Oxford, England).

V. E. Klochko – Dr. of Psychology, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).

V. A. Ovchinnikov – Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).

S. T. Proskurin – Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

V. Seriy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. I. Tyupa – Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Кемеровского государственного университета.

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации: ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

Тел.: (3842) 58-13-01

Факс: (3842)58-44-03

E-mail: vestnik@kemsu.ru

Адрес сайта:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес учредителя, издателя:

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.

Тел.: 8(3842) 58-28-39

Факс: 8(3842)58-12-26

E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ). <http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration: ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:

Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.

Tel.: 8 (3842) 58-13-01

Fax: 8 (3842) 58-44-03

E-mail: vestnik@kemsu.ru

Web-site:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Address of the founder, publisher:

Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.

Tel.: (3842) 58-28-39

Fax: (3842)58-12-26

E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" <http://elibrary.ru>.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ | CONTENTS

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

- 6 **Блинов А. В.** Оформление административно-территориальных границ образовательного пространства Западной Сибири (1803 – 1885)
- 14 **Генина Е. С., Колязимова М. М.** Идеологические кампании в Западной Сибири 1945 – 1953 гг. (современная отечественная историография проблемы)
- 22 **Горбатов А. В., Климова Е. С.** Финансово-хозяйственная деятельность Кемеровского благочиния Новосибирской и Барнаульской епархии в 1945 – 1965 годы
- 27 **Евпак Е. В.** Особенности культурной и языковой адаптации русских переселенцев: прошлое и настоящее
- 32 **Хахалкина Е. В.** Консерваторы о судьбах британской империи в первые годы Второй Мировой войны (по страницам «дневника дипломата» И. М. Майского)

ПСИХОЛОГИЯ

- 38 **Алёшичева А. В.** Психологическое здоровье спортсменов-профессионалов, занимающихся экстремальными видами спорта
- 45 **Гуц Е. Н., Паутова Л. А.** Обыденное представление о стабильности: экспериментальное диахроническое исследование
- 51 **Лаптева Ю. А., Морозова И. С.** Развитие эмоциональной сферы ребенка дошкольного возраста
- 56 **Месеняшина Л. А.** Инициативное письменное творчество детей и младших подростков как лингвистический источник
- 63 **Орлова Н. В., Богомолова О. Е.** Что смешного? Сопоставительный взгляд на юмористические интенции учебника и ученика

ФИЛОЛОГИЯ

- 70 **Голев Н. Д.** Экспериментальные исследования русской лексики в рамках одного лингвистического направления: опыт обобщения и методологической рефлексии постфактум. Статья 1
- 79 **Араева Л. А., Калентьева Л. С., Кузнецова В. С., Тагаев М. Дж.** Пропозициональная организация терминов некровного родства в телеутском, киргизском и китайском языках
- 86 **Березович Е. Л.** Соматическая модель в номинации предчувствий и интуитивных чувствований
- 94 **Брысина Е. В., Супрун В. И.** Социальная изолированность диалекта, его престижность и дивергентные процессы в национальном языке

HISTORY AND ARCHEOLOGY

- 6 **A. V. Blinov.** Formation of the administrative-territorial borders of the educational area in Western Siberia (1803 – 1885)
- 14 **E. S. Genina, M. M. Kolyazimova.** Ideological campaigns in Western Siberia in 1945 – 1953 (contemporary Russian historiography of the problem)
- 22 **A. V. Gorbatov, E. S. Klimova.** Financial and economic activities of the Kemerovo Deanery of the Diocese of Novosibirsk and Barnaul in 1945 – 1965
- 27 **E. V. Evpak.** Features of cultural and language adaptation of Russian expatriates: the past and the present
- 32 **E. V. Khakhalkina.** Conservative party and the problems of the British empire in the early years of the second world war (on the pages of “Diary of a diplomat” by I. M. Maisky)

PSYCHOLOGY

- 38 **A. V. Aleshicheva.** Psychological health of professional athletes involved in extreme sports
- 45 **E. N. Goots, L. A. Pautova.** Common notion on stability: experimental diachronic study
- 51 **Ju. A. Lapteva, I. S. Morozova.** Emotional development of preschool children
- 56 **L. A. Mesenyashina.** Proactive creative writing among children and young adults as a linguistic source
- 63 **N. V. Orlova, O. E. Bogomolova.** What's so funny? A comparative look at the humorous intentions of the textbook and the student

PHILOLOGY

- 70 **N. D. Golev.** Experimental research of the Russian vocabulary and texts within one linguistic school: experience of summary and methodological reflection in hindsight
- 79 **L. A. Araeva, L. S. Kalentieva, V. S. Kuznetsova, M. J. Tagaev.** Propositional organization of the terms of in-law relationships in the Teleut, Kirghiz and Chinese languages
- 86 **E. L. Berezovich.** Somatic model in the nomination of premonitions and intuitional feelings
- 94 **Ye. V. Brisina, V. I. Suprun.** Social isolation of the dialect, its prestige and divergent processes in the national language

101	Бутакова Л. О. Языковая способность, речевая компетенция в формате не-/естественной письменной речи (на материале сочинений школьников)	101	L. O. Butakova. Language ability, speech competence in the format of non- / natural written speech (based on schoolchildren's essays)
111	Воркачев С. Г. «Реликтовое чувство»: порядочность по данным корпусной лингвистики	111	S. G. Vorkachev. «Relict feeling»: honesty according to the corpus linguistics data
117	Дубровская Т. В. Юридический дискурс как предмет социального конструкционизма (конструирование межнациональных отношений)	117	T. V. Dubrovskaya. Legal discourse in the social constructionist paradigm (construction of inter-ethnic relations)
124	Жаналина Л. К., Фот Л. В. Лингвистика в поисках объекта	124	L. K. Zhanalina, L. V. Fot. Linguistics Seeking Subject
129	Иваненко Г. С. Инвектива / оскорбление: аспекты квалификации в экспертной практике	129	G. S. Ivanenko. Accusation / insult: aspects of the qualification in expert practice
136	Кара-Мурза Е. С. Юрислингвистическая точка зрения на юридическую герменевтику (на материале избирательных споров)	136	E. S. Kara-Murza. Jurislinguistic point of view on legal hermeneutics (based on the electoral disputes)
143	Кравченко А. В. Лингвистическое образование в школе: тому ли мы учим?	143	A. V. Kravchenko. Linguistic education in school: are we teaching the right thing?
150	Кретов А. А. О так называемом «критерии Г. О. Винокура»	150	A. A. Kretov. On the so-called "Vinokur Criterion"
155	Ли В. С., Карымсакова Р. Д. Лингвистическая прагматика и теория речевых актов как научный метод судебной лингвистической экспертизы (из лингвоэкспертной практики)	155	V. S. Lee, R. D. Karymsakova. Linguistic pragmatics and speech act theory as a scientific method of judicial linguistic expertise (from lingual expert practice)
160	Маслова В. А. Эстетическое как важнейший элемент лингвокультуры	160	V. A. Maslova. Esthetic notion as an important element of linguistic culture
164	Мокиенко В. М. От обыденного значения к художественному образу	164	V. M. Mokienko. From the ordinary meaning to the artistic image
170	Николина Н. А. Делокутивы в современном русском языке	170	N. A. Nikolina. Delocutives in the Modern Russian language
174	Сидорова М. Ю. Языковые маркеры антропоцентричности в описаниях изображений	174	M. Y. Sidorova. Linguistic markers of antropocentrism in image descriptions
180	Сологуб О. П. Онлайн-переписка как самообразование	180	O. P. Sologub. On-line correspondence as self-teaching
186	Трофимова Е. Б. Отражение лингвистического плюрализма в фонологических концепциях	186	E. B. Trofimova. Reflection of linguistic pluralism in phonological concepts
194	Чернейко Л. О. Обыденное сознание: его границы и формы речевого воплощения	194	L. O. Cherneyko. Ordinary consciousness: its bounds and forms of speech
202	Черняк В. Д. Представление семантики слова в обыденной и стихийной лексикографии	202	V. D. Chernyak. Lexical meaning as interpreted in quotidian and impromptu lexicography
207	Шарандин А. Л. Слово и формы слова: деривационные типы, лингвистическая значимость и функции	207	A. L. Sharandin. Word and word form: derivational types, linguistic significance and functions
214	Шмелев А. Д. Здравый смысл и лингвистическая экспертиза в различных правовых системах	214	A. D. Shmelev. Common sense and linguistic examination in different legal systems
220	Шмелева Т. В. Медиалингвистика на фоне сферной дифференциации науки о языке	220	T. V. Shmeleva. Media linguistics on the background of the linguistics sphere differentiation
227	Юдина Н. В. Русская орфография и пунктуация в XXI веке: «человек» и «закон»	227	N. V. Yudina. Russian orthography and punctuation in the 21 st century: «man» and «law»
ПЕРСОНАЛИИ		PEOPLE	
234	Доктор филологических наук, профессор Николай Данилович Голев (к 70-летию со дня рождения)	234	Doctor of Philology, Professor Nikolay D. Golev (to the celebration of his 70 th birthday)
236	Правила для авторов журнала	236	Information and instructions for authors
238	Подписка на «Вестник КемГУ»	238	Subscribe to Bulletin of KemSU

В этом выпуске журнала раздел «Филология» и ряд статей в разделах «История и археология» и «Психология» посвящены юбилею профессора кафедры русского языка Кемеровского государственного университета, доктора филологических наук, профессора Н. Д. Голева.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ | HISTORY AND ARCHEOLOGY

УДК 93.353.5«1803/1885»

ОФОРМЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРАНИЦ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1803 – 1885)

А. В. Блинов^{1, @}

¹ Кемеровский государственный университет
@ blinov_alexey_vlad@mail.ru

Аннотация: В статье представлен материал, показывающий изменение административно-территориальных границ образовательного пространства Западной Сибири до учреждения самостоятельного Западно-Сибирского учебного округа. Выделены и проанализированы этапы изменения системы управления учебными заведениями Западной Сибири во взаимосвязи с административно-территориальными преобразованиями на территории региона. Отмечены причины невозможности изначального создания на территории Западной Сибири учебного округа. Выявлена специфика управления учебными заведениями во время подчинения Казанскому учебному округу, гражданским губернаторам и Западно-Сибирскому генерал-губернатору. Показаны особенности управления учебными заведениями Западной Сибири на фоне административно-территориальных преобразований на территории Азиатской части Российской империи.

Ключевые слова: административно-территориальные границы, образовательное пространство, реформы, Западная Сибирь.

Для цитирования: Блинов А. В. Оформление административно-территориальных границ образовательного пространства Западной Сибири (1803 – 1885) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 6 – 13.

Согласно определению толкового словаря русского языка «граница – линия раздела между двумя владениями, областями» [7, с. 576]. Однако нельзя не согласиться с мнением доктора философских наук С. А. Королева, что «граница – это не только линия на географической карте, край, рубеж некоего географического пространства, территории. Это – некий край пространства власти, т. е. территории, стратифицированной при помощи властных технологий, зона соприкосновения, пересечения, наложения различных, часто разнотипных пространств и структур власти» [10, с. 5].

Рассматривая административно-территориальные границы образовательного пространства Западной Сибири необходимо обратить внимание на ряд моментов, носящих концептуально-методологический характер. Во-первых, теоретические разработки политологов, историков и философов свидетельствуют о том, что административно-территориальные образования, заключенные в установленные властными структурами границы, зачастую не соотносятся с «реальным» пространством. По мнению профессора С. Г. Кордонского, «...административно-территориальное деление страны, ее «реальность», принципиально сложнее простой иерархии вложенных элементов... в «другой реальности», окружной (отраслевой, функциональной), страна представляет собой систему округов... как правило, округа, сформированные по

одним основаниям, не совпадают с округами, сформированными по другим основаниям» [9, с. 34]. Учебные округа Российской империи, границы которых не совпадали с принятым административно-территориальным делением и находились в постоянном «движении», являются ярким тому подтверждением. Во-вторых, категория «пространства» имеет неоднозначное толкование. Относительно темы и специфики исследования мы имеем дело с несколькими видами пространства: историческое, территориальное, образовательное.

По мнению И. В. Побережникова, применительно к российской истории пространственное измерение требует самого пристального внимания. Прежде всего, это связано с тем, что «...пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, на территориальную морфологию... регионы различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации» [26, с. 193]. Аналогичной точки зрения придерживается и Н. Д. Фирер, отмечая, что регионализм определяется не только совокупностью социально-экономических отношений, присущих данной территории, но и комплексом социально-генетических черт, проявляющихся в мышлении, поведении, в особой культуре, соеди-

няющей городскую и народную крестьянскую культуру, ценностных ориентаций, профессиональной деятельности [37, с. 39].

Попытка выявления региональных особенностей развития образования в конце XIX – начале XX вв. на территории азиатской части Российской империи предпринималась на примере Енисейской губернии О. Б. Лобановой и В. А. Лукиным. Авторы пришли к выводу, что региональные условия оказывали существенное воздействие на социализацию, имея при этом различный характер, в зависимости от характерных особенностей региона [12, с. 8].

Цель данной статьи, с одной стороны, проанализировать процесс изменения административных границ образовательного пространства, а с другой – выявить влияние данного процесса на модификацию системы управления учебными заведениями.

Наряду с традиционным изучением территориального пространства, начиная с 90-х гг. прошлого века исследователи активно используют понятие *историческое пространство*. В рамках проекта «Межрегиональные исследования в общественных науках» велась разработка междисциплинарного проекта «Власть и общество в политическом и этноконфессиональном пространстве России: история и современность». По мнению С. И. Барзилова, *историческое пространство* – это «целостность, естественность и органичность исторического порядка, соотнесенность его элементов и процессов, взятых как в их причинности, становлении, развитии, следствиях, так и во взаимосвязи, определяемыми геополитическим положением российского государства, его национальными традициями... Эволюция пространства представляет собой изменение соотношения между явлениями интеграции и дифференциации в историческом процессе...» [2, с. 11 – 13].

Проблема *образовательного пространства* в последнее время активно разрабатывается не только в педагогических, но и историко-культурологических исследованиях [5; 8]. Применительно к исторической ретроспективе образовательное пространство следует рассматривать не просто как составную часть культурного пространства, обеспечивающего успешность процесса образования, но и как пространство, в рамках которого осуществляется деятельность интегрированных в него субъектов. Под субъектами понимается совокупность территориально локализованных образовательных учреждений всех видов, форм и уровней, связанных отношениями взаимовлияния и взаимообусловленности как между собой, так и с организациями выполняющими функции управления и обеспечения основной деятельности [6, с. 216].

В рамках методологической концепции модернизационного развития важным является анализ синтеза территориального, исторического и образовательного пространства. Подобной позиции придерживается И. В. Побережников, отмечая, что «процессы модернизации имели не только временное, но и пространственное измерение. Они приобретали своеобразие и в зависимости от геополитического положения страны (региона), ее места в мировой системе, цивилизационно-культурного и исторического наследия, специфики национального менталитета, уровня социально-

экономического, политического и культурного развития» [27, с. 44].

Образовательное пространство, как и любое другое, имеет свои границы, но сложность их определения состоит в том, что они зачастую не совпадают с географическими и административными границами, подвержены изменению. Более того, формирование образовательного пространства, во многом выполняющее второстепенные функции в процессе интеграционного воздействия на регион, носило второстепенный характер и должно было складываться в основательно устойчивых регионах, вошедших под влияние имперской стратегии.

В традиционном понимании территория (территориальное пространство) – это земельное пространство, ограниченное границами. Применительно к государству территориальное пространство имеет внутреннюю структуру, представленную административно-территориальными единицами. Западно-Сибирский регион не являлся официальной административной единицей, но в то же время это достаточно устойчивое понятие как в науке, так и в обиходной жизни. Попытка законодательного определения границ как Сибири в целом, так и Западной Сибири в частности, была предпринята в рамках «Сибирского учреждения» 1822 г., на основе которого были учреждены Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское генерал-губернаторства. Однако современники неоднократно отмечали неточность границ сибирского региона.

«Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона определял сибирское пространство, включая в него все азиатские владения Российской империи, кроме Закавказья, Закаспийской области и Туркестана [34, с. 748 – 750]. Известный путешественник, беллетрист, этнограф и публицист второй половины XIX в. А. Я. Максимов отмечал, что «Географическое общество, ведающее антропологические и этнографические задачи еще не занималось решением вопроса о том, где начинается западная граница Сибири. А где кончается восточная или южная, на это не сумеет дать ответа даже и специальный Азиатский департамент Министерства иностранных дел» [13, с. 301]. Востоковед, профессор Восточного института Н. В. Кюнер отмечал факт несовпадения исторического смысла Сибири с ее географическим пространством и настаивал на расширенном понимании Сибири, включая в него не только Дальний Восток, но и Степной край [11, с. 16]. Представитель сибирского областничества, ученый, писатель, журналист И. И. Серебренников считал, что необходимо отличать Сибирь географическую от Сибири административной, относя к Сибири азиатские уезды Пермской и Оренбургской губерний, Дальний Восток, Акмолинскую и Семипалатинскую области [32, с. 21 – 22].

Не наблюдалось единства в определении границ Сибири и в изданиях официального характера. Так, например, в «Первой всеобщей переписи населения Российской империи» (1897) из Сибири исключались Акмолинская и Семипалатинская области, а в «Сибирском торгово-промышленном календаре» (1911) помимо собственно сибирских территорий давалось описание степных окраин и среднеазиатских владений [33].

Отсутствие четкого понимания внешней административной границы сибирского региона позволило авторам коллективного исследования сделать вывод: сибирская модель административного устройства была в значительной мере частным случаем окраинной политики самодержавия, принципы которой во многом зависели от господствующих в то или иное время взглядов на природу взаимоотношений центра и региона [35].

По мере расширения внешних имперских границ и нарастания внутренних политических и управленческих задач постепенно усложнялась интерпретация региона. Азиатские владения Российской империи представляли уникальное явление, где административное деление зачастую не совпадало с географическими границами. Во многом это объясняется тем, что для азиатских территорий вплоть до начала XX в. был характерен «освоенческий синдром». М. В. Шиловским выделяется четыре этапа геополитического охвата данных территорий, при этом четвертый, связанный с экспансией в Маньчжурии (КВЖД) и массовым крестьянским переселением в Сибирь, по мнению исследователя, так и остался незавершенным [38].

Колонизационные процессы на восточных окраинах Российской империи способствовали тому, что фронтир приобрел черты подвижной зоны закрепления и освоения, зоны, которая не столько разделяла, сколько должна была сближать внутренние и внешние пространства. По мнению ряда исследователей, российский образ фронта – государственный, в нем подчеркивается не своеобразие территории, а единство ее с метрополией [35, с. 44].

Рассматривая территорию Сибири через призму теории фронта, необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. По мнению Р. Ю. Почекаева, специфика фронтирной зоны заключается в том, что она имеет как бы две границы: внешнюю и внутреннюю. Внешняя – это официально закрепленная государственная граница той страны, в состав которой и входит фронтирная зона. Внутренняя граница, также нередко имеющая административно-правовое закрепление (фронтирная зона нередко является особым административным регионом в составе государства, имеющим особые органы управления и пр.), разделяет территорию на специфические социокультурные образования, отличающиеся по способу хозяйствования, структуре управления, системе правоотношений и т. д. Процесс стирания внутренней границы представляет собой фронтирную модернизацию [30, с. 174]. Подобный процесс и происходил в рамках реализации принципов образовательной политики на территории Западной Сибири в целях формирования единого образовательного пространства.

К концу XVIII в., времени начала реализации ширококомасштабных образовательных проектов, часть азиатского региона уже традиционно рассматривалась как составная часть Российской империи. Данное обстоятельство позволило осуществить Екатерине II петровский стратегический замысел унификации и попытаться интегрировать сибирское территориальное пространство в общеимперское образовательное пространство.

Однако данная тенденция показала свою несостоятельность в ходе образовательной реформы начала царствования Александра I. На основании именно этого указа от 24 января 1803 г. территория Российской империи была разделена на шесть учебных округов по принципу университетского центробразования [24, с. 442].

Созданные учебные округа, включавшие несколько административно-территориальных единиц, способствовали унификации внутренних и внешних границ образовательного пространства. Данная модель, как показало время, оказалась жизнеспособной и приемлемой для Российской империи. Однако в силу геополитических особенностей Российской империи (территориальный рост, изменение внутренних административных границ), с одной стороны, и недочетов первоначального распределения территорий по учебным округам, с другой, на протяжении рассматриваемого периода шел непрерывный процесс создания как новых, так и изменения границ уже существующих учебных округов.

Ярким примером подобных преобразований является азиатская часть Российской империи, где на территории Западной Сибири самостоятельный учебный округ был образован только в 1885 г., а Восточная Сибирь самостоятельного учебного округа так и не получила.

К началу XIX в. сибирский регион включал Пермскую, Тобольскую и Иркутскую губернии. Исследуемая территория входила в состав Тобольской губернии, образованной на основании указа Павла I от 12 декабря 1796 г., а имеющие место светские учебные заведения находились под управлением тобольского приказа общественного призрения [14, с. 789].

В начале царствования Александра I применительно к Сибири были проведены административные преобразования, ставшие следствием ревизии И. О. Селифонтова. В наказе от 9 июня 1801 г. ставилась задача не только устранить имеющиеся в Сибири злоупотребления, но и подготовить проект административных преобразований: «...узнать, и на самых достоверных сведениях основать, какое может быть удобнее страны сей разделение, и какое долженствует быть в ней сообразнейшее положению ее управление» [16, с. 694]. Следствием ревизии стал ряд административно-территориальных преобразований. В 1803 г. было образовано единое для всей Сибири генерал-губернаторство (во главе с И. О. Селифонтовым) с центром в Иркутске, в состав которого вошла и Тобольская губерния [17, с. 627]. Находясь на данном посту до 1806 г. И. О. Селифонтов произвел перестройку в системе управления. На основании именно этого указа от 26 февраля 1804 г. из состава Тобольской губернии была выделена Томская. В результате данного административного преобразования в составе Тобольской губернии осталось 9 уездов (Березовский, Ишимский, Курганский, Омский, Тарский, Тобольский, Туринский, Тюменский и Ялуторовский), а во вновь образованной Томской – 8 (Бийский, Енисейский, Канский, Красноярский, Кузнецкий, Нарымский, Томский и Туруханский) [20, с. 156 – 157].

Административные преобразования И. О. Селифонтова по времени совпали с введением в рамках Российской империи окружной модели управления учебными заведениями. Однако вверенная ему территория не получила самостоятельного учебного округа, а в плане управления учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения была разделена на две части: Тобольская и Томская губернии были включены в состав ближайшего Казанского учебного округа, а в Иркутской губернии был сохранен прежний порядок. Таким образом, образовательное пространство одной укрупненной административно-территориальной единицы (Сибирское генерал-губернаторство) оказалось разделенным. В дальнейшем различия в организации управления учебными заведениями Сибири будут не только сохраняться, но приобретут более выраженную специфику.

Следующим шагом в определении границ образовательного пространства явились административные реформы М. М. Сперанского, ставшие следствием сибирской ревизии. В соответствии с принятым в 1822 г. в рамках I Сибирского комитета «Учреждения для управления сибирских губерний» Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства – Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с административными центрами в Тобольске и Иркутске. В состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства были включены Тобольская, Томская губернии и Омская область. Данное обстоятельство способствовало не только выделению Западной Сибири как географического объекта, но и определению административных границ ее образовательного пространства.

На период реализации проекта М. М. Сперанского приходится нововведения в управлении сибирскими учебными заведениями и изменение границ образовательного пространства. Принятый 8 декабря 1828 г. «Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского» внес изменения в систему управления сибирскими учебными заведениями, передав их из ведения Казанского учебного округа в подчинение гражданским губернаторам, наделив последних правами попечителей округов [36, с. 1099]. Изменения были закреплены высочайшим указом от 12 января 1831 г., согласно которому из состава Казанского учебного округа были выведены сибирские губернии [15, с. 14]. Сложившаяся практика просуществовала более 20 лет.

За это время на территории Западной Сибири происходят существенные административно-территориальные изменения. В 1838 г. Омская область была ликвидирована, а ее административные единицы отошли к соседним губерниям: Омск и Петропавловск к Тобольской; Семипалатинск и Усть-Каменогорск к Томской. Вместе с тем в Омск было перенесено Главное управление Западной Сибири [18, с. 336], которому подчинялось пограничное управление, созданное тогда же в соответствии с «Положением об отдельном управлении сибирскими казахами» [28, с. 272 – 276].

За время существования Западно-Сибирского генерал-губернаторства непрерывно шел процесс расширения его южных границ. Как впоследствии отмечал секретарь Акмолинского областного статисти-

ческого комитета В. С. Недашковский, «колонизация киргизской степи является одним из самых важных и серьезных вопросов истории...» [25, с. 29]. Систематическая пограничная политика на линии соприкосновения с казахскими территориями начала осуществляться в начале XVIII в., а в середине XIX в. Приобрела массовый характер. Данное обстоятельство было связано, во-первых, со строительством пограничных укреплений, а во-вторых, с правительственными мероприятиями по переселению малороссийских казаков и крестьян Оренбургской и Саратовской губерний. По мнению С. В. Голунова, «...создание укрепленных линий не означало лишь оборонительный характер политики Российской империи по отношению к южным соседям-кочевникам. Практически обеспечивая неуязвимость российских владений, система линий использовалась как плацдарм для дальнейшего наступления на казахскую степь, а в XIX в. – и на среднеазиатские ханства... Резкий рост населения формирующегося приграничья создавал предпосылки для территориальной экспансии...» [4, с. 73].

В 1854 г. на южных рубежах было образовано две области: Семипалатинская, делами которой ведало Особое управление во главе с военным губернатором, и Область сибирских киргизов (с 1868 г. – Акмолинская область), делившаяся на Акмолинский, Атбасарский, Кокчетавский, Омский и Петропавловский уезды [19, с. 346].

Присоединение казахских степей к Российской империи завершилось в 1864 г., когда в результате взятия Туркестана, Чимкента и др. городов была сомкнута линия русских владений и протянулась от Аральского моря до гор Алатау [1, с. 36].

Постепенное освоение казахской степи и политика, направленная на интеграцию, создали потребность введения системы административно-территориального управления, приближенной к европейской части империи. Разработкой реформы занимались Особый комитет и Особая комиссия. Одним из итогов работы стало разработанное в 1868 г. «Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской». Согласно Положению области находились в подчинении генерал-губернаторов: Уральская и Тургайская – Оренбургского; Семипалатинская и Акмолинская – Западно-Сибирского, Семиреченская и Сырдарьинская – Туркестанского [3].

Естественными границами между европейской и азиатской Россией стали: р. Кара от истока до впадения в Карское море; Уральский хребет и р. Урал; Каспийское море от устья Урала до г. Баку; Кавказский хребет до Черного моря. Таким образом, к началу XX в. азиатская Россия включала: Сибирь (с Дальним Востоком), среднеазиатские владения (Казахстан и Средняя Азия) и Кавказский край империи (Закавказье). По площади азиатская Россия (15 млн верст² (16 млн км²)) была более чем в двое больше европейской (около 5 млн верст² (5,3 млн км²)) [1, с. 39].

Завершение процесса расширения южных границ русского присутствия в азиатской части Российской империи способствовало изменениям и образовательного пространства. Высочайше утвержденное 12 ап-

реля 1859 г. «Положение об управлении гражданскими учебными заведениями Западной Сибири» закрепило главное управление всеми гражданскими учебными заведениями в руках генерал-губернатора, который «как главный начальник края и председатель совета главного управления... есть высший блюститель точного и правильного исполнения всех постановлений по учебной части во вверенном ему крае, сохраняя в отношении к оной, власть надзора и разрешения, присвоенную ему общими и местными учреждениями» [29, с. 336 – 339].

Для непосредственного надзора за учебными заведениями при генерал-губернаторе создавалась должность главного инспектора училищ. В целом данная модель управления образовательным процессом, несмотря на отдельные корректировки, просуществовала 23 года.

Последующие административно-территориальные изменения, повлекшие изменения границ образовательного пространства, приходится на начало 80-х гг. XIX в. В 1882 г. по инициативе военного министра П. С. Ванновского в связи с необходимостью объединения пограничных с Китаем территорий Российской империи было образовано Степное генерал-губернаторство с центром в Омске, в состав которого из Туркестанского генерал-губернаторства передавались Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области [22, с. 211 – 212]. С его образованием упразднялось Западно-Сибирское генерал-губернаторство, а Тобольская и Томская губернии переходили под прямое подчинение министерств на основании правил, распространяющихся на внутренние губернии.

Упразднение Западно-Сибирского генерал-губернаторства повлекло изменения в организации управления учебной частью во входящих в него административно-территориальных единицах. Высший контроль над учебными заведениями Тобольской и Томской губерний и Семипалатинской, Акмолинской и Семиреченской областей временно передавался Главному инспектору с присвоением прав попечителя учебного округа [31, с. 16 – 18]. Рассматриваемые альтернативные варианты по передачи учебных заведений бывшего Западно-Сибирского генерал-губернаторства в ведение близлежащих учебных управлений Казанского и Оренбургского учебных округов оказались невозможным ввиду обширности занимаемых ими территорий, что привело бы к ослаблению контроля над учебными заведениями.

В результате рассмотрения проекта последовало решение совместного заседания Государственного Совета с Департаментом Государственной Экономии и Законов от 17 апреля 1885 г. об учреждении Западно-Сибирского учебного округа в составе Тобольской и Томской губерний; Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей [23, с. 102].

Таким образом, в рамках исторического пространства, определяемого периодом от введения окружной модели до учреждения Западно-Сибирского учебного округа, шло постепенное расширение территориального пространства на азиатских окраинах Российской империи. Учреждение новых административно-территориальных единиц, их реорганизация неминуемо оказывало влияние и на изменение границ образовательного пространства.

Литература

1. Атлас Азиатской России. СПб.: Переселенческое управление, 1914. Т. 1. 576 с.
2. Базиллов С. И. Российское историческое пространство в имперском и региональном измерениях // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 10 – 23.
3. Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1883. 50 с.
4. Голунов С. В. Российско-казахстанская граница: история формирования // Вестник Волгоградского государственного университета. (Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения). 2005. № 10. С. 68 – 87.
5. Горелова Ю. Р. Культурное и образовательное пространство города: основные подходы к определению категорий и границ взаимовлияния // История и культура городов России: от традиции к модернизации: мат. Всероссийского научного конгресса, посвященного 290-летию Омска / отв. ред. Д. А. Алисов, Ю. Р. Горелова, Н. А. Томилов. Омск: Наука, 2006. С. 35 – 40.
6. Горелова Ю. Р. Образовательное пространство Омска во второй половине XIX – начале XX вв. // Социально-экономические и общественные процессы в российском обществе: Сборник научных трудов кафедры общественных наук. Омск: Изд-во Омского ин-та предпринимательства и права, 2004. С. 215 – 234.
7. Граница // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. С. 616.
8. Комаров К. Ю. Феноменология территориального образовательного пространства // Педагогическое образование в России. 2008. Вып. 1. С. 20 – 24.
9. Кордонский С. Г. Административно-территориальное деление России в «реальности» и «на самом деле». М.: Европа, 2010. С. 34 – 36.
10. Королев С. А. Российская граница как края пространства: генезис и типология // Россия и современный мир. 2002. № 2(35). С. 5 – 27.
11. Кюннер Н. В. Лекции по истории и географии Сибири (Курс, читанный на историко-филологическом факультет во Владивостоке в 1918 – 1919 гг.). Владивосток, 1919. 273 с.
12. Лобанова О. Б. Социально-экономические условия реформирования образования в Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв.: монография. Красноярск: СибГТУ, 2009. 118 с.
13. Максимов А. Я. В немшонной стране. (Из воспоминаний) // Исторический вестник. 1884. № 2. С. 301 – 302.

14. О новом разделении государства на губернии // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ): собр. 1. Т. 24. Закон № 17634.
15. О новом распределении губернских гимназий и прочих училищ на округа // ПСЗРИ: собр. 2. Т. 6. Ч. 1. Закон № 4251.
16. О обозрении Сибирского края // ПСЗРИ: собр. 1. Т. 26. Закон № 19910.
17. О образе управления сими губерниями // ПСЗРИ: собр. 1. Т. 27. Закон № 20771.
18. О перемещении Главного управления Западной Сибири из Тобольска в Омск // ПСЗРИ: собр. 2. Т. 13. Ч. 2. Закон № 11771.
19. О преобразовании управления Киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьими войсками // ПСЗРИ: собр. 2. Т. 43. Ч. 2. Закон № 46380.
20. О разделении Тобольской губернии на две части и об утверждении Томской губернии // ПСЗРИ: собр. 1. Т. 28. Закон № 21183.
21. О сосредоточении высшего надзора по управлению областями Акмолинскою, Семипалатинскою и Семиреченскою в лице Генерал-Губернатора и о подчинении губерний Тобольской и Томской общему порядку высшего управления, существующему для внутренних губерний // ПСЗРИ: собр. 3. Т. 2. Закон № 886.
22. О числе городов в Тобольской губернии // ПСЗРИ: собр. 1. Т. 24. Закон № 18233.
23. Об учреждении Западно-Сибирского учебного округа // ПСЗРИ: собр. 3. Т. 5. Закон № 2808.
24. Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых губерний // ПСЗРИ: собр. 1. Т. 27. Закон № 20598.
25. Памятная книжка Акмолинской области на 1914 г. Омск: Областная типография, 1914. 287 с.
26. Побережников И. В. Азиатская Россия: фронтир, модернизация // Известия Уральского государственного университета. (Серия 2: Гуманитарные науки). 2011. № 4(96). С. 191 – 203.
27. Побережников И. В. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX – начала XX века // Вестник Пермского университета. 2013. (Серия: История). Вып. 3(23). С. 44 – 51.
28. Положение об отдельном управлении Сибирскими Киргизами // ПСЗРИ: собр. 2. Т. 13. Ч. 1. Закон № 11122.
29. Положение об управлении гражданскими учебными заведениями в Западной Сибири // ПСЗРИ: собр. 2. Т. 34. Ч. 3. Закон № 34355.
30. Почекаев Р. Ю. Эволюция налогообложения в Казахстане в XIX веке в контексте фронтальной модернизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 4. С. 174 – 190.
31. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 194. Д. 219.
32. Серебрянников И. И. Сибиреведение: конспект лекций по сибиреведению, читанных на кооп. курсах в мае-июне 1920 г. Харбин: Свет, 1920. 210 с.
33. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 год. СПб.: Типография Э. Ф. Мекс, 1911. 1542 с.
34. Сибирь // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Изд-во «Семеновская типолитография», 1900. Т. 58.
35. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
36. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С. Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3 (1828). Закон № 2502.
37. Фирер Н. Д. Об интерпретации понятия «регион» // Ученые записки НИИ прикладной культурологии. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2006. С. 34 – 39.
38. Шиловский М. В. Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX в. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург: УРО РАН, 2008. С. 648 – 653.

Информация об авторе:

Блинов Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Кемеровского государственного университета, blinov_alexey_vlad@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2016 г., принята к печати 10.06.2016 г.

FORMATION OF THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL BORDERS OF THE EDUCATIONAL AREA IN WESTERN SIBERIA (1803 – 1885)

Blinov Alexey V.^{1, @}

¹ Kemerovo State University

@ blinov_alexey_vlad@mail.ru

Abstract: The paper presents the material demonstrating changes of the administrative-territorial borders of the educational area in Western Siberia before the establishment of the independent West Siberian Educational District. The author identifies and analyzes the stages of development of educational institutions' management system in Western Siberia in relation to the administrative and territorial transformations in the region. The reasons for original impossibility

ity to create an education district in Western Siberia are stated. The specificity of managing educational institutions in the period of subordination to Kazan Educational District, civil governor and West Siberian Governor-General is defined. The features of managing educational institutions in Western Siberia are presented against the background of the administrative-territorial reforms in the Asian part of the Russian Empire.

Keywords: administrative-territorial border, educational area, reform, Western Siberia.

For citation: Blinov A. V. Formation of the administrative-territorial borders of the educational area in Western Siberia (1803 – 1885). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 6 – 13.

References

1. *Atlas Aziatskoi Rossii* [Atlas of Asiatic Russia]. Saint-Petersburg: Pereselencheskoe upravlenie, vol. 1 (1914): 576.
2. Bazilov S. I. Rossiiskoe istoricheskoe prostranstvo v imperskom i regional'nom izmereniiakh [Russia's historic space in the imperial and regional dimensions]. *Prostranstvo vlasti: istoricheskii opyt Rossii i vyzovy sovremennosti* [Area Power: Russia's historical experience and challenges]. Moscow: Moscow obshchestvennyi nauchnyi fond, 2001, 10 – 23.
3. *Vremennoe polozhenie ob upravlenii v oblastiakh Ural'skoi, Turgaiskoi, Akmolinskoi i Semipalatinskoi* [Provisional Regulations on the management in the areas of the Ural, Turgay, Akmol and Semipalatinsk]. Saint-Petersburg: Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del, 1883, 50.
4. Golunov S. V. Rossiisko-kazakhstanskaia granitsa: istoriia formirovaniia [Russian-Kazakh border: history of formation]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia – Bulletin of Volgograd State Universit. Series 4. History. Regional Studies. International relationships*, no. 10 (2005): 68 – 87.
5. Gorelova Iu. R. Kul'turnoe i obrazovatel'noe prostranstvo goroda: osnovnye podkhody k opredeleniiu kategorii i granits vzaimovliianiia [Cultural and educational space of the city: the main approaches to the definition of the categories and mutual borders]. *Istorii i kul'tura gorodov Rossii: ot traditsii k modernizatsii: M-ly Vserossiiskogo nauchnogo kongressa, posviashchennogo 290-letiiu Omska* [History and culture of Russian cities: from tradition to modernization: Proc. Russian Sc. Conf. devoted to the 290th anniversary of Omsk]. Omsk, 2006, 35 – 40.
6. Gorelova Iu. R. Obrazovatel'noe prostranstvo Omska vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Educational area of Omsk in the second half of 19th – early 20th centuries]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye protsessy v rossiiskom obshchestve* [Socio-economic and social processes in Russian society]. Omsk, 2004, 215 – 234.
7. Granitsa [Border]. *Tolkovy slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of Russian language]. Ed. Ushakov D. N. Moscow: «TERRA», 1996, 616.
8. Komarov K. Iu. Fenomenologii territorial'nogo obrazovatel'nogo prostranstva [Phenomenology of the territorial educational area]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Teacher education in Russia*, no.1 (2008): 20 – 24.
9. Kordonskii S. G. Administrativno-territorial'noe delenie Rossii v «real'nosti» i «na samom dele» [The administrative-territorial division of Russia «in reality» and «in fact»]. Moscow: Evropa, 2010, 34 – 36.
10. Korolev S. A. Rossiiskaia granitsa kak kraia prostranstva: genezis i tipologii [Russian border as the edge of area: genesis and typology]. *Rossii i sovremennyi mir – Russia and the Modern World*, no. 2 (35) (2002): 5 – 27.
11. Kjuner N. V. *Leksii po istorii i geografii Sibiri (Kurs, chitannyy na istoriko-filologicheskoi fakul'tet vo Vladivostoke v 1918 – 1919 gg.)* [Lectures on the history and geography of Siberia (the course at read the historical-philological faculty in Vladivostok in 1918 – 1919)]. Vladivostok, 1919, 273.
12. Lobanova O. B. *Sotsial'no-ekonomicheskie usloviia reformirovaniia obrazovaniia v Eniseiskoi gubernii kontsa XIX – nachala XX vv.* [Socio-economic conditions of reforming the education in the Yenisei province in the 19th – early 20th centuries]. Krasnoarsk: SibGTU, 2009, 118.
13. Maksimov A. Ia. V nemshonnoi strane. (Iz vospominanii) [In nemshonnaya country. (From the memoirs)]. *Istoricheskii vestnik – Historic Bulletin*, no. 2 (1884): 301 – 302.
14. O novom razdelenii gosudarstva na gubernii [A new division of the state into provinces]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI): Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI): 1st collection]. Vol. 24, no. 17634.
15. O novom raspredelenii gubernskikh gimnazii i prochikh uchilishch na okrugi [A new distribution of provincial high schools and other schools in into districts]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI): Sobranie vtoroe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI): 2nd collection]. Vol. 6, Part 1, no. 4251.
16. O obozrenii Sibirskogo kraia [A review of the Siberian region]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI): Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI): 1st collection]. Vol. 26, no. 19910.
17. O obraze upravleniia simi guberniiami [On the management of these Provinces]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI): Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI): 1st collection]. Vol. 27, no. 20771.
18. O peremeshchenii Glavnogo upravleniia Zapadnoi Sibiri iz Tobol'ska v Omsk [Regarding the transfer of the Main Department of Western Siberia from Tobolsk to Omsk]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI): Sobranie vtoroe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI): 2nd collection]. Vol. 13, Part 2, no. 11771.

19. O preobrazovanii upravleniya Kirgizskimi stepiami Orenburgskogo i Sibirskogo vedomstv i Ural'skim i Sibirskim kazach'imi voiskami [On the transformation of management of Kirghiz steppes by Orenburg and Siberian departments and the Ural and Siberian Cossack troops]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI): Sobranie vtoroe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI): 2nd collection]. Vol. 43, Part 2, no. 46380.
20. O razdelenii Tobol'skoi gubernii na dve chasti i ob utverzhdenii Tomskoi gubernii [On the division of the Tobolsk province into two parts, and on the approval of the Tomsk province]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI): Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI): 1st collection]. Vol. 28, no. 21183.
21. O sosredotochenii vysshego nadzora po upravleniiu oblastiami Akmolinskoiu, Semipalatinskoiu i Semirechenskoiu v litse General-Gubernatora i o podchinenii gubernii Tobol'skoi i Tomskoi obshchemu poriadku vysshego upravleniia, sushchestvuiushchemu dlia vnutrennikh gubernii [On the highest concentration of supervision on management of areas of Akmola, Semipalatinsk and Semirechensk represented by the Governor-General and of the subordination of the provinces of Tobolsk and Tomsk general order of higher management that exists for domestic provinces]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI): Sobranie tret'e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI): 3th collection]. Vol. 2, no. 886.
22. O chisle gorodov v Tobol'skoi gubernii [The number of cities in the province of Tobolsk]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI): Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI): 1st collection]. Vol. 24, no. 18233.
23. Ob uchrezhdenii Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga [On the establishment of the West Siberian educational district]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI): Sobranie tret'e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI): 3th collection]. Vol. 5, no. 2808.
24. Ob uchrezhdenii uchebnykh okrugov, s naznacheniem dlia kazhdogo osobykh gubernii [On the establishment of school districts, the appointment for each specific provinces]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI): Sobranie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI): 1st collection]. Vol. 27, no. 20598.
25. *Pamiatnaia knizhka Akmolinskoi oblasti na 1914 g.* [The memorial book of the Akmola region in 1914]. Omsk: Oblastnaia tipografiia, 1914, 287.
26. Poberezhnikov I. V. Aziatskaia Rossiia: frontir, modernizatsiia [Asian Russia: frontier, modernization]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of the Ural State University*, 2, no. 4(96) (2011): 191 – 203.
27. Poberezhnikov I. V. Sever Zapadnoi Sibiri v kontekste rossiiskoi modernizatsii XIX – nachala XX veka [North of Western Siberia in the context of the modernization of Russia XIX – early XX century]. *Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm State University*, no. 3(23) (2013): 44 – 51.
28. Polozhenie ob otdel'nom upravlenii Sibirskimi Kirgizami [The position of the separate management Siberian Kyrkyz]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI): Sobranie vtoroe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI): 2nd collection]. Vol. 13, Part 1, no. 11122.
29. Polozhenie ob upravlenii grazhdanskimi uchebnymi zavedeniiami v Zapadnoi Sibiri [Provisions on the management of civil institutions in the Western Siberia]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI): Sobranie vtoroe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI): 2nd collection]. Vol. 34, Part 3, no. 34355.
30. Pochekaev R. Iu. Evoliutsiia nalogoblozheniia v Kazakhstane v XIX veke v kontekste frontirnoi modernizatsii [The evolution of taxation in Kazakhstan in the XIX century in the context of the modernization of the front]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki – Right. Journal of Higher School of Economics*, no. 4 (2013): 174 – 190.
31. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* (RGIA) [The Russian State Historical Archives]. Found 733, List 194, File 219.
32. Serebrennikov I. I. *Sibirevedenie: konspekt lektsii po sibirevedeniui, chitannykh na koop. kursakh v mae – i iune 1920 g.* [Sibirevedenie: lecture notes on sibirevedeniuyu, visit the Co-op. courses in May and June 1920]. Kharbin: Tipografiia «Svet», 1920, 210.
33. *Sibirskii torgovo-promyshlennyi kalendar' na 1911 god* [Siberian commercial and industrial calendar for 1911]. Saint-Petersburg: Tipografiia E. F. Meks, 1911, 1542.
34. Sibir' [Siberia]. *Entsiklopedicheskii slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* [The Encyclopedical Dictionary by Brockhaus F. A. and Efron I. A.]. Saint-Petersburg: Izd-vo «Semenovskaia tipolitografiia», 1900, vol. 58.
35. *Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii* [Siberia in the Russian Empire]. Ed. Dameshek L. M., Remnev A. V. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, 368.
36. Ustav gimnazii i uchilishch uezdnykh i prikhodskikh, sostoiaishchikh v vedomstve universitetov: S. Peterburgskogo, Moskovskogo, Kazanskogo i Khar'kovskogo [Charter of high schools and colleges county and parish, consisting in the department of universities: St. Petersburg, Moscow, Kazan and Kharkov]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (PSZRI): Sobranie vtoroe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI): 2nd collection]. Vol. 3 (1828), no. 2502.
37. Firer N. D. Ob interpretatsii poniatiia «region» [On the interpretation of the concept of «region»]. *Uchenye zapiski NII prikladnoi kul'turologii* [Scientific notes of the Research Institute of Applied Cultural Studies.]. Kemerovo: Kemerov. gos. un-t kul'tury i iskusstv, 2006, 34 – 39.
38. Shilovskii M. V. Geopoliticheskaia znachimost' Aziatskoi Rossii dlia Rossii v XVII – nachale XX v. [The geopolitical significance of Asiatic Russia to Russia in XVII – the beginning of the XX century]. *Rossiia mezhduraznitsami i budushchim: istoricheskii opyt natsional'nogo razvitiia* [Russia between the past and the future: the historical experience of national development]. Ekaterinburg: URO RAN, 2008, 648 – 653.

Received 06.04.2016, accepted 10.06.2016.

УДК 930.1(571.1):323.23"1945/1953"

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1945 – 1953 гг.
(современная отечественная историография проблемы)**

Е. С. Генина^{1, @1}, М. М. Колязимова^{1, @2}

¹ Кемеровский государственный университет

@¹ elena_genina@mail.ru

@² marina.kolyazimova.90@mail.ru

Аннотация: В данной статье впервые представлен анализ результатов изучения проблемы «Идеологические кампании в Западной Сибири 1945 – 1953 гг.» в современной отечественной историографии. Авторами выявлен комплекс трудов по теме, созданных в начале 1990-х – 2015 гг. Определены основные направления изучения темы, что позволило сформировать проблемно-тематические блоки и выделить перспективные направления исследования. Основной блок исследований составили работы, отражающие содержание идеологических кампаний, направленных на воздействие на советскую интеллигенцию. Началось осмысление идеологических кампаний, способствовавших формированию образа И. В. Сталина в массовом сознании. Последовало обращение к отдельным аспектам идеологических кампаний, связанных с репрессиями. Авторы, констатируя отсутствие труда комплексного характера, пришли к выводу о недостаточной изученности проблемы идеологических кампаний в Западной Сибири периода «позднего сталинизма». В первую очередь реконструированы события идеологических кампаний в Кемеровской области. Одним из перспективных направлений исследования представляется создание обобщающих работ, освещающих события идеологических кампаний в различных регионах Западной Сибири в 1945 – 1953 гг.

Ключевые слова: историография проблемы, современные отечественные исследователи, идеологические кампании, интеллигенция, репрессии, Западная Сибирь, Кемеровская область.

Для цитирования: Генина Е. С., Колязимова М. М. Идеологические кампании в западной сибирии 1945 – 1953 гг. (современная отечественная историография проблемы) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 14 – 21.

В период «позднего сталинизма» (1945 – 1953 гг.) в СССР развернулась серия идеологических кампаний. Все они представляли собой совокупность упорядоченных действий со стороны органов власти, имели целью достижение того или иного политического итога путем воздействия на массовое сознание при помощи определенных идейных установок. В первую очередь это идеологические кампании, сопровождавшие выборы в Советы различных уровней, идеологические кампании, способствовавшие формированию образа И. В. Сталина в массовом сознании, идеологические кампании, получившие распространение в среде советской интеллигенции. Деятельность интеллигенции, прежде всего, затронули «проведение в жизнь» установок идеологических постановлений ЦК ВКП(б) в сфере культуры и искусства 1946, 1948 гг., кампания по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» (1947 – 1948 гг.), наступление на «вейсманистов-морганистов» (1948 г.), кампания по борьбе с космополитизмом (1949 – 1953 гг.). Следует подчеркнуть, что во время ряда идеологических кампаний 1945 – 1953 гг. использовались существовавшие в идеологии формы «образа врага» и тем самым поддерживался курс репрессий.

К историографии темы идеологических кампаний в Западной Сибири 1945 – 1953 гг. уже обращались исследователи. С. А. Дукарт занимался проблемами теории и историографии интеллигенции Сибири в первые послевоенные годы [10]. С. Г. Сизов, рассматривая историографию истории взаимоотношений власти и интеллигенции в Западной Сибири в 1946 – 1964 гг., отметил работы, связанные с идеологиче-

скими кампаниями [33, с. 6 – 8; 34, с. 13 – 21]. Е. С. Генина проанализировала историографию кампании по борьбе с космополитизмом в Сибири [5, с. 4 – 13; 4, с. 5 – 13; 3]. М. М. Колязимова изучила историографию проблемы идеологических кампаний в Кемеровской области 1946 – 1953 гг. [17, с. 4 – 7]. Однако на сегодняшний день отсутствует работа обобщающего плана, посвященная современной отечественной историографии идеологических кампаний в Западной Сибири 1945 – 1953 гг.

Анализируя содержание трудов постсоветской историографии проблемы, необходимо отметить, что снятие идеологических штампов и доступность новой информации благодаря рассекречиванию архивных документов открыли возможности для объективного изучения политического развития СССР в 1945 – 1953 гг. В научном плане актуальность приобрела тематика особенностей политической системы, идеологических кампаний, репрессивной политики государства. Это содействовало пониманию механизма функционирования сталинского режима.

Р. Г. Пихоя, А. В. Пыжиков и А. А. Данилов в контексте изучения политической истории государства затронули идеологические кампании периода апогея сталинизма. Р. Г. Пихоя предложил анализ системы социально-политического развития СССР 1945 – 1953 гг., составляющей которой были идеологические кампании [27, с. 13 – 96]. Исследователь обратил внимание на один из факторов поддержания существования режима: террор, который в отличие от «большого террора» 1930-х гг. являл собой «систематическое подавление даже самой возможности появ-

ления оппозиции в Советском Союзе, стремление контролировать, а при малейшем подозрении – преследовать представителей формирующейся элиты». Данное объяснение присуще, в частности, «судам чести», действовавшим в министерствах и центральных ведомствах СССР, «делу Еврейского антифашистского комитета» и «делу врачей» [27, с. 95]. (Прим. авторов: «суды чести» проводились во время борьбы с «низкопоклонством перед Западом», «дело Еврейского антифашистского комитета» (1948 – 1952 гг.) и «дело врачей» (1953 г.) были сфабрикованы в период борьбы с космополитизмом). А. В. Пыжиков и А. А. Данилов посчитали исходным для внутриаполитической жизни СССР первых послевоенных лет фактор выхода страны на позиции «сверхдержавы», требовавший изменений в идеологической системе. Стержнем идеологической работы стал «советский патриотизм», заявивший о себе во время проведения идеологических кампаний, оказавших влияние на сферу культуры и искусства, науку [29, с. 156 – 207].

Фундаментальные исследования в области общественно-политической жизни СССР 1945 – 1953 гг. подготовлены Е. Ю. Зубковой [13; 12]. Автор выявил общественные настроения, отражавшие отношение к политике власти общества в целом и его отдельных групп. Е. Ю. Зубкова коснулась вопросов кампаний против советской интеллигенции, репрессий 1949 – 1953 гг. [13]. По ее мнению, сталинский режим, стремясь достичь общественной поддержки, воздействовал на население страны с использованием средств «от пропаганды до террора» [13, с. 223].

Внимание исследователей было сосредоточено и на отдельных аспектах реализации сталинской идеологии. Г. В. Костырченко обратился к кампаниям по борьбе с космополитизмом, кадровой «чистке» и уголовным преследованиям представителей еврейской интеллигенции в конце 1940-х – начале 1950-х гг. как составляющим политики государственного антисемитизма [19 – 21]. Исследователь дал оценку проявлениям кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом», которая предшествовала наступлению на «космополитов» [21, с. 28 – 39]. Кампания по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» получила отражение в работе В. Д. Есакова и Е. С. Левиной. Авторы реконструировали историю «судов чести», определили значение института для укрепления сталинского режима [11]. А. В. Фатеев проанализировал изменения «образа врага» в советской пропаганде 1945 – 1954 гг., классифицировал формы «образа врага». При этом он оперировал представлениями о внешнем и внутреннем враге [38]. А. Л. Никифоров представил «феномен вождя» как одну из важнейших составляющих советской пропаганды 1945 – 1953 гг., воссоздал характерные черты образа И. В. Сталина, сложившиеся в массовом сознании [24]. Роль прессы в идеологических кампаниях сталинского режима подчеркнул Е. Ф. Семенов. Автор установил, что «кульминацией» здесь выступили известные «статьи И. В. Сталина по вопросам языкознания, опубликованные в “Правде” 20 июня, 4 июля и 2 августа 1950 г.» [31, с. 87 – 88].

Идеологические кампании в СССР 1945 – 1953 гг. изучены на основании материалов регионов. События

идеологических кампаний 1946 – 1953 гг. в Саратовской и Куйбышевской областях изложил В. А. Гижов. Исследователь выявил содержание кампаний, затронувших организации писателей, театральные и музыкальные учреждения, высшие учебные заведения, определил схему их проведения [8]. А. С. Киммерлинг избрала объектом осмысления «дело врачей» в Молотовской и Свердловской областях, исходя из различных составляющих и проявлений. Автор подчеркнул присущий кампании «национальный момент». Политические кампании, одной из которых стало «дело врачей», оценены «как способ взаимодействия властей с массами в сталинской системе» [16]. О. А. Кунгина воссоздала процессы политико-идеологических кампаний, проведенных в отношении вузовской интеллигенции г. Молотова в 1945 – 1953 гг. Она установила этапы кампаний, их направленность, сценарий и использовавшиеся методы воздействия на интеллигенцию [23]. (Прим. авторов: Молотов – название Перми, Молотовская область – название Пермской области в 1940 – 1957 гг. Пермский край, в состав которого вошли объединенные Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ, образован в 2005 г.).

В результате сложившаяся историографическая ситуация характеризуется преобладающим вниманием ученых к идеологическим кампаниям воздействия на советскую интеллигенцию, что во многом предопределило положение с изучением идеологических кампаний в Западной Сибири 1945 – 1953 гг. Первоначально отметим, что на сегодняшний день отсутствуют работы, свидетельствующие о полном и всестороннем осмыслении темы. Но в противовес этому изучены идеологические кампании более раннего периода. С. Н. Ушакова рассматривала идеолого-пропагандистские кампании в Западной Сибири конца 1920-х – начала 1940-х гг. «как способ социальной мобилизации советского общества» [37]. Тема избирательных кампаний по выборам в Советы различных уровней в Западной Сибири 1937 – 1941 гг. освещена Я. Б. Дорожкиной, которая сосредоточила внимание и на идеологическом сопровождении процесса [9].

Культурно-идеологическим кампаниям в Сибири конца 1920-х – середины 1930-х гг., середины 1940-х – начала 1950-х гг. посвящена статья И. С. Кузнецова и С. Н. Ушаковой, опубликованная в «Исторической энциклопедии Сибири». Авторы выделили культурно-идеологические кампании, которые прошли в середине 1940-х – начале 1950-х гг. и были направлены на воздействие на творческую и научно-педагогическую интеллигенцию. Как полагают ученые, отличительной чертой кампаний в противовес кампаниям довоенного времени стал «откровенно организованный характер», ими подчеркнут персонифицированный характер кампаний. С точки зрения И. С. Кузнецова и С. Н. Ушаковой, послевоенный «идеологический контроль существенно сузил возможности деятельности научно-педагогической и творческой интеллигенции Сибири, способствовал появлению конъюнктурных, зачастую псевдонаучных исследований, произведений низкого художественного уровня» [22, с. 229 – 230].

Сделан первый шаг в реконструкции событий идеологических кампаний в отдельных регионах За-

падной Сибири. М. М. Колязимова восстановила содержание ряда идеологических кампаний в СССР 1946 – 1953 гг., используя материалы Кемеровской области. Это идеологические кампании, сопровождавшие выборы в Советы различных уровней, идеологические кампании, связанные с формированием образа И. В. Сталина в массовом сознании, идеологические кампании, направленные на воздействие на советскую интеллигенцию. М. М. Колязимова выявила специфику реализации идеологических установок в Кемеровской области, отметила обусловленность содержания и итогов кампаний промышленным профилем региона [17].

Отдельный и наиболее многочисленный блок работ составили исследования идеологических кампаний воздействия на интеллигенцию Западной Сибири. С. Г. Сизов видел собственной целью изучение взаимоотношений власти и интеллигенции в Западной Сибири в 1946 – марте 1953 гг. Автор обратился к содержанию идеологических кампаний, затронувших художественную, культурно-просветительскую и научно-педагогическую интеллигенцию. Он рассмотрел проведение органами власти кампаний в сфере культуры и искусства, кампаний по борьбе с «низкопоклонством перед Западом», космополитизмом, «вейсманизмом-морганизмом», выявил их особенности [33; 34; 32]. С. Г. Сизов пришел к заключению о проведении идеологических кампаний в Западной Сибири под контролем «партийных структур», задействовавших средства пропаганды, административный аппарат, первичные партийные организации для реализации установок «сверху». По мнению автора, на интеллигенцию воздействовали не только при помощи идеологии, но и непосредственных репрессий [33, с. 197].

Тему кампании по борьбе с космополитизмом в Сибири подняла Е. С. Генина. Процессы, протекавшие в Западной Сибири, реконструированы на основе событий в Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областях, Алтайском крае. Автор выделил основные периоды кампании в рамках 1949 – 1953 гг., проанализировав наступление на творческую, научно-педагогическую, инженерно-техническую интеллигенцию, врачей, определил различные формы наступления на интеллигенцию Сибири, охарактеризовал национальную составляющую кампании, обусловленную политикой в отношении еврейской интеллигенции. Как было установлено, сибирским центром борьбы с космополитизмом стала Кемеровская область, что вызвано комплексом причин экономического, демографического и социально-политического характера [5; 4].

Изучены отдельные аспекты идеологического воздействия на сферу культуры и искусства, творческую интеллигенцию Западной Сибири в первые послевоенные годы. С. В. Зяблицева, рассматривая становление, развитие и функционирование основных отраслей культуры и искусства Западной Сибири в 1920-е – середине 1950-х гг., обратилась к данной проблеме. Автор констатировал факты «чистки» фондов библиотек в соответствии с установками идеологических кампаний. Он зафиксировал тенденцию следования региональных газет требованиям кампаний, проиллюстрировав ее сюжетом борьбы с космополи-

тизмом, преследование журналистов-«космополитов» в Барнауле в 1949 г. Отмечена тенденция следования редакций радиовещания идеологическим установкам «сверху». Выявлено изменение репертуара театров, содержания деятельности филармоний и концертно-эстрадных бюро в условиях идеологических кампаний [14, с. 87, 237, 264 – 265, 360 – 365, 398 – 399]. Направления деятельности творческой интеллигенции Западной Сибири, подвергшиеся «идейной коррективке» после выхода постановлений ЦК ВКП(б) второй половины 1940-х гг., определил И. А. Чуднов [41]. По мнению исследователя, основной целью идеологических кампаний первых послевоенных лет явилось устранение новых настроений в обществе после окончания войны, возникших, прежде всего, в среде интеллигенции [40, с. 11].

Е. А. Савина посвятила свою работу наступлению на представителей культуры и искусства Новосибирска в 1949 г., когда последовала кампания по борьбе с космополитизмом [30]. Автор привел особенности кампании, пришел к выводу о том, что она «в целом не перешла в плоскость репрессий и трансформировалась в борьбу за идейность в литературе и искусстве» [30, с. 197 – 198]. Процесс обсуждения и реализации идеологических постановлений ЦК ВКП(б) 1946, 1948 гг. в Новосибирской области проследила М. М. Колязимова. Она сделала заключение, что идеологические кампании, приведшие к изменениям в сфере культуры и искусства, мире творческой интеллигенции, имели и «внутреннюю» задачу: сплотить массы под эгидой лозунгов советского патриотизма на трудовые свершения [18].

Положение научно-педагогической интеллигенции во время идеологических кампаний получило отражение в ряде работ. Все они связаны с Томском, где располагалось пять вузов, что позволяло массово охватить преподавателей «идейным воспитанием». Ситуацию в вузах Томска, сложившуюся под воздействием идеологических кампаний второй половины 1940-х гг., представила Т. В. Галкина. Ею отображены основные идейные установки для научно-педагогических работников, состояние контроля за кадрами и «чистка» кадров, особенности атмосферы в вузах города [1]. В коллективных изданиях по истории Томска и Томской области присутствует информация об отдельных проявлениях кампаний в вузах [35, с. 322 – 326; 36, с. 492 – 495]. К. В. Петров провел обстоятельный анализ характеристик профессорско-преподавательского состава Томского университета (1945 – начало 1980-х гг.). Раскрывая суть взаимоотношений педагогов вуза с властью, он обратил внимание на строгий контроль за «благонадежностью» и настроениями педагогов в первые послевоенные годы, требования к лекциям в периоды борьбы с «низкопоклонством» и космополитизмом, меры, принимавшиеся по отношению к людям, совершившим «идейные ошибки» [26, с. 88 – 89, 92 – 95, 123 – 125]. Исследование, раскрывающее становление и развитие исторического образования и науки в Томском университете в конце XIX – начале XXI вв., осуществлено Д. В. Хамяновым. Отдельным сюжетом стал вопрос об идеологических кампаниях на историко-филологическом факультете Томского государственного университета.

Д. В. Хаминов сделал заключение о «мягком» воздействии на жизнь факультета борьбы с «низкопоклонством» и космополитизмом, поскольку «...широкомасштабными репрессиями и мероприятиями по изменению учебной и научной деятельности эти кампании в Томском университете для историков отмечены не были» [39, с. 88 – 90]. Влиянию идеологических кампаний первых послевоенных лет на жизнь историко-филологического факультета ТГУ посвящена работа, подготовленная Н. В. Кефнер. Автор представил спектр проявлений кампаний в жизни факультета, акцентировав внимание на «проработках» преподавателей идейного плана [15]. Значительное воздействие борьбы с «низкопоклонством» на ситуацию в вузах Томска зафиксировали Е. С. Генина и М. М. Колязимова. Соавторы выявили составляющие кампании, отметили особенности атмосферы, сложившейся в вузах города [6].

В настоящее время происходит становление подходов к изучению идеологических кампаний в Западной Сибири, способствовавших формированию образа И. В. Сталина в массовом сознании. Авторы настоящей статьи провели изучение проблематики, обратившись к событиям в Кемеровской области. Они выявили серию идеологических кампаний 1946 – 1953 гг. с использованием «образа вождя», вынесли на обсуждение проблему присутствия «образа вождя» не только во время массовых кампаний политического, но и экономического характера [2, с. 24; 17, с. 44 – 71; 7].

Репрессии, последовавшие во время идеологических кампаний в Западной Сибири, освещены в ряде исследований. В данном случае мы обратились к содержанию трудов, где репрессии составляют предмет специального анализа. Они касаются преследования представителей советской интеллигенции в годы борьбы с космополитизмом и политики государственного антисемитизма, проводившейся сталинским режимом. (Прим. авторов: речь идет о непосредственных репрессиях, связанных с арестом, следствием и осуждением обвиняемых). Г. В. Костырченко реконструировал события «дела КМК» (1949 – 1952 гг.), фактизация которого привела к осуждению семи ответственных работников Кузнецкого металлургического комбината (г. Сталинск Кемеровской области), ставших главными обвиняемыми. (Прим. авторов: Сталинск – название Новокузнецка Кемеровской области в 1932 – 1961 гг.). Автор проанализировал происшед-

шие события в контексте политики государственного антисемитизма [20, с. 235 – 240; 21, с. 476 – 482]. Результаты изучения преследования сибирских «космополитов» представлены С. А. Папковым. Исследователь обратился к групповым уголовным делам, к уголовным делам в отношении отдельных лиц. При этом зафиксировано изменение обстановки репрессий с началом «дела врачей» (1953 г.). По мнению С. А. Папкина, на смену «непубличной партийно-чеккистской кампании» преследования «еврейских националистов» 1948 – 1951 гг. пришла «карательно-пропагандистская акция» [25, с. 377 – 385]. Опубликован библиографический указатель трудов о политических репрессиях в СССР 1928 – 1953 гг., который подготовил М. Г. Степанов. В издании представлены труды, затрагивающие репрессии, проведенные в Западной Сибири во время идеологических кампаний «позднего сталинизма» [28].

Таким образом, следует констатировать отсутствие труда комплексного характера по теме «Идеологические кампании в Западной Сибири 1945 – 1953 гг.». Однако имеющиеся исследования, отражающие отдельные аспекты проблемы, подтверждают ее сохраняющуюся актуальность на протяжении временного отрезка, охватывающего более двадцати лет. Закономерным итогом представляется создание в первую очередь работ, посвященных положению научно-педагогической интеллигенции Западной Сибири в период идеологических кампаний первых послевоенных лет, что обусловлено спецификой кампаний, взаимоотношениями власти и группы интеллигенции, условиями деятельности научно-педагогической интеллигенции, наличием соответствующих архивных документов. Недостаточная изученность темы ставит перед исследователями задачу подготовки работ о реализации идеологической политики времени «позднего сталинизма» в отдельных регионах Западной Сибири. На сегодняшний день необходимо продолжить исследовательский поиск с последующей публикацией работ об идеологических кампаниях, сопровождавших выборы в Советы различных уровней, идеологических кампаниях, способствовавших формированию образа И. В. Сталина в массовом сознании. Сохраняет значение проблема реконструкции биографий представителей интеллигенции Западной Сибири, чьи судьбы изменили идеологические кампании 1945 – 1953 гг.

Литература

1. Галкина Т. В. Отражение внутривластной ситуации в СССР в томских вузах во второй половине 1940-х гг. // История и культура Томской области: сб. ст. / под ред. Я. А. Яковлева, Л. И. Овчинниковой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 68 – 81.
2. Генина Е. С. Исторические этапы идеологизации населения Кузбасса в 20-е – начале 50-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998. 26 с.
3. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (анализ современной отечественной историографии проблемы) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1(61). Т. 3. С. 139 – 146.
4. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949 – 1953 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. 55 с.
5. Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949 – 1953 гг.). Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2009. 255 с.
6. Генина Е. С., Колязимова М. М. Высшие учебные заведения Томска в период кампании по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» (1947 – 1948 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные

- чтения памяти профессора А. П. Бородавкина: материалы конференции / под ред. В. А. Скубневского, К. А. Пожарской. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 87 – 89.
7. Генина Е. С., Колязимова М. М. Идеологические кампании в СССР 1946 – 1953 гг., связанные с образом И. В. Сталина (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3(59). Т. 2. С. 145 – 150.
8. Гижов В. А. Идеологические кампании 1946 – 1953 гг. в российской провинции (по материалам Саратовской и Куйбышевской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 22 с.
9. Дорожкина Я. Б. Избирательные кампании по выборам в верховные и местные советы в Западной Сибири (1937 – 1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 23 с.
10. Дукарт С. А. Интеллигенция Сибири в послевоенные годы (1945 – 1953): вопросы теории и историографии: дис. ... канд. ист. наук; Томский гос. ун-т. Томск, 1997. 247 с.
11. Есаков В. Д., Левина Е. С. Сталинские «суды чести»: «дело “КР”». М.: Наука, 2005. 423 с.
12. Зубкова Е. Ю. Общественные настроения в послевоенной России. 1945 – 1953 гг.: дис. ... д-ра ист. наук; Институт российской истории РАН. М., 2000. 508 с.
13. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 229 с.
14. Зяблицева С. В. Социокультурный потенциал Западной Сибири и практика его реализации (1920 – середина 1950-х гг.): монография. Кемерово: КемГУКИ, 2011. 472 с.
15. Кефнер Н. В. Сибирские историки в фокусе идеологических кампаний первого послевоенного десятилетия // Мир историка: историографический сборник / под ред. Г. К. Садретдинова, В. П. Корзун. Вып. 2. Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. С. 225 – 247.
16. Кимерлинг А. С. Террор на излете. «Дело врачей» в уральской провинции: монография. Пермь: Пермский государственный институт искусства и культуры, 2011. 163 с.
17. Колязимова М. М. Идеологические кампании в СССР 1946 – 1953 гг.: по материалам Кемеровской области. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 123 с.
18. Колязимова М. М. Обсуждение и реализация постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам 1946, 1948 гг. в Новосибирской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2(62). Т. 6. С. 187 – 192.
19. Костырченко Г. В. Политическое руководство СССР и интеллигенция еврейского происхождения (1936 – 1953): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008. 43 с.
20. Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 415 с.
21. Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм (Новая версия): в 2 ч. Ч. II: На фоне холодной войны. М.: Международные отношения, 2015. 672 с.
22. Кузнецов И. С., Ушакова С. Н. Культурно-идеологические кампании // Историческая энциклопедия Сибири / гл. ред. В. А. Ламин; отв. ред. В. И. Клименко. К – Р. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 228 – 230.
23. Кунгина О. А. Политико-идеологические кампании в отношении вузовской интеллигенции г. Молотова в 1945 – 1953 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2014. 23 с.
24. Никифоров А. Л. Феномен вождя в официальной пропаганде и обыденном сознании в 1945 – 1956 годах: дис. ... канд. ист. наук; Ленинградский гос. обл. ун-т им. А. С. Пушкина. СПб., 2002. 255 с.
25. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
26. Петров К. В. Профессорско-преподавательский состав Томского университета (1945 – начало 80-х гг.): дис. ... канд. ист. наук; Томский гос. ун-т. Томск, 2004. 235 с.
27. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945 – 1991. М.: Изд-во РАГС, 1998. 736 с.
28. Политические репрессии в СССР (1928 – 1953 гг.): библиографический указатель / авт.-сост. М. Г. Степанов. Абакан: ООО «Книжное издательство Бригантина», 2010. 146 с.
29. Пыжиков А. В., Данилов А. А. Рождение сверхдержавы. 1945 – 1953 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 319 с.
30. Савина Е. А. Кампания по борьбе с «космополитизмом» в 1949 году в художественной жизни Новосибирска // Вестник Новосибирского государственного университета. (Серия: История, филология). 2007. Т. 6. Вып. 1. История. С. 193 – 198.
31. Семенов Е. Ф. Политическая пропаганда в прессе: некоторые аспекты теории и истории (1946 – 1964) // Вестник Новосибирского государственного университета. (Серия: История, филология). 2009. Т. 8. Вып. 1. История. С. 86 – 91.
32. Сизов С. Г. Идеологические кампании 1947 – 1953 гг. и вузовская интеллигенция Западной Сибири // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 95 – 103.
33. Сизов С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946 – 1964 гг. (на материалах Западной Сибири): монография: в 2 ч. Ч. 1. «Поздний сталинизм» (1946 – март 1953 гг.). Омск: Изд-во СибАДИ, 2001. 224 с.
34. Сизов С. Г. Региональные органы ВКП (б) – КПСС и интеллигенция Западной Сибири в 1946 – 1964 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2004. 45 с.
35. Томск. История города от основания до наших дней / отв. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 432 с.
36. Томская область: исторический очерк / отв. ред. В. П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 654 с.

37. Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х – начале 1940-х гг. (на материалах Западной Сибири): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 23 с.
38. Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде 1945 – 1954 гг.: дис. ... канд. ист. наук; Институт российской истории РАН. М., 1998. 374 с.
39. Хаминов Д. В. Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.
40. Чуднов И. А. Общественно-политические факторы развития промышленности Западной Сибири в первые послевоенные годы (1946 – 1950 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. 21 с.
41. Чуднов И. А. Партия и интеллигенция. Идеологические кампании 1940-х гг. в Западной Сибири // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII – XX вв.): материалы Третьей всероссийской научной конференции. 25 – 27 ноября 1998 г.: в 2 т. / отв. ред. В. П. Корзун, В. Г. Рыженко. Т. II. Интеллигенция России: динамика, образы, потенциал местных культурных гнезд. Омск: Сибирский филиал Российского института культурологии, ОмГУ, 1998. С. 143 – 145.

Информация об авторах:

Генина Елена Сергеевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Кемеровского государственного университета, elena_genina@mail.ru.

Колязимова Марина Михайловна – соискатель кафедры истории России Кемеровского государственного университета, marina.kolyazimova.90@mail.ru.

(Научный руководитель – Е. С. Генина).

Статья поступила в редколлегию 02.06.2016 г., принята к печати 11.07.2016 г.

IDEOLOGICAL CAMPAIGNS IN WESTERN SIBERIA IN 1945 – 1953 (CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM) Genina Elena S.^{1, @1}, Kolyazimova Marina M.^{1, @2}

¹ Kemerovo State University

@1 elena_genina@mail.ru

@2 marina.kolyazimova.90@mail.ru

Abstract: The paper presents the analysis of the researches dedicated to the problem of “Ideological campaigns in Western Siberia in 1945 – 1953” in the contemporary Russian historiography. The authors analyze a collection of works on this problem published in the early 1990s – 2015. The main directions in the researches of this topic were identified, which allowed classifying them into problematic thematic groups and identifying the promising research directions. The main group of the research works reflects the essence of the ideological campaigns targeted at influencing the Soviet intelligentsia. Researchers started reflecting over the ideological campaigns that focused on the formation of the image of J. V. Stalin in the mass consciousness. Further on, researchers addressed a number of aspects of the ideological campaigns that focused on repressions. The authors state that there is no complex academic publication dedicated to this problem and conclude that the problem of ideological campaigns in Western Siberia in the period of “late Stalinism” has not been studied thoroughly. The events of the ideological campaigns in Kemerovo Region were the first to be reconstructed. Creating generalizing reviews of the works covering the events of the ideological campaigns in different regions of Western Siberia in 1945 – 1953 is a promising research direction.

Keywords: historiography, contemporary Russian researchers, ideological campaigns, intelligentsia, repressions, Western Siberia, Kemerovo Region.

For citation: Genina E. S., Kolyazimova M. M. Ideological campaigns in Western Siberia in 1945 – 1953 (contemporary Russian historiography of the problem) *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 14 – 21.

References

1. Galkina T. V. Otrazhenie vnutripoliticheskoi situatsii v SSSR v tomskikh vuzakh vo vtoroi polovine 1940-kh gg. [Reflecting the political situation in the USSR in the Tomsk higher education institutions in the second half of the 1940s.]. *Istoriia i kul'tura Tomskoi oblasti* [History and culture of the Tomsk region]. Ed. Iakovlev Ia. A., Ovchinnikova L. I. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1998, 68 – 81.
2. Genina E. S. *Istoricheskie etapy ideologizatsii naseleniia Kuzbassa v 20-e – nachale 50-kh gg.* Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Historical stages of indoctrination of the population of Kuzbass in the 20's – early 50-ies. Cand. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 1998, 26.
3. Genina E. S. Kampaniia po bor'be s kosmopolitizmom v Sibiri (analiz sovremennoi otechestvennoi istoriografii problemy) [Campaign against cosmopolitanism in Siberia (analysis of the contemporary Russian historiography of the problem)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 3, no. 1 (2015): 139 – 146.

4. Genina E. S. *Kampaniia po bor'be s kosmopolitizmom v Sibiri (1949 – 1953 gg.)*. Avtoref. diss. doktora ist. nauk [Campaign against cosmopolitanism in Siberia (1949 – 1953). Dr. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 2009, 55.
5. Genina E. S. *Kampaniia po bor'be s kosmopolitizmom v Sibiri (1949 – 1953 gg.)* [Campaign against cosmopolitanism in Siberia (1949 – 1953)]. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 2009, 255.
6. Genina E. S., Koliiazimova M. M. Vysshie uchebnye zavedeniia Tomska v period kampanii po bor'be s «nizkopoklonstvom pered Zapadom» (1947 – 1948 gg.) [Higher education institutions of Tomsk in the period on the fight against “kowtowing to the West” campaign (1947 – 1948)]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Desiatye nauchnye chteniia pamiati professora A. P. Borodavkina: materialy konferentsii* [The actual questions of history of Siberia. Tenth scientific readings in memory of Professor Borodavkin A. P.: Proc. Conf.]. Ed. Skubnevsky V. A., Pozharskaya K. A. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015: 87 – 89.
7. Genina E. S., Koliiazimova M. M. *Ideologicheskie kampanii v SSSR 1946 – 1953 gg., svyazannye s obrazom I. V. Stalina (po materialam Kemerovskoi oblasti)* [Ideological campaigns in the USSR in 1946 – 1953 connected with the image of J. V. Stalin (revealed by the example of Kemerovo Region)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2, no. 3 (2014): 145 – 150.
8. Gizhov V. A. *Ideologicheskie kampanii 1946 – 1953 gg. v rossiiskoi provintsii (po materialam Saratovskoi i Kuibyshevskoi oblastei)*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [The ideological campaigns 1946 – 1953 in Russian province (on materials of the Saratov and Kuibyshev regions). Cand. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Saratov, 2004, 22.
9. Dorozhkina Ia. B. *Izbitatel'nye kampanii po vyboram v verkhovnye i mestnye sovery v Zapadnoi Sibiri (1937 – 1941 gg.)*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [The electoral campaigns for the elections to the Supreme Court and local councils in Western Siberia (1937 – 1941). Cand. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Novosibirsk, 2004, 23.
10. Dukart S. A. *Intelligentsiia Sibiri v poslevoennye gody (1945 – 1953): voprosy teorii i istoriografii*. Diss. kand. ist. nauk [The intelligentsia of Siberia in the postwar years (1945 – 1953): theory and historiography. Cand. hist. Sci. Diss.]. Tomsk State University. Tomsk, 1997, 247.
11. Esakov V. D., Levina E. S. *Stalinskie «sudy chesti»: «delo “KR”»* [Stalin's “courts of honor”: “case “CR””]. Moscow: Nauka, 2005, 423.
12. Zubkova E. Iu. *Obshchestvennye nastroyeniia v poslevoennoi Rossii. 1945 – 1953 gg.* Diss. doktora ist. nauk [Public sentiment in postwar Russia. 1945 – 1953. Dr. hist. Sci. Diss.]. The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2000, 508.
13. Zubkova E. Iu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945 – 1953* [The post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945 – 1953]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 1999, 229.
14. Ziablitseva S. V. *Sotsiokul'turnyi potentsial Zapadnoi Sibiri i praktika ego realizatsii (1920 – seredina 1950-kh gg.)* [Socio-cultural potential of West Siberia and the practice of its implementation (1920 – mid 1950s)]. Kemerovo: KemGUKI, 2011, 472.
15. Kefner N. V. *Sibirskie istoriki v fokuse ideologicheskikh kampanii pervogo poslevoennogo desiatiletiia* [Siberian historians, the focus of ideological campaigns of the first decade after the war]. *Mir istorika: istoriograficheskii sbornik* [The world of the historian: historiographical collection]. Ed. Sadretidinov G. K., Korzun V. P. Omsk: Izd-vo OmGU, no. 2 (2006): 225 – 247.
16. Kimerling A. S. *Terror na izlete. «Delo vrachei» v ural'skoi provintsii: monografiia* [Terror on the decline. “Doctors’ case” in the Ural province: monograph]. Perm': Permskii gosudarstvennyi institut iskusstva i kul'tury, 2011, 163.
17. Koliiazimova M. M. *Ideologicheskie kampanii v SSSR 1946 – 1953 gg.: po materialam Kemerovskoi oblasti* [Ideological campaigns in the USSR in 1946 – 1953: on materials of the Kemerovo Region]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014, 123.
18. Koliiazimova M. M. *Obsuzhdenie i realizatsiia postanovlenii TsK VKP (b) po ideologicheskim voprosam 1946, 1948 gg. v Novosibirskoi oblasti* [Discussion and implementation of the Central Committee of the VKP (b) 1946, 1948 rulings on ideological issues in Novosibirsk Region]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 6, no. 2 (2015): 187 – 192.
19. Kostyrchenko G. V. *Politicheskoe rukovodstvo SSSR i intelligentsiia evreiskogo proiskhozhdeniia (1936 – 1953)*. Avtoref. diss. doktora ist. nauk [The political leadership of the USSR and the intellectuals of Jewish origin (1936 – 1953). Dr. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2008, 43.
20. Kostyrchenko G. V. *Stalin protiv «kosmopolitov». Vlast' i evreiskaia intelligentsiia v SSSR* [Stalin against “cosmopolitans”. The power and the Jewish intelligentsia in the Soviet Union]. Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, 2009, 415.
21. Kostyrchenko G. V. *Tainaia politika Stalina. Vlast' i antisemitizm (Novaia versiia). Ch. II: Na fone kholodnoi voiny* [Stalin's secret policy. Power and anti-Semitism (new version). Part II: Against the backdrop of the Cold War]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2015, 672.
22. Kuznetsov I. S., Ushakova S. N. *Kul'turno-ideologicheskie kampanii* [Cultural and ideological campaigns]. *Istoricheskaiia entsiklopediia Sibiri* [Historical encyclopedia of Siberia]. Ed. Lamin V. A., Klimenko V. I. K – R. Novosibirsk: Izdatel'skii dom «Istoricheskoe nasledie Sibiri», 2009: 228 – 230.
23. Kungina O. A. *Politiko-ideologicheskie kampanii v otnoshenii vuzovskoi intelligentsii g. Molotova v 1945 – 1953 gody*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [The political and ideological campaigns against the intelligentsia of the University of the city of Molotov in 1945 – 1953. Cand. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Tiumen', 2014, 23.

24. Nikiforov A. L. *Fenomen vozhdia v ofitsial'noi propagande i obydennom soznanii v 1945 – 1956 godakh*. Diss. kand. ist. nauk [The phenomenon of the leader of the official propaganda and ordinary consciousness in 1945 – 1956. Cand. hist. Sci. Diss.]. Leningrad State Regional University named after A. S. Pushkin. Saint-Petersburg, 2002, 255.
25. Papkov S. A. *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [An ordinary terror. The policy of Stalinism in Siberia]. Moscow: ROSSPEN, 2012, 440.
26. Petrov K. V. *Professorsko-prepodavatel'skii sostav Tomskogo universiteta (1945 – nachalo 80-kh gg.)*. Diss. kand. ist. nauk [The teaching staff of Tomsk University (1945 – early 80s). Cand. hist. Sci. Diss.]. Tomsk State University, Tomsk, 2004, 235.
27. Pikhoia R. G. *Sovetskii Soiuz: istoriia vlasti. 1945 – 1991* [The Soviet Union: the history of power. 1945 – 1991]. Moscow: Izd-vo RAGS, 1998, 736.
28. *Politicheskie repressii v SSSR (1928 – 1953 gg.)* [Political repression in the Soviet Union (1928 – 1953)]. Comp. Stepanov M. G. Abakan: ООО «Knizhnoe izdatel'stvo Brigantina», 2010, 146.
29. Pyzhikov A. V., Danilov A. A. *Rozhdenie sverkhderzhavy. 1945 – 1953 gody* [The birth of a superpower. 1945 – 1953]. Moscow: OLMA-PRESS, 2002, 319.
30. Savina E. A. Kampaniia po bor'be s «kosmopolitizmom» v 1949 godu v khudozhestvennoi zhizni Novosibirska [Campaign against “cosmopolitanism” in 1949 in the artistic life of Novosibirsk]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. (Serii: Istorii, filologii) – Bulletin of Novosibirsk State University. (Series: History, Philology)*, 6, no. 1: History (2007): 193 – 198.
31. Semenov E. F. Politicheskaia propaganda v presse: nekotorye aspekty teorii i istorii (1946 – 1964) [The political propaganda in press: some problems of theory and history (1946 – 1964)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. (Serii: Istorii, filologii) – Bulletin of Novosibirsk State University. (Series: History, Philology)*, 8, no. 1: History (2009): 86 – 91.
32. Sizov S. G. Ideologicheskie kampanii 1947 – 1953 gg. i vuzovskaia intelligentsiia Zapadnoi Sibiri [The ideological campaigns 1947 – 1953 and university intellectuals in Western Siberia]. *Voprosy istorii – Questions of history*, no. 7 (2004): 95 – 103.
33. Sizov S. G. *Intelligentsiia i vlast' v sovetskom obshchestve v 1946 – 1964 gg. (na materialakh Zapadnoi Sibiri). Ch. 1: «Pozdnii stalinizm» (1946 – mart 1953 gg.)* [Intelligentsia and Power in the Soviet society in 1946 – 1964 (on materials of Western Siberia). Part 1: “The Latest Stalinism” (1946 – March 1953)]. Omsk: Izd-vo SibADI, 2001, 224.
34. Sizov S. G. *Regional'nye organy VKP (b) – KPSS i intelligentsiia Zapadnoi Sibiri v 1946 – 1964 gg.* Avtoref. diss. doktora ist. nauk [Regional bodies of the VKP (b) – CPSU and the intelligentsia of the Western Siberia in 1946 – 1964. Dr. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Omsk, 2004, 45.
35. *Tomsk. Istorii goroda ot osnovaniia do nashikh dnei* [Tomsk. The history of the city from the foundation to our days]. Ed. Dmitrienko N. M. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1999, 432.
36. *Tomskaiia oblast': istoricheskii ocherk* [Tomsk region: historical sketch]. Ed. Zinov'ev V. P. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1994, 654.
37. Ushakova S. N. *Ideologo-propagandistskie kampanii kak sposob sotsial'noi mobilizatsii sovetskogo obshchestva v kontse 1920-kh – nachale 1940-kh gg. (na materialakh Zapadnoi Sibiri)*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Ideological-propaganda campaigns as a means of social mobilization of the Soviet society in the late 1920s – early 1940s (on materials of Western Siberia). Cand. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Novosibirsk, 2001, 23.
38. Fateev A. V. *Obraz vruga v sovetskoii propagande 1945 – 1954 gg.* Diss. kand. ist. nauk [The image of enemy in Soviet propaganda 1945 – 1954. Cand. hist. Sci. Diss.]. The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 1998, 374.
39. Khaminov D. V. *Istoricheskoe obrazovanie i nauka v Tomskom universitete v kontse XIX – nachale XXI v.* [History education and science at Tomsk State University in the late XIX – early XXI century]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011, 270.
40. Chudnov I. A. *Obshchestvenno-politicheskie faktory razvitiia promyshlennosti Zapadnoi Sibiri v pervye poslevoennnye gody (1946 – 1950 gg.)*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Socio-political factors in the development of industry in West Siberia in the early postwar years (1946 – 1950). Cand. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 1993, 21.
41. Chudnov I. A. Partiia i intelligentsiia. Ideologicheskie kampanii 1940-kh gg. v Zapadnoi Sibiri [The party and the intelligentsia. Ideological campaigns of the 1940s in Western Siberia]. *Kul'tura i intelligentsiia Rossii: sotsial'naiia dinamika, obrazy, mir nauchnykh soobshchestv (XVIII – XX vv.): Materialy Tret'ei vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. 25 – 27 noiabria 1998 g. T. II: Intelligentsiia Rossii: dinamika, obrazy, potentsial mestnykh kul'turnykh gnezd* [Culture and the intelligentsia of Russia: social dynamics, images, world scientific community (XVIII – XX centuries): Proc. 3rd All-Rus. Sc. Conf. November 25 – 27, 1998. Ed. Korzun V. P., Rizhenko V. G. Vol. II: The intelligentsia of Russia: dynamics, images, local cultural potential nests]. Omsk: Sibirskii filial Rossiiskogo instituta kul'turologii, OmGU, 1998: 143 – 145.

Received 02.06.2016, accepted 11.07.2016.

УДК 947.084

ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КЕМЕРОВСКОГО БЛАГОЧИНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ И БАРНАУЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В 1945 – 1965 ГОДЫ

А. В. Горбатов^{1, @1}, Е. С. Климова^{1, @2}

¹ Кемеровский государственный университет

@1 gorn1965@yandex.ru

@2 ekat.climova@yandex.ru

Аннотация: В статье даётся анализ состояния финансово-хозяйственной деятельности Кемеровского благочиния Новосибирской и Барнаульской епархии РПЦ в условиях противоречивой политики правительства, когда Русская Православная Церковь хоть и получила легальный статус в СССР, но продолжала подвергаться ограничениям и гонениям. На основе архивных документов, прежде всего бухгалтерских учетов и отчетов благочиния, рассматриваются основные источники поступлений и расходов денежных средств православных общин Кемеровской области. При применении системного и комплексного подхода в исследовании факторов оказавших существенное влияние на деятельность РПЦ, авторами был сделан вывод о достаточной стабильности финансового положения православных приходов Кемеровской области в 1945 – 1965 гг. На протяжении двух десятилетий православные приходы, в условиях антирелигиозной пропаганды, находились на самофинансировании, продолжали обладать существенным материальным имуществом, осуществляли отчисления религиозным центрам и отчисления в общественные фонды.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, финансово-хозяйственная деятельность, обряд крещения, приходская реформа, направления антицерковной советской политики, Кемеровская область.

Для цитирования: Горбатов А. В., Климова Е. С. Финансово-хозяйственная деятельность Кемеровского благочиния Новосибирской и Барнаульской епархии в 1945 – 1965 годы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 22 – 26.

Общеизвестно, что сферой наибольшего распространения деятельности Русской Православной церкви (далее РПЦ) является духовно-нравственная сфера жизни общества. В то же время Церковь как институт представляет собой самоуправляемую общественную организацию, обладающей многовековой практикой ведения хозяйственной деятельности. Долгое время экономическая деятельность церкви практически была закрыта от общества. В связи с этим назрела необходимость в комплексном исследовании исторического опыта хозяйственно-экономической деятельности РПЦ в советские годы, в том числе в Кемеровской области.

В результате улучшения государственно-церковных отношений в послевоенный период РПЦ за довольно короткий срок значительно укрепила свое влияние среди верующих, подготовила кадры священнослужителей и существенно улучшила свое материальное положение. В 1944 – 1947 гг. идет быстрый процесс восстановления православных приходов [7, с. 31 – 32]. Постановление СНК СССР (22.08.1945) зафиксировало право Церкви как юридического лица на владение и управление церковным имуществом: приобретение транспортных средств, производство церковной утвари и предметов религиозного культа, продажу этих предметов общинам верующих, аренду, строительство и покупку в собственность домов для церковных надобностей [1, оп. 1, д. 2, л. 155 – 158].

С выходом постановления по всей стране началось строительство новых молитвенных домов и церквей, проводятся капитальные и строительно-ремонтные работы. Как правило, здания приобретались на личные средства православной общины. Согласно отчетам уполномоченного Совета по делам

РПЦ при СНК (СМ) СССР Кемеровской области (далее уполномоченный) в г. Сталинске группе верующих возвращение деревянной церкви было оценено в 153 тыс. руб. [1, оп. 1, д. 637, л. 26]. В г. Белово за деревянное здание часовни верующие внесли на счёт колхоза 1912 руб. [1, оп. 1, д. 14, л. 116 – 123]. В 1946 г. в Гурьевске жилой деревянный дом был приобретен верующими за 40000 руб. [1, оп. 1, д. 28, л. 37, 39 – 40]. Настоятели действующих храмов обращали особое внимание на их внешний вид, стремились обеспечить в них порядок. В 1953 г. капитальный ремонт на сумму 551733 руб. был произведен в 9 приходах Кемеровского благочиния. В Сталинске, Тайге, Ленинске-Кузнецком, Осинниках, Белове были приобретены причтовые дома на сумму 131183 руб. [1, оп. 1, д. 29, л. 230].

На попечении церковного совета находилось всё приходское хозяйство – содержание, ремонт, освещение и отопление храма, снабжение его богослужебными утварью и книгами, нательными крестиками, ладаном и др. Церковный совет распоряжался средствами прихода, вел их учёт, делал отчисления в Патриархию и епархиальное управление. Настоятель возглавлял приходскую общину и ее церковный совет, он являлся управляющим прихода и его духовным руководителем.

Статистические данные о доходах РПЦ на территории области выглядели следующим образом (таблица).

Наибольший годовой доход имели городские церкви: Знаменская в г. Кемерово, Михайло-Архангельская в г. Сталинске, Покровская в г. Прокопьевске, Покровская в г. Ленинске-Кузнецком. Наименьший годовой доход имели сельские церкви

Вознесенская с. Верхотомское и Пантелеймоновская с. Кузнецкое, что было связано с малочисленностью верующих. В 1953 г. доход Знаменской церкви г. Кемерово в 33 раза превышал доход Вознесенского храма с. Верхотомское. Благочинный Кемеровской области К. Лукин также отмечал недостаточное обеспечение сельских храмов и священников [1, оп. 1, д. 29, л. 186, 222 – 223].

Таблица. Доходы общины РПЦ Кемеровского благочинного округа (1951 – 1969 гг.)

Table. The incomes of the parish of the Kemerovo Deanery of the Russian Orthodox Church (1951 – 1969)

Год	Тыс. руб.	Исходные архивов
1951	3186000	ГАКО ф. 964, оп. 2, д. 2, л. 13
1952	3224000	ГАКО ф. 964, оп. 1, д. 29, л. 224
1953	3280000	ГАКО ф. 964, оп. 1, д. 29, л. 222
1954	3559000	ГАКО ф. 964, оп. 1, д. 29, л. 209
1955	3898000	ГАКО ф. 964, оп. 1, д. 29, л. 199
1956	4188275	ГАКО ф. 964, оп. 1, д. 29, л. 183
1957	4794090	ГАКО ф. 964, оп. 1, д. 29, л. 181
1958	5918920	ГАКО ф. 964, оп. 1, д. 29, л. 180
1959	5111116	ГАКО ф. 75, оп. 9, д. 25, л. 33
1960	4537971	ГАКО ф. 75, оп. 9, д. 25, л. 33
1961	439483	ГАКО ф. 90, оп. 1, д. 119, л. 45
1962	452900	ГАКО ф. 75, оп. 10, д. 112, л. 21
1963	517100	ГАКО ф. 75, оп. 10, д. 112, л. 21
1964	489000	ГАКО ф. 75, оп. 10, д. 112, л. 21
1965	551500	ГАКО ф. 75, оп. 10, д. 112, л. 21
1966	573800	ГАКО ф. 75, оп. 10, д. 251, л. 61

В качестве источников получения прибыли православных общин выступали добровольные пожертвования, вознаграждения за совершение религиозных треб и церковная торговля. В крупных городах Кузбасса, таких как Кемерово, Сталинск, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, посещаемость православных церквей росла, а ежедневные службы, священнодействия и требы, совершаемые в храме, приносили достаточно стабильные доходы.

Важным источником дохода церкви служит таинство крещения – один из самых важных обрядов в жизни верующего, означающий приобщение к церкви. В 1946 г. уполномоченный отмечал массовое крещение детей школьного и дошкольного возраста. В Троицком молитвенном доме в г. Гурьевске в день крестили до 10 детей. За второе полугодие 1946 г. в Кемеровском благочинии было совершено 6752 крещения, 1668 отпеваний и 154 венчания. В 1957 г. только в двух церквях г. Кемерово было совершено более 6 тыс. крещений. В 1958 г. в Кузбассе крестили каждого пятого родившегося младенца, каждого третьего покойника отпевали в церкви. Уполномоченный в своих отчетах отмечал, что официальные данные, на его взгляд, занижены, крестят значительно больше [6, с. 188 – 189].

Доходы Кемеровского благочиния в советское время складывались также посредством получения от продажи предметов религиозного назначения: свечи,

крестики, просфоры, ладан, венчики и др. В 1953 г. доходная часть бюджета благочиния на 66 % состояла из средств, полученных от продажи свечей.

Храмы закупали свечи на епархиальном складе. В 1953 г. Кемеровским благочинием было затрачено на их приобретение 319943 руб. [1, оп. 1, д. 29, л. 233]. Некоторые приходы, чтобы избежать уплаты епархиальной наценки на поставляемый товар, стремились наладить собственные контакты с производителями или распространителями свечей. Так, например, согласно данным уполномоченного С. Амброзюка, гражданин Б. привез из Алма-Аты для церкви в Новокузнецке на 15 тыс. руб. церковной утвари, которая была с выгодой реализована на сумму 25000 руб. [2, оп. 4, д. 58, с. 65].

Зачастую уполномоченному и благочинному поступали жалобы от представителей церковного совета, верующих, настоятелей на нечестное распределение, использования денежных средств и имущества общины. Так, в г. Гурьевск зафиксирована жалоба на церковного старосту, который устанавливал фиксированные цены за совершение религиозных треб, а также их систематически завышал [1, оп. 1, д. 25, л. 131 – 132]. Совет регулярно и настойчиво напоминал уполномоченным о воспрещении вмешательства во внутренние дела Церкви. Однако, архивные данные показывают, что нередко последнее слово оставалось за уполномоченным, по рекомендации (указанию) которого священников, нарушивших законодательство, правящие архиереи увольняли за штат или переводили в другой приход.

Одной из постоянных статей в структуре доходов церквей являлся тарелочно-кружечный сбор (пожертвования во время богослужений). В Кемеровском благочинии оно формировало приблизительно 8 – 10 % приходского бюджета.

Полученные средства приходы тратили на содержание служителей культа, заработную плату членам исполнительных органов прихода, обслуживающему персоналу, певчим хорам, содержание храма. Исходя из достаточно высоких доходов приходы могли позволить тратить основательные суммы на квартплату членов причта, оплачивать транспортные расходы, оказывать помощь нуждающимся, использовать многочисленный обслуживающий персонал.

Священники, служившие в крупных храмах, как правило, получали высокие оклады. В Анжеро-Судженске оклад настоятеля составлял в 1950 г. 2000 руб. Для сравнения, в 1950 г. среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих в среднем по народному хозяйству составляла 646 руб. [10].

В бедных приходах у священнослужителей оклады были значительно меньше. В Тайге у настоятеля оклад был такой же, как у обслуживающего персонала – 250 руб. [1, оп. 1, д. 29, л. 130]. Схожие тенденции наблюдались в других регионах Сибири [4, оп. 1, д. 309, л. 59; 3, оп. 1, д. 112, л. 1 – 5].

К 1961 г. в благочинии общее количество церковного обслуживающего персонала, работающего за вознаграждение, составило 232 человека – это регенты, хористы, старосты, казначеи, счетоводы, завхозы, сторожа, просфорницы, уборщицы, истопники, элек-

трики, чтецы. В православных храмах кроме оплачиваемого персонала присутствовали 10 человек, выполнявшие свою работу безвозмездно [1, оп. 1, д. 40, л. 164].

В 1948 г. Синод учредил Пенсионный комитет для обеспечения жизнедеятельности духовенства и церковных работников, которых выводили за штат по старости и болезни. Его фонд формировался из пенсионных отчислений епархий. Пенсионные выплаты заштатному духовенству были небольшими и напрямую зависели от взносов служителей культа и православных организаций. В 1956 г. в пенсионный фонд поступило 33750 руб., что составляло лишь 1 % от всех расходов Кемеровского благочиния [1, оп. 1, д. 29, л. 183].

Если принятые постановления 1940-х гг. дали возможность активизировать религиозную деятельность церкви, с некоторыми отступлениями [5, с. 166 – 170], то уже в конце 1950-х – начале 1960-х гг. органы власти приняли ряд документов, после которых РПЦ вновь оказалась гонимой. Т. А. Чумаченко выделила ряд предпосылок к оформлению новой линии власти по отношению к религиозным организациям.

1. Подавляющее большинство представителей советско-партийного аппарата нормализацию государственно-партийного аппарата восприняло как явление вынужденное, временное, связанное с чрезвычайными обстоятельствами войны;

2. Линию «жесткого» курса оправдывала начавшаяся после XX съезда КПСС борьба против сталинского наследия;

3. В СССР сформировалось общество, в целом индифферентное к судьбе Церкви и верующим.

Новая «политическая война» с религией и духовенством была, таким образом, предопределена и становилась неизбежностью [11, с. 82 – 90].

В октябре 1958 г. СМ СССР принимает постановления: «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды», «О монастырях в СССР», «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей».

Административный натиск в 1950 – 1960-х гг. привел к сокращению храмов Кемеровской области с пятнадцати до одиннадцати. Среди них: Покровская церковь в г. Ленинск-Кузнецкий и Знаменская церковь г. Кемерово считались одними из самых крупных и посещаемых православных общин благочиния. Усилиями уполномоченного произошло слияние приходов Вознесенской церкви с. Верхотомка с приходом Никольской церкви г. Кемерово [1, оп. 9, д. 25, л. 40, д. 155, л. 52]. Основанием для закрытия церквей являлось: наличие поблизости соседней церкви, слабая посещаемость, несоответствие техническим и противопожарным правилам.

В 1961 г. настоятель, согласно принятому новому уставу, отстранялся от контроля над финансовой деятельностью. Протоиерей А. Н. Марченко отмечает: «Лишившись возможности управлять и контролировать жизнь прихода, духовенство более не могло принимать полноценное участие в приходской деятельности, кроме богослужебной, поэтому закономерно

теряло прежний авторитет и влияние на свою паству» [8, с. 49].

С 1963 г. духовенство было переведено на твердые оклады с ежемесячной оплатой от 50 до 400 руб. вне зависимости от количества исполнения религиозных треб. Перевод духовенства на твердые оклады преследовал несколько целей: дальнейшее ограничение материальной базы духовенства и Церкви, снижение религиозной активности, уменьшение количества совершаемых религиозных обрядов, установление контроля над финансово-хозяйственной деятельностью церковных организаций, сокращение количества религиозных организаций и церквей. Одновременно вводилась квитанционная система учета религиозных треб.

Дополнительные денежные средства, согласно рекомендациям Совета по делам РПЦ, переводились в Фонд мира. В 1963 г. Кемеровским благочинием было внесено 149600 руб. в Фонд мира, что составило 38 % от общего дохода. Однако не все приходы спешили отдавать полученные средства государству. К примеру, в 1969 г. только 3 из 11 существующих церквей в конце полугодия внесли свои отчисления в Фонд мира [1, оп. 6, д. 221, л. 36].

Вновь вводились отменённый в 1945 г. налог со строений и земельная рента, повышался налог с продажи свечей. В 20 раз – с 15 до 200 руб. за килограмм – увеличилась отпускная цена на свечи.

В Кемеровской области доход от продажи свечей по сравнению с соседними регионами Сибири устойчиво продолжал увеличиваться. Незначительное уменьшение выручки наблюдалось лишь в 1963 г. и составила 286820 руб. 97 коп. Произошло снижение дохода от продажи просфор на 2913 руб. 95 коп., венчиков и молитвенников – на 3950 руб. 20 коп., крестиков – на 4643 руб. 69 коп. Главный бухгалтер Кемеровского благочиния В. П. Сретенский связывал снижение дохода с уменьшением посещаемости церквей, ограничением продажи или отсутствием муки, крестиков, отпусками и болезнями священников, хищением исповедальных свечей и кружек. И тем не менее валовый доход в 1963 г. Кемеровского благочиния превысил доход предыдущего года за счёт увеличения выручки за совершение треб. В течение года было проведено 7223 обряда крещения, 88 венчаний, 232 отпевания. В последующие годы посещаемость приходов, а также доход от совершения треб начинает незначительно уменьшаться [1, оп. 1, д. 29, л. 151 – 152, 170].

Таким образом, финансово-хозяйственная компонента имеет достаточно большое значение для функционирования храмов. Благодаря этой сфере становятся возможными ремонтные работы, благоустройство молитвенных зданий, содержание причта, миссионерская деятельность и прочее расходы [9, с. 173].

Официально общая вырученная сумма православного прихода Кемеровской области формировалась из следующих поступлений.

1. Реализация предметов религиозного культа: свечи, нательные кресты, просфоры, ладан, венчики, вино для причащения и др.

2. Тарелочный и кружечный сборы на содержание храма (в ряде приходов наблюдалась вторая кружка – на содержание хора).

3. Добровольные единовременные дары, которые обычно передавались напрямую в церковный Совет.

4. Вознаграждения за совершение каких-либо частных богослужений, христианских таинств Церкви и обрядов, поминальные записки.

Анализ финансово-хозяйственного состояния Кемеровского благочиния позволяет убедиться в том, что в период «возрождения» Церкви, как и во время «хрущевских гонений» 1958 – 1964 гг., доходы и расходы церковных общин увеличивались быстрыми темпами. Это в целом указывает как о рациональном распоряжении приходами денежных средств, так и о достаточно стабильном уровне религиозности населения региона. Конечно, количество прихожан и прибыль приходов были различны, но в целом каждая из

них могла полностью обеспечивать себя церковной утварью, осуществлять ремонтно-реставрационные работы, содержать певчих, выплачивать жалованье священнослужителям, делать взносы в фонд обороны. Вмешательство государства в финансово-хозяйственную деятельность религиозных организаций, а особенно РПЦ, неизменно служила действенным рычагом давления на церковную жизнь. С помощью фискального нажима появлялась возможность постепенно ослаблять материальную базу церкви, тем самым ограничивая ее функционирование. В то же время, с точки зрения авторов статьи, наибольший урон православной церкви со стороны государства нанесли методы, находящиеся вне экономического давления. Это чиновничий произвол, который привел как к ликвидации церквей и молитвенных домов под надуманными предлогами, так и существенному ограничению деятельности общин.

Литература

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р. 964.
2. Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке (ГКУКО). Ф. 1.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-2384.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991.
5. Горбатов А.В. Государственно-церковные отношения в Сибири (1949 – 1952 гг.) // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 3. С. 166 – 170.
6. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг.: монография. Томск, 2008. 406 с.
7. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2009. 50 с.
8. Марченко А. Н. Архиепископ Пермский и Соликамский Леонид (Поляков) – участник движения за отмену «приходской реформы» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. (Серия 2: История). История Русской Православной Церкви. 2011. № 2. С. 48 – 62.
9. Маслова И. А. Финансово-хозяйственная деятельность Русской православной церкви на Среднем Урале в 1944 – 1988 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014.
10. Советская жизнь, 1945 – 1953 гг. / сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова, А. И. Минюк. М.: РОССПЭН, 2003. 720 с.
11. Чумаченко Т. А. Государство и Русская Православная Церковь в 1958 – 1960 годах: новая политическая война с религией, церковью и верующими // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 19. С. 82 – 90.

Информация об авторах:

Горбатов Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории цивилизации и социокультурных процессов, факультет истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, gorbn1965@yandex.ru.

Климова Екатерина Сергеевна – соискатель кафедры истории цивилизации и социокультурных процессов факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, ekat.climova@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 23.03.2016 г, принята к печати 20.06.2016 г.

FINANCIAL AND ECONOMIC ACTIVITIES OF THE KEMEROVO DEANERY OF THE DIOCESE OF NOVOSIBIRSK AND BARNAUL IN 1945-1965

Gorbatov Aleksei V.^{1, @1}, Klimova Ekaterina^{S.I., @2}

¹ Kemerovo State University

@1 gorn1965@yandex.ru

@2 ekat.climova@yandex.ru

Abstract: The paper presents the analysis of the financial and economic activity of the Kemerovo Deanery of the Russian Orthodox Church Diocese of Novosibirsk and Barnaul under a controversial government policy when the Russian Orthodox Church continued to be subject to restrictions and harassment even after receiving a legal status in the USSR. On the basis of archival documents, especially accounting and deanery reports, the authors examine the main sources of income and expenditures of the Orthodox community of Kemerovo Region. Upon the application of a systematic and comprehensive approach in the study of the factors that had a significant impact on the activities of the Russian Orthodox Church, the authors conclude that there was sufficient stability in the financial situation of the Orthodox parishes in Kemerovo Region in 1945 – 1965. For two decades, in terms of anti-religious propaganda, the Orthodox parishes were self-funded, continued to have significant tangible property, carried out religious centers deductions and contributions to public funds.

Keywords: Russian Orthodox Church, financial and economic activity, rite of baptism, parish reform, directions of anti-Soviet policy, Kemerovo Region.

For citation: Gorbatov A. V., Klimova E. S. Financial and economic activities of the Kemerovo Deanery of the Diocese of Novosibirsk and Barnaul in 1945 – 1965. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 22 – 26.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia (GAKK)* [The state archive of the Krasnoyarsk territory]. Found P-2384.
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti (GAKO)* [The state archive of the Kemerovo region]. Found P-964.
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi federatsii (GARF)* [State archive of the Russian Federation]. Found P-6991.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti v g. Novokuznetske (GKUKO)* [State archive of the Kemerovo region Novokuznetsk]. Found P-1.
5. Gorbatov A. V. *Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v Sibiri (1949 – 1952 gg.)* [State-Church relations in Siberia (1949 – 1952)]. *Izvestiya Tomskogo politehnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 310, no. 3 (2007): 166 – 170.
6. Gorbatov A. V. *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940-e – 1960-e gg.* [The State and religious organizations in Siberia in the 1940 – 1960]. Tomsk, 2008, 406.
7. Gorbatov A. V. *Gosudarstvo i religioznye organizatsii Sibiri v 1940-e – 1960-e gg.* Avtoref. diss. d-ra ist. nauk [The State and religious organizations in Siberia in the 1940 – 1960. Dr. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Tomsk, 2009, 50.
8. Marchenko A. N. Arkhiepiskop Permskii i Solikamskii Leonid (Poliakov) – uchastnik dvizheniia za otmenu «prikhodskoi reformy» [The Archbishop of Perm and Solikamsk, Leonid (Polyakov) is a member of the movement for the abolition of «the Minister's reform»]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi – Herald of Orthodox St. Tikhon humanitarian University. Series 2: History. The History Of The Russian Orthodox Church*, no. 2 (2011): 48 – 62.
9. Maslova I. A. *Finansovo-khoziaistvennaia deiatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi na Srednem Urale v 1944 – 1988 gg.* Diss. kand. ist. nauk [Financial and economic activity of the Russian Orthodox Church in the middle Urals in 1944 – 1988. Cand. hist. Sci. Diss.]. Ekaterinburg, 2014, 173.
10. *Sovetskaia zhizn', 1945 – 1953 gg.* [Soviet life, 1945 – 1953]. Comp. Zubkova E. Yu., Kosheleva L. P., Kuznetsova G. A., Minyuk A. I. Moscow: ROSSPEN, 2003, 720.
11. Chumachenko T. A. *Gosudarstvo i Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v 1958 – 1960 godakh: novaia politicheskaiia voina s religiei, tserkov'iu i veruiushchimi* [The State and the Russian Orthodox Church in 1958 – 1960: a new political war with religion, the Church and the faithful]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk state University*, no. 19 (2014): 82 – 90.

Received 23.03.2016, accepted 20.06.2016.

УДК 929:81'276

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕЕ. В. Евпак^{1, 2, @}¹ Кемеровский государственный университет² Университет им. Константина Философа в г. Нитра, Словакия

@jevpak.72@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы культурной и языковой адаптации русских переселенцев в зарубежье. Эта статья отражает определённый этап большого исследовательского проекта, находящегося в сфере интересов научной школы «Социально-когнитивное функционирование русского языка», руководителем которой является Н. Д. Голев. В статье верифицируются авторские наблюдения о культурной и языковой адаптации русских переселенцев в зарубежье в разные исторические периоды. В основу положены факты, собранные автором в странах русского «расселения», а также материалы из архивов, в том числе домашних, и библиотек России, Словакии и Чешской Республики.

Ключевые слова: переселенцы, эмиграция, русский язык, эмигрантология, лингвоперсонология.

Для цитирования: Евпак Е. В. Особенности культурной и языковой адаптации русских переселенцев: прошлое и настоящее // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 27 – 31.

Со стороны научного сообщества не прекращается интерес к вопросам культурной и языковой адаптации русских переселенцев в разные периоды истории. Несмотря на имеющийся корпус открытий и научных обзоров в эмигрантологии, в лингвистической отрасли появляются новые ракурсы в изучении русского языкового пространства вне естественной метрополии. Как уже было отмечено, эта статья отражает определённый этап большого исследовательского проекта, находящегося в сфере интересов научной школы «Социально-когнитивное функционирование русского языка». Руководитель данного научного направления Н. Д. Голев является инициатором создания нового направления в лингвистике – лингвоперсонологии. Лингвоперсонология – это самостоятельный лингвистический область, выделяемая в рамках антропоцентрической парадигмы современной науки о языке, объектом внимания которой является персонотекст (субъект во всех его ментально-коммуникативных проявлениях). Методология лингвоперсонологии находит применение в описании личностного коммуникативного пространства русских переселенцев, в создании типологии языковых личностей переселенцев на основе изучения их устных и письменных текстов. Актуальным представляется портретирование переселенцев как языковых личностей с учётом особенностей межязыкового контактирования с подключением к языковой ситуации ментального компонента. По словам Н. Д. Голева, ментально-языковая ситуация включает в себя не только внешние объективные характеристики ситуации, но её отражение в языковом и метаязыковом сознании носителей контактирующих языков, их оценки языков и ситуаций контактирования [2, с. 63 – 64]. Порефлексируем над проблемой.

Колонии русских переселенцев можно встретить по всему миру. История переселения наших соотечественников, в результате чего за границей складывается русская диаспора, насчитывает несколько столетий, если учитывать вынужденное бегство за рубеж политических деятелей ещё в период средневековья и раннего нового времени. В «петровскую» эпоху к по-

литическим мотивам отъезда за рубеж добавились религиозные. Процесс же экономических миграций, столь характерный для стран Центральной и Западной Европы, практически не затрагивал Россию до второй половины XIX в. От XVI – XVIII вв. до нас дошли сведения о русских переселенцах в дальние земли, в том числе в Америку, Китай, Африку, но подобные эмиграции были весьма незначительными по численности, вызывались зачастую не просто и не только экономическими причинами: одни чувствовали «зов дальних морей», другие бежали от злосчастия, ища на чужбине покоя или успехов [5, с. 141 – 148]. В конце XVIII в. русские переселенцы появились и в более близких европейских странах. Русские колонии в Европе возникали в курортных местах (на Ривьере, в Ницце, Баден-Бадене, Висбадене, Сан-Ремо, Лидо и др.) и становились местами продолжительного проживания семей русской аристократии и иных состоятельных эмигрантов. В Галле, Марбурге, Иене, Лондоне, Цюрихе, Лейпциге, а также во многих университетских городах Франции обучались десятки молодых русских дворян. Именно потому сюда же устремились представители последующих волн эмиграции (после 1825 г., 1863 – 1864 гг.; также после убийства Александра II; после 1917 г.) Главным центром русской эмиграции стал Париж. В определённые периоды истории Франция даже была первым эмигрантским государством по количественному составу наших переселенцев (вторая четверть XIX в.; после 1917 г.). Как отмечает В. Н. Бурлак, знакомство русских с Францией началось ещё в 1054 г., когда французский король Генрих I задумал жениться на русской княжне Анне Ярославне, будущей королеве, которая оставила на века память о своей жизни во Франции. Настоящее познание русскими Парижа началось в 1717 г., когда Пётр I подписал верительные грамоты первого русского посла во Франции. Во времена Петра I французский язык ещё не был так популярен в России, как в правление Екатерины II в XIX в. Но многие французские слова уже распространились в Российской империи: батальон, гарнизон, марш, па-

роль, бастион, калибр, мортира и т. д. В Петровском Морском уставе дано определение: «Флот есть слово французское. Сим словом разумеется множество судов водных вместе идущих, или стоящих, как воинских, так и купецких» [1, с. 11]. Французский язык оказал большое влияние на русский язык. Через французский языковой «фильтр» в русский язык проникло немалое количество европейских заимствований. В дореволюционной России практически каждый образованный человек владел французским языком. Более того, владение французским языком считалось хорошим тоном, а в эмиграции – необходимым условием «русскости»; помогало скорее адаптироваться в чужой стране. Красноречиво об этом свидетельствуют строки из семейной летописи О. Сидельниковой-Вербицкой: «Вера понимала, что прежняя жизнь ушла навсегда, надо смириться со всеми выпавшими на долю трудностями, и – главное – с одиночеством. Она занялась поисками работы, и сразу нашла несколько уроков музыки и французского языка в многочисленных, продолжавших прибывать, русских семьях» [7, с. 379 – 380]. Изобилует галлицизмами естественная письменная речь наших соотечественников, представленная в эпистолярном наследии 50-х гг. XX в., а также в более поздний период [3]. Таким образом не будет преувеличением, как нам кажется, подумать, что французский язык для русских эмигрантов стал вторым «родным» языком. Однако не стоит забывать, что период наиболее массового переселения наших соотечественников во Францию был представлен разными судьбами. Главной задачей было сохранить и передать своим потомкам великий русский язык дореволюционной эпохи. Обращает на себя внимание следующая заметка: «Раннее детство было русским, до школы Юра не знал французского языка и каждое воскресенье бывал с родителями в русской православной церкви. Они шли пешком по холмистым медонским улицам в Клямар. При маленькой деревянной церкви Константина и Елены была устроена для детей «четверговая» школа. Занятия по русскому языку, праздники Рождества, Пасхи, исповеди у священника, перед которыми Юра волновался и плакал, всё это создавало особенность характера, типичную почти для всех детей первой, – белой эмиграции. У них, рождённых на чужбине, ощущение сиротства, оторванности было острее, чем у родителей. Настоящими эмигрантами были именно они, – никогда не видавшие Родины» [7, с. 407]. Иная коммуникативная среда сложилась в славянских странах. Как проходила культурная и языковая адаптация наших соотечественников, мы рассмотрим на примере Чехословакии в 1919 – 1928 гг. Большая часть эмигрантов была сосредоточена в столице. Чехословацкая Прага была в течение нескольких лет «кузницей кадров» для «будущей» России. Молодая Чехословацкая Республика была единственной страной в мире, которая столь целеустремлённо и последовательно формировала «свою» эмиграцию. Чехословакия не только и не столько ограничивала доступ эмигрантам, отсеивая нежелательных, как это делали многие страны, но и приглашала желательных лиц. В Чехословакии они составляли четвертую часть всей русской колонии. Эта особенность «русской Праги» восходит к перспективно задуманной и настойчиво осуществляемой русской по-

литике Т. Г. Масарика, который относился к современной ему России весьма критически, однако высоко ценил её духовный и экономический потенциал, учитывая геополитическое положение Чехословакии, и роль России как гаранта независимого существования Чехословакии, которая была новым образованием на политической карте Европы Нового времени. У неё было много врагов, и внутренних (в частности, немецкое и венгерское меньшинства), и внешних, и мало заинтересованных и знающих защитников. Поэтому Чехословакия, по мнению Масарика, нуждалась в гарантиях и с Востока, и с Запада [6, с. 49 – 50]. Чехословацкая Прага была задумана как крупный академический центр русских эмигрантов (русский «Оксфорд»). Многие русские эмигранты окончили здесь учебные заведения. Их привлекала родственность славянских языков, доброжелательное отношение властей и местного населения в первые годы «русской акции», возможность получить среднее и высшее образование. Как пишет А. В. Чумаков, вице-председатель Союза российских соотечественников в Словакии, среди тех, кто оказался за границей, было немало молодых людей, ушедших на фронт добровольцами, когда им не было и семнадцати лет. Случалось, что из южных регионов России выезжали целые гимназии и военные училища с профессорским составом. Им предоставляли принят братские православные государства – Болгария, Румыния и Сербия. Там молодые люди из России могли окончить прерванное войной обучение, подлечить раны, полученные в боях. Получив там среднее образование, большинство из них приехало в Чехословакию. В то время в Праге открыли пять русских факультетов, где преподавали исключительно русские профессора, светила российской академической науки: Францев, Новгородцев, Н. О. Лосский, Лошаков, Спекторский, О. С. Булгаков, Кизеветтер, Вернадский, Гримм, Тимашев, Брунст, Чупров, Гурвич, Циммерман, Флоровский, П. Савицкий и др. В рамках проводимой тогда «Русской акции помощи» по предложению президента Чехословакии Т. Г. Масарика был создан специальный фонд («Фонд Масарика»). По всей вероятности, в этот фонд вошла часть средств из царской казны, захваченной чехословацкими legionерами в Казани, часть которой была вывезена через Сибирь, а также средства, выделенные чехословацким правительством, включая пожертвования частных лиц. Большую поддержку русским в Чехословакии оказывал в то время русофил премьер-министр К. Крамарж. Он был женат на москвичке, урождённой Н. Н. Хлудовой. Из «Фонда Масарика» выплачивалось жалованье профессуре, стипендии и пособия студентам [9, с. 17]. Влиятельные лица в эмигрантских и чехословацких политических кругах вынашивали всевозможные планы по развитию русской академической Праги. В то время не только чехословацкие представители, но и сами эмигранты исходили из общепринятого предположения, что советская власть в России долго не продержится, а новой, либеральной и демократической России будут нужны образованные, прогрессивные кадры. По словам известного социолога, потомка русских эмигрантов И. П. Савицкого, программа академического центра в Праге была уникальной в своём роде – «она требовала отказа одновременно и от чисто

эмигрантских, и от иммигрантских установок. Она требовала, чтобы профессора и студенты вели себя в совершенно ненормальных условиях совершенно нормально: профессора, как в заграничной научной командировке, студенты, как заканчивающие образование за границей» [6, с. 68]. Но в эмиграции данная установка не действовала. Не представлялось возможным чувствовать и ощущать себя в инородной среде как дома. Достаточно обратить внимание на одно чрезвычайно важное препятствие, которое затем пришлось преодолевать всем русским высшим учебным заведениям в Праге. Обнаружилось, что уже в самом начале деятельности Русского института сельскохозяйственной кооперации наблюдалось полное отсутствие учебных пособий на русском языке. Только в 1922 г. профессору Брунсту пришлось издать солидное по размерам пособие по животноводству в 325 страниц, а также в литографированном виде 175 страниц лекций и конспектов по животноводству и земледелию. Все преподаватели должны были начинать с составления пособий и конспектов для слушателей. Кроме того, нельзя было сослаться на свой печатный опыт, в том числе на другие работы, так как их просто не было ни в библиотеках, ни на рынке. Сложной оставалась ситуация с адаптацией слушателей из числа наших соотечественников. Анализ результатов учёбы старшеклассников в гимназии в Моравской Тржебове показал, что они не готовы воспринимать новый материал, в связи с чем приходилось всё начинать с азов. Особая ситуация наблюдалась при непосредственном взаимодействии близкородственных языков во время пассивной или активной коммуникации их носителей. В русской эмигрантской колонии, в Праге, стал притчей во языцех крик носильщиков на вокзале. Всех прибывающих встречали возгласы «Позор!». Но оправившись от первого испуга и узнав, что это значит «осторожно», эмигранты начинали лопотать по-чешки и без особого труда договаривались на улице и в лавках, так как чехи часто заявляли, что русский понимают. Русские думали, что они говорят по-чешки, а чехи, что они говорят по-русски. Историк С. Г. Пушкарёв даже составил длинный список таких слов под заглавием «Словарь русско-чешских недоразумений». В своих мемуарах Н. Е. Андреев также припоминал, как ему по прибытии в Прагу бросились в глаза удивительные с точки зрения носителя русского языка вывески «Горьки млеко», «Черстви хлеб» [4, с. 274 – 275]. Надо сказать, что «ложные друзья переводчика» удивляли всех без исключения русских, которые вне зависимости от времени оказывались в Чехословакии (Чешской Республике). Закономерно, что столкновение с чешским языком вызывало немало трудностей среди эмигрантов. Среди эмигрантов бытовало мнение, что сходство двух славянских языков настолько очевидно, что перевод вообще не нужен. Не случайно в 1930-х гг. К. Д. Балмонт сетовал, что «славяне мало изучают язык, историю и творчество братских славянских народов». О своей чешской проблеме писал В. М. Ходасевич: «чешский язык для меня труден, так как надо лавировать между русским и польским. Знающему только один из этих языков научиться чешскому легче. Всего же легче не знать совсем никакого языка» [4, с. 274]. Языковой барьер был кам-

нем преткновения в образовательной среде как для русских, которые учились на чешских факультетах, так и для чехов, изучающих русские дисциплины. Так, на русские лекции академика Кондакова в Карловом университете сначала записалось немало чешских студентов, но они быстро отсеялись. Не помог и переход на французский. Единственный в те годы «общеславянский язык» немецкий (немецкий язык был распространён в Чешской и Моравской областях Чехословакии – авторск.) находился в опале по политическим соображениям. Для чешских студентов невозможность слушать Кондакова была неприятностью, но не более того. Для русских студентов в чешских вузах непонимание учителей было катастрофой, особенно если будущая специальность была напрямую связана с языком. Однако ситуация постепенно налаживалась. В учебных заведениях стали вводить курсы по изучению русского и чешского языков. Некоторые наши соотечественники начинали понимать, что знание чешского языка и культуры было необходимым условием выживания в иноязычной среде, особенно в последующие 30-е годы «великой депрессии», когда русские эмигранты находились на грани выживания. Большая часть русских эмигрантов всё же оставалась за бортом чешской цивилизации, однако сохраняя свой родной русский язык, надеясь на скорое возвращение в «потерянный рай». Социальная замкнутость, ностальгические настроения были основным лейтмотивом первой волны эмиграции; лишь в более позднее время началась культурная и языковая ассимиляция, прежние ностальгические мотивы остались в мемуарах родителей-переселенцев, а потомки, рожденные вне естественной метрополии, впитывали в себя новую культуру, создавали смешанные браки, на которые в первые годы лихолетья в диаспоре распространялось табу. Как отмечает в своём исследовании З. Сладек, русские эмигранты жили исключительно своими интересами. О благодарности за помощь со стороны чехословацкого правительства не могло быть и речи, т. к. они считали, что «русская акция» содержалась на русское царское золото; не было взаимопонимания и в культурных реалиях, например, чехи не принимали русское чаепитие за самоваром, а русских не устраивал чешский ритм жизни. К тому же в учёной среде часто возникали методологические споры между русскими и чешскими преподавателями. Русские эмигранты отличались от своих чешских собеседников по цеху чрезмерным высокомерием. «Ситуация доходила даже до того, что ни один русский студент не сподобился завести серьёзные отношения с чешкой» [10, с. 331]. Стоит также упомянуть и о младшей поросли наших соотечественников, которым пришлось учиться в средних учебных заведениях исключительно на чешском языке. Их положение улучшилось только после переезда Русской школы и гимназии из Константинополя в г. Моравска Тржебова. Учебное заведение в Константинополе посещали прежде всего дети-сироты, потерявшие во время гражданской войны своих близких. После прибытия константинопольской школы в Чехословакию к ним постепенно присоединялись дети, приехавшие сюда с родителями, а также те, кто здесь уже родился. Дети и молодые люди в Моравска Тржебова жили в общежитии, ходили в форме, как это было принято в России, и

все предметы велись на русском языке, в целях культурной интеграции преподавался также чешский язык.

В корне отличалась языковая ситуация и коммуникативная адаптация наших переселенцев-эмигрантов на востоке страны, в Словакии. Русские переселенцы здесь проживали преимущественно в Прешовской и Кошицкой областях Словакии. Мало здесь было и образовательных учреждений. Немногочисленные русские студенты посещали словацкие факультеты – прежде всего юридический и медицинский, преподавание на которых велось на чешском и на словацком языках, русский язык здесь был редким явлением. Русских детей и подростков практически до второй половины 20-х гг. здесь не было. Однако в Прешовской части Словакии (Пряшевская Русь) проживало более 150 русинов, которые сразу после образования Чехословацкой Республики потребовали открытия русских школ. Такие учебные заведения существовали, но на территории Подкарпатской Руси, где первая русская гимназия была учреждена в 1863 г. Открытию русских школ в Словакии способствовал и приезд представителей русской эмиграции. Первая русская гимназия была открыта в 1936 г. в Прешове. Преподавание здесь велось на русском и на русинском языках. В 1953 г. власти закрыли все русские школы. Учащимся было предложено перейти в учебные заведения, где преподавание велось на украинском языке. Подавляющее большинство учащихся школ от этого отказалось и поступило в школы со словацким языком. Надо сказать, что в речевой практике русские молодые люди испытывали довольно много коммуникативных преград, например, сильную интерференцию как результат контактирующих славянских наречий, особенно если они уже в некоторой степени владели чешским, или были знакомы с другими славянскими языками и наречиями. К тому же языковая ситуация в Словакии была представлена длинным списком славянских и не славянских языков и наречий, что также прямо или косвенно влияло на коммуникативную ситуацию в регионе.

Интересными представляются наблюдения за языковой адаптацией у потомков русских переселенцев в исследовании А. А. Хисамутдинова, на примере воспитания русских детей в США. Надо сказать, что часть русских переселенцев в самом начале Второй мировой войны из-за соображений безопасности переехала на американский континент. В отношении к родному русскому языку было несколько путей воспитания русских детей в США. Наиболее характерный, первый, предусматривал воспитание ребёнка в свободном режиме, но дома все говорили по-русски, соблюдали российские обычаи, и родители регулярно ходили в церковь. В этом случае дети воспринимали язык родителей, кото-

рый органично уживался с английским языком, подчеркнутым на американской улице. Увы, здесь не всё было просто: пользуясь предоставленной свободой, дети часто теряли контакт с родителями, а в общении со сверстниками стеснялись разговоров по-русски. Приверженцы второго пути рассуждали: я – русский эмигрант и несчастный человек, потерявший родину. Чтобы мои дети не были несчастными, их нужно воспитать в американском духе. В таких семьях говорили только по-английски. Однако среди русских иммигрантов лишь немногие могли говорить по-английски свободно, для остальных был характерен ломаный язык с сильным акцентом и множеством речевых ошибок, и дети, вырастая, чувствовали внутреннее противоречие родителей, что также приводило к утрате духовной связи с ними. Был и третий путь – русская семья должна воспитать ребёнка в своём духе, передать ему все те духовные ценности, которыми она обладает. А когда у ребёнка создан прочный моральный фундамент, не препятствовать его восприятию иностранной культуры [8, с. 111 – 112].

Говоря о новом времени, отметим лишь то обстоятельство, что «новые» переселенцы, находящиеся длительное время в зарубежье, так же как и их предшественники, в повседневности сталкиваются с разными обстоятельствами и ситуациями, но в других формах, более мягких. Им также присуще чувство одиночества, ностальгии по родине, близким; на их пути встречаются коммуникативные неудачи, у многих нет возможности вернуться назад по самым разным, прежде всего, личным мотивам; они учатся выживать в иноязычной среде, используя технические и личностные ресурсы. Их русский язык можно рассматривать как особый эмигрантский феномен с рефлексамми языка (языков) страны проживания, а также со стороны «новояза» бывших наших соотечественников по СССР при их непосредственном участии, или посредством их соцсетей и разноликих СМИ на так называемом русском языке. Самое интересное, что «новояз» отрицательно влияет на освоение русского языка как иностранного, ведь иностранцы, изучающие РКИ слышат вовсе не образцовую русскую литературную речь, или узус, а впитывают языковое образование вроде украинского суржика или белорусской тряснянки.

Представленные в этой статье наблюдения показывают неоднозначность и многогранность исследуемой проблематики. Вместе с тем подключение новых методологических приёмов к изучению эмигрантского дискурса в русле идеологии научной школы Н. Д. Голева позволяет приблизиться к «другим берегам» русского зарубежья.

Литература

1. Бурлак В. Н. Русский Париж. М.: Вече, 2008. 416 с.
2. Голев Н. Д. Лингвоперсонологическое измерение речи русских переселенцев в зарубежье (методологические заметки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4(64) Т. 4. С. 62 – 65.
3. «Если чудо вообще возможно за границей...» Эпоха 1950-х в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., пред. и прим. О. А. Коростелева. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Русский путь, 2008. 816 с.
4. Ковалёв М. Эмиграция и лингвистическая травма: русская диаспора в Праге в 1920 – 1930-е гг. // Slované jazyky a literatury: hledání identity. Červený Kostelec – Praha, 2009. S. 273 – 281.
5. Пушкарёва Н. Л. Русские за рубежом / Русские. Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М.: Наука, 2005. 828 с.

6. Сидельникова-Вербицкая О. На что душа моя оглянется... М.: Схолия, 2007. 448 с.
7. Савицкий И. Специфика Прага как духовного центра эмиграции // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чешской Республике (1919 – 1939); сб. ст. под ред. Л. Белошевой. Ч. I. Slovanský Ústav AV ČR. Прага, 1999. S. 47 – 96.
8. Хисамутдинов А. А. Русский Сан-Франциско. М.: Вече, 2010. 368 с.
9. Чумаков А. В. Россияне в Словакии. Российские соотечественники в Словакии. История и современность. Strední odborná škola polygrafická. Bratislava, 2008. 172 s.
10. Sládek Z. České prostředí ruská emigrace (1919 – 1938) // Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Česlovenské Republice (1919 – 1939). Slovanský ústav AV ČR. Прага, 1999. S. 7 – 47.

Информация об авторе:

Евпак Евгений Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Кемеровского государственного университета, доцент кафедры русистики Университета им. Константина Философа в г. Нитра, Словакия, jevpak.72@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 03.06.2016 г.

FEATURES OF CULTURAL AND LANGUAGE ADAPTATION OF RUSSIAN EXPATRIATES: THE PAST AND THE PRESENT

Evpak Evgenii V.^{1, 2, @}

¹ Kemerovo State University

² Department of the Constantine the Philosopher University in Nitra, Slovakia.

@ jevpak.72@mail.ru

Abstract: The paper focuses on the problems of cultural and language adaptation of Russian expatriates abroad. It reflects a certain stage of an extensive research project carried out by the “Social-Cognitive Functioning of the Russian Language” school lead by N. D. Golev. The paper verifies the author’s observations about the cultural and linguistic adaptation of Russian expatriates in foreign countries in different historical periods. It is based on the evidence gathered by the author in the countries of the Russian Diaspora, as well as on archive materials, including the family and library archives in Russia, Slovakia and the Czech Republic.

Keywords: expatriates, emigration, russian language, emigrantology, linguopersonology.

For citation: Evpak E. V. Features of cultural and language adaptation of Russian expatriates: the past and the present *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 27 – 31.

References

1. Burlak V. N. *Russkii Parizh* [Russian Paris]. Moscow: Veche, 2008, 416.
2. Golev N. D. Lingvopersonologicheskoe izmerenie rechi russkikh pereselentsev v zarubezh'e (metodologicheskie zametki) [Lingvopersonologicheskoe measurement of speech of Russian immigrants in foreign countries (methodological notes)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 4, no. 4(64) (2015): 62 – 65.
3. «Esli chudo voobshche vozmozhno za granitse...» Epokha 1950-kh v perepiske russkikh literatorov-emigrantov [“If at all possible miracle abroad ...” The era of the 1950s corresponded Russian émigré]. Comp. Korostelyov O. A. Moscow: Biblioteka-fond «Russkoe Zarubezh'e»: Russkii put', 2008, 816.
4. Kovalev M. Emigratsiia i lingvisticheskaia travma: russkaia diaspora v Prage v 1920 – 1930-e gody [Emigration and linguistic trauma: Russian Diaspora in Prague in 1920 – 1930]. *Slovanske jazyky a literatury: hľadani identity* [Slavic languages and literature: search for identity]. Chervený Kostelec – Praha, 2009, 273 – 281.
5. Pushkareva N. L. *Russkie za rubezhom* [Russian abroad]. Ed. Aleksandrov V. A., Vlasova I. V., Polishchuk N. S. Moscow: Nauka, 2005, 828.
6. Sidel'nikova-Verbitskaia O. *Na chto dusha moia oglianetsia...* [On my soul looks back...]. Moscow: Skholiia, 2007, 448.
7. Savitskii I. Spetsifika Praga kak dukhovnogo tsentra emigratsii [Specificity of Prague as the spiritual center of emigration]. *Dukhovnye techeniia russkoi i ukrainskoi emigratsii v Cheshskoi Respublike (1919 – 1939)* [Spiritual currents of Russian and Ukrainian emigration in the Czech Republic (1919 – 1939)]. Ed. Beloshevskaia L. Part I. Slovanský Ústav AV ČR, Praha, 1999, 47 – 96.
8. Khisamutdinov A. A. *Russkii San-Frantsisko* [Russian San Francisco]. Moscow: Veche, 2010, 368.
9. Chumakov A. V. *Rossiiane v Slovaki. Rossiiskie sootchestvenniki v Slovaki. Istoriia i sovremennost'* [Russians in Slovakia. Russian compatriots in Slovakia. History and modernity]. Stredni odborná škola polygrafická. Bratislava, 2008, 172.
10. Sládek Z. České prostředí ruská emigrace (1919 – 1938). *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Česlovenské Republice (1919 – 1939)*. Slovanský Ústav AV ČR, Praha, 1999, 7 – 47.

Received 01.02.2016, accepted 03.06.2016.

УДК 94(470)

КОНСЕРВАТОРЫ О СУДЬБАХ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по страницам «Дневника дипломата» И. М. Майского)

Е. В. Хахалкина^{1, @}

¹ *Томский государственный университет*
 @ *ekhakhalkina@mail.ru*

Аннотация: «Дневник» советского дипломата И. М. Майского, проработавшего более десяти лет в Лондоне в качестве сначала посланника, а затем посла СССР в Великобритании, является одним из ценных источников по межвоенному периоду и периоду Второй мировой войны. В «Дневнике» нашли отражение беседы Майского с ведущими британскими политиками и общественными деятелями и его собственные размышления по широкому кругу вопросов, среди которых имперская проблематика занимала одно из ведущих мест. Автор статьи на основе «Дневника дипломата» анализирует взгляды тори на перспективы Британской империи в послевоенный период и раскрывает планы по реконструкции империи при сохранении господствующих позиции Британии в формате новых отношений с доминионами и колониями в рамках Содружества. Показано, что внутри британского руководства отсутствовало единство мнений о будущем империи и, как свидетельствуют материалы «Дневника», задачи эволюции империи имели тесную взаимосвязь с другими направлениями внешне- и внутривластного курса.

Ключевые слова: Британская империя, колониализм, индийский вопрос, И. М. Майский, У. Черчилль, Вторая мировая война, Атлантическая хартия.

Для цитирования: Хахалкина Е. В. Консерваторы о судьбах британской империи в первые годы Второй Мировой войны (по страницам «Дневника дипломата» И. М. Майского) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 32 – 37.

Британская империя занимала приоритетное место в системе внешнеполитических направлений консервативной партии Великобритании. Именно поэтому размышления тори о перспективах империи в годы Второй мировой войны имели большое значение в планах послевоенного урегулирования и реорганизации страны. Ценные свидетельства о взглядах британских политиков на будущее Британской империи оставил занимавший с 1934 по 1943 гг. пост сначала полномочного представителя, а с 1941 г. советского посла в Лондоне И. М. Майский. В 1964 г. были опубликованы его «Воспоминания», но только в 2009 г. был рассекречен и опубликован хранившийся в Архиве внешней политики РФ «Дневник» Майского, который он вел с 1934 по 1943 гг. Этот дневник в 1953 г. у И. М. Майского изъяли при аресте, и несмотря на его многочисленные просьбы после освобождения в 1955 г., его личный архив оставался в Архивном управлении МИДа вплоть до 2000-х гг.

Ценность и уникальность «Дневника» состоит в том, что его автор scrupulously фиксировал содержание как формальных, так и неформальных (что особенно важно) встреч с ведущими политиками и общественными деятелями Великобритании, дополняя их своими размышлениями. И. М. Майский неоднократно общался с такими видными консерваторами, как У. Черчилль, лорд Бивербрук и другие, и обсуждал с ними самый широкий круг вопросов, включая будущее Британской империи.

Особое звучание в размышлениях и планах британских консерваторов имперская тематика приобрела с началом войны в Европе в 1939 г. Великобритания в лице «умиротворителей» – Н. Чемберлена, лорда Галифакса и других – надеялась остаться в стороне от разгоравшегося конфликта.

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, и Великобритания была вынуждена в соответствии со

своими союзническими обязательствами, данными Варшаве весной того же года, наряду с Парижем объявить войну Берлину. Однако воевать за Польшу ее союзники не спешили, и начался период, вошедший в историю как «странная война», когда военные действия на западном фронте фактически не велись.

В ноябре 1939 г. в беседе с И. М. Майским один из видных и влиятельных тори и медиамагнат лорд У. Бивербрук доказывал, что самое главное для Британии в складывающихся обстоятельствах – это защита империи: «Я изоляционист, – волновался Бивербрук, – меня занимает судьба Британской империи! Я хочу, чтобы Империя была цела, но я не вижу, почему ради этого мы должны воевать три года для сокращения «гитлеризма»? Да черт с ним, Гитлером! Если немцы хотят его иметь, я охотно, с поклоном, уступаю им это сокровище. Польша? Чехословакия? Какое нам до них дело? Проклят тот день, в который Чемберлен дал гарантии Польше!» [5, с. 60].

Симптоматично, что когда «разговор коснулся Прибалтики и Финляндии, Бивербрук заявил, что ему лично нет никакого дела до Балтийского моря – судьба Британской империи от этого не зависит» [5, с. 61]. Подобные настроения были характерны для части британской политической элиты того периода. В правительстве Великобритании к этому времени сложилось две группировки: «военная» во главе с У. Черчиллем и «мирная» во главе с Чемберленом. Первая, указывал Бивербрук, «стоит за разгром Германии как предпосылку мира, вторая – готова была бы заключить мир при первой подходящей okazji... Пока обе «партии» работают единодушно, ибо на горизонте не видно практической возможности мира» [5, с. 60].

Весной 1940 г. Гитлер нарушил «странную войну» и начал быстрое продвижение по территории западноевропейских государств. В течение апреля – мая под контроль Германии перешли Норвегия, Дания, Голландия.

дия, Бельгия и Люксембург, в середине мая возникла угроза территориальной целостности Франции.

12 мая 1940 г. вместо смертельно больного Н. Чемберлена на должность премьер-министра был назначен У. Черчилль, резко критиковавший «политику умиротворения» и выступавший против достижения каких-либо договоренностей с А. Гитлером. Капитуляция Франции после всего шести недель войны 22 июня 1940 г. поставила вопрос о защите территории Британских островов, фактически поставив Лондон в положение войны один на один с Германией.

Между тем в Великобритании продолжалось обсуждение будущего крупнейшей британской колонии – Индии, внутри которой шло размежевание между Индийским национальным конгрессом, во главе с М. Ганди выступающего за создание независимой Индии, и мусульманами, призывающими в лице Мусульманской лиги к созданию Пакистана.

В середине августа 1940 г. на заседании парламента обсуждался вопрос о независимости Индии – один из самых важных вопросов войны и будущего Британской империи. Майский фиксировал: «И что же? Присутствовало не более полусотни депутатов, притом главным образом, на скамьях оппозиции. Консервативные скамьи зияли пустотой, хотя Эмери (министр по делам Индии) – консерватор – и еще какой! Речи были серые, скучные. «Звезды» молчали. Над всем залом заседания висело облако мертвящей скуки. Зато бросалось в глаза редкое единство лиц и партий. Все в один голос хвалили ублюдочное обращение вице-короля [*Линлитгоу – вице-король Индии – Е. Х.*] от 7 августа – консерваторы, лейбористы, либералы, независимые» [5, с. 243].

Речь шла о предложении Линлитгоу расширить за счет «ответственных» политических деятелей Индии исполнительный совет вице-короля, повторив обещания 1939 г. начать после войны конституционный процесс и предоставить Индии статус доминиона. Однако эти британские предложения не нашли понимания ни у руководства Индийского национального конгресса, ни у Мусульманской лиги [1, с. 274].

Несколько дней спустя после этого заседания Палаты общин советский посланник зафиксировал в Дневнике, что «Англия имеет достаточно карт для того, чтобы избежать поражения и выйти из войны, в общем, благополучно. Весь вопрос в том, сумеет ли она своими картами хорошо сыграть?». Майский называл четыре основных проблемы, которые стояли перед британским руководством: 1) военная, 2) внешнеполитическая, 3) Индия, 4) внутренняя. ...Третья проблема находится пока в состоянии тупика. Заявление вице-короля 7 августа, и речь Эмери в парламенте 14 августа не открывает выходов из тупика. Может быть, со временем это изменится, но до сих пор этой и картой бритпра [*здесь и далее – британское правительство – Е. Х.*] играло плохо» [5, с. 246].

Эти оценки советского дипломата были совершенно справедливы. Выход из «индийского тупика» действительно не просматривался, и вплоть до середины войны ситуация с перспективами независимости Индии и выделения из нее части для Пакистана находилась в подвешенном состоянии.

После поражения Франции и ее перехода на коллаборационистские позиции военное положение Ве-

ликобритании осложнилось. Германия планировала вторжение на территорию Соединенного Королевства в рамках операции «Морской лев», однако ее сроки постоянно переносились. Для Гитлера было важно установить господство в воздухе и измотать ежедневными бомбардировками население страны. Летом 1940 г. начались массированные налеты нацистских военно-воздушных сил. 1 августа 1940 г. появилась Директива верховного командования вермахта № 17 о ведении воздушной и морской войны против Англии, предусматривавшая скорейший разгром английской авиации и «борьбу с вражескими военными и торговыми судами» [7, с. 100 – 101].

В результате воздушных атак серьезным разрушениям подверглись крупные города страны и погибло более 50 тыс. человек. В середине сентября люфтваффе осуществило масштабные налеты на Лондон и другие города страны, после которых бомбардировки пошли на убыль. Господства в воздухе нацистским силам добиться не удалось, и Гитлер вновь отложил операцию «Морской лев» [4, с. 401].

В конце сентября за завтраком У. Бивербрук убеждал И. М. Майского, что «опасность войны миновала» [5, с. 269]. Более того, Бивербрук сообщал, что «Гитлер не перестает зондировать у нас почву о мире. Только неделю назад он обратился через одного своего эмиссара ко мне лично, полагая, что я являюсь сторонником мира. Он предлагал неплохие условия. Гарантию целостности и независимости Британской империи, себе – господство на европейском континенте. Англия должна раз и навсегда перестать вмешиваться в Европейские дела. Замечательно, что он совершенно игнорирует Италию и Испанию. Даже не требовал Гибралтара для Испании.

– И что же вы ответили Гитлеру? – спросил я.

– Ничего! – воскликнул Бивербрук. – Я просто игнорировал его обращение.

Бивербрук помолчал немного и затем прибавил: Война не может скоро кончиться. Вы знаете, до войны и в первый период войны я был сторонником мира и соглашения с Германией, но сейчас об этом поздно говорить. Отступления быть не может. Да и не нужно. Война является великим испытанием, спасительным испытанием для английского народа. Страдания войны очистят и возродят его душу, которая стала разлагаться в обстановке предвоенных процветания и самоуспокоенности. Только через страдания мы придем к истинной Брит[анской] империи, ради которой я готов отдать свою жизнь» [5, с. 270].

В декабре 1940 г. А. Гитлер принял решение о разработке плана нападения на СССР, планируя быструю военную кампанию, после успеха которой он намеревался продолжить воздушные атаки Туманного Альбиона.

Британское руководство в этот период было обеспокоено ослаблением военно-морского флота и ухудшающейся ситуацией на море. Как указывал в Дневнике Майский, «перед войной Британская империя располагала 21 млн тонн коммерческого тоннажа (в том числе 18 млн в метрополии). За протекший с начала войны срок Англия прибавила сюда еще около 9 млн тонн (флот союзников – Норвегии, Голландии, Бельгии, Греции и т. д., захват вражеских судов, покупка, собственное строительство). Итого 30 млн

тонн, или 44 % мирового тоннажа, как он был летом 1939 г.! Британские потери (включая союзников) от морской войны составляли в среднем 63 тыс. тонн в неделю, т. е. около 4 млн тонн за все это время. В последние 3 – 4 месяца потери особенно возросли, составляя до 100 тыс. тонн в неделю. Это дает сумму годовых потерь примерно в 5 млн тонн. Seriously! Seriously! Seriously! увеличивается еще оттого, что средний пробег судна увеличился по сравнению с мирным временем, и одновременно средняя быстрота его хода уменьшилась. Первое объясняется тем, что, потеряв в результате войны близкие европейские рынки, Англия вынуждена сейчас вести торговлю с[о] странами более отдаленными. Кроме того, события в Средиземном море делают для коммерческих судов затруднительным использование Суэцкого канала, путь же вокруг Африки в среднем на 11 дней длиннее, чем через Суэцкий канал. Второе вытекает из того, что торговые суда ходят сейчас большими караванами под конвоем (40 – 50 пароходов зараз) и, естественно, вынуждены приспособляться к темпу наиболее тихоходного судна» [1, с. 307 – 308].

Великобритания в результате потерь в военно-морском и торговом флоте действительно столкнулась с серьезными проблемами в доставке грузов на свою территорию и необходимостью укрепления обороны своих имперских рубежей. Британское руководство возлагало надежды на помощь Вашингтона, однако США, еще не вступившие в войну и рассчитывавшие, как и в Первую мировую, «отсидеться» за океаном, не спешили на помощь Британии.

В мае 1941 г. у И. М. Майского состоялся обстоятельный разговор с У. Черчиллем, содержание которого позволяет взглянуть на известный антисоветизм британского премьер-министра сквозь призму его имперских представлений. Советский посланник отмечал, что «в прошлые годы Черчилль мне не раз говорил, что (и у меня нет оснований ему не верить), что Британская империя является для него началом и концом всех вещей. В 1918 – 1920 гг. Черчилль организовал крестовый поход против «большевизма», потому что в тот период он считал его основной угрозой для Британской Империи. В 1935 – 1939 гг. Черчилль считал основной угрозой для Британской империи «гитлеризм», и потому он круто изменил фронт и заявил о своей готовности идти вместе с «большевизмом» против новой опасности. Сейчас Черчилль тоже ведет войну за Империю – не даром он вчера с такой страстью заявил, что будет защищать ближневосточные позиции Англии до последней крайности. ...Однако это пока еще «музыка будущего». Сейчас роль Черчилля в Англии громадна. Он несомненный «хозяин» страны, ибо он на две головы выше всех ее других политических лидеров, кроме [Д.] Ллойд Джорджа (но ведь Ллойд Джорджу уже 78 лет!). К тому же Черчилль талантливый писатель и оратор – качества чрезвычайно важные для крупного «исторического авантюриста» наших дней» [5, с. 388 – 389].

Черчилль, разумеется, не был авантюристом, однако разговоры о защите и сохранении империи в период существования европейского и североафриканского театров военных действий, угрожавших позициям страны на Ближнем и Среднем Востоке,

Африке и Азии, – звучали как желанная, но далекая утопия.

Спустя два дня Черчилль, будто бы в подтверждение своих надежд в период, не располагавший к ним, за завтраком с [Б.] Прютцем [*шведский посланник в Великобритании в 1938 – 1947 гг.* – Е. Х.] в ответ на вопрос о дальнейшем развитии войны рассказал Прютцу такую «басню»:

«Были две лягушки – оптимистка и пессимистка. Однажды вечером они скакали по лужайке и услышали чудный запах молока из соседней молочной. Лягушки соблазнились и прыгнули в открытое окно молочной. Рассчитали они неудачно и плюхнулись прямо в большую банку с молоком. Что было делать?.. Лягушка пессимистка поглядела кругом, увидела, что стенки банки высоки и отвесны, что взобраться по ним вверх невозможно и пришла в отчаяние. Она повернулась на спинку, сложила лапки и пошла ко дну. Лягушка оптимистка не захотела так бесславно погибнуть. Она тоже видела высокие и крутые стенки сосуда, но решила барахтаться. В течение целой ночи она плавала, двигалась, била лапками по молоку и вообще проявляла всяческую активность. И что же? Сама не подозревая того, лягушка-оптимистка к утру сбила из молока большой кусок масла и тем спаслась от смерти. Вот тоже будет и с Британской Империей» [5, с. 390].

Эта «басня», рассказанная в весьма нелегкий период британской истории, была поучительна. Она раскрывала не только человеческие качества Черчилля, но и наличие у него политической воли идти в войне против Германии и ее союзников до конца.

В борьбе против блока фашистских государств метрополию поддерживали доминионы. Канада, Южноафриканский союз, Австралийский союз и Новая Зеландия объявили войну Германии. Республика Ирландия, входившая в состав Содружества, воспользовалась правом не вступать в войну и весь период войны сохраняла нейтралитет.

В июне 1941 г. с началом Великой отечественной войны происходит складывание ядра Антигитлеровской коалиции – «Большой тройки». Майский оказался прав – в первый же день войны британское правительство заявило о своей солидарности с СССР в борьбе с гитлеризмом. Черчилль призвал к совместной борьбе с фашизмом и обещал оказать «всю возможную помощь России и русскому народу» [8, с. 26, 30]. Параллельно происходило англо-американское сближение.

В августе на территории британского доминиона – острове Ньюфаундленд в Атлантическом океане – состоялась поистине историческая встреча лидеров Великобритании и Соединенных Штатов, посвященная разработке планов послевоенного урегулирования. Симптоматично, что советский лидер И. В. Сталин на эту встречу не был приглашен, что во многом свидетельствовало о сомнениях США и Великобритании в способности СССР выстоять в войне и их нежелании допускать Москву к разработке послевоенного мироустройства.

По итогам англо-американской встречи была подписана Атлантическая хартия – один из ключевых документов Антигитлеровской коалиции. 3 статья документа предусматривала право наций на самоопределение и восстановление суверенных прав и само-

управления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем. Этот пункт документа вызвал как вопросы, так и надежды в зависимых территориях Британской империи, прежде всего в Индии, рассчитывавшей на применение к ним этой статьи. Однако У. Черчилль по возвращении домой в Палате общин дал исчерпывающие разъяснения по этому поводу, указав, что это положение Атлантической хартии не относится к Индии [10].

В сентябре 1941 г., когда стал очевиден провал германского блицкрига на восточном фронте, к Атлантической хартии присоединился СССР и другие страны. Примечательно, что от имени советского правительства Атлантическую хартию подписывал именно И. М. Майский, сыгравший большую роль в налаживании британо-советских отношений [3, с. 44].

7 декабря военно-воздушные и военно-морские силы Японии нанесли удар по военно-морской базе США Пёрл-Харбор на Гавайских островах. На следующий день Япония объявила войну Великобритании и ее колониям, в тот же день бомбардировке подверглись Малайя, Сингапур и другие британские владения. 11 декабря войну США объявили Германия и Италия. К середине декабря 1941 г. Япония оккупировала Малайю, Бирму и Гонконг.

В мае 1942 г. японский флот предпринял высадку на побережье Австралии, но был остановлен американскими и английскими военно-морскими силами в Коралловом море. Чуть ранее в марте 1942 г. японские войска вторглись в Индию. Ситуация в британских владениях в Азии приняла угрожающий характер.

Индийский вопрос вновь вышел на повестку дня британской политики. В разговоре с уже советским послом [*Майский официально был назначен на эту должность в мае 1941 г. – Е. Х.*] 16 марта 1942 г. Черчилль неожиданно признался ему: «я готов хоть сейчас уйти из Индии. Все равно там не жить. Но что тогда получилось бы? Вы думаете: свобода, процветание, развитие культуры и науки?.. Как бы не так! Если мы уйдем, прежде всего начнется всеобщая драка, гражданская война. В конечном счете мусульмане станут хозяевами, ибо они воины, а индусы болтуны. Да, болтуны!.. О, произносить прекрасные речи, принимать ловко сбалансированные резолюции, строить воздушные юридические замки – тут индусы большие мастера! Тут они в своей стихии! Но, когда дело доходит до дела, когда надо что-либо быстро решить, осуществить, привести в исполнение – нет, тут индусы пасуют! Тут сразу обнаруживается их внутренняя дряблость. Дряблость – ужасная вещь. Мы, англичане, перед войной и во время войны слишком часто обнаруживали эту дряблость. Американцы тоже. Я считаю, что ответственность за эту войну несут не только немцы, но и мы. Две вещи привели нас к нынешней катастрофе: преступность Гитлера и дряблость англичан и американцев. Но индусы по части дряблости еще гораздо хуже нас. Вот почему я считаю, что уход англичан из Индии не принесет ей добра. ...Мне все равно, что теперь будет в Индии... Комитеты, советы, все, то угодно... Мы все равно оттуда уходим» [6, с. 113 – 114].

Это признание Черчилля было не «внезапным прозрением», а пониманием неизбежности уступок самой крупной колонии Британской империи. В марте

1942 г. с целью заручиться поддержкой Индии в войне против Германии была сформирована миссия Криппса. С. Криппс был одним из видных представителей лейбористской партии и послом Великобритании в СССР в мае 1940 – январе 1942 гг., незадолго до отправки в Индию стал лордом-хранителем печати.

Миссия Криппса сводилась к тому, чтобы привлечь к сотрудничеству с Британией Индийский национальный конгресс, предлагая Индии статус доминиона с «правом выйти из состава Британского Содружества наций, если она пожелает» [11, р. 387]. По сути, речь шла о предоставлении независимости Индии (но не Пакистану), с которой в то же время планировалось заключить договор, регулирующий все вопросы, связанные с переходом «ответственности в индийские руки» [1, с. 276].

Отношение У. Черчилля к этой миссии было неоднозначным. С одной стороны, очевидно следовало пойти на уступки Индии, с другой стороны, сама фигура Криппса вызывала недоверие премьер-министра. У. Черчилль как-то даже заметил, что «он [*Криппс – Е. Х.*] представлял все те добродетели, которые мне не нравятся, и в нем не имелось ничего из пороков, которыми я восхищаюсь» [2, с. 511]. Не сложилось хороших отношений у главы миссии с вице-королем Индии Линлитгоу.

В апреле 1942 г. Майский записывает в Дневнике свои размышления о перспективах миссии Криппса и судьбе Британской империи. Ряд фактов, по его мнению, свидетельствовал о том, что далеко не все благополучно в имперской области. «В начале 1940 г. я как-то писал, что (к тому моменту) Империя выдержала успешно испытание войны: за исключением Ирландии, все остальные доминионы и даже многие колонии без колебаний [в]стали на сторону метрополии и развернули широкую мобилизацию своих ресурсов на поддержку войны. Сейчас, два года спустя, положение совсем, совсем иное. Перечислю важнейшие факты: Малайя и Сингапур потеряны. Бирма накануне потери. Австралия и Н[овая] Зеландия отданы под военное покровительство САШ [*здесь и далее речь идет о США – Е. Х.*], ибо бритпра чувствует свою неспособность оказать им эффективную помощь. Судьба Индии как раз сейчас на карте: как бы, однако, не кончилась миссия Криппса, совершенно очевидно, что Индия, прежняя Индия, потеряна для англичан. Черчилль это прямо признал в последнем разговоре со мной (16 марта). Южная Африка всегда была прохладна в своих отношениях с метрополией – сейчас это чувствуется отчетливо. Достаточно вспомнить хотя бы наши разговоры с южноафриканцами по вопросу о процедуре назначения генконсула в Преторию. Канада более лояльна, чем ЮАфрика [*Южная Африка – Е. Х.*], однако и она не захотела, чтобы в советско-канадском договоре об установлении консульских отношений канадское правительство именовалось, как «правительство доминиона Канада», а потребовало, чтобы оно называлось просто «правительство Канады» (что и было сделано) катастрофа в Малайе и Бирме резко поставила в порядок дня вопрос: а крепче ли основы британского господства в других колониях, в частности и в особенности в Африке? В Ю[жной] Америке, особенно в Аргентине,

Англия совершенно очевидно теряет свои экономические позиции в пользу США» [6, с. 122 – 123].

Ситуация действительно вынуждала британское руководство пересматривать сложившуюся модель взаимоотношений с колониями. Ход Второй мировой войны и обострение национально-освободительных движений в зависимых территориях требовали обновления имперской концепции. Однако это обновление, как показывала миссия Криппса, шло с большим трудом. С одной стороны, У. Черчилль, судя по всему, стремился «потянуть время», с другой стороны, Индийский национальный конгресс и Мусульманская лига отвергли предложения Британии, и миссия Криппса на данном этапе колониальной политики провалилась.

Майский задается вопросом: «Что означают все эти и многие аналогичные факторы? Распад империи? Я воздержался бы сейчас от такого заключения. Положение неясное. Все перечисленные факторы могут означать начало распада империи, но именно они могут также означать лишь переходную фазу в трансформации империи. Все зависит от «духа» Англии, т. е. в первую очередь ее господствующего класса. Если руководящая верхушка не сумеет проявить необходимой гибкости и вовремя пойти на достаточные уступки отдельным частям Империи, распад последней в результате войны станет неизбежным. Если же наоборот, руководящая верхушка сумеет проявить указанные качества, возможна трансформация Империи. Приведу один пример: пусть Индия после войны станет доминионом или даже формально независимой страной, но, если бритпра сумеет вовремя подписать с ней соответственные торговые, политические и военные соглашения, как это когда-то было сделано с Египтом, Англия сумеет удержать в Индии значительную часть своих позиций. То же относится и к другим частям Империи. ...Однако если эта трансформация удастся, каков будет ее результат с точки зрения господствующего класса Англии? В самом лучшем случае трансформация будет означать сильное сокращение возможностей эксплуатации и, стало быть, сильное сокращение прибылей. Сюда надо прибавить финансовые и экономические последствия колоссальных военных расходов, а также полную дислокацию мирового товарооборота, которая явится последствием войны» [6, с. 124 – 125].

Эти размышления советского посла свидетельствовали о его глубоком знании и понимании имперских и в целом внешнеполитических реалий Великобритании. Майский был прав: для трансформации империи требовалась гибкость. Гибкость и готовность

к изменениям. Еще к началу 1940 г. метрополия работала «Акт о колониальном развитии и благосостоянии», ставший одним из этапов обновления колониальной доктрины. К поиску нового формата взаимоотношений с колониями подталкивали внутривнутриполитические факторы – в декабре 1942 г. был опубликован доклад, подготовленный под руководством известного британского экономиста и деятеля либеральной партии У. Бевериджа, предлагавший введение разветвленной системы социального страхования. Идеи обновления социальной доктрины в метрополии подталкивали британское руководство к разработке аналогичных реформ в отношении зависимых территорий [9, с. 54 – 55].

Что касается «сильного сокращения возможностей эксплуатации», которое предсказывал советский посол, то после Второй мировой войны действительно продолжится процесс ослабления Великобритании, ее экономической и имперской мощи. Процессы деколонизации приведут и к изменениям мировой торговой модели. Однако полного распада и ликвидации Британской империи удалось избежать. Как известно, партия тори, находившаяся у власти тринадцать лет с 1951 по 1964 гг., сумела проявить гибкость, относительно безболезненно уйти из империи и трансформировать ее в Содружество, охватывающее на сегодняшний день 53 государства. Политическим, культурным и языковым центром Содружества по-прежнему остается Британия.

Скорее всего, трансформация империи на заключительном этапе войны и после нее нашла бы отражение в Дневнике Майского, однако летом 1943 г. он был отозван с должности посла и навсегда покинул Британию. Причины его внезапного отъезда были связаны с недовольством Сталина затягиванием британской стороной открытия Второго фронта. Неудовлетворительное положение дел в этом вопросе советский лидер связывал с фигурой посла, который, по его мнению, «слишком оправдывает действия англичан, саботирующих открытие Второго фронта в Европе» [3, с. 51]. И. М. Майский отбыл в Москву – формально для проведения «консультаций» [8, с. 494] – в реальности обернувшихся его назначением заместителем наркома иностранных дел, осенью того же года он возглавил Комиссию по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу Гитлеровской Германией и ее союзниками. В жизни И. М. Майского начался новый этап, уже не предполагавший проведения дальнейших оценок британской внешней политики и ее имперского направления.

Литература

1. Белокреницкий В. Я. Уход Англии из Индии и проблема образования двух доминионов // Британская империя в XX в. / под ред. А. М. Пегушева, Е. Ю. Сергеева. М., 2010.
2. Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи. М., 2011.
3. Жигалов Б. С. И. М. Майский: портрет советского дипломата по материалам его «Дневника», писем и мемуаров. Томск, 2014.
4. Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016.
5. Майский И. М. Дневник дипломата: в 2 кн. Кн. 2. Ч. 1 / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2009.
6. Майский И. М. Дневник дипломата: в 2 кн. Кн. 2. Ч. 2 / отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2009.
7. Мировые войны XX в. Кн. 4. Вторая мировая война / отв. ред. М. Ю. Мягков; сост. Ю. А. Никифоров. М., 2002.

8. Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка Сталина с Рузвельтом в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 1. М., 2015.
9. Остапенко Г. С. Британская модель деколонизации // Россия и Британия. Вып. 2. М., 2000.
10. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Atlantic Charter (India). 09 September 1941. Режим доступа: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1941/sep/09/atlantic-charter-india#S5CV0374P0_19410909_HOC_203
11. Roger Louis Wm. Ends of British Imperialism. The Scramble for Empire, Suez and Decolonization. Collected Essays. L., N. Y., 2002.

Информация об авторе:

Хахалкина Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, ekhakhalkina@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 23.05.2016 г, принята к печати 24.06.2016 г.

CONSERVATIVE PARTY AND THE PROBLEMS OF THE BRITISH EMPIRE IN THE EARLY YEARS OF THE SECOND WORLD WAR (on the pages of “Diary of a diplomat” by I. M. Maisky) *Khakhalkina Elena V.^{1, @}*

¹ Tomsk State University
@ ekhakhalkina@mail.ru

Abstract: The “Diary” of the Soviet diplomat I. M. Maisky, who worked in London for more than ten years first as a messenger, then as the Soviet ambassador to the UK, is one of the valuable sources for the interwar period and the Second World War. The “Diary” contains records of Maisky’s conversations with the leading British politicians and public figures and his own thoughts on a wide range of issues, including the problems of the British Empire. The author of the paper analyzes the views of the Tories on the prospects for the British Empire and the Commonwealth of the postwar period and reveals the plans for the reconstruction of the Empire and its transformation while maintaining the dominant position of Britain in the format of a new relationship with the dominions and colonies. The paper shows that within the British political establishment there was no consensus on the future of the empire and, as the materials of the “Diary of diplomat” evidence, the problem of the evolution of the Empire had a close relationship with other areas of foreign and domestic policy.

Keywords: the British Empire, colonialism, the Indian question, I. M. Maisky, Winston Churchill, World War II, the Atlantic Charter.

For citation: Khakhalkina E. V. Conservative party and the problems of the British empire in the early years of the second world war (on the pages of “Diary of a diplomat” by I. M. Maisky). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 32 – 37.

References

1. Belokrenitskii V. Ia. Ukhod Anglii iz Indii i problema obrazovaniia dvukh dominionov [The escape of England from India and the problem of formation of other dominions]. *Britanskaia imperiia v XX v.* [The British Empire in the 20th century]. Ed. Pegushev A. M., Sergeev E. Iu. Moscow, 2010.
2. Brendon P. *Upadok i razrushenie Britanskoi imperii* [The decline and fall of the British Empire]. Moscow, 2011.
3. Zhigalov B. S. I. M. Maiskii: portret sovetskogo diplomata po materialam ego «Dnevnik», pisem i memuarov [I. M. Maisky: the portrait of the Soviet diplomat revealed in his “Diary” letters and memoirs]. Tomsk, 2014.
4. Kapitonova N. K., Romanova E. V. *Istoriia vneshnei politiki Velikobritanii* [The history of British foreign policy]. Moscow, 2016.
5. Maiskii I. M. *Dnevnik diplomata* [Diary of a diplomat]. Ed. Chubar'ian. A. O. Moscow, 2009, Book 2, Part 1.
6. Maiskii I. M. *Dnevnik diplomata* [Diary of a diplomat]. Ed. Chubar'ian. A. O. Moscow, 2009, Book 2, Part 2.
7. *Mirovye voyny XX v. Kn. 4. Vtoraia mirovaia voina.* [World Wars of the 20th century. Book 4. World War II]. Ed. Miagkov M. Iu. Comp. Nikiforov Iu. A. Moscow, 2002.
8. Pечатнов В. О., Магадеев И. Э. *Переписка Сталина с Рузвельтом в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование.* [The correspondence of Stalin with Roosevelt in the years of the Great Patriotic War. Documentary research]. Moscow, vol. 1 (2015).
9. Остапенко Г. С. Британская модель деколонизации [The British model of decolonization]. *Rossia i Britaniia* [Russia and Britain]. Moscow, no. 2 (2000).
10. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. Atlantic Charter (India). 09 September 1941. Available at: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1941/sep/09/atlantic-charter-india#S5CV0374P0_19410909_HOC_203
11. Roger Louis Wm. *Ends of British Imperialism. The Scramble for Empire, Suez and Decolonization. Collected Essays.* L., N. Y., 2002.

Received 23.05.2016, accepted 24.06.2016.

УДК 159.9.072

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ СПОРТСМЕНОВ-ПРОФЕССИОНАЛОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫМИ ВИДАМИ СПОРТА

А. В. Алёшичева^{1, @}

¹ Рязанский государственный медицинский университет
@ ANnamona@yandex.ru

Аннотация: Предметом настоящего исследования было изучение психологического здоровья спортсменов-профессионалов, которые занимаются экстремальными видами спорта. Цель исследования: установить влияние занятий экстремальными видами спорта на психологическое здоровье спортсменов-профессионалов. В исследовании приняли участие 168 спортсменов-профессионалов, которые занимаются автогонками, дзюдо, каратэ, альпинизмом, рукопашным боем и боксом. Из них было сформировано 2 группы: основная (n = 80), куда входили профессионалы, и группа сравнения (n = 87), состоящая из спортсменов, которые имели 2 и 3 спортивные разряды. Диагностика психологического здоровья и изменений в психике спортсменов осуществлялась за 2 – 3 дня до соревнований. Количественные данные обрабатывались методами математической статистики. В основной группе, в отличие от группы сравнения, выявлены увеличения степени проявления качеств личности трактуемые как негативные. К этим качествам относятся: тревожность, фрустрация, депрессия, ригидность. Установлено, что интенсивные и длительные физические и нервно-психические напряжения вызывают у спортсменов-профессионалов появление и усиление соматических симптомов (ощущение боли в суставах, желудке, сердце и других органах). Экстремальные условия их спортивной деятельности ведут к психическому истощению, повышению чувствительности к кризису, росту профессионального стресса и снижению качества жизни. Диагностировано обострение соматических симптомов, увеличение субъективного уровня заболеваемости, повышение степени проявления социальных дисфункций и ухудшение социального и психологического здоровья спортсменов-профессионалов. Первичными факторами, негативно влияющими на психику спортсменов постулируется профессионализация и коммерциализация спорта, которые влекут за собой рост экстремальности нагрузок, чрезмерные физические и психические напряжения и значительное ухудшение их социального и психологического здоровья.

Ключевые слова: экстремальные виды спорта, спортсмены-профессионалы, психологическое здоровье, негативные изменения в психике.

Для цитирования: Алёшичева А. В. Психологическое здоровье спортсменов-профессионалов, занимающихся экстремальными видами спорта // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 38 – 44.

Актуальность проблемы

В современном спорте, особенно во время ответственных соревнований, спортсмены подвергаются максимальным нагрузкам. Их деятельность чаще всего осуществляется в экстремальных условиях. Причем среди факторов, негативно влияющих на психику спортсмена, немаловажное значение имеет специфика вида спорта, определяющая особенности его профессиональной деятельности. Имеется в виду представление о том, что чем выше степень экстремальности данного вида спорта, тем большее «давление» она оказывает на психологическую сферу спортсменов.

Анализ литературы свидетельствует о том, что вопросы влияния стрессогенных, сложных, особых и экстремальных условий спортивной деятельности на психику спортсменов, безусловно, решались [1; 4; 6; 9]. Однако в поисках исследователей доминировала задача обоснования путей и возможностей активизации психологических процессов, повышения сопротивляемости, устойчивости психологических состояний и изыскание способов максимальной мобилизации сил для одержания победы [3; 14; 22]. Вместе с тем анализ изменений в психике спортсменов в экстремальных ус-

ловиях спортивной деятельности с целью объяснения их влияния на психологическое здоровье предпринимался в единичных исследованиях [2; 5; 15; 21].

Существуют работы, в которых предлагаются психотехнологии, способствующие обеспечению безопасности занимающихся экстремальными видами спортивной деятельности [16; 17; 19]. Эти и ряд других исследователей в основном акцентируют внимание на поиске способов стимуляции работоспособности, выносливости и расширении пределов и возможностей психики спортсменов. При этом «психологическая цена» таких предельных, осуществляющихся годами напряжений волнует исследователей в значительно меньшей степени. Хотя существуют исследования, в которых на экспериментальном материале показано отрицательное влияние больших физических нагрузок на психику и даже развитие у спортсменов психических заболеваний [14]. При этом в ряде исследований по этому вопросу содержатся противоречивые сведения. Так, например, в исследовании Н. Г. Самойлова показано отрицательное влияние на психическое здоровье спортсменов экстремальных физических нагрузок [8]. В работе К. Howell и D. Fletcher обоснован рост

негативного воздействия на психику олимпийских чемпионов по плаванию по мере увеличения их спортивного стажа [18]. Отрицательное влияние на психическое здоровье и развитие психических расстройств у спортсменов выявлено и в исследовании Paluska S. Schwenk [20].

В то же время другими авторами подчеркивается положительное влияние интенсивных физических нагрузок на психическое здоровье и благополучие [12; 17; 21]. В исследовании E. Brymer, R. Schweitzer утверждается, что занятие экстремальными видами спорта позволяет обрести чувство свободы. Ими даже выделено 6 элементов свободы: от ограничения движений, отсутствие контроля, отсутствие страха, существование один на один с собой, как выбор и как ответственность [11]. С этими авторами можно согласиться и считать реальным наличие возможности получить и позитивные изменения в психологической сфере спортсменов.

Анализируя факты наличия большой напряженности в спорте высших достижений D. Carless at K. Douglas пришли к выводу о том, что спортсмены живущие только спортом "теряют личность", т. е. их личность растворяется в спортивной деятельности [13]. А это, очевидно, уже трудно причислить к позитивному действию экстремальной деятельности на их психическое здоровье.

Только в отдельных исследованиях авторами ставится вопрос о решении проблемы взаимосвязи физического и психического здоровья спортсменов, поиска путей снижения эмоционального дистресса и отрицательного действия физических нагрузок на их психику. Так, например, в метаисследовании [10] (т. к. изучалось 644 женщины и 783 мужчины) подчеркивается необходимость строгого подбора вида спорта для конкретного лица в соответствии с его психологическими характеристиками. В этой работе акцентируется внимание читателей на возможности негативных изменений в психике спортсменов и выделяется три координаты, на которых базируется осознание действия физических нагрузок: понимание их влияния на психическое здоровье, их связь с его уровнем и индивидуальными характеристиками спортсмена.

Следовательно, в настоящее время не решенными остаются вопросы влияния занятий экстремальными видами спорта на психологическое и социальное здоровье личности субъектов, профессиональной деятельностью которых является спортивная. Учитывая это, в настоящем исследовании поставлена цель: установить влияние занятий экстремальными видами спорта на психологическое здоровье спортсменов-профессионалов.

Организация и методы исследования

В настоящем исследовании приняли участие 168 спортсменов, имеющих разный уровень квалификации. В основную группу ($n = 80$) вошли спортсмены-профессионалы высокого класса: мастера спорта (МС) и мастера спорта международного класса (МСМК). Группу сравнения ($n = 88$) составляли спортсмены 2 – 3 разряда. Все испытуемые занимались видами спорта, которые можно отнести к экстремальным: альпинизм, автогонки, дзюдо, карате, рукопашный бой и бокс.

Исследование проводилось за 2 – 3 дня до соревнований. Диагностика изменений в психике и определение психологического и социального здоровья осуществлялись при помощи следующих методов: самооценка психических состояний (по Г. Айзенку); GHQ-28; диагностика профессионального стресса; Гиссенский опросник; оценки качества жизни (З. Ф. Дудченко).

Первичные количественные данные обрабатывались методами математической статистики (Е. В. Сидоренко).

Результаты исследования

Полученные результаты позволяют отметить наличие существенных различий в показателях психологического здоровья между спортсменами высокого класса и низкой квалификации. Это подтверждается и в результате диагностики факторов, от которых в значительной степени зависит состояние психологического здоровья спортсменов. Имеется в виду такие качества их личности, как тревожность, фрустрация, депрессия и ригидность (таблица 1).

Таблица 1. Уровень проявления факторов, влияющих на психологическое здоровье спортсменов (в баллах, $n = 168$)

Table 1. The level of manifestation of the factors influencing athletes' psychological health (points, $n = 168$)

Наименование параметра	Спортсмены, имеющие 2 – 3 разряд ($n = 87$)	Мастера спорта и мастера спорта международного класса ($n = 80$)	t	p
Тревожность	$8,45 \pm 0,18$	$12,55 \pm 0,72$	2,9	$<0,05$
Фрустрация	$8,46 \pm 0,37$	$10,64 \pm 0,37$	2,7	$<0,05$
Агрессивность	$12,60 \pm 0,51$	$14,40 \pm 0,36$	2,4	$<0,05$
Ригидность	$10,03 \pm 0,84$	$11,17 \pm 0,10$	1,8	$>0,05$

Данные, представленные в таблице 1, свидетельствуют о том, что все они (при сопоставлении с группой сравнения) в большей степени выражены у спортсменов из основной группы. Причем выражено отличаются показатели тревожности (различие в 4,10 балла), затем следует фрустрация – разница в 2,18 балла. Объяснить такие изменения в психике высоко профессиональных спортсменов стало возможным после прицельных бесед с ними. Оказывается, побе-

дители соревнований должны были получать солидные материальные вознаграждения. В связи с этим существенное повышение этих показателей вызывалось большим психологическим напряжением, беспокойством и боязнью проиграть и не получить то, к чему они стремились. А учитывая то, что соревновательный график у профессиональных спортсменов достаточно плотный, можно представить частоту возникновения негативных изменений в их психике.

Влияние социальных факторов на психологическое здоровье спортсменов и восприятие ими качества жизни также становилось понятным после их диагностики.

Так, несмотря на превышение тестируемых показателей качества жизни у спортсменов из основной группы, по сравнению с их низкоквалифицированными коллегами, оценивают они удовлетворенность этим феноменом низко (таблица 2).

Таблица 2. Оценка параметров качества жизни спортсменов (в баллах, n = 168)
Table 2. Evaluation of the parameters of athletes' life quality (points, n = 168)

Наименование параметра	Спортсмены, имеющие 2 – 3 разряд (n = 87)	Мастера спорта и мастера спорта международного класса (n = 80)	t	p
Материальный достаток	77,5 ± 3,4	91,5 ± 6,8	2,6	<0,05
Жилищные условия	75,0 ± 4,0	92,5 ± 7,3	1,8	>0,05
Район проживания	70,0 ± 1,8	89,0 ± 4,3	2,7	<0,05
Семья	70,0 ± 0,9	55,0 ± 3,8	2,6	<0,05
Питание	74,5 ± 1,0	82,5 ± 3,9	2,5	<0,05
Сексуальная жизнь	85,0 ± 0,2	60,0 ± 7,2	2,7	<0,05
Отдых	80,5 ± 0,5	78,0 ± 0,2	2,4	<0,05
Спортивная деятельность	75,5 ± 1,7	60,5 ± 2,5	2,8	<0,05
Положение в обществе	58,5 ± 1,0	80,0 ± 7,3	2,3	<0,05
Духовные потребности	85,0 ± 1,8	66,5 ± 4,0	2,6	<0,05
Социальная поддержка	87,0 ± 0,5	75,0 ± 3,9	2,5	<0,05
Здоровье близких	81,0 ± 0,2	70,0 ± 3,8	2,6	<0,05
Личное здоровье	89,0 ± 0,4	70,0 ± 4,4	3,1	<0,01
Душевный покой	82,0 ± 0,7	70,0 ± 4,1	2,3	<0,05
Жизнь в целом	75,0 ± 0,1	67,0 ± 0,7	2,8	<0,05
Качество жизни	77,7 ± 1,5	73,8 ± 3,0	2,5	<0,05

Например, такие показатели, как материальный достаток, жилищные условия, питание, положение в обществе, у профессионалов значительно выше, чем в группе сравнения. В то же время духовные потребности, личное здоровье и близких, душевный покой и даже социальная поддержка больше у последних. Сами профессионалы такую оценку объясняют влиянием на них ограничений, которые они вынуждены соблюдать годами.

Имеются в виду жесткие требования к питанию, сну, развлечениям, отдыху, общению с семьей и пр., т. е. отсутствие у них удовлетворения обычных житейских запросов. Отсюда и высокий уровень фрустрации. Обращает на себя внимание и низкий уровень духовных потребностей профессиональных спортсменов. Оказывается, длительное время нахождения в отрыве от семьи и детей, концентрация мыслей, сил и энергии только на одной цели (победить!) весьма существенно снижают ценность духовных потребностей. В основной группе они ниже, чем в группе сравнения на 18,5 баллов.

Отрицательный вклад в оценку качества жизни и ощущения ее в целом у спортсменов высокого класса вносит и отсутствие у них нормального удовлетворения сексуальных потребностей (длительные периоды отсутствия на соревнованиях, сборах, восстановительных процедурах и др.). А как доказано еще З. Фрейдом, длительные периоды сексуальной неудовлетворенности вызывают серьезные нарушения психического здоровья. Так, по сравнению со спортсменами более низкой квалификации, имеющими меньшее количество, и главное, участие с несравненно менее масштабных соревнований, не требующих такой колоссальной личной ответственности и психического напряжения, у профессионалов удовлетворение сексуальной жизнью оценено на 25,0 баллов ниже.

Душевная "черствость" усиливается у них по отношению к здоровью близких: этот показатель уменьшается по отношению к группе сравнения на 11,0 баллов. Важно, что и собственное здоровье спортсмены-профессионалы оценивают на 19,0 баллов ниже, чем в группе сравнения. Это свидетельствует о понимании ими того, какую "цену" они платят за свои победы и материальные вознаграждения, которые впоследствии их мало радуют.

В личных беседах с победившими спортсменами мы убеждались в том, что у них после кратковременного всплеска эйфории, вызванного получением выигрыша, наступает некая душевная опустошенность, эмоциональный дефицит, сменяющиеся размышлениями о выходе из спорта, неудовлетворенностью собой, депрессией и жизнью в целом. Кстати, ее показатель у них ниже, чем в группе сравнения, на 8,6 баллов (таблица 2).

Вынужденность для спортсменов-профессионалов годы жить по расписанию ведет к повышению чувствительности к кризису и усилению профессионального стресса (таблица 3).

Так, последний, по отношению к группе сравнения, увеличивается на 1,6 балла, а первый – на 2,3 балла. Это не означает, что психологическая резистентность у высококвалифицированных спортсменов в целом ниже, чем у их менее опытных коллег. Увеличение этих показателей связано с мощным и длительным во времени влиянием на них экстремальных условий спортивной деятельности, чрезмерных физических и психических нагрузок, которые и ведут к несравненно более глубокому изменению, вызванному психологическим стрессом.

Таблица 3. Показатели профессионального стресса, чувствительности к кризису и субъективного уровня заболеваемости у спортсменов (в баллах, n = 168)

Table 3. Indicators of athletes' professional stress, sensitivity to crisis and subjective sickness level (points, n = 168)

Наименование параметра	Спортсмены, имеющие 2 – 3 разряд (n = 87)	Мастера спорта и мастера спорта международного класса (n = 80)	t	p
Профессиональный стресс	10,3 ± 1,03	11,9 ± 1,00	2,7	<0,05
Чувствительность к кризису	9,4 ± 0,80	11,7 ± 1,05	2,8	<0,05
Психическое истощение	13,1 ± 0,88	15,8 ± 0,91	3,6	<0,01
Жалобы на желудок	10,6 ± 2,22	13,2 ± 3,18	1,7	>0,05
Ревматический фактор	12,4 ± 2,02	16,8 ± 2,34	2,8	<0,05
Жалобы на сердце	14,5 ± 3,02	17,1 ± 2,43	2,9	<0,05
Субъективный уровень заболеваемости	69,1 ± 5,34	85,6 ± 7,30	2,7	<0,05

Как установлено в нашей работе, стрессогенные факторы обостряют и проявление симптомов заболеваемости. Причем в наибольшей степени жалобы спортсменов вызваны симптомами, возникающими в области суставов (ревматический фактор): на 4,4 балла больше, чем в группе сравнения, и в сердце (больше на 3,6 баллов). Весьма показательны данные и по шкале

"психическое истощение". У профессионалов оно выше на 2,7 балла. Естественно, что и итоговый показатель – субъективный уровень заболеваемости у них значительно хуже: различия составляют 17,5 баллов.

Оценка уровня "общего здоровья" спортсменов привела к аналогичному результату (таблица 4).

Таблица 4. Показатели "Общего здоровья" спортсменов (в баллах, n = 168)

Table 4. Indicators of athletes' "general health" (points, n = 168)

Наименование параметра	Спортсмены, имеющие 2 – 3 разряд (n = 87)	Мастера спорта и мастера спорта международного класса (n = 80)	t	p
A – соматические симптомы	6,0 ± 0,12	15,4 ± 2,21	2,9	<0,01
B – тревога и бессонница	7,8 ± 0,42	16,7 ± 0,72	2,7	<0,05
C – социальные дисфункции	9,3 ± 0,11	13,6 ± 1,17	2,6	<0,05
D – депрессия	5,7 ± 0,09	12,5 ± 2,23	2,2	<0,05
O – общий уровень здоровья	28,8 ± 0,52	88,2 ± 8,24	2,3	<0,05

В основной группе этот показатель равен 58,2, а в группе сравнения – 28,8 баллов, т.е. разница в 29,4 баллов. При этом следует отметить, что это суммарный показатель, в состав которого входит ряд диагностировавшихся симптомов. Так, например, наибольшие различия с группой сравнения по уровню проявления соматических симптомов (на 9,4 баллов), затем следует тревога и бессонница (на 8,9 баллов), следующая – депрессия (на 6,8 баллов) и, наконец, социальные дисфункции (на 3,3 балла).

Это следует понимать как доказательство того, что ухудшение здоровья спортсменов, длительно переносящих большие нервно-психические нагрузки, происходит вследствие влияния на них стрессогенных социально-психологических факторов. Отражение их действия осуществляется внутренним миром спортсменов, а негативные изменения в психике и ухудшение их здоровья является "психологической платой" за материальные блага и спортивные победы.

Ведь на фоне влияния на психику и психологическое здоровье спортсменов многолетних ограничений и экстремальных условий спортивной деятельности на них действует и "социальный пресс", вызывающий социальные дисфункции (таблица 4): недобросовест-

ность судей, махинации в спортивных клубах, зависть и нападки болельщиков и соперников, болезненные «уколы» прессы. Кроме того, профессионалов «сдают» изнутри собственные раздумья. Последние касаются мыслей об окончании спортивной карьеры, условий ухода из спорта, состояния здоровья и возможностей трудоустройства, резкого снижения внимания общества к собственной персоне после завершения выступлений и др.

Другими словами, психическое утомление, бессонница, депрессия и другие предпатологические состояния накапливаются и все в большей степени входят в структуру личности, «интериоризируются» спортсменами, ухудшая их сопротивляемость, вызывая увеличение агрессивности, ригидности, профессиональное выгорание и, безусловно, с большой интенсивностью снижая уровень психологического здоровья. Последнее подтверждается его диагностикой: оно у них хуже, чем в группе сравнения, на 17,86 баллов, аналогично – социальное (на 11,32 баллов) (таблица 5).

Таблица 5. Показатели психологического и социального здоровья спортсменов (в баллах, n = 168)
 Table 5. Indicators of athletes' psychological and social health (points, n = 168)

Наименование параметра	Спортсмены, имеющие 2 – 3 разряд (n = 87)	Мастера спорта и мастера спорта международного класса (n = 80)	t	p
Психологическое здоровье	15,32 ± 0,43	33,18 ± 3,05	2,6	<0,05
Социальное здоровье	27,35 ± 0,72	16,03 ± 1,57	2,6	<0,05

Полученные данные ухудшения психологического и социального здоровья сопровождаются трансформацией в худшую сторону личностных качеств, изменением структуры личности и профессиональной деформацией спортсменов, имеющих многолетний стаж спортивной деятельности. Следовательно, результаты исследования позволяют отметить, что спорт высших достижений и профессиональный, представителями которого являются высококвалифицированные спортсмены, следует считать видом деятельности, оказывающим интенсивное влияние на их личность и приводящий к опасности значительного ухудшения психологического здоровья.

Поэтому следует подчеркнуть, что, учитывая собственные и литературные данные о вероятности потери психологического здоровья профессиональными спортсменами, необходимо осуществлять его постоянный мониторинг.

Выводы

1. Профессиональная спортивная деятельность, часто осуществляемая в экстремальных условиях, наряду с положительными, вызывает и отрицательные изменения в психике спортсменов, ухудшая ряд ка-

честв личности: тревожность, фрустрацию, депрессию, агрессивность, ригидность.

Чрезмерные длительные физические и нервно-психические напряжения приводят к усилению соматических симптомов: ощущению болей в суставах, желудке, сердце и других органах.

Многолетние интенсивные нагрузки спортсменов-профессионалов ведут к психическому истощению, повышению чувствительности к кризису, росту профессионального стресса, снижению качества жизни.

2. Чрезмерные психические напряжения, порождаемые неудержимым стремлением к получению гонораров за высокие результаты выступлений и боязнью неудовлетворения этой потребности являются стрессогенными факторами, вызывающими социальные дисфункции и снижение социального здоровья спортсменов. Они же ведут к обострению соматических симптомов, увеличению субъективного уровня заболеваемости и интенсивному ухудшению их психологического здоровья.

Полученные данные позволяют утверждать о наличии высокой степени актуальности и необходимости в дальнейшем исследовать не только влияние коммерциализации на психику, но и пути решения проблемы укрепления и сохранения психологического здоровья спортсменов-профессионалов.

Литература

3. Байковский Ю. В. Психодинамика, как фактор выживаемости малой группы в экстремальных условиях горной среды: монография. М.: ТВТ Дивизион, "Вертикаль", 2010. 264 с.
4. Беляева С. В. Развитие психического здоровья женщин средствами оздоровительно-физкультурной деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 22 с.
5. Гринь Е. И. Личностные ресурсы преодоления психического выгорания у спортсменов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2009. 24 с.
6. Карпов В. Е. Совершенствование средств саморегуляции психического состояния хоккеистов высшей квалификации в игровой деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2002. 21 с.
7. Лунева О. Г. Хронодиагностика доклинических нарушений здоровья спортсменов и патофизиологическое обоснование их хронокоррекции: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Владикавказ, 2010. 22 с.
8. Небытова Л. А. Психологическое сопровождение формирования надежности субъекта спортивной деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2004. 21 с.
9. Самойлов Н. Г. Объективные и субъективные факторы, от которых зависит экстремальность вида спорта и спортивные результаты // Очерки по юридической и экстремальной психологии: сборник научных трудов. Рязань, 2015. С. 115 – 120.
10. Самойлов Н. Г. Факторы, влияющие на успешность деятельности спортсменов в экстремальных условиях // Очерки по юридической и экстремальной психологии: сборник научных трудов. Рязань, 2015. С. 201 – 206.
11. Сопов В. Ф. Психические состояния в напряженной профессиональной деятельности. М.: Акад. Проспект: Трикта, 2005. 128 с.
12. Astalos M., Wijndaele K., Bourdeaudhuij I. De, Philippaerts R., Matton L., Duvigneaud N., Thomis M., Lefevre J., Cardon G. Sport participation and stress among women and men // Psychology of Sport and Exercise. 2012. № 13. P. 466 – 483.
13. Brymer E., Schweitzer R. The search for freedom in extreme sports: A phenomenological exploration // Psychology of Sport and Exercise. 2012. № 14. P. 865 – 873.
14. Caddick N., Smith B. The impact of sport and physical activity on the well-being of combat veterans: A systematic review // Psychology of Sport and Exercise. 2014. № 15. P. 9 – 18.

15. Carless D., Douglas K. Living, resisting and playing the part of athlete: Narrative tension in elite sport // *Psychology of Sport and Exercise*. 2013. № 14. P. 701 – 708.
16. Carless D., Sparkes A. C. The physical activity experience of men with serious mental illness: Three short stories // *Psychology of Sport and Exercise*. 2008. № 9. P. 191 – 210.
17. Culliver A., Griffiths K. M., Mackinnon A., Batterham P. J., Stanimirovic R. The mental of Australian elite athletes // *Journal of Science and Medicine in Sport*. 2015. № 18. P. 255 – 261.
18. Glenister D. Exercise and mental health: A review // *Journal of the Royal Society for the Promotion of Health*. 1996. V. 116. P. 7 – 13.
19. Hudson J., Day M. C. Athletes' experiences of expressive writing about sport stressors // *Psychology of Sport and Exercise*. 2012. № 13. P. 798 – 806.
20. Howells K., Fletcher D. Sink or swim: Adversity and growth-related experience in Olympic swimming champions // *Psychology of Sport and Exercise*. 2015. № 16. P. 37 – 48.
21. Kaiseler M., Polman R., Nicholls A. Mental toughness, stress appraisal coping and coping effectiveness in sport // *Personality and individual differences*. 2009. № 47. P. 728 – 733.
22. Paluska S. A., Schwenk T. L. Physical activity and mental health: current concepts // *Sport Medicine*. 2000. № 29(3). P. 167 – 180.
23. Stănescu M., Vasile L. Using Physical Exercises to improve Mental Health // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2014. V. 149. P. 921 – 926.
24. Wagstaff Ch., Hanton S., Fletcher D. Developing emotion abilities and regulation strategies in a sport organization: An action research intervention // *Psychology of Sport and Exercise*. 2013. № 14. P. 476 – 487.

Информация об авторе:

Алёшичева Анна Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и технических средств обучения Рязанского государственного медицинского университета Минздрава России, ANnamona@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 25.03.2016 г., принята к печати 25.05.2016 г.

PSYCHOLOGICAL HEALTH OF PROFESSIONAL ATHLETES INVOLVED IN EXTREME SPORTS

Aleshicheva Anna V.^{1, @}

¹ *Ryazan State Medical University*

@ ANnamona@yandex.ru

Abstract: The subject of the present study was to investigate the psychological health of professional athletes engaged in extreme sports. The research objective was to determine the effect of extreme sports on the psychological health of professional athletes.

The study involved 168 professional athletes who deal with auto racing, judo, karate, rock climbing, melee fighting and boxing. Among them 2 groups were formed: the study group (n = 80), which included professionals, and the control group (n = 87), consisting of athletes who have II or III sports categories. Diagnosis of the mental health and changes in the psyche of the athletes was performed 2 – 3 days before the competition.

Quantitative data were processed by methods of mathematical statistics. The study group, in contrast to the control group, showed an increase in the degree of manifestation of personal qualities that are treated as negative. These qualities include: anxiety, frustration, depression, stiffness.

It was discovered that the intensity and duration of physical and mental stress cause the emergence of increased somatic symptoms in professional athletes (feeling of pain in the joints, stomach, heart and other organs).

Extreme conditions of sports activity lead to mental exhaustion, increase sensitivity to the crisis, cause growth of occupational stress and reduce the quality of life. The author diagnosed exacerbation of somatic symptoms, an increase in the subjective level of morbidity, increase in the degree of manifestation of social disfunction and deterioration of the social and psychological health of professional athletes.

The primary factors negatively affecting the psyche of athletes can be postulated as professionalisation and commercialization of sport, which entail the growth of extreme loads, excessive physical and mental stress and a significant deterioration in social and psychological health of professional athletes.

Keywords: extreme sports, athletes, professionals, mental health, negative changes in the psyche.

For citation: Aleshicheva A. V. Psychological health of professional athletes involved in extreme sports. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 38 – 44.

References

1. Baikovskii Iu. V. Psikhodinamika, kak faktor vyzhivaemosti maloi gruppy v ekstremal'nykh usloviyakh gornoj sredy [Psychodynamics, as a factor of a small group survival in extreme conditions of mountain environment]. Moscow: TVT Divizion, "Vertikal", 2010, 264.

2. Beliaeva S. V. Razvitie psikhicheskogo zdorov'ia zhenshchin sredstvami ozdorovitel'no-fizkul'turnoi deiatel'nosti. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [The development of women's mental health by means of recreational and sports activity. Cand. psych. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2005, 22.
3. Grin' E. I. Lichnostnye resursy preodoleniia psikhicheskogo vygoraniia u sportsmenov. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Personal resources of overcoming mental burnout in athletes. Cand. psych. Sci. Diss. Abstr.]. Krasnodar, 2009, 24.
4. Karpov V. E. Sovershenstvovanie sredstv samoregulatsii psikhicheskogo sostoiianiia khokkeistov vysshei kvalifikatsii v igrovoi deiatel'nosti. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Perfection means of self-mental state of players of high qualification in gaming activities. Cand. ped. Sci. Diss. Abstr.]. Cheliabinsk, 2002, 21.
5. Luneva O. G. Khronodiagnostika doklinicheskikh narushenii zdorov'ia sportsmenov i patofiziologicheskoe obosnovanie ikh khronokorreksii. Avtoref. diss. kand. med. nauk [Chronological clinical diagnosis of health disorders in athletes and pathophysiological rationale for their chronological correction. Cand. med. Sci. Diss. Abstr.]. Vladikavkaz, 2010, 22.
6. Nebytova L. A. Psikhologicheskoe soprovozhdenie formirovaniia nadezhnosti sub"ekta sportivnoi deiatel'nosti. Avtoref. diss. kand. psihol. nauk [Psychological support of the formation of reliability of the subject of sports activity. Cand. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Stavropol', 2004, 21.
7. Samoilov N. G. Ob"ektivnye i sub"ektivnye faktory, ot kotorykh zavisit ekstremal'nost' vida sporta i sportivnye rezul'taty [Objective and subjective factors determining the extreme sport and athletic performance]. Ocherki po iuridicheskoi i ekstremal'noi psikhologii [Essays on law and extreme psychology]. Riazan', 2015, 115 – 120.
8. Samoilov N. G. Faktory, vliiaushchie na uspekhnost' deiatel'nosti sportsmenov v ekstremal'nykh usloviakh [Factors influencing the success of the activities of athletes in extreme conditions]. Ocherki po iuridicheskoi i ekstremal'noi psikhologii [Essays on law and extreme psychology]. Riazan', 2015, 201 – 206.
9. Sopov V. F. Psikhicheskie sostoiianiia v napriazhennoi professional'noi deiatel'nosti [Mental state in a tense professional activity]. Moscow: Akad. Prospekt: Triksa, 2005, 128.
10. [Asztalos M.](#), [Wijndaele K.](#), [Bourdeaudhuij I.](#) De, [Philippaerts R.](#), [Matton L.](#), [Duvigneaud N.](#), [Thomis M.](#), [Lefevre J.](#), [Cardon G.](#) Sport participation and stress among women and men. *Psychology of Sport and Exercise*, No. 13 (2012): 466 – 483.
11. Brymer E., Schweitzer R. The search for freedom in extreme sports: A phenomenological exploration. *Psychology of Sport and Exercise*, no. 14 (2012): 865 – 873.
12. Caddick N., Smith B. The impact of sport and physical activity on the well-being of combat veterans: A systematic review. *Psychology of Sport and Exercise*, no. 15 (2014): 9 – 18.
13. Carless D., Douglas K. Living, resisting and playing the part of athlete: Narrative tension in elite sport. *Psychology of Sport and Exercise*, no. 14 (2013): 701 – 708.
14. Carless D., Sparkes A. C. The physical activity experience of men with serious mental illness: Three short stories. *Psychology of Sport and Exercise*, no. 9 (2008): 191 – 210.
15. Gulliver A., Griffiths K. M., Mackinnon A., Batterham P. J., Stanimirovic R. The mental of Australian elite athletes. *Journal of Science and Medicine in Sport*, no. 18 (2015): 255 – 261.
16. Glenister D. Exercise and mental health: A review. *Journal of the Royal Society for the Promotion of Health*, vol. 116 (1996): 7 – 13.
17. Hudson J., Day M. C. Athletes' experiences of expressive writing about sport stressors. *Psychology of Sport and Exercise*, no. 13 (2012): 798 – 806.
18. Howells K., Fletcher D. Sink or swim: Adversity and growth-related experience in Olympic swimming champions. *Psychology of Sport and Exercise*, no. 16 (2015): 37 – 48.
19. Kaiseler M., Polman R., Nicholls A. Mental toughness, stress appraisal coping and coping effectiveness in sport. *Personality and individual differences*, no. 47 (2009): 728 – 733.
20. Paluska S. A., Schwenk T. L. Physical activity and mental health: current concepts. *Sport Medicine*, no. 29(3) (2000): 167 – 180.
21. Stănescu M., Vasile L. Using Physical Exercises to improve Mental Health. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, vol. 149 (2014): 921 – 926.
22. Wagstaff Ch., Hanton S., Fletcher D. Developing emotion abilities and regulation strategies in a sport organization: An action research intervention. *Psychology of Sport and Exercise*, no. 14 (2013): 476 – 487.

Received 25.03.2016, accepted 25.05.2016.

УДК 159.9:811.161.1

ОБЫДЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СТАБИЛЬНОСТИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Е. Н. Гуц^{1, @1}, Л. А. Паутова^{2, @2}¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского² Фонд «Общественное мнение» (г. Москва)

@1 egoots@yandex.ru

@2 larisa-paytova@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты диахронического (трендового) исследования обыденного представления о стабильности студентов ОмГУ им. Ф. М. Достоевского в 2002 и 2015 гг. Проведено комплексное сравнительно-сопоставительное исследование на материале результатов двух экспериментов: ассоциативного и эксперимента по методу семантического дифференциала. Подтверждено предположение, сделанное ранее, об относительности обыденного представления о стабильности, о разрыве между реальностью (устойчивость – неустойчивость общества и мира в целом) и репрезентацией, о мифологизации и идеологизации сознания стабильности.

Ключевые слова: стабильность, сознание, обыденное представление, диахроническое (трендовое) исследование, ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал.

Для цитирования: Гуц Е. Н., Паутова Л. А. Обыденное представление о стабильности: экспериментальное диахроническое исследование // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 45 – 50.

«Стабильность» – одно из важнейших системообразующих понятий и центральных вопросов социологической науки. Изучение стабильности всегда находилось в центре внимания психологии, философии, культурологии. Тема «стабильности» имеет «стабильную актуальность» и по-прежнему востребована в научной и обыденной жизни.

Например, восприятию студентами стабильности общества, университетской жизни, окружающей среды, а также установлению того, как студенты представляют факторы, влияющие на стабильность, посвящается большое число работ в различных странах, в частности в современной России [7 – 13; 3].

Однако, несмотря на наличие специальных и междисциплинарных исследований данной проблемы, вопрос о субъективном измерении стабильности, особенно в рамках психолингвистического анализа, требует дальнейшего изучения. На каждом витке развития постсоветского общества актуальным остается вопрос о том, как люди сами видят эту стабильность, что вкладывают в ее смысл, как ее оценивают. Необходимо не только углубление и расширение методологической базы исследования сознания стабильности, или стабилизационного сознания [5], но и проведение сравнительно-сопоставительного анализа новых эмпирических данных с уже имеющимися в гуманитарных науках.

Цель данной статьи – представить результаты комплексного диахронического (трендового) исследования обыденного представления о стабильности. Под *трендовым* исследованием в социологии и социолингвистике понимается экспериментальное исследование, когда «в двух разнесенных по времени обследованиях изучаются различные, но обладающие идентичными наборами социальных характеристик индивиды» [2, с. 323].

Методы исследования: свободный ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал, метод фокус-групп.

Эмпирическую базу исследования составили данные двух этапов трендового исследования: Э-1 (2002 г.) и Э-2 (2015 г.). *Испытуемые:* студенты Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Объем выборки: 100 испытуемых в эксперименте по методу семантического дифференциала (Э-1 и Э-2) и соответственно 280 и 300 испытуемых в ассоциативных экспериментах 2002 и 2015 гг. Возраст испытуемых: 18 – 24 года. В экспериментах участвовали студенты гуманитарных и естественнонаучных факультетов (математического, экономического, международного бизнеса, правоведения, психологии, компьютерных наук). Задача, связанная с гендерным аспектом исследования, специально не ставилась, поэтому количество девушек и юношей не регламентировалось.

Подготовка и проведение экспериментов трендового исследования

1. *Свободный ассоциативный эксперимент* проводился в письменной форме, на выполнение задания отводилось не более 15 минут. Испытуемым предлагалось отвечать «первым пришедшим на ум словом, не задумываясь, не возвращаясь к своим ответам, и, конечно, не списывать у соседа». Эксперимент вызвал большой интерес у испытуемых, особенно у представителей не гуманитарных профессий, которые участвовали в подобном эксперименте впервые.

Стимульный список включал 32 слова: *жизнь, стабильность, любовь, красота, вера, горе, предательство, демократия, жена, карьера, судьба, радость, цель, страх, дружба, деньги, дети, мечта, удовольствие, зависть, сессия, счастье, ученый, война, успех, ревность, интеллигенция, амбиции, бизнес, муж, наука, кризис.*

В формировании списка участвовали эксперты – студенты факультета филологии и медиакоммуникации ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.

В 2002 г. был проведен цепочечный ассоциативный эксперимент: испытуемым было дано задание написать по три слова-реакции на каждый стимул.

2. *Метод семантического дифференциала*. Каждый участник эксперимента получал две анкеты, которые включали задание, требующее описать свое отношение к предлагаемому слову (*стабильность* и *хаос*), применяя процедуру шкалирования (интенсивность выраженности каждого признака градуировалась от +3 до -3, включая 0). На выполнение задания отводилось 20 минут.

Основная задача данного эксперимента связана с выявлением эмоционально-оценочной составляющей восприятия предлагаемого в анкете слова, что определило выбор исследовательского подхода к языковому материалу.

Для проведения эксперимента в 2015 г. были использованы те же шкалы, что и в эксперименте 2002 г. [4, с. 99]: был применен адаптированный, расширенный вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда. При выборе шкал также использовались факторы, предложенные В. Ф. Петренко для проведения массовых исследований по данной методике [6, с. 94 – 97].

В список были включены следующие шкалы: *веселый – грустный, светлый – темный, добрый – злой, хороший – плохой* (фактор «Оценка»); *прошедший – настоящий, быстрый – медленный, пассивный – активный* (фактор Активность); *сложный – простой* (фактор «Сложность»); *сильный – слабый* (фактор «Сила»); *долгий – короткий* (фактор «Обычность, частота встречаемости»); *нежный – грубый, мягкий – твердый, безопасный – опасный* (фактор «Комфортность»).

3. *Метод фокус-групп, или групповое глубокое интервью*. В исследовании используются данные групповой дискуссии «Стабильный Я в нестабильном мире», проведенной с магистрантами факультета филологии и медиакоммуникации. Результаты проведенного интервью сравнивались с данными, полученными при проведении дискуссии на эту же тему в 2002 г. [5].

Процедура обработки данных. Анализ результатов

1. *Свободный ассоциативный эксперимент*. Составление ассоциативных полей по общепринятой методике с обязательным указанием количества отказов.

Представим ассоциативное поле «Стабильность».

Стабильность – работа (24), деньги (21), семья (14), постоянство (13), уверенность (13), Путин (9), спокойствие (9), благополучие (6), дом (6), надёжность (6), скука (6), достаток (5), доход (5), устойчивость (5), успех (5), мужчина (4), отношения (4), покой (4), порядок (4), государство (3), мастерство (3), муж (3), признак мастерства (3), равновесие (3), хорошо (3), Единая Россия (2), заработок (2), зарплата (2), неинтересно (2), нет (2), норма (2), регулярность (2), ровно (2), Россия (2), экономика (2), безопасность, богатство, быт, валюта, верность, в жизни, в карьере, всегда, вселенная, в экономике, гарантия, гармония, график, двусторонняя детская качеля, доверие, дорога, жизни, жизнь, защищённость, здоровье, золото,

карьера, консерватизм, косность, кризис, линия, ложь, материальная, материальный доход, машина, невозможна, не всегда нужна, неизменность, ненадёжность, неплохо бы, нестабильность, нет проблем, неуравновешенность, огород, однообразие, однотипность, опыт, основа, ответственность, отрезок, отсутствие проблем, план, плоскость, поддержка, поздравление с 8 марта, Польша, понимание, постоянная занятость, постоянность, постоянный заработок, по течению, привычка, природа, развитие, разруха, режим, ригидность, родители, рубль, рутина, свобода, своя квартира, серый цвет, сила, сильный фундамент, систематичность, скукота, смерть, социальное благо, стабильно плохо, стагнация, статистика, статичность, структура, счастье, твёрдость, [твёрдо стоять на ногах, ни в чём не нуждаясь], тлен, труд, уверенность в своём будущем, у меня её нет, уравновешенность, утопия, фундамент, хаос, хороша, хорошая жизнь, я; отказы (7).

Сравнительно-сопоставительный анализ ассоциативного материала, полученного в цепочечном ассоциативном эксперименте (2002 г.), и ассоциативного поля, построенного на материале свободного ассоциативного эксперимента (2015 г.), позволил сделать следующие выводы:

1) собственно семантические, собственно ассоциативные и реакции развертывания, относящиеся к теме «Экономика», составляют соответственно 15,7 % (Э-1) и 20 % (Э-2) от всех реакций в каждом эксперименте;

2) те же типы реакций, относящиеся к теме «Политика», составляют 8 % (Э-1) и 4,6 % (Э-2);

3) реакции, относящиеся к теме «Семья», составляют 3,6 % (Э-1) и 8 % (Э-2);

4) реакции, характеризующие *стабильность* как свойство социального взаимодействия, составляют 3,2 % (Э-1) и 7,6 % (Э-2);

5) реакции, характеризующие *стабильность* как свойство равновесия, составляют 25,9 % (Э-1) и 10,2 % (Э-2);

6) ассоциации с явлениями природы и предметами быта составляют 4,5 % (Э-1) и 1,6 % (Э-2);

7) реакции, связанные с темой «Наука», составляют 2,27 % (Э-1) и 1 % (Э-2);

8) положительные эмоционально-оценочные реакции составляют 18,7 % (Э-1) и 28 % (Э-2);

9) отрицательные эмоционально-оценочные реакции составляют 3,4 % (Э-1) и 7 % (Э-2);

10) остальные реакции (индивидуальные, немотивированные, неадекватные) составляют 14,8 % (Э-1) и 12 % (Э-2).

Таким образом, свободный ассоциативный эксперимент, проведенный через 13 лет в том же городе, в том же учебном заведении и с респондентами одного и того же возраста, что отвечает требованиям трендового диахронического исследования, подтвердил выводы, сделанные на материале первого ассоциативного эксперимента: для респондентов 17 – 24 лет *стабильность* – прежде всего это свойство какого-либо объекта сохранять равновесие (*неизменность, постоянство, покой*). Такой важный признак стабильности, как способность возвращаться в состояние равновесия в случае вынужденных отклонений, зани-

мает меньшее место в ассоциациях студентов. Еще меньшее внимание привлекает респондентов динамические и управленческие свойства стабильности [4, с. 65].

Нельзя не согласиться, опираясь на данные Э-2, с замечанием одного из авторов статьи о том, что «мы ясно можем отличить стабильное состояние от нестабильного, но, возможно, будем испытывать сильное затруднение, пытаясь выразить это отличие словами» [4, с. 65]. Доля реакций, которые можно условно отнести к научным, невысока и в Э-1, и в Э-2. В обоих экспериментах авторами этих реакций были студенты естественных факультетов и факультета математики.

Большую группу составляют реакции, характеризующие *стабильность* как социальное явление. Это ассоциации, которые связывают сущность *стабильности* с определенным социальным аспектом: социальным взаимодействием, семьей, политикой и, конечно, экономикой. Анализ этих реакций подтверждает неизменность, «стабильность» экономических и бытовых проблем в жизни людей.

Социальные обыденные (повседневные) представления о чем-либо всегда оценочны, обычно доминирует эмоциональная оценка, чаще негативная. Результаты данного диахронического исследования подтверждают эту закономерность. Оба этапа эксперимента демонстрируют двойственное эмоциональное отношение к стабильности. Для одних респондентов *стабильность* – позитивное явление, необходимое для спокойной, материально обеспеченной жизни, когда «твердо стоишь на ногах, ни в чем не нуждаясь» и «уверен в своем будущем», для других *стабильность* – рутина, скукота, стагнация, тлен, смерть...

Количественный анализ реакций показывает, что в Э-2 заметно возросло число и положительных (18,7 % (Э-1) и 28 % (Э-2)), и отрицательных реакций (3,4 % (Э-1) и 7 % (Э-2)). Думается, это связано с актуализацией личной позиции респондентов по отношению к понятию (явлению, состоянию), важному для молодого человека, вступающего в самостоятельную жизнь в период нестабильности, кризиса, пугающих политических и социальных прогнозов.

2. *Метод семантического дифференциала*. При обработке данных был проведен анализ средних значений по всем шкалам. Затем полученные количественные результаты мы сравнили с результатами, представленными в исследовании Л. А. Паутовой [4], и провели сравнительно-сопоставительный анализ материалов двух экспериментов. В таблице даны две цифры по каждой шкале: первая – индекс в Э-1, вторая (расположенная ниже в столбик) – индекс в Э-2.

Итак, на уровне повседневного сознания «стабильность» и «хаос» по некоторым признакам близки, а по другим – существенно отличаются как в Э-1, так и в Э-2. Сходство характерно для признаков (показателей шкал) фактора «сила»:

сильный – слабый +1,08 и +1,93 (Э-1); +1,4 и +1,3 (Э-2);

долгий – короткий +1,36 и +1,93 (Э-1); +1,1 и +1,2 (Э-2);

сложный – простой +1,21 и +1,12 (Э-1); +0,1 и +1,7 (Э-2).

Таблица. Сравнительно-сопоставительный анализ материалов двух экспериментов

Table. Comparative analysis of the results of the two experiments

<i>Шкалы</i>	<i>Индексы: Стабильность – Хаос</i>
Веселый	+1,5 +0,62
Грустный	+2,03 +0,4
Хороший	+2,3 –1,58
Плохой	+1,2 –1,3
Добрый	+1,03 –1,18
Злой	+2,03 –2,06
Светлый	+2,7 –2,58
Темный	+1,2 –2,9
Долгий	+1,36 +1,93
Короткий	+1,1 –1,2
Сложный	+1,21 +1,12
Простой	+0,1 +1,7
Прошедший	+0,32 +0,5
Настоящий	-0,03 +0,06
Теплый	+1,36 –1,02
Холодный	+0,3 –0,7
Активный	+0,07 +2,62
Пассивный	-1,1 +2,4
Женский	+0,07 –0,27
Мужской	+0,6 –0,8
Безопасный	+2,8 –2,81
Опасный	+2,3 –1,6
Нежный	+1,83 –1,34
Грубый	+0,2 –1,5
Мягкий	+0,78 +0,68
Твердый	-0,9 +0,23
Сильный	+1,08 +1,1
Слабый	+1,4 +1,3
Быстрый	+0,47 +1,26
Медленный	-1,4 +1,9
Живой	-1,1 +2,5
Безжизненный	-0,3 +2,3
Яркий	-0,9 +1,9
Тусклый	-0,3 +1,3

Близость наблюдается и по признакам, которые испытуемые оценивают как «ни то, ни другое». В эксперименте эта оценка приближается к нулевой отметке. Выборочный опрос испытуемых показал, что данные признаки воспринимаются участниками эксперимента как неадекватные, неподходящие для оценки стабильности и хаоса:

мягкий – твердый +0,78 и +0,68 (Э-1); -0,9 и +0,23 (Э-2);

женский – мужской +0,7 и +0,27 (Э-1); +0,6 и -0,8 (Э-2).

Респонденты Э-1 нейтрально оценили *стабильность* и *хаос* с точки зрения временного фактора: +0,32 и +0,5 соответственно. В 2004 г. на этом основании был сделан вывод, что «для респондентов оказалась не свойственна ностальгическая мифологизация прошлого, по крайней мере, при заполнении семантического дифференциала» [3, с. 100]. По данным Э-2 *стабильность* и *хаос* также занимают «несмелые» нулевые места на шкале *прошедший –*

настоящий (–0,03 и +0,06). В период кризиса и пессимистических настроений молодежи (по данным ассоциативного эксперимента и опроса респондентов) мы ожидали других результатов.

Нейтральным для респондентов Э-1 и Э-2 оказался и такой гендерный признак, как *женский* – *мужской*. Однако для респондентов Э-2 *хаос* все-таки больше *мужской*, чем *женский*, что может быть связано с родом самого слова-стимула. Таким образом, вывод, сделанный ранее, что «половой принадлежности у стабильности и хаоса не выявилось» [4, с. 100], подтвердился и на материале Э-2. Нельзя не признать противоречивость оценки мужского и женского с точки зрения *стабильности* и *хаотичности*, а также нерелевантность этой шкалы для исследования данного феномена.

Стабильность и *хаос* воспринимаются респондентами по-разному, как и ожидалось, с точки зрения эмоциональной оценки (фактор оценки):

стабильность – *хорошая* (+2,3 в Э-1 и +1,2 в Э-2), *добрая* (+1,3 и +2,03), *нежная* (+1,83 и +0,2), *теплая* (+1,36 и +0,3), *безопасная* (+2,8 и +2,3);

хаос – *плохой* (–1,58 и –1,3), *злой* (–1,18 и –2,06), *грубый* (–1,34 и –1,5), *холодный* (–1,02 и –0,7), *опасный* (–2,81 и –1,6).

Конечно, исследуемые феномены занимают «противоположные места» на следующих шкалах: *светлый* – *темный* +2,7/–2,58 (Э-1) и +1,2/–2,9 (Э-2) (актуализация архетипа «порядок – свет», «хаос – темнота» здесь очевидна); *быстрый* – *медленный* – 0,47/+1,26 (Э-1) и –0,3/+2,3 (Э-2); *активный* – *пассивный* –0,07/+2,62 (Э-1) и –1,1/+2,4 (Э-2); *веселый* – *грустный* +1,5/+0,62 (Э-1) и +2,03/+0,4 (Э-2).

Таким образом, в обыденном повседневном сознании наших респондентов *стабильность* и *хаос* различаются по очевидным для исследователя признакам (*хороший* – *плохой*, *добрый* – *злой*, *безопасный* – *опасный* и др.), однако сближаются (и в Э-1, и в Э-2) по признакам *сильный*, *долгий*, *сложный*, что, безусловно, представляет интерес для дальнейшего психолингвистического исследования стабилизационного сознания россиян.

3. Метод фокус-групп.

Был проведен выборочный опрос (групповое глубокое интервью) участников эксперимента по методу семантического дифференциала. Состав участников – 10 магистрантов, заполнивших анкеты по методу «семантического дифференциала» по различным схемам: от преимущественно положительной оценки («оптимистический, позитивный» тип ответов) до преобладания отрицательной оценки и нулей («пессимистический, негативный» тип ответов). Вопросы для группового интервью составлялись с учетом названий шкал предыдущего эксперимента, однако сами шкалы не назывались и результаты эксперимента не обсуждались. Участникам дискуссии предлагались следующие вопросы: «Что, по вашему мнению, означает слово *стабильность*? Как Вы понимаете значение словосочетания *стабильность в обществе*? Как, по вашему мнению, можно оставаться *стабильным* в *нестабильном* мире? Какие периоды или моменты Вашей собственной жизни вы считаете наиболее ста-

бильными? Как вы оцениваете собственное настоящее с точки зрения его стабильности?».

В основе анализа материалов фокус-групп лежит «так называемая концептуальная триангуляция, т. е. соотнесение друг с другом разных систем взглядов. Число возможных концептуальных триангуляций зависит от числа существующих точек зрения на соответствующий вопрос» [1, с. 45]. В анализируемой фокус-группе столкнулись две точки зрения, поэтому процесс данного группового обсуждения может быть назван триангуляцией между конкурирующим или сосуществующими точками зрения в обыденном сознании. Бесспорное преимущество фокус-групп состоит в том, что они представляют гарантированную возможность наблюдать большое число релевантных социальных взаимодействий за малый период времени [1, с. 45]. Достоинством фокус-групп является проявление в них плохо осознаваемых, подсознательных установок, которые становятся осознаваемыми в процессе коммуникации. В нашем трендовом исследовании метод фокус-групп использовался для верификации результатов двух экспериментов. В первую очередь нас интересовала эмоционально-оценочная составляющая ассоциативных полей и результатов эксперимента по методу семантического дифференциала. Групповое глубокое интервью позволило получить разъясняющую и дополнительную информацию по теме исследования, углубить аналитические аспекты изучения обыденного представления о стабильности.

Группа стала своеобразной моделью студенчества, участвующего в нашем исследовании. В ней представлены «оптимисты», «пессимисты», «радикалы», «скептики», «интеллектуалы», «соглашатели», «циники». Основная дискуссия развернулась с участием двух противоположных сил: апологетов стабильности и скептиков-нигилистов.

Защитники самой идеи *стабильности* использовали в речи различные эпитеты с положительной эмоциональной оценкой, критиковали своих оппонентов, выражали уверенность в возможности и необходимости «личной» стабильности, несмотря на кризис, экономическую и политическую нестабильность современного общества. Их оптимизм основывался на уверенности в собственных силах, поставленной цели, силе воли и т. п. Для них *стабильность* – *хорошая*, *добрая*, *безопасная*, *светлая*, конечно же, *активная* и *сильная*. *Рутинная*, *скука*, *стагнация*, сопутствующие *стабильности*, отвергаются, считаются уделом слабых «лузеров». «Скептики», напротив, критиковали оппонентов за амбициозность, незнание жизни, доверие телевизионной пропаганде, высказывали пессимистические прогнозы, демонстрировали радикальную модель, отрицая стабильность и выступая за изменения, пользовались лексикой с отрицательной эмоциональной оценкой. Для них *стабильность* – *плохая*; *больше злая*, чем *добрая*, потому что «*ни денег, ни квартиры, ни будущего, зато все стабильно плохо*»; конечно же, *опасная*, *долгая* и *темная*. Таким образом, групповое интервью показало, что ответы наших испытуемых на вопросы по методу семантического дифференциала не случайны, закономерны и личностно ориентированы.

Выводы

Относительно «стабильные» результаты экспериментального трендового исследования позволяют утверждать, что обыденное представление о стабильности остается и на новом витке развития российского общества *относительно*: «тема стабильности – не столько фактическое очертание параметров стабильного общества, сколько философема и идеологема (упорно внедряемые, и, кажется, небезуспешно)» [3].

На основании полученных экспериментальных данных и их сравнения с результатами предыдущего эксперимента (2002 г.) сделан вывод о том, что за тринадцать лет не произошли изменения в реагировании на стимул *стабильность* респондентами-студентами. Сохранились четыре основные формулы (стратегии), которыми пользовались и пользуются участники экспериментов: «стабильность – это идеал», «стабильности нет!», «стабильность – зло», «стабильность бывает разная». Несмотря на ярко выраженное социальное звучание и ориентацию на будничные житейские проблемы, образ *стабильности* во многом идеален. *Стабильность* становится частью картины, изображающей радостную, стремящуюся к совершенству, счастливую жизнь. Однако *стабильность* может восприниматься не только как идеал, но и как утопия, фикция, миф, либо как зло, препятствующее развитию личности и общества в

целом. Необходимо отметить и стилистическую маркированность самого слова *стабильность*, его преимущественное использование в политической, законодательной, научной сфере, что не могло не влиять на стратегии реагирования респондентов в условии ассоциативного эксперимента.

Многомерность представления о стабильности подтверждается и результатами эксперимента по методу семантического дифференциала. Несмотря на сложность эмоциональной составляющей представления о *стабильности* и наличия нескольких доминант, и в Э-1, и в Э-2 можно выделить главное: *стабильность* безопасна, а значит, она может обеспечить спокойствие и уверенность, так необходимые человеку в жизни.

Диахроническое комплексное исследование обыденного представления о стабильности подтвердило сделанное ранее предположение [4] о многомерности и противоречивости изучаемого объекта. Для респондентов двух этапов комплексного трендового исследования *стабильность* – это нечто, имеющее (или, наоборот, не имеющее) отношение к реальной жизни, к личным житейским проблемам, тесно связанное с другими социальными представлениями, например, о порядке, безопасности, законности, справедливости, власти.

Литература

1. Белановский С. А. Метод фокус-групп: учебное пособие. М.: Никколо-медиа, 2001. 280 с.
2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 439 с.
3. Вартанова И. А. К вопросу об измерении отношения к стабильности студенческой молодежи // Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития: материалы XI Международной научно-практической конференции. 23 – 25 ноября 2011 г. СПб., 2011. С. 47 – 50.
4. Паутова Л. А. Повседневное представление о стабильности: монография. Омск: Наследие. Диалог-Сибирь, 2004. 226 с.
5. Паутова Л. А. Стабилизационное сознание: интегративная модель: монография. Омск: ОмГТУ, 2006. 368 с.
6. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 3-е изд. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
7. Abd-Razak M. Z., Utambarta N., Handryant A. N. A Study of Students' Perception on Sustainability of Campus Design: A Case Study of Four Research Universities Campus in Malaysia // Research Journal of Environmental and Earth Sciences. 2012. V. 4(6). P. 646 – 657.
8. Ali A., Murphy H. C., Nadk S. Hospitality students' perceptions of digital tools for learning and sustainable development // Journal of Hospitality, Leisure, Sport & Tourism Education. 2014. V. 15. P. 1 – 10.
9. Behm C. L. Student perception and definitions of Sustainability. Thesis Submitted in partial for the degree of Master of Science. University of Illinois at Urbana-Champaign, 2011. 73 p.
10. Emanuel R., Adams J. N. College students' perceptions of campus sustainability // International Journal of Sustainability in Higher Education. 2011. V. 12. Iss. 1. P. 79 – 92.
11. Fisher P. B., McAdams E. Gaps in sustainability education: The impact of higher education coursework on perceptions of sustainability // International Journal of Sustainability in Higher Education. 2015. V. 16, Iss. 4. P. 407 – 423.
12. Jeong M. M., Jung Y., Koo D. D. College Students' Perceptions of Sustainability: A Regional Survey // Journal of Building Construction and Planning Research. 2015. V. 3. P. 209 – 222.
13. Mobley C., Lee C., Morse J. C., Allen J., Murphy C. Learning about sustainability: an interdisciplinary graduate seminar in biocomplexity // International Journal of Sustainability in Higher Education. 2014. V. 15, Iss. 1. P. 16 – 33.

Информация об авторах:

Гуц Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, egoots@yandex.ru.

Паутова Лариса Александровна – доктор социологических наук, главный специалист Фонда «Общественное мнение» (г. Москва), larisa-paytova@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 20.02.2016 г., принята к печати 03.06.2016 г.

COMMON NOTION ON STABILITY: EXPERIMENTAL DIACHRONIC STUDY

Goots Elena N.^{1, @1}, Pautova Larisa A.^{2, @2}¹ *Slavic and general linguistics named after F. M. Dostoevsky*² *"Public Opinion" foundation chief expert, (Moscow)*@1 *egoots@yandex.ru*@2 *larisa-paytova@yandex.ru*

Abstract: The results of experimental study of common notion on stability (2015) were compared with those of analogous study (2002). The goal of the diachronic study carried out for 13 years apart was to find out common and specific features in the perception of *stability* by respondents, possessing identical sets of social characteristics. Integrated comparative-correlative study is done with the data of two experiments' results: associative experiment and experiment with semantic differential method. The study manifested the nucleus of *stability* associative field representing consciousness constants and peripheral area, variable in terms of structure and quantitative filling. The analysis of the experiment results with semantic differential method made it possible to find out resemblance and differences in perception of *stability* and *chaos* by respondents. Undoubtedly, it is important for future study of Russian stabilization consciousness. The method of semantic differential as a psycholinguistic method and as a tool of this phenomenon of perception study revealed emotional evaluative constituent of stability common idea. The authors confirm the supposition made earlier about relativity of common notion on stability; gap between reality (societal and global stability – instability) and representation; on mythologization and ideologization of stability awareness.

Keywords: stability, common notion, diachronic (trend) study, associative experiment, semantic differential.

For citation: Goots E. N., Pautova L. A. Common notion on stability: experimental diachronic study. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 45 – 50.

References

1. Belanovskii S. A. *Metod fokus-grupp* [Focus group method]. Moscow: Nikkolo-media, 2001, 280.
2. Belikov V. I., Krysin L. P. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Ros. gos. gumanit. un-t, 2001, 439.
3. Vartanova I. A. K voprosu ob izmerenii otnosheniia k stabil'nosti studencheskoi molodezhi [On the question of measuring the students' attitude to stability]. *Ekonomicheskaja psikhologija: sovremennye problemy i perspektivy razvitiia: materialy odinnadtsatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 23 – 25 noiabria 2011 g.* [Economic psychology: contemporary problems and prospects: Proc. eleventh Intern. Sc.-Prac. Conf. 23 – 25 November 2011]. Saint-Petersburg, 2011, 47 – 50.
4. Pautova L. A. *Povsednevnoe predstavlenie o stabil'nosti* [Everyday notion on stability]. Omsk: Nasledie. Dialog-Sibir', 2004, 226.
5. Pautova L. A. *Stabilizatsionnoe soznanie: integrativnaia model'* [Stabilization consciousness: an integrative model]. Omsk: OmGTU, 2006, 368.
6. Petrenko V. F. *Osnovy psikhosemantiki* [Basics of psychosemantics]. 3th ed. Moscow: Eksmo, 2010, 480.
7. Abd-Razak M. Z., Utamera N., Handryant A. N. A Study of Students' Perception on Sustainability of Campus Design: A Case Study of Four Research Universities Campus in Malaysia. *Research Journal of Environmental and Earth Sciences*, no. 4(6) (2012): 646 – 657.
8. Ali A., Murphy H. C., Nadk S. Hospitality students' perceptions of digital tools for learning and sustainable development. *Journal of Hospitality, Leisure, Sport & Tourism Education*, no. 15 (2014): 1 – 10.
9. Behm C. L. *Student perception and definitions of Sustainability. Thesis Submitted in partial for the degree of Master of Science.* University of Illinois at Urbana-Champaign, 2011, 73.
10. Emanuel R., Adams J. N. College students' perceptions of campus sustainability. *International Journal of Sustainability in Higher Education*, 12, Iss. 1 (2011): 79 – 92.
11. Fisher P. B., McAdams E. Gaps in sustainability education: The impact of higher education coursework on perceptions of sustainability. *International Journal of Sustainability in Higher Education*, 16, Iss. 4 (2015): 407 – 423.
12. Jeong M. M., Jung Y., Koo D. D. College Students' Perceptions of Sustainability: A Regional Survey. *Journal of Building Construction and Planning Research*, no. 3 (201): 209 – 222.
13. Mobley C., Lee C., Morse J. C., Allen J., Murphy C. Learning about sustainability: an interdisciplinary graduate seminar in biocomplexity. *International Journal of Sustainability in Higher Education*, 15, Iss. 1 (2014): 16 – 33.

Received 20.02.2016, accepted 03.06.2016.

УДК 159.99

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ю. А. Лаптева^{1, 1@}, И. С. Морозова^{1, 2@}¹ Кемеровский государственный университет^{1@} aglailia@mail.ru.^{2@} ishmorozova@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется современное состояние проблемы эмоционального развития детей дошкольного возраста в рамках отечественных исследований. Эмоциональные новообразования рассматриваются в качестве значимого регулятора большинства важных жизненных функций и как фактор формирования сложной системы эмоционального мироощущения ребёнка-дошкольника. На основе теоретических обобщений различных исследовательских позиций выделены три взаимосвязанных направления эмоционального развития в период дошкольного детства: эмоционально-экспрессивное, эмоциональное регулирование поведения и общения, развитие социальных эмоций. Показано появление ключевых новообразований эмоциональной сферы дошкольника: способность к дифференциации признаков экспрессии и идентификации их значения в контексте определённых эмоциональных состояний; развитие эмпатии; способность к эмоциональному предвосхищению. Результаты теоретических обобщений представлены в авторской модели эмоционального развития детей дошкольного возраста. В заключении указывается на связь ключевых новообразований эмоциональной сферы, характера социально-значимых отношений, складывающихся в пространстве детского сада, с чувством эмоционального (психологического) комфорта ребёнка-дошкольника.

Ключевые слова: эмоциональная сфера, эмоциональное развитие дошкольников, направления эмоционального развития, эмоциональные новообразования, модель эмоционального развития.

Для цитирования: Лаптева Ю. А., Морозова И. С. Развитие эмоциональной сферы ребенка дошкольного возраста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 51 – 55.

Развитие эмоциональной сферы детей в психолого-педагогических исследованиях рассматривается в качестве одной из ведущих характеристик детского развития. Перемены, происходящие во взрослом обществе, изменение социально-экономических условий, в числе прочего, обуславливают увеличение количества детей с психоэмоциональными нарушениями. Такие тенденции приводят к осложнению процесса социализации ребёнка-дошкольника, затрудняют его вхождение в мир культуры межличностных отношений. Отражение социальных отношений в переживаниях ребенка не только определяет доминирующий эмоциональный фон, но и выступает источником развития и «кристаллизации» его эмоциональной сферы.

Опыт взаимодействия с детьми дошкольного возраста в рамках мониторинговой деятельности в дошкольных образовательных организациях позволяет говорить о том, что современная ситуация развития детей далеко не всегда способствует удовлетворению потребностей ребёнка в эмоциональном переживании. Так, исследования последних лет показывают увеличение количества детей с признаками тревожности и агрессии, снижение эмоционального интеллекта, эмоциональной отзывчивости, способности учитывать чувства других, сопереживать неудачам, радоваться успехам других, адекватно проявлять свои чувства [4; 9; 11; 14]. В исследованиях отмечается снижение возраста появления эмоциональных нарушений у дошкольников.

Появление у ребёнка чувства психоэмоционального комфорта в целом фактически обеспечено ключевыми новообразованиями эмоциональной сферы. Становление ключевых новообразований эмоциональной сферы приходится главным образом на до-

школьное детство, что делает эмоциональную сферу ребёнка-дошкольника наиболее загруженной и компетентной, выступающей регулятором большинства важных жизненных функций, фактором формирования сложной системы эмоционального мироощущения ребёнка [10].

Изучение общих закономерностей эмоционального развития на разных этапах дошкольного детства значительно углубляет понимание механизмов личностного и интеллектуального развития детей. В рамках системно-деятельностного подхода, положенного в основу современных образовательных стандартов, эмоциональное развитие объясняется преимущественно с позиции появления новообразований в рамках эмоциональной сферы на определённых возрастных этапах. Значимые новообразования формируются в рамках эмоционально-экспрессивного развития; становления эмоциональной регуляции общения и поведения; развития эмоционального взаимодействия и социальных эмоций.

Одним из ключевых направлений процесса эмоционального развития учёными рассматривается становление восприятия и воспроизведения дошкольниками эмоциональных состояний. В рамках отдельных задач экспериментальных исследований (А. С. Золотникова, А. М. Щетинина, О. В. Гордеева, Е. М. Листик, И. О. Карелина, Н. В. Капитоненко, Н. А. Довгая, Т. В. Гармаева, Е. И. Изотова, Л. В. Попова, Т. В. Гребенщикова и др.) установлены особенности расширения модального ряда эмоциональных переживаний, усложнение системы знаний об эмоциях у детей на разных этапах дошкольного детства.

В отношении способности к восприятию и воспроизведению детьми эмоциональных состояний считается правомерным рассматривать её становление в

рамках эмоционально-экспрессивного развития дошкольников (Н. Е. Разенкова, Т. В. Гребенщикова) [5; 13]. В процессе эмоционально-экспрессивного развития комплексно рассматривается становление «эмоционального кодирования», то есть способности трансформировать экспрессивное выражение (изменённое выражение) тех или иных эмоций в контексте социализации дошкольника, и «декодирование эмоций» детьми.

Так, в рамках эмоционально-экспрессивного развития Т. В. Гребенщикова выделяет две ключевые линии. Первую линию эмоционально-экспрессивного развития связывает с закономерными изменениями, происходящими в восприятии, распознании, определении детьми эмоции по экспрессии. Вторая линия определяет изменения, происходящие в воспроизведении детьми различных эмоциональных состояний [5, с. 24 – 25]. Последнее рассматривается автором как один из важнейших элементов социальной перцепции дошкольного периода онтогенеза.

Соглашаясь с Т. В. Гребенщиконой, считаем, что эмоционально-экспрессивное развитие в период дошкольного детства фактически обеспечивает способность ребёнка дифференцировать признаки экспрессии и идентифицировать значения эмоций в контексте определённых эмоциональных состояний. Данная способность выступает одним из ключевых новообразований эмоциональной сферы детей дошкольного возраста.

Другим приоритетным направлением эмоционального развития в большинстве отечественных исследований называют совершенствование эмоциональной регуляции общения и поведения.

В период дошкольного возраста ребёнок начинает отделять себя как причину своего настроения от внешнего мира, что приводит к постепенному ослаблению эгоцентризма. Совершенствование эмоциональной регуляции поведения непосредственно связано с развитием механизма эмоциональной децентрации, появлением эмоциональной синтонии и эмпатии, проявляющих себя в способности отстраниться от собственных эмоциональных переживаний, переключиться на восприятие и понимание эмоций других.

Отсутствие эмоциональной децентрации, эмпатии, эмоциональной саморегуляции к концу старшего дошкольного возраста Г. М. Бреслав рассматривает в качестве наиболее значимого фактора эмоционального неблагополучия дошкольников [1, с. 66 – 69].

Е. И. Изотова, Е. В. Никифорова отмечают, что в основе развития эмоциональной децентрации в дошкольном возрасте лежит психологический феномен позиционного эмоционального переключения. Становление механизма эмоциональной децентрации происходит по мере преодоления эгоцентризма и изменения позиции субъекта в результате столкновения, сопоставления и интеграции с позициями, отличными от собственной позиции ребёнка [7, с. 79]. При этом эмоциональная децентрация и, как её следствие, эмпатийность рассматриваются в качестве центрального феномена социализации эмоций [6, с. 69]. Следовательно, появление эмоциональной децентрации непосредственно обуславливает развитие эмпатии, которая в период дошкольного возраста начинает занимать важное место в круге социальных эмоций ребёнка.

В исследованиях Т. П. Гавриловой, Ю. А. Мендерицкой, Т. А. Гайворонской и др. отмечено, что эмпатия, в числе прочего, строится на умении детей правильно распознавать эмоциональное состояние человека. В сложной многоуровневой структуре эмпатии заложена совокупность эмоциональных, когнитивных и поведенческих переменных, опосредованных опытом социального взаимодействия [3].

Разделяя позицию отечественных учёных (Г. М. Бреслав, А. В. Запорожец, Я. З. Неверович, Л. П. Стрелкова, А. Д. Кошелева и др.), согласно которой эмпатия рассматривается как особый процесс, развёртывание которого представлено в виде последовательного появления следующих форм (уровней) её проявления: «сопереживание – сочувствие – импульс к содействию» [9], считаем, что развитие эмпатии в рамках процесса становления эмоциональной регуляции происходит в тесной взаимосвязи с другими направлениями эмоционального развития в дошкольном возрасте – эмоционально-экспрессивным и развитием социальных эмоций.

Таким образом, становление эмоциональной регуляции общения и поведения в дошкольном возрасте как направление эмоционального развития обуславливает появление эмоциональной децентрации, совершенствование способности ребёнка к эмпатии, проявляющей себя в последовательной смене форм её проявления, от сопереживания к сочувствию, а от него к содействию.

Считаем важным подчеркнуть, что развитие способности к эмпатии находится в прямой зависимости с уровнем развития у дошкольника способности к дифференциации и идентификации эмоциональных состояний, обуславливает становление социальных эмоций как самостоятельного направления эмоционального развития дошкольника.

База современных исследований в области развития социальных эмоций как отдельного направления развития эмоциональной сферы была заложена в рамках культурно-исторического и деятельностного подходов, прежде всего в работах Л. С. Выготского, П. П. Блонского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина. Развитие эмоций проходит путь прогрессивного развития и рассматривается преимущественно по законам развития высших психических функций, в связи с чем развитие социальных эмоций предполагает переход от внешних социально детерминированных форм эмоций к внутренним эмоциональным процессам. Поэтому на протяжении дошкольного детства у ребёнка постепенно формируются совершенно новые чувства (нравственные, эстетические, интеллектуальные), напрямую с натуральными аффектами и с удовлетворением органических потребностей не связанные [12, с. 5].

С одной стороны, в дошкольном детстве происходит заметное изменение содержания эмоций, возникают сложные чувства, вызванные оценкой действия, значением этого действия для других людей, мерой оценки того, как соблюдаются нормы и правила поведения при совершении данного действия [12, с. 10]. На этой основе складывается «мотивационно-смысловая ориентировка» деятельности. В период дошкольного детства мотивационно-смысловая ориентировка переходит от простой формы, осуществляемой в

непосредственно воспринимаемом поле, к сложной форме, представленной в воображаемом плане.

С другой стороны, аффективные и познавательные процессы вступают во взаимосвязь, образуют единую аффективную систему предвидения и предчувствования отдельных последствий своих действий. Тем самым образовывается описанная в работах Л. С. Выготского взаимосвязь аффекта и интеллекта, взаимообусловленность эмоциональных и когнитивных процессов [2, с. 22].

Вышеозначенные тенденции развития социальных эмоций определяют появление эмоционального предвосхищения – способности ребёнка «не только заранее предвидеть, но и прочувствовать, какой личностный смысл будут иметь для него и для окружающих последствия совершаемых им действий и поступков» [12, с. 4].

Можно отметить, что проблема развития социальных эмоций в научных исследованиях представлена исключительно в свете работ Л. С. Выготского. Современные исследователи опираются на работы

А. В. Запорожца, Я. З. Неверович, А. Д. Кошелевой, Л. А. Абромьян и других сотрудников Института дошкольного воспитания АПН СССР, которые уже более 40 лет остаются самыми авторитетными в области изучения социальных эмоций. Учёные выделили общие закономерности развития социальных эмоций, их зависимость от содержания и структуры детской деятельности.

Для построения модели эмоционального развития важное значение имеет точка зрения Я. З. Неверович и А. В. Запорожца, согласно которой эмоциональное предвосхищение является важным новообразованием эмоциональной сферы дошкольника, претерпевающее на протяжении всего дошкольного детства ряд закономерных изменений.

Таким образом, в качестве основных взаимосвязанных направлений (линий) развития эмоциональной сферы в дошкольном возрасте считаем правомочным назвать *эмоционально-экспрессивное направление, эмоциональное регулирование поведения и общения, развитие социальных эмоций*.

Рис. Модель эмоционального развития детей дошкольного возраста
Fig. The model of emotional development of preschool age children

Ключевые новообразования эмоциональной сферы ребёнка-дошкольника появляются в результате прогрессивных закономерных изменений, происходящих в рамках восприятия, распознавания, определения и вербального обозначения эмоций; становления эмоциональной децентрации; усложнения и расшире-

ния предметного содержания эмоций, появления новых форм мотивационно-смысловой ориентировки деятельности, обобщения аффекта и интеллекта.

К эмоциональным новообразованиям прежде всего относим *способность дифференцировать признаки экспрессии и идентифицировать их значения в кон-*

тексте определённых эмоциональных состояний; развитие эмпатии как способности сопереживать, сочувствовать, содействовать чувству другого человека, способность к эмоциональному предвосхищению.

Считаем, что появление чувства эмоционального (психологического) комфорта у ребёнка фактически обеспечено вышеозначенными новообразованиями эмоциональной сферы дошкольника. В процессе диагностической оценки эмоционального развития необходимо также учитывать характер социально-значимых отношений, складывающихся в пространстве детского сада. Принимая во внимание точку зрения Л. А. Абромьян, А. Д. Кошелевой, эмоциональное мироощущение ребёнка рассматриваем как обобщённое чувство психологического комфорта в системе «Я – Мир», а также как показатель нормативного возрастного развития ключевых новообразований эмоциональной сферы в дошкольном возрасте.

Теоретические обобщения вышеозначенных положений отечественных исследователей по проблеме развития эмоциональной сферы дошкольника можно представить в виде модели (рис.).

В целом представленный подход позволяет определить ключевые инварианты развития эмоциональной сферы дошкольника. Выделенные нами линии эмоционального развития согласуются с трёхкомпонентной структурой эмоциональной сферы (Е. И. Изотова, Е. В. Никифорова и др.).

Перспективными направлениями изучения проблемы эмоционального развития дошкольников считаем следующие: выделение возрастных нормативов развития отдельных эмоциональных новообразований на разных этапах дошкольного детства; организация системы психолого-педагогического сопровождения эмоционального развития дошкольников, обеспечивающее оптимальное эмоциональное мироощущение ребёнка и его эмоциональное благополучие в целом.

Литература

1. Бреслав Г. М. Эмоциональные особенности формирования личности в детстве. Норма и отклонения. М.: Педагогика, 1990. 144 с.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь // Собрание сочинений. В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. С. 5 – 295.
3. Гайворонская Т. А. Развитие эмпатии детей старшего дошкольного возраста в театрализованной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2009. 25 с.
4. Гребенщикова Т. В. Педагогические условия эмоционально-экспрессивного развития детей дошкольного возраста // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 6. С. 163 – 270.
5. Гребенщикова Т. В. Педагогическая поддержка эмоционально-экспрессивного развития детей в дошкольном образовательном учреждении: дис. ... канд. пед. наук. Новокузнецк, 2011. 209 с.
6. Изотова Е. И. Динамика эмоционального развития современных дошкольников // Мир психологии. 2015. № 1. С. 65 – 77.
7. Изотова Е. И., Никифорова Е. В. Эмоциональная сфера ребёнка: теория и практика. М.: Академия, 2004. 288 с.
8. Кошелева А. Д. Эмоциональное развитие дошкольников: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М.: Академия, 2003. 176 с.
9. Лаптева Ю. А. Эмоциональное благополучие детей дошкольного возраста на этапе реализации ФГОС дошкольного образования // Современный ребёнок и образовательное пространство: проблемы и пути реализации: материалы региональной научно-практической конференции (23 мая 2014 г.). Новокузнецк: РИО КузГПА, 2015. С. 63 – 67.
10. Лаптева Ю. А., Морозова И. С. К проблеме изучения особенностей эмоционального развития современных дошкольников // Современная наука: опыт, проблемы и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. Нефтекамск: Наука и образование, 2015. С. 56 – 59.
11. Лаптева Ю. А., Фёдорова Н. И. Мониторинг эмоционального благополучия дошкольников в системе психолого-педагогического сопровождения в дошкольной образовательной организации // Евразийский союз учёных (ЕСУ). 2015. № 7. Ч. 6. С. 73 – 76.
12. Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста / под ред. А. В. Запорожца, Я. З. Неверович. М., 1986. 176 с.
13. Разенкова Н. Е. Теоретические аспекты эмоционально-экспрессивного развития личности // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 6. С. 296 – 304.
14. Фёдорова Н. И. Мониторинг психического развития детей дошкольного возраста в условиях крупного промышленного города // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 7. С. 134 – 143.

Информация об авторах:

Лаптева Юлия Александровна – старший преподаватель кафедры общей и дошкольной педагогики и психологии Кемеровского государственного университета, aglaiia@mail.ru.

Морозова Ирина Станиславовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии и психологии развития Кемеровского государственного университета, ishmorozova@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 18.01.2016 г., принята к печати 07.04.2016 г.

EMOTIONAL DEVELOPMENT OF PRESCHOOL CHILDREN

Lapteva Julia A.^{1, 1@}, Morozova Irina S.^{1, 2@}¹ Kemerovo State University^{1@} aglailia@mail.ru.^{2@} ishmorozova@yandex.ru.

Abstract: The paper analyzes the current state of the emotional development of children of preschool age within the framework of national studies. Emotional growth is considered to be a significant regulator of the most important life functions and a factor in the formation of a complex system of emotional attitude of a preschool child. On the basis of theoretical generalizations of various research positions three interrelated areas of emotional development during the preschool years were identified: emotional expressiveness, emotional regulation of behavior and communication, the development of social emotions. The appearance of growths of the emotional sphere of a preschool child is shown: the ability to differentiate and identify signs expressing their values in the context of certain emotional states; development of empathy; the capacity for emotional anticipation. The results of theoretical generalizations are presented in the authors' model of emotional development of children of preschool age. In conclusion, the connection of key growths of emotional sphere, the nature of the socially important relations in the space of a kindergarten with a sense of emotional (psychological) comfort of the child is displayed.

Keywords: emotional sphere, emotional development of preschoolers; directions of emotional development; emotional growth; model of emotional development.

For citation: Lapteva Ju. A., Morozova I. S. Emotional development of preschool children. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 51 – 55.

References

1. Breslav G. M. *Emotsional'nye osobennosti formirovaniia lichnosti v detstve. Norma i otkloneniia* [Emotional features of the formation of personality in childhood. Norm and deviation]. Moscow: Education, 1990, 144.
2. Vygotsky L. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Vygotsky L. S.]. Moscow: Pedagogika, vol. 2 (1982): 5 – 295.
3. Gaivoronskaya T. A. *Razvitie empatii detei starshego doshkol'nogo vozrasta v teatralizovannoi deiatel'nosti*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Development of empathy of senior preschool children in the dramatizing activity. Cand. Pedagog. Sci. Diss. Abstr.]. Sankt-Peterburg, 2009, 25.
4. Grebenshchikova T. V. *Pedagogicheskie usloviia emotsional'no-ekspressivnogo razvitiia detei doshkol'nogo vozrasta* [Pedagogical conditions of emotional and expressive development of preschool age children]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*, no. 6 (2010): 163 – 270.
5. Grebenshchikova T. V. *Pedagogicheskaiia podderzhka emotsional'no-ekspressivnogo razvitiia detei v doshkol'nom obrazovatel'nom uchrezhdenii*. Diss. kand. ped. nauk [Pedagogical support of emotional and expressive development of children in preschool educational institutions. Cand. Pedagog. Sci. Diss.]. Novokuznetsk, 2011, 209.
6. Izotova E. I. *Dinamika emotsional'nogo razvitiia sovremennykh doshkol'nikov* [Dynamics of the emotional development of modern preschool]. *Mir psikhologii – World of Psychology*, no. 1 (2015): 65 – 77.
7. Izotova E. I., Nikiforova E. V. *Emotsional'naia sfera rebenka: teoriia i praktika* [Emotional sphere of the child: Theory and Practice]. Moscow: Academy, 2004, 288.
8. Kosheleva A. D. *Emotsional'noe razvitie doshkol'nikov* [Emotional development of preschool children]. Moscow: Academy, 2003, 176.
9. Lapteva Yu. A. *Emotsional'noe blagopoluchie detei doshkol'nogo vozrasta na etape realizatsii FGOS doshkol'nogo obrazovaniia* [Emotional well-being of preschool-age children at the stage of implementation of the Federal State Educational Standard]. *Sovremennyi rebenok i obrazovatel'noe prostranstvo: problemy i puti realizatsii: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (23 maia 2014 g. Novokuznetsk)* [Modern educational space: problems and ways of implementation: Proc. Reg. Sc.-Prac. Conf. (23 May 2014)]. Novokuznetsk: RIO KuzGPA (2015): 63 – 67.
10. Lapteva Yu. A., Morozova I. S. *K probleme izucheniia osobennostei emotsional'nogo razvitiia sovremennykh doshkol'nikov* [On the problem of studying the characteristics of emotional development of modern preschool]. *Sovremennaiia nauka: opyt, problemy i perspektivy razvitiia: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Neftekamsk* [Modern science: experience, problems and perspectives of development: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Neftekamsk: Education & Science (2015): 56 – 59.
11. Lapteva Yu. A., Fedorova N. I. *Monitoring emotsional'nogo blagopoluchii doshkol'nikov v sisteme psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniia v doshkol'noi obrazovatel'noi organizatsii* [Monitoring of emotional well-being of preschool children in the system of psychological and pedagogical support in pre-school educational institution]. *Evrasiiskii soiuz uchenykh – Eurasian union of scientists*, 6, no. 7 (2015): 73 – 76.
12. *Razvitie sotsial'nykh emotsii u detei doshkol'nogo vozrasta* [The development of social emotions in preschool children]. Ed. Zaporozhets A. V., Neverovich Ia. Z. Moscow, 1986, 176.
13. Razenkova N. E. *Teoreticheskie aspekty emotsional'no-ekspressivnogo razvitiia lichnosti* [Theoretical aspects of emotional and expressive personality development]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*, no. 6 (2010): 296 – 304.
14. Fedorova N. I. *Monitoring psikhicheskogo razvitiia detei doshkol'nogo vozrasta v usloviakh krupnogo promyshlennogo goroda* [Monitoring mental development of children of preschool age in the conditions of a large industrial city]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*, no. 7 (2010): 134 – 143.

Received 18.01.2016, accepted 07.04.2016.

ИНИЦИАТИВНОЕ ПИСЬМЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ДЕТЕЙ И МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Л. А. Месеняшина^{1, @}

¹ Челябинский государственный университет
@ mesenyashing@mail.ru

Аннотация: Материалом исследования является незаконченное произведение «В неизвестной зоне», написанное одиннадцати- и двенадцатилетними авторами и определяемое ими как «фантастический детектив». Разработана типология произведений детского письменного творчества. Проанализированы особенности языка, стиля, жанра и семантики данного детского произведения. Выявлены типические формально-смысловые особенности произведений инициативного письменного творчества детей и младших подростков. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях онтолингвистической проблематики.

Ключевые слова: письменное творчество детей, язык детских текстов, детский нарратив, жанрово-стилистические особенности прозы, детская речевая картина мира.

Для цитирования: Месеняшина Л. А. Инициативное письменное творчество детей и младших подростков как лингвистический источник // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 56 – 62.

Конец XX – начало XXI вв. отмечен возрастанием интереса к детскому поэтическому творчеству (понимая последнее широко, с включением в объект исследования и прозаические тексты). Разумеется, интерес к этому объекту возник значительно раньше. Достаточно упомянуть классические труды Л. Н. Толстого, К. И. Чуковского, А. Н. Гвоздева. Но в последние годы проблема изучения текстов детского словесного творчества вошла в число наиболее актуальных. В материалах конференций по онтолингвистике тема изучения детского поэтического творчества присутствует постоянно. Вместе с тем в науке до сих пор нет устоявшегося наименования этого объекта: детское поэтическое творчество [6], детское словесное творчество [1], письменное творчество [2]. Причем эти номинации синонимичны лишь частично. «Детское поэтическое творчество» может пониматься и узко – исключая творчество в прозе, кроме того, это понятие может включать и детскую устную поэзию, «детское письменное творчество», напротив, этот объект из поля зрения исключает. В этом смысле «детское словесное творчество» представляется наименованием наиболее полным, поскольку представляет объект исследования наиболее широко. Вместе с тем в настоящей работе предпочтительным является наименование «детское письменное творчество», поскольку устная детская поэзия находится за пределами нашего внимания по двум причинам: 1) устная поэзия дошкольников представляется нам облигаторным явлением в процессе освоения родного языка [26]; 2) письменная детская поэзия принадлежит особому типу речевой коммуникации – лирике [19].

В исследованиях, посвященных письменному творчеству детей, используются материалы трех типов. Прежде всего, это тексты детских сочинений, изложений, переводов и другой речевой продукции школьных уроков [5; 10; 11; 18; 23]. Второй тип – речевая продукция внеурочной работы – в литературных кружках, детских поэтических и журналистских объединениях и т. п. [3; 14; 16; 22]. Третий тип – «самотек» – тексты, созданные по инициативе детей, без какого бы то ни было вмешательства взрослых. Современные комму-

никационные средства предоставляют новые возможности работы с последним типом материала. Так, И. П. Амзаракова рассказывает о современном опыте организации литературного творчества детей в современной Германии [2].

Настоящая типология имеет смысл не только при условии «объективного» подхода к этим текстам, но и с так называемой «нормативной» точки зрения. Как доказали исследования И. Ю. Головановой, количество речевых ошибок зависит от мотива написания текста: если ребенок создает его по внутренней мотивации, то количество речевых ошибок заметно снижается [5].

Тем более важна данная типология при подходе к детским текстам с «объективной» точки зрения, позволяющей рассматривать их как «до известной степени автономный объект, имеющий свои единицы и собственную структуру», отражающую достигнутый к определенному моменту уровень когнитивного развития ребенка и возможность удовлетворять его «насущные коммуникативные потребности» [24]. Различаются эти типы текстов, как мы видим, по некоторым прагматическим характеристикам, а именно: 1) по мотиву высказывания; 2) по адресованности.

Первый тип текстов характеризуется тем, что они являются мотивированными «извне», т. е. внешним мотивом речи и адресованностью взрослому – мотиватору построения текста. Второй тип характеризуется внутренним мотивом речи, но адресованностью в первую очередь взрослому, а во вторую – товарищам по творческому объединению. Третий тип характеризуется внутренним мотивом речи при адресованности самому автору. В сущности, такие тексты представляет собой особую разновидность эгоцентрической речи – записанный квазидialog [20] в нарративе. Именно этот тип текстов детского письменного творчества, на наш взгляд, представляет особый интерес. Во-первых, потому что он, в отличие от первых двух типов текстов, органично вырастает из эгоцентрической речи в устной и графической формах [15]. Во-вторых, именно эти характеристики свойственны текстам собственно художественной литературы. К сожалению, в силу «неорганизованности» этого типа текстов, сбор научного

материала весьма затруднен. Исключение составляют те нечастые случаи, когда юный автор входит в состав близких исследователю людей [12]. Вместе с тем сочинение младшими школьниками и младшими подростками прозаических текстов – достаточно распространенное явление. Как объясняют сами юные авторы, потребность писать повести и романы (этот жанр особенно часто избирается, по сравнению с рассказами и сказками, и называется романом независимо от объема текста – от 5 страниц до 100 и более [9]) обусловлена желанием сохранить в памяти интересную игру, которая длилась в течение достаточно продолжительного времени.

В настоящей статье на материале «фантастического детектива» «В неизвестной зоне», как определили его жанр сами авторы – челябинские школьницы Ксения К. и Кристина Г., – осуществляется попытка анализа жанрово-стилистических особенностей прозы «большой формы» детского письменного творчества. Объем романа – 43 страницы, состоит приблизительно из 12 глав («приблизительность» связана с тем, что до восьмой главы включительно авторы главы нумеруют, после же дают либо названия глав («Поездка», «Неудачное приземление»), либо просто пишут «следующая глава» или вообще дают отбивку звездочками или пропускают несколько строк, о начале следующей главы можно только догадываться по смене места действия или темы. Текст сопровождается большим количеством рисунков. Роман не завершен – действие обрывается на том месте, когда до «счастливого конца», судя по ходу сюжета, остается совсем немного. Видимо, очевидность дальнейшего развития сюжета и послужило причиной падения интереса к его завершению. Роман писался в 2005 – 2006 гг., авторам в начале создания текста было по 11 лет, к моменту «охлаждения» их к завершению текста им исполнилось по 12 лет. Своеобразие анализируемого текста в том, что каждая из девочек, читая текст главы, написанный подружкой, оставляла свои критические замечания, которые автором могли приниматься или отвергаться. Так что в итоге оставалось то, что в основном устраивало обеих. По этой причине, мы полагаем, что данный текст может отражать некоторые черты, характерные для художественных текстов младших подростков женского пола. Разумеется, эти особенности нельзя считать универсальными. На своеобразие детского нарратива весьма существенно влияет возраст автора [7].

Как отмечает Е. В. Падучева, язык нарратива – это редуцированный язык. Правила интерпретации языковых элементов в нарративе не совпадают с правилами интерпретации их в разговорном дискурсе (непосредственном речевом общении) [19]. Дети об этом, естественно, не подозревают, поэтому их попытки построить собственный нарративный текст отражают, с одной стороны, недостаточный уровень их коммуникативной компетентности и, с другой стороны, могут рассматриваться как способ преодоления этой недостаточности.

В результате анализа текста удалось установить, что его отличительные особенности можно объединить в следующие группы:

- 1) типические (т. е. наблюдаемые практически во всех детских текстах) особенности языка;
- 2) типические стилистические особенности;

- 3) типические жанровые особенности;
- 4) типические особенности содержания;
- 5) индивидуальные жанрово-стилистические особенности.

Для начала рассмотрим особенности языка детских произведений.

1. Хранение в детской памяти большого количества книжных слов без знания правил их употребления приводит к появлению большого количества речевых ошибок, а именно:

а) неразличение паронимов: *Попыталась наладить конфликт между друзьями* вместо «уладить»; *объявилась* вместо «появился»; *статуэтки* вместо «статуи»;

б) неумение сделать правильный выбор единицы из семантического поля: *твердый темперамент* вместо «твердый характер»; *миловидно улыбаясь* вместо «приветливо»; в другом месте: *...миловидно проговорила Кристина* вместо «умильно»; *Отдел не обладал обилием покупателей* вместо «не отличался»; холодность подруги названа *поверхностным отношением*; вместо союза «но» употреблена частица *ну*; некий предмет интерьера назван *[старомодным] ящичком*, но описан он как имеющий *дверцу*, а не крышку, так что скорее всего следовало назвать этот предмет шкафом; неточное представление о семантике жестов: *Отмахнулся парень*, хотя по содержанию текста следовало бы написать «пожал плечами»; неразличение фразеологизмов *под руку* (лезть, соваться) и (попасть) *под горячую руку*;

в) неумение сделать правильный выбор единицы из синонимического ряда: *не силась* вместо «не пытаюсь»; *Туман слепил глаза* вместо «мешал смотреть»; одна и та же особа названа в одном месте *мамашей* в другом – *девушкой*, т. е. для авторов – это явно синонимы; *Но помыслам ее не суждено было сбыться*. Из контекста ясно, что речь шла об «опасениях»; Это же касается и грамматической синонимии: *Добраться НА юг* вместо «ДО юга», использование союза *хотя* вместо вводного слова «впрочем»;

г) характерное для детского возраста неумение правильно выбрать вводное слово: *На редкость* вместо «на удивление»; *...все, естественно, оказалось правдой* – между тем речь шла о том, что привидевшееся во сне оказалось правдой – естественного в этом как раз мало, очевидно, что автор просто не нашел подходящего вводного слова со значением эмоциональной оценки, например, «как ни странно» или «к сожалению» (привидевшееся событие грозило героям опасностью).

2. Недостаточное владение нормами письменного литературного языка обуславливает некоторое количество грамматических ошибок, связанных с использованием следующих грамматических категорий:

а) одушевленности/неодушевленности: *Дед, пролетев сквозь некоторых душ...* – известно, что, рефлексивизируя над категорией одушевленности, дети исходят, как правило, из логических, а не грамматических соображений [25]; так, «душа» мыслится как нечто живое, несмотря на то, что «сквозь нее можно пролететь»;

б) глагольного вида: *не давая* вместо «не дав» – в то время как речь идет об однократном, завершенном действии;

в) целеустановки предложения: вопросительные предложения не осознаются таковыми: *Что, кажется, девочки уже проснулись!* – сказал молодой; *Неужели девочки оказались за границей...* (впрочем, не исключено, что в данном случае имеют место просто пунктуационные ошибки).

3. Ряд грамматических ошибок связан с выбором грамматической формы: *...идиотско как-то*, фонетического варианта предлога: *с взрослыми* вместо «со взрослыми» или неуместными заимствованиями грамматических конструкций из разговорной речи: *Было сразу заметно вся огромная власть и богатство обладателя замка*.

4. Детская потребность в слово- и формотворчестве слабеет, но не утрачивается. Это приводит к появлению в речи повествователя окказионализмов (*разъидиочился* – это не орфографическая ошибка, авторы неоднократно используют это слово именно в таком написании) и потенциальных слов (*блюстителю лжепорядка; безынтересно; глядя вникуда*). Потенциальные слова авторы используют для наименования города, где происходят фантастические события, – *Северодрымск*, фантастических летательных аппаратов – *Мыролет, Мыростат-2*. Впрочем, для наименования иных географических объектов авторы прибегают к заимствованным словам (*деревня Анитра*).

5. Бедность языка, и прежде всего словаря, не позволяющая уйти от ненужных повторов: в пределах одного абзаца *проснуться* (*просыпаться*) употреблено 4 раза; *После школы надо было идти в художественную школу*; в одном абзаце два предложения подряд начинаются подлежащим *Ксюша*. Бедностью же словаря обусловлено неумение найти точное наименование для признака или действия: *Ее голос был спокоен* – в то время как речь шла об эмоциональной нейтральности. Бедность языка обуславливает и однообразие синтаксических конструкций: *Он [звук] продолжался несколько секунд, но потом затих, но оставил звенящий шум в ушах*. Из бедности речевого инвентаря вытекает и такая черта языка, как «детектива».

6. Многословие. Там, где хватило бы одного точного слова, из-за незнания его или неумения пользоваться им авторы прибегают к пространному описанию: *«...повела по коридору, где были каменные стены»* – вместо того, чтобы написать просто «по каменному коридору»; *...всякую еду, которая только попадалась под руку* – вместо «все подряд»; *В любой другой деревне* вместо просто «в деревне» – отсутствие определенного местоимения и означает неопределенность. Встречаются и прямые плеоназмы: *картина интерьера; рукописные картины*.

Эти особенности языка широко распространены в письменной речи детей и подростков, независимо от того, к какому типу текстов письменного творчества они относятся. Они встречаются и в школьных сочинениях [5, с. 23] и в текстах юных журналистов [14; 16].

Что касается типических стилистических особенностей, то, как отмечает Т. А. Круглякова, «в самом начале развития (и языкового, и литературного) дети в большей или меньшей степени выступают как подражатели и имитаторы, черпая из речи взрослых слова и грамматические модели» [13, с. 226]. Однако речь взрослых неоднородна, зачастую дает детям образцы, далекие от идеала.

1. Неоднородность приводит к смешению в речи повествователя жаргонно-просторечных элементов (*Реально было проходить до полуночи; очень стильно одета; два мужика; подружайка; мелкие* – в значении «дети»; *нарисовалась*) с подчеркнуто книжными словами (*ингредиенты; отреагировал; оформлен, интерьер* (последнее слово встречается на 43 страницах 5 раз) и даже канцеляризмами (*хватит тут находиться; информационная беседа; ...связанных с покраснением неба; предшествующий этаж*; часто используются слова *деяния, содеянное* и т. п.).

2. Авторы «фантастического детектива» – дети, для которых «все деревья большие», поэтому и речь повествователя изобилует гиперболами. «В неизвестной зоне» все поражает детей размерами: *рост друга героинь – Патяни – 3 метра; помещения с невероятно высокими потолками; в замке 100 этажей; Замок был так огромен, что его верхушки скрывали облака; комната всего около тысячи; Библиотека была так огромна, что не было видно ее конца; огромные полки с книгами; очень большое помещение; и даже ужасный звук был настолько силен, что...* и т. д.

3. Незрелость логического мышления проявляется в частности в:

а) ложных умозаключениях: *Несмотря на свои диктаторские наклонности, Вунизм сумел создать великую державу* (причем этот вывод сделан на основании товарного изобилия в магазинах), а также в неумении выстроить логически правильно семантически сложные предложения: *Но я сомневаюсь, что его величество не позволит пересмотреть приговор*;

б) внутренне противоречивых предложениях: *Духи стали шептаться совершенно неслышным тоном; Очнувшись от невыносимых дум, она [Кристина] заметила Ксюшу, которая трясла ее за плечи; Не обращая внимания на причитания лекаря* (в то время как он не нарушает молчания); *Замок немного смахивал на дом с привидениями*. (Интересно – как выглядит дом с привидениями?)

К числу типических жанровых особенностей мы отнесли следующие.

1. Проблема выбора точки зрения. Поскольку данный текст представляет собой запись хода игры, естественно, главными героями произведения оказываются сами авторы. Вместе с тем известные детям образцы нарратива строятся либо от 3-го лица «внешнего повествователя», либо повествование ведется от первого лица, и тогда повествователь является одновременно и участником описываемых событий. Поэтому в проанализированных нами детских текстах авторы нередко сбиваются с третьего лица на первое. Кристина Г. и Ксюша К. не включают себя в список «имен и обозначений», наряду с остальными персонажами детектива, и ведут повествование от 3-го лица, однако некоторых персонажей в этом списке характеризуют так: *«Досина – Ликина и наша подруга»; «Патяня – наш трехметровый друг и соратник»* и т. п. Это явление наблюдается в детском письменном творчестве с достаточной степенью регулярности [17].

2. Вырастая из игрового квазидialogа, детский нарратив близок к драматургии. Dialog в данном произведении местами почти сценический, с той только разницей, что авторы реплик указаны после них, а не перед ними. В начале романа, как в драме, – перечень

действующих лиц, названный «Список имен и обозначений, составленный Ксюшей и Кристиной».

3. Слабое знание жанровой дифференциации художественной литературы приводит к неразграничению закономерностей «фэнтези» и «сайнс фикшн». Так, для полетов «в неизвестной зоне» используется фантастический летательный аппарат *Мыролет-2*; но в случае необходимости герои свободно летают на кроватях, общаются с добрыми и злыми духами и т. п.

4. Признаков детективного жанра в этом тексте немного – это скорее фэнтези-эксн. Основным мотивом действия является отнюдь не расследование преступления, а приключения героев (героинь) в ходе их поисков возможностей вырваться из плена. Поиск этих возможностей и есть то, что сближает это произведение с детективом.

Как и многие другие детские произведения, роман «В неизвестной зоне» интересен тем, что отражает детскую картину мира, упорядоченную по особым законам детского мышления. Так, в «неизвестной зоне» множество чудес (духи, оборотни, летающие кровати, фантастические аппараты), но то, что там, как и у нас, празднуют дни рождения детей – сомнению авторов не подлежит. В романе отражено наивное, в сущности восходящее к фольклорным традициям, отношение к книге как сакральному объекту: *...пахло старыми книгами. Это был запах знаний*; наивная вера в то, что в книгах содержатся ответы на все вопросы: *«Давай сейчас почитаем книги. Может быть, там найдем ответ»*. В огромной, по словам авторов, библиотеке все книги тем не менее на доступном девочкам языке. Описывая богатство императора, героиня (Ксюша) задается вопросом: *Откуда это только у Вуни? Деревянный ящик назван старомодным, как будто на ящики существует мода*.

Обращают на себя внимание наивные попытки авторов дать психологические характеристики персонажам: *У Кристины твердый темперамент, буйный характер и прямолинейность*.

Интересны детские представления о «роскоши». Во дворце императора, по приказу которого были похищены дети, все ходят по *мраморной лестнице, устланной персидскими коврами; шикарный, в представлении авторов, стол – это различные салаты, напитки, – рис с мясом* (правда, второй соавтор оставляет в скобках свое замечание: *рис с мясом – это не деликатес*). И напротив, желая подчеркнуть скромность трапезы, авторы указывают, что были поданы *только макароны по-флотски*. Вообще во многих детских романах начала XXI в. вопросам питания уделяется немалое внимание, что взрослый читатель невольно воспринимает как скрытый упрек за то, что это поколение детей рано знакомо с лишениями. В романе 8-летнего Максима П. «Бандитский Муром» об этом сказано прямо: «Наша жизнь тяжелая и запутанная. Мы мало едим» [9]. И это – один из «знаков времени», которые так или иначе

находят свое отражение в детском письменном творчестве. Другой – еще более драматичный знак времени – это то, что 11 – 12-летние дети прекрасно понимают, что такое заложник, и этот мотив фигурирует в романе. И уж совсем поразительно, что в 2005 г. (!) *Вунизм Почвенный хочет увеличить свою Империю за счет увеличения числа граждан в Северодрымске*.

Как видим, отмеченные жанрово-стилистические особенности данного текста в той или иной степени свойственны многим произведениям детского прозаического творчества. Вместе с тем нельзя не отметить некоторых индивидуальных жанрово-стилистических особенностей данного текста. К их числу относятся следующие.

1. Необычные уменьшительные имена: *имя «друга и соратника» героинь – Патяня* – оказывается уменьшительным от имени Петр. В принципе, специалисты по антропонимике утверждают, что нормы для уменьшительных имен не существует, но в данном случае интересен именно номинативный неконформизм авторов, особенно на фоне того, что остальные номинации выдуманных объектов и персонажей строятся по вполне продуктивным моделям (*Северодрымск, мыролет, Вунизм Почвенный, Воалина, Досина* и т. д.).

2. Склонность к юмору: *пожилой дух; духи беседовали хриплым голосом с французским акцентом*, но в речи употребляли выражения типа *я чаю, что...*; и т. п.; в романе фигурирует эпизодический персонаж *Воня, который живет в канализации, и поэтому плохо пахнет*.

3. Элементы сатиры, в том числе и политической: *При всем видимом богатстве, Вуни не мог обеспечить жителям лучшие условия для проживания* (в деревенском доме, где предстоит жить похищенным девочкам, холодильника нет, туалет на улице и т. п.).

4. Излишняя манерность в речи персонажей: *Эта ситуация начинает меня раздражать*.

Хотя отмеченные особенности представляют собой отличительные черты именно данного текста, на наш взгляд эти черты тоже нуждаются в описании, поскольку они в конечном счете позволяют определить границы варьирования общих закономерностей детского письменного творчества.

Как видим, анализ текста «фантастического детектива» позволил подтвердить, что инициативное письменное творчество детей и младших подростков представляет собой ценный лингвистический материал, позволяющий:

- 1) наблюдать становление нарративной компетенции школьников;
- 2) изучить своеобразие детской языковой картины мира;
- 3) получить информацию, свидетельствующую об особенностях детской рефлексии по поводу устройства общества, в котором они живут.

Литература

1. Аввакумова Е. А. Фонетические особенности детского словесного творчества // Проблемы онтолингвистики-2009. СПб.: Златоуст, 2009. С. 207 – 210.
2. Амзаракова И. П. Дети-писатели: стереотипы и фантазия // Проблемы онтолингвистики-2009. СПб.: Златоуст, 2009. С. 211 – 214.
3. Бузмакова М. С. Особенности поэтического творчества детей 3 – 11 лет // Освоение русского языка как первого и как второго (неродного): коллект. монография. СПб.: Златоуст, 2010. С. 165 – 256.

4. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. СПб.: Детство-Пресс; М.: Творческий центр СФЕРА, 2007. 472 с.
5. Голованова И. Ю. Проблема анализа речевых ошибок в контексте онтогенеза языковой компетенции: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 258 с.
6. Гридина Т. А., Голубева А. А. Метафора как доминанта одаренности языковой личности (на материале детского поэтического творчества) // Проблемы онтолингвистики-2012: мат. Международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения К. И. Чуковского и 120-летию со дня рождения А. Н. Гвоздева. 24 – 26 апреля, 2012 г. СПб.: Златоуст, 2012. С. 379 – 384.
7. Дадашева А. Т. Динамика речевых и грамматических ошибок в произведениях, самостоятельно написанных детьми в возрасте 7 – 12 лет // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 3. С. 100 – 108.
8. Дадашева А. Т. Причины нарушения некоторых норм языка художественной литературы в детском творчестве // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 23(352). Филология. Искусствоведение. Вып. 92. С. 21 – 24.
9. Дадашева А. Т. Пространственные, временные и логические связи в детском словесном творчестве // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2(293). Филология. Искусствоведение. Вып. 74. С. 19 – 22.
10. Зубкова Т. И. О некоторых авторских предпочтениях в сочинениях на свободную тему // Проблемы онтолингвистики-2012. Мат. Международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения К. И. Чуковского и 120-летию со дня рождения А. Н. Гвоздева, 24 – 26 апреля, 2012 г. СПб.: Златоуст, 2012. С. 344 – 347.
11. Лазаренко Н. И. Преемственность в обучении дошкольников и младших школьников созданию описательных текстов // Проблемы онтолингвистики-2009. СПб.: Златоуст, 2009. С. 369 – 372.
12. Князев Ю. П. Ранние детские художественные тексты и их литературные аналоги // Проблемы онтолингвистики-2011. СПб.: Златоуст, 2011. С. 292 – 296.
13. Круглякова Т. А. «Чужое слово» в детском поэтическом творчестве // Проблемы онтолингвистики-2009. СПб.: Златоуст, 2009. С. 226 – 232.
14. Месеняшина Л. А. Анализ языка юнкорской прессы Челябинской области // Знак. Проблемное поле медиаобразования. 2008. № 1(2). С. 92 – 102.
15. Месеняшина Л. А. Какие из свойств внутренней речи отражает графическая речь? // Проблемы онтолингвистики-2013: мат. Международной научной конференции 26 – 28 июня 2013 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 197 – 201.
16. Месеняшина Л. А. Речевая культура детско-юношеской прессы Челябинской области // СМИ в условиях информационной глобализации: мат. Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 25 – 26 апреля 2013 г. Екатеринбург, 2013. С. 150 – 153.
17. Месеняшина Л. А., Дадашева А. Т. Особенности хронотопа в эпическом произведении «большой формы» детей младшего школьного возраста // Проблемы онтолингвистики-2012: мат. Международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения К. И. Чуковского и 120-летию со дня рождения А. Н. Гвоздева. 24 – 26 апреля, 2012 г. СПб.: Златоуст, 2012. С. 401 – 407.
18. Никитина Е. Н. Категория действия и эмотивно-оценочная сфера в речи детей младшего школьного возраста (на материале школьных сочинений) // Проблемы онтолингвистики-2012: мат. Международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения К. И. Чуковского и 120-летию со дня рождения А. Н. Гвоздева. 24 – 26 апреля, 2012 г. СПб.: Златоуст, 2012. С. 131 – 136.
19. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. Изд. 2-е. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
20. Петрова Т. И. Структурные особенности квазидialogа в сравнении с собственно диалогом // Ребенок как партнер в диалоге. Труды постоянно действующего семинара по лингвистике. Вып. 2. СПб., 2001. С. 95 – 120.
21. Толстой Л. Н. Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят? // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1983. Т. 15. С. 10 – 33.
22. Фатеева И. А. Медиаобразование: теоретические основы и практика реализации: монография. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2007. 270 с.
23. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М.: Просвещение, 1982. 128 с.
24. Цейтлин С. Н. Некоторые особенности диалога "взрослый-ребенок": функции реплик-повторов // Ребенок как партнер в диалоге: тр. постоянно действующего семинара по онтолингвистике. СПб., 2001. Вып. 2. С. 9 – 24.
25. Хохловская О. Г. Диалогический дискурс в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006.
26. Чуковский К. И. От двух до пяти. Изд. испр. и доп. Минск: Народная асвета, 1983. С. 11 – 71.

Информация об авторе:

Месеняшина Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, mesenyashing@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 08.06.2016 г.

PROACTIVE CREATIVE WRITING AMONG CHILDREN AND YOUNG ADULTS AS A LINGUISTIC SOURCE

Mesenyashina Ludmila A.^{1, @}

¹ Chelybinsk State University
@ mesenyashing@mail.ru

Abstract: The material of this study is the unfinished work “In an unknown area” written by the authors aged 11–12 years old and defined by them as a “fantastic detective”. A typology of the children’s creative written works is made. The features of language, style, genre and semantics have been analyzed. The typical formal semantic features of proactive creative writing works of children and young adolescents are revealed. The results can be used in further studies of ontolinguistics issues.

Keywords: children’s creative writing, children’s language texts, children narrative, genre and stylistic features of prose, children’s verbal picture of the world.

For citation: Mesenyashina L. A. Proactive creative writing among children and young adults as a linguistic source. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 56 – 62.

References

1. Avvakumova E. A. Foneticheskie osobennosti detskogo slovesnogo tvorchestva [Phonetic Particular Qualities of Children Verbal Creation]. *Problemy ontolinguistiki-2009* [The Problems of Ontolinguistics 2009]. Saint-Petersburg: Zlatoust, 2009, 207 – 210.
2. Amzarakova I. P. Dety-pisately: stereotypy i fantasia [Children-writers: Stereotypes and Fantasy]. *Problemy ontolinguistiki-2009* [The Problems Ontolinguistics 2009]. Saint-Petersburg: Zlatoust, 2009, 211 – 214.
3. Buzmakova M. S. Osobennosti poeticheskogo tvorchestva detei 3 – 11 let [Particular Qualities of Children’s Poetic Creativity]. *Osvoenie russkogo jazyka kak pervogo i kak vtorogo (nerodnogo)* [Acquisition of Russian as a First and as a Second (non-native) Language]. Saint-Petersburg: Zlatoust, 165 – 256.
4. Gvozdev A. N. *Voprpsy izucheniya detskoj rechi* [The Questions of Children’s Speech Study]. Saint-Petersburg: Detstvo-Press; Moscow: Tvorcheskij tsentr SFERA, 472.
5. Golovanova I. J. *Problema analiza pechevyh oshibok v kontekste ontogeneza jazykovoi kompetentsii*. Diss. kand. filol. nauk [A Problem of Analyzing Speech Mistakes in the context of Language Competence Ontogenesis. Cand. filol. Sci. Diss.]. Chelyabinsk, 2004, 258.
6. Gridina T. A., Golubeva A. A. Metafora kak dominanta odarennosti jazykovoi lichnosti (na materiale detskogo poeticheskogo tvorchestva) [Metaphor as a Dominant of a Language Person’s Endowments (based on the material of children’s poetic works)]. *Problemy ontolinguistiki-2012: M-ly mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 130-letiiu so dnia rozhdeniia K. I. Chukovskogo i 120-letiiu so dnia rozhdeniia A. N. Gvozdeva. 24 – 26 aprelya, 2012 g* [The Problems Ontolinguistics-2012: Proc. Intern. Sc. Conf. dedicated to the 130th anniversary since the birth of K. I. Chukovsky and the 120th anniversary of the birth of A. N. Gvozdeva. April 24 – 26, 2012]. Saint-Petersburg: Zlatoust, 2012, 379 – 384.
7. Dadasheva A. T. Dinamika rechevyh i grammaticheskikh oshibok v proizvedeniah, samostoiatel’no napisannyh det’mi v vozraste 7 – 12 let [The Dynamics of Speech and Grammar Mistakes in the Works, Independently Written by Children aged 7 – 12 Years]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo Universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk state pedagogical University*, no. 3 (2015): 100 – 108.
8. Dadasheva A. T. Prichiny narusheniya nekotorykh norm jazyka hudozhestvennoi literatury v detskom tvorchestve [Causes of Violations of Certain Provisions of the Language of Literature in Children’s Creativity]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie – Bulletin of the Chelyabinsk state University. Philology. Art History*, Iss. 92, no. 23(352) (2014): 21 – 24.
9. Dadasheva A. T. Prostranstvennye, vremennye i logicheskie svyazi v detskom slovesnom tvorchestve [Spatial, Temporal and Logical Connections in the Children’s Verbal Creativity]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie – Bulletin of the Chelyabinsk state University. Philology. Art History*, Iss. 74, no. 2(293) (2013): 19 – 22.
10. Zubkova T. I. O nekotorykh avtorskih predpochteniah v sochineniah na svobodnuju temu [About Some Author’s Preferences in Essays on Unstated Subject]. *Problemy ontolinguistiki-2012* [The Problems Ontolinguistics-2012]. Saint-Petersburg: Zlatoust, 2012, 344 – 347.
11. Lasarenko N. I. Preemstvennost’ v obuchenii doskol’nikov i mladshih shkol’nikov sozdaniju opisatel’nyh tekstov [The Continuity in Training Preschool and Primary School Children to create descriptive texts]. *Problemy ontolinguistiki-2009* [The Problems Ontolinguistics-2009]. Saint-Petersburg: Zlatoust, 2009, 369 – 372.
12. Knyasev J. P. Rannie detskie hudozhestvennye teksty i ih literaturnye analogi [Early Children Art Texts and their literature analogies]. *Problemy ontolinguistiki-2011* [The Problems of Ontolinguistics-2011]. Saint-Petersburg: Zlatoust, 2011, 292 – 296.

13. Kruglyakova T. A. "Chuzhoe slovo" v detskom poeticheskom tvorchestve ["Another Word" in the Children's Poetic Creativity]. *Problemy ontolinguistiki-2009* [The Problems of Ontolinguistics-2009]. Saint-Petersburg: Zlatoust, 2009, 226 – 232.
14. Mesenyashina L. A. Analiz jasyka junkorovskoi pressy Chelyabinskoi oblasti [The Analyzes of Language in Young Correspondents Press of Chelyabinsk Region]. *Znak. Problemnoe pole mediaobrasovania – The Sign. Problem Field of Media-education*, no. 1(2) (2008): 92 – 102.
15. Mesenyashina L. A. Kakie iz svoistv vnutrennei rechi otrazhaet graficheskaja rech [What are the Properties of Inner Speech Reflected in the Graphic Speech]. *Problemy ontolinguistiki-2013* [The Problems of Ontolinguistics-2013]. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2013, 197 – 201.
16. Mesenyashina L. A. Rechevaia kultura detsko-junosheskoj pressy Chelyabinskoi oblasti" [Speech Culture of Junior Press of Chelyabinsk Region]. *SMI v uslovijah informatsionnoi globalisatsii: M-ly Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ekaterinburg, 25 – 26 aprelia 2013 g.* [Mass-media in Conditions of Information Globalization: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf. Ekaterinburg, April 25 – 26, 2013]. Ekaterinburg, 2013, 150 – 153.
17. Mesenyashina L. A., Dadasheva A. T. Osobennosti hronotopa v epicheskom proizvedenii "bol'shoi formy" detei mladshego shkolnogo vozrasta [Particular Qualities of Chronotop in the "Big" Epic Works of Primary School Children]. *Problemy ontolinguistiki-2012: M-ly mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 130-letiiu so dnia rozhdeniia K. I. Chukovskogo i 120-letiiu so dnia rozhdeniia A. N. Gvozdeva. 24 – 26 aprelia, 2012 g* [The Problems of Ontolinguistics-2012: Proc. Intern. Sc. Conf. dedicated to the 130th anniversary since the birth of K. I. Chukovsky and the 120th anniversary of the birth of A. N. Gvozdeva. April 24 – 26, 2012]. Saint-Petersburg: Zlatoust, 2012, 401 -407.
18. Nikitina E. N. Kategorija deistvia i emotivno-otsenoch'naja sfera v rechi detei mladshego shkolnogo vozrasta [Category Action and Emotive-evaluative Sphere in Speech of Children of Primary School Age]. *Problemy ontolinguistiki-2012: M-ly mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 130-letiiu so dnia rozhdeniia K. I. Chukovskogo i 120-letiiu so dnia rozhdeniia A. N. Gvozdeva. 24 – 26 aprelia, 2012 g* [The Problems of Ontolinguistics-2012: Proc. Intern. Sc. Conf. dedicated to the 130th anniversary since the birth of K. I. Chukovsky and the 120th anniversary of the birth of A. N. Gvozdeva. April 24 – 26, 2012]. Saint-Petersburg: Zlatoust, 2012, 131 – 136.
19. Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovania. Semantika vremeni i vida v russkom jazyke* [Semantic Research. The Semantics of the Time and Aspect in the Russian Language]. Moscow: Jazyki slavianskoj kultury, 2010, 480.
20. Petrova T. I. Strukturnye osobennosti kvazidialoga v sravnenii s sobstvenno dialogom [Structural features of the Quazi-dialogue Compared to the Actual Dialogue]. *Rebenok kak partner v dialoge. Trudy postojanno deistvujushego seminaru po lingvistike* [The Child as a Partner in Dialogue. Works of the Permanent Seminar on Linguistics]. Saint-Petersburg, Iss. 2 (2001): 95 – 120.
21. Tolstoy L. N. *Sobranie sochinenii* [Collected works by Tolstoy L. N.]. Moscow, vol. 15 (1983): 10 – 33.
22. Fateeva I. A. *Mediaobrasovanie: teoreticheskie osnovy i praktika realizatsii* [Media-education: Theoretical Bases and Realization Practice]. Chelyabinsk: Cheliab. gos. un-t, 2007, 270.
23. Tseitlin S. N. *Rechebye oshibki i ih preduprezhdenie* [Speech Mistakes and their Prevention]. Moscow: Prosveshchenie, 1982, 128.
24. Tseitlin S. N. Nekotorye osobennosti dialoga «vzroslyi-rebenok»: funktsii replik-povtorov [Some features of "adult-child" dialogue: Functions of Repeated Replicas]. *Rebenok kak partner v dialoge. Trudy postojanno deistvujushego seminaru po lingvistike* [The Child as a Partner in Dialogue. Works of the Continuing Seminar on Linguistics]. Saint-Petersburg, Iss. 2 (2001): 9 – 24.
25. Hohlovskaja O. G. *Dialogicheskii diskurs v lingvokulturologicheskom aspekte*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Dialogical Discourse in the Cultural Linguistic Aspect. Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Chelyabinsk, 2006, 24.
26. Chukovski K. I. *Ot dvuh do piati* [From Two to Five]. Minsk: Narodnaia asveta, 11 – 71.

Received 01.02.2016, accepted 08.06.2016.

УДК 811.161.1

ЧТО СМЕШНОГО? СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ИНТЕНЦИИ УЧЕБНИКА И УЧЕНИКА

Н. В. Орлова^{1, @1, *}, О. Е. Богомолова^{2, @2, *}

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

² Лицей № 29 г. Омска

@1 nvorl@rambler.ru

@2 bogomol58@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00325 «Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ институциональных и персональных коммуникаций с участием ребенка»

Аннотация: Раздел школьного учебника по литературному чтению «И в шутку и всерьез» сопоставлен с письменными воспоминаниями детей 3-го класса БОУ г. Омска «Лицей № 29» о ситуациях, в которых они смеялись. Предмет сопоставления – такие аспекты юмористического дискурса, как объект осмеяния, тональность комического, ценности и концепты; наличие/отсутствие в юморе лингвистической составляющей. Общий подход – дискурсивный анализ. Обнаружены положительные корреляции между возрастными особенностями юмора, юмористическими интенциями учебника и данными опроса, что позволяет констатировать продуктивность обучающих стратегий. В спонтанных коммуникациях смехового общения преобладает добродушный смех над животными, актуализируются концепты *беспричинный смех, ум, интеллект, быть-большим* и т. д., что соответствует «учебному юмору». С другой стороны, требуются дополнительные усилия для развития у детей лингвистического юмора (навыков языковой игры), а также внимание к ситуациям, в которых смех может породить конфликтное общение.

Ключевые слова: детский юмор, тональность, ценности, языковая игра.

Для цитирования: Орлова Н. В., Богомолова О. Е. Что смешного? Сопоставительный взгляд на юмористические интенции учебника и ученика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 63 – 69.

Объектом наших наблюдений является юмористическая коммуникация с участием младшего школьника. Вслед за В. И. Карасиком будем считать определяющими для такой коммуникации:

1) намерение участников общения уйти от серьезного разговора;

2) юмористическую тональность общения, т. е. стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты;

3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре [3, с. 366 – 367].

Наиболее известных теорий юмора три – теория несоответствия, теория превосходства и теория утешения (об этом см. [5; 9]). Несоответствие обычному как основа юмора имеет множественные грани (нонсенс, абсурд, необычные положения дел, нелепые ситуации и т. д.). Существенно, что восприятие несоответствующего объекта или события – как у детей, так и у взрослых – должно происходить «в безопасном, игровом и не угрожающем социальном контексте» [5, с. 200]. Иначе это уже не юмор. В свою очередь, несоответствие обычному может интерпретироваться с позиций теории превосходства и теории утешения. Теория превосходства и теория утешения, по видимому, могут «срабатывать» на одном и том же материале. Я смеюсь, потому что имеет место некая ситуация, в отношении которой можно сказать:

а) объект осмеяния не знает, не понимает, не может, нелепо себя ведет, а я знаю, могу, понимаю, веду себя «правильно» – моя самооценка поднимается, я испытываю чувство превосходства;

б) объект осмеяния – кто-то или я в «стыдной», «позорной», нежелательной ситуации (не знаем, не понимаем, не можем, споткнулись на банановой кожуре, сели в лужу и т. д.); я переживаю эту ситуацию со смехом, мне становится легче, мой смех мне в утешение.

Как нам кажется, три теории юмора не противоречат друг другу. В конкретных жанрах и конкретных текстах что-то из гетерогенной природы юмора выдвигается на первый план: в небылицах, загадках, лингвистических анекдотах – необычное положение дел; при рассказывании большинства анекдотов – чувство превосходства или самоутешение коммуникантов. Важно, что то, над кем/чем мы смеемся, социально, культурно обусловлено.

Сегодня никто не станет оспаривать важность шуток, смеха, веселья для гармоничного развития ребенка. В [5; 10] подчеркивается, что юмор является формой интеллектуальной игры, участвует в развитии когнитивных способностей. По мнению Д. Линесса, он учит «видеть вещи с различных сторон, применять нетрадиционные подходы и идеи, смотреть в глубь вещей» (Lyness [цит. по: 1, с. 226]). Н. М. Числова в [8] указывает на юмор как на средство социализации, в том числе при передаче негативных мыслей и эмоций, которые не принято открыто выражать в обществе. Смех над промахами ускоряет обучение социально приемлемому поведению. Существенно, что представление о том, какие ситуации являются «стыдными», «нежелательными», «позорными», меняется по мере того, как человек развивается [7]. К возрасту 6 лет дети начинают избегать действий, за которые,

как они видели, высмеивают других [5]. «Развивая чувство юмора, дети могут контролировать свое настроение и эмоции» [1, с. 227], находить положительные моменты в трудных жизненных ситуациях, не воспринимать трудности всерьез. «Хорошее чувство юмора помогает утвердить самооценку, поскольку по ответной реакции на их шутки дети могут понять, как к ним относятся окружающие» [1, с. 227]. Наконец, «когда дети смеются или играют, их переполняют радость и счастье» [1, с. 227].

Согласно А. В. Карасику [2], В. И. Карасику [3], Н. М. Числовой [8], шутки взрослых, адресованные детям, имеют непосредственное отношение к ценностям, которые прививаются юным адресатам как нормы поведения. Из этого следует, что для ребенка юмор «связан с ключевыми жизненными ориентирами» [8, с. 92] и закладывает основы национального характера [1, с. 226].

Ввиду особой значимости юмористического дискурса для развития ребенка была поставлена задача исследовать его репрезентацию в учебной литературе и выяснить, над чем педагоги предлагают смеяться детям; затем сопоставить полученные данные с результатами опроса, показавшего, над чем смеются сами дети. При наличии положительных корреляций между возрастными особенностями юмора, юмористическими интенциями учебника и данными опроса можно констатировать продуктивность обучающих стратегий, при отсутствии таковых или сведениях их к минимуму – проблему, требующую решения.

В качестве дидактического материала взят раздел «И в шутку и всерьез» из учебника [4]. Предварим анализ следующей оговоркой. Третьеклассники, которые отвечали на вопрос экспериментатора в конце второй четверти 2015 – 2016 учебного года, учились по учебнику [4] около полутора лет назад – в третьей и четвертой четвертях 2013 – 2014 учебного года, когда были первоклассниками. Мы не считаем данный временной разрыв препятствием для сопоставления, так как учебник был призван через образцы прививать навыки юмористической коммуникации, которые по прошествии некоторого времени могли закономерно закрепиться или по каким-то причинам не проявиться.

1. Общая характеристика материала

Раздел «И в шутку и всерьез» включает более десятка полнотекстовых произведений писателей и поэтов («Телефон» и «Федотка» К. Чуковского; «Волк» Я. Тайца, «РРР!» Г. Кружкова; «Саша-дразнилка» Н. Артюховой, «Привет» О. Дриза и др.). Юмористическую интенцию раздела авторы учебника регулярно подчеркивают названиями рубрик или в самих текстах (*Ха-ха, весело, смешно* и т. д.). Кроме того, раздел содержит своеобразную прототеорию юмора, представленную в жанровых формах учебной беседы. См. предваряющий текст:

Догадался ли ты, какие рассказы и стихи будешь читать в этом разделе?

– *Веселые, смешные.*

– *Писатели и поэты умеют рассказывать о самых обычных вещах весело и интересно.*

<>

– *Мы уже знаем, что веселые рассказы, стихи и небылицы поэты сочиняют не только для удовольствия. Их произведения помогают нам посмотреть на себя со стороны, увидеть недостатки и понять, что в каждой шутке есть доля правды.*

Информация является адаптацией перечисленных выше теорий юмора. Переключения с шуточной тональности текстов на серьезную тональность их обсуждения достигаются контролем восприятия, а именно вопросами к читателю типа: *Ты смеялся? Почему? Можно ли произведение К. Чуковского назвать юмористическим? В юмористическом произведении в смешном, добродушном виде изображаются недостатки, слабости героя; Что помогло поэту создать это стихотворение (воображение, фантазия, выдумка, юмор)? Смешно ли тебе произносить слова кулинаки-пулинаки?*

Экспериментальный материал состоит из 53-х высказываний, зафиксированных в виде письменных ответов на вопрос: *Над чем мы смеялись в 2015 г.? Что было смешного?* В этих ответах либо называются конкретные ситуации, воспринятые в юмористической тональности, либо приводятся общие рассуждения. Ср.: *На большом острове парень хотел скайтаться на сноуборде он встал и упал и катился до самого низа и все говорили хорошо катается и Мне было смешно, как летом мы устраивали сценки, которые нам очень нравились.*

2. Параметры сопоставления и примеры анализа

За единицу анализа принят фрагмент раздела «И в шутку и всерьез», а также высказывание (фрагмент воспоминаний), по отношению к которым можно ответить на вопросы:

а) кто/что объект осмеяния?;

б) какова тональность комического (добродушный смех, поддразнивание, издёвка и т. д.)?;

в) какие ценности и концепты вовлечены в юмористическую коммуникацию?;

г) имеется или отсутствует лингвистическая составляющая?

Последний параметр выделен в силу особой значимости для детей игры со словами. Лингвистический юмор развивает фантазию, отражает возросшее понимание слов и значений на определенных этапах жизни ребенка и потому доставляет детям удовольствие [10]. На нем специализируется ряд жанров, например загадка; для него актуальны такие значимые для детей ценности, как ЯЗЫК/РЕЧЬ, ИНТЕЛЛЕКТ, СМЕХ, ИГРА.

В качестве примера из учебника приведем анализ конечного фрагмента стихотворения «Привет». В описанной автором ситуации нарушается привычный порядок вещей: герой-малыш думает о «горячем привет» как об угощении вроде пирога: *Наверное, мама / привет этот прячет, / чтобы остыл – / видно очень горячий:*

а) объект осмеяния – малыши;

б) юмор имеет добродушную тональность;

в) ценности – ЯЗЫК, ЗНАНИЕ (здесь знание слов); БЫТЬ-БОЛЬШИМ;

г) юмор является лингвистическим, так как основан на многозначности слова «горячий».

См. аналогичное описание детского высказывания: *А еще мы ездили на озеро и мой младший двоюродный братик боялся купаться:*

а) объект осмеяния – малыш;

б) добродушная тональность (см. суффикс «ик»);

в) ценность – БЫТЬ-БОЛЬШИМ;

г) лингвистическая составляющая отсутствует.

Подобным образом проанализированы 20 фрагментов из учебника и 53 высказывания в составе воспоминаний.

3. Над чем следует смеяться vs над чем смеются?

Рассмотрим типичный пример из учебника: *Вышел Лев из-за горы / И, подумав, молвил: – РРРЫ! / Подлетели какаду: / – Что имели вы в виду? / Рразорву и рразстерзаю? / Рразнесу и рраскидаю? / Рраспугаю всех подряд? / Лев сказал: / – Я просто РРРРАД!* (Г. Кружков).

В приведенном тексте объект осмеяния, по-видимому, какаду, на которого переносятся такие человеческие качества, как трусость и недалекость. Подобные объекты позволяют читателю, утверждаясь в собственной состоятельности, пережить интеллектуальное превосходство, но при этом принять добродушную тональность дискурса. Ведь забавные животные вызывают умиление – странно обрушивать на них издёвку, насмешку и т. д. В той же степени сказанное относится к маленьким детям. Эти две категории – животные и маленькие дети – составляют абсолютное большинство объектов «осмеяния» в текстах из учебника.

В детских высказываниях о смешном объекты осмеяния не названы, когда ситуация вспоминается в самых общих чертах (18 высказываний). Поименованные объекты распределились следующим образом: животные (живые, игрушечные, медийные) – 19; сказочное существо старуха Шапокляк – 2, говорящий – 2, говорящий вместе с другом – 1, одноклассники – 1, девочка-сверстница – 1, парень – 1, папа – 1, младший братик – 1, брат – 1, дедушка – 1, взрослые люди – 1, друг – 1, подруга – 1, стул – 1: *Я смеялась в одноклассниках. Был огурец, а кошка отвернулась от него, а когда увидела – подпрыгнула; Когда хомяк залезал на капюшон и он там спал; Потому что люди выполняли что им говорят. Например, попробуй гуашь; Я в этом году был Дедом Морозом и было смешно. Все говорили «Ты подарки нам принес?» Всем было смешно, но и мне тоже.*

Итак, детские высказывания совпадают с текстами из учебника по направленности юмористической интенции на животных. Если в учебнике животные антропоморфны и зачастую смешны своими человеческими свойствами, то в детских высказываниях они веселят детей безотносительно к их «внутренним качествам». Причина переживаемого удовольствия – необычные действия, реакции, внешний вид котом,

хомяков и т. д. Полагаем, что во всех эпизодах, связанных с животными, дети переживали свое (ни для кого не обидное!) интеллектуальное превосходство и с удовольствием вспоминали это состояние. Все другие объекты осмеяния также попадают в необычные ситуации, совершают нелогичные действия, нарушают обычный порядок вещей (ищут браслет, забывая, что он на руке; проваливаются в лужу, не замечая её под тополиным пухом; засыпают и храпят прямо во время чтения сказки и т. д.). Точно определить, какова в данных случаях психологическая подоплека смеха, не представляется возможным.

4. Еще юмор или уже издёвка?

Как говорилось выше, юмор учебника доброжелателен и как таковой воспринимается читателями. Показателен отклик на стихотворение «РРРЫ!» в интернете: *Дочь ходит по квартире и повторяет скороговорку... Мне она так понравилась, добрая такая!)).* Доброжелательному юмору на страницах учебника специально учат. Как известно, в детском возрасте нередко практикуется поддразнивание, которое относится к агрессивной форме юмора [5, с. 215]. Авторы включили в раздел рассказ Н. Артюховой «Саша-дразнилка», который обучает «жертв» поддразнивания эффективным способам поведения. Сюжет рассказа в точности отражает педагогическую рекомендацию Д. Скамблера: «Детей, которые часто являются объектом поддразнивания, нужно обучать использовать в таких ситуациях веселые, юмористические реакции» (Scambler, 1998 [цит. по: 5, с. 290]).

В экспериментальном материале сведений о тональности коммуникаций либо ситуаций немного. Отметим два момента.

Во-первых, смех в воспоминаниях детей связан с состояниями радости, счастья, которые не всегда предполагают наличие словесного юмора: *Мне подарили скоростной велосипед. Он был большим и я на нем очень легко катался; Еще я улыбаюсь, когда танцую танцы; В 2015 г. было смешно немного, что в ноябре снег выпал прям как в декабре.* Дети готовы беспричинно радоваться, они настроены на смеховую тональность, даже когда ничего смешного объективно не говорится и не происходит. Интересно, что и сами они рефлексируют по этому поводу: *Кто-то покашлял, и все ржут; Можно сказать, что наш класс смеется над каждым шорохом. Да, мы любители посмеяться. И мне кажется, если смех продлевает жизнь, то мой класс бессмертный!*

Во-вторых, обращает на себя внимание повторяемость ситуации «Х. упал – было смешно», которая упомянута в 4-х из 53 высказываний. В 2-х говорящий смеется над собой или одновременно над собой и другом. По-видимому, ситуация падения на виду у всех в этом возрасте – эталон «стыдной», «позорной», «нежелательной» ситуации, которую необходимо юмористически пережить. Такое переживание способствует психологической адаптации ребенка. См. примеры: *И как я упала, запнувшись о портфель; Я смеялся, как в летнем лагере упал Дима в лужу а лужу покрыл белый пух. А он не знал что под пухом лу-*

жа. Побежал по пуху, подскользнулся и грохнулся в лужу. Было так смешно я пошел за ним и сам упал к нему в лужу, мы были такие грязные; Одна девочка всех смешила. И вот один раз она села на качель и подруга Анна убрала качель и девочка упала мы так смеялись. В последнем случае «безопасный, игровой, не угрожающий» характер контекста оказывается под вопросом. Разумеется, если смех сопровождает обиду и слезы другого человека, то такие ситуации надо обсуждать и исправлять.

Соответствуя учебнику, высказывания детей отражают элементы прототеории юмора. Дети оперируют понятиями, описывающими смешные коммуникации, говорят о своем психологическом настрое: *Над юмором над смешными представлениями; Я считаю, что нужно быть оптимистом, а не пессимистом; Он <...> говорил мне веселые, смешные, юмористические шутки.*

Таким образом, экспериментальный материал не противоречит заданной «Литературным чтением» установке на доброжелательный юмор и добродушный смех. Вместе с тем, поскольку выводы сделаны на материале вторичных текстов (не самих коммуникаций, а их описаний), они имеют предположительный характер, что требует продолжить изучение юмористической коммуникации в её непосредственной форме.

5. Об актуальных концептах и ценностях

Юмористический раздел «Литературного чтения» апеллирует к ряду ценностных концептов, из которых наиболее очевидны следующие.

5.1. БЕСПРИЧИННЫЙ СМЕХ как ценность.

Стихотворение И. Токмаковой «Мы играли в хохотушки» (в оригинале «Есть девчонки-хохотушки») посвящено описанию безудержного, беспричинного смеха. Из послетекстовых вопросов и заданий следует, что такой СМЕХ одобряется: *А ты любишь играть в веселые игры? Прочитай это стихотворение так, чтобы все услышали веселый смех детей.* В стихотворении О. Григорьева «Стук» ситуация противоречит здравому смыслу: нарисованный пером утюг стучит, упав в ведро. Текст развивает способность шутить, не транслируя каких-то иных ценностей, кроме СМЕХ, ЮМОР.

5.2. БЫТЬ-БОЛЬШИМ, ВЕСТИ-СЕБЯ-КАК-БОЛЬШОЙ как ценность.

Эта ценность транслируется в стихотворении К. Чуковского «Федотка». Его герой дает основание читателю-ребенку почувствовать себя взрослее и/или пережить свой опыт, посмеяться над собой в похожих ситуациях. С точки зрения теории превосходства стихотворение повышает самооценку, с точки зрения теории утешения – преодолеть негативный опыт.

5.3. ИНТЕЛЛЕКТ как ценность.

В рассказе Я. Тайца «Волк» девочка Маша «сразу узнала» волка в зоопарке и обвиняет его в том, что он съел Красную Шапочку и обижал трех поросят. Из некоторых движений волка (*поджал хвост, отвернулся*) Маша делает вывод, что волку стыдно. В этой истории ситуация противоречит здравому смыслу.

Героиня дает основание пережить читателю-ребенку интеллектуальное превосходство. Последнее индуцируется и составителями учебника: *Что происходило на самом деле – что в воображении девочки?* С другой стороны, история может помочь читателю «утешить» тревогу по поводу его интеллектуальных способностей. Аналогичные механизмы предполагает рецепция стихотворения К. Чуковского «Телефон», где пять пудов – мало, галоши съедены и т. д. Установлено, что «сильный акцент на интеллектуальных достижениях и рациональности в школьные годы <...> вызывает тревогу по поводу интеллектуальных способностей, что приводит к увеличению количества шуток о глупости и неразумном поведении» [5, с. 215]. Учебник предлагает истории того же порядка.

5.4. ПОМОЩЬ ДРУГУ; СПРАВЕДЛИВОСТЬ; ТРУД.

В сказке М. Пляцковского «Помощник» в позорной, нежелательной ситуации оказывается ослик Алфавит, который отказался помогать кролику Кочерыжке строить дом, но пришел помочь съесть вкусный суп и получил отказ. Адресат может испытать моральное превосходство (теория превосходства) и, возможно, пережить собственный опыт поведения, аналогичного поведению ослика.

5.5. ХОРОШАЯ РЕЧЬ (ИНТЕРЕСНО РАССКАЗЫВАТЬ) как ценность.

Ценность «хорошая речь» акцентируется в жанре учебных бесед: *Сколько слов нашел поэт, чтобы передать, как смеялись дети? Назови их; С какой интонацией надо прочитать слова какаду? Как ты произнесешь слова льва? Как ты думаешь, почему автор в названии дает пояснение «Немного необычное стихотворение»? Можно ли, читая, представить картину происходящего? Как этому помогают звуки?*

В «связке» с юмористическими текстами приводятся пословицы, которые апеллируют к тем же ценностям, что и шуточные тексты, и обучают нормам коммуникативного и социального поведения: *Любишь шутить над Фомой, так люби и над собой* (относись к другим так же, как к себе); *Смеется тот, кто смеется последним; Умей шутить, умей и отшучиваться*; (об опасности недоброжелательного высмеивания); *В каждой шутке есть доля правды; Кто не любит шуток, над тем не шути* (об умении шутить и правильно воспринимать шутки); *Кто любит трудиться, тому есть чем гордиться*.

Как видим, учебник приветствует беспричинный смех, вместе с тем в нем присутствует назидательность. В финальном учебном диалоге резюмируется вопрос о предназначении юмора. Для обдумывания предлагаются положения, которые связаны с нормами социального взаимодействия: *Зачем писатели и поэты пишут веселые, смешные произведения? Выбери ответ: Развеселить, порадовать читателя; Подшутить над кем-нибудь; Помочь увидеть поступки со стороны, поразмышлять над недостатками; Разбудить фантазию* (полагаем, что правильными, с точки зрения авторов-составителей учебника, являются все перечисленные ответы).

В детских высказываниях концепты и ценности, актуальные для смехового общения, прямо не называются. В то же время этот материал отсылает к текстам, типам текстов и коммуникациям, которые позволяют судить о них опосредованно. Это, во-первых, детские анекдоты, пользующиеся популярностью среди детей, судя по неоднократным упоминаниям об этом жанре. См. полнотекстовый пример: *Шли по лесу Олень, Лиса и Заяц. Провалились в яму. Через три месяца захотели есть. Лиса говорит: Съедем того, у кого самые большие уши. Заяц подвязал уши под подбородком и говорит: Пришла твоя пора, Олень...* Как часто бывает в анекдотах, ценностью становится УМ, СМЕКАЛКА. Во-вторых, актуальна художественная литература для детей: *Смешные книги «Верните новенький скелет», «Приведение – это к счастью». Они были очень смешными. Ха-ха!* Школьницей названы детские детективы соавторов О. В. Колпаковой и С. А. Лавровой. Знакомство с текстами позволяет согласиться с откликами специалистов о высоком качестве этих книг для детей: «Невозможно в иных местах не хохотать до слёз <...> Искромётный и в то же время удивительно добрый юмор – несомненное достоинство и украшение этой книги» (Е. Крживицкая, искусствовед, писатель, победитель конкурса «Рукопись года»). Комические эффекты основаны главным образом на том, что читатель видит и понимает больше, чем маленькие герои. См. фрагмент из книги «Верните новенький скелет»: *Переделав все свои дела, Даша бралась за дела старшего брата Ивана. Проверяла, не забыл ли он чего положить в портфель. Обнаруживала обычно нехватку таких необходимых в шестом классе вещей, как кукольное платьишко, открытый пакетик яблочного сока, горсточка собачьего сухого корма. Даша исправляла промах, выкидывая часть тетрадок.* Таким образом, в юмористическую коммуникацию, как и в учебнике, вовлечены концепты ИНТЕЛЛЕКТ, БЫТЬ-БОЛЬШИМ, ВЕСТИ-СЕБЯ-КАК-БОЛЬШОЙ. В других эпизодах актуализируется ПОМОЩЬ БЛИЗКИМ. В целом, с оговоркой об отсутствии в детективах назидательности, картина мира этих книг укладывается в русло той, что моделируется учебником. Иная картина мира формируется мультфильмом «Маша и Медведь» (*Я считаю, что смеялись над фильмами, мультфильмами, например, Маша и Медведь*). При том что фильм пользуется огромной популярностью, он неоднозначен с точки зрения влияния на формирование моделей поведения и детской системы ценностей. ОЗОРСТВО Маши не столь безобидно, как может показаться. Ср. негативную оценку фильма психолога В. Абраменковой: «По сути, там происходит издевательство ребенка над взрослым. За медведем стоит образ взрослого, немного заторможенного, но адекватного человека. Он способен только обижаться. Перерабатываясь в сознании ребенка, это усваивается как возможность обращаться так со взрослым» [6]. Некоторые из указанных источников смеха не рассчитаны на детей как на целевую аудиторию и не встраиваются в систему актуальных детских ценностей: *Я смеялся над смешными разговорами от шоу «Уральские пельмени». Они любят по-*

шутить, могут наряжаться в разные костюмы. Они очень талантливые! Одного из третьеклассников рассмешил известный интернет-текст, атрибутируемый как книга по домоводству 60-х гг. XX века. В пересказе школьника, не назвавшего источник, текст выглядит следующим образом: *Или вот когда вы ждете папу нарядите помойте причешите детей и сами причешитесь выстройте детей и ждите папу. Вы его встретите и не разговаривайте. Усадите за стол, он покушает отдохнет а потом спрашивайте что захочется!* По-видимому, в случае с недетскими текстами смех ребенка вызывают необычные, абсурдные ситуации, однако «разрешение несоответствия» (что именно понял?) расходится с запрограммированным смыслом текста.

6. О юмористическом потенциале языка

Игра со словами, как уже говорилось, имеет особое значение для детей. Лингвистический юмор составляет значительную часть шуток в учебнике. В данном случае теория превосходства и теория утешения не актуальны, исключается издевка и сарказм. Стихотворение Г. Кружкова «РРРЫ!» строится на смысловой антитезе слов на «р-р». Стихотворение И. Токмаковой «Разговор Лютика и Жучка» основано на повторении шипящих в словах «хохохочешь», «щечкохочешь», «не захочешь», «захохохочешь». В стихотворении И. Пивоваровой «Кулинаки-пулинаки (Скороговорка)» различные неодушевленные предметы и животные совершают несвойственные им действия; соответственно, перепутаны слова, обозначающие эти действия. В стихотворении Т. Собакина «Как ловкий бегемот гонялся за надоедливой мухой в тесной комнате, где было много стеклянной посуды (Немного необычное НЕстихотворение)» почти отсутствуют реальные слова языка: «ЖЖЖЖЖЖ БАЦ ЖЖЖЖЖ БАЦ БАЦ ЖЖЖЖЖЖ ТОП-ТОП-ТОП..... ШЛЁП!!! ШМЯК. И стало тихо». То, что названо стихотворением, состоит из звукоподражательных элементов. Лингвистический юмор составляет здесь основу смеховой коммуникации.

В детских высказываниях также отмечается лингвистическая составляющая смешных коммуникаций. Вспоминая о «хомяке-повторюшке» (игрушке, повторяющей всё, что говорится вокруг), дети обращают внимание на рифмованные фразы (*Перемена, перемена! Залез на стену!*); на голосовые характеристики (*И еще как говорит этот хомяк. Он прям по-писклявому говорит*). В воспоминаниях о костюмированном представлении в 2-х случаях запомнилось травестирование: *Она пела песню: В лесу родилась телочка, в лесу она росла. Зимой и летом бледная была. Из семейных коммуникаций осталось в памяти неправильное произношение имени: Мой брат когда был маленьким говорил не Юля, а Юя.* Вместе с тем отсылки к языковой игре эпизодичны. Актуальны смеховые коммуникации, основанные на визуальной информации: *Я нашел фотку в интернете, что хомячок одет в итальянский костюм и держит в руках макароны. Это было очень смешно. И танцевал самбо [самбу –*

Н. О., О. Б.]; *Над фотками и видео с кошками. Там было смешно то, что кошки ходили, бегали, говорили.*

Выводы

Юмористические тексты как дидактический материал для литературного чтения развивают языковую способность, формируют навыки вычитывания подтекстовой информации (в рамках технологии продуктивного чтения), способствуют социальной адаптации. В учебной коммуникации юмор включен в процесс инкультурации ребенка в русскую культуру. На материале специализированного раздела учебника «Литературное чтение» было показано, что художественный материал, предлагающий юмористическую тональность общения, тщательно выверен с точки зрения подбора концептов, тональности юмора, передаваемых моделей поведения при намерении построить коммуникацию в несерьезном ключе. Ценность дидактического материала в исследованном пособии, на наш взгляд, несколько снижена излишней рефлексией над механизмами смеха, в которую предлагается включиться детям. Анализ «обратной связи», полученный экспериментальным путем, показал, что современные школьники готовы не только откликаться на юмористические интенции, но и инициировать несерьезные коммуникации. В определенной степени реальные коммуникации смехового общения, которые запомнились школьникам, проецируются на дидактический материал и соответствуют младшему школьному возрасту (добродушный смех над животными, актуальность концептов БКСПРИЧИННЫЙ СМЕХ, УМ, ИНТЕЛЛЕКТ, БЫТЬ-БОЛЬШИМ, ПОМОЩЬ БЛИЗКИМ). С другой стороны, требуются дополнительные усилия для развития лингвистического юмора, а также внимание к ситуациям, в которых смех может породить конфликтное общение. Кроме того, в силу неконтролируемости медийных коммуникаций в спонтанный юмористический дискурс младшего школьника вовлечен юмор для взрослых.

Литература

1. Зелезинская Л. А. Роль юмора в формировании личности // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3(40). С. 226 – 228.
2. Карасик А. В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 23 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Климанова Л. Ф., Горецкий В. Г., Голованова М. В. и др. Литературное чтение. 1 класс: учеб. для общеобразовательных организаций с аудиоприл. на электрон. носителе: в 2 ч. Ч. 2. 4-е изд. М.: Просвещение, 2013. 79 с.
5. Мартин Р. Психология юмора / пер. с англ.; под ред. Л. В. Куликова. СПб.: Питер, 2009. 480 с.
6. Психологи рассказали, какие мультфильмы полезно смотреть детям // РИА НОВОСТИ. 28.10.2013. Режим доступа: <http://ria.ru/society/20131028/973030440.html>
7. Редозубов А. Д. О природе юмора. СПб., 2010. Режим доступа: <http://potere.ru/stati/o-prirode-yumora-a-d-redozubov-sankt-peterburg-2010-g/main.html>
8. Числова Н. М. «Юмор» как средство выражения радости в межкультурном общении // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 3. С. 88 – 93.
9. Bardon A. The Philosophy of Humor // A Geographic and Historical Guide, ed. by Maurice Charney. Connecticut: Greenwood Press, 2005. Режим доступа: http://faculty.swosu.edu/frederic.murray/Philosophy%20of%20Humor_1.pdf
10. Prerost F. Children and Humor // National Association Of School psychologists, 2000. Режим доступа: <http://www.westga.edu/~vickir/ResourcesPublications/ParentsandYouth/Children%20and%20Humor.pdf>

Информация об авторах:

Орлова Наталья Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, славянского и классического языкознания Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, nvorl@rambler.ru.

Богомолова Ольга Евгеньевна – учитель начальных классов Бюджетного образовательного учреждения г. Омска «Лицей № 29», bogomol58@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 03.06.2016 г.

WHAT'S SO FUNNY? A COMPARATIVE LOOK AT THE HUMOROUS INTENTIONS OF THE TEXTBOOK AND THE STUDENT

Orlova Natalia V.^{1, @1, *}, Bogomolova Olga E.^{2, @2, *}

¹ Omsk State University n. a. F. M. Dostoevsky

² of Omsk Lyceum No. 29

@1 nvorl@rambler.ru

@2 bogomol58@mail.ru

* The work was supported by the RFH Grant No. 15-04-00325 «Childhood in discursive space of the region: a comprehensive analysis of the institutional and personal communications with the participation of the child».

Abstract: A section of a school textbook on literary reading “Jokingly and seriously” was compared with the written memories of 3rd-grade students of “Lyceum № 29” (Omsk) about the situations in which they laughed. The objects of comparison were such aspects of humorous discourse as the object of the ridicule, the tone of the comic, values and concepts; the presence/absence of humor in the linguistic component. General research approach is the discourse analysis. A positive correlation between age features of the humor, the humorous intentions of the textbook and interview data were revealed, which allows to ascertain the productivity of learning strategies. Spontaneous laughter communication is dominated by good-natured laughter over the animals, the concepts of *causeless laughter*, *wit*, *intelligence*, *being-grown-up*, etc., which corresponds to “student humor”. On the other hand, more efforts are needed to develop children's linguistic humor (language skill games) and the attention to situations in which laughter can produce conflict communication.

Keywords: children's humor, tone, values, language game.

For citation: Orlova N. V., Bogomolova O. E. What's so funny? A comparative look at the humorous intentions of the textbook and the student. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 63 – 69.

References

1. Zelezinskaia L. A. Rol' iumora v formirovanii lichnosti [The role of humor in the formation of the personality]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia – The world of science, culture and education*, no. 3(40) (2013): 226 – 228.
2. Karasik A. V. *Lingvokul'turnye kharakteristiki angliiskogo iumora*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Linguistic and Cultural Features of the English humor. Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Volgograd, 2001, 23.
3. Karasik V. I. *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic Circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002, 477.
4. Klimanova L. F., Goretskii V. G., Golovanova M. V. *Literaturnoe chtenie. 1 klass* [Literary reading. 1 grade]. Part 2. 4th ed. Moscow: Prosveshchenie, 2013, 79.
5. Martin R. *Psikhologiya iumora* [Psychology humor]. Transl. and ed. Kulikov L. V. Saint-Petersburg: Piter, 2009, 480.
6. Psikhologi rasskazali, kakie mul'tfil'my polezno smotret' detiam [Psychologists tell what cartoons are useful for children to watch]. *RIA NOVOSTI – RIA NEWS*, 28.10.2013. Available at: <http://ria.ru/society/20131028/973030440.html>
7. Redozubov A. D. *O prirode iumora* [On the nature of humor]. Saint-Petersburg, 2010. Available at: <http://potere.ru/stati/o-prirode-yumora-a-d-redozubov-sankt-peterburg-2010-g/main.html>
8. Chislova N. M. «Iumor» kak sredstvo vyrazheniia radosti v mezhkul'turnom obshchenii [“Humor” as a means of expressing joy in intercultural communication]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki – Bulletin of Moscow State Humanitarian University named after M. A. Sholokhov. Philological Sciences*, no. 3 (2013): 88 – 93.
9. Bardon A. The Philosophy of Humor. *A Geographic and Historical Guide*. Ed. by Maurice Charney. Connecticut: Greenwood Press, 2005. Available at: http://faculty.swosu.edu/frederic.murray/Philosophy%20of%20Humor_1.pdf
10. Prerost F. Children and Humor. *National Association Of School psychologists*, 2000. Available at: <http://www.westga.edu/~vickir/ResourcesPublications/ParentsandYouth/Children%20and%20Humor.pdf>

Received 01.02.2016, accepted 03.06.2016.

УДК 81.13

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ
В РАМКАХ ОДНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ ОБОБЩЕНИЯ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ПОСТФАКТУМ. СТАТЬЯ 1**

Н. Д. Голев^{1, @, *}

¹ Кемеровский государственный университет

@ ngolev@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00311.

Аннотация: В статье 1 осуществляется попытка обобщения многолетних экспериментальных лингвистических исследований слов и текстов русского языка, проводимых группой лингвистов Западной Сибири (Томска, Барнаула, Кемерово, Новосибирска) под руководством автора статьи. Эксперименты базировались на разном материале, в них использовались разные формы и способы экспериментирования. Статья представляет собой попытку осознать и отрефлексировать постфактум («задним числом») их совокупность как некоторую целостность, объединенную общими принципами постановки экспериментов и особенностями их реализации. В статье проводятся две линии: методическая и методологическая. Первая – собирание и систематизация позитивного опыта конкретного экспериментирования. В результате реализации этой линии в статье 1 выявляются и характеризуются такие принципы экспериментирования, как включенность слова в контекст, серийность, парадигматическая и синтагматическая организованность, приближение экспериментальной ситуации к реальным речевым ситуациям. Такие обобщения, по мнению автора, могут быть полезны другим исследователям, которые будут проводить подобные эксперименты.

Ключевые слова: эксперимент, лингвистика, семасиология, лексикография, методология лингвистических исследований, принципы лингвистического экспериментирования, Л. В. Щерба.

Для цитирования: Голев Н. Д. Экспериментальные исследования русской лексики в рамках одного лингвистического направления: опыт обобщения и методологической рефлексии постфактум. Статья 1 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 70 – 78.

1. Преамбула: о целевых установках цикла статей и способах их реализации

В статье осуществляется попытка обобщения многолетних семасиологических исследований слов и текстов русского языка, проведенных группой лингвистов Западной Сибири (Томска, Барнаула, Кемерово, Новосибирска). Эксперименты базировались на разном материале, в них использовались разные формы и способы экспериментирования. Все это предопределяло достаточно сильные центробежные тенденции в их исследовательской деятельности. Тем не менее в них присутствовал и центростремительный вектор. Многие исследования названного направления осуществлялись лично автором статьи или под его руководством. Поэтому, хотя они не были следствием изначального единого замысла, в них присутствовало некоторое единство идей, методологии и методики. Статья – попытка осознать и отрефлексировать постфактум («задним числом») их совокупность как некоторую целостность, объединенную общими принципами постановки экспериментов и особенностями их реализации. В организационном плане важным этапом в этом процессе осознания явилось официальное открытие в 2006 году в КемГУ научной школы «Социально-когнитивное функционирование русского языка» (далее «СКФРЯ»), в которую вошли, кроме кемеровских лингвистов, также и представители вузов других перечисленных вы-

ше городов. Необходимость обоснования ее (школы) и выделенности в российском лингвистическом пространстве привело к возникновению потребности постановки и решения среди прочих также и поставленной для статьи 1 задачи.

Принципиально важно в **общей преамбуле двух статей** отметить следующее. В статьях 1 и 2 проводятся разные линии: методическая и методологическая. Первая из них, очерченная выше, – собирание и систематизация позитивного опыта конкретного экспериментирования. Результаты, полученные таким путем, по нашему мнению, могут быть полезными другим исследователям, проводящим подобные эксперименты. Другая линия, составившая содержание статьи 2, возникла в ходе обобщения – соображения по поводу общих принципов семасиологического экспериментирования. Они возникли из попыток автора «встроить» проводимые эксперименты в парадигму экспериментирования российской лингвистики. Считаю нужным указать, что непосредственным поводом для размышлений о методологии лингвистического экспериментирования явился, казалось бы, простой вопрос: **правомерно ли называть опросы экспериментом?** Поиски ответа на него потребовали обращения к довольно абстрактным принципам взаимоотношений языка и лингвистики, составившими задачу статьи 2. Две названные линии оказались самостоятельными в плане их публикационного представ-

ления. По сути, в них разные сюжеты, исходящие из разных целевых установок, разного материала и разных исследовательских презумпций. Поэтому мы представили их в форме самостоятельных статей, объединенных скорее генетически единым посылом.

Говоря о различии презумпций, имеем в виду различие исходных посылок – представлений о гипотезах, лежащих в основе экспериментов: во-первых, гипотезе, в соответствии с которой результаты эксперимента, в том числе опросов, непосредственно свидетельствуют о закономерностях и устройстве языка, и, во-вторых, – гипотезе, согласно которой многие виды экспериментов, особенно опросы, направлены на изучение сознания и говорят в первую очередь об устройстве и функционировании именно сознания и лишь опосредованно – о языке. Автор постфактум оценил представленные в первой статье опыты экспериментирования как следствия развития первой гипотезы, тогда как вторая статья, продолжая развитие первой гипотезы, предполагает важность подключения к исследованиям второй гипотезы.

Для компактного изложения материала в рамках заявленной целевой установки автор решил не актуализировать сугубо диахроническую логику подачи материала, которая была бы призвана отразить движение от стихийного экспериментирования к осознанию его рациональности. (Апробация названного сюжета осуществлена автором на международной конференции «Экспериментальные исследования языка и речи. Традиции и инновации» 3 – 5 сентября 2015 г. в Томском университете (<http://conference.tsu.ru/solas>) в докладе «Принципы экспериментальных исследований в научной школе "Социально-когнитивное функционирование русского языка"». – *Прим. автора*). Настоящая статья написана на основе данного доклада. Другими словами, это движение можно охарактеризовать как переход от конкретных частных исследований к выявлению в них общих принципов. Линию «от общего» автор также решил не доводить до крайности, поскольку сугубо дедуктивное описание родило бы представление о том, что серия экспериментов была подчинена некоторому изначальному замыслу, детерминированному определенной идеологией. Стремясь сгармонизировать два сюжетобразующих принципа (от конкретной истории и от общих принципов), прибегаем к их компромиссу – прерывистой композиции: сначала представим очерк наиболее общих методологических идей, потом – их проекцию на конкретные опыты экспериментирования, осуществленные представителями школы на разном материале, представление общих особенностей методики и технологии, и наконец, в заключительной части – второй цикл обобщения как развитие идей, заявленных в первой части. (Такую композицию обосновывают и общие соображения. По К. Попперу, наблюдения сами по себе не рожают теорию: без ее предшествования непонятно, за чем наблюдать и как наблюдать [24, с. 66]. Теория первична по отношению к гипотезе, а гипотеза – по отношению и к наблюдениям, и к эксперименту. Обсуждение данного вопроса будет продолжено в заключительной части статьи. – *Прим. автора*).

2. Эксперименты научной школы «СКФРЯ» и методические принципы, вытекающие из них

В соответствии с избранным сюжетом для данной статьи дальнейшее изложение далее структурируется следующим образом: перечисляются и кратко характеризуются основные виды экспериментов, апробированные автором и другими представителями научной школы «СКФРЯ», начиная с 70-х гг. прошлого столетия. Характеризуя далее эксперименты, автор не ставит задачи представления их частностей и деталей (хотя понимает их роль в экспериментальных исследованиях), целевые установки статьи предполагают другие акценты – актуализацию таких моментов эксперимента, которые имеют перспективу использования в каких-либо последующих исследованиях. Прежде всего это представление причин выбора именно такого эксперимента и вытекающих из него методологических и методических следствий.

Ономасиологические эксперименты: Речевая номинация предметов, не имеющих устойчивых нормативных названий в русском языке [7; 10]. Эксперимент осуществлялся путем предъявления испытуемым рисунка предмета с заданием назвать его или его части, в форме заполнения пропуска в контексте, в котором этот предмет (его часть) ситуативно актуализирован. Например:

*Я покрутил... и поставил нужное время
Яблоко я держал за..., а грушу за....*

Нажав на ...умывальника, я убедился, что в нем нет воды

Достав спичку, я чиркнул по ... спичечного коробка

Научные результаты представлены в диссертации «Система номинации конкретных предметов в русском языке» [10] и многочисленных статьях автора, например [11].

Другой вариант ономастологического эксперимента, в котором испытуемым предлагалось назвать ряд предметов, изображенных на рисунке, названия которых, по нашему предположению, должны быть им неизвестны. В их числе были изображения саксальной сойки, кулика-сороки, элеутерококка, цветка женьшеня и др. Эксперимент предполагал выяснение механизма возникновения новообразований: испытуемые должны были заполнить пропуски в предложениях, воссоздающих ситуацию встречи с новым предметом: «Вчера в лесу я впервые встретил...»; «Я заметил, что на берегу нашей реки обитает много птиц и среди них...» [16, с. 8].

Деривационные и мотивационные эксперименты, направленные на проверку гипотезы о формировании означаемого речевого слова в речевом потоке. Данный процесс трактуется нами как базовый компонент структуры непрерывного деривационно-мотивационного процесса [8; 9]. Приводим пары фраз, призванные подтвердить или опровергнуть гипотезу.

С детского сада зарядил, Хочу учиться в школе. Во ведь какой уродился!; С детского сада зарядил, Хочу учиться в музыкальной школе. Во ведь какой уродился!

Элочка очень любила романы. Бывают же на свете такие....; Элочка очень любила романсы. Бывают же на свете такие....; Элочка очень любила стихи. Бывают же на свете такие....

У Пети только рыбки на уме. И друзья у него одни...; У Пети только лошади на уме. И друзья у него одни....

Итак, Петя, теперь ты каменщик, это значит, что теперь ты.....; Итак, Петя, теперь ты шифовальщик, это значит, что теперь ты.....

Результаты эксперимента показали, что означаемое номинативной единицы во многих случаях не дано изначально («до речи», а формируется в ее ходе на основе текстовых суппозиций. Результаты экспериментов представлены в докторской диссертации «Динамический аспект лексической мотивации» [6], монографии [6] и кандидатских диссертациях Е. Г. Гусар [17], К. И. Бринева [3], Т. И. Киркинской [20].

Исследования прогностического потенциала слова в тексте

Эксперимент заключался в заполнении испытуемыми пропуска слова в тексте. Гипотеза, как и в первом из представленных в данной серии экспериментов, – формирование означаемого в речевом потоке. Онтологическая предпосылка иллюстрируется в типовой речевой ситуации: *если лектор, например, забыл нужное слово, и оно вернется у него ..., то студенты ...с места могут его ...* (Пример-импровизация из нашего устного доклада на конференции, названной в примеч. 4 – Прим. автора).

Гипотеза представлена в варианте: у разных словоформ в тексте разный прогностический потенциал, это зависит как от самого слова (типа слова) как потенциальной словарной единицы, так и от особенностей контекста реализации его потенциала. В экспериментах последующих поколений гипотеза усложнялась вовлечением лингвоперсоналистического фактора, связанного с влиянием на результаты выбора субъекта, – особенностей языковой личности автора речевого произведения или его реципиента, далее этот фактор будет представлен в статье при характеристике экспериментов Л. Г. Ким [14; 18].

Восстановление пропущенного слова носит регулярный и массовый характер и может быть воспроизведен на любом тексте. Например, на отрывке из текста И. С. Тургенева «Стихотворение в прозе «Собака».

Нас двое в комнате: собака моя и я. На дворе воет страшная, неистовая буря. Собака сидит передо мною – и смотрит мне прямо в глаза. И я тоже гляжу ей глаза. Она словно хочет сказать мне что-то. Она немая, она без слов, она сама себя не понимает – но я ее понимаю. Я понимаю, что в это мгновение и в ней и во мне живет одно и то же чувство, что между нами нет никакой разницы. Мы тождественны; в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонек.

На втором этапе эксперимента с данным отрывком в нем были пропущены отдельные словоформы (наречия), отмеченные многоточием *Нас двое в комнате: собака моя и я. На дворе воет страшная, неистовая буря. Собака сидит передо мною – и смотрит мне ... в глаза. И я ... гляжу ей в глаза. Она ... хочет сказать мне что-то. Она ..., она без слов, она сама себя не понимает – но я ее понимаю. Я понимаю, что в ... мгновение и в ней и во мне живет одно и то же чувство, что между нами нет никакой. Мы тождественны; в каждом из нас ...и светится тот же трепетный огонек.*

Испытуемым предлагалось их восстановить.

Эксперимент в принципе подтверждает гипотезу – у разных текстовых лексем разный прогностический потенциал. Например, в отрывке *в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонек* у словоформы *горит* он выше, чем у словоформы *светится*. У разных типов лексем разный дотекстовый прогностический потенциал. Скажем, у прилагательного *слабый* выше, чем у прилагательного *трепетный*. Было бы важным провести сплошной анализ текста (с пропуском поочередно) каждой словоформы, таким образом можно выявить разные текстовые и лексические факторы, влияющие на прогностическое функционирование лексики в тексте.

Результаты эксперимента представлены в диссертациях: И. А. Лопатиной [22], отчасти и в другом варианте – В. И. Тармаевой [26], [15], а также в разделе коллективной монографии «Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка» [9].

Семасиологические и интерпретационные эксперименты

Выявляется содержание, связываемое со словом или текстом рядовыми носителями русского языка. Гипотеза относительно лексики, проверяемая экспериментом: реальное содержание, аккумулируемое словом в стихийной речевой практике, отличается от нормативного содержания, описываемого и/или предписываемого толковыми словарями.

Результаты данных экспериментов представлены в «Словаре обыденных толкований русских слов. Лексика природы» [25]; статье [11]. Развитие идеи словаря обыденных толкований – разноязычный сопоставительный словарь, в котором одно и то же слово (*волк, мышь, роза* и т. п.) толкуют, проводят через свободные ассоциации и др. носители разных языков [12; 14].

Частная гипотеза для экспериментов, направленных на выявление реального содержания терминов. Реальное содержание, которое хранится в голове у носителей языка, отличается от того содержания, которое школьнику и студенту «вменяют» лекции преподавателей, учебники, официальные справочники. Вариативность содержания порождает явление, которое мы обозначили метафорой «разорванное образовательное пространство». Для изучения этой проблемы при школе «СКФРЯ» создан научно-образовательный центр (НОЦ) «Обыденная семантика терминов различных наук». В настоящее время коллектив школы «СКФРЯ» работает над «Словарем обыденных толкований политических терминов».

Особую разновидность семасиологических экспериментов представляют опыты измерения семантического расстояния между лексическими единицами с помощью ассоциативного эксперимента [13; 28]. Такая постановка вопроса – прямое следствие представлений о высокой степени изоморфности отношений в языковой системе и их отражении в языковом сознании. Эксперимент вводит в эту корреляцию существенный нюанс: семантическое расстояние, выявляемое в ассоциативном эксперименте, существует в первую очередь не в пространстве собственно значений как отражения их внеязыковых коррелятов и не в сфере системных значимостей слова, а в пространстве культурных значений (концептов). На концептном уровне по данным эксперимента лексемы, например, *бегемот* и *гиппопотам*, *конь* и *лошадь* не тождественны по содержанию.

Интерпретационные эксперименты направлены на выявление интерпретационного потенциала текста и пределов его варьирования. Их предмет: текст в сознании адресата, в пространстве его восприятия и понимания. Гипотеза: вариативность интерпретации зависит как от специфики самого текста, так и особенностей интерпретирующей способности языковой личности испытуемого-интерпретатора. По этой причине в полях, образуемых вариантами интерпретации одного текста, проявляются как центробежная, так и центростремительная тенденции. При этом фактор текста сдерживает уход интерпретационного поля в бесконечность субъективной интерпретации [14; 18; 19].

Эксперименты в области письменной речи

Эксперименты направлены на выявление роли орфографии и пунктуации в восприятии и понимании текста. Гипотеза: смыслоформирующая роль орфографии и пунктуации сильно преувеличивается в практике школьного преподавания русского языка (в силу потребности мотивировать изучение сложных правил). Влияние пунктуационного и орфографического факторов на понимание текста при его естественном (беглом) чтении – не аксиома и не доказанная теорема, а гипотеза, нуждающаяся для своего обоснования в системных и массовых экспериментальных исследованиях.

Пример такого эксперимента. Испытуемым предъявляется текст для прочтения. Например, такой:

От Ивана Петина ушла жена. Да как ушла!.. Прямо как в старых добрых романах – бежала с офицером. Иван приехал из дальнего рейса, загнал машину в ограду, отомкнул избу... И нашел на столе записку: «Иван, извини, но больше с таким пеньком я жить не могу. Не ищи меня. Людмила».

В эксперименте заключительная подпись предъявлялась с иной пунктуацией: вместо точки перед ней ставилась либо запятая, либо никакого знака, либо тире. Заметим при этом, что запятая должна по школьной логике задать иной смысл.

В некоторых вариантах лабораторной фразы предлагались вопросы по содержанию упомянутой в тексте записки: Как звали жену Ивана?, 2) Перескажите своими словами смысл записки жены Ивана, 3) Постарайтесь по памяти дословно передать записку жены Ивана.

Более сложный вариант эксперимента. Испытуемым предъявляется текст в разном пунктуационном оформлении, как нормативном, так и ненормативном. Например: Во фрагменте текста из «Расказа» Шукшина были сделаны более 10 отклонений от нормативной пунктуации.

От Ивана Петина ушла жена. Да как ушла! (..) Прямо /,/ как в старых /,/ добрых романах (/:/) бежала с офицером. Иван приехал из дальнего рейса, загнал машину в ограду, отомкнул избу (...) И нашел на столе записку:

«Иван(.) извини, но больше с таким пеньком /,/ я жить не могу. Не ищи меня(/,/) Людмила». Огромный Иван (.) не оглянувшись (.) грузно сел на табуретку (/:/) как от удара в лоб. Он /,/ почему-то /,/ сразу понял, что никакая это /-/не шутка, это (-) правда (в круглых скобках снятый знак препинания, в косых – добавленный, в косых и прямых – замененный). *Результат. При беглом чтении в приведенном тексте не были замечены отклонения от авторско-редакторской и просто школьной пунктуации (даже в том случае, если бы их ввести в «обвальном количестве». (Рефлексии по поводу данного результата приводят к методологической реплике иного порядка. Статус эксперимента могут приобретать некоторые проявления естественного языка и языкового строительства. Например, для обоснования сформулированной выше гипотезы о слабом участии многих знаков препинания в*

реализации коммуникативной функции языка не обязательно проводить серии специальных экспериментов. Современная онлайн-коммуникация не признает (подчас воинственно) орфографические и пунктуационные предписания официальных мемурандов. Иллюстрация из чата: Первый-Ааааа! Мега перец! Братишка Пен-Пен! а2kat- Молодцом держался) Второй: Любой бы оторопел при виде "Бешеных Анимешников"^^Alucard- Гггг) "Организатор" блн) Следующий раз - сам всех соберёш) А то Нксбалда уже устала угрожать всем^^. Но коммуникативной катастрофы при этом не происходит. «Первый» легко понимает «второго», код онлайн-коммуникации на наших глазах постепенно самонастраивается – Прим. автора).

Результаты орфографических и пунктуационных экспериментов представлены в диссертационных работах О. А. Киселевой и О. В. Тисковой [21; 27].

3. Некоторые методические обобщения, вытекающие из проведенных экспериментов

Часть обобщений уже была представлена выше в кратких комментариях к конкретным экспериментам. В данной части эта линия получает развитие в направлении создания образа целостной методической системы экспериментирования с лексикой и текстами.

1) Слово в контексте. Эксперимент – это искусственная (лабораторная) модель реального явления (предмета, процесса, взаимодействия, отношения, структуры), создаваемая в исследовательских целях. Чем ближе модель к реальности, тем достовернее результаты и выводы исследования. Озабоченность данным параметром (достоверностью результатов) – главная интенция экспериментаторов.

Экспериментальная ситуация в наших опытах экспериментирования – фрагмент естественной речевой практики, квант речемыслительной деятельности. Для большего приближения к естественной ситуации экспериментаторы прибегали к различным приемам.

Так, в лексикологических экспериментах испытуемому предъявляется **контекст**, а не изолированное слово или номинативная единица. В ономастиологическом варианте эксперимента мы не задаем вопросов типа КАК БЫ ВЫ НАЗВАЛИ ЭТОТ ПРЕДМЕТ? Мы предпочитаем моделировать ситуацию обычной номинативной деятельности. Таким образом, контекст выступает в роли единицы стимула, а заполнение пропуска – реакцией.

В семасиологических вариантах эксперимента мы избегаем прямых вопросов и заданий, типа КАКОВО ЗНАЧЕНИЕ ДАННОГО СЛОВА?; ДАЙТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА; ЧЕМ ОТЛИЧАЕТСЯ ПО ЗНАЧЕНИЮ СЛОВО ВОРОНА ОТ СЛОВА ВОРОН?

Предпочтение отдается вопросам **в контексте**. Пример анкеты для упоминаемого выше «Словаря обыденных толкований политических терминов», в котором представлено задание *Завершите фразу*. При этом фразы предлагались в таких формах: **Коррупция** – это.....; *На то это и коррупция, чтобы.....!*; Какой он **коррупционер**, если.....?. Также предлагались задания и вопросы: *Напишите часто встречающуюся Вам фразу, в которой встречается термин корруп-*

ция; Какие слова ассоциируются у Вас со словом коррупция?

2) Скрытая интенция экспериментатора. Естественная ситуация в эксперименте, по нашему мнению, предполагает, что испытуемый максимально отключен от светлого поля сознания, его рефлексии спонтанны. Испытуемый не должен знать о цели эксперимента, иначе вольно или невольно он начнет «подыгрывать» экспериментатору. Участие метаязыковой рефлексии ставит испытуемого в позицию экспериментатора. Поэтому в эксперименте с пунктуацией текст предъявляется с установкой на его понимание и запоминание. Текст прочитывается, затем убирается. Понимание проверяется вопросами по содержанию текста, и по ответам на эти вопросы мы делаем выводы об участии пунктуации в естественном чтении. Дополнительные вопросы типа *обращали ли вы внимание на пунктуационные ошибки?, затрудняли ли они понимание текста?* предъявлялись только после ответа на главные вопросы.

3) Серийность. Принцип серийности продиктован стремлением экспериментатора соответствовать системному и полемому характеру содержательной стороны языка и языковых явлений. Моделирование системы предполагает системность эксперимента. Она проявляется двояким образом. Во-первых, в серийности и системности речевого материала. Во-вторых, в серийности и системности комплекса заданий, которые предъявляются испытуемому.

4) Системная организация заданий. Организация серии лексического материала и заданий задумывается и осуществляется экспериментатором в соответствии с той гипотезой, которую обслуживает эксперимент. Две оси серийности – парадигматическая и синтагматическая. Парадигматика строится на организации вариантов, каждый из которых противопоставлен другому (или другим). Например, гипотеза о разном функционировании в речи мотивированных и немотивированных слов предполагает, что в эксперименте будет ряд вариантов, противопоставляющих **в одной позиции** мотивированные, немотивированные и полумотивированные слова, скажем, такие как в группах 1) *школьник, ученик, студент* или 2) *фрезеровщик, токарь и слесарь*. В соответствии с гипотезой число выходов (реакций), например, слова **учиться** при заполнении пропусков во фразах *На то и школьник, чтобы.....; На то он и ученик, чтобы.....; На то и студент, чтобы...* у существительных-стимулов первой группы будет неодинаковым; так, для *ученик* выходов *учиться* будет больше чем у других (*школьник* и *студент*). Прозрачность намек на инструмент в слове *фрезеровщик* позволяет предположить разную активность мотивирующих слов *фреза* и *фрезеровать* для *фрезеровщик*, *точить* для *токарь* и пестроту реакций на слово *слесарь*. Разная содержательная структура ассоциативного поля у этих слов в приведенных далее фразах должна подтвердить гипотезу: *Какой он токарь, если.....; Какой он фрезеровщик, если.....; Какой он слесарь, если...* Наши данные по этим экспериментам подтвердили заявленные гипотезы, но в разной степени. Выход *учиться* в первой

группе слов примерно одинаков, выход *фрезеровать* был ведущим для *фрезеровщик*, но *точить* для *токарь* имел незначительный выход.

У принципа **парадигматической** организованности в описанном варианте есть выход на более высокие этажи теории эксперимента. Введение в комплект заданий противоположных типов слов позволяет в определенной мере приблизиться к принципу опровержимости (фальсифицируемости) гипотезы, что является, по К. Попперу, признаком ее качества [24].

Синтагматический принцип организации предполагает, что в эксперименте присутствуют несколько этапов, на каждом из которых представлены свои типы заданий. Члены синтагматического ряда вариантов (на синтагматической оси они предстают как этапы) эксперимента могут быть связаны разными отношениями: дополнения, конкретизации, уточнения, развития. В качестве примера разных этапов – представленный выше эксперимент с пунктуацией.

Говоря о серийности, подчеркнем один значимый общетеоретический момент, связанный с формированием групп информантов. В этом аспекте экспериментирования считаем более эффективным движение от инвариантов к вариантам. Так, решая вопрос о составе испытуемых, предпочитаем начинать серию со среднестатистического носителя языка и лишь затем ставить вопрос об организации подвариантов эксперимента, связанных с внутренними оппозициями информантов, например, гендерными, профессиональ-

ными, территориальными и т. п. На наш взгляд, путь серийного экспериментирования «от вариантов» может быстро исчерпать себя при переходе от материала к объяснительным теориям, столкнувшись с ситуацией, описываемой формулой «нельзя объять необъятное». Движение «от инвариантов» имеет, по нашему мнению, больший объяснительный потенциал.

Организация серийности эксперимента имеет много технических нюансов. Один из них следующий. В одной анкете одному испытуемому не должны предъявляться однотипные слова и, напротив, по отношению к одному слову не должно предъявляться несколько разнотипных заданий. В первом случае провоцируется влияние одних ответов на другие и работает фактор аналогии, а не отношения к словам. Во втором случае испытуемый может запутаться, нарушается принцип спонтанности рефлексии.

5) Важной особенностью лексикологических экспериментальных исследований лексики в рамках научной школы «СКФРЯ» является то, что они ориентированы на **прикладной выход**, который в нашем случае представляют словари. Таков словарь [25], проекты других типов словарей: мотивационно-деривационных [5; 7], словарей обыденных толкований политических и юридических терминов, интернет-словаря «Викилексия» [4].

Литература

1. Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание? // Вопросы языкознания. 2015. № 3.
2. Беляева М. Ю. Текст и процесс его саморазвития: полипарадигмальность трактовок // Ономастикон с позиций саморегуляции текста. Славянск-на-Кубани, 2013. С. 4 – 10.
3. Бринев К. И. Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка (на материале деривационно-ассоциативного эксперимента): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999.
4. Голев Н. Д. «Викилексия» – народный интернет-словарь: инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2014. № 2(6). С. 31 – 68.
5. Голев Н. Д. Деривационные ассоциации русских слов: теоретический и лексикографический аспекты // Вопросы лексикографии. 2012. № 2. С. 5 – 25.
6. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1991.
7. Голев Н. Д. Мотивационно-ассоциативный словарь: теоретические основания и лексикографическая концепция // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3(15). С. 17 – 30.
8. Голев Н. Д. О процессе узальной и окказионально-компенсирующей номинации предметов в речи // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1975. Вып. 4. С. 72 – 81.
9. Голев Н. Д. От редактора // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка: коллективная монография / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. 252 с.
10. Голев Н. Д. Система номинации конкретных предметов в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1974.
11. Голев Н. Д. Словарь обыденных толкований русских слов: концепция, проект, опыты реализации // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3: Коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово, 2010. С. 205 – 264.
12. Голев Н. Д., Дебринн М. М. Разноязычный сопоставительный словарь обыденной семантики бионимов: концепция, лексикографический проект и опыт его реализации // Вестник Новосибирского государственного университета: Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013, том 11. Вып. 2 стр. 80-92.
13. Голев Н. Д., Дударева Я. А. Измерение семантического расстояния между словами с помощью ассоциативных методик // Ассоциативное измерение системных отношений в лексике: коллективная монография / отв. ред. М. Г. Шкуропацкая. Бийск: АГАО, 2012. С. 11 – 36.
14. Голев Н. Д., Ким Л. Г., Степанович С. В. Разноязычный словарь как отражение славянского ментально-языкового единства и межкультурных различий // Русин. 2015. № 3(41). С. 39 – 54.

15. Голев Н. Д., Сергеев А. В. Вариативность реализации интерпретационного потенциала текста: экспериментальное исследование // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 4(36). С. 126 – 130.
16. Голев Н. Д., Сологуб О. П. Соотношение известного и нового в процессе естественной номинации (на материале народной лексики природы и лингвистического эксперимента в с. Мельникове, Шегарского р-на Томской области) // Русские старожильческие говоры Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. С. 3 – 11.
17. Гусар Е. Г. Роль суппозитивного фактора в деривации означаемого лексической единицы в тексте: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1995.
18. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2010.
19. Ким Л. Г., Голев Н. Д. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 144 – 153.
20. Киркинская Т. И. Вариативность русских репродуцированных текстов (системно-функциональный и лингвоперсонологический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
21. Киселева О. А. Русская орфография в коммуникативном аспекте (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.
22. Лопатина И. А. Экспериментальное исследование прогностического функционирования текстовых единиц (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2005.
23. Пересыпкина О. Н. Мотивационные ассоциации лексических единиц русского языка (лексикографический и теоретический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998.
24. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / пер. с англ. К. Р. Поппер. М.: Издательство АСТ; Ермак, 2004. 638 с.
25. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2 т. Т. 1: А-М (абрикос-муравей) (478 слов-стимулов) / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово, 2012.
26. Тармаева В. И. Когнитивная гармония как механизм текстовой деятельности (экспериментально-теоретическое исследование русской повествовательной прозы): дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2012.
27. Тискова О. В. Экспериментальное изучение русской пунктуации в функциональном аспекте (на материале интерпретации читающим письменных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
28. Шкуропацкая М. Г. Синонимические отношения слов в русском языке в зеркале их ассоциативных полей // Филология и человек. 2011. № 4. С. 91 – 101.
29. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 24 – 39.

Информация об авторе:

Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета, ngolev@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 04.03.2016 г., принята к печати 20.06.2016 г.

EXPERIMENTAL RESEARCH OF THE RUSSIAN VOCABULARY AND TEXTS WITHIN ONE LINGUISTIC SCHOOL: EXPERIENCE OF SUMMARY AND METHODOLOGICAL REFLECTION IN HINDSIGHT. PAPER 1

Golev Nikolay D.^{1, @, *}

¹ *Kemerovo State University*

@ *ngolev@mail.ru*

* *The work was supported by the RFH Grant No. 15-04-00311*

Abstract: The paper sums up the experimental linguistic research of Russian words and texts carried out by the group of Western Siberia linguists under the supervision of the author of this paper.

The experiments were based on different materials, they used different forms and ways of experimenting. The paper presents the attempt of realizing and reflecting their set as some entity united by the main principles of making experiments and peculiarities of their realization in hindsight.

The paper presents two directions: methodical and methodological. The first direction, presented in Paper 1, consists in the collection and systematization of the positive experience of particular experimenting. As a result of its realization the following principles of experimenting are pointed out and described: word inclusion into the context; seriality; paradigmatic and syntagmatic organization; approximation of the experimental situation to the real speech situations. According to the author, such generalizations can be useful for other researchers to conduct similar experiments.

Keywords: experiment, linguistics, semasiology, lexicography, linguistic research methodology, the principles of linguistic experimentation, L. V. Shcherba.

For citation: Golev N. D. Experimental research of the Russian vocabulary and texts within one linguistic school: experience of summary and methodological reflection in hindsight. Paper 1. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 70 – 78.

References

1. Alpatov V. M. Chto i kak izuchaet iazykoznanie? [What and how does linguistics study?]. *Voprosy iazykoznanii – Questions of linguistics*, no. 3 (2015).
2. Beliaeva M. Iu. Tekst i protsess ego samorazvitiia: poliparadigmal'nost' traktovok [The text and the process of self-development: polyparadigm interpretations]. *Onomastikon s pozitsii samoregulatsii teksta* [Onomasticon from the standpoint of self-regulation text]. Slaviansk-na-Kubani, 2013, 4 – 10.
3. Brinev K. I. *Usloviia realizatsii derivatsionnogo potentsiala slov russkogo iazyka (na materiale derivatsionno-assotsiativnogo eksperimenta)*. Diss. kand. filol. nauk [Conditions for the realization of derivational potentials of words in Russian (based on the derivational-associative experiment). Cand. filol. Sci. Diss.]. Barnaul, 1999.
4. Golev N. D. «Vikileksiia» – narodnyi internet-slovar': innovatsionnyi leksikograficheskii proekt [Wikilexia – a popular online dictionary: a lexicographical innovation project]. *Voprosy leksikografii – Problems of lexicography*, no. 2(6) (2014): 31 – 68.
5. Golev N. D. Derivatsionnye assotsiatsii russkikh slov: teoreticheskii i leksikograficheskii aspekty [Derivational Associations of Russian words: theoretical and lexicographic aspects]. *Voprosy leksikografii – Problems of lexicography*, no. 2 (2012): 5 – 25.
6. Golev N. D. *Dinamicheskii aspekt leksicheskoi motivatsii*. Diss. doktora filol. nauk [The Dynamic aspect of lexical motivation. Dr. filol. Sci. Diss.]. Ekaterinburg, 1991.
7. Golev N. D. Motivatsionno-assotsiativnyi slovar': teoreticheskie osnovaniia i leksikograficheskaiia kontseptsiiia [Motivational and associative vocabulary: theoretical basis and lexicographic concept]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Bulletin of Tomsk state University. Philology*, no. 3(15) (2011): 17 – 30.
8. Golev N. D. O protsesse uzual'noi i okkazional'no-kompensiruiushchei nominatsii predmetov v rechi [About the process of language usage and occasional-compensating nomination of items in the speech]. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniia* [Actual problems of lexicology and word formation]. Novosibirsk: Izd-vo NGU, Iss. 4 (1975): 72 – 81.
9. Golev N. D. Ot redaktora [From the editor]. *Ocherki po lingvisticheskoi determinologii i derivatologii russkogo iazyka* [Essays on linguistic determinology and derivatology of the Russian language: Collective monograph]. Ed. Golev N.D. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998, 252.
10. Golev N. D. *Sistema nominatsii konkretnykh predmetov v russkom iazyke*. Diss... kand. filol. nauk [The System of nomination of concrete objects in the Russian language. Cand. filol. Sci. Diss.]. Tomsk, 1974.
11. Golev N. D. Slovar' obydennykh tolkovanii russkikh slov: kontseptsiiia, proekt, opyty realizatsii [The Dictionary of ordinary interpretations of Russian words: concept, draft, implementation experiences] *Obydennoe metaiazykovoie soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty. Chast' 3: Kollektivnaia monografiia / Otv. red. N. D. Golev*; [Everyday metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects. Part 3: Collective monograph] Ed. N. D. Golev. GOUVPO «Kemerovskii gosudarstvennyi universitet» – Kemerovo, 2010, 205 – 264.
12. Golev N. D., Debrenn M. M. Raznoiazychnyi sopostavitel'nyi slovar' obydennoi semantiki bionimov: kontseptsiiia, leksikograficheskii proekt i opyt ego realizatsii [Multi-lingual comparative dictionary of everyday semantics of bionyms: the concept of a lexicographic project and the experience of its implementation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. – Bulletin of Novosibirsk state University: Series linguistics and intercultural communication*, 11, no. 2 (2013): 80 – 92.
13. Golev N. D., Dudareva Ia. A. Izmerenie semanticheskogo rasstoianiia mezhdu slovami s pomoshch'iu assotsiativnykh metodik [Measuring semantic distance between words using associative techniques]. *Assotsiativnoe izmerenie sistemnykh otnoshenii v leksike* [Associative dimension of systemic relations in the lexicon: the collective monograph]. Ed. Skuropatskaya M. G. Biisk: FGBOUVPO «AGAO», 2012, 11 – 36.
14. Golev N. D., Kim L. G., Stevanovich S. V. Raznoiazychnyi slovar' kak otrazhenie slavianskogo mental'no-iazykovogo edinstva i mezhkul'turnykh razlichii [Multilingual dictionary as a reflection of Slavic mental-linguistic unity and cultural differences]. *Rusin – Rusin*, no. 3(41) (2015): 39 – 54.
15. Golev N. D., Sergeev A. V. Variativnost' realizatsii interpretatsionnogo potentsiala teksta: eksperimental'noe issledovanie [Variability of implementation of the interpretive potential of the text: an experimental study]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo state University*, no. 4 (2008): 126 – 130.
16. Golev N. D., Sologub O. P. Sootnoshenie izvestnogo i novogo v protsesse estestvennoi nominatsii (na materiale narodnoi leksiki prirody i lingvisticheskogo eksperimenta v s. Mel'nikove, Shegarskogo r-na Tomskoi oblasti) [The ratio of the known and new natural nominations (based on the national vocabulary and the linguistic nature of the experiment in Melnikovo village, Shegarsky District, Tomsk region)]. *Russkie starozhil'cheskie govory Sibiri* [Russian old resident dialects of Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1990, 3 – 11.

17. Gusar E. G. *Rol' suppozitivnogo faktora v derivatsii oznachaemogo leksicheskoi edinitsy v tekste*. Diss. kand. filol. Nauk [The role of the suppositive factor in the derivation of the signified of lexical units in the text. Cand. filol. Sci. Diss.]. Barnaul, 1995.
18. Kim L. G. *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta: teoretiko-eksperimental'noe issledovanie*. Diss. doktora filol. nauk [Variable-interpretational functioning of the text: a theoretical and experimental study. Dr. filol. Sci. Diss.]. Kemerovo, 2010.
19. Kim L. G., Golev N. D. Ob otnosheniakh adresata, avtora i teksta v paradigme lingvisticheskogo interpretatsionizma [About the relationship between the addressee, the author, and the text in the paradigm of linguistic interpretationism]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal – Siberian philological journal*, no. 1 (2008): 144 – 153.
20. Kirkinskaia T. I. *Variativnost' russkikh reproducirovannykh tekstov (sistemno-funktsional'nyi i lingvophilosophicheskii aspekty)*. Diss. kand. filol. nauk [Variability of Russian reproduced texts (systemic, functional and lingvophilosophical aspects). Cand. filol. Sci. Diss.]. Barnaul, 2004.
21. Kiseleva O. A. *Russkaia orfografiia v kommunikativnom aspekte (eksperimental'noe issledovanie)*. Diss. kand. filol. nauk [Russian spelling in the communicative aspect (experimental study). Cand. filol. Sci. Diss.]. Barnaul, 2002.
22. Lopatina I. A. *Eksperimental'noe issledovanie prognosticheskogo funktsionirovaniia tekstovykh edinits (na materiale russkogo iazyka)*. Diss. kand. filol. nauk [Experimental investigation of the predictive functioning of the textual units (in the Russian language). Cand. filol. Sci. Diss.]. Kemerovo, 2005.
23. Peresyapkina O. N. *Motivatsionnye assotsiatsii leksicheskikh edinits russkogo iazyka (leksikograficheskii i teoreticheskii aspekty)*. Diss. kand. filol. nauk [The motivational association of the lexical units of the Russian language (theoretical and lexicographical aspects). Cand. filol. Sci. Diss.]. Barnaul, 1998.
24. Popper K. R. *Predpolozheniia i oproverzheniia: Rost nauchnogo znaniia* [Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo ACT»: ZAO NPP «Ermak», 2004, 638.
25. *Slovar' obydennykh tolkovanii russkikh slov. Leksika prirody: v 2 t. T. 1: A-M (abrikos-muravei) (478 slov-stimulov)* [Dictionary of Russian interpretations of everyday words. Nature Vocabulary. Vol. 1: A-M (apricot-ant) (478 words-stimuli)]. Ed. Golev N. D. Kemerovo, 2012.
26. Tarmaeva V. I. *Kognitivnaia garmoniia kak mekhanizm tekstovoi deiatel'nosti (eksperimental'no-teoreticheskoe issledovanie russkoi povestvovatel'noi prozy)*. Diss. doktora filol. nauk [Cognitive harmony as a mechanism for text work (experimental and theoretical study of the Russian narrative prose). Dr. filol. Sci. Diss.]. Kemerovo, 2012.
27. Tiskova O. V. *Eksperimental'noe izuchenie russkoi punktuatsii v funktsional'nom aspekte (na materiale interpretatsii chitaiushchim pis'mennykh tekstov)*. Diss. kand. filol. nauk [Experimental study of Russian punctuation in the functional aspect (based on the interpretation of reading written texts). Cand. filol. Sci. Diss.]. Barnaul, 2004.
28. Shkuropatskaia M. G. Sinonimicheskie otnosheniia slov v russkom iazyke v zerkale ikh assotsiativnykh polei [Synonymic relations of words in the Russian language in the mirror of their associative fields]. *Filologiya i chelovek – Philology and man*, no. 4 (2011): 91 – 101.
29. Shcherba L. V. O troiakov aspekte iazykovykh iavlenii i ob eksperimente v iazykoznanii [On the threefold aspect of language phenomena and about the experiment in linguistics]. *Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'*. [Language system and speech activity]. Moscow: Nauka, 1974, 24 – 39.

Received 04.03.2016, accepted 20.06.2016.

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРМИНОВ НЕКРОВНОГО РОДСТВА В ТЕЛЕУТСКОМ, КИРГИЗСКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Л. А. Араева^{1, @1, *}, Л. С. Калентьева^{1, @2, *}, В. С. Кузнецова^{1, @3, *}, М. Дж. Тагаев^{2, @4, *}

¹ Кемеровский государственный университет

² Кыргызско-Российский Славянский университет (г. Бишкек, Кыргызстан)

@1 araeva@lisn.ru

@2 lavagrez@gmail.com

@3 free-thinker1@mail.ru.

@4 mamed_tagaev@list.ru

* Исследование поддержано грантом РГНФ, проект № 14-04-00556

Аннотация: В статье представлены системы терминов некровного родства в телеутском, киргизском и китайском языках. Каждая из систем наряду с общими пропозициональными структурами имеют свои пропозиции (о языковленные суждения, реализованные в границах ПС), проявляющие национальные особенности языковой картины мира, обусловленные сложившимися культурными традициями. Сохранению терминов некровного родства в долговременной памяти бесписьменного народа способствует их социальная значимость и пропозиционально-деривационная связанность в пределах синонимии, многозначности, гнезда однокоренных слов.

Ключевые слова: термины некровного родства, пропозиция, пропозициональная структура, языковая картина мира, многозначность, словообразовательно-пропозициональная синонимия, гнездо однокоренных слов.

For citation: Араева Л. А., Калентьева Л. С., Кузнецова В. С., Тагаев М. Дж. Пропозициональная организация терминов некровного родства в телеутском, киргизском и китайском языках // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 79 – 86.

Телеуты являются коренным малочисленным народом Севера. На данный момент их численность в Российской Федерации около 3000 человек, в Сибири проживает порядка 2500 человек. С киргизами телеутов объединяет отнесение их к одной языковой ветви и группе. В прошлом телеуты достаточно тесно контактировали с енисейскими киргизами. Взаимодействие телеутов происходило и с маньчжурами, которые говорят в основном на китайском.

Взаимодействие телеутов с китайцами и киргизами происходило на протяжении достаточно долгого времени, что обусловило в определенной мере некоторое сходство в их семейном укладе. У телеутов, киргизов и китайцев до настоящего времени сохранилось почтительное отношение к людям, старшим по возрасту, что проявляется в семейных традициях этих народов и, соответственно, в терминах родства.

Изучение именований родственников разных народов представляет лингвокультурологическую ценность, так как семья с древних времен является одной из ключевых составляющих общества; особенности ее организации раскрывают специфику мировидения, традиции народа, языковую картину мира, являющуюся основой повседневного бытового общения. Не случайно изучению родственных связей разных народов посвящено значительное число исследований, как отечественных, так и зарубежных. Назовем только некоторые из них [1; 10 – 12; 14; 18 – 20; 24; 31].

Мы ставим перед собой цель: выявить с использованием пропозиционально-фреймового анализа общее и различное в терминологии родства описываемых языков, а также определить языковые факторы, способствующие сохранению в долговременной памяти терминов родства, в нашем случае – некровного.

Составляя часть языковой системы, термины родства ассоциативно связаны между собой отношениями синонимии, полисемии, деривационными связями в пределах гнезда и т. п. Значения слов соотносятся с определенным комплексом знаний, представленных в виде фреймов, стереотипных ситуаций, позволяющих человеку свободно ориентироваться в окружающем мире, познавать его, передавать информацию [16; 15; 17; 29; 30 и др.]. Фрейм рассматривается нами как пропозиционально организованный фрагмент языковой картины мира. Конкретные стереотипные ситуации (пропозиции) реализуются в пределах пропозициональных структур знаний (ПС), направляющих мысль человека в реализации в языке смыслов в лексических единицах. То есть в основе смысловой структуры слова находятся глубинные структуры знаний – ПС. В рамках Кемеровской дериватологической школы данные структуры рассматриваются как наиболее абстрактные суждения с предикативно связанными актантами, указывающими на место, время, средство, цель, объект действия субъекта; результат по средству, месту, субъекту изготовления; субъект, имеющий отношение к другому субъекту, место по объекту назначения, времени использования и т. п. Данные структуры знания, свидетельствующие о дискурсивном характере ментальной деятельности человека, являются общими для представителей современной цивилизации. О том, что на самом абстрактном уровне все языки устроены одинаково, писал В. фон Гумбольдт: «Формы нескольких языков могут совпасть в какой-то еще более общей форме, и к одной форме восходят, по существу, формы всех языков, если только идет речь о самых общих чертах, о связях и отношениях представлений, необходимых для обозначения понятий и для построения речи <...>. В языке таким

чудесным образом сочетается индивидуальное с всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком» [9, с. 74]. Единые для человечества абстрактные структуры (ПС) достаточно своеобразно в виде оязыковленных суждений (пропозиций) реализуются в каждом конкретном языке, формируя особенности его внутренней формы, обусловленной сложившимися традициями, культурой, повседневной жизнью народа, его историей, климатом, наличием либо отсутствием государственных границ, взаимодействием с другими народами.

В данной статье описывается системная организация терминов некровного родства в телеутском, киргизском и китайском языках. Термины некровного родства иначе называются терминами свойственного родства, возникающими в результате брачных отношений и противостоящих кровному родству. «Между ними, однако, существует теснейшая связь. Свойственное родство образуется вследствие сближения прежде не родственных лиц через брак. Вместе с тем в основе каждого кровного родства лежит свойственное родство, а именно сближение не родственных кровно родителей» [24, с. 88].

Исследование терминов некровного родства проводится с применением метода компонентного анализа и метода пропозиционально-фреймового анализа. Метод компонентного анализа, введенный для описания семантической структуры слова в рамках традиционной лингвистики, по своей сути является предтечей пропозиционально-фреймового метода с той лишь разницей, что в последнем случае отмечаются синтаксические связи сем, составляющих значение слова. То есть пропозиционально-фреймовая методика не просто выделяет семантические составляющие слова, а связывает их в рамках суждения.

Анализ кровного родства телеутского народа представлен в: [5; 4; 3; 21]. Источником материала исследования послужили словари телеутского, киргизского и китайского языков [11; 19; 21; 22; 24; 32; 33], а также материалы экспедиций 2013 – 2015 гг. в места проживания телеутов: с. Беково, с. Улус, с. Телеуты Беловского района, с. Шанда Гурьевского района Кемеровской области. Термины некровного родства в киргизском языке, помимо указанных источников, представлены и проанализированы профессором Кыргызско-Российского славянского университета (Бишкек) Мамедом Джакыповичем Тагаевым, носителем данного языка, известным исследователем языкового сознания киргизов [22]. Консультантом по телеутскому языку выступил доцент НИ ТПУ Денис Михайлович Токмашев, для которого телеутский язык является родным (один из авторов учебника по телеутскому языку). Интерпретацию китайских терминов родства уточнила ассистент кафедры стилистики и риторики КемГУ, преподаватель китайского языка Фатима Эйвазовна Абдуллаева.

Под «некровным» родством мы понимаем родственные связи индивидуумов во вновь образовавшихся семьях, которые ранее не имели общего предка, первопредка, «общей крови».

В статье рассматриваются термины некровного родства, обозначающие родство на стадии становле-

ния брачных отношений (*невеста/жених*), узаконенных брачных отношений (*муж/жена*), а также приобретенных через брак родственных связей (*невестка/зять; свёкр/свекровь; тесть/тёща; брат/сестра жены; брат/сестра мужа; сват/сватья*).

В телеутском языке для наименования жениха и невесты используется общий термин – *Колту* [5]. *Колту* "жених – невеста" (понятие, уточняемое в контексте). То есть слово является многозначным, лексико-семантические варианты которого разнятся по гендерному показателю [6]. В киргизском – жених называется по возрасту *күйөө бала* 'юноша-муж' или по функции, выраженной в пропозиции *кыз көрүп жүргөн жигит* 'джигит, высматривающий себе невесту', а невеста – *колукту* 'невеста или молодая жена (в зависимости от ситуации, то есть слово также является многозначным: в одном случае оно означает невесту, а в другом – жену, которая недавно вышла замуж)'. Ср. в пропозиции: *бойго жеткен кыз* 'девушка, достигшая брачного возраста'. В данном случае реализована словообразовательно-пропозициональная синонимия, проявляющая видение субъекта (жениха или невесты) в разных аспектах. О словообразовательно-пропозициональной синонимии см. [2].

У китайцев термины, обозначающие жениха и невесту, различаются по последней морфеме-основе, указывающей на пол вступающего в брак, с сохранением единого префикса: *未婚 夫 weihun fu* (夫 *fu* – муж) и *未婚 妻 weihun qi* (妻 *qi* – жена). Морфему *未婚 weihun* на русский язык можно перевести как «еще неженатый/незамужняя» (未 *wei* – «не»; 婚 *hun* – «брак/женитьба»). Жених и невеста в языковой картине мира телеутов, киргизов и китайцев – это юноша и девушка, которые еще не прошли официальную церемонию бракосочетания.

Жених и невеста с момента регистрации брака у телеутов считаются мужем и женой: *эрим* "мой муж", *қаатым* "моя жена". Следует отметить, что у телеутов распространен описательный способ называния родственников, как у кетов: [10]. Жена также называется *абакай* (*аба* – в значении мать + *кай* – кто, которая), *қолту қолтукташ* со значением "взять друг друга под руки", *ййдеге* (*уй*, как отмечает Севортян, вероятно, схоже с выражением "муж и жена – два тела, одна душа").

У киргизов после *нике*, то есть после обряда бракосочетания, мужчину называют *жаңы күйөө* 'новый (только что женившийся) муж' или *жаңы үйлөнгөн* (новобрачный). В первом случае только что женившегося мужчину называют по возрасту, во втором – по недавно совершившемуся обряду (словообразовательно-пропозициональная синонимия). Женщину называют *жаңы келин* 'молодуха, невестка', по возрасту и по приобретенному семейному положению (пропозиционально организованная многозначность).

В Китае после заключения брачного союза жених и невеста приобретают статус новобрачных. «Новобрачный» по-китайски будет *新郎 xin lang*, «новобрачная» – *新娘 xin niang*. Здесь, как и при именовании жениха и невесты, наблюдается сохранение единого префикса *新 xin*, имеющего значение «новый». Основа слова «новобрачный» имеет следующие зна-

чения: «мужчина», обращение жены к мужу «мой дорогой», устар.: «телохранитель» [19], а «новобрачная» – «мать», «королева», «императрица», «богиня» [19]. Если рассматривать основы в первом значении, то при их соединении с префиксом 新 *xin* («новый») получается: «новый мужчина» и «новая мать». Таким образом, у носителей китайского языка наблюдается отношение к браку как к распределению социальных ролей: создание семьи является переломным моментом в жизни брачующихся – молодой человек становится мужчиной, телохранителем, а девушка – матерью. Дополнительные значения из словаря раскрывают особенности мировидения китайцев, представления о предназначении новобрачных («телохранитель» – «королева»).

Таким образом, во всех анализируемых языках жена ассоциируется с материнством. В киргизском и китайском языках при именовании молодоженов есть морфема, указывающая на то, что это новый муж или новая жена, т. е. супруги, недавно вступившие в брак (ср. в этом плане у русских – молодожены), а в телеутском присутствует морфема *ым/им*, указывающая на то, что это мой муж, моя жена. В китайском муж выполняет роль телохранителя, дорогого, уважаемого женой человека. А для мужчины жена – богиня. У телеутов молодожены воспринимаются как люди, которые должны идти за руки по жизни, составляя единое целое. В Киргизии уделяется особое внимание не только понятию «женатый», но и тому, что этот человек имеет жену и детей – *бала-чакалуу*.

В телеутском языке отмечены такие понятия, как *қолтулу*, *эрлү*, *эштү* – замужняя. И *эштү*, *қолтулу*, *кижилү* – женатый человек и замужняя женщина, которые имеют *қайнада* – свекра, тестя и *қайне* – свекровь, тещу [5].

Занимая иную позицию в видении мира, киргизы несколько иначе представляют отношения кровного и некровного родства. Кровными считаются только родственники по линии мужа. Архетипы родового сознания киргизов достаточно четко проводят границы между родственниками, распределяя их между членами оппозиции «свой – чужой»: 1) «кровное родство по линии мужа» (они считаются своими, принадлежащими одному роду); 2) родство по отношению к кровным родственникам мужа или жены. Причем существует слово *кайын*, которым муж может называть совокупное множество родственников жены, и, наоборот, жена называет совокупное множество родственников мужа. Слово *кайын*, обозначая ту или другую совокупность родственников, мотивирует целый ряд дериватов с уточняющим значением некровного родства. Ср.: *кайын + ата* (*ата* – отец) = *кайната* ‘тесть и свекор’; *кайын + эне* (*эне* – мать) = *кайнене* ‘теща и свекровь’; *кайын + уни* (*уни* – младший брат) = *кайни* ‘младший брат жены по отношению к мужу’; *кайын + ага* (*ага* – старший брат) = *кайнага* ‘старший брат жены по отношению к мужу’; *кайын + сиңди* (*сиңди* – младшая сестра по отношению к старшей сестре) = *кайын сиңди* ‘младшая сестра жены по отношению к мужу’.

В телеутском и киргизском языках таким образом именовании свекра и тестя представлены одной многозначной лексемой, равно как и названия тещи и

тестя. Значимым является, чьими родителями являются во вновь образуемых семьях новые родственники (невестки или сына; дочери или зятя).

Что же касается детей, то их отношения к родственникам по материнской линии (некровное родство) в киргизском определяется через слово *тай*, которое, обозначая совокупность родственников по материнской линии, присоединяется к названиям родственников, образуя в пределах одного гнезда дериваты со значением того или иного родства по отношению к детям: *тай + ата* (*ата* – отец) = *таята* ‘дед по материнской линии’; *тай + эне* (*эне* – мать) = *таене* ‘бабушка по материнской линии’; *тай + эже* (*эже* – старшая сестра) = *таеже* ‘тетя по материнской линии’; *тай + жеңе* (*жеңе* – жена старшего брата) = *тайжеңе* ‘жена дяди по материнской линии’.

Отношения между родственниками кровного и некровного родства по линии «свой – чужой» подчеркиваются стереотипами сознания, отраженными в поверьях и поговорках. Например, *жаман тайын тааныбайт* ‘дурной не признает родства по материнской линии’; *тайы жаман* ‘с плохими задатками (якобы унаследованными от родственников от материнской линии)’.

В китайском языке наименования свекра и тестя, а также свекрови и тещи не одинаковы – для каждого из перечисленных родственников есть свой термин. Так, свёкор – 公公 *gong gong* («господин»), свекровь – 婆婆 *po po* (мать мужа/старуха), тесть – 岳父 *уе фу* (родитель жены + отец), теща – 岳母 *уе му* (родитель жены + мать). Внутренняя форма слова позволяет увидеть, что вкладывают китайцы в отношения с родителями супруга/супруги. Так, для жены отец мужа остается человеком, глубокоуважаемым («господин»), а вот к матери мужа существует некая неприязнь, что подтверждается и сложившимися традициями в Китае [12]. Следует отметить, что отношения невестки и свекрови у русских, тулеутов, киргизов и китайцев в целом носят неприязненный характер. В современном обществе отношения между свекровью и невесткой меняются существенным образом, однако наименование свекрови создано в те времена, когда семейные связи отличались от современных. Особенно это характерно для Китая, где невестка полностью была в зависимости от родителей мужа, и прежде всего – от свекрови. В телеутском языке до настоящего времени «в глаза свекровь называют *эне* (мама). За глаза *кайнем* (моя свекровка)» [5].

Телеуты сватью называют *Кудагай*, а свата – *Куда*. Есть одинаковое с киргизским название для сватов – *Кудалар*. В киргизском сватья – *Кудагый*, сват, как и в телеутском, – *Куда*. В бытовой речи телеуты и киргизы обращаются к сватам без имени, употребляя термины, означающие свата и сватью.

Киргизы в отношении родителей жены и/или родни жены используют общий термин *төркүн*. Жена, часто посещающая дом родителей, – *төркүлө*, *төркүнсөөк* (о замужней женщине, склонной часто посещать родителей), *төркүнчүл* (о замужней женщине, страдающей излишней привязанностью к своим родителям, о той, которая думает не о своем с мужем доме, а о своей родне. *Неодобрительное*). Ср.:

төркүнү жакындын төшөгү жыйылбайт (у женщины, которая близка к своим родителям, дома беспорядок); *жаман инек музоочул, жаман катын төркүнчүл* (дурная корова склонна [тянется] к теленку, дурная жена склонна [тянется] к своей родне).

В китайском языке для обозначения свата, отца одного из супругов по отношению к родителям другого супруга используется термин *亲家 qinjia* (родной + семья/дом), для обозначения сватки к слову сват добавляется морфема со значением женского рода/матери, *母 mi*, получается *亲家母 qinjiamu*.

Со стороны родителей мужа в телеутском жену сына именуют *келдым, келди* – сноха, а со стороны жены зять – *күйү*. Реализацию данной структуры можно подтвердить и на примере киргизского языка: зять – *күйөө*, сноха – *келин*. И китайского, где сноха именуется *儿媳 erxi* (儿 – сын + 媳 – жена).

Рассмотрим реализацию терминов брата и сестры супругов. В телеутском языке брат жены *жүрчүм*, а сестра супруги – *пасым*, жена обращается к старшему брату мужа – *кайнам*. В славянских языках также существовали термины, обозначающие брата и сестры отца. Ср.: *стрый* (брат отца), *стрыя* (сестра отца). Правда, без указания на старшинство. Существовали и отдельные термины, означавшие дядю по матери – *Уй*, тетю по матери – *Уйка, вуйка*, а также сына матери брата – *Уец* [14].

В киргизской семье с древних времен неотъемлемой частью семейной иерархии было четкое разграничение братьев и сестер по степени старшинства. В киргизском языке брат мужа обозначается дериватом *кайнага* (старший брат) или *кайни* (младший брат), а золовка – *кайын сиңди* (младшая золовка), *кайнеже* (старшая золовка). Родственники со стороны жены именуются также как *кайнага* (старший шури́н) или *кайни* (младший шури́н), свояченица – *балдыз* (младшая), *кайнеже* (старшая), свояк или муж сестры жены – *бажа*.

Такая же ситуация и в китайском языке. Китаец, говоря о брате или сестре, не может не указывать на положение, занимаемое братом или сестрой в семье. Такой порядок наименования относится не только к кровнородственным братьям и сестрам, но и к некровным. Так, деверь (брат мужа) в китайском языке имеет два разных термина, один из них обозначает старшего брата мужа *大伯子 dabai zi* (большой + старший брат отца + сын) и младшего брата *小叔子 xiaoshu zi* (маленький + деверь + сын). Золовка или сестра мужа (старшая и младшая соответственно) – *大姑子 dagu zi* (большой + золовка + сын), *小姑子 xiaogu zi* (маленький + золовка + сын); аналогично: шури́н «брат жены» *大舅子 dajiu zi* (большой + шури́н), *小舅子 xiaojiu zi* (маленький + шури́н); свояченица «сестра жены» – *大姨子 dayi zi* (большой + свояченица), *小姨子 xiaoyizi* (маленький + свояченица). Для указания старшинства используются иероглифы со значениями 'большой' и 'маленький' (大 da, 小 xiao), а не 'старший' и 'младший'; возможно, это связано с особой значимостью иерархической системы, где старший человек имеет больше власти.

М. В. Крюков отмечает, что «в системе родства китайцев на всем протяжении ее истории старшие родственники младшего поколения никогда терминологически не объединялись с младшими родственниками старшего поколения» [12, с. 248], что свидетельствует, утверждает автор, о том, что «критерий поколения является решающим, фундаментальным» [12]. Данная закономерность наблюдается в телеутском и киргизском языках.

Немаловажной частью семейной организации являются также супруги близких родственников.

У телеутов жены братьев разграничиваются по старшинству: так *жеңе* – жена старшего брата, *келин, келди* – младшего. *Жесте* – муж сестры (как родной, так и двоюродной). *Кайнага* – так жена обращается к старшему брату мужа. *Қарындаш* – супруг именуется так младшего брата жены или младшего брата мужа.

Ввиду разграничения старшинства в китайской семье для обозначения мужа сестры и жены брата используются разные термины: *姐夫 jiefu* – муж старшей сестры (старшая сестра + муж), *妹夫 meifu* – муж младшей сестры (младшая сестра + муж), *嫂子 saoji* – жена старшего брата (жена старшего брата + сын), *弟媳 dixi* – жена младшего брата (младший брат + невестка/жена). Для наименования супругов детей используются следующие термины: *女婿 nvxu* – муж дочери (дочь + зять) и *儿媳 erxi* – жена сына (сын + невестка/жена).

Также в китайском языке есть специальный термин для обозначения жен братьев по отношению друг к другу – *妯娌 zhouli* (невестка + пара) и мужей сестер по отношению друг к другу – *连襟 lianjin* (соединять + свояк).

Таким образом, во всех анализируемых языках существует почитание старших, особенно со стороны мужа. Все термины некровного родства, равно как и кровного, реализованы в пределах пропозициональной структуры, выражающей предикативную связанность субъектов. Как показывает анализ работ, посвященных исследованию родственных отношений в различных языках, значимой для человека является система связей субъектов. То есть пропозициональная структура «субъект – предикат – субъект» в рассматриваемой группе терминов характерна для представителей самых различных наций и народностей. Следует отметить, что данная ПС может быть полипропозициональной, в которой наряду с предикативной связанностью субъектов могут указываться характерные свойства субъекта. Например: П «муж младшей сестры» реализуется в пределах ПС «субъект по отношению к другому субъекту, характеризующемуся по возрасту».

Термины в каждом из языков оказываются системно связанными в пределах гнезда однокоренных слов. Некоторые термины, что характерно для телеутского и киргизского языков, оказываются многозначными. Системные связи в языке поддерживают ассоциативную память людей, говорящих на том или ином языке, что удерживает их в языковом сознании такой народности, как телеуты, которые не имеют собственной государственной территории, употребляют телеутский язык только в бытовом общении (что

не так давно было и у киргизов). Тем не менее телеутский язык сохраняется, чему немало способствует ассоциативно-дискурсивное мышление, проявляющееся в языке через системную связанность слов в пределах таких метаязыковых единиц, как гнездо однокоренных слов, многозначность, а также словообразовательно-пропозициональная синонимия.

В каждом из языков складывается своя система родственных терминов, обусловленная сложившимися традициями, характерными для конкретного народа. И даже если язык является бесписьменным, используется только в быту, а в остальных случаях люди общаются на другом языке, то есть являются билингвами (как, в частности, телеуты), термины род-

ства, в силу их мотивационно-деривационной организации и социальной значимости, сохраняются в языковом сознании малочисленных народов. Таким образом, мотивационно-деривационные связи, о которых пишет Н. Д. Голев [7; 8], значимы не только для носителей русского языка.

Коллектив авторов, подготовивших данную статью, желает Николаю Даниловичу Голеву долгих лет жизни, подобной долголетию арчи (можжевельник), высот в науке как гора Хан-Тенир. С нежными чувствами, как белый прозрачный снег Ала-Тоо, желаем прожить с нашей сестрой Натальей долгую и счастливую жизнь.

Литература

1. Аксаков К. С. О древнем быте славян вообще и русских в особенности на основании обычаев, преданий, поверий и песен. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1861. С. 317 – 320.
2. Араева Л. А. Одна из самых загадочных сфер языка (к вопросу о словообразовательно-пропозициональной синонимии) // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина. Москва-Саратов, 2015. С. 154 – 164.
3. Араева Л. А., Калентьева Л. С., Кузнецова В. С. Пропозициональное моделирование иерархически организованных терминов кровного родства в телеутском, киргизском, китайских языках // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сборник научных статей. Вып. 3 / отв. ред. У. М. Трофимова; Алтайск. гос. акад. образ. им. В. М. Шукшина. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2014. С. 79 – 83.
4. Араева Л. А., Кузнецова В. С. Языковая картина мира телеутов (на материале фрейма «родственные связи») // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: Сб. науч. ст. по итогам всероссийской с международным участием научно-практической конференции (г. Кемерово, 17 – 18 окт. 2014 г.). Кемерово: Практика, 2014. С. 430 – 434.
5. Араева Л. А., Тарасова М. Н. Родственные связи у телеутов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. Вып. 3(24). С. 184 – 193.
6. Булгакова О. А. Особенности многозначного слова в телеутском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4. Т. 4. С. 52 – 55.
7. Голев Н. Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1988. С. 65 – 84.
8. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 252 с.
9. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
10. Дульзон А. П. Термины родства и свойств енисейских кетов // Советская этнография. 1959. № 6. С. 96 – 97.
11. Касымалиев Б. Ж. Язык и символика национальных традиций // Кыргызско-русский тематический словарь обычаев и традиций кыргызского народа. Бишкек: Турар, 2009. 226 с.
12. Крюков М. В. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М.: Наука, 1972. 328 с.
13. Кыргыз тилинин сөздүгү. – Бишкек: AVRASYA PRESS, 2010. Т. 1 – 2 (Кыргыз Республикасынын улуттук илимдер академиясы, Ч. Айтматов атындагы тили жана адабият институту).
14. Лавровский П. А. Коренное значение в названиях родства у славян. Изд. 2. (Серия: Лингвистическое наследие XIX века). М.: Едиториал УРСС, 2005. 144 с.
15. Лакофф Дж. Женщина, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
16. Лангаккер Р. У. Когнитивная грамматика. М.: ИНИОН РАН, 1992. 52 с.
17. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979. 152 с.
18. Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1935. 368 с.
19. Ошанин И. М. Большой китайско-русский словарь (БКРС). М.: Наука, 1983. 3822 с.
20. Русско-кыргызский словарь. Бишкек: AVRASYA PRESS, 2012. Т. 1 – 4. (Национальная академия наук Кыргызской Республики, Ин-т языка и литературы им. Ч. Айтматова).
21. Рюмина-Сыркашева Л. Т., Кучигашева Н. А. Русско-телеутский словарь / Орус-телеутсөзлик. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002.
22. Рюмина-Сыркашева Л. Т., Кучигашева Н. А. Телеут-оруссөзлик / Телеутско-русский словарь. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1995.
23. Сахаров В. П. О родстве и его видах. Екатеринослав: Товарищество “Печатня С. П. Яковлева”, 1899. 167 с.
24. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и тюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
25. Сейдакматов К. Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык сөздүгү. Фрунзе: Илим, 1988. 334 с.

26. Тагаев М. Дж. Диалог языков и культур (на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков. Бишкек: КРСУ, 2015. 240 с.
27. Токмашев Д. М. Лексика поля «родственные отношения» в языке бачатских телеутов // Подвижки сибирийской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Надеяев: Тез. докл. Всероссийской научной конференции, Новосибирск, 27 – 29 сент. 2007 г. Новосибирск: ОИИФиФ СО РАН, 2007. С. 239 – 241.
28. Трубаев О. А. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Академия наук СССР, 1959. 212 с.
29. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. С. 52 – 92.
30. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1972. 123 с.
31. Штернбер Л. Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1933. 187 с.
32. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. Кн. 1. 503 с.
33. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1985. Кн. 2. 474 с.

Информация об авторах:

Араева Людмила Алексеевна – доктор филологических наук профессор, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета, araeva@lissn.ru.

Калентьева Лара Сергеевна – магистрант первого курса по направлению «Отечественная филология» факультета филологии и журналистики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово, Россия), lavagrez@gmail.com.

(Научный руководитель – Л. А. Араева).

Кузнецова Виктория Сергеевна – магистрант первого курса по направлению «Фундаментальная и прикладная лингвистика» факультета филологии и журналистики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово, Россия), free-thinker1@mail.ru.

(Научный руководитель – Л. А. Араева).

Тагаев Мамед Дзасакынович – доктор филологических наук, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета (г. Бишкек, Кыргызстан), mamed_tagaev@list.ru.

Статья поступила в редколлегию 16.02.2016 г., принята к печати 06.06.2016 г.

PROPOSITIONAL ORGANIZATION OF THE TERMS OF IN-LAW RELATIONSHIPS IN THE TELEUT, KIRGHIZ AND CHINESE LANGUAGES Araeva Ludmila A.^{1, @1, *}, Kalentjeva Lara S.^{1, @2, *}, Kuznetsova Victoria S.^{1, @3, *}, Tagaev Mamed J.^{2, @4, *}

¹ Kemerovo state university

² Kyrgyz-Russian Slavic university (Bishkek city, Kyrgyzstan)

@¹ araeva@lissn.ru

@² lavagrez@gmail.com

@³ free-thinker1@mail.ru

@⁴ mamed_tagaev@list.ru

* The work was supported by the RFH Grant No. 14-04-00556

Abstract: The paper presents the systems of in-law relationship terms in the Teleut, Kirghiz and Chinese languages. Every system has common propositional structures and different propositions, that indicate ethnic features of the language picture of the world. Social significance and propositional derivational connectivity within the frame of synonyms, polysemy, family of cognate words provide conservation terms of in-law relationships in long-term memory of the nation having no writing.

Keywords: terms of in-law relationships, proposition, propositional structure, language picture of the world, polysemy, propositional derivational synonyms, family of cognate words.

For citation: Araeva L. A., Kalentjeva L. S., Kuznetsova V. S., Tagaev M. J. Propositional organization of the terms of in-law relationships in the Teleuts, Kirghiz and Chinese languages. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 79 – 86.

References

1. Aksakov K. S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works by Aksakov K. S.]. Moscow, vol. 1 (1861): 317 – 320.
2. Araeva L. A. Odná iz samykh zagadochnykh sfer iazyka (k voprosu o slovoobrazovatel'no-propozitsional'noi sinonimii) [One of the most intriguing areas of language (the question of word-formation-propositional synonyms)]. *Iazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: K 80-letiiu V. E. Gol'dina* [The language in the space of speech culture: the 80th anniversary of Goldin V. E.]. Moscow-Saratov, 2015. 154 – 164.
3. Araeva L. A., Kalentjeva L. S., Kuznetsova V. S. Propozitsional'noe modelirovanie ierarkhicheski organizovannykh terminov krovnogo rodstva v teleutskom, kirgizskom, kitaiskikh iazykakh [Propositional modeling of

hierarchically organized terms of consanguinity in Teleut, Kyrgyz, Chinese]. *Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problemy iazykoznanii: sbornik nauchnykh statei. Vypusk 3.* [General-theoretical and typological linguistics issues: collection of scientific articles. Issue 3]. Ed. Trofimova U. M. Biisk: FGBOU VPO «AGAO», 2014, 79 – 83.

4. Araeva L. A., Kuznetsova V. S. Iazykovaia kartina mira teleutov (na materiale freima «rodstvennye svyazi») [Teleuts' language picture of the world (based on the "family ties" frame)]. *Malochislennyye etnosy v prostranstve dominiruiushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniy i effektivnye instrumenty etnicheskoi politiki: Sb. nauch. st. po itogam vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Kemerovo, 17 – 18 okt. 2014 g.)* [The small ethnic groups in the space of the dominant society: the practice of applied research and the effective ethnic policy tools: Coll. Sc. Art. on the basis of the All-Russia with the participation of intern. Sc.-Prac. Conf. (Kemerovo, 17 – 18 October 2014)]. Kemerovo: Praktika, 2014, 430 – 434.

5. Araeva L. A., Tarasova M. N. Rodstvennye svyazi u teleutov [Teleuts Kinship]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, no. 3(24) (2013): 184 – 193.

6. Bulgakova O. A. Osobennosti mnogoznachnogo slova v teleutskom iazyke. [Features of an ambiguous word in the Teleut language]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 4, no. 4 (2015): 52 – 55.

7. Golev N. D. Derivatsiia i motivatsiia kak formy oiazykovlennoi determinatsii [Derivation and motivation as a form of linguistic determination]. *Ocherki po lingvisticheskoi determinologii i derivatologii russkogo iazyka* [Essays on linguistic determinology and derivatology Russian language]. Barnaul, 1988, 65 – 84.

8. Golev N. D. *Dinamicheskii aspekt leksicheskoi motivatsii* [The dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1989.

9. Humboldt V. fon. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu* [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress, 1984.

10. Dul'zon A. P. Terminy rodstva i svoistv eniseiskikh ketov [Kinship and property terms of the Yenisei Kets]. *Sovetskaiia etnografiia – Soviet Ethnography*, no. 6 (1959): 96 – 97.

11. Kasymaliev B.Zh. *Iazyk i simbolika natsional'nykh traditsii / Kyrgyzsko-russkii tematicheskii slovar' obychev i traditsii kyrgyzskogo naroda* [The language and symbols of national traditions / Kyrgyz-Russian thematic dictionary of customs and traditions of the Kyrgyz people]. Bishkek: Turar, 2009.

12. Kriukov M. V. *Sistema rodstva kitaitsev (evoliutsiia i zakonomernosti)* [Chinese kinship system (evolution and patterns)]. Moscow: Nauka, 1972, 328.

13. *Kyrgyz tilinin sozdygy* [Kyrgyz-Russian online dictionary]. Bishkek: AVRASYA PRESS, 2010. Vol. 1 – 2.

14. Lavrovskii P. A. *Korennoe znachenie v nazvaniiakh rodstva u slavian* [Fundamental importance in the names of relatives of the Slavs]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2005.

15. Lakoff G. Zhenshchina, ogon' i opasnye veshchi. Chto kategorii iazyka govoriat nam o myshlenii [Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004.

16. Langacker R. U. *Kognitivnaia grammatika* [Cognitive Grammar]. Moscow: INION RAN, 1992, 52.

17. Minskii M. *Freimy dlia predstavleniia znanii* [Frames for knowledge representation]. Moscow, 1979.

18. Morgan L. G. *Drevnee obshchestvo, ili Issledovanie linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii* [Ancient Society, or the study of lines of human progress from savagery through barbarism to civilization]. Leningrad: Izdatel'stvo instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1935.

19. Oshanin I. M. *Bol'shoi kitaiko-russkii slovar' (BKRS)* [Big Chinese-Russian Dictionary]. Moscow: Nauka, 1983.

20. *Russko-kyrgyzskii slovar'* [Russian-Kyrgyz dictionary]. Bishkek: AVRASYA PRESS, 2012. Vol. 1 – 4.

21. Riumina-Syrkasheva L. T., Kuchigasheva N. A. *Russko-teleutskii slovar'* [Russian-Teleut Dictionary]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002.

22. Riumina-Syrkasheva L. T., Kuchigasheva N. A. *Teleut-orussözlük* [Teleut-Russian dictionary]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995.

23. Sakharov V. P. *O rodstve i ego vidakh* [Kinship and its forms.]. Ekaterinoslav: Tovarishchestvo “Pechatnia S. P. Iakovleva”, 1899.

24. Sevortian E. V. *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov (obshchetiurkskie i tiurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological Dictionary of Turkic Languages (Common Turkic and Turkic foundations in vowels)]. Moscow: Nauka, 1974. 767.

25. Seidakmatov K. *Kyrgyz tilinin kyskacha etimologiialyk sozdygy*. Frunze: Ilim, 1988.

26. Tagaev M.Dzh. *Dialog iazykov i kul'tur (na materiale funktsionirovaniia i vzaimodeistviia kul'turno-iazykovykh prostranstv kirgizskogo i russkogo iazykov)* [Dialogue of languages and cultures (based on the operation and interaction of cultural and linguistic spaces Kyrgyz and Russian languages)]. Bishkek: KRSU, 2015.

27. Tokmashev D. M. Leksika polia «rodstvennye otnosheniia» v iazyke bachatskikh teleutov [Vocabulary field “family relationship” in the language of Bachat Teleuts]. *Podvizhniki sibirskoi filologii: V. A. Avrorin, E. I. Ubriatova, V. M. Nadeliaev: Tez. dokl. Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Devotees of Siberian Philology: V. A. Avrorin, E. I. Ubriatova, V. M. Nadelyaev: Proc. rep. All-Russian Sc. Conf. Novosibirsk, 27 – 29 September 2007]. Novosibirsk: OIIF SO RAN, 2007, 239 – 241.

28. Trubachev O. A. *Istoriia slavianskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroia* [History of Slavic kinship terms and some of the oldest terms of the social system]. Moscow: Akademiia nauk SSSR, 1959, 212.

29. Fillmore Ch. Freimy i semantika ponimaniia [Frames and semantic understanding]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow: Progress, 1988, 52 – 92.
30. Chomsky N. *Iazyk i myshlenie* [Language and thinking]. Moscow.: Izd-vo MGU, 1972.
31. Shternber L. Ia. *Sem'ia i rod u narodov Severo-Vostochnoi Azii* [Family and kin of the peoples of NorthEast Asia]. Leningrad: Izdatel'stvo instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1933.
32. Iudakhin K. K. *Kirgizsko-russkii slovar'* [Kyrgyz-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, Book 1 (1965): 503.
33. Iudakhin K. K. *Kirgizsko-russkii slovar'* [Kyrgyz-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, Book 2 (1985): 474.

Received 16.02.2016, accepted 06.06.2016.

УДК 811.161.1'373.421:159.93

СОМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В НОМИНАЦИИ ПРЕДЧУВСТВИЙ И ИНТУИТИВНЫХ ЧУВСТВОВАНИЙ

Е. Л. Березович^{1, @, *}

¹ Уральский федеральный университет

@ berezovich@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках реализации программы конкурентоспособности Уральского федерального университета (2013 – 2020), научная группа «Народная языковая традиция как источник историко-культурной информации (Русский Север, Средний Урал, Верхнее Поволжье)»

Аннотация: В статье анализируется наиболее продуктивная и системная модель, которая лежит в основе лексики и фразеологии, обозначающей проявления «шестого чувства» (предчувствия и интуитивные чувствования), – соматическая модель. Работа основана на материале русского литературного языка XIX – XXI вв., а также отдельных фактов жаргонов, просторечия и народных говоров. Рассматриваются 4 группы соматизмов, наиболее репрезентативных в плане проявления интересующих автора смыслов: названия органов «тыльной стороны» тела (*спина, затылок, лопатки, задница, загривок* и т. п.); обозначения живота и «внутренностей» (*нутро, живот, брюхо, печенки* etc.); наименования непосредственных органов перцепции (*нос, ухо*); слова *тело, кожа (шкура)*.

Анализируемая модель реализуется разными способами, среди которых основной – глагольно-именные инструментальные сочетания типа *чують печенкой, почувствовать задницей, ощущать телом*. Описываются контекстные смыслы, характерные для изучаемой лексики: ‘предчувствие неприятностей, смерти’, ‘тонкое органическое чувство (долга, обязанностей; материальной выгоды и др.)’, ‘нелогическое осмысление того, что обычно осмысливается логически’, ‘перцептивные синестетические ощущения’, ‘ощущение контроля (чувство слежки, чувство чужой власти)’ и др. Анализируются причины появления смыслов, которые специфичны для каждой группы рассматриваемой лексики или же объединяют соматизмы из разных групп.

Ключевые слова: мотивология, номинативная модель, русская лексикология, фразеология, контекстная семантика.

Для цитирования: Березович Е. Л. Соматическая модель в номинации предчувствий и интуитивных чувствований // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 86 – 93.

В психической жизни человека есть знания, есть чувства, а есть нечто «между ними» – интуитивные чувствования и предчувствия: *интуиция* – это ‘бессознательное чувство, толкающее на правильное поведение; чутье, догадка’ [10, т. 5, с. 414]; *предчувствие* – ‘(неотчетливое) знание того, что произойдет, происходит или произошло и что влияет на жизнь субъекта или кого-то из его близких, которое субъект имеет благодаря тому, что воспринял нечто недоступное обычному человеческому восприятию, или особое чувство, какое бывает, когда субъект имеет такое знание’ [5, с. 830]. Предчувствия прежде всего относятся к будущему, а интуиция – необязательно. Наивное сознание иногда объединяет интуицию и предчувствия под обозначением *шестое (седьмое) чувство*.

Сложная, неподконтрольная разуму природа «шестого чувства» побуждает нас глубже разобраться в том, как оно концептуализируется в языке, какие мотивационные модели лежат в основе обозначений интуи-

тивных чувствований и предчувствий, какова логика выбора этими словами контекстных партнеров. Осуществив выборку соответствующих слов и устойчивых сочетаний в русском литературном языке и народных говорах, мы пришли к выводу, что в данном лексическом поле (весьма пестром) выделяется одна наиболее продуктивная и системная модель – **соматическая**.

Это значит, что лексико-фразеологические единицы с изучаемыми значениями образованы от соматизмов или включают в свой состав обозначения частей тела – как реальных, так и воображаемых, вымышленных (*душа*), ср. разг. *с тяжёлым сердцем* ‘в подавленном состоянии, в беспокойстве, предчувствуя недоброе’, диал. пск. *духом (душой) слышать что* ‘предчувствовать что-л.’: «Душой слышу, буде беда с моим зятем» [3, с. 210]; кроме того, соматизмы становятся устойчивыми контекстными партнерами слов *предчувствие, предчувствовать, чують, (по)чувствовать, ощущать* (по отношению к двум последним глаголам

мы имеем в виду те ситуации, когда они обозначают интуитивные чувства): литер. *нутром почувствовать*, простореч. *чутья печенкой* 'воспринимать что-л. чутьем, интуицией' и др.

В создании и функционировании лексики и фразеологии со значением предчувствий и интуитивных чувствований участвуют разнообразные соматизмы, поскольку способность стать носителем «шестого чувства» приписывается в языке едва ли не любому органу тела. В то же время есть обозначения частей тела, которые получают указанные коннотации системно (они будут рассматриваться далее), а есть такие, которые имеют обсуждаемую семантику окказионально. Однако у любых языковых случайностей, как известно, есть свои объяснения. Иногда в контекстах окказионально появляются соматизмы, которые связаны тесными гипонимическими связями с базовыми названиями органов, «специализирующихся», по народному языковому сознанию, на том или ином предчувствии: так, к примеру, единично отмеченный в контекстах *позвоночник*, как будет показано ниже, «развивает тему» *спины*, системно получающей изучаемые коннотации. В других случаях в контекстах может актуализироваться название той части тела, которая имеет прямой контакт с «каузатором» интуитивных ощущений, ср. показательный пример со словом *ноги*: «Случалось, что мелькнет у ног и змейка, взлетишь, как подброшенный, чувствуя подошвой ноги, которой чуть было не наступил на нее, упругий холод змеиного тела, и еще долго бежишь, *ощущая ногами* необоримую, почти радостную легкость страха» <Ф. Искандер>. Кроме того, в ряде контекстов отражены представления об особых эксклюзивных соматических «умениях», связанных с родом занятий людей. Допустим, в речах Л. Д. Троцкого, который был, как известно, сильным оратором, особым «чульнем» наделяются *губы* говорящего: «Моментами казалось, что *ощущаешь губами* требовательную пылкость этой слившейся воедино толпы». Встречаются контексты, в которых говорится, что футболисты могут интуитивно чувствовать ногами, кулинары – зубами, переводчики – небом etc.

В настоящей работе в центре нашего внимания будут те соматизмы, которые получают указанные контекстные смыслы **системно**. Среди них особое место занимают *сердце* и *душа*, для которых обсуждаемая семантика наиболее ожидаема, поскольку они по наивным представлениям концентрируют в себе духовную жизнь человека. Им посвящена наша специальная работа [1]. К этим двум словам примыкает *грудь*, имеющая сходные с ними коннотации. Для других соматизмов семантика «шестого чувства» в меньшей степени ожидаема, а потому причины и особенности ее проявления заслуживают отдельного рассмотрения.

В ходе сбора материала нами моделировались словосочетания с разными соматизмами, которые проверялись по Национальному корпусу русского языка [4], а также различным словарям русского литературного языка и жаргонов (в некоторых случаях к анализу привлекались диалектные данные). Указанная семантика реализуется в первую очередь в инструментальных сочетаниях, образованных по модели «глагол *чутья* / *чувствовать* / *ощущать* (с видовыми показателями) + соматизм в тв. пад». Гораздо реже встречаются сочетания, в которых соматизм при названных глаго-

лах фигурирует в им. пад. Учитываются также любые случаи, когда соматизм выступает контекстным партнером слов *предчувствие*, *предчувствовать* и др. (например: *по спине прокатилось предчувствие, задница предчувствовала беду* etc.), а также случаи, когда эти слова фигурируют лишь в дефиниции фразеосочетаний с соматизмами. Не берутся те контексты, в которых описываются только лишь физиологические симптомы, связанные с проявлением предчувствий: например, *зубы сжимаются в предчувствии; предчувствие перехватывает горло; лицо серо, губы дрогнули, глаза закрыты, под ложечкой холодеет* etc. от предчувствий.

В собранном материале выделяются 4 группы соматизмов, наиболее репрезентативных в плане проявления интересующих нас смыслов: названия органов «тыльной стороны» тела; обозначения живота и «внутренностей»; наименования непосредственных органов перцепции; слова *тело*, *кожа* (*шкура*).

Именно они будут в центре нашего внимания в настоящей работе, основанной на материале русского литературного языка XIX – XXI вв., а также отдельных фактов жаргонов, просторечия и народных говоров. Основным источником материала стал Национальный корпус русского языка [4], поскольку словари литературного языка далеко не всегда фиксируют интересующие нас факты (иногда в силу недостаточной «узальности» последних, иногда по каким-то другим – скорее всего, субъективным – причинам). Контексты из художественной литературы, извлеченные из Национального корпуса русского языка [4], даются без указания на источник; фамилия автора приводится в угловых скобках. В ряде случаев привлекаются также контексты из сети Интернет, полученные при работе с поисковой системой Яндекс; они паспортизируются пометой <И>.

Названия органов «тыльной стороны» тела

В сочетаниях с глаголами *ощущать*, *чутья*, *чувствовать* участвуют такие соматизмы, как *спина*, *хребет*, *задница* (*зад*, *жопа*), *лопатки*, *затылок*, *макушка*; единично – *загравок*, *позвоночник*. В языковом зеркале эти органы предстают способными испытывать разнообразные интуитивные ощущения, которые связаны главным образом с тем, что телесный «тыл» не контролируется глазами, выступающими как важнейший источник разнообразной информации, в том числе рациональных знаний о мире, и помогающими осуществить ценностную разметку пространства, выделить в нем «свою» зону. Отсутствие зрительного контроля максимально открывает эту зону для сферы иррационального и для нежелательных вторжений в личное пространство субъекта.

Специфические проявления «шестого чувства», которое испытывают «тыльные» органы, – это ощущения чужого контроля и защищенности/незащищенности. Основным субъектом этих ощущений является *спина*. Ощущение чужого контроля может реализовываться двояко. Во-первых, есть чувство чужого внимания, слежки, преследования и др., которое испытывают *спина* (в наибольшем количестве случаев), *лопатки*, *затылок*, *макушка*, *хребет*: «Наоборот, якобы наказуемый оказывается в центре внимания всего класса, он это *чувствует лопатками, затылком*» <А. Букин>; «Он пошел к тупику, которым заканчивался коридор,

чувствуя лопатками холодок от взгляда мальчика, пристально смотрящего ему в спину» <А. Рыбин>; «Софья отменно выполняла свою работу, отчасти и благодаря тому, что всегда чуяла затылком неусыпное око начмеда» <Т. Соломатина>; «Вернулся, спиной оиущая: криворотый меня глазом проследил, – и опять нырнул под одеяло» <А. Приставкин>; «Рукоятки проворачивались впустую, щелкали и визжали, а я нервно хватался то за одну, то за другую, оиущая затылком приближение преследователя» <Б. Левин>; «Подумаешь, жена шефа», – чувствовала я спиной их мысли» <С. Спивакова>; «Я очень восприимчив к чужому взгляду и хребтом чувствую, когда на меня кто-то смотрит» <Э. Гарднер> и т. п.

Во-вторых, в ряде контекстов говорится об ощущении зависимости от кого-либо, чужой власти над кем-либо, которое «транслируется» через спину или затылок: «Командование стояло молча на должном отдалении, я, хоть и не смотрел, а видел, чувствовал спиной» <Г. Я. Бакланов>; «Ненавижу манеру этого препода: идет в конец аудитории и стоит, смотрит, чтоб ты затылком чуял его власть» <И>. Это ощущение иногда вырастает из чувства чужого внимания, слежки, которое может порождать отношения подчинения: объект слежки волей-неволей оказывается подчинен ее субъекту.

Спина выступает и субъектом чувства защищенности/незащищенности. С одной стороны, оно может «вытекать» из ощущения чужого контроля, который либо внушает человеку спокойствие, либо, наоборот, лишает его. С другой стороны, со словом спина связывается символика накопления опыта, ответственности (ср. выражения *иметь за спиной что-л.* ‘иметь опыт в чем-л.’, *прятаться за чужие спины* ‘не брать на себя ответственность’), которые тоже становятся источником чувства защищенности. Ср.: «Чувствуя спиной близость надежных монастырских стен, я думала о бахромчатых книгах, написанных в эмиграции, которых в своем недавнем прошлом мнила едва ли не собственными детьми» <Е. Чижова>; «Он не чувствовал спиной, что за ним – Россия, огромная махина со своей величественной историей и несчастной судьбой» <А. Бовин>.

Типичны контексты, в которых описываются предчувствия, переживаемые «тыльными» органами. Они по преимуществу негативны – опасность, беда, смерть. Их ощущают лопатки, макушка, но чаще всего – спина: «Предчувствие подожгло, осалило, хлопнуло ладонью меж лопаток, я прогнул спину, борясь с желанием оглянуться и кинуться прочь» <А. Илличевский>; «Что касается облаков, то они, талые и траченные грязным городским теплом, среди бела дня нагоняли на Катерину Ивановну такого страха, что она, не глядя, чувствовала их макушкой» <О. Славникова>; «Козлов все время прислушивался. <...> он просчитывал каждое слово, шорох, вздох – он постоянно готовил себя ко всему, что могло случиться. И он даже не слушал – он чувствовал спиной» <А. Терехов>. Предчувствия, ощущаемые спиной, нередко сопряжены с такой физиологической реакцией, как озноб, чувство холода: «Чувствуя, что спину охватывает морозец, я все-таки останавливался и ждал, что будет дальше» <Ф. Искандер>; «Его собеседник не был мне виден, и у меня по спине пробежал холодок предчувствия» <В. Пеле-

вин>; «Александров вдруг почувствовал, что по спине у него забегали холодные щекотливые мурашки <...> от опьяняющего предчувствия драки» <А. И. Куприн>.

Приятные, позитивные объекты предчувствий появляются в контекстах сравнительно редко: «Когда он резал, был слышен такой полный, приятный, зелёный треск, что у меня прямо спина похолодела от предчувствия, как я буду есть этот арбуз» <В. Драгунский>.

Полностью исключены такие объекты в контекстах со словом задница, которая выступает как популярный субъект сугубо негативных предчувствий (особенно в жаргонных и просторечных текстах): «Ефим Карпович одним местом, называемым в народе задницей, почувствовал, что находится на грани провала» <А. Ростовский>; «А в русском языке задница еще и наделена умением чувствовать опасность и искать приключения...» <И>; «Чувствую задницей – плохой сегодня день будет!» <И>.

Органы телесного «тыла» обладают способностью органического чувствования различных жизненных ситуаций и обстоятельств. Спина, затылок, позвоночник интуитивно чувствуют межличностные отношения, особенности взаимодействия людей друг с другом («Я <...> заранее стискивал зубы, чувствуя спиной этих людей, и азартное чувство товарищества крошилось на зубах от страха: я знал, что это за люди» <И. Полянская>; «Каждый досконально знает свою роль на байдаре или вельботе; зверобой чувствуют друг друга спиной, по взгляду и жесту товарища понимают, что ему надо помочь» <Л. Богословская>), а также чужие эмоции – например, сочувствие, неприязнь («Он уже оиущал затылком сочувствие первого Сашиного супруга и победительное торжествующее злорадство собственной маменьки» <Т. Соломатина>; «Лев поминутно оиущал даже спиной неприязнь Ани к Чиграшову» <С. Гандлевский>; «В Большом зале сегодня была такая отрицательная энергия и в таком количестве, что я ее оиущал позвоночником» <С. Спивакова>).

Хребет – орган внутренний, «структурный», поэтому ему свойственно чувствовать внутреннее состояние, устройство чего-л.: «А суть упреков хребтом чувствую» <И>; «Бодрая и неунывающая, она <тетя Шура> словно показывала всему белому свету, как можно выстоять. Енисей она чувствовала хребтом. Каждому явлению, времени года, птице, предмету умела она придать смысл, озаряла своим пониманием, любовью» <М. Тарковский>; «Он был вечно в работе, разрывался между хозяйством и тайгой, чувствовал хребтом каждый день уходящей жизни» <М. Тарковский>; «Хребтом нужно чувствовать, что стоит на повестке дня. А на повестке дня стояла лютая ненависть к действующей власти» <И>.

Показательное объединение дают загромок и задница, которые, по мнению языка, способны интуитивно чувствовать сиюминутную конъюнктуру, материальную выгоду: «В любом случае за подковерными схватками кремлевских царедворцев стоит геополитическая реальность, которую эти звери чуяли загромок» <Л. Аннинский>; «Загромок чувствую, что мне что-нибудь перепадет» <И>; «Всегда резать правду-матку. Но по правильной траектории, а она здесь только одна, и чувствовать ее надо жпой» <В. Пелевин>; «Сергея посмотрел на распахнутое нутро джипа и задницей почувствовал, что это шанс для него» <С. Таранов>. За-

гровок имеет символику «материальной ответственности» (за себя и за кого-либо другого), ср. карел. *на загровке у кого-л.* ‘на попечении, на иждивении у кого-л.’ [8, вып. 2, с. 143], пск. *скрипит в загровке у кого-л.* ‘кому-либо приходится расплачиваться, держать ответ’ [7, вып. 12, с. 123], в то время как *задница* символизирует собственное благополучие – как правило, материальное (сближаясь тем самым со *шкурой*).

Обозначения живота и «внутренностей»

В данном случае в контекстах представлены слова *нутро, печенка, брюхо (живот, чрево), кишки (потроха)*, единично – *солнечное сплетение*. Чаще всего субъектами шестого чувства выступают *нутро* и *печенки*; затем следуют *кишки, потроха*; остальные элементы этого списка приобретают интересующие нас контекстные смыслы довольно редко, при этом играют роль не столько активного органа, сколько локуса «шестого чувства». Исключительно в роли локуса выступает и сочетание *под ложечкой*.

Для этой группы соматизмов специфичны контексты, в которых соответствующим органам (*нутру, чреву, печенкам, потрохам*) приписывается способность к внелогическому осмыслению того, что обычно осмысливается логически, для чего нужно знание, или же тонкому эстетическому восприятию: «Что именно с авиацией не то, дежурные и предположить не могли, они изменение *чувствовали печенками*, опытом, то есть всем тем, о чем нельзя упоминать в журналах происшествий, в докладных, рапортах, объяснительных записках и оперативных сводках» <А. Азольский>; «– Да понимаешь, Петька, спрашивают меня: сколько будет 0.5 плюс 0.5, а я *нутром* чую, что литр, а математически выразить не могу!» <анекдот о Чапаеве>; «В этой дистрикции де съянс, – говорил Брюс, – точные знания невозможны, ибо нет способа подвергнуть их ревизации и пробации. И приходится, впитав в себя величайшее множество фактов фактиссимов, прибегать к профаническому методу: *чуять чревом*. А чрево чует беду последние сто лет...» <А. Лазарчук, М. Успенский>; «Группа “Янус” была введена по настоянию Романа и Эдика, которые заявили, что всем *нутром* чуют связь между странностями Януса и странностями попугаев. Они не смогли ответить на вопрос Корнеева, каков физический смысл понятий “нутро” и “чуять”» <А. и Б. Стругацкие>; «И Володя почти всегда что-то рисовал на этих бумагах – они у меня остались. Он, в общем, не понимал в изобразительном искусстве, но *чувствовал нутром*...» <М. Шемякин, В. Перевозчиков>; «Она знала, что “сучонка” обращена к ней. Просто *нутром* чуяла. *Потрохами*» <Е. Хаецкая>.

«Внутренности» (*нутро, печенка, потроха, кишки, брюхо*) обладают и способностью предчувствовать. Так же как другие соматические объекты, они предчувствуют главным образом неприятности, опасности, смерть: «Сейчас бес *нутром* чуял: с хозяином неладно» <М. Гиголашвили>; «Грядут времена страшные, кровавые... *Нутром* чую. А нутро у меня, внуча, чуткое, девять детей выносило, как ты думаешь, милая моя...» <Е. Хаецкая>; «– Чую, лейтенант, *печенкой* чую, не будет нам сегодня везения, отойти надо» <Ю. Бондарев>; «А еще – с одного взгляда определял человека, *нутром* чуял опасность» <Л. Лаврова>; «Это опасно – *кишками* чувствую» <И>; «– Едут какие-то.

Потрохами чую – сюда. Давай в кустах пересидим, не будем отвечивать» <И>; «<...> еще они не доставали ножей, конопатый только вертел им бестолково с самого начала, а уже *брюхо* мое заledenело в предчувствии и шерсть вздыбилась, как на еже» <Митьки>. Упоминания о «светлых» предчувствиях встречаются очень редко: «И даже надежды имею. На что надежды – вот хоть убей, объяснить не могу, а только *чувствую, всем нутром* чувствую, что придет что-то... Ну, сбудется оно, да и все тут!» <М. Е. Салтыков-Щедрин>.

Для соматизмов, обозначающих внутренности, характерна не только активная позиция субъекта, но и пассивная роль «локуса» предчувствий: «<...> *под ребра, из глубины живота*, ударило страшное предчувствие, хотелось закричать диким голосом» <А. Львов>; «От нехорошего *предчувствия в животе* подобрались *кишки*» <М. Елизаров>. Таким локусом может стать и *солнечное сплетение*: «В этот момент неприятное *предчувствие толкнуло* Марину в *солнечное сплетение*» <С. Болмат>; в этой же роли выступает сочетание *под ложечкой*: «Улица пустая вообще производит ужасное впечатление, а тут еще где-то *под ложечкой* томило и сосало *предчувствие*» <М. А. Булгаков>; «Нехорошее *предчувствие* защекотало у нее где-то *под ложечкой*, и она вышла из комнаты» <А. Геласимов>.

«Внутренности» обладают тонким, органическим чувствованием различных жизненных ситуаций и обстоятельств. Этими органами можно чувствовать долг, обязанности, собственную судьбу, правила поведения в каких-то условиях: «Вся прелесть “Молодой гвардии” заключалась в том, что при провале партийной организации юноши и девушки, воспитанные партией и советским временем, поднимались на борьбу сами, *чувствуя свой долг нутром*» <Г. Фукс>; «– Помяните мое слово, ребята, должон! – *Печенка* чует, Евсеич? – смеялись казаки» <Б. Васильев>; «Потому что *печенками* чует: это их удел, всей России удел жить так вот, от полочки до полочки...» <А. Азольский>; «Честно говоря, Дина плоховато представляла его там: она *нутром* чуяла, что людям, начисто лишенным честолюбия, не место в Америке» <И. Безладнова>. Интересно, что органы брюшной полости наделяются способностью чувствовать богатства, материальные ценности: «То, что икона эта ценная, Вован *нутром* чуял» <С. Романов>; «Он тогда грудью отстоял каменную <...> сторожку, <...>, *нутром* чую, сколько сокровищ может вместить каменное запертое строение» <Г. Щербакова>. Это связано, по всей видимости, с ассоциацией накопления, которой наделяются соматизмы в наивном языковом сознании. Реже встречаются контексты, в которых указывается на интуитивное чувствование межличностных отношений: «Она *нутром* чуяла, что между молодыми людьми есть связь» <И>; «Он это, благодаря давней неприязни, *печенкой* чувствовал» <П. Акимов>.

Рассматриваемые соматизмы фигурируют и в контекстах, где соответствующим органам приписывается способность интуитивно «узнавать» людей. Это может быть «опознание» знакомого («Я всеми *печенками* *чувствовала*, кто это звонит, но добежать до телефона раньше отца все равно не успела бы» <А. Ткачева>) или виновного в совершении какого-либо проступка («Ничего такого не заметили. Но *нутром* чую: он, пад-

ла. Пошупаешь его?» <А. Савельев>; «Нутром чую, рука Петра... Не теплоход они топили, а именно баржу» <Е. Лукин>).

Наименования непосредственных органов перцепции

Появление этой рубрики в данной статье неожиданно: органы перцепции должны обеспечивать базовое чувственное восприятие действительности, а не интуитивное, являющееся факультативным. Действительно, *глаза* не концептуализируются в языке как орудие интуиции. В то же время *нос* и *ухо* могут выступать в этой роли. Они являются непосредственными органами «чуянья», о чем говорят этимологические связи глагола *чуять*, восходящего к праслав. **čiti* [12, вып. 4, с. 134–135]. Это глагол с первоначальной синкретичной чувственно-ментальной семантикой ‘чувствовать, ощущать, распознавать’, однако в отдельных славянских языках представлены также и специализированные значения ‘слышать’, ‘обонять, нюхать’ (есть и редкое ‘пробовать на вкус’) [11, с. 129]. В современном русском литературном языке *чуянье* связывается в первую очередь с ощущением запахов. По этой причине *чуянье носом* – логическая тавтология, однако эта тавтологичность в нужных нам контекстах снимается: сочетание *чуять носом* фиксирует способность человека к интуитивному чувствованию (ср. *нюх* ‘интуиция’) – и если здесь есть некоторая стертая метафоричность, то она скорее связана с приписыванием человеку качеств животных.

Так, «нюхом», подобным собачьему, обладают те, кто способны к интуитивному «опознанию» виновного, преступника: «По этим приметам можно найти Курочкина. – Во парень! – удивился Тараканов. – И *носом* *чует*, и головой работает» <Ю. Коваль>.

Нос может предчувствовать неприятности, опасность: «Я *чую носом*: близок смертный час, Восстали серые холопы» <М. Тарловский>. *Нос* проявляет также тонкое органическое чувствование, объектами которого выступают: ■ материальная выгода («Там деньги», – *чуют носом* аферисты всех сортов» <Г. И. Успенский>); ■ социальный статус («... образованной я оказалась не по диплому, а по принадлежности к интеллигенции, и это они *чуяли носом*» <Н. Мандельштам>); ■ жизненные обстоятельства («Так-то, скверная ты тварь, жид ты, христопродавец, анафема! Вот я из-за чего мое пальто закладываю: из-за купчихи собственно, потому что нынешний день предстоит мне случай возобновить с ней прерванное знакомство. Так ты обстоятельство это и *чувствуй* всем своим *носом* жидовским» <А. И. Левитов>).

Ухо не употребляется в интересующем нас значении в литературном языке, но приобретает его в говорах, где уху приписывается способность становиться локусом предчувствий (перм. *в ўхе спёло* ‘предчувствие подсказало’: «У меня в ухе спело – косить надо идти, и верно, тожно сухо стало» [6, с. 354]) и орудием интуитивного чувствования (приамур. *слышать мертвым ухом* ‘интуитивно чувствовать, предполагать ложь’ [9, с. 277]).

Тело, кожа (шкура)

Нам уже приходилось кратко писать о способности слов *кожа* и *шкура* выступать в контекстах, связанных с предчувствиями и интуитивным чувствованием [2, с. 90 – 91]. Подробнее рассмотрев этот вопрос, мы пришли к выводу, что *кожа* и *шкура* «ведут себя» в этом плане подобно слову *тело* (это вытекает из анатомических свойств: кожа покрывает все тело, выступает как «контейнер» для него, не являясь в буквальном смысле «частью тела»), но гораздо активнее. Более того, *кожа*, *шкура* и *тело* выражают совокупность практически всех контекстных смыслов, выделенных ранее для других соматизмов, добавляя в этот смысловой «букет» собственную специфику.

Коже, *шкуре* и *телу* приписывается способность предчувствовать неприятности, опасность, смерть и проч.: «Но я ощущала какую-то тревогу <...>, я *кожей* *чувствовала*: что-то не так!» <Г. Тарасова>, «Сейчас я ходил по улицам ночью и все думал о том, как хорошо умереть. Не то, что думал, а *чувствовал* всей *кожей*» <К. И. Чуковский>; «Главное, всей *шкурой* *чувствую* – в воздухе пахнет жареным, я этот запах за километр узнаю» <Ф. Искандер>, «Я *кожей* *чувствую*, как весь мир наливается какой-то жутью» <Н. Подольский>; «Он *ощущал* всем *телом*, что из тьмы, окружающей его, от этих людей надвигается сила, враждебная ему, эта сила снова схватит его, поставит на старую дорогу, приведет к старым страхам» <М. Горький>; «Он еще пытался разыгрывать недоумение, возмущение, наконец, хотя и *ощущал* всем *телом*, что все кончено» <Е. Парнов>. Кроме того, *кожа* и *тело* могут предчувствовать телесное наказание или телесную близость: «Сквозь этот бред слов Даша всей *кожей* *чувствовала* рядом с собой тяжелую закипающую страсть» <А. Н. Толстой>, «Варю вдруг кинуло в жар, лицо ее запольхало, и Хомяков откровенно любовался им; она *кожей* *чувствовала* это и цвела, хороше-ла под этим уверенным мужским взглядом» <Б. Васильев>; «Все *тело*, вся *кожа* *предчувствовали* грядущую порку» <И>.

Широк спектр тех объектов, на которые направлено тонкое органическое чувствование *кожей* (реже *телом*). Среди них: ■ долг, обязанности, призвание («И больше *кожей* *чуешь*, чем *понимаешь* головой, что, сколько бы ни клялся Валеку своей Марине, как ни боялся бы ее потерять, все равно снова пойдет ночью на бой, потому что – ну как не пойти?» <В. Лебедев>; «Но знаете, я никогда не жаловался. *Чувствовал* *кожей*: это – мое. Настала пора защитить диплом» <Л. Зорин>; ■ обман, фальшь, конъюнктура («Рита не терпела фальши – она ее *чувствовала* всей *кожей*» <Г. Трошина>); ■ чувства и отношения других людей («Она только слепо *чувствовала*, всей своей *кожей*, тепло и доброту» <Л. Петрушевская>; «Только Ванда, я это *чувствовал* *кожей*, осуждала сестру и не скрывала ненависти ко мне» <П. Горелик>); ■ судьба, жизненные обстоятельства («Она *чувствовала* время *кожей*. Время жизни сокращалось» <С. Василенко>; «Лиза физически *чувствовала*, *телом* *ощущала*, стремительный побег времени...» <П. Н. Краснов>).

Подобно *спине*, *кожа* и *тело* испытывают чувство защищенности (спасения)/незащищенности: «В этом помещении *кожей* *чувствуешь* свою беззащитность» <И>; «В этот момент он *кожей* *ощутил* возможное спасение и всем *телом* бросился в открывшуюся лазей-

ку» <М. и С. Дяченко>; «И вдруг Крэк *ощутил* всем *телом*: он спасен!» <Ю. Мамлеев>.

Коже (не *телу*!) свойственно нелогическое «мышление», поскольку с ее помощью происходит: ■ предварительное дологическое осмысление мира («В своей современности человек находится и без того, по праву рождения; он ее *чувствует кожей*, но редко видит ее — она слишком близка к нему и слишком быстро движется, чтобы ее разглядеть» <С. С. Аверинцев>; «<...> вот вольно было тебе, когда ты никакими еще воспоминаниями не нагрузил память, да и сам себя едва ли помнил, только *чувствовал кожей* мир вокруг, привыкал глазами к нему» <В. Астафьев>); ■ узнавание того, чего не было в опыте («Есть места, попадая в которые, вы как будто вспоминаете их, хотя прежде там не были. У каждого есть своя безотчетная ностальгическая память, которая питает его всю жизнь. А потом, при определенной тренировке, ты вдруг начинаешь *чувствовать кожей*, ознобом узнавая то, что никогда раньше не видел» <Мир & Дом. City>).

Специфика *кожи* и *тела* (по сравнению с ранее рассмотренными соматизмами) в том, что они встречаются в контекстах, где речь идет о перцептивных синестических ощущениях. Это температурные и осязательные ощущения («Например, спускался я к Алма-Атинке, останавливался на камнях, стоял и смотрел, как она грохочет, крутится и шипит меж камней, и *чувствовал* всей *кожей*, какая это ледяная, обжигающая вода» <Ю. О. Домбровский>; «Как сейчас, *чувствую кожей* жаркий душный деревенский полдень, а ноздри щекошет резкий, плесневелый запах слежавшихся книг» <М. Шишкин>); ■ слуховые («Я всегда считала себя полным профаном в музыке, и только когда в мою жизнь ворвался Валька со своим музыкальным миром, я поняла, что *чувствую* музыку *кожей*» <Е. Маркова>; «Может быть, от этого, а может, и от твердой внутренней убежденности, что пуля его не тронет, он не обращал внимания на обстрел (хотя слышал его и *чувствовал всем телом*» <Б. Васильев>); зрительные («Потому что у Люмбрикуса и глаз-то не было. Зачем они ему в крошечной тьме? Он *чувствовал* свет всей *кожей*» <Т. Николаева>); кинетические («Когда лежишь в лодке с закрытыми глазами, и тебя слегка покачивает, и ты ощущаешь равномерное движение воздуха со стороны моря, кажется, что *чувствуешь* всем *телом* движение земного шара» <Ф. Искандер>).

Думается, активность обсуждаемой здесь контекстной роли *кожи* (быть субъектом «шестого чувства») объясняется тем, что соответствующий орган является основным источником осязательной информации — очень значимой, но более иррациональной, чем зрительная или слуховая. По интенсивности и «качеству» чувствования, по спектру объектов «шестого чувства» *кожа* сопоставима с *душой*, ср. показательное их столкновение в письме М. Цветаевой: «Мир Вы воспринимаете *накожно*: это не меньше чем: *душевно*. Через *кожу* (ошупь, пять чувств) Вы воспринимаете и чужие *души*, и это, может быть, верней». При этом диапазон «кожных чувствований» даже шире «душевных» (о последних см. в [1]). *Тело* выступает в ряде контекстов как аналог *кожи* — особенно в сочетании ощущать (*чувствовать*) *всем телом*. Но логика концептуализации *тела* и *кожи* в языке, помимо сходств, обнаруживает и различия: *тело*, разумеется, более

«физиологично», а потому неспособно выражать контекстные смыслы, связанные с интуитивным осмыслением, узнаванием, распознаванием чего-либо.

В заключение — несколько замечаний, которые не столько подводят итоги, сколько развивают тему.

В зеркале языковой номинации предчувствия и интуитивные чувствования оказываются системно связанными с обозначениями частей тела. Подобная картина наблюдается и при концептуализации эмоций. Это аргумент в пользу того, что «шестое чувство» в наивном сознании ближе к эмоциям, чем к знаниям. Поэтому стоит усомниться в правильности выбора категориального слова *знание* при определении *предчувствия* в [5], которое приводилось выше: «(неотчетливое) знание того, что произойдет, происходит или произошло <...>». Думается, точнее выбрать в качестве категориального слово *ощущение*.

Системность изучаемой модели проявляется и парадигматически, и синтагматически: часто встречаются контексты, в которых перечисляются названия нескольких органов, способных, по мнению говорящих, испытывать «шестое чувство». Иначе говоря, наименования частей тела составляют ряды с различными типами отношений контекстной лексической системности, ср.: «Подспудно — *спиной, кожей, сердцем* — люди это *чувствуют* всегда» <Л. Петрушевская>; «<об алчных людях> Поживу они чуяли не *носом*, а бледно-розовой *кожей спины, лопатками, икрами ног, пушком верхней губы*» <А. Азольский>; «Он *животом, кожей*, раньше говорили — *фибрами души, чувствовал*, что поддержка с этой стороны полностью корежит то, что он хотел сказать» <М. Анчаров>; «Чтобы так писать о земле, надо *чувствовать ее всем телом* — *ногами, глазами, ушами, руками*, — надо падать на нее в изнеможении, надо строить на ней дома или рубить лес <...>» <Ю. Казаков>; «И вот только об этой моей растворенности в особой тайной атмосфере Азии, которую я *чувствовал* и *всей кожей*, и *ноздрями*, и какими-то еще своими шестыми, седьмыми и десятыми чувствами, только об этой новой ауре мне и хотелось сказать» <В. Розов>; «Я, помню, очень жаждал посетить все эти гнездовья, и, конечно, не только потому, что все еще считал себя “молодежным писателем”, но и потому, что *чувствовал ноздрями, ушами, глазами, всей кожей* пьянящий воздух перемен» <В. Аксенов>; «*Почуять носом* они <мужчины> всегда могут затягивающуюся вокруг их шеи петлю. И то, скорее, не *носом*, а *задницей*» <И> и т. п. Подобные ряды показывают, что интуитивные чувствования видятся носителям языка «всеохватными».

Разным органам тела язык приписывает способность развивать сходные предчувствия и интуитивные чувствования. Так, соматизмы всех рассмотренных выше групп (а также *сердце* и *душа*, см. [1]) имеют коннотацию «роковых предчувствий» (безотчетного «предвидения» неприятностей, опасности, смерти, тревоги, страха etc.). При этом соматизмы разных групп имеют и специфические, отличные от других, коннотации. К примеру, именно органам «задней стороны» тела приписывается интуитивное чувствование слежки, чужого внимания, чужой власти. «Лидером» по количеству и разнообразию описываемых коннотаций следует признать соматизм *кожа*.

Есть различия и в семантике глаголов, выступающих контекстными партнерами соматизмов. Допустим, со словом *тело* употребителен в первую очередь глагол *ощущать* (*ощутить*), а не *чувствовать*, поскольку *ощущения* в целом более «телесны» и иррациональны, чем *предчувствия* и *чувствования*. Этот вопрос заслуживает отдельного изучения.

В будущем было бы интересно разобраться и в тонкостях смысловых отношений между различными соматизмами, рассмотренными в интересующем нас аспекте. Допустим, среди них есть слова, обозначающие органы, которым приписываются более «высокие» и более «низкие» чувствования. Так, разные части тела ощущают опасность, но при этом вряд ли возможно **Мать чует потрохами опасность, нависающую над сыном* (естественнее здесь *Мать чует ее сердцем*), в то время как предложение *Главарь банды чуял потрохами опасность провала* не вызывает сопротивления (вряд ли *сердцем*). Таким образом, одни органы могут выступать «сниженными двойниками» других (допустим, *потроха* или *печенка* – *души* и *сердца*). В то же время при анализе этих случаев важно учитывать прагматические факторы – субъектно-адресатные роли и фокус эмпатии (допустим, если речь идет от лица самого преступника, то возможно и *сердце*; *потроха* обычно чувствуют опасность, обращенную на себя, а *сердце* может

ощущать и опасность, которой подвергается кто-то другой).

В качестве перспективы исследования следует назвать и сопоставление данных разных языков. Так, пилотажный анализ показывает, что есть как схождения (допустим, соматизм «кожа» в разных славянских и германских языках имеет коннотации, сходные с теми, которые наблюдаются в русском языке), так и любопытные различия. Допустим, русский язык, кажется, не приписывает *костям* способности выступать органом предчувствий, в то время как в чешском и английском, к примеру, соответствующие выражения вполне устойчивы (имеют даже словарное закрепление): чеш. *cítit něco v kostech* («чувствовать что-л. в костях») ‘предчувствовать, распознавать что-л., чувствовать признаки, знаки, предзнаменование прихода чего-л.’ [13, s. 302], англ. *to feel in one’s bones* («чувствовать в своих костях») ‘быть интуитивно уверенным в чем-л.’: «Son, there’s a big time due in the parts; I feel it in my bone over it» («Сын, это должно принести большой успех; Я уверен в этом <букв.: чувствую это в кости>») [14, t. 2, p. 384].

Таким образом, дальнейшая разработка этой темы прояснит, хочется надеяться, логику воплощения в языке представлений о внутреннем мире человека.

Литература

- Березович Е. Л. Душа и сердце как органы «шестого чувства» (на материале русского языка) // Świat oczyma duszy dusza w oczach świata: Antropologiczno-językowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN. (В печати).
- Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: Семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013. 784 с.
- Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004. 2-е изд., исправл. и доп. 1488 с.
- Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. 432 с.
- Псковский областной словарь с историческими данными / ред. Б. А. Ларин и др. Л., 1967. Вып. 1.
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994 – 2005. Вып. 1 – 6.
- Словарь русских говоров Приамурья / отв. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1983. 340 с.
- Словарь современного русского литературного языка / под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др. М.; Л., 1948 – 1965. Т. 1 – 17.
- Толстая С. М. Палитра чувств в зеркале языка // Rocznik Slawistyczny. Т. LXIII. 2014. S. 129 – 144.
- Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. акад. О. Н. Трубачева и др. М., 1974. Вып. 1.
- Slovník české frazeologie a idiomatiky. 3: Výrazy slovesné / Hl. red. Fr. Čermák, Jiř. Hronek, Jar. Machač. Praha: Le-da, 2009.
- The Oxford English Dictionary. Oxford: Clarendon Press; Oxford; New York: Oxford University Press, 1989. 2 ed. Vol. 1 – 20.

Информация об авторе:

Березович Елена Львовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета (Екатеринбург), ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва), berezovich@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 16.02.2016 г., принята к печати 03.06.2016 г.

SOMATIC MODEL IN THE NOMINATION OF PREMONITIONS AND INTUITIONAL FEELINGS

Berezovich Elena L.^{1, @, *}

¹ Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)

@ berezovich@yandex.ru

*The work was performed in the framework of Ural Federal University competitiveness program (2013-2020), research group "People's linguistic tradition as a source of historical and cultural information (Russian North, Middle Urals, Upper Volga region)"

Abstract: The paper analyzes the most productive and systemic model, which serves as the basis for lexicon and phraseology denoting manifestations of «the sixth sense» (premonitions and intuitional feelings), – the somatic model. With reference to the Russian literary language of the 19th – 21st centuries and some particular facts of jargons, popular language and subdialects, the author studies 4 groups of somatisms, which are the most representative in terms of expression of meanings, which are in the sphere of interest of the author: names of organs of the back of the body (*спина, затылок, лопатки, задница, загривок* etc.); nominations of the stomach and the inward parts of the body (*нутро, живот, брюхо, печенки* etc.); names of proper organs of perception (*нос, ухо*); the words *тело, кожа (шкура)*. The analyzed model is realized in a variety of ways, the most significant of which are verbal-nominal combinations like *чуять печенкой, почувствовать задницей, ощущать телом*. The paper describes contextual meanings specific to the words studied: 'premonition of trouble, death', 'fine organic feeling (of duty, obligation; profit etc.)', 'illogical perception of something which is usually perceived logically', 'perceptive synaesthetic feelings', 'the feeling of control (sense of chase, the feeling of somebody else's power)' and others. The author analyzes the reasons for appearance of the meanings, which are specific to each group of the vocabulary studied or which connect somatisms belonging to different groups.

Keywords: motivology, nominative model, Russian lexicology, phraseology, contextual semantics.

For citation: Berezovich E. L. Somatic model in the nomination of premonitions and intuitional feelings. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 86 – 93.

References

1. Berezovich E. L. Dusha i serdtse kak organy «shestogo chuvstva» (na materiale russkogo iazyka) [The soul and the heart as the organs of the "sixth sense" (based on the Russian language)]. *Swiat oczyma duszy dusza w oczach swiata: Antropologiczno-językowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej* [World through the eyes of the soul soul in the eyes of the world: Anthropological and linguistic images of the soul in perspektywie międzykulturowej]. Warszawa: Instytut Slawistyki PAN.
2. Berezovich E. L. *Russkaia leksika na obshcheslavianskom fone: Semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia* [Russian vocabulary against common Slavic background: Semantic-motivational reconstruction]. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniu i nauke, 2014, 488.
3. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [Big dictionary of Russian proverbs]. Moscow: ZAO «OLMA Media Grupp», 2013, 784.
4. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/>
5. *Novyi ob"iasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo iazyka* [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. 2nd ed. Contr. Apresian Iu. D. Moscow; Vena: Iazyki slavianskoi kul'tury; Venskii slavisticheskii al'manakh, 2004, 1488.
6. Prokosheva K. N. *Frazeologicheskii slovar' permskikh govorov* [Phrasebook of Permian dialects]. Perm': Perm. gos. ped. un-t, 2002, 432.
7. *Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Oblast dictionary with historical data]. Ed. Larin B. A. Leningrad, iss. 1– (1967–).
8. *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of Russian dialects in Karelia and adjacent areas]. Ed. Gerd A. S. Saint-Petersburg, iss. 1 – 6 (1994 – 2005).
9. *Slovar' russkikh govorov Priamur'ia* [Dictionary of Russian dialects of the Amur area]. Ed. Filin F. P. Moscow: Nauka, 1983, 340.
10. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Ed. Babkin A. M., Barkhudarov S. G., Filin F. P. Moscow; Leningrad, vol. 1 – 17 (1948 – 1965).
11. Tolstaia S. M. Palitra chuvstv v zerkale iazyka [The palette of feelings in the mirror of the language]. *Rocznik Slawistyczny – Year Of Release Of Market Relations*, vol. LXIII (2014): 129 – 144.
12. *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii* [Etymological Dictionary of Slavonic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Ed. Trubacheva O. N. Moscow, iss. 1 – (1974–).
13. *Slovník české frazeologie a idiomatiky. 3: Výrazy slovesné* [Dictionary of Czech phraseology and idioms. 3: Expressions verb]. Ed. Čermák Fr., Hronek Jiř., Machač Jar. Praha: Leda, 2009.
14. *The Oxford English Dictionary*. 2 ed. Oxford: Clarendon Press; Oxford; New York: Oxford University Press, vol. 1 – 20 (1989).

Received 16.02.2016, accepted 03.06.2016.

СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛИРОВАННОСТЬ ДИАЛЕКТА, ЕГО ПРЕСТИЖНОСТЬ И ДИВЕРГЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ

Е. В. Брысина^{1, @1}, В. И. Супрун^{1, @2}

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет

@1 filolog@vspu.ru

@2 suprun@vspu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются социально изолированные говоры русского языка, обладающие высокой положительной оценкой, престижностью в среде носителей. Поморский говор частично кодифицирован. Кубанское казачество имеет русско-украинское происхождение, кодификацию получила только украинская балачка. Донской престижный говор не получил кодификации, но из-за социальной изолированности не испытывает влияния соседних говоров и литературного языка.

Ключевые слова: дивергенция, субэтнос, лингвоним, микроязык, социально изолированный говор, престижный говор.

Для цитирования: Брысина Е. В., Супрун В. И. Социальная изолированность диалекта, его престижность и дивергентные процессы в национальном языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 94 – 100.

Дивергенция является главным фактором языкового развития человечества. Все современные языки (кроме искусственно созданных и возникших в результате пиджинизации/креолизации) появились в результате распада предшествующего диалектного континуума и выделения из него самостоятельных лингвальных сущностей. На языковую дивергенцию не могут повлиять ни отсутствие сколько-нибудь значимых, очевидных материальных расхождений между материнским языком и выделяющимся из него идиомом, ни лингвальная конвергенция, проявляющаяся в доминировании мировых языков, в заимствованиях на всех языковых уровнях, в сближении языков вплоть до полной ассимиляции малочисленных, ни процессы глобализации, ведущие к унификации различных сторон жизни этнических сообществ, включая лингвокультурные, ни политические запреты и репрессии и т. п. Представление о самостоятельности, самобытности, неслиянности в этноязыковом отношении с соседями, возникнув однажды в языковом сознании отдельных представителей субэтнуса, постепенно набирает число сторонников, особенно при активной деятельности пассионарных личностей, диалектной языковой элиты, и приводит в конце концов к созданию нового языка и нового этноса. Примерами подобного языкового развития последнего времени в Рак Slavica являются конкретные шаги по созданию самостоятельных черногорского и боснийского языков, стремление укрепить статус русинского (руснацкого) литературного языка и пр.

На основе дивергентных процессов могут возникать не полноценные литературные языки, а лингвальные квазисистемы, представляющие собой кодификацию диалекта и его использование для официальной коммуникации. А. Д. Дуличенко назвал подобные идиомы микроязыками. Они базируются на диалектах периферии того или иного языкового пространства или на островном говоре. Микроязыки обладают письменностью и письменной практикой, имеют определённую степень нормализации. Они используются в некоторых сферах, типичных для литературных

языков (художественная литература, медиаресурсы, театр и пр.), однако всегда в ограниченном объёме [10; 11]. У подобных идиомов ограниченное число носителей, вплоть до единичных, как, например, у ляхского микроязыка в Чехии (Силезии), который использовал практически один автор – поэт Ондра Лысогорски [26].

Н. Д. Голев в одной из своих работ ввёл понятие ментально-языковой ситуации, которое позволяет охарактеризовать состояние общества с точки зрения его взаимоотношений с языком. По мнению учёного, «данное понятие призвано зафиксировать взаимодействие онтологической сферы – языкоречевой действительности и человека (общества), стремящегося воздействовать на неё <...>, и сферы ментальной, отражающей и эту действительность, и это воздействие в формах как стихийного познания, так и в форме научных понятий» [9, с. 179]. В современном русском диалектном континууме возникла ментально-языковая ситуация, когда носители диалектов стремятся преобразовать языкоречевую действительность, повысить лингвосоциальный статус своего идиома до самостоятельного, выделившегося из национального (материнского) языка, придав при этом своему субэтносу черты отдельного этнического феномена.

Данные процессы взаимосвязаны с функционированием в русском диалектном континууме говоров, отличающихся от соседних своей социальной изоляцией, выделением их носителей своими лингвокультурными чертами (занятиями, образом жизни, традициями, обычаями, обрядами и особыми номинациями отдельных природных явлений, артефактов и действий). Многолетнее исследование ранних переселенческих донских говоров Волгоградской области, выявление специфики их функционирования, сравнение с языковыми процессами в других говорах территорий позднего заселения позволило Р. И. Кудряшовой ввести понятие *социально изолированные говоры*, которые характеризуются обособленным существованием и развитием не в силу специфики их географического положения, а в связи с особым социальным положением носителей, сложившимся исто-

рически. В их число входят говоры донского казачества, которые представляют собой такую исторически сложившуюся особую социально замкнутую диалектную группу [13].

Донской казачий субэтнос с момента возникновения выделялся в составе великорусского народа своими лингвокультурными чертами. Обусловлено это было особенностями возникновения донского казачества, сформировавшегося в своей основе из представителей великорусского народа (прежде всего носителей южнорусского наречия). В лингвистическом отношении – при всём своеобразии языковых черт – донские говоры являются органичной частью русского диалектного пространства. Диалекты Обдонья входят в южновеликорусское наречие, обладая всеми его главными чертами: аканье, яканье, рефлекс $\dot{h}$ под ударением в виде [e], [ɣ] фрикативный, отсутствие смещения фонем [ц] и [ч], флексия третьего лица единственного и множественного числа настоящего-будущего времени с мягким [т'] на конце [18, с. 44].

Донские казачьи говоры, как отмечает Р. И. Кудряшова, граничат как со сходными говорами, так и с диалектами, отличающимися от них по своей структуре. Будучи социально изолированными, они имеют специфику развития в сравнении, с одной стороны, с территориально изолированными (островными) говорами и, с другой стороны, с переселенческими говорами неизоллированного типа [13].

Социально изолированные говоры отличаются тем, что их носители ощущают ценность и неповторимость своей речи, вербализуют эту положительную оценку при коммуникации с представителями своей этногруппы и с инодиалектными лицами или говорящими на литературном языке. Это стало причиной особого лингвокультурного явления – существования *престижных* говоров в диалектной системе русского языка. Обычно носители диалекта воспринимают свою речь как престижно более низкую по сравнению с литературным языком. Э. Сепир отмечает: «Говорящие на местных диалектах начинают стесняться своих специфических речевых форм, поскольку последние лишены престижной значимости стандартизованного языка; и в конце концов создается иллюзия существования основного языка, обслуживающего обширную область, являющуюся территорией проживания нации или национальности, и множества местных форм речи как некультурных и испорченных вариантов основной нормы» [19, с. 217].

Социально изолированные говоры всегда престижны для говорящих на них, их носители убеждены в способности идиомы выступать в качестве средства полноценного общения во всех коммуникативных сферах. Для большинства донских казаков их говор обладает положительными оценочными характеристиками, в своих высказываниях они подчёркивают эти аксиологические черты родного диалекта: *Красивый казачий говор, кому ж он не нравится. Говор – наша родина, так говорили наши отцы и деды, это наша история. Говор – это наш край, наша земля, родина*. Сложившееся в момент создания и самоопределения субэтноса особое чувство высокого самосознания, самоуважения, позитивной самооценки, представлений о единстве жителей Дона стимулирует их к

овладению именно своим говором, который продолжает жить и сохранять основные черты фонетической, грамматической и лексико-фразеологической системы [15, с. 33, 55 – 57].

Социальная изолированность и базирующаяся на ней престижность диалектной речи относится не только к донским говорам, но и, например, к поморским. Осознание престижности своего идиомы приводит к формированию потребностей в кодификации диалектной речи, к попыткам оформления говора в качестве самостоятельного (квази) литературного языка. Издан подготовленный ещё в 1938 г. словарь не диалекта, как это происходит в остальной России при лексикографической обработке материала территориальных говоров, а *живого поморского языка* с дополнением в названии «в его бытовом и этнографическом применении» [12], закреплён для этого языка термин *говоря* [17].

Следует отметить, что для повышения престижности диалекта важным является создание *лингвонима*, состоящего из прилагательного от названия субэтноса и диалектного слова, синонимичного литературному *язык*. Видимо, второе является весьма важным на этапе формирования представления о самостоятельности говора, его (квази)литературном употреблении. Если в славянской среде для языков с устойчивым самостоятельным статусом используются однокоренные названия: *русский язык, български език, македонски јазик, српски језик, český jazyk, slovenský jazyk, język polski, hrvatski jezik, slovenski jezik*, то для более позднего выделения кодифицированного языка становится необходимым своё обозначение, отличное от нарицательного слова, существующего в материнском языке: *українська мова, беларуская мова*. Точно так же возник термин *говоря* < *говорить*.

Предпринимаются попытки создания подобного (квази)литературного языка для кубанских казаков – *балачки* на основе украинского диалекта. Однако эти намерения не учитывают двуприродность кубанских казаков: основателями казачества на Кубани были волжские и хопёрские казаки, которые в 1777 г. были поселены на Азово-Моздокскую (Кавказскую) укрепленную линию; к ним в 1793 г. в западной части Кубани постепенно перебрались бывшие запорожские казаки, «Войско верных казаков запорожских», которым после Ясского мира (29 декабря 1791 г. / 9 января 1792 г.) были предоставлены земли вдоль побережья Чёрного моря между реками Днестр и Буг, из-за чего войско было переименовано в «Черноморское казачье войско». 40 куреней (около 25 тыс. человек) черноморцев переселились на кубанские земли [25; 16]. Жители западной части Кубани говорили на украинском диалекте, а при оформлении письменной речи в XX в. нередко прибегали к украинскому литературному языку (прежде всего в зарубежье).

Термин *балачка* возник от глагола *балакати*, который в украинском литературном языке обозначает ‘говорить, разговаривать, беседовать’, но в отличие от нейтрального глагола *розмовляти* в нём имеется негативно-снижательный оттенок значения, ярко выраженный в дериватах *балаканина* ‘болтовня, пустословие’, *балакун* ‘говорун, пустомеля, болтун’, *балакуха* ‘болтушка, болтуня’, *балакучий* ‘говор-

ливый, словоохотливый» [24, с. 15 – 16]. В кубанском диалекте глагол *балакать* получил значение ‘говорить на кубанском говоре с украинской языковой основой’ [5, с. 126], что и позволило образовать от него названия для идиомы.

На востоке в кубанских станицах говорят на донских говорах, причём хорошо сохранившихся; они никакого отношения к балачке не имеют. Когда составители Словаря донских говоров Волгоградской области (далее СДГВО) подбирали материал из художественных текстов писателей зарубежного казачества, в Российской государственной библиотеке была обнаружена книга писателя Д. Е. Скобцова-Кондратьева «Гремучий родник» [21], текст в ней был насыщён словами, известными из донских говоров: *крыга* ‘кусок, глыба льда, льдина’ (с. 5, ср.: [22, с. 275]), *любистек* (с. 5, ср. *любистик* ‘травянистое пряное растение любисток’ [22, с. 305]), *зажадовать* (с. 7, ср. *жадовать* ‘быть скупым, жадничать’ [22, с. 164]), *пожадовать* ‘проявить жадность, пожадничать, поскупились’ (с. 10, ср.: [22, с. 442]), *поохотиться* (с. 7, ср. *охотка* ‘желание, стремление, склонность’ [22, с. 399]), *юртовый* ‘принадлежащий юрту – земельным и водным угодьям одной казачьей станицы’ (с. 8, ср.: [22, с. 685]), *куток* ‘часть населённого пункта’ (с. 10, ср. [22, с. 289]), *клевценогий* ‘с ногами, расходящимися от колен в разные стороны’ (с. 13, ср. [22, с. 247]), *наблюсти* (с. 13, ср. *наблюдать* ‘не давать прекратиться, утратиться, нарушиться; поддерживать, соблюдать’ [22, с. 329]), *дружско* ‘распорядитель на свадьбе со стороны жениха’ (с. 14, ср. [22, с. 152]), *полудружий* ‘помощник распорядителя на свадьбе – дружка’ (с. 14, ср. [22, с. 450]), *хата* ‘казачий дом, обычно небольшой, в одну-две комнаты’ (с. 14 – 15, ср.: [22, с. 624]). Позже волгоградские диалектологи узнали, что Даниил Ермолаевич Скобцов родился в станице Брюховецкой Ейского уезда Кубанской области (ныне районцентр Краснодарского края), работал в станице Лабинской. Сходство употреблённых в его романе диалектизмов с донскими связано с тем, что он был «линейцем», т. е. потомком выходцев с Дона. Но биография кубанского писателя не позволила лексикографам включить материал из его книги в СДГВО.

В романе «Гремучий родник» рассказывается о казачьем обычае, осуществляемом на второй день свадьбы, известном на Дону в составе фразем *бить калину* ‘обряд. на второй день свадьбы утром разбивать тарелку с красной калиной в знак того, что невеста сохранила невинность’ *Разбивают тарелку с калинай на фтарой день свадьбы* (Наг.). *Быють калину – паттвиждают, што нивеста чесная* (Дор.). *На фтарой день калину быють* (Наг.). Ген. [22, с. 44]; *играть калину*. ‘обряд. действие на второй день свадьбы, когда в знак сохранения невестой до замужества невинности выносят калину (ранее выносили простыню с постели новобрачных); то же, что *носить калину*’ *На фтарой день калину играли и калинай закусывали* (Мор.). *Калину играли – зимой сухую, а так свежую – и ничем ни закусывать, толька калинай. Па правую руку жыниховы гости, па левую – нивестины* (Торм.) [22, с. 217]; *носить калину* ‘обряд. выносить гостям гроздь калины на второй

день свадьбы в знак сохранения невестой невинности до замужества (ранее выносили простыню с постели новобрачных); то же, что *играть калину*’ *На фтарой день на свадьби калину насили* (В-гн.) [22, с. 359]. Эта фразема отмечена и в Большом толковом словаре донского казачества (далее БТСДК): *нести* (*носить*) *калину* ‘часть свадебного обряда’ *Нисуть калину после свадьбы радителям невесты, за иё деўстиннасть* (Груш.). *Фтарой день свадьбы насили калину, паказывали прастыню* (Евс.) [1, с. 320] (сокращённые наименования населённых пунктов см.: [1, с. 15 – 18; 22, с. 693 – 695]).

Как показывает текст Д. Е. Скобцова-Кондратьева, при переселении на Кубань носители говора несколько видоизменили ход реализации обряда, усовершенствовали, усложнили его, но сохранили за калиной символический смысл сохранения невестой невинности до замужества: *Наутро Мирон (молодожён) приложился и ловко разбил одним выстрелом из двухстволки те две бутылки, перевязанные красной ленточкой, с воткнутой в горлышко пучком калин, которые были водружены на крыше хаты около трубы. Запестрели красной калиной, знаком девичьей чести, платки свашек, шапки «дружка» и полудружья* (с. 14).

В тексте упоминаются перевязанные красной ленточкой бутылки, которые участвуют в свадебном обряде на Дону под названием *быки* или без особого наименования: *быки* ‘обряд. стоящие на свадебном столе перед женихом и невестой две бутылки вина (или другого спиртного напитка), связанные красной лентой’ *На свадьби пирид жынихом и нивестай быки стаять* (Длг.). Мих. *А перед новобрачными стоят две связанные лентой бутылки со слабым церковным вином да в рюмках – вместо вина – густой вишнёвый взвар* (В. Земцов. Донская свадьба).

Полностью повторяется в отрывке из романа, опубликованном в Париже в «Казачьем сборнике», описание донского обряда одевания хомута родителям девушки, не сохранившей невинность, правда, героями описываемого события не осуществлённого: *Был тревожный момент, когда с брачного пира повели молодых в приготовленное для них помещенье. Некоторые повесы из жениховой родни приготовили, было, хомут, чтобы накинуть в позор и поношение на Алдакима Прокофьича, не сумевшего как бы соблюсти честь дочери, давши будто бы ей слишком большую волю. Однако всё кончилось как нельзя лучше. Химка была бойка, но честь соблюла* [20, с. 20]. На Дону этот обычай имеет следующее описание: *надевать / надеть* (*одевать / одеть*) *хомут / хомуты* ‘обряд. утром после первой брачной ночи надевать на родителей невесты хомуты, если новобрачная не сохранила до свадьбы девственность’ *Нюшка, ни хади на игрища, хош, штоп хамуты нам надели?* (Блш.). *Если нивеста ничесная, то на радителий надявають хамуты и праводють па фсяму сялу* (Клет.). *Хамут надивали на радителий нивесты, если нивеста была ничесная* (Дбр.). *На фтарой день свадьбы хамут надивали при асобай ситуации* (В-гн.). *Надывали хамут на мать ничесной нивесты* (Пгч.). *Если нивеста ничесная, то на радителий хамут адывали и ганяли па фсиму хутару* (Зах.). Ат., Н-гн., Сл. Глух. В БТСДК

также отмечен этот обычай: *Хамут надивали на тѣ-ишу, если нивеста ничесная. Это было ни при маих памятах* (Ром.) [1, с. 300].

Как видим, данные языковые единицы и лингвокультурные тексты не связаны с балачкой, они вполне вписываются в донской говор, входя в единый континуум русского казачьего диалектного пространства, продолжение которого можно найти в других казачьих говорах от Урала до Забайкалья, естественно, с проявлениями лексико-семантических и фразеосемантических инноваций в результате удалённого проживания, физико-географических характеристик территории, межэтнических контактов и междиалектного взаимодействия. Балачка же в лингвистическом отношении тяготеет к украиноязычному диалектному пространству.

Специалисты отмечают, что постепенное взаимодействие, а затем и слияние украинской и южнорусской этнографических групп (черноморского и линейного казачества), образование в 1860 г. Кубанской области и Кубанского казачьего войска привели к возникновению особого субэтноса – *кубанского казачества*, что было вызвано рядом причин: совместное проживание в новых географических условиях, окраинное положение области, относительная социально-политическая автономия населения, выражающаяся в наличии общинно-войсковой организации, самоуправления, закреплённой войсковой земли, постепенно укрепляющаяся сословная замкнутость (с определённого времени приём в казаки был ограничен, а затем и прекращён). Жители края стали воспринимать себя как особую общность людей, считая себя не только россиянами, но и кубанцами, для которых Краснодарский край – *Кубань-матир*. Они противопоставляют себя жителям Центральной России, которых иронично или даже презрительно называют *кацанами* и *москалями* [6, с. 75]. От корня *каца* образованы собирательные негативно окрашенные названия переселенцев из средней части России: *кацанья, кацанландия, кацанья* [4, с. 109]. Похоже, однако, что исследователи единого кубанского субэтноса опираются в основном на этнолингвистический материал, собранный среди говорящих на балачке.

Этнологи обнаружили, что в послереволюционные годы кубанское казачество постепенно утратило ряд важных признаков субэтноса, превратившись в этнографическую группу русского народа [2, с. 140; 3]. Носители языка свидетельствуют об утрате балачки: *Диты наши нэ балакають, ужэ разговаривают, ужэ пэрэвэрнулись. А мы ще ны пэрэвэрнулись* [6, с. 76].

На Кубани народная речь постепенно трансформировалась в региолект. А. С. Герд определял его как «особую форму устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием. Региолекты охватывают ареал смежных диалектов, включая сюда города и посёлки городского типа и тем самым весьма значительные группы того или иного этноса. На смену старым крестьянским диалек-

там приходит не стандартный литературный язык, а особые новые формы разговорной речи. Диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [7, с. 23 – 24; 8].

Иначе обстояли дела у донских казаков. Несмотря на высокую престижность диалекта, активное движение по признанию казаков в качестве самостоятельного этноса, вылившееся в ряде публикаций, прежде всего в Ростове-на-Дону и городах Ростовской области, на включение в переписи населения 2002 и 2010 гг. возможности ответа на вопрос о национальности слова *казак*, не было осуществлено существенных шагов по кодификации местного диалекта и признания за ним статуса (квази)литературного языка. Причиной, видимо, было отсутствие профессионально грамотных решений по кодификации говора, как это произошло у поморов и отчасти у кубанцев. Не получил поддержки в донском казачьем сообществе лингвотермин *гутор* (*гутар*). В народном языке он практически не использовался, в СДВГО и БТСДК слово *гутор* имеет значение ‘разговор’: *А чиво тибє сам мной гуторить, гутора ни палучицца* (Каз.) [1, с. 124]; *Все с весѣлым гутором и смехом спешат, беззаботные, счастливые, нарядные* (Ф. Крюков. Офицерша) [22, с. 129]. В значении ‘казачья речь, донской говор’ (в словаре ошибочно: ‘донское наречие’) используется слово *гуторка* [22, с. 129], однако БТСДК это слово дефинирует как ‘разговор’ [1, с. 124]. Новые материалы донской речи, включённые в картотеку будущего 3-го издания СДГВО, обнаруживают значение ‘казачья речь, донской говор’ у слова *гутор*: *Эт у нас такой гутар* (Ольх.), однако ограниченность распространения (х. Ольховский Урюпинского района) не позволяют квалифицировать его как общепринятый лингвотермин, как и лексему *гуторка*, которая зафиксирована только в Калаче-на-Дону и соседнем хуторе Большом Набатовском.

Лексемы *гутор, гутор, гуторка, гуторка* не ограничены донским диалектом. СРНГ отмечает их распространение в Курской, Орловской, Тамбовской, Калужской, Рязанской, Псковской, Пензенской, Саратовской областях [23, с. 249 – 250]. Эти слова имеют значения ‘разговор, беседа’, ‘речь, говор, выговор’, ‘шум’.

Следует отметить и определённые сложности с определением казаков как этноса. У этой идеи имеется негативный исторический след: её активно пропагандировали некоторые представители зарубежного казачества, которые после начала Второй мировой войны стали на сторону Гитлера, поддержали фашизм. Подобный отрицательный шлейф у идеи выделения казаков как самостоятельного этноса, несомненно, сдерживает создание казачьего (квази)литературного языка, сходного с балачкой и говорами.

Это, однако, не сказывается на престижности донского диалекта, которая приводит к тому, что социально изолированный говор практически не испытывает воздействия иноязыковых и инодиалектных систем. Как отмечает Р. И. Кудряшова, сравнение языковых процессов в ранних переселенческих донских казачьих говорах и собственно переселенческих волжских говорах Волгоградской области, возникших значительно позднее, показало, что для волжских, как

и для других говоров Среднего и Нижнего Поволжья, характерно активное междиалектное контактирование, тесное взаимодействие соседних говоров с разными диалектными основами, чего не наблюдается в донском диалекте [13]. В силу своей социальной изолированности донские диалекты, будучи престижными, сохраняют наиболее важные особенности традиционной системы. Социально-историческая изоляция донского казачества ограничивала контакты с соседями-неказаками, престижность говора исключала влияние на донские диалектные системы иных диалектных систем. Оказать воздействие на речь казаков одного округа могли только соседи-казаки [14, с. 24]. Диалектологические экспедиции 60 – 90-х гг. XX в. и начала XXI в. в донские районы позволяют утверждать, что в системе современных волгоградских казачьих диалектов по-прежнему проявляются все те особенности, которые были характерны для них в момент их формирования.

Итак, ментально-языковая ситуация в донском диалектном сообществе в силу социальной изоли-

рованности характеризуется не только его противопоставленностью другим окрестным жителям и осознанием престижностью своего говора, но и специфическими лингвокультурными чертами, своими субэтническими концептами, вербализованными в диалектной лексико-фразеологической системе и фольклорно-художественных текстах. Носители донских говоров уверенно пользуются ими не только в общении друг с другом, но и во внешней коммуникации, используют фонетические явления, грамматические формы, лексемы и фраземы при речевых контактах с представителями других диалектов и с говорящими на литературном языке. На лингвокультурном уровне отмечаются высказывания носителей престижных говоров с положительной оценкой своей речи. При этом из-за негативного исторического шлейфа и отсутствия адекватных действий специалистов не происходит кодификации диалекта и формирования на его базе квазилитературного языка или микроязыка.

Литература

1. Большой толковый словарь донского казачества. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. 608 с.
2. Бондарь Н. И. Что мы знаем друг о друге? Этнографические очерки о народах Кубани // Кубанский краеведческий ежегодник. Краснодар, 1990. С. 133 – 147.
3. Бондарь Н. И., Жиганова С. А. Фольклор и этнография кубанского казачества: учеб. пособие. Краснодар, 2009.
4. Борисова О. Г. Лексика и фразеология кубанских говоров: материалы к словарю // Вестник ПСТГУ. (Серия III: Филология). 2014. Вып. 4(39). С. 99 – 116.
5. Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Эволюционные процессы в лексико-фразеологическом пространстве говоров позднего образования (на материале говоров Кубани) // Известия ВГПУ. (Серия: Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки). 2015. № 4(99). С. 126 – 132.
6. Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Экстралингвистическая база изучения современных кубанских говоров: устойчивость и изменчивость основных параметров // Известия ВГПУ. (Серия: Филологические науки). 2014. № 5(90). С. 73 – 79.
7. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. 488 с.
8. Герд А. С. Диалект – региолект – просторечие // Русский язык в его функционировании: тез. докл. Междунар. конф. (III Шмелевские чтения). М., 1998.
9. Голев Н. Д. Современная ментально-языковая ситуация в России и содержание школьного курса русского языка: смена парадигм // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (СИБРЕСУРС-6-2000): Доклады VI Международной научно-практической конференции (краткое содержание) / Отв. ред. В. Н. Масленников. Томск: ТУСУР, 2000. С. 179 – 181.
10. Дуличенко А. Д. Малые славянские литературные языки (микроязыки) // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005.
11. Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллин: Валгус, 1981.
12. Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / ред. И. И. Муллонен (отв. ред.), В. П. Кузнецова, А. Е. Беликова. Петрозаводск: Изд-во Карел. науч. центра РАН, 2011. 455 с.
13. Кудряшова Р. И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем. Волгоград: Перемена, 1997. 124 с.
14. Кудряшова Р. И. Социально изолированные говоры на территории Волгоградской области // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. 2014. № 6(60). С. 22 – 26.
15. Кудряшова Р. И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области): дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград: Волгогр. пед. ун-т, 1998. 93 с.
16. Малукало А. Н. Кубанское казачье войско в 1860 – 1914 гг. Краснодар: Кубанькино, 2003.
17. Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск: Правда Севера; М.: Белые альвы, 2005. 372 с.
18. Русская диалектология / под ред. Н. А. Мещерского. М.: Высшая школа, 1972. 304 с.
19. Сепир Э. Диалект // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс; Универс, 1993. С. 216 – 222.

20. Скобцов-Кондратьев Д. Е. Гремучий родник: Роман. Париж, 1938. 310 с.
21. Скобцов-Кондратьев Д. Е. Суд // Казачий сборник. Париж: Изд-е Казачьего союза, 1930. С. 16 – 44.
22. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшовой. Изд. 2-е, испр. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.
23. Словарь русских народных говоров. Вып. 7 / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1972. 355 с.
24. Украинско-русский словарь / под ред. В. С. Ильина. Киев: Наукова думка, 1964. 1064 с.
25. Щербина Ф. Д. История Кубанского казачьего войска. М.: Вече, 2013. 576 с.
26. Balowska Gr. Lašské dílo Ondry Lysogorského: kapitoly z lexika. Praha: Univerzita Karlova, 2008 (Acta Slavica et Baltica).

Информация об авторах:

Брысина Евгения Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, декан филологического факультета Волгоградского государственного социально-педагогического университета, filolog@vspu.ru.

Супрун Василий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета, suprun@vspu.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 06.06.2016 г.

SOCIAL ISOLATION OF THE DIALECT, ITS PRESTIGE AND DIVERGENT PROCESSES IN THE NATIONAL LANGUAGE

Brisina Yevgeniya V.^{1, @1}, Suprun Vasilii I.^{1, @2}

¹ *Volgograd State Socio-Pedagogical University*

^{@1} *filolog@vspu.ru*

^{@2} *suprun@vspu.ru*

Abstract: The paper discusses socially isolated dialects of the Russian language with a high positive rating of prestige by the native speakers. Pomorian dialect is partially codified. The Kuban Cossacks have Russian-Ukrainian origin, only the Ukrainian *balachka* (балачка) was codified. The Don prestige dialect did not receive codification, but because of its social isolation it is not influenced by neighbouring dialects and the literary language.

Keywords: divergence, subethnicity, name of the language, small language, socially isolated dialect, prestige dialect.

For citation: Brisina Ye. V., Suprun V. I. Social isolation of the dialect, its prestige and divergent processes in the national language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 94 – 100.

References

1. *Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva* [The Great Dictionary of the Don Cossacks]. Moscow: Russkie slovari: Astrel': AST, 2003.
2. Bondar' N. I. Chto my znaem drug o druge? Etnograficheskie ocherki o narodakh Kubani [What do we know about each other? Ethnographic essays on Kuban nations]. *Kubanskii kraevedcheskii ezhegodnik – Local History Yearbook*, 1990, 133 – 147.
3. Bondar' N. I., Zhiganova S. A. *Fol'klor i etnografiia kubanskogo kazachestva* [Folklore and Ethnography of the Kuban Cossacks]. Krasnodar, 2009.
4. Borisova O. G. Leksika i frazeologiya kubanskikh govorov: materialy k slovari [The vocabulary and phraseology of Kuban dialects: materials to the dictionary]. *Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya – Herald PSTGU. Series III: Philology*, no. 4(39) (2014): 99 – 116.
5. Borisova O. G., Kostina L. Iu. Evoliutsionnye protsessy v leksiko-frazeologicheskom prostranstve govorov pozdnego obrazovaniia (na materiale govorov Kubani) [Evolutionary processes in the lexical-phraseological space of lately formed dialects (Kuban dialects material)]. *Izvestiia VGPU. Pedagog. nauki. Filol. nauki. Istor. nauki. – Proceedings of the SGMP. Teacher. science. Philology. science. History. Science*, no. 4(99) (2015): 126 – 132.
6. Borisova O. G., Kostina L. Iu. Ekstralingvisticheskaia baza izuchenii sovremennykh kubanskikh govorov: ustoichivost' i izmenchivost' osnovnykh parametrov [Extra-base study of modern Kuban dialects: stability and variability of the main parameters]. *Izvestiia VGPU. Ser. Filol. nauki – Proceedings of the SGMP. Ser. Philological. Science*, no. 5(90) (2014): 73 – 79.
7. Gerd A. S. *Vvedenie v etnolingvistiku* [Introduction to ethnolinguistics]. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2001, 488.
8. Gerd A. S. Dialekt – regiolekt – prostorechie [Dialect – regiolect – vernacular]. *Russkii iazyk v ego funktsionirovanii: tez. dokl. Mezhdunar. konf. (III Shmelevskie chteniia)* [Russian language in its functioning: Proc. Intern. Conf. (III Chmelewsky reading)]. Moscow, 1998.

9. Golev N. D. *Sovremennaiia mental'no-iazykovaia situatsiia v Rossii i sodержanie shkol'nogo kursa russkogo iazyka: smena paradigm* [Modern mental-linguistic situation in Russia and the content of school course of Russian language: a paradigm shift]. *Prirodnye i intellektual'nye resursy Sibiri (SIBRESURS-6-2000): Doklady 6-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (kratkoe sodержanie)* [Natural and intellectual resources of Siberia (SIBRESURS-6-2000): Reports of 6-th Intern. Sc.-Prac. Conf. (summary)]. Ed. Maslennikov V. N. Tomsk: TUSUR, 2000, 179 – 181.
10. Dulichenko A. D. *Malye slavianskie literaturnye iazyki (mikroiazky)* [Small Slavic literary languages (microlanguages)]. *Iazyki mira: Slavianskie iazyki* [Languages: Slavic languages]. Moscow: Academia, 2005.
11. Dulichenko A. D. *Slavianskie literaturnye mikroiazky: Voprosy formirovaniia i razvitiia* [Slavic literary microlanguages: Questions of formation and development]. Tallin: Valgus, 1981.
12. Durov I. M. *Slovar' zhivogo pomorskogo iazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Pomeranian language in its everyday life and ethnographic use]. Ed. Mullonen I. I., Kuznetsova V. P., Belikova A. E. [Petrozavodsk: Izd-vo Karel. nauch. tsentra RAN, 2011, 455.
13. Kudriashova R. I. *Slovo narodnoe. Govory Volgogradskoi oblasti v proshlom i nastoiashchem* [The word popular. Dialects of the Volgograd region in the past and the present]. Volgograd: Peremena, 1997, 124.
14. Kudriashova R. I. *Sotsial'no izolirovannye govory na territorii Volgogradskoi oblasti* [Socially isolated dialects in the Volgograd region]. *Russkii iazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze – Russian language, literature and culture in schools and universities*, no. 6(60) (2014): 22 – 26.
15. Kudriashova R. I. *Spetsifika iazykovykh protsessov v dialektakh izolirovannogo tipa (na materiale donskikh kazach'ikh govorov Volgogradskoi oblasti)*. Diss. doktora filol. nauk [Specificity of language processes in the dialects of the insulated type (based on the Don Cossack dialects of Volgograd Region). Dr. filol. Sci. Diss.]. Volgogr. ped. un-t. Volgograd, 1998, 93.
16. Malukalo A. N. *Kubanskoe kazach'e voisko v 1860 – 1914 gg.* [Kuban Cossack troops in 1860 – 1914]. Krasnodar: Kuban'kino, 2003.
17. Moseev I. I. *Pomor'ska govoria. Kratkii slovar' pomorskogo iazyka* [Pomorsk speaking. Concise Dictionary of the Pomeranian language]. Arkhangel'sk: Pravda Severa; Moscow: Belye al'vy, 2005, 372.
18. *Russkaia dialektologiya* [Russian dialectology]. Ed. Meshcherskii N.A. Moscow: Vysshiaia shkola, 1972, 304.
19. Sapir E. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Transl. and ed. Kibrik A.E. Moscow: Progress; Univers, 1993, 216 – 222.
20. Skobtsov-Kondrat'ev D. E. *Gremuchii rodnik* [Blasting spring]. Parizh, 1938, 310.
21. Skobtsov-Kondrat'ev D. E. *Sud* [The Court]. *Kazachii sbornik* [Cossack collection]. Parizh: Izd-e Kazach'ego soiuza, 1930, 16 – 44.
22. *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoi oblasti* [Dictionary of the Don dialects of Volgograd Region]. Ed. Kudriashova R.I. 2nd ed. Volgograd: Izdatel', 2011, 704.
23. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Ed. Filin F.P. Leningrad: Nauka, Leningr. otd., Iss. 7 (1972): 355.
24. *Ukrainsko-russkii slovar'* [Ukrainian-Russian Dictionary]. Ed. Il'in V.S. Kiev: Naukova dumka, 1964, 1064.
25. Shcherbina F. D. *Istoriia Kubanskogo kazach'ego voiska* [The history of the Kuban Cossack Army]. Moscow: Veche, 2013, 576.
26. Balowska Gr. *Lashske dilo Ondry Lysogorskeho: kapitoly z lexika* [Lachian work of Óndry Łysogorského: chapters of lexis]. Praha: Univerzita Karlova, 2008 (Acta Slavica et Baltica).

Received 01.02.2016, accepted 06.06.2016.

УДК 811.161.1'374.3

ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ, РЕЧЕВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В ФОРМАТЕ НЕ-/ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ (на материале сочинений школьников)

Л. О. Бутакова^{1, @, *}¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

@larisabut@rambler.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-04-00325а. «Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ институциональных и персональных коммуникаций с участием ребёнка»

Аннотация: В статье показаны возможности психолингвистического описания языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка школьного возраста на основе анализа сочинений на определенные темы. Автором учитывались изменения, произошедшие с носителями русского языка, связанные с ранней включенностью детей в коммуникацию глобального масштаба в сети Интернет, изменения их досуга, изменения русской письменной коммуникации в целом. На примере сочинений учащихся 7-х классов на одну из тем показан структурный, коммуникативный, семантический, когнитивный анализ текстов. Полученная картина объясняется на основе теории речевой деятельности, делаются выводы о сформированности когнитивных механизмов, обеспечивающих образование смыслов, их передачу в единицах языка, выбранных в зависимости от целей коммуникации и с соблюдением конвенции (нормы).

Ключевые слова: языковая способность, речевая компетенция, теория речевой деятельности, когнитивные механизмы.

Для цитирования: Бутакова Л. О. Языковая способность, речевая компетенция в формате не-/естественной письменной речи (на материале сочинений школьников) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 101 – 110.

Состояние речевой культуры носителей русского языка не перестает быть предметом дискуссий на разных уровнях – от школьной учительской и кафедр вузов до телевизионных передач и правительства страны. Тревога, с которой говорят специалисты и неспециалисты о понижении уровня речевой культуры, понятна, как очевидны проблемы, с которыми сталкиваются каждый день школьные учителя и вузовские преподаватели в современной ситуации образования [7; 11]. Оставляя в стороне качество образовательных программ и технологий, попытаемся показать на примере анализа сочинений школьников г. Омска возможности диагностики языковой способности и речевой компетенции на основе теории речевой деятельности.

Данная диагностика является частью объемного проекта, посвященного описанию разных сторон коммуникации с участием детей и для детей в одном регионе (Омская область). Учитывая изменения культурного пространства, информационной среды, коммуникативных форматов общества, ставилась задача проанализировать, каким образом меняется речевая компетенция, какой уровень языковой способности ей соответствует.

Цель статьи – проанализировав сочинения школьников г. Омска на определенные темы, оценить особенности письменной речи учащихся среднего возраста, выявить уровень их языковой способности и речевой компетенции как психолингвистических феноменов.

Исходными для указанного типа анализа были представления о ранней включенности детей в коммуникативные события глобального масштаба с помощью сети Интернет, изменениях досуга, обновлении состава художественных и нехудожественных

текстов в учебных программах по гуманитарным предметам. Учитывались изменения, происходящие в русской письменной коммуникации в целом. «Интернет, скайп, смс, аудиокнижки, презентации, дистанционное обучение активно включены в социальную жизнь, прежде всего – в жизнь молодого поколения. Они интенсивно вторгаются в прежнюю систему письменной коммуникации, конкурируя с ее традиционными формами» [5, с. 5].

Также учитывалось и то, что учебная коммуникация далеко не всегда нацелена на коммуникативно-дискурсивное преподавание родного языка, поскольку «...главная цель обучения русскому языку в типовой (массовой, общеобразовательной) школе связана с практическим владением русским языком в его различных функциональных разновидностях: устной и письменной, разговорной и литературной, деловой и эпистолярной, с умением грамотно, самостоятельно и творчески говорить и умением адекватно воспринимать и понимать речевые произведения разных жанров и т. д. и т. п. В настоящее время такие цели декларируются, но на практике они занимают подчиненное место» [6, с. 95 – 102].

Языковая способность и речевая компетенция школьников уже были предметом нашего исследования [1 – 4]. Под языковой способностью в парадигме теории речевой деятельности нами понималась совокупность операционально-действенных ментальных механизмов, осуществляющих вербализацию знаний и умений [9, с. 5]. *Языковая (речевая) компетенция* интерпретировалась как наличие необходимых для определенного вида деятельности операциональных структур и навыков их реализации [10, с. 15]. Развитая языковая (речевая) компетенция связывалась нами с наличием необходимых операций

в речевой деятельности носителя языка, сформированностью соответствующих речевых стереотипов, осознанностью нормы [2, с. 15]. Осознанность нормы вслед за В. А. Пищальниковой интерпретировалась как установление связи между речевыми действиями и выработанными речевыми операциями, а нарушение нормы – как отсутствие необходимых операций в речевой деятельности [10, с. 18]. *Когнитивная компетенция* – набор универсальных оптимизирующих когнитивных стратегий, база для развития языковой и коммуникативной компетенции индивида [12, с. 256].

Состояние недостаточно развитой языковой способности и несформированной речевой компетенции «выражается в невозможности (или затрудненности) вербализации ментального содержания адекватными языковыми средствами, выбранными в зависимости от целей коммуникации. Нарушение когнитивных механизмов означивания влечет за собой плохую работу языковой и коммуникативной компетенций. Сбои действия языковой и коммуникативной компетенции – следствие плохого функционирования когнитивной компетенции / языковой способности. Хорошая речь – не только равномерное функционирование трехкомпонентной системы, но и владение в каждом участке конвенцией (нормой)» [2, с. 17].

Для определения уровня развернутости языковой способности и речевой компетенции школьников, установления комфортных форматов общения, преимущественных средств общения в 4-х – 8-х классах средних школ г. Омска и Омской области были предложены следующие темы сочинений (жанр письменного текста выбирался пишущими самостоятельно): «Однажды я услышал / прочитал, что...»; «Если бы не было компьютеров и планшетов, то...»; «Если бы не было книжек, то...», «Мой город» («Где я люблю бывать в Омске? Почему?»), «С кем мне хотелось бы поговорить?», «Моя школа – это место, где...», «Важный разговор в моей жизни», «На кого я хочу быть

похожим»; «Прочитать или посмотреть?»; «Мой любимый мультфильм / фильм?»; «Нужен ли мне телевизор?»; «Друг в «Одноклассниках» – это друг?»

Сочинения были написаны в сентябре – октябре 2015 г. (всего более 500 работ в жанрах эссе, мини-сочинений, обычных сочинений, риторических выступлений, рекламных текстов). Среди массива сочинений преобладающими оказались работы на темы: «Если бы не было компьютеров и планшетов, то...»; «Мой город» («Где я люблю бывать в Омске? Почему?»), «На кого я хочу быть похожим».

Сосредоточим свое внимание на разборе сочинений «Если бы не было компьютеров и планшетов, то...», написанных в 7-х классах школ г. Омска.

В ходе анализа письменных работ учитывался деятельностный характер речи-мысли, создание говорящим с помощью языковых средств фрагмента модели действительности, ориентация на понятность коммуникации, включенность любого речевого события в ситуативный набор, создающий дискурсивные объекты, подчиненные определенным стратегиям и тактикам говорящего [2, с. 64].

Кроме того, принимались во внимание изменения, происходящие в русской устной и письменной речевой коммуникации, а также некоторая неестественность речи, обусловленная заданностью тем сочинений и включенностью процесса их создания в учебную деятельность.

Полученные тексты сочинений семиклассников имеют следующий объем: самое большое сочинение насчитывает 19 предложений, 218 слов, самое маленькое – 3 предложения и 39 слов (таблица 1). При этом малое количество предложений не означает небольшое количество слов и структурную простоту: величины среднего объема самого большого и самого маленького сочинения незначительно разнятся (таблица 1), что может быть свидетельством неплохого объема оперативной речевой памяти пишущих, среднего уровня развертывания языковой способности.

Таблица 1. Средний объем сочинений учащихся 7-х классов на тему «Если бы не было компьютеров и планшетов, то...» 2015 г.

Table 1. Mean volume of the 7th-grade students' essays on the topic "If there were no computers and tablets ..." (2015)

<i>Среднее количество слов в сочинении</i>	<i>Среднее количество предложений</i>	<i>Максимальный объем</i>	<i>Минимальный объем</i>
13,46 сл.	8,2 пр.	19 пр.	3 пр.
<i>Среднее количество слов в самом большом сочинении</i>	<i>Среднее количество слов в самом маленьком сочинении</i>	218 слов	39 слов
14,53 сл.	13 сл.		

Таблица 2. Средний объем сочинений учащихся 8 – 9-х классов на тему «Я и мир вокруг меня» 2009 – 2010 гг.

Table 2. Mean volume of the 8th and 9th-grade students' essays on the topic "Me and the world around me" (2009 – 2010)

<i>Среднее количество слов в сочинении</i>	<i>Среднее количество предложений</i>	<i>Максимальный объем</i>	<i>Минимальный объем</i>
10,16 пр.	4,3 пр.	17 пр.	1 пр.
<i>Среднее количество слов в самом большом сочинении</i>	<i>Среднее количество слов в самом маленьком сочинении</i>	136 слов	7 слов
22,6 сл.	7 сл.		

Сопоставление формальной организации сочинений 2015 г. и 2009 – 2010 гг. (учащиеся 8-х – 9-х классов тех же школ г. Омска писали сочинение на тему «Я и мир вокруг меня» [2, с. 94]), показывает картину некоторого улучшения общего речевого развития (таблица 1, 2).

Сравнение сочинений представляется нам возможным, т. к. темы были свободными, предполагали рассу-

ждения в том направлении, какое хотел выбрать говорящий, акцентировали его позицию, выводили на поверхность определенные фрагменты картины мира, проявляли операции речевого анализа и синтеза. Возраст учащихся 8-х – 9-х классов, обучавшихся в начальной школе по программам «1 – 3», совпадает с возрастом нынешних учащихся 7-х классов, чье начальное образование проходило в рамках программ «1 – 4».

Таблица 3. Средний объем сочинений учащихся 8-х классов на тему «Я хочу рассказать вам о себе» 2000 г.
Table 3. Mean volume of the 8th-grade students' essays on the topic "I want to tell you about myself" (2000)

<i>Среднее количество слов в сочинении</i>	<i>Среднее количество предложений</i>	<i>Максимальный объем</i>	<i>Минимальный объем</i>
12,4 сл.	16 пр.	22 пр.	7 пр.
<i>Среднее количество слов в самом большом сочинении</i>	<i>Среднее количество слов в самом маленьком сочинении</i>	330 слов	14 слов
15,5 сл.	14 сл.		

Если данные 2015, 2009 – 2010 гг. сравнить с данными 2000 г., то и здесь обнаруживается формальная близость результатов: средняя длина сочинений в словах незначительно выше в 2015 г. [2, с. 42 – 45]. Зато средняя величина предложений уменьшилась по сравнению с 2000 г., но увеличилась по сравнению с 2009 – 2010 гг., как и максимальный и минимальный объемы текстов. Не менее важен содержательный (семантический, коммуникативный, когнитивный) аспект текстов сочинений. Не имея возможности сравнивать сочинения 2000, 2009 – 2010 и 2015 гг. тематически, проанализируем содержательную сторону сочинений «Если бы не было компьютеров и планшетов, то...».

Коммуникативная организация текстов сочинений. Первый тип коммуникативной организации текста – эксплицитная Я-коммуникация, передающая рефлексии говорящего, свидетельствующая об увеличении индивидуального начала в речевой практике школьников дискурсе, отражающая ориентацию учебного дискурса на передачу собственного мнения.

Значительное число текстов такого типа начинается с утвердительных и вопросных Я-высказываний рефлексивного и акционального типа: «Я думаю, если бы у нас не было компьютеров, планшетов и прочих подобных штук, мы занимались бы тем же, чем и наши родители в детстве», «Думаю, на эту тему можно посмотреть по-разному», «Я думаю, что было бы лучше», «Я считаю, если бы не было компьютеров и планшетов, то мир был бы намного лучше», «Так вот сейчас я вам скажу, что я думаю по этой теме»; «Что бы я делал, если бы не существовал компьютер?», «Я очень часто задаю себе вопрос: «Что станет с современным человеком, если у него отнять гаджеты?»»; «Если бы не было компьютера, то я бы сначала расстроился и заплакал», «Если бы у меня не было компьютера, то я бы проводил больше времени на улице» (Здесь и далее в примерах из текстов сочинений сохранена орфография, пунктуация оригинала). Начав с Я-коммуникации, пишущие, как правило, и дальше придерживаются этого речевого формата,

прямо реализуя личностное начало в структуре текста.

Второй вариант коммуникативной организации текстов сочинений отличается косвенным выражением личностного начала. Авторы таких сочинений включают себя в социальные группы, растворяют коммуникативного субъекта внутри рассуждений о компьютерном феномене, техническом прогрессе, отношениях между членами семьи, друзьями: «Если бы не было компьютеров и планшетов, то сейчас, чтобы пообщаться с другом, живущем на другом континенте, пришлось бы отправлять письмо, а потом еще долго ждать ответа», «Если бы не было компьютера, дети уделяли бы больше времени своим родителям, друзьям, братьям и сестрам», «Большинство из нас современных, цивилизованных людей не представляют свою жизнь без информационно-коммуникационных технологий». Соединение себя с другими членами социума (*дети, юное поколение, современные люди, люди* и пр.) в начале текстов, во 2 – 3-м высказывании уходит на второй план: скрытый коммуникативный субъект трансформируется в эксплицитный, косвенная коммуникация превращается в Я/Мы-коммуникацию.

Третий вариант коммуникативной организации текстов сочинений – общая характеристика глобальности технического прогресса/деградации, времени и мира, лишенная выраженного коммуникативного начала: «Компьютеры, планшеты и прочие современные гаджеты – величайшее изобретение человечества», «Планшет и компьютер – это вещи, которые человек создал в настоящее время», «Наш век – это век информационных технологий», «21 век – это время, когда происходит много нового, интересного во всем мире». Авторы сочинений этой группы либо продолжают рассуждать в заданном глобальном направлении, либо переходят к «я-коммуникации», сужают масштаб рассуждений до анализа своей личной жизни.

Таблица 4. Коммуникативная организация текстов сочинений учащихся 7-х классов на тему «Если бы не было компьютеров и планшетов, то...» 2015 г.

Table 4. Communicative organization of the texts of the 7th-grade students' essays on the topic "If there were no computers and tablets ..." (2015)

Эксплицитная Я-модель	Косвенная коммуникация, включающая субъекта в социальную группу	Отсутствие выраженного коммуникативного начала за счет преобладания характеризующей речевой стратегии текста
26 %	41 %	33 %

Таблица 5. Выбор модальности и способа семантического развития текстов сочинений учащихся 7-х классов на тему «Если бы не было компьютеров и планшетов, то...» 2015 г.

Table 5. Choice of modality and the way of semantic development of the 7th-grade students' essays on the topic "If there were no computers and tablets ..." (2015)

Реальная модальность	Гипотетическая модальность
51,3 %	48,7 %
Способ семантического развития замысла	
«мир ↔ прогресс ↔ люди ↔ «передача информации и ее поиск» ↔ «организация жизни» ↔ «я и мои близкие»	«мир ↔ прогресс ↔ время ↔ люди ↔ занятия и отношения с другими людьми»; «я ↔ прогресс ↔ время ↔ люди ↔ занятия и отношения с другими людьми»
Отбор слов (тематические группы)	
«мир», «жизнь», «люди», «семья», «информация», «развитие/прогресс», «время/пространство»	«техника», «прогресс», «мир», «люди», «семья», «отношения между людьми», «эмоции, чувства», «время/пространство»
Актуализация концептов	
Базовый концепт <i>техника</i> представлен в процессе актуализации других концептов. <i>Когнитивные структуры</i> «устройства»: компьютер, планшет, гаджеты, игровая приставка, универсальная машина, техника, монитор; «результаты технологических действий»: изобретение, наука, интернет, электронное устройство	Базовый концепт <i>техника</i> доминирует. <i>Когнитивные структуры</i> «устройства»: компьютер, планшет, гаджет, машина, устройство; магнитофон, смартфон, печатная машинка; «результаты технологических действий»: изобретение, технология, интернет, беспроводной интернет, инновации; «информация и ее передача»: видеосвязь, информация
Ведущие взаимосвязанные концепты: – <i>Время</i> – когнитивные структуры « <i>время как период</i> »: настоящее/прошлое/будущее; « <i>время как собственность</i> »: наше, проводить; экономить/ тратить, убить; польза/бесполезность; – <i>Жизнь/Мир</i> – когнитивные структуры « <i>работа</i> »: работа, рабочее место; « <i>качество жизни</i> »: облегчать жизнь, новое в мире и жизни; « <i>общение</i> » – общаться, ходить в гости, писать письма; – <i>Люди</i> – когнитивные структуры « <i>часть – целое</i> »: человек, люди, человечество, подросток; « <i>качество жизни и деятельности</i> »: возможности, решение задач, виртуальные путешествия, заложники техники, самосовершенствование; « <i>общение</i> »: реальное/виртуальное, эмоции, связь с другими людьми, « <i>достижения</i> »: выход в космос, лечение смертельных болезней, высокие и надежные здания и мосты, блага цивилизации; – <i>Информация</i> – когнитивные структуры « <i>поиск – обладание – потеря</i> », « <i>скорость</i> », « <i>комфорт</i> »: искать, получать, обмениваться, скорость, быстро, удобно	Связанные с базовым концепты: – <i>Семья</i> – когнитивные структуры « <i>члены семьи</i> »: я, мы, родители, брат, сестра; – <i>Друзья</i> – когнитивные структуры « <i>общение</i> »: реальные/виртуальные, общение; – <i>Детство</i> – когнитивные структуры « <i>дети/ взрослые</i> », « <i>досуг, общение</i> »: мы/родители, досуг наш/их, общение – помощь; игрушки, играть; – <i>Деятельность</i> – когнитивные структуры « <i>учеба</i> », « <i>занятие</i> », « <i>приобретение</i> », « <i>информация</i> »: учиться, читать, выписывать; воспроизвести; заниматься делами, спортом, живописью; покупать; добывать информацию; – <i>Досуг</i> – когнитивные структуры « <i>деятельность</i> », « <i>общение</i> »: гулять, играть, общаться, обсуждать вопросы; – <i>Жизнь/Мир</i> – когнитивные структуры « <i>время</i> », « <i>оценка</i> », « <i>информация</i> », « <i>отношения людей</i> », « <i>эмоциональное состояние людей</i> » – современная и прошлая, с техническими средствами и без; лучше/хуже, больше/меньше; нормально; сплоченнее; деградировать, умирать от скуки; добывать/передавать информацию; реальный/нереальный, виртуальный

Анализ частотности описанных коммуникативных сценариев показывает преобладание речевой организации второго типа, что можно связать с выбо-

ром темы и характером ее постановки в виде гипотетического высказывания.

Следует отметить также, что все выявленные группы коммуникативной организации текстов в той или иной степени отражают разные направления учебного дискурса по русскому языку, нацеленность процесса обучения предмету в школе на формирование навыков создания текстов в формате части «С» ЕГЭ (структура «тезис – аргументы» просматривается не в одном тексте письменных работ).

Семантическая организация текстов сочинений. Данный аспект анализа может быть эффективен, если использовать предложенную в свое время Н. И. Жинкиным систему учета взаимосвязанных параметров, позволяющих запечатлеть «грамматику говорящего»: отбор слов, распределение предметных признаков, выделение предикатов, связь предложений [8, с. 188 – 192]. К этому перечню можно добавить выбор модальности текста, определяющей грамматические параметры высказываний и их предикатов, – реальная/гипотетическая. Поскольку тема текста задана гипотетическим высказыванием, то прямая реализация указанного замысла была передана с помощью гипотетической модальности как ведущей для текстовой семантики. Анализ этой стороны текста показывает, что работы разделились практически поровну, незначительный перевес оказался на стороне текстов, представляющих реалистическую картину действительности (таблица 5).

Отбор слов. Выбор модальности текста напрямую связан с замыслом говорящего и отбором слов в процессе его реализации.

В группе сочинений, объединенных гипотетической модальностью, отбор слов ограничен тематическими группами «техника», «прогресс», «мир», «люди», «семья», «отношения между людьми», «эмоции, чувства», «время/пространство», развивается в направлениях «мир ↔ прогресс ↔ время ↔ люди ↔ занятия и отношения с другими людьми», «я ↔ прогресс ↔ время ↔ люди ↔ занятия и отношения с другими людьми».

Выбор средств может менять последовательность, но сам набор остается неизменным: «Что было бы, если бы не было компьютеров и планшетов? Наверно, мир бы деградировал, точно так же, как и сейчас, только с другим уклоном. Но если бы изначально никто не придумал этого и ничего бы не было, то скорее всего мы бы больше времени проводили на улице с друзьями или в семье, читали бы книги или бы мир был просто скучен»; «Если бы у меня не было компьютера, я бы поводил больше времени на улице. Может быть начал заниматься спортом еще одним. Я бы больше времени проводил с семьей, друзьями»; «Если бы не было компьютера, то я бы сначала расстроился и заплакал. Затем попытался бы воспроизвести копию. Если бы у меня это не вышло то я бы стал заниматься другими делами»; «Я думаю, если бы у нас не было компьютеров, планшетов и прочих подобных штук, мы занимались бы тем же, чем и наши родители в детстве. Мы днями пропадали бы на улице с друзьями играя в «войнушку». Ходили бы в походы и на рыбалку. Мы лучше бы учились и больше читали. Больше помогали родителям по дому. И самое главное – у нас было бы больше реальных друзей, чем виртуальных».

Во второй группе сочинений отбор слов охватывает тематические группы «мир», «жизнь», «люди», «семья», «информация», «развитие/ прогресс», «время/пространство». Семантическое развитие текста происходит по линиям «мир ↔ прогресс ↔ люди ↔ «передача информации и ее поиск» ↔ «организация жизни» ↔ «я и мои близкие»: «Компьютеры, планшеты и прочие современные гаджеты – величайшее изобретение человечества. Трудно представить себе какое-нибудь рабочее место без компьютера, стоящего на столе. Люди создали универсальную машину, помогающую решить многие задачи и ответить на многие вопросы»; «Сейчас очень трудно представить, как люди еще совсем недавно обходились без этой техники. Компьютер используют в школе, на работе и дома. Компьютер экономит много времени на поиск информации»; «Без компьютеров жизнь была бы другой. Чтобы пообщаться с бабушкой, живущей в другом городе, пришлось бы взять листок бумаги и написать ей письмо. А что будет делать моя мама, когда захочет найти какой-нибудь новый интересный рецепт? Она достанет с дальней полки шкафа кулинарную книгу, а может даже пойдет к соседке».

Анализ выбора слов в сочинениях показывает сходство тематических групп лексики и ограниченность используемых наборов. Имея изначально разные замыслы, говорящие на определенном этапе развертывания текста реализуют их с помощью сходных средств.

Распределение предметных признаков. Данный параметр важен в том отношении, что он показывает, каким образом осознает предмет речи автор текста, разлагает его на ряд компонентов, означает ментальные операции (на уровне слова, высказывания, текста), формирует логические субъекты и предикаты способы отношений между ними.

Сочинения школьников г. Омска проявляют связь выбора способа семантического развития текста и распределения предметных признаков.

В первой группе текстов сценарий «я ↔ прогресс ↔ время ↔ люди ↔ занятия и отношения с другими людьми» связан с выдвижением в качестве доминантного предмета личность самого пишущего, индивидуально или коллективно акцентированного с помощью личных местоимений и наименований членов семьи (я, мы, мои родители, мама, сестры, братья, друзья, одноклассники).

В этой же группе текстов вторая разновидность семантического сценария «мир ↔ прогресс ↔ время ↔ люди ↔ занятия и отношения с другими людьми» связана со сменой предметных признаков. Начальные части сочинений характеризуются коллективным антропоцентрическим предметом *люди*, который по ходу текста сменяется обобщенным личностным предметом *мы*. Наименования предметов в текстах этой разновидности не меняется (*мы, люди, человек, ребе – студенты, старшеклассники*), часты формально бес- субъектные конструкции, косвенно обозначающие предмет речи.

Сочинения второй группы реализуют сценарий «мир ↔ прогресс ↔ люди ↔ «передача информации и ее поиск» ↔ «организация жизни» ↔ «я и мои близкие» с помощью указания на неодушевленный пред-

мет, связанный с базовым концептом текста, – *компьютер, планшет, гаджет*. В ряде сочинений предмет не меняется по ходу развития текста, номинируется ключевой лексемой *компьютер* или обобщенными наименованиями *техника, машина*. В другой разновидности текстов данной группы появляются еще два взаимосвязанных предмета – *люди, информация, общение, книги*.

Общая картина распределения предметных признаков в текстах сочинений учащихся 7-х классов школ г. Омска не отличается значительными вариациями предметов речи и способов их означивания (таблица 6).

Выделение предикатов. Предикаты, «последовательно дополняя друг друга, раскрывают состав и соотношение признаков неизвестного ранее предмета действительности» [8, с. 192]. Это параметр показывает иерархию семантических блоков текста, акцентирование ряда смыслов, их устойчивость и вариативность.

Группа сочинений, объединенных гипотетической модальностью и «я-коммуникативной моделью», содержит предикаты психофизической сферы человека (*думаю, считаю, представляю, расстроиться, заплакать*) в начальных частях текстов, акциональные предикаты и сочетания с ними, передающие разные типы деятельности и отношений (*заниматься делами, заниматься живописью; ходить в походы, гулять; делать, играть; учиться, читать; общаться, встречаться*) в основной части текста, оценочные предикаты – в завершающем компоненте (*стало бы лучше, было бы больше, хорошо – плохо – отлично; хорошо; зря – не зря, возможно – невозможно*). Такое распределение отражает смысловое движение текста от выражения мнения автора к заданной в названии ситуации, описанию возможностей ее альтернативного развития (эта часть более или менее вариативна) и к подведению оценочного итога.

В группе сочинений с этой же модальностью и косвенным типом коммуникации наборы предикатов основной и заключительной частей текстов сходны. Различия данного аспекта речевых произведений сосредоточены в начальных частях: лексемы, передающие ментальные действия, психофизические состояния, отсутствуют. Пишущие употребляют слова и словосочетания с семантикой обладания/потери, приобретения; деятельности, использования (*использовать, приобрести, потерять, найти; создать, открывать возможности*). Основная часть текста отражает картину настоящего/будущего или прошлого/настоящего. В этой части текстов предикатная лексика схожа с лексикой аналогичных частей сочинений первой группы.

Сочинения, передающие общую характеристику глобальности технического прогресса/деградации, времени и мира (третья группа с точки зрения организации коммуникации), содержат в начальных частях акциональные предикаты физического воздействия на объект, движения (*атаковать, идти, открывать*), зависимости (*зависеть*), расположения в пространстве (*находиться*), оценочные предикативные группы (*величайшее изобретение, удобные вещи*). Такой предикативный набор не случаен: начальные

части текстов сочинений данной группы описывают современное состояние окружающего мира, в котором доминируют компьютеры, и люди, зависящие от них.

Основные части сочинений указанного типа содержат амбивалентные оценочные предикаты (*тяжело / легко, хорошо / плохо, лучше / хуже, положительный / отрицательный*), акциональные предикаты физических действий и движения (*ходить, гулять, играть, бегать, стрелять*), предикаты внимания и отношений между людьми (*уделять внимание, общаться, связаться, следить*), интеллектуальных действий (*изобретать, узнавать, развиваться*), передачи / получения информации (*передавать, получать, забить в поиск*). Предикативное разнообразие определяется смысловой стратегией пишущих в основной части сочинения показать достоинства и недостатки технического прогресса. Поэтому здесь развиваются две семантические линии, заданные двунаправленными тактиками «с одной стороны»/«с другой стороны».

Завершающие части таких текстов содержат предикаты мнения, эмоционального отношения, мышления (*считать, полагать, думать, рассуждать, рад, нравиться*), оценки, модальности (*хорошо/ плохо, тяжело, трудно можно/нельзя, нужно*), экзистенции (*жить, быть*).

Связь предложений во всех типах текстов осуществляется сходным образом. Лексическими средствами связи являются вводные слова, передающие последовательность мыслей говорящего, уверенность/неуверенность, причинно-следственные, гипогиперонимические отношения: *во-первых, во-вторых, с одной стороны, с другой стороны, следовательно, в общем, значит, возможно*.

Структурные средства связи – повторы (лексические – ключевые слова *компьютер, планшет, техника*); синтаксические – последовательное развитие тем и рем высказываний; единообразие структур предложений, вопросно-ответные конструкции; присоединительные союзы; семантические – сохранение основной темы текста, незначительные отклонения в темы, связанные с основной темой.

Когнитивная организация текстов сочинений. Данный аспект анализа состоит в выявлении набора концептов, актуализированных в речевых произведениях школьников.

Сочинения, написанные в гипотетической модальности, содержат актуализацию базового концепта *техника* (компьютер, планшет, гаджет, машина, устройство, изобретение, технология, интернет, беспроводной интернет, инновации; магнитофон, смартфон, печатная машинка, видеосвязь, информация) и связанных с ним в ментальном лексиконе пишущих концептов *семья* (я, мы, родители, брат, сестра), *дружба* (реальные/ виртуальные, общение), *детство* – *дети/взрослые* (мы/ родители, досуг наш/их, общение – помощь; игрушки, играть), *учеба/ деятельность* (учиться, читать, выписывать; воспроизвести; заниматься делами, спортом, живописью; добывать информацию, покупать), *досуг* (гулять, играть, общаться, обсуждать вопросы), *жизнь/ мир* (современная и прошлая, с техническими средствами и без; лучше/хуже, больше/меньше; нормально; сплоченнее;

деградировать, умирать от скуки; добывать/передавать информацию; реальный/ нереальный, виртуальный) (таблица 5). Средства актуализации концептов и когнитивных структур, повторы ключевых

имен и предикатов текстов, синтаксическая структура однообъектных и разнообъектных высказываний с параллельным и/или цепным развитием тем и рем.

Таблица 6. Распределение предметных признаков и выбор предикатов в сочинениях учащихся 7-х классов на тему «Если бы не было компьютеров и планшетов, то...» 2015 г.

Table 6. Distribution of subject features and choice of predicates in the 7th-grade students' essays on the topic "If there were no computers and tablets ..." (2015)

Группа текстов со сценарием «я ↔ прогресс ↔ время ↔люди ↔ занятия и отношения с другими людьми»	Группа текстов со сценарием «мир ↔ прогресс ↔ время ↔люди ↔ занятия и отношения с другими людьми»	Группа текстов со сценарием «мир ↔ прогресс ↔ люди ↔ «передача информации и ее поиск» ↔ «организация жизни» ↔ «я и мои близкие»
Предметные признаки (выбор субъекта высказывания)		
Доминантный предмет – личность самого пишущего. Предмет не меняется	Смена предметных признаков. 1. Начальные части – коллективный антропоцентрический предмет. 2. Дальнейшее развитие текста – обобщенный личностный предмет	Доминантный предмет, связанный с базовым концептом текста. Предмет может меняться или не меняться
Средства индивидуального или коллективного акцентирования – личные местоимения и наименования членов семьи: <i>Я, мы, мои родители, мама, сестры, братья, друзья, одноклассники</i>	Средства обозначения: 1. Личные местоимения и обобщенные номинации человека: <i>Люди, человек, реже – студенты, старшеклассники.</i> 2. Личное местоимение мн. ч.: <i>Мы</i>	Средства обозначения неизменного предмета: 1. Ключевые лексемы <i>компьютер, планшет, гаджет.</i> 2. Обобщенные наименования <i>техника, машина.</i> Средства обозначения изменяющегося предмета: (см. выше) 3. Обобщенные номинации человека: <i>Люди.</i> 4. Наименования предметов сферы людей и их занятий: <i>Информация, общение, книги</i>
Выбор предикатов (характеристика субъекта высказывания)		
Начальные части текстов		
предикаты психофизической сферы человека: <i>думаю, считаю, представляю, расстроиться, заплакать</i>	слова и словосочетания с семантикой обладания/потери, приобретения; деятельности, использования: <i>использовать, приобрести, потерять, найти; создать, открывать возможности</i>	акциональные предикаты физического воздействия на объект, движения: <i>атаковать, идти, открывать</i> , зависимости: <i>зависеть</i> , расположения в пространстве: <i>находиться</i> , оценочные предикативные группы: <i>величайшее изобретение, удобные вещи</i>
Основные части текстов		
акциональные предикаты и сочетания с ними, передающие разные типы деятельности и отношений: <i>заниматься делами, заниматься живописью; ходить в походы, гулять; делать, играть; учиться, читать; общаться, встречаться</i>	акциональные предикаты и сочетания с ними, передающие разные типы деятельности и отношений: <i>заниматься делами, заниматься живописью; ходить в походы, гулять; делать, играть; учиться, читать; общаться, встречаться</i>	амбивалентные оценочные предикаты: <i>тяжело/легко, хорошо/плохо, лучше/хуже, положительный/отрицательный</i> , акциональные предикаты физических действий и движений: <i>ходить, гулять, играть, бегать, стрелять</i> , внимания и отношений между людьми: <i>уделять внимание, общаться, связаться, следить</i> , интеллектуальных действий (<i>изобретать, узнавать, развиваться, передавать</i>) получения информации: <i>передавать, получать, забить в поиск</i>
Завершающие части текстов		
оценочные предикаты: <i>стало бы лучше, было бы больше, хорошо – плохо – отлично; хорошо; зря – не зря, возможно – невозможно</i>	оценочные предикаты: <i>стало бы лучше, было бы больше, хорошо – плохо – отлично; хорошо; зря – не зря, возможно – невозможно</i>	предикаты мнения, эмоционального отношения, мышления: <i>считать, полагать, думать, рассуждать, рад, нравиться</i> , оценки, модальности: <i>хорошо/плохо, тяжело, трудно, можно/нельзя, нужно</i> , экзистенции: <i>жить, быть</i>

Тенденции актуализации концептов в сочинениях этой группы: чем сложнее замысел пишущего, тем больше в его тексте высказываний, разнообразнее

предметные и предикатные отношения, сложнее тема-рема-тематическая организация, больше компонентов разных когнитивных структур, образованных на базе предметных, реже – оценочных компонентов концептов, представлено.

В сочинениях, написанных в реальной модальности, авторы актуализируют в качестве ведущих взаимосвязанные концепты «время» (наше, настоящее/прошлое/будущее; проводить время; экономить/тратить время), «жизнь» (работа, рабочее место, облегчать жизнь; общаться, ходить в гости, писать письма), «люди» (человек, люди, человечество, подросток; возможности, решение задач, виртуальные путешествия, связь с другими людьми, информация, заложники техники; самосовершенствование), «техника» (компьютер, планшет, гаджеты, игровая приставка, универсальная машина, техника, изобретение, монитор, наука, техника; интернет, электронное устройство), «общение» (реальное/виртуальное, эмоции), «информация» (искать, получать, обмениваться, скорость, быстро, удобно).

Средства актуализации концептов и когнитивных структур, повторы имен и предикатов текстов, связанных с контрастной характеристикой времени/пространства жизни и людей; синтаксическая структура однообъектных и разнообъектных высказываний с цепным развитием тем и рем.

Тенденции актуализации концептов в сочинениях этой группы: последовательное развертывание замысла говорящего, в ходе которого производится введение компонентов одних концептов через средства актуализации когнитивных структур других, образованных на базе предметных, понятийных и оценочных компонентов концептов через сохранение ведущего предмета и изменения его предикатных характеристик, параллельного структурирование тема-рема-тематических отношений; репрезентация разных компонентов одних и тех же концептов, отсутствие явного доминирования концепта «техника».

Прагматические особенности сочинений. Речевые произведения школьников отличаются невысоким уровнем выражения эмоций. Экспрессивная и образная стороны текстов проявлены слабо. Способы их передачи – риторические вопросы, реже – восклицательные предложения. В организации текстов преобладают рациональные оценки: пишущие рассуждают о том, почему хорошо/плохо жить в компьютеризованном мире, пытаются доказать свою позицию. Негативная характеристика технического прогресса передается с помощью стратегии критики виртуального общения, в которой просматривается точка зрения поколения бабушек и дедушек: «Играя в компьютерные игры, мы забываем про реальную жизнь и живем только в виртуальной», «Сейчас современная молодежь увлечена только компьютером». «В какой-то степени мы деградируем. И иногда это переходит все рамки», «Дети в малом возрасте уже умеют их использовать, хотя мы в это время играли в игрушки», «Мы хотя бы учиться бы начали, но нет ... напридумывали электроники и теперь школьники и многие

взрослые не вылезают из телефонов, планшетов и компьютеров».

Ортологический аспект сочинений. В текстах сочинений было допущено незначительное количество ошибок, чувствуется подготовительная работа и последующая проверка. Типичными пунктуационными нарушениями являются пропуски запятых перед началом придаточных частей в многоструктурных сложных предложениях, пропуски запятых при оформлении вводных слов и приложений; орфографические ошибки сосредоточены в области правописания безударных гласных в окончаниях глаголов, приставок при - / при-. Явных грамматических и речевых ошибок нет. При этом речь письменных текстов не всегда отличается книжностью и нейтральностью, заметно влияние устной речи вообще и разговорной в частности на уровне лексики (употреблении разговорных слов и грамматических форм), синтаксиса (наличие парцелированных конструкций, неполных предложений, нарушения порядка слов).

Выводы

Проанализировав сочинения школьников г. Омска на тему «Если бы не было компьютеров и планшетов, то...», можно сделать предварительные выводы о качестве письменной речи учащихся 7-х классов, уровне языковой способности и речевой компетенции.

Изменения, происходящие в русской письменной коммуникации, ощутимы и в текстах школьников в той части, которая связана с приближением литературной письменной речи к т. н. «естественной» (устной, разговорной). Последнее указывает на смещение представлений о стилевых и коммуникативных нормах при соблюдении грамматических, лексических конвенций. В целом речевая компетенция сформирована на уровне среднего возрастного порога.

Языковую способность, учитывая средний объем и структурную организацию текстов, можно оценить как достаточно развитую, поскольку вербализация ментального содержания происходит с помощью адекватных языковых средств, выбранных в соответствии с целями коммуникации. Когнитивные механизмы означивания в основном не нарушаются. При этом значительных фрагментов ментального лексикона школьников, объемных связей между его единицами не было зафиксировано.

Замыслы пишущих не отличались большим разнообразием, как и наборы средств, их реализующих.

В текстах незначительны образные составляющие, эмоции передаются редко, преобладает рациональный тип оценки. Для вербализации указанных экспрессивных комплексов привлекаются стереотипные единицы лексического и синтаксического типа.

Сочинения отличаются отсутствием интертекстуальных включений. В них не встретилось упоминаний о художественных и нехудожественных текстах, используемых в учебных программах по русскому языку и литературе, что можно связать как с постановкой темы, так и с выбором стратегий развертывания замысла пишущих.

Литература

1. Бутакова Л. О. Диагностика состояния языковой способности и речевой компетенции как компонентов языкового сознания индивида: теория vs практика? // Филологический ежегодник. Вып. 5 – 6. Омск: Изд-во Омского ун-та, 2005. С. 244 – 255.
2. Бутакова Л. О. Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка: Региональное экспериментальное исследование: монография. Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, «Вариант-Омск», 2010. 160 с.
3. Бутакова Л. О. Качества письменной речи сквозь призму отношений «автор-текст» // Русский язык в школе. 2001. № 1. С. 23 – 29.
4. Бутакова Л. О. Языковая способность, языковая компетенция: способы лингвистической диагностики языкового сознания индивида // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / под ред. В. А. Пищальниковой. М.: МГЭИ, 2004. Вып. 7. 316 с. С. 25 – 39.
5. Голев Н. Д. Письменная коммуникация новейшего времени: основные векторы развития // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. Вып. № 2(18). С. 5 – 17.
6. Голев Н. Д. Речеведение и риторика как основа содержания школьного курса "Русский язык" // Лингвистика и школа: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Л. Б. Парубченко. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 95 – 102.
7. Дымарский М. Я. Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: сб. статей. М., 2006. С. 173 – 186.
8. Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся III – VIII классов // Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М.: Лабиринт. 1998. 368 с.
9. Пищальникова В. А. Интеграция лингвистических дисциплин как объективная необходимость развития современного языковедения // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / под ред. В. А. Пищальниковой. М.; Барнаул, 2003. Вып. 6.
10. Пищальникова В. А. Психолингвистика и современное языковедение // Методология современной психолингвистики / под ред. В. А. Пищальниковой. М.; Барнаул, 2003.
11. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.
12. Яковченко Е. В. Экспериментальное исследование языковой способности в условиях учебного двуязычия: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003.

Информация об авторе:

Бутакова Лариса Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, славянского и классического языкознания Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, larisabut@rambler.ru.

Статья поступила в редколлегию 16.02.2016 г., принята к печати 06.06.2016 г.

LANGUAGE ABILITY, SPEECH COMPETENCE IN THE FORMAT OF NON- / NATURAL WRITTEN SPEECH (based on schoolchildren's essays)

Butakova Larisa O.^{1, @, *}

¹ *Omsk Dostoevsky State University*
[@] *larisabut@rambler.ru*

^{*} *The work was supported by the RFH Grant No. 15-04-00325a «Childhood in discursive space of the region: a comprehensive analysis of the institutional and personal communications with the participation of the child»*

Abstract: The paper shows the possibilities of psycholinguistic description of language ability and speech competence of native speakers, based on the analysis of schoolchildren's essays. The author takes into account the changes that have taken place with native speakers associated with the early inclusion of children in the communication on a global scale in the Internet, changes in their leisure time, in Russian written communication in general. The paper demonstrates the structural, communicative, semantic, cognitive analysis of texts on the example of the 7th-grade students' essays on one topic. The author explains the resulting picture on the basis of the theory of speech activity, draws conclusions about the development of the cognitive mechanisms that provide for the formation of meanings, their transfer to the language units, selected depending on the communication objectives and compliance with the language convention (norm).

Keywords: speech activity, speech competence, theory of speech activity, cognitive mechanisms.

For citation: Butakova L. O. Language ability, speech competence in the format of non- / natural written speech (based on schoolchildren's essays). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 101 – 110.

References

1. Butakova L. O. Diagnostika sostoiianiia iazykovoi sposobnosti i rechevoi kompetentsii kak komponentov iazykovogo soznaniia individa: teoriia vs praktika? [Diagnosis of language ability and competence as the components of speaking linguistic consciousness of the individual: theory vs practice?]. *Filologicheskii ezhegodnik – Philology Year-book*, Iss. 5-6 (2005): 244 – 255.
2. Butakova L. O. *Dinamika razvitiia iazykovoi sposobnosti i rechevoi kompetentsii nositelei russko-go iazyka: Regional'noe eksperimental'noe issledovanie* [The dynamics of development of language skills and speech competence of the Russian language native speakers: Regional experimental research]. Omsk: Omsk. gos. un-t im. F. M. Dostoevskogo, «Variant-Omsk», 2010, 160.
3. Butakova L. O. Kachestva pis'mennoi rechi skvoz' prizmu otnoshenii «avtor-tekst» [Quality of writing through the prism of the "author-text" relations]. *Russkii iazyk v shkole – Russian language at school*, no. 1 (2001): 23 – 29.
4. Butakova L. O. Iazykovaia sposobnost', iazykovaia kompetentsiia: sposoby lingvisticheskoi diagnostiki iazykovogo soznaniia individa [Language ability, language competence: methods of linguistic diagnostics of the consciousness of the individual human being]. *Iazykovoie bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskie i kognitivnyi aspekty – Language and ethnicity: psycholinguistic and cognitive-tion aspects*, Moscow, MGEI, Iss. 7 (2004): 25 – 39.
5. Golev N. D. Pis'mennaia kommunikatsiia novieshego vremeni: osnovnye vektory razvitiia [Written communication of modern times: the main vectors of development]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Bulletin of the Tomsk State University. Philology*, no. 2(18) (2012): 5 – 17.
6. Golev N. D. Rechevedenie i ritorika kak osnova soderzhaniia shkol'nogo kursa "Russkii iazyk" [Speech study and rhetoric as the basis of the content of school course "Russian language"]. *Lingvistika i shkola: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Linguistics and school: Proc. All-Russian Sc.-Prac. Conf.]. Ed. Parubchenko L. B. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2001, 95 – 102.
7. Dymarskii M. Ia. Rechevaia kul'tura i rechevaia manera (k probleme otsenki normativnosti rechevoi praktiki) [Speech culture and manner of speech (to the problem of assessment of the normative speech practice)]. *Russkii iazyk segodnia. Vyp. 4. Problemy iazykovoi normy* [Russian language today. Iss. 4. Problems of the linguistic norm]. Moscow, 2006, 173 – 186.
8. Zhinkin N. I. *Iazyk. Rech'. Tvorchestvo. Issledovaniia po semiotike, psikholingvistsiki, poetike* [Language. Speech. Creativity. Studies of semiotics, psycholinguistics and poetics]. Moscow: Labirint, 1998, 368.
9. Pishchal'nikova V. A. Integratsiia lingvisticheskikh distsiplin kak ob'ektivnaia neobkhodimost' razvitiia sovremennogo iazykovedeniia [Integration of linguistic disciplines as an objective need for the development of modern linguistics]. *Iazykovoie bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskie i kognitivnyi aspekty* [Linguistic being of the individual and the ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects]. Ed. Pishchalnikova V. A. Moscow; Barnaul, Iss. 6 (2003).
10. Pishchal'nikova V. A. Psikholingvistika i sovremennoe iazykovedenie [Psycholinguistics and modern linguistics]. *Metodologiya sovremennoi psikholingvistiki* [The methodology of modern psycholinguistics]. Ed. Pishchalnikova V. A. Moscow; Barnaul, 2003.
11. Sirotina O. B. *Russkii iazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [The Russian language: the system, the usus and the risks they create]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2013, 116.
12. Iakovchenko E. V. *Eksperimental'noe issledovanie iazykovoi sposobnosti v usloviakh uchebnogo dvu-iazychiia*. Diss. kand. filol. nauk [Experimental study of language ability in terms of educational bilingualism. Cand. filol. Sci. Diss.]. Barnaul, 2003.

Received 16.02.2016, accepted 06.06.2016.

«РЕЛИКТОВОЕ ЧУВСТВО»: ПОРЯДОЧНОСТЬ ПО ДАННЫМ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

С. Г. Воркачев^{1, @}

¹ Кубанский государственный технологический университет
@svork@mail.ru

Аннотация: На материале «Национального корпуса русского языка» исследуются семантическая структура, семантическая эволюция и особенности речевого употребления лексических единиц «порядочность» и «порядочный человек». Устанавливается, что: порядочность как категория морального сознания оценочно амбивалентна; в речевом употреблении лексических единиц «порядочность» и «порядочный человек» наблюдаются явные сдвиги в семантике и перераспределении мест их лексико-семантических вариантов, а также появление речежанровой окраски; в определенной части контекстов эти показатели способны функционировать как лингвоидеологемы – менять свой аксиологический знак на противоположный при смене «пользователя» языка; психологический статус порядочности для носителей русского языка остается достаточно неопределенным; в контекстах речевого употребления показателей порядочности вербализуются отдельные «факторы порядочности» (честность, правдивость, верность, искренность, доброта, принципиальность, отзывчивость, справедливость и пр.); наблюдения над атрибутивным расширением имен «порядочность» и «порядочный человек» свидетельствуют о градуативности этого морального качества; существует определенная иерархия признаков порядочности, в которой выделяются признаки обязательные и признаки факультативные.

Ключевые слова: порядочность, порядочный человек, этическая норма, факторы порядочности.

Для цитирования: Воркачев С. Г. «Реликтовое чувство»: порядочность по данным корпусной лингвистики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 111 – 116.

Констатируется, что в настоящее время слово «порядочность» относится к числу «забытых» наряду со словами «честь», «совесть», «родина», «интеллигент», «галюши», «мещанин» и пр. и его уже можно включать в синодик – поминальный список личных имен живых и усопших [11, с. 499 – 521]. Это, конечно, преувеличение – оно отнюдь не забыто и из лексической системы русского языка не ушло, в то же самое время, несомненно, частотность его речевого употребления заметно снизилась.

По мысли Аристотеля, «языковые выражения суть знаки для душевных впечатлений» [8, с. 12], и снижение частоты речевого употребления первых, безусловно, свидетельствует о том, что из сознания уходят и вторые, – выпадение из речевого обихода какого-либо слова, как правило, указывает на утрату общественной значимости той реалии, к которой оно отправляет.

Порядочность как совокупность специфических норм регулирования социального поведения – категория обыденной, «наивной» этики, включающей лингвокультурные концепты – «понятия жизненной философии» [1, с. 3 – 6]; «обыденные аналоги мировоззренческих терминов» [2, с. 617 – 631], закрепленные в лексике естественных языков и обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса.

В религиозном дискурсе порядочности, очевидно, соответствуют праведность как результат безгрешности – воздержания от запретных действий [3, с. 244 – 245] – и результат последней – блаженство как состояние высшей духовной удовлетворенности и непрекращающейся радости [4, с. 37].

Слово «порядочность» отсутствует в этимологических словарях и это понятно: его «внутренняя форма» вполне прозрачна и его происхождение не требует каких-либо изысканий. В то же самое время, очевидно, нуждается в объяснении семантический переход от порядка как «правильного, налаженного

состояния, расположения чего-либо» [10, с. 515] к «неспособности к низким поступкам» [13, т. 3, с. 619]. Как представляется, недостающее семантическое звено присутствует в толковом словаре Владимира Даля – это ряд значений прилагательного «порядочный»: «**порядочный**, идущий порядком, по порядку, сряду... *Порядочный человек*, любитель порядка, или ведущий, держащий себя изрядно, прилично, как должно» [7, т. 3, с. 327], где наглядно представлен перенос упорядоченности «вещного» мира на мир духовный, мир нравственных ценностей и поведенческих норм.

Порядочность – это не отдельное моральное свойство личности, такое как доброта, честность, скромность и пр., но её интегральное, обобщенное свойство: склонность поступать в межличностном общении в соответствии с полным набором этических норм и поведенческих правил, то, что в английском языке передается словом integrity – an uncompromising adherence to a code of moral, artistic or other values; the quality or state of being complete or undivided [14, p. 1174] – «бескомпромиссное следование нормам моральных, художественных или иных ценностей; качество или состояние полноты и целостности».

Порядочность – это некий специфический свод этических норм, предписаний и запретов, регулирующий отношения в социуме. В отличие от норм права нормы порядочности опираются не на закон, а на обыденное моральное сознание, носят «светский», а не религиозный характер, т. е. не предполагают веры в Закон Божий. В то же самое время этические нормы, составляющие кодекс порядочности, не столь ригористичны, как нормы философской этики, и при определенных обстоятельствах допускают исключения.

Наблюдения над контекстами речевого употребления лексемы «порядочность» и словосочетания «порядочный человек/люди» в «Национальном корпусе русского языка» [9] свидетельствуют, в первую очередь, о явных сдвигах в семантике этих лексиче-

ских единиц и о перераспределении мест их ЛСВ на протяжении последних двухсот лет: порядочность от приличия – соблюдения внешних и формальных норм и обычаев («Деревенские *приличия* или, вернее, деревенская *порядочность* строго преследует всякое поползновение к нарушению в церкви благоговейной тишины» – Чехов, 1884) – становится свойством души («Или сказывается чрезмерная *внутренняя порядочность*, когда человеку сложно себя кому-то навязывать?» – Искусство кино, 2003.06.30); она «демократизируется» – из знатности, «породистости», принадлежности к высшим слоям общества («Ваше Высочество, сельди здесь не едят *порядочные люди*, а только *простой народ*» – Боголюбов, 1888) и атрибута зажиточности («Это профиль человека, который ездит на резине, имеет свои собственные дома, дачу в Крыму, лакея, который докладывает каждый день о состоянии погоды, – одним словом, живет *порядочным человеком*» – Мамин-Сибиряк, 1894) становится достоинством любого человека.

Эти наблюдения свидетельствуют также об их речевановой окраске: они регулярно появляются в составе всяческих панегириков – здравий, юбилейных и надгробных речей – и в текстах самопрезентации и саморекламы – брачных объявлениях: «Эрудиция, богатый опыт, профессионализм, высокая самоотдача, трудолюбие, человеческая *порядочность* и честность, чуткость по отношению к людям, чувство юмора – вот далеко не полный перечень достоинств этого человека» (Пермский строитель, 2004.06.07); «Необходимы: молодость, красота, здоровье, *порядочность* и содержательность» (Брачные объявления // Новое время, 1908.03.15); «Аденома. Инфекции. *Порядочность*. Тел. 184-61-17» (Объявления // Столица, 1997.12.08).

Контексты речевого употребления слов «порядочность» и «порядочный человек» отражают сетования носителей языка по поводу дефицита порядочности и порядочных людей («Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как *мало* честных, *порядочных людей*» – Чехов; «Скажу вам откровенно, я прямо поражаюсь отсутствию у нас *порядочных людей*» – Устрялов) и констатацию исчезновения понятия порядочности, а также выхода из речевого оборота соответствующего слова («Из нашего языка куда-то вдруг *исчезли* понятия чести, совести, человеческого достоинства, верности принципам, *порядочности*, благородства» – Серова; «Вот *вышли из моды* вечные истины: гуманизм, добро, *порядочность*» – Вестник США, 2003.07.23). Порядочность причисляется к пережиткам, получает эпитет «реликтовой» («На фоне коммерческого разгула, идейного празднословия и безобразной безвкусицы Шефнер, естественно, выглядел пуританином, а его старинная учтивость и *реликтовая порядочность* бросали вызов удалой вседозволенности» – Кузьмичев), объявляется «старомодным понятием» («Что-то надломленное в ней все больше тяготело к таким *старомодным*, казалось бы, понятиям, как “совесть”, “*порядочность*”, “доброта”, именно их вышелушивало из жесткого императива будней» – Кабо) и «устаревшим качеством души» («И каковы взгляды работников завода на всех уровнях, скажем, на такое *устаревшее качество души*, как *порядочность*» – Прашкевич-Богдан).

По данным речевого употребления лексем «порядочность» и «порядочный человек/люди» это «качество души» оценочно амбивалентно.

С одной стороны, теоретически (вообще или для других) порядочность представляет собой высшую ценность («Времена меняются, а человеческая *порядочность* – вечная ценность» – Быков-Деркач), за обладание которой человека уважают и ценят («За честность, *порядочность* и трудолюбие его уважают и ценят учащиеся и педагоги, очень любит семья» – Уральский автомобиль, 2004.01.31). В то же самое время практически (для себя) порядочность достаточно вредоносна, поскольку «самое невыгодное, бесполезное и глупое – это быть *порядочным человеком*» (Вертинская). Порядочность заведомо проигрывает подлости («*Порядочный человек* перед подлецом – бессилён: он не может воспользоваться его оружием» – Бабаян) и за неё приходится расплачиваться («Может быть, понимание того, что за *порядочность* так или иначе надо платить» – Искандер). Порядочность – это условность («Условности, именуемые *порядочностью* или корпоративной этикой, для обоих ничего не значили» – Скворцов), с помощью которой в жизни не преуспеть («Честностью и *порядочностью* вы ничего не добьётесь» – Женщина + мужчина: Брак (форум), 2004), рассчитывать на неё не следует («Мы никогда не ошибаемся, если рассчитываем на человеческое свинство, – сказал Служкин. – Ошибаемся, лишь когда рассчитываем на *порядочность*» – Иванов).

Наблюдения над речевым употреблением лексем-показателей порядочности свидетельствуют также о том, что в определенной части контекстов они способны функционировать как лингвоидеологемы: они способны менять свой аксиологический знак на противоположный («плюс» на «минус» и наоборот) при смене «пользователя» языка – субъекта-носителя идеологии [5, с. 4; 6, с. 76]. Так, люди, по меньшей мере, не симпатизирующие существующему порядку вещей в современном им обществе (Н. Г. Чернышевский Л. Н. Толстой, М. Горький, О. Э. Мандельштам и др.), порядочность и её «носителей» – порядочных людей – оценивают отрицательно: «Пошлость, которую он сделал, была бы сделана очень многими другими, *так называемыми порядочными людьми* или лучшими людьми нашего общества; стало быть, это не иное что, как симптом эпидемической болезни, укоренившейся в нашем обществе» (Чернышевский); «Все *порядочные люди* – это идейные мещане... *Порядочность* – мещанский идеал. *Порядочный человек* образуется из платонического почтения к великим реформам и скрытой боязни будочника» (Горький).

В оценочных характеристиках порядочности просматривается некий парадокс: если обладание этим моральным качеством представляет собой норму («Уровень его *порядочности* был явно выше тогдашней *нормы*» – Бовин; «Он хочет от нас просто *элементарной порядочности*, чтобы мы были *нормальными людьми*» – Протоиерей Димитрий Смирнов), то почему же в жизни столь редко встречаются его носители? («Поймут ли когда-нибудь люди, что в иные моменты легче быть *героем*, чем остаться просто *порядочным человеком*?» – Бакланов; «Разве быть честным, *порядочным человеком* в наше время – не *подвиг*?» – Терехов).

Одной из характеристик порядочности выступает также относительность: ориентация её «носителей» на определенную социальную группу, в которую они, естественно, включают себя и на членов которой распространяются нормы порядочности: «Обыкновенно же все общественные обычаи муравьиных обществ, *все правила «порядочности» обязательны только для членов того же муравейника»* (Кропоткин); «Я и о себе говорю, и об Алике, и о чудных наших приятелях, которые остались в Питере, считаются нам компанией. Все милые, *порядочные люди*. Не гадают в *своем кругу»* (Владимов).

Порядочность в отличие от морали неригористична и допускает отступления: «Сказать ли правду: ведь *совершенно порядочного человека*, в обширном, полном смысле, *никогда не было*, да и вряд ли будет, как никогда не было совершенного мудреца, совершенно добродетельного человека» (Гончаров).

Она ситуативна – в определенные моменты и при определенных обстоятельствах от неё можно отступить: «Когда придет пора *делить прибыли*, все эти понятия: честь, совесть, *порядочность* – забудутся и не вспомнятся» (Рыбин); «Когда у тебя в кармане такие деньги, то гори она огнем, эта *порядочность!*» (Коллекция анекдотов, 1970 – 2000).

Она частична – может ограничиваться бытом, личной жизнью человека либо его социальной ролью. Чаще всего под порядочностью вообще понимается порядочность, проявляемая в «партикулярном» общении, называемая «личной» и «(обыкновенной/ простой/житейской) человеческой»: «Его хвалили многие; даже друзья Ступина отдавали справедливость его *личной порядочности»* (Леонтьев); «В таком случае давайте же подтвердим ее нашей *человеческой порядочностью*, добротой намерений и собственной способностью доверять и доверяться» (Аграновский).

В то же самое время порядочность может ограничиваться деловой, профессиональной сферой деятельности – быть служебной, административной, торговой, журналистской, актерской, политической, военной и пр.: «Главное достояние компании – ее *деловая порядочность»* (Горная промышленность, 2003.08.27); «Все это обязывает адвокатов дорожить доверием граждан и чутко относиться к их жалобам, быть образцом *профессиональной* и человеческой *порядочности*, нравственной чистоты и бескорыстия» (Литературная газета, 1971.05.05); «И как человек он мне нравился. Особенно нравилась его *служебная порядочность»* (Хрущев); «Простая *политическая порядочность* меня удерживает от критики: они не свободны и не могут ответить» (Кизеветтер); «А Славу постоянно заботила *актерская порядочность*, чистоплотность и, конечно же, моральный климат в коллективе, театральном обществе, городе и во всей стране» (Рецептер); «Где же их *журналистская порядочность*? Зачем приписывать мне то, чего я не говорил?» (Бовин).

Порядочность, естественно, относится к числу этических категорий – добродетелей, идеалов, нравственных принципов: «Не имея возможности подробно останавливаться на содержании рекомендаций по отношениям с каждым из перечисленных партнеров, укажу лишь на их общую основу – *этические параметры* (честность, *порядочность*, надежность, ориентация на долгосрочное сотрудничество, доверие и

т. п.)» (Шихирев); «Не та мягкость характера, которую мы называем добротой и которая может сочетаться с необыкновенной твердостью нравственной позиции, а именно отсутствие *нравственных принципов, составляющих порядочного человека*, полная послушность его среде, конформность» (Эфрос). Однако психологический статус этой моральной категории для носителей русского языка остается достаточно неопределенным – она относится как к рациональной, сознательной области психики, так и к эмоциональной, подсознательной.

С одной стороны, язык классифицирует порядочность как понятие («Из нашего языка куда-то вдруг исчезли *понятия* чести, совести, человеческого Достоинства, верности принципам, *порядочности*, благородства» – Серова), с другой же, она попадает в разряд инстинктов и чувств («Не хватило смелости? Или просто не сработал *инстинкт порядочности?*» – Очаковская; Но *чувство порядочности* осилило – решил по приезду поговорить и, если представится возможность, расстаться» – Шолохов).

«Чувственная», «инстинктивная» квалификация порядочности в контекстах речевого употребления, безусловно, преобладает и, как следствие, определяет атрибуцию этому моральному качеству свойства врожденности: «Он давно бы мог спрыгнуть с мостков и за две-три минуты очутиться дома, к его чести, нужно заметить, он даже не подумал об этом, его удерживало *врожденное чувство порядочности* и долга» (Проскурин); «Слепаки верили в *изначальную порядочность* людей, которых выбрали себе в друзья, и не желали видеть в них двурушников» (Рубин); «А теперь запишите следующее важное замечание: художественной стороне своей натуры я дал заслонить мою *коренную порядочность»* (Набоков); «Сама она была не способна к прохиндейству – по своей *природной порядочности* и какой-то старомодной стыдливой женственности» (Палей).

Наблюдения над речевым употреблением показателей порядочности подтверждают мысль Ю. С. Степанова о близости и даже тождественности нравственного закона и этики интеллигенции, порядочного человека и человека интеллигентного [12, с. 644]: «Убежден, что, если *интеллигенция*, все *порядочные люди* России не поднимут голос против разгулявшихся молодчиков и их политических главарей, беда неминуема» (Яковлев); «*“Подлинный интеллигент”*» (еще говорили: «*порядочный человек*») не вступает в партию и не занимает руководящих постов и т. д.» (Азадовский); «Умница, *интеллигент*, в высшей степени *порядочный человек*» (Булыкин); «Однако несомненная *порядочность* и несомненная *интеллигентность* его мне симпатичны» (Алексеев).

В контекстах речевого употребления показателей этой моральной категории встречается отсылка к свойственной порядочным людям презумпции порядочности: «Что это, уверенность *порядочного человека*, что никто, никогда не будет вести себя с ним непорядочно, или наивность простофили, уравнивающего порядок с добропорядочностью?» (Пятигорский); «Эту трудность он преодолевал самым легким для себя способом – презумпцией полной невиновности любого человека, с которым его сводила судьба, или *презумпцией порядочности*» (Горелик).

В текстах XIX – XX вв. встречается отсылка к своего рода «скрытой кальке» с английского и французского языков в ныне устаревшем значении «порядочного человека»: «Вместе с тем Пушкин не упускает случая поставить грань между профессией поэта и частной жизнью, в которой он является и должен быть принят как *“порядочный человек”, т. е. джентльмен, gentilhomme*» (Тынянов); «Я очень рад, что нашёл в вас *порядочного человека, джентльмена*, способного понимать с полуслова» (Куприн); «Это называется *человек порядочный, un homme comme il faut*» (Булгарин).

В контекстах речевого употребления показателей порядочности в составе предикативной части высказывания могут вербализоваться отдельные «факторы порядочности» (честность, правдивость, верность, искренность, доброта, принципиальность, отзывчивость, справедливость, деликатность, воспитанность, чувство собственного достоинства, бескорыстие, патриотизм, скромность, духовность и пр.): «*Порядочный человек – тот, который не может предать*» (Немцов); «Знаю только одно, что *порядочный человек* никогда не оставит в беде другого, не предаст» (Семья, 2001.11.14); «*Справедливость – доблесть избранных натур, правдивость – долг каждого порядочного человека*» (Ключевский); «*Порядочный человек* нигде и ни в каком случае не должен отступаться от своих убеждений» (Тургенев); «*Порядочный человек* подсознательно требует от себя *полноты справедливости*, чем пользуются люди, плюющие на всякую справедливость» (Искандер); «*Порядочные люди*, мне кажется, не только уважают других, но и себя также, а ведь после сделанной мерзости уважать себя как-то трудно» (Никитин); «*Страшно мне это кажется, как порядочный человек может сделать подлость для своих выгод?*» (Надсон); «А ведь прискорбно будет, поручик, если вы, с вашими познаниями, с вашими способностями, с вашим патриотизмом – потому что *порядочный человек не может не быть патриотом* – прискорбно будет, если со всем этим вы не получите себе приличного места» (Салтыков-Щедрин); «*Развитой и порядочный человек не может быть тщеславен без неограниченной требовательности к себе самому и не презирая себя в иные минуты до ненависти*» (Достоевский).

Как уже установлено, порядочность – «холическая» категория, некая суммарная добродетель, складывающаяся из соблюдения человеком определенного свода этических норм. В список этих норм входят и честность (прежде всего), и честь (достоинство), и обязательность, и справедливость, и бескорыстие, и душевность, и духовность, и деликатность, и принципиальность, однако языковое сознание свидетельствует, скорее, о «парциальности» этой категории: если человек честен, то, считается, что он уже порядочен, если он обязателен, справедлив, принципиален, благороден, воспитан и пр. – то же самое. Этим, очевидно, и объясняется её неригористичный характер, допускающий нарушение части норм.

Наблюдения над атрибутивным расширением имен «порядочность» и «порядочный человек» свидетельствуют о градуативности этого морального качества, как, впрочем, и любой оценочной категории.

С одного конца шкалы порядочность может быть

мненной, абсолютной, патологической, органической, неколебимой, исключительной, необыкновенной, замечательной, неправдоподобной, редкой, подлинной и пр.: «Правда, нечаянно, ибо отличался *патологической порядочностью* и нарочно подслушивать не собирався» (Яхонтова); «Директором института в те годы был Борис Васильевич Ткаченко, человек *органической порядочности* и доброты, немало способствовавший созданию и сохранению в институте здорового психологического климата» (Городницкий); «Но мой английский адвокат был удовлетворен моей *безупречной порядочностью* джентльмена!» (Тарасов).

С другого конца этой шкалы она может быть малой, условной, элементарной, простой и обычной: «Ни в смерти его, ни в жизни его не было никакого величия или хотя бы *малой порядочности*» (Грошек); «Эту чистоту заменяла *условная порядочность* и самая обыкновенная нравственная чистоплотность» (Мамин-Сибиряк); «Кричали о рабстве, хорошо понимая, что рабства нет, а есть при самой *элементарной порядочности* с обеих сторон отношения весьма удовлетворительные, взаимовыгодные» (Меньшиков).

Порядочный человек может быть порядочным в высшей степени, чрезвычайно, безукоризненно, а также относительно и в меру: «*Это в высшей степени порядочные люди*, гордящиеся своей традиционной порядочностью» (Козлов); «Он *чрезвычайно порядочный человек*, и не только он, но и его дети» (Хрущев); «Как уверяют банковские специалисты, знающие его по работе десятки лет, он – *безукоризненно порядочный человек* и высокий профессионал» (Вслух о..., 2003.06.09); «Ехал он скрепя сердце и только потому, что надеялся, что на прииске, куда он был приглашен, управляющий *относительно порядочный человек*» (Станюкович); «Интуиция должна была тебе подсказать обратное: *порядочность* совсем не главное твое достоинство... и *порядочный ты очень в меру*» (Юрский).

Весьма характерна «размытость» и субъективность границ нормы на «шкале порядочности» – если человек делает маленькие пакости, но не совершает крупных подлостей, то он – порядочный: «Ну, а мы и не замечаем этих противоречий и, если *не делаем сами крупных пакостей* и только, как Пилат, умываем руки при виде их или *делаем маленькие подлости*, то уж считаем себя *порядочными людьми*» (Станюкович). Тем не менее, очевидно, существует определенная иерархия признаков/факторов порядочности, некая «табель о рангах», дающая возможность отделять порядочность от непорядочности, в которой выделяются признаки обязательные, выступающие условием *sine qua non* – без которых порядочность оборачивается непорядочностью, – и признаки факультативные, без которых она может обойтись.

Косвенным свидетельством обязательности-факультативности этих признаков/факторов можно считать, очевидно, встречаемость их имен в одном смысловом ряду с именем порядочности, и тогда на первое место здесь выступает честность, неспособность к обману и предательству, за которой идут честь/достоинство и верность принципам. В число факультативных признаков попадут доброта, деликатность, воспитанность (вежливость), чистота/опрятность, терпимость, эстетический вкус и пр.

Наблюдения над речевым употреблением слов «порядочность» и «порядочный человек» в текстах

«Национального корпуса русского языка» позволяют прийти к следующим заключениям. Анализ речевого употребления лексем «порядочность» и «порядочный человек» свидетельствует о явных сдвигах в их семантике и перераспределении мест их лексико-семантических вариантов на протяжении последних двухсот лет: порядочность от приличия – соблюдения внешних и формальных норм и обычаев становится свойством души и «демократизируется» – из знатности, принадлежности к высшим слоям общества и атрибута зажиточности становится достоинством любого человека.

Наблюдения над их речевым употреблением свидетельствуют также об их речежанровой окраске: они регулярно появляются в составе всяческих панегириков и в текстах самопрезентации. Это «качество души» оценочно амбивалентно: теоретически порядочность представляет собой высшую ценность, за обладание которой человека уважают и ценят, но практически она считается достаточно вредоносной, поскольку заведомо проигрывает подлости и за неё приходится расплачиваться.

Наблюдения над речевым употреблением лексем-показателей порядочности свидетельствуют также о том, что в определенной части контекстов они способны функционировать как лингвоидеологемы: они способны менять свой аксиологический знак на противоположный при смене «пользователя» языка – субъекта-носителя идеологии. В оценочных характеристиках порядочности просматривается некий парадокс: если обладание этим моральным качеством представляет собой норму, то почему же в жизни столь редко встречаются его носители? Одной из характеристик порядочности выступает также относительность: ориентация её «носителей» на определенную социальную группу, в которую они, естественно, включают себя и на членов которой распространяются нормы порядочности. Порядочность в отличие от морали неригористична и допускает отступления, она ситуативна – в определенные моменты и при определенных обстоятельствах от неё можно отступить – и частична – может ограничиваться бытом, личной жизнью человека либо его социальной ролью.

Психологический статус этой моральной категории для носителей русского языка остается достаточ-

но неопределенным – она относится как к рациональной, сознательной области психики, так и к эмоциональной, подсознательной: с одной стороны, язык классифицирует порядочность как понятие, с другой же, она попадает в разряд инстинктов и чувств. «Чувственная», «инстинктивная» квалификация порядочности в контекстах речевого употребления преобладает и, как следствие, определяет атрибуцию этому моральному качеству свойства врожденности.

Наблюдения над речевым употреблением показателей порядочности подтверждают её близость и даже тождественность нравственному закону и этике интеллигенции. В контекстах речевого употребления показателей порядочности в составе предикативной части высказывания могут вербализоваться отдельные «факторы порядочности» (честность, правдивость, верность, искренность, доброта, принципиальность, отзывчивость, справедливость, деликатность, воспитанность, чувство собственного достоинства, бескорыстие, патриотизм, скромность, духовность и пр.), которые регулярно воспроизводятся также в одном смысловом ряду с именами порядочности, функционируя, в сущности, как их синонимы.

Наблюдения над атрибутивным расширением имен «порядочность» и «порядочный человек» свидетельствуют о градуативности этого морального качества, которое может присутствовать в характере человека в той или иной мере. Характерна «размытость» и субъективность границ нормы на «шкале порядочности». Тем не менее, очевидно, существует определенная иерархия признаков порядочности, дающая возможность отделять порядочность от непорядочности, в которой выделяются признаки обязательные, без которых порядочность оборачивается непорядочностью, и признаки факультативные, без которых она может обойтись. Косвенным свидетельством обязательности-факультативности этих признаков/факторов можно считать, очевидно, встречаемость их имен в одном смысловом ряду с именем порядочности, и тогда на первое место здесь выступает честность, неспособность к обману и предательству, за которой идут честь/достоинство. В число факультативных признаков попадут доброта, деликатность, воспитанность, чистоплотность, терпимость, эстетический вкус и пр.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 3 – 6.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Верещагин Е. М. Об относительности мирской этической нормы // Логический анализ языка: языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 235 – 245.
4. Воркачев С. Г. «Блаженство» или «счастье»: макаризм в русских переводах Евангелия // Язык, коммуникация и социальная среда. 2012. Вып. 10. С. 34 – 45.
5. Воркачев С. Г. *Singularia tantum*: идеологема «народ» в русской лингвокультуре. Волгоград: Парадигма, 2013. 254 с.
6. Воркачев С. Г. Аксиологическая вариативность лингвокультурного концепта // Воплощение смысла: *conceptualia selecta*. Волгоград: Парадигма, 2014. С. 75 – 237.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1998.
8. Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. М.: МГУ, 1962. 383 с.
9. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 11.09.2015).
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1953. 848 с.
11. Пьецух В. Забытые слова (синодик) // Низкий жанр. М.: ЗебраЕ, 2006. С. 499 – 521.
12. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
13. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: Астрель-АСТ, 2000.

14. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. Cologne: Könnemann, 1993. 2662 p.

Информация об авторе:

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, svork@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 06.06.2016 г.

«RELICT FEELING»: HONESTY ACCORDING TO THE CORPUS LINGUISTICS DATA

Vorkachev Sergey G.^{1, @}

¹ Kuban State Technological University
@svork@mail.ru

Abstract: Semantic structure, semantic evolution and specificity of speech usage of the lexical units “por’adochnost’” (honesty) and “por’adochnyi chelovek” (honest man) are investigated on the material of the Russian National Corpus. It is established that: the moral category of honesty is ambiguous from the axiological point of view; the speech usage of the lexical units “honesty” and “honest man” suffers semantic shift and redistribution of semantic variants and appearance of speech tinge; those exponents can function in certain contexts as ideological words – as they change their axiological sign into the opposite one in the course of language user changing; the honesty psychological status remains sufficiently indefinite; separate “honesty factors” (integrity, veracity, fidelity, sincerity, fairness etc.) are verbalized in the honesty exponents speech usage; attributive extension of the names “honesty” and “honest man” give evidence of this moral quality gradual character; honesty possesses a hierarchy of certain obligatory and optional features.

Keywords: honesty, honest man, ethical norm, honesty factors.

For citation: Vorkachev S. G. «Relict feeling»: honesty according to the corpus linguistics data. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 111 – 116.

References

1. Arutiunova N. D. Vvedenie [Introduction]. *Logicheskii analiz iazyka. Mental'nye deistviia* [Logical analysis of language. Mental actions]. Moscow: Nauka, 1993, 3 – 6.
2. Arutiunova N. D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1999, 896.
3. Vereshchagin E. M. Ob otnositel'nosti mirskoi eticheskoi normy [About relativity secular ethical standards]. *Logicheskii analiz iazyka: iazyki etiki* [Logical analysis of the language: the languages of ethics]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000, 235 – 245.
4. Vorkachev S. G. «Blazhenstvo» ili «schast'e»: makarizmy v russkikh perevodakh Evangeliiia ["Bliss" or "happiness": Makarisms in Russian translations of the Gospel]. *Iazyk, kom-munikatsiia i sotsial'naia sreda – Language, communication and social environment*, no. 10 (2012): 34 – 45.
5. Vorkachev S. G. *Singularia tantum: ideologema «narod» v russkoi lingvokul'ture* [Singularia tantum: the ideologem "people" in the Russian linguistic culture]. Volgograd: Para-digma, 2013, 254.
6. Vorkachev S. G. Aksiologicheskaiia variativnost' lingvokul'turnogo kontsepta [Axiological variability of the linguocultural concept]. *Voploshchenie smysla: conceptualia selecta* [The embodiment of meaning: conceptualia selecta]. Volgograd: Paradigma, 2014, 75 – 237.
7. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Saint-Petersburg: Diamant, 1998.
8. Zvegintsev V. A. *Ocherki po obshchemu iazykoznaniiu* [Essays on general linguistics]. Moscow: MGU, 1962, 383.
9. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [The Russian National Corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru (accessed 11.09.2015).
10. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Gosizdat inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1953, 848.
11. P'etsukh V. Zabytye slova (sinodik) [Forgotten words (synodic)]. *Nizkii zhanr* [Low genre]. Moscow: ZebraE, 2006, 499 – 521.
12. Stepanov Iu. S. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniia* [Constants. Dictionary of the Russian culture. Previous studies]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1997, 824.
13. Ushakov D. N. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow: Astrel'-AST, 2000.
14. Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. Cologne: Könnemann, 1993, 2662.

Received 01.02.2016, accepted 06.06.2016.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА (конструирование межнациональных отношений)

Т. В. Дубровская^{1, @, *}

¹ Пензенский государственный университет
@ gynergy74@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-34-14001 «Политический, юридический и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации»

Аннотация: В статье представлены некоторые результаты исследования, основной целью которого является выявление механизмов дискурсивного конструирования межнациональных отношений в разных типах дискурса. В качестве объекта изучения выбран юридический дискурс, который рассматривается в контексте социально-конструкционистской парадигмы. Автор обобщает опыт изучения права как дискурсивной практики и выделяет такие методологические предпосылки, как необходимость интерпретации юридического дискурса с учетом социального и ценностного контекста, включенность в юридический дискурс субъектов права, его значимая роль в конструировании властных отношений. Автор проводит анализ «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации», применяя категории социального актора, имплицатуры, конкретизации, неопределённости, традиционные для критического дискурс-анализа. Анализ показывает, что рассматриваемый документ категоризирует участников межнациональных отношений и конструирует несколько пар взаимодействующих между собой сторон. Как ключевой актор репрезентируется государство. Кроме того, в документе используются разнонаправленные дискурсивные механизмы конкретизации и неопределённости, позволяющие проблематизировать отдельные аспекты межнациональных отношений. Абстрактные категории, имеющие ценностное значение, и имплицатура также конструируют межнациональные отношения.

Ключевые слова: юридический дискурс, право, социальный конструкционизм, межнациональные отношения, репрезентации, акторы.

Для цитирования: Дубровская Т. В. Юридический дискурс как предмет социального конструкционизма (конструирование межнациональных отношений) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 117 – 123.

1. Введение

Настоящая статья представляет собой часть более объемного проекта, направленного на выявление механизмов дискурсивного конструирования межнациональных отношений в политическом, юридическом и масс-медийном типах дискурса. Анализ некоторых дискурсивных политических и масс-медийных практик изложен в ряде публикаций [2; 3; 8 и др.]. Отмеченные публикации представляют также теоретические предпосылки исследования. В его основе лежит теория социального конструкционизма, в которой дискурс рассматривается не как отражение реальности, а как конструирующий социальную действительность феномен. «Дискурсы не только представляют мир, как он есть (или, скорее, как он видится); они также ориентированы на будущее, выдуманы и репрезентируют миры, которые отличаются от действительности. Также дискурсы являются частью планов поменять мир в определённом направлении» [11, с. 124] (*Перевод с английского здесь и далее мой – Т. Д.*).

Теория конструкционизма и основанный на ней метод критического дискурс-анализа (КДА) не являются абсолютно новыми способами изучения институциональных сфер. КДА занял прочное место в исследованиях политической коммуникации, а также сферы масс-медиа. Однако юридический дискурс фактически остаётся за рамками конструкционистской

парадигмы. Существующие в отечественной и зарубежной лингвистике направления и методы исследования юридического дискурса подробно освещены нами ранее [1]. В качестве доминирующих направлений отметим герменевтику и юридическую технику, актуальность которых связана с практическим применением языка в правовой сфере, в частности с потребностью общества в создании однозначных правовых актов. Другим интенсивно развивающимся направлением изучения языка правовой сферы является коммуникативное. Оно обращено к устному взаимодействию участников юридического дискурса и изучает не только текст, но и прагматическую ситуацию функционирования текстов. Наиболее близким к конструкционизму можно считать социолингвистический подход. Однако и в этом случае речь в большей степени идёт о построении властных отношений между участниками коммуникации и о конструировании в речи социальной идентичности говорящих, чем о конструировании некоторого положения вещей, представляющего важность с социальной точки зрения.

Полагаем, что юридический дискурс, результаты которого проецируются на все другие типы дискурса и определяют характер функционирования всех социальных сфер, должен быть объектом изучения в терминах конструкционизма. **Целью** данной работы мы видим обобщение опыта обращения к праву (в широ-

ком понимании) как к дискурсивной практике, а также представление того, как конструирующая функция юридического дискурса реализуется в документах, регулирующих межнациональные отношения Российской Федерации. Такой подход к феномену межнациональных отношений возможен и целесообразен в силу того, что межнациональные отношения являются предметом дискурсивных практик и только через них могут быть поняты: «Межнациональные отношения – специфичный предмет дискурса: он абстрактен, идеологически нагружен и обладает значительным количеством культурных, политических и юридических коннотаций» [2, с. 112]. Теоретическое осмысление юридического дискурса с позиций конструкционизма мы дополним практическим анализом и выявим дискурсивные механизмы конструирования межнациональных отношений на **материале** «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [7]. Статья включает введение и 2 основных раздела, завершается выводами (раздел 4) и списком литературы.

2. Право как дискурсивная практика: методологическая основа

Положение о том, что право представляет собой дискурсивную практику, лежит в основе социально-конструкционистского подхода к праву и эксплицитно высказывается в работах зарубежных исследователей. Дискурсивность, которая является, по мнению М. Галдиа, главной характеристикой права, предполагает не только неизбежность обращения к языку как главному его инструменту, но и необходимость привлечения социального контекста для извлечения смыслов и интерпретации правовых текстов [12, с. 24]. В такой исследовательской парадигме язык рассматривается не как таковой, а в контексте происходящих дискурсивных процессов. Несмотря на то, что значение юридического документа или устного высказывания заложено в его семантических и синтаксических структурах, право получает дополнительные смысловые пласты в ходе социального взаимодействия. Противопоставляя своё понимание права пуристическим и эссенциалистским концепциям, М. Галдиа выступает в пользу интерпретативного подхода и утверждает, что «право без интерпретации превратилось бы в гору мёртвых артефактов. Оно потеряло бы смысл» [12, с. 124].

Интерпретация права как процесс поиска смысла с целью его практического применения предполагает понимание аксиологической нагруженности юридического дискурса. По замечанию Е. А. Кожемякина, «ценностная функция институционального дискурса выражается в том, что с его помощью люди дают оценку положению вещей, формируют определенное отношение к ним. В аспекте ценностной функции дискурс выступает как механизм регулирования «модуса» общественного сознания <...>» [4, с. 128]. Более того, не только юридический дискурс «транспортирует ценности, имеющие важность для его пользователей» [12, с. 110], но и правила его интерпретации подвержены ценностному воздействию общепринятых

дискурсивных практик, которые определяют характер интерпретации.

В социально-конструкционистской парадигме право признаётся двунаправленным процессом, а недостаточная определённости права (*underdeterminacy of law*) – источником социальных изменений [13, с. 177]. В качестве одного из положений умеренного социального конструкционизма Э. Мертц приводит тезис о том, что в юридический дискурс вовлечены две стороны, а не только законодатели, что означает способность субъектов права отвечать на юридические нововведения. Эта способность определяет непредсказуемый характер правовых процессов. Подобным образом М. Галдиа расширяет границы юридического дискурса: в его понимании правовой дискурс охватывает как институциональный, так и неинституциональный контекст. Обязующая сила права имеет свой предел, и «для функционирования в обществе закон должен признаваться» [12, с. 34]. Идею о роли не-профессионалов как интерпретаторов юридического дискурса высказывает Р. Коттеррелл: «Сообщества, интерпретирующие право, не ограничиваются профессиональными сообществами <...> Граждане-не-юристы также являются потенциальными толкователями права» [10, с. 100]. Таким образом, в конструкционистском понимании велика роль интерпретации юридического дискурса не только представителями профессиональной среды, но и непрофессионалами.

Наконец, сторонники социального конструкционизма отмечают роль юридического дискурса в конструировании и поддержании властных отношений в обществе. Механизмы конструирования властных отношений в политическом дискурсе широко обсуждаются в работах, написанных в русле критического дискурс-анализа. Однако юридический дискурс такому анализу подвергался в очень ограниченных рамках. Ценные замечания теоретического характера, касающиеся правового закрепления общественных отношений, делает Е. А. Кожемякин. Учёный перечисляет несколько предлагаемых в юридической теории решений этого вопроса, одно из которых звучит так: «<...> Право выполняет функцию поддержки существующего политического порядка и приводит общественное устройство в соответствие с определёнными политическими ценностями и идеалами» [4, с. 213]. Несмотря на существование других способов закрепления общественного порядка, именно взаимосвязь между правом и распределением власти в обществе в рамках определенного политического устройства представляется конструкционистам определяющей. Обращаясь к понятию категоризации, одному из ключевых в конструкционистской парадигме, Э. Мертц замечает, что юридическое закрепление социальной категоризации придаёт ей иной характер: оно «делает более статичными гибкие социальные процессы, в которых категории формируются и расформируются, или оно может наделять разным объемом власти определённые сегменты общества» [13, с. 179]. Подобным образом, Р. Кумбе указывает на конструирующий характер права, которое «не просто

обеспечивает инструменты и дискурсивные механизмы, посредством которых социальные группы могут пытаться легитимировать свои различия <...>, но также право генерирует знаки и символы <...>, посредством которых различие конструируется и приобретает значение» [9, с. 37].

Важно и то, что правовая культура, которая «развивается и выживает в структурах власти», не допускает плюрализма. Доминантные дискурсы сохраняются и передаются, тогда как дискурсы, представляющие альтернативу, забываются, уничтожаются или сохраняются в ограниченном количестве [12, с. 162].

Отмеченные выше характеристики конструктивистского подхода к праву и юридическому дискурсу можно кратко суммировать следующим образом. Право представляет собой дискурсивную практику, и смысл юридических текстов не вытекает напрямую из языковых форм, а генерируется в процессе правовой коммуникации и интерпретации, которая вовлекает как профессиональных, так и непрофессиональных участников. Правовая коммуникация не является односторонним процессом, поскольку непрофессионалы участвуют в процессе интерпретации права и создают среду для принятия или непринятия правовых нововведений. Закрепляя определенный общественный порядок в форме правовых категорий, юридический дискурс напрямую связан с распределением власти в обществе.

3. Репрезентация межнациональных отношений в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»

Конструирующая функция юридического дискурса, обозначаемая некоторыми исследователями как регулятивная [6], состоит в том, что «коммуниканты создают образ желательного или необходимого в будущем, проектируют будущее положение вещей и формируют нормы его построения» [4, с. 129]. Формирование норм построения межнациональных отношений и образует смысл такого документа, как «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее – Стратегия ГНП). Прежде чем перейти непосредственно к анализу дискурсивных механизмов этого документа, сделаем некоторые замечания относительно юридического статуса обсуждаемого документа.

Стратегия ГНП является одной из нескольких десятков принятых в 2000-е гг. государственных стратегий. Список документов этого ряда приводит М. А. Мушинский [5]. В своей работе М. А. Мушинский отмечает, что эти документы «имеют не «чисто» юридическое, но политико-правовое содержание и являются средством выражения (формулирования) правовой политики» и «самым существенным образом влияют на формирование практически всех остальных элементов правовой системы России» [5, с. 488]. Признавая политическую направленность государственных стратегий, исследователь определяет документы как имеющие политико-правовой характер, поскольку в них «политические тезисы сопрово-

ждаются изложением элементов правовой политики», а также «в большинстве случаев юридическая форма им придаётся посредством введения в действие (утверждения) правовым актом органа государственной власти» [5, с. 488]. Так, Стратегия ГНП была введена в действие Указом Президента РФ В. Путиным. Таким образом, в силу комбинирования в документе политических установок и указаний на правовые аспекты их реализации Стратегия ГНП представляется нам не только заслуживающей внимания, но и обязательной для рассмотрения в аспекте дискурсивного конструирования межнациональных отношений РФ.

Чтобы выделить дискурсивные механизмы конструирования межнациональных отношений, мы используем категорию социального актора [14] и выявим, прежде всего, какие **акторы межнациональных отношений** фигурируют в Стратегии ГНП. Анализ документа показывает, что социальные акторы разнородны и выделены как с правовой точки зрения, так и в терминах обыденности (*общество, человек, народ*):

Стратегия разработана в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов, сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России, обеспечения конституционных прав и свобод граждан. Стратегия основывается на принципах построения демократического федеративного государства, служит основой для координации деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления (далее также — государственные и муниципальные органы), их взаимодействия с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации. Стратегия направлена на активизацию всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации, развития их национальных языков и культур (п. 2 Стратегии ГНП 2012).

Все отмеченные в приведенном фрагменте акторы являются коллективными образованиями, за исключением обобщающей категории «человека и гражданина». Категория «народ» репрезентирована в тексте тремя лексическими формами: *народы, народы России, народы Российской Федерации*, имеющими, вероятно, одного и того же референта. Однако далее, в положении 8, категория «народ» получает уточняющие толкования:

Стратегия носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер, призвана развивать потенциал многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и всех составляющих его народов (этнических общностей) (п. 8 Стратегии ГНП 2012).

Видим, что выделяется более общая категория – многонациональный народ РФ, обозначаемый иначе как российская нация, а также этнические общности как его составляющие. Таким образом, в качестве

участников межнациональных отношений выступают не только отдельные народы и их представители, но и нация, а кроме того – государство и его институты.

В основном акторы имеют обобщающие номинации, поскольку документ призван регулировать отношения на всей территории РФ без исключения. Однако некоторые акторы конкретизируются, и такая **конкретизация** на общем фоне представляется **дискурсивным способом проблематизации** ряда аспектов межнациональных отношений. В частности, как специфические акторы межнациональных отношений отмечены коренные малочисленные народы и национальные меньшинства, а также отдельно обозначена область Северного Кавказа, вызывающая не только географические, но и этнокультурные и политические ассоциации. В качестве основных вопросов государственной национальной политики ставятся: «обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств» и «создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе» (п. 5 Стратегии ГНП 2012).

(Прим. автора: Для сравнения отметим, что Конституция РФ проблематизирует положение коренных малочисленных народов (статья 69), однако упоминаний в каком-либо контексте народов Северного Кавказа в основном законе РФ нет).

Интересно, что с точки зрения языковой формы дискурсивная проблематизация в данном случае конструируется не указаниями на нежелательные явления, а напротив, постулированием необходимости достижения положительных результатов (*обеспечение прав, прочный мир и согласие*). Такая констатация основана на имплицитном утверждении о неблагоприятном положении дел (права не обеспечены, мир непрочен, согласия нет). Существование проблемной области, таким образом, заложено в **имплицатуре** положений Стратегии ГНП: необходимо принять меры, чтобы исправить неблагоприятное положение дел.

Кроме проблематизации одних акторов, Стратегия ГНП содержит такие репрезентации, которые утверждают актора в **положительной роли** в построении межнациональных отношений и государственности РФ. Такова репрезентация русского народа:

Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию, на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов. Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интег-

рировать их лучшие достижения в единую российскую культуру (п. 11 Стратегии ГНП 2012).

Приведенный фрагмент насыщен лексическими единицами разных частей речи со значением объединения (*единение, объединяющей, взаимодействию, общность, объединяет, единый, интегрировать, единую*), совокупность которых конструирует особую, исключительную, роль русского народа и русской культуры в межнациональных отношениях, несмотря на то, что выраженных эксплицитно указаний на это в тексте нет.

Направленность, противоположную конкретизации, имеет другой дискурсивный механизм, который можно обозначить как **неопределённость**. Суть его состоит в том, что некоторое положение Стратегии ГНП касается не всех, а отдельных акторов, но каких конкретно – не указано:

На развитие национальных, межнациональных (межэтнических) отношений также влияют следующие негативные факторы:

<...>

е) распространённость негативных стереотипов в отношении некоторых народов (п. 15 Стратегии ГНП 2012).

Комбинация разнонаправленных приёмов конкретизации и неопределённости социальных акторов позволяет моделировать такую картину межнациональных отношений, которая бы совместила в себе нормирующий эффект при одновременном указании на фактическую ситуацию без излишнего заострения проблем.

Отмеченные выше акторы межнациональных отношений вступают друг с другом в отношения, конфигурация и характер которых конструируются документом. В результате наблюдения мы выделили несколько **типичных пар взаимодействующих акторов**:

1) **народ – народ**: всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации; укрепление их (народов) духовной общности; национального согласия и духовной общности населяющих её народов; взаимное уважение традиций и обычаев народов Российской Федерации; солидарности и взаимопомощи народов России и т. д.;

2) **народ – нация**: сохранение и развитие традиций проживающих на её территории народов являются общим достоянием российской нации;

3) **государство – граждане**: принятие мер по недопущению проявлений дискриминации в отношении граждан различной национальной принадлежности при осуществлении государственными и муниципальными органами и организациями своей деятельности; создание государственной и муниципальной систем мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций; мониторинг состояния межнациональных отношений в воинских коллективах и районах дислокации воинских частей и т. д.;

4) **государство – зарубежные соотечественники**: поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Россией;

содействие добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; содействие консолидации деятельности объединений соотечественников, проживающих за рубежом, по обеспечению своих прав в странах проживания, сохранению связей с исторической Родиной и т. д.;

5) **государство – мигранты**: противодействие формированию замкнутых анклавов мигрантов по этническому признаку; обеспечение взаимодействия государственных и муниципальных органов с общественными объединениями, способствующими социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов и т. д.;

6) **граждане – граждане**: равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения <...>; содействием диалогу между представителями различных этнических общностей и т. д.

Категоризация, осуществляемая в документе, не имеет исключительно текстовый характер, поскольку из содержания документа вытекает проецирование предлагаемой в Стратегии ГНП категоризации на другие общественные практики (часть IV «Механизмы реализации государственной национальной политики Российской Федерации»). Иными словами, категории Стратегии ГНП становятся реальностью в результате её практического применения.

Дискурсивное конструирование взаимодействия между достаточно многочисленными и гетерогенными акторами межнациональных отношений осуществляется посредством множества **абстрактных категорий** (например, равенство, свобода, интеграция, консолидация, дискриминация, ненависть и др.). По замечанию Е. А. Кожемякина, «с помощью «абстрактных» объектов субъект юридического дискурса может обобщать и отождествлять объекты первых двух типов (*материальные и поведенческие* – Т. Д.), идеализировать их, фиксировать их существенные свойства, а также определять их потенциальную осуществимость» [4, с. 218]. Мы полагаем, что абстрактные категории могут характеризовать не только материальные и поведенческие объекты, но и другие абстрактные объекты, каковыми являются в нашем случае межнациональные отношения. К примеру, абстрактная ценностная категория *равноправие* имплицитно существование по меньшей мере двух сторон, отношения между которыми и становятся предметом означивания. Подобным образом категории уважения, гармонизации, вражды и т. д. предполагают двустороннее взаимодействие, для номинации которого используются соответствующие лексические единицы.

Выводы

К юридическому дискурсу, как и к другим типам институционального дискурса, может применяться социально-конструкционистский подход, для которого характерен ряд методологических принципов. Одним из них является невыводимость смысла юридического текста из его языковых структур и необходимость осуществления интерпретации в социальном и ценностном контексте. Кроме того, конст-

рукционистский подход позволяет расширить понятие юридического дискурса, включив в круг рассмотрения не только «ядерные» образцы собственно юридического дискурса, но и тексты, находящиеся на «периферии», на стыке с другими институциональными сферами, к примеру, со сферой политики. Юридический дискурс, будучи властным дискурсом, задействует специфические дискурсивные механизмы конструирования отношений между различными социальными группами. Эти дискурсивные механизмы могут быть подвергнуты анализу с помощью категорий, традиционно применяемых в критическом дискурс-анализе, в основе которого лежит теория социального конструкционизма.

Анализ «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» как документа с политико-правовым содержанием позволил выявить в нём ряд дискурсивных механизмов, конструирующих межнациональные отношения. Стратегия ГНП категоризирует акторов межнациональных отношений, в числе которых не только отдельные народы РФ и их представители, но и нация в целом, а кроме того – граждане, государство и его институты. Категории мигрантов и зарубежных соотечественников также интегрированы в межнациональные отношения РФ. Конструируемые пары сторон включают всех выделенных акторов, однако в трёх парах из шести в качестве одной из сторон выступает государство, что позволяет сделать предварительный вывод о репрезентации государства как ключевого актора межнациональных отношений. Категоризация акторов, предлагаемая в Стратегии ГНП, становится социальной действительностью в результате практического применения механизмов по её реализации.

Помимо категоризации акторов и объединения их во взаимодействующие пары, в Стратегии ГНП используются разнонаправленные дискурсивные механизмы конкретизации и неопределённости, позволяющие проблематизировать отдельные аспекты межнациональных отношений. Особое место в конструировании межнациональных отношений занимают абстрактные категории, имеющие ценностное значение и имплицитно участие в процессе двух сторон.

Перспективы исследования нам видятся в изучении собственно законодательных текстов в аспекте конструирования в них межнациональных отношений, а также в выявлении специфики такого конструирования в юридическом дискурсе по сравнению с другими типами институционального дискурса.

Литература

1. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Академия МНЭПУ, 2010. 351с.
2. Дубровская Т. В., Кожемякин Е. А. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций // Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. 2015. № 18(215). Вып. 27. С. 111 – 125.
3. Замотина Е. И., Дубровская Т. В. Ретрансляция юридического дискурса в текстах СМИ о миграции // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6(113). Ч. 2. С. 449 – 455.
4. Кожемякин Е. А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. 244 с.
5. Мушинский М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488 – 499.
6. Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5(2). С. 535 – 540.
7. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666). Режим доступа: <http://base.garant.ru/70284810/>
8. Ярославцева Я. А., Дубровская Т. В. Конструирование межнациональных отношений в жанрах внешне-политического дискурса (на примере России и США) // Политическая лингвистика. 2015. № 3(53). С. 182 – 191.
9. Coombe R. Contingent articulations: a critical cultural studies of law // Sarat A. and Kearns T. (eds.) Law and the Domains of Culture. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 21 – 64.
10. Cotterrell R. Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory. Aldershot: Ashgate, 2006. 206 p.
11. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, N. Y.: Routledge, 2004. 270 p.
12. Galdia M. Legal Discourses, Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. 449 p.
13. Mertz E. A new social constructionism for socio-legal studies // Larson E. and Schmidt P. (eds.) The Law & Society Reader II. NY and London: New York University Press, 2014. P. 176 – 181.
14. Van Leeuwen T. The Representation of Social Actors // Caldas-Coulthard C.R. and Coulthard M. (Eds.) Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. London: Routledge, 2003. P. 32 – 70.

Информация об авторе:

Дубровская Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Пензенского государственного университета, gynergy74@gmail.com.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 06.06.2016 г.

LEGAL DISCOURSE IN THE SOCIAL CONSTRUCTIONIST PARADIGM

(construction of interethnic relations)

Dubrovskaya Tatiana V.^{1, @, *}

¹ Penza State University

@ gynergy74@gmail.com

* *The work was supported by the RFH Grant No. 15-34-14001 "Political, legal and mass media discourse in the aspect of constructing international relations in the Russian Federation"*

Abstract: The paper presents some results of the research that is aimed at revealing the mechanisms of discursive construction of international and interethnic relations in different types of discourse. The object of study in this fragment is the legal discourse, which is viewed within the paradigm of social constructionism. The author consolidates studies of law as discursive practice and outlines an appropriate methodological perspective, which presupposes the interpretation of legal discourse in social and axiological context, participation of society in legal-discursive practices, and the essential role of legal discourse in power relations. To perform the analysis of the 'Strategy of State national policy of the Russian Federation', the author applies the categories of social actor, implicature, specifying and vagueness, which are typically exploited in Critical Discourse Analysis. The results demonstrate that the document in question categorises the participants in interethnic relations and constructs a few pairs of interacting parties. The state is represented as a key actor in interethnic relations. The document also operates the discursively opposite mechanisms of specifying and vagueness to problematise certain aspects of the relations. Axiologically laden abstract categories and implicature also construct interethnic relations.

Keywords: legal discourse, law, social constructionism, interethnic relations, representations, actors.

For citation: Dubrovskaya T. V. Legal discourse in the social constructionist paradigm (construction of interethnic relations). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 117 – 123.

References

1. Dubrovskaya T. V. *Sudebnyi diskurs: rechevoe povedenie sud'i (na materiale russkogo i angliiskogo iazykov)* [Judicial discourse: verbal conduct of a judge (in Russian and English languages)]. Moscow: Izd-vo «Akademii MNEPU», 2010, 351.
2. Dubrovskaya T. V., Kozhemiakin E. A. Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnoshenii v SMI: spetsifika reprezentatsii [Construction of inter-ethnic relations in the media: the specificity of representations]. *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika. Psikhologiya – Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Humanitarian sciences. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology*, no. 18(215), iss. 27 (2015): 111 – 125.
3. Zamotina E. I., Dubrovskaya T. V. Retranslyatsiya iuridicheskogo diskursa v tekstakh SMI o migratsii [Retransmission of legal discourse in the media texts on migration]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal – Kazan pedagogical journal*, no. 6(113), part 2 (2015): 449 – 455.
4. Kozhemiakin E. A. *Diskursnyi podkhod k izucheniiu institutsional'noi kul'tury* [Discursive approach to the study of the institutional culture]. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2008, 244.
5. Mushinskii M. A. Strategii, kontseptsii, doktriny v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii: problemy statusa, iuridicheskoi tekhniki i sootnosheniia drug s drugom [Strategies, concepts, doctrine in the legal system of the Russian Federation: problems of the status of legal technique and the relation with each other]. *Iuridicheskaya tekhnika – Legal Technology*, no. 9 (2015): 488 – 499.
6. Palashevskaya I. V. Funktsii iuridicheskogo diskursa i deistviia ego uchastnikov [The functions of the legal discourse and the actions of its members]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk – Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 12, no. 5(2) (2010): 535 – 540.
7. *Strategiya gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. № 1666)* [Strategy of the Russian Federation, the state national policy for the period up to 2025 (approved by the Presidential Decree of December 19, 2012 no. 1666)]. Available at: <http://base.garant.ru/70284810/>
8. Iaroslavl'tseva Ia. A., Dubrovskaya T. V. Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnoshenii v zhanakh vneshnepoliticheskogo diskursa (na primere Rossii i SShA) [Dubrovskaya Construction of inter-ethnic relations in the foreign policy discourse genres (for example, Russia and the US)]. *Politicheskaya lingvistika – Political linguistics*, no. 3(53) (2015): 182 – 191.
9. Coombe R. Contingent articulations: a critical cultural studies of law. *Law and the Domains of Culture. Ann Arbor: University of Michigan Press*. Eds. Sarat A. and Kearns T. 1998, 21 – 64.
10. Cotterrell R. *Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory*. Aldershot: Ashgate, 2006, 206.
11. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, N. Y.: Routledge, 2004, 270.
12. Galdia M. *Legal Discourses*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014, 449.
13. Mertz E. A new social constructionism for socio-legal studies. *The Law & Society Reader II*. Eds. Larson E. and Schmidt P. NY and London: New York University Press, 2014, 176 – 181.
14. Van Leeuwen T. The Representation of Social Actors. *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. Eds. Caldas-Coulthard C. R. and Coulthard M. London: Routledge, 2003, 32 – 70.

Received 01.02.2016, accepted 06.06.2016.

ЛИНГВИСТИКА В ПОИСКАХ ОБЪЕКТА

Л. К. Жаналина^{1, @1}, Л. В. Фот^{2, @2}

¹ Институт филологии Казахского национального педагогического университета им. Абая (Алматы)

² Специализированный лицей «Арыстан» (Казахстан)

@¹ zhanalina@gmail.com

@² luiza2979881@mail.ru

Аннотация: В статье кратко представлена одна из основных линий эволюции понимания лингвистикой своего объекта. Рассматриваются ее колебания от абстрактного моделирования языка к попыткам постижения его реальности, что поддерживается переходом от чисто лингвистических подходов к междисциплинарным. Характерное для современного языкознания расширенное видение языка проявляется в разработке антропоцентрической парадигмы, из которой вырастает интегративная идеология, устремленная к целостному представлению языка и распространяющаяся за счет пролиферации внутрилингвистических интегративных моделей и за счет разрастания междисциплинарных описаний языка. Те и другие пробиваются сквозь ограниченность научного знания к языковой реальности при их объединении на основе разработки интегративных подходов, среди которых высокий потенциал для постижения языковой реальности обнаруживает интегральный подход К. Уилбера, его AQUAL-модель сознания, обладающая универсальностью и возможностью приложения к объектам самых разных наук, в том числе и к языку.

Ключевые слова: интегративный подход, интегративная лингвистика, внутридисциплинарная и междисциплинарная интегративность.

Для цитирования: Жаналина Л. К., Фот Л. В. Лингвистика в поисках объекта // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 124 – 128.

В современном языкознании широкое распространение получил термин “парадигма”, который упорядочивает «многоликое» пространство науки. Отражая иерархию множества идей и подходов, он в то же время все чаще синонимизируется с близкими терминами “лингвистическая теория”, “лингвистическое направление”, “лингвистическая школа”, что вновь возвращает к проблеме структуры знаний о языке.

Изучение языка, направляемое им самим, пропущенное через использованные научные методы, приемы, подходы, принципы и результирующее в понятийном инструментарии и структурируемом им научном описании, преобразует реальный объект в гносеологический феномен. В этой ситуации “отраженного языка” в качестве ориентира на реальность служит избранная позиция: по словам Э. Бенвениста, “мы думаем, что можем постичь языковой факт непосредственно, как некую объективную реальность. На самом деле мы постигаем его лишь на основе некоторой точки зрения, которую прежде надо определить” [1. с. 53].

Многовековая история лингвистики демонстрирует ее развитие как смену различных подходов, которые представляли попытки описания языка то в виде гносеологических моделей, то в виде онтологизированной данности. Гносеологические описания характерны для древних и средневековых, восточных и западных лингвистических традиций, в которых знания языка вступают в синтез с философией и логикой. Наивысшую точку знаниевого языкознания в это время демонстрирует универсальная, всеобщая грамматика. Его же характеризует разработка методологических аспектов науки – принципов описания языка (лексикографического, этимологического, историче-

ского, фонетического), определение структуры языкознания, построение ее понятийного аппарата.

Новый этап ознаменован выдвижением на первый план отдельных конкретных языков, гносеологичность описания которых является результатом сравнения, представляющего компонент сравнительно-исторического метода и формирующего лингвистический компаративизм.

Господство сравнительно-исторического языкознания в XIX веке ознаменовано следующим витком “гносеологичности” языка как объекта, который проявился в попытках реконструкции праязыка и шире в самом сравнительно-историческом методе, требовавшем обращения не к языковой реальности, а к знаниям о ней.

На XX и начало XXI веков приходится новый мировоззренческий поворот языкознания. Будучи ориентировано на новейшие достижения других наук – математики, логики, семиотики, этнологии, этнографии, аналитической философии и др., оно переключает внимание на структурно-системную организацию языка и его функционирование в синхронии.

Данный этап характеризуется явными колебаниями от “гносеологического” объекта к “онтологическому”. Модельность демонстрирует знаниевый характер системно-структурной презентации языка. Она ограничивается демонстрацией языковых отношений вообще или вниманием к отдельным сторонам языковых единиц, к их аспектам. Лингвистика встает перед необходимостью расширения своей платформы за счет использования методов других наук, разработки нового исследовательского инструментария и посредством формирования нового междисциплинарного и полиаспектного видения языка, интегрирующего достижения различных наук и охватывающего разные

стороны языка: язык как системно-структурная единица и язык, функционирующий в качестве речевой деятельности. Обращение к языку в двух формах его существования, являющееся попыткой восстановления языка как объекта в его целостности, демонстрирует движение науки к “онтологизации”, к языковой реальности. Оно знаменуется выходом принципа антропоцентризма на ведущую позицию и порождением множества теорий, предполагающих проявление человека в языке.

Так, во второй половине прошлого века на смену господствующей лингвоцентрической парадигме (представленной преимущественно системно-структурным подходом) приходит антропоцентрическая парадигма, которая, несмотря на давнюю историю зарождения, впервые “во весь голос заявила о себе”. Хотя язык всегда имел статус важнейшей характеристики этноса, а проблемы соотношения языка и культуры, языка и человека всегда оставались актуальными, в том числе в трудах В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, Э. Бенвениста, Г. Штейнтала и других ученых, лишь в прошлом веке общепризнанным становится положение о необходимости интегративного подхода к языку в его единстве с человеком. Антропоцентрическая парадигма возвратила человеку статус “меры всех вещей” и вернула его в “центр мироздания” [3, с. 64]. Антропоцентрический подход способствовал переключению интересов исследователей с объекта познания на субъект, то есть в рамках данной научной парадигмы анализируется человек в языке и язык в человеке. Человек в современной науке, по словам Е. С. Кубряковой, знаменует “тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс” [9, с. 212]. Эволюцию понимания языка демонстрируют ведущие идеи, объединяющие разрабатываемые теории.

Распространено представление истории развития науки о языке как смены трех научных парадигм:

- сравнительно-исторической парадигмы, которая характерна для языкознания XIX века (указанная научная парадигма формируется на основе сравнительно-исторического метода);
- системно-структурной парадигмы, в основе которой лежит стремление к системному описанию языковых единиц, к характеристике их функций и особенностей их внутри- и межуровневого взаимодействия;
- антропоцентрической парадигмы, которая способствует сосредоточению внимания исследователей на субъекте познания – “человек в языке и язык в человеке” [11, с. 6].

В недрах антропоцентрической парадигмы, разрабатываемой в антропоцентрированном (“человек в языке”) и лингвоцентрированном (“язык в человеке”) направлениях [7, с. 6, 22], зарождается и набирает силу новая интегративная лингвистическая парадигма, которая выстраивает разные модели интегративного представления языка, диктуемые сложностью объекта, множественностью его сторон (Т. В. Булыгина [2], Н. Д. Голев [4], Ю. Н. Караулов [8] и др.) и сложностью синтезированных знаний о языке (Н. В. Уфимцева [14]). Обе разновидности сложно-

стей преодолеваются пока путем их ограничения (объекта или знания о нем). Главный принцип интеграции – принцип дополнительности. Редукция действует как в отдельных интегративных моделях-теориях, так и в создаваемой ими интегративной парадигме. Первые знаменуют движение в сторону языковой реальности с ограничениями, вторая призвана снять это ограничение благодаря объединению усилий разных теорий, в их общем стремлении постичь объект в его целостности. Наряду с внутрилингвистической интегративностью, расширяющей объект за счет охвата разных его сторон, т. е. за счет полиаспектности, реализуемой лингвистикой, обогащенной достижениями других наук, разрабатывается междисциплинарная интегративность, представляющая язык посредством синтеза разных наук (психолингвистики, нейролингвистики, лингвокогнитологии, психолингвистики и лингвопсихологии, лингвокультурологии и др.).

В современной научной ситуации сохранение лингвистикой самостоятельности гарантирует сосредоточенность на первом типе интегративности и сохранение дистанции от второго типа. Наиболее разработанными моделями внутридисциплинарной интегративности в русском языкознании являются когнитивная лингвистика, теория языковой личности, когнитивно-дискурсивное направление. Их результативность связана с использованием интегративного подхода и принципа, позволяющих увидеть язык в единстве разных его сторон, когда собственно языковая сторона как лакмусовая бумага реагирует на своего носителя в его когнитивно-психологическом, культурно-социальном, физиологическом измерениях, и развертывающихся в концепцию, выходящую за рамки какой-либо отдельно взятой теории. Цель этой теории в широком смысле – привести существующее разнообразие к единой целостной картине языка. “Интегративный принцип предусматривает расширение описания языка за счет выхода на связи языка с мышлением, социумом, культурой, историей, традициями, обычаями, нравственностью, религией и т. д. <...> Интегративный подход, реализующий интегративный принцип, есть объединение семасиологического и ономазиологического, синхронного и диахронического, системно-семантического, функционального и когнитивного подходов” [8, с. 11].

Формирование интегративной парадигмы отражает разработка новых теоретических подходов к языку и к его единицам (в том числе и к тексту): язык исследуется как синергетическая динамическая система; формируется лингвосинергетика со специальной методологией; создаются единая теория психических процессов, концепция живого знака и другие специфические методики исследования языкового материала. Подобные попытки можно найти в работах, начатых Р. Г. Пиотровским, И. А. Герман, В. А. Пищальниковой, А. А. Залевской, Г. Г. Москальчук, Л. О. Бутовой, О. А. Староселец, Н. А. Блазновой, А. Ю. Корбут, Н. И. Дорониной и др.

Одной из базовых для интегративной парадигмы наук является интегральная психология, представляющая собой “общий подход к психологии, который стремится объединять в себе истины различных пси-

хологических теорий на том основании, что большинство из них прекрасно объясняют свою специфическую сферу и ни одна из таких теорий не может претендовать на истину, если не будет обращать внимания на открытия из других областей” [9].

Концепция интегральной психологии развивается в работах западных психологов и ученых с Востока. Термин «интегральная психология» впервые был предложен Индрой Сенем в 40-е годы XX века. В 1970-е годы Харидас Чаудхури сформулировал основной постулат интегральной психологии в виде триады принципов: уникальности, взаимосвязанности и трансценденции, которые соответствуют личностной, межличностной и надличностной сферам человеческого опыта.

Интегральная психология получила распространение в версии Кена Уилбера, синтезирующая в ней достижения различных областей знания. На основе интегрального подхода, объединяющего в себе, с одной стороны, различные психологические теории на том основании, что большинство из них прекрасно объясняют свою специфическую сферу и ни одна из таких теорий не может претендовать на истину, если не будет обращать внимания на открытия из других областей” [13], а с другой – данные на множества других областей научного знания, ученый выстраивает интегральную модель сознания.

Интегральная модель Уилбера пятиэлементная, которые представлены в виде секторов, уровней, линий, состояний и типов. Эти пять компонентов (“все секторы – all quadrants, все уровни – all levels, все линии – all lines, все состояния – all states, все типы – all types”), для краткости обозначаемые английским акронимом “AQAL” (сокращение от первых двух элементов “все секторы, все уровни” – “all quadrants, all levels”), по утверждению ученого и его последователей, могут применяться ко всем макро- и микроконтекстам человеческой жизни в целом и ко всем областям науки в частности.

Выделенные четыре сектора являются неделимыми базовыми элементами, которые являются точками отсчета для описания и анализа чего угодно. Секторы представлены измерениями: “я” (внутренние аспекты индивида) – сектор интенции (я-индивидуальное внутреннее, я-субъективное); “мы” (внутренние аспекты коллектива) – сектор культуры (мы-коллективное внутреннее, мы-субъективное), “оно” (внешние аспекты индивида) – сектор поведения (оно-индивидуальное внешнее, оно-межсубъективное) и “они” (внешние аспекты коллектива) – сектор социума (они-коллективное внешнее, мы-межобъективное). Таким образом, секторы репрезентируют внутренние и внешние точки зрения на проявления индивидуального и коллективного [12].

Один из последователей трансперсональной психологии, разрабатываемой К. Уилбером, В. В. Майков дает следующую интерпретацию выделенным секторам модели AQAL: “Мир “я” – мир интроспективный, мир внутренний, связанный с моей жизнью, это мир духа, мир интроспекции, это наша внутренняя жизнь, наш духовный опыт. Мир “мы” – мир отношения, мир коммуникации, мир понимания, мир интерпретации; среди объясняющих его дисциплин самая яркая – фе-

номенология. Мир “они” – мир, который изучают социология, социальные науки, теория систем. Мир “оно” – мир объективной науки, которая изучает природу, условно говоря, неживое, ибо современная наука построена таким образом, что она и живое изучает как неживое” [10].

Другие элементы AQAL-модели (уровни, линии, состояния и типы), в отличие от секторов, являются делимыми категориями и образуют следующую ступень модели:

уровни позволяют комплексно представить каждый сектор во всех стадиях его развития, продемонстрировать его сложность, уровневость;

линии демонстрируют динамические линии развития и выделяются автором модели во всех четырех секторах, так, например, в секторе “я”, стремясь изобразить линии личностного развития, К. Уилбер выделяет когнитивную, моральную, эмоциональную, межличностную, эстетическую, психосексуальную, духовную линии, линию потребностей, самоотождествления, линию ценностей;

состояния представляют временные проявления какого-либо аспекта реальности, примером могут служить состояния сознания, участвующие в деятельности человека (состояние сосредоточения сменяется медитативным состоянием, состояние бодрствования сменяется сном);

типы возникают во всевозможных измерениях (состояниях), так, например, гендерный признак деления человечества, дифференциация по типу религиозного мировоззрения и другие.

Интегральная модель AQAL Кена Уилбера, благодаря своей всеобъемлющей теоретической базе и соответственно универсальности, применима к объектом разных наук, чем вызвана ее популярность. В настоящее время в более чем пятидесяти различных дисциплинах для решения тех или иных научных задач используется AQAL-модель. К наукам, проявляющим особый интерес к интегральной модели, относятся медицина, психотерапия, психиатрия, искусство, образование, бизнес, международные отношения, юриспруденция, коучинг, управление системой здравоохранения, религиоведение, политический анализ, трансдисциплинарные исследования, гендерные исследования и многие другие. Уникальность этой модели заключается еще и в том, что “...она может быть легко трансформирована, переосмыслена, “подстроена” в соответствии с объектом анализа, в том числе, если объектом анализа становится, например, текст” [15].

Усилия различных наук с интегративным подходом к объекту открывают новые перспективы для развития не только интегративной психологии, но и интегративной лингвистики, которая утверждается в позициях как самостоятельная наука. Активное интегративное моделирование русского языка российскими и казахстанскими учеными осуществляется как в рамках различных функциональных, когнитивных теорий, так и в виде отдельной науки, дополняющей дисциплинарную структуру лингвистики. Интегративная лингвистика (термин Л. К. Жанаалиной) как самостоятельная наука со своим объектом, структурой, методами, научными подходами и принципами,

категориями, собственной терминосистемой, разрабатывается как одно из направлений развития казахстанской лингвистики одним из авторов статьи и ее учениками [5, с. 15]. Данная наука обладает значительным потенциалом развития в связи с нацеленностью на представление языка в его целостности.

Интегративная лингвистика представляет новую зарождающуюся интегративную (интегральную) парадигму, о чем свидетельствует разрастание полиаспектного моделирования языка и междисциплинарных наук. Новая парадигма отвечает давней устремленности лингвистики к языковой реальности, сменяющей ее представление как абстракции, она открывает перспективы для преодоления ограничен-

ности научного знания посредством полиаспектного описания языка и посредством его обогащения достижениями других наук. Интеграция сторон языка и интеграция наук на новом уровне возвращает лингвистику к проблеме сохранения своей суверенности: “Одним из путей сохранения лингвистикой собственного облика является разработка интегративной лингвистики, которая, с одной стороны, не отрывается от материи языка, а с другой – демонстрирует ее идеальную сторону с ее многочисленными компонентами, представляющими действительность, мышление, человека как в статике системы, так и в динамике ее вербализации в речевой деятельности” [6, с. 98].

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика; пер. с франц. М.: Прогресс, 1974. 445 с.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001, № 1. С. 64 – 72.
4. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Издательство Томского университета, 1989. 252 с.
5. Жаналина Л. К. Интегративное словообразование: монография. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2011. 492 с.
6. Жаналина Л. К. Современная лингвистика: полипарадигмальность и тенденции развития // Научный прогресс на рубеже тысячелетий: матер. междунар. научно-практич. конференции. Прага: Education and Science, 2010. С. 98 – 102.
7. Жаналина Л. К., Килева Л. Т., Касымова Р. Т., Маймакова А. Д., Абаева М. К. Язык современной науки: Языковые портреты: учебное пособие / под ред. Л. К. Жаналиной. Алматы, 2010. 344 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
9. Кубрякова Е. В. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века: сборник статей. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. С. 144 – 238.
10. Майков В. В. Интегральный подход Кена Уилбера // Холизм и здоровье, 2009, № 1. Режим доступа: <http://www.holiz.ru/index.php/maikov> (Дата обращения: 13.02.2016).
11. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
12. Уилбер К. Введение в интегральную теорию и практику: основы ИОС и «всесекторной, всеуровневой» карты // AQAL; пер. с англ. В. Данченко. 2006. Vol. 1. № 1. Режим доступа: <http://psylib.ukrweb.net/books/uilbk03/index.htm> (дата обращения: 13.02.2016).
13. Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / пер. с англ. под ред. А. Киселева. М.: АСТ, 2004. 412 с. Режим доступа: <http://mreadz.com/new/index.php?id=273686> (дата обращения: 10.01.2016).
14. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
15. Фот Л. В. Интегративные модели описания текста // Научная индустрия европейского континента: матлы междунар. научно-практ. конф. Прага: Education and Science, 2013. Т. Филологические науки. С. 93 – 100.

Информация об авторах:

Жаналина Лаззат Кабылдашевна – доктор филологических наук, профессор Института филологии Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алматы), zhanalina@gmail.com.

Фот Луиза Владимировна – доктор, преподаватель специализированного лицея «Арыстан» (Казахстан), luiza2979881@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 06.06.2016 г.

LINGUISTICS SEEKING SUBJECT Zhanalina Lazzat K.^{1, @1}, Fot Luiza V.^{2, @2}

¹ Kazakh National Pedagogical University named after Abai

² Specialized lyceum "Arystan" (Kazakhstan)

@¹ zhanalina@gmail.com

@² luiza2979881@mail.ru

Abstract: The paper provides a brief overview of the evolution of one of the main lines of inquiry into how linguistics perceives its subject. Its oscillations vary from abstract language modelling to attempts to comprehend its reality, supported by a transition from purely linguistic approaches to interdisciplinary ones. A broad conception of language, characteristic in the contemporary language studies, is demonstrated by development of an anthropocentric paradigm which is a foundation for integrative ideology. The latter strives to holistic representation of language and proliferates via multiplication of intra-linguistic integrative models as well as via interdisciplinary descriptions of language. Both have to combat limitations of scientific knowledge through their merger on the basis of integrative approaches. Among these, a high potential for language reality comprehension is demonstrated by K. Wilber, his AQAL model of conscience is universal and applicable to subjects from different fields of study, including that of language.

Keywords: integrative approach, integrative linguistics, intra- and inter-disciplinary integration.

For citation: Zhanalina L. K., Fot L. V. Linguistics Seeking Subject. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 124–128.

References

1. Benvenist E. *Obshchaia lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress, 1974, 445.
2. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Language conceptualization of the world (on a material of Russian grammar)]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1997, 576.
3. Vorkachev S. G. *Lingvokul'turologiia, iazykovaia lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v iazykoznanii* [Cultural linguistics, linguistic identity, a concept: the establishment of an anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki – Philology Sciences*, no. 1 (2001): 64 – 72.
4. Golev N. D. *Dinamicheskii aspekt leksicheskoi motivatsii* [The dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1989, 252.
5. Zhanalina L.K. *Integrativnoe slovoobrazovanie: monografiia* [Integrative word formation: monograph]. Almaty: KazNPU im. Abaia, 2011. 492 s.
6. Zhanalina L. K. *Sovremennaia lingvistika: poliparadigmal'nost' i tendentsii razvitiia* [Modern Linguistics: multiparadigmatic character and tendencies of development]. *Nauchnyi progress na rubezhe tysiacheletii: mater. mezhdunar. nauchno-praktich. Konferentsii* [Scientific progress on the Millennium: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Praga: Education and Science, 2010, 98 – 102.
7. Zhanalina L. K., Kilevaia L. T., Kasymova R. T., Maimakova A. D., Abaeva M. K. *Iazyk sovremennoi nauki: Iazykovye portrety* [The language of modern science: Language portraits]. Ed. Zhanalina L. K. Almaty, 2010, 344.
8. Karaulov Iu. N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow: Nauka, 1987, 262.
9. Kubriakova E. V. *Evoliutsiia lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza)* [Evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century (the experience of paradigmatic analysis)]. *Iazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science end of the XX century]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 1995, 144 – 238.
10. Maikov V. V. *Integral'nyi podkhod Kena Uilbera* [The integral approach of Ken Wilber]. *Kholizm i zdorov'e – Holism and Health*, no. 1 (2009). Available at: <http://www.holiz.ru/index.php/maykov> (accessed 13.02.2016).
11. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiia* [Cultural linguistics]. Moscow: Akademiia, 2001, 208.
12. Uilber K. *Vvedenie v integral'nuiu teoriiu i praktiku: osnovy IOS i «vsesektornoi, vseurovnevoi» karty* [Introduction to Integral Theory and practice: the basics of ITS and "all-quadrant, all-level" card] [Elektronnyi resurs]. *AQAL*, 1, no. 1 (2006). Available at: <http://psylib.ukrweb.net/books/uilbk03/index.htm> (accessed 13.02.2016).
13. Uilber K. *Integral'naia psikhologiia: Soznanie, Dukh, Psikhologiia, Terapiia* [Integral Psychology: Consciousness, Spirit, Psychology, Therapy]. Transl. and ed. Kiselev A. Moscow: ACT, 2004, 412. Available at: <http://mreadz.com/new/index.php?id=273686> (accessed 10.01.2016).
14. Ufimtseva N. V. *Iazykovoie soznanie: dinamika i variativnost'* [Language consciousness: the dynamics and variability]. Moscow: Institut iazykoznanii RAN, 2011, 252.
15. Fot L. V. *Integrativnye modeli opisaniia teksta* [Integrative model of description text]. *Nauchnaia industriia evropeiskogo kontinenta: Mat-ly mezhdunar. nauchno-prakt. konf.* [The scientific industry of the European continent: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Praga: Education and Science, vol. Filologicheskie nauki (2013): 93 – 100.

Received 01.02.2016, accepted 06.06.2016.

УДК 81'000

ИНВЕКТИВА / ОСКОРБЛЕНИЕ: АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ В ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ

Г. С. Иваненко^{1, @}

¹ Челябинский государственный педагогический университет
 @ gala.april@mail.ru

Аннотация: Экспертное рассмотрение высказываний и текстов на предмет наличия оскорбления по-прежнему остается проблемной сферой лингвоэкспертологии. В статье рассматриваются признаки инвективно-коммуникативного акта и выделяются те факторы, анализ которых в рамках компетенции лингвиста помогает эксперту охарактеризовать содержание и форму речевого воздействия. Отвергая формально-стилистический подход к понятию нормы в сфере речевого взаимодействия и к ключевой для разбирательств об оскорблении характеристике «неприличная форма», автор настоящей статьи предлагает подход лингвокоммуникативный, опирающийся на анализ компонентов речевого акта.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, инвектива, оскорбление, речевой акт, коммуникация, неприличная форма выражения.

Для цитирования: Иваненко Г. С. Инвектива / оскорбление: аспекты квалификации в экспертной практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 129 – 135.

На настоящий момент в теории и практике лингвоэкспертологии остаются актуальными вопросы методологии исследования конфликтных речевых произведений. Обзору спорных аспектов исследования высказываний на предмет наличия признаков инвективности и посвящен настоящий материал.

Проблемами **инвективы** (восходит к лат. *invectivus* – хулительный, полный оскорблений, поношений; бранная речь) и инвективности лингвисты активно начали заниматься уже в конце прошлого века, например, Бельчиков [2], в том числе сибирские ученые Н. Д. Голев [5; 6; 8], В. И. Жельвис [9]. Угол зрения, с которого в этих работах рассматривалась оскорбительность, охарактеризуем как антропоцентричный: исследователей интересовали чувства людей, реальный эффект речевого воздействия. В начале XXI века наблюдается активизация употребления термина *инвектива* и исследования содержания, стоящего за ним в отечественной лингвистике, во-первых, в силу актуализации обозначаемого этим словом явления в публичной сфере; во-вторых, по причине «оживления» не работавших ранее на практике правовых норм, защищающих честь и достоинство человека; в-третьих, из-за стремительного развития, вслед за названными ранее факторами, лингвоэкспертной практики и формирования теории лингвистической экспертизы. Последнее обстоятельство обострило актуальность исследований «хулительной речи», отраженных в работах на стыке лингвистики и права, в частности исследованиях Араевой, Осадчего [1]; Бринева [4], Голева [7]; Жельвиса [10; 11]; Иваненко [12]; Стернина [15]; Кусова [13; 14]. Но изменился ракурс взгляда на проблему. Его можно условно назвать квалификационным, поскольку в работах обсуждается не столько вопрос инвективы как результата речевого воздействия, сколько условно-экспертная квалификация: что можно/нельзя считать инвективным/оскорбительным в правовом смысле, как соотносятся лингвистические и юридические категории? Смена угла зрения обусловлена обстоятельствами, но, как будет видно из последующих рассуждений, юрис-

центричность зачастую приводит к формоцентричности, в которой кроются определенные опасности.

Латинское понятие *инвектива* синонимично русскому *оскорбление*, и в современной науке функционируют оба термина. Объяснить сосуществование дублирующих друг друга по смыслу номинаций можно потребностью в дифференциации понятий различных предметных сфер. Слово *оскорбление* оказалось полифункциональным и полидискурсивным.

В сфере межличностного взаимодействия оно обозначает и коммуникативную ситуацию понижения одним лицом другого в статусе, и выражение крайне негативного отношения к кому-либо, и чувство, испытываемое объектом агрессивной речи или негативной оценки – широкую гамму речевых и неречевых действий и состояний как проявления человеческих взаимоотношений.

В лингвистике *оскорбление* называют жанром, речевым актом, коммуникативным действием. Понятие приобретает статус термина.

В юриспруденции *оскорбление* – правовая квалификация, которая определяет основное содержание нескольких правовых норм: 6.51 КоАП (ст. 130 УК РФ «Оскорбление» декриминализована; на настоящий момент оскорбление образует состав административного правонарушения), 319 УК РФ (оскорбление представителя власти), 297 УК РФ (неуважение к суду), 336 УК РФ (оскорбление военнослужащего), содержание понятия *оскорбление* входит в законодательные акты антиэкстремистского законодательства (ст. 282 УК РФ). Ко всем видам оскорбления применяется определение, содержащееся ранее в ст. 130 УК РФ, а затем перенесенное в 6.51 КоАП: «**оскорбление** – умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме».

Из приведенного перечня функционирования номинации *оскорбление* следует, что она употребляется в следующих дискурсах: разговорно-бытовом, психологическом, лингвистическом, правовом. При этом словесное обозначение меняет свой статус, эволюционируя от номинации понятия через термин к пра-

новой квалификации. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что в различных предметных сферах оскорбление имеет различные признаки, описывается средствами различных метаязыковых систем, номинирует различные явления реальной действительности. Например, уход невесты со свадьбы в аспекте межличностных и социальных отношений, скорее всего, будет воспринят стороной жениха как оскорбление, но не будет считаться таковым в юридическом аспекте.

В название статьи вынесены номинации *инвектива/оскорбление* для рассмотрения явления в двух дискурсивных практиках, на пересечении лингвистики и права.

Итак, условно обозначим *инвективной* речевое агрессивное действие по понижению статуса адресата. В ходе инвективного воздействия одно лицо адресует другому негативный речевой посыл, направленный на его психологическую дестабилизацию. По прагматическому коммуникативному результату инвектива – нанесение удара по психике человека, речевое ранение, а возможно, и убийство. Сущность же этого удара для потерпевшего заключается, во-первых, в восприятии крайне негативной характеристики или отношения коммуниканта, во-вторых, в неспособности продолжать общение (защитить себя, вступить в спор) и разрешить конфликт, выведенный оскорбителем за границу нормальных, не табуированных форм и средств воплощения. В-третьих, в случае публичного оскорбления дополнительной причиной психологического дискомфорта адресата инвективы является осознание публичного понижения в статусе.

На инвективное произведение речи можно посмотреть с трех позиций инвектива – это (1) речевой акт, (2) речевое воздействие и (3) результат речевого воздействия. Подход к событию с разных ракурсов обуславливает потенциальную возможность его различных квалификаций. Так, речевое воздействие (2), прогнозируемое адресантом как жанр упрека / понуждения / энергетической разрядки, может быть интерпретировано адресатом (3) как инвектива. Третья сторона – лингвист охарактеризует речевой акт (1), приняв заявленную позицию адресата (3) или адресанта (2), притом неизвестно, совпадает ли декларируемое ими намерение и эффект реальным. Лингвист имеет возможность объективировать результаты своего анализа, изучив контекст, учитывая дискурс, реакции коммуникантов, опираясь на квалификацию языковых средств как нормативных/ненормативных. Но все-таки, подключив весь имеющийся в арсенале современного филолога арсенал методических средств, исследователь не сможет во всех случаях и наверняка определить, имел ли адресант намерение дестабилизировать адресата и действительно ли объект воздействия испытал чувство унижения. В силу названных причин квалификация речевого акта лингвистом как инвективного или неинвективного:

1) неизбежно односторонняя, поскольку в обобщенной характеристике речевого акта объединены два далеко не всегда совпадающих ракурса: источника речи и получателя;

2) в значительной мере гипотетическая, так как она основана на объективных данных словарей и дру-

гих источников объективного и обобщенного знания, но не на изучении нормативной системы посылов и реакций конкретной речевой личности, что практически невозможно или с трудом реализуемо.

Несмотря на обозначенные погрешности в выводах, исследование лингвистическими средствами речевого акта на предмет реализации признаков инвективности все же имеет смысл. Как в целях выявления катализаторов конфликтогенности для развития лингвоконфликтологии, так и для решения экспертных задач. Само указание на **факторы инвективности** в рамках лингвокоммуникативистики и анализ значимых языковых и речевых фактов способствуют объективации судопроизводства при решении вопроса об оскорблении как деянии в правовом статусе. Общеизвестным в лингвоэкспертологии стало понимание: инвектива в лингвокоммуникативном смысле не тождественна понятию «оскорбление» в праве. Юридическая сфера конвенциональна, а чувства и состояния людей хотя и зависят от установлений социума, определяются не только и не столько ими. Оскорбление как противоправное деяние изъяли из уголовного кодекса, и оно потеряло такой квалификационный признак, как умысел. В коммуникативном же аспекте характеристики инвективы не изменились.

Обозначим факторы инвективности как категории лингвокоммуникативной и соотнесем их с факторами оскорбления как категории правовой. На настоящий момент в лингвоэкспертологии сложилась практика рассматривать **три основных фактора** инвективного речевого акта, и потребность в анализе именно этих признаков не подвергается сомнению [1, 3, 4, 12, 13], хотя содержание каждой категории и ее наполнение рассматриваются нетождественно.

1. **Фактор адресации.** В реальной коммуникации человек может почувствовать себя инвектумом, то есть оскорбленным, в самой широком спектре ситуаций. Не только агрессивные слова, адресованные конкретному лицу, но и чья-либо манера речи, использование нелитературной лексики, несоответствие образцам достойного поведения могут восприниматься как инвективные. В правовом же аспекте оскорбление должно относиться именно к лицу, притом к истцу. Не все вопросы относительно фактора адресации имеют однозначные ответы. Так, спорными до сих пор являются следующие вопросы.

А. Не очевидно, какую роль в процессе оскорбления играет контактность инвектора и инвектума. Очевидно, мера ситуативного деструктивного воздействия выше при контактном общении, особенно при поддержании агрессивного посыла соответствующей интонацией. В то же время отсроченный дестабилизирующий эффект, скорее всего, более стойкий при дистантном воздействии через письменный текст или третье лицо. Правовое же определение оскорбления не содержит конкретизации по настоящему вопросу.

Б. На настоящий момент принято считать, и небезосновательно, что оскорбление может относиться только к лицу. Остается открытым вопрос: может ли быть оскорблен конкретный человек как часть группы? В делах об оскорблении ответ на настоящий вопрос обычно отрицательный, а в делах об экстремизме, напротив, положительный. Опираясь лингвисти-

ческими категориями, нельзя забывать о возможности языка соотносит одну номинацию с несколькими и многими субъектами: *Все вы Х*, где *Х* – инвективная характеристика, отношение.

2. Фактор содержания. Относительно содержательного компонента инвективы высказываются самые разнообразные точки зрения. Вплоть до крайней: содержание не существенно, в отличие от формы.

А. Согласно широкой трактовке, инвектива охватывает речевые средства диффамационного характера различной степени экспрессии и меры негатива [2; 17]. Это взгляд с точки зрения объекта воздействия: негативные эмоции от полученного речевого удара – маркер инвективы. Противостоящее такой позиции стремление дифференцировать исследуемое явление в плоскости субъективное/объективное [3; 11; 15] и сузить нишу инвективности закономерно. В то же время содержащийся в широком взгляде на инвективу потенциал сосредоточенности на семантическом анализе сегодня стал особенно актуален. Лингвоэкспертное сообщество увлеклось обсуждением вопроса о содержании оскорбления в правовом смысле и несколько забыло о своей предметной обязанности – исследовать языковые и речевые средства выражения смыслов, порождающих определенный коммуникативный эффект. Поэтому при описании содержания инвективного воздействия, как нам представляется, лингвисту-эксперту стоит предать забвению все свои знания о правовых последствиях оскорбления, вспомнить «доэкспертную» эпоху лингвистики и установить взаимосвязь между языковым фактом и его коммуникативным результатом.

Б. Становится все менее популярной, но до сих пор существует версия, что оскорбление предполагает реализацию содержания ст. 152 ГК РФ «Распространение порочащих сведений» плюс «неприличная форма выражения». Выражалась также мысль, распространенная и сегодня, о том, что при оскорблении обязательно должна быть дана характеристика личности [3, с. 540]. Отсутствие характеристики означает отсутствие оскорбления – доказывают лингвисты во многих экспертизах. Представляется неправомерным лишать язык его модальной функции и оставлять за ним исключительно денотативную. Не только выражение характеристики, но и выражение оценки и отношения могут быть оскорбительными, естественно, при условии негативного характера и выраженности в неприличной форме.

В. Неизменной остается наша убежденность в том, что единственное константное содержание инвективы лежит в плоскости не логико-денотативной, коннотативной или эмотивной, а прагматической: содержание оскорбительной речи – понижение в статусе оппонента с целью а) его дестабилизации и /или б) понижения его ценности в глазах окружающих. Инвектива в речевой сфере аналогична такому физическому действию, как облить грязью. Воплощается ли при этом инвектива в информационном сообщении, оценочном, характеризующем или модальном – вопрос не содержания, а формы: стратегии и тактики, средства реализации. Прагматику в данном случае не отождествляется с умыслом. Прагматика – объектив-

ная роль языковых средств, выявленная в ходе анализа. Согласно предлагаемому взгляду, инвектива,

1) в отличие от позиции А), уже диффамации: инвективна не частная, а обобщенно-негативная характеристика или выражаемое отношение, то есть характеристикой, выражением оценки или отношения выражается полная ничтожность личности;

2) в отличие от позиции Б), шире характеристики, включает оценку и отношение, то есть не соотносится с диспозицией ст. 152 ГК РФ.

3. Фактор формы. Наиболее спорным аспектом инвективы как коммуникативного поступка и оскорбления как деяния, попадающего под правовую квалификацию, является понимание «неприличной формы выражения». Можно выделить противостоящие трактовки: широкую и узкую. Сторонники широкого понимания оскорбления относят к инвективной лексике и фразеологии языковые единицы с диффамационным потенциалом: *вор, мошенник, дерьмокра́т, фашист* [2, с. 67]. Согласно другой позиции, оскорбительными в правовом смысле являются исключительно обценные слова (табуированные, мат), которые в русском языке объединены в несколько словообразовательных гнезд [15]. Высказана позиция, согласно которой «неприличная форма» реализуется как минимум нелитературными языковыми средствами, как максимум – обценной лексикой [1]. Оба взгляда сосредоточены на анализе лексики и фразеологии, а не коммуникативного акта как комплекса факторов, хотя лингвистике давно известно, что отдельная языковая единица обладает коннотативным потенциалом различных зарядов. Например, слово *ручонки* потенциально содержит в себе и позитивную, и негативную коннотацию, а в определенном контексте в комплексе с другими средствами может выражать инвективу: «*Не трогай ты своими грязными ручонками таких понятий, как народ. Тебе ближе проститутки в туалете, окурки, плавающие в унитазе*» (в контексте публичной дискуссии).

Представляется, что инвектива как речевой акт, речевое воздействие и коммуникативный эффект в аспекте формы:

1) уже круга диффамационных средств;

2) шире круга нелитературных / нецензурных средств языка.

Без рассмотрения наполнения понятия «неприличной формы выражения» соотнести его с реальными речевыми актами невозможно.

Формально-стилистический подход и к инвективе, и к оскорблению представляется неоправданным. В аспекте прагматической задачи унижения оппонента избрание языкового средства обусловлено обстоятельствами и средой и является вопросом техники.

Кратко выразим сформированную позицию по данному вопросу:

А. Неприличная форма не то же самое, что нелитературная / нецензурная лексика. Согласно данным словарей, *неприличный* – противоречащий принятым в обществе правилам приличия. В лингвистике отсутствует характеристика лексемы как «приличной», а также соответствующая лексикографическая помета. Это значит, что категория «приличности» относится не к числу языковых, а к числу этико-культурных.

Б. Этико-культурные нормы, в частности приличность/неприличность, исторически, социально, этнически, ситуативно обусловлены.

В. Невозможно охарактеризовать языковое средство как приличное / неприличное без учета всех факторов коммуникативного акта: места, времени коммуникации, наличия свидетелей, характера взаимоотношений между коммуникантами, их предшествующего опыта общения и др.

Г. Мнение лингвиста о приличности / неприличности в данных обстоятельствах того или иного речевого акта может быть аргументировано, но не может быть верифицировано.

Экспертная практика привела к выводу, что названные ранее три параметра – программа минимум лингвистической экспертизы по делу об оскорблении. Если есть соответствующая информация, предметом исследования должны стать также параметры, которые условно назовем **факультативными**, но не потому, что их значимость вторична, а потому, что далеко не всегда имеется возможность их изучения. Учет любого из приведенных далее факторов может привести к изменению выводов на диаметрально противоположные.

4. Фактор дискурса. Дискурсивная специфика коммуникации во многом определяет и ее форму, и содержание, а следовательно, соответствующие параметры деструктивного речевого воздействия. Разные дискурсы принимают за норму различные образцы. Если коммуниканты долгое время функционируют в среде, в которой стилистически сниженная лексика является нормой, данное обстоятельство нельзя не учитывать при описании характера включенного в этот дискурс речевого произведения. Это не значит, что лингвист категорично заявит об отсутствии инвективы. Нельзя исключать возможности длительного внутреннего дискомфорта инвектума, вылившегося наружу в конкретный момент. Но вписать конкретную ситуацию в сложившуюся речевую практику необходимо для осмысления как минимум вопроса об остроте и исключительности / типичности, а следовательно, дискурсивной нормативности / ненормативности рассматриваемого коммуникативного посыла. Какую роль сыграет данный фактор в принятии судом решения – вопрос вне компетенции лингвиста. Вариативность интерпретаций также не исключена [8; 9].

5. Фактор контекстуальной обусловленности использованного языкового средства. Речь идет о контексте не только речевом, но и ситуативном. Ход диалога или монолога помогает понять, какие информационные и эмотивные послы исходили от всех участников коммуникации, а вследствие этого определить характер коммуникативной стратегии и тактики. Возможно установить, насколько органично конкретное языковое средство вписывается в контекст коммуникации, служит ли оно оборонительным или наступательным коммуникативным стратегиям, осуществляет роль удара в целях доминирования или сохранения собственного репутационного положения. Важно понять, какие речевые средства были симметричными, а какие – асимметричными. Вне контекста невозможно установить характер, силу, цель и направленность речевого удара.

В равной мере важен не только вербальный, но и ситуативный контекст. Реакция на физическое насилие в виде брани уже не выполняет функцию речевой агрессии с целью понижения в статусе, а становится средством блокировки таковой, а также может сопровождать выброс негативных эмоций, вызванных физической болью и испытанным чувством унижения.

6. Фактор интенциональности. Оскорбление может быть интенционально запрограммировано и не запрограммировано. Ненамеренное оскорбление может быть результатом

1) различных коммуникативных кодов, отражающих нетождественность культурной нормы: а) этнического б) возрастного в) гендерного г) социально-образовательного уровней;

2) несовпадения ситуативной трактовки состояния и интенций коммуникантов.

Целью намеренного (осмысленного) оскорбления является понижение коммуникативного статуса оппонента, выведение диалога (очного или заочного) за рамки принятых норм как декларация пренебрежения, презрения. При наличии свидетелей, в частности в СМИ, оскорбление преследует не в меньшей мере цель понизить статус объекта оскорбления в глазах общественности. В последнем случае положение оскорбленного усугубляется невозможностью адекватной компенсирующей реакции в психологически релевантный промежуток времени.

Далеко не всегда интенция декодируется, но возможность извлечения информации о прагматической направленности речевого акта в результате рассмотрения всех лингвистических и связанных с ними экстралингвистических факторов не исключена.

Покажем, какую роль выполняет в ходе анализа каждый из названных факторов. Лингвисту для анализа поступает произведение речи: «Дура!». Вопрос: «Является ли слово «дура» оскорбительным?». Сначала подойдем к вопросу с формоцентрической точки зрения. Дура – слово литературное, значит, оно не относится к обценной лексике, следовательно, высказывание нельзя считать оскорбительным.

Теперь посмотрим на ситуацию с позиций коммуникативистики. Сначала выясним характер коммуникативной ситуации, **дискурс и контекст**. Обстоятельства следующие: в магазин вбегает недавно уволенная сотрудница и начинает бросать в лицо продавцу упреки в глупости, профессиональной несостоятельности, сопряженные с упоминанием обстоятельств производственного и личного характера, с негативными прогнозами относительно будущего. Используемая лексика литературная. Самое резкое слово с негативной оценкой – «дура». Без характеристики коммуникантов описание коммуникативного акта будет неполным: адресант – женщина зрелого возраста, бывший начальник адресата; адресат – молодая беременная женщина, ныне оказавшаяся на месте уволенной. Дополнительные характеристики обстоятельств коммуникации: в магазине находятся покупатели. И самое главное: весь монолог произносится не просто на повышенных тонах, а на надрыде, без пауз и сопровождается бросанием в адресата попадающих под руку вещей, в том числе снятых с полок товаров,

что не наносит никакого физического вреда, но является знаком презрения (показания свидетелей, видео).

Проанализируем речевой акт, следуя неизбежному принципу филологического анализа рассматривать языковую единицу в контексте и дискурсе. **Адресатом речи** стала именно молодая беременная женщина, на что указал и посыл голоса, и направление движения адресанта, и обращения. **Содержание речи** – обвинения и упреки, справедливые или нет – вопрос вне компетенции лингвиста. Смысл их концентрированно выражен в слове «дура», представленном на рассмотрение. Безусловно, лексема обладает богатым коннотативным потенциалом и определяет свое значение, обрывает смыслами только в контексте. В данном случае оно лишено коннотаций дружеского «своего» общения и выполняет инвективную роль: показывает коммуниканту и всем окружающим его низкий статус. Конечно, можно усмотреть в высказываниях и выражение мнения, и предупреждение, и много других компонентов содержания, но дискредитирующий аспект речи в любом случае имеет место. Молодая женщина оказалась в ситуации унижения: она стала объектом публичного поношения и принижения и не могла ответить симметрично в силу возраста, статуса, психологических особенностей. **Форма речи.** По этому пункту ответы лингвистов будут, безусловно, различаться. Представляется, что для публичного места не является нормой:

- а) выяснение личных отношений;
- б) негативная личностная оценка вне связи с общественно значимыми и обусловленными профессиональным общением процессами;
- в) повышенный тон речи;
- г) сопровождение речевой агрессии агрессивными физическими действиями.

Иными словами, произошедшая сцена не является нормой, она нарушает сложившиеся правила поведения и является неприличной. Такова характеристика не одного слова, а коммуникативного акта. **Дискурс и контекст** стали фактуальной основой для рассмотрения основных параметров коммуникативного акта. **Интенция** следует из ситуативного контекста: увольнение сотрудницы произошло несколько дней назад, поэтому реакция не стихийная, равно как и избрание местом выяснения отношений торговый зал. **Перлокутивный эффект** описанного коммуникативного акта: через полторы минуты под напором агрессии у адресата речи начался приступ астмы, который блокировали только врачи скорой помощи. Сама физиология адресата отразила содержание и эффект коммуникации. Конечно, такой маркер не всегда имеется в арсенале интерпретационных средств. Но и анализа факторов коммуникативного акта достаточно, чтобы признать его инвективным в лингвокоммуникативном аспекте. Правовая система может делать свои выводы, учитывая иные факторы и обстоятельства.

В приведенном примере важным для рассмотрения обозначенной проблемы является несовпадение результатов анализа слова на формально-стилистическом уровне и слова как коммуникативного акта на уровне прагматическом.

Обобщим сказанное.

1. Оскорбление – полифункциональное и полидискурсивное явление, и при упоминании этого понятия следует уточнять, о каком предметном статусе идет речь. В рамках лингвистической компетенции оскорбление (инвектива) – явление более широкое, чем оскорбление в правовом поле.

2. Несмотря на неполное совпадение оскорблений в лингвокоммуникативном и юридическом аспектах, именно анализ спорного речевого акта как произведения речи и коммуникации в рамках лингвистического исследования является основой правовой квалификации. В то же время лингвист должен осознавать границы своей компетенции и рассматривать оскорбление именно как инвективу – агрессивный речевой акт деструктивного (дестабилизирующего и/или диффамационного) характера.

3. Объективации судебного решения послужит рассмотрение лингвистом следующих факторов: характера адресации, содержания, формы, дискурса, контекста, интенции.

4. При лингвистическом исследовании речевого акта следует учитывать различные ракурсы: кодировки адресантом и декодировки адресатом, – которые могут не совпадать в силу различия коммуникативных кодов.

5. Инвектива – явление не только и не столько языкового, сколько этико-культурного уровня. Поэтому лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении преследует цель вскрыть содержание конфликтного речевого акта, смысл информационного и эмотивного посыла от адресанта к адресату, соответствие его содержания и формы коммуникативной норме данного социума в предлагаемых обстоятельствах, иллюкутивная направленность и перлокутивный эффект высказывания.

И, наконец, интерпретация такого объема разнородной информации, с неизбежным выходом в сферу прогнозирования о возможном перлокутивном эффекте высказывания, не может не быть вариативной. Печальный вывод, с одной стороны, уводит от желанного берега с твердой почвой под ногами, с другой – избавляет от миражей очевидности, которые могут привести стремящегося к однозначности лингвиста к видимости объективности. Методология, стоящая на одной опоре (обценная лексема / необценная), до бессмысленности упрощает сложную систему речевых воздействий и сводит результаты правовой защиты от речевой агрессии к формальным характеристикам, не соотносящимся с реальными результатами коммуникации. Коммуникативный же подход к инвективе и оскорблению, снятие с понятия **неприличный** статуса формально-языкового явления и включение его в контекст этико-культурных, функционально обусловленных категорий, хотя и приведет к вариативности интерпретаций, осложнит экспертный анализ, но зато углубит и объективирует его, приблизит к раскрытию содержания произошедшего речевого события.

Литература

1. Араева Л. А., Осадчий М. А. Проблемы судебно-лингвистической экспертизы в рамках дел о защите чести и достоинства о клевете и оскорблении // Рос. юрид. журн. 2006. № 2. С. 86 – 94.
2. Бельчиков Ю. А. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации // Филологические науки. 2002. № 4. С. 66 – 74.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта; Наука, 2013.
4. Бринев К. И. Проблема экспертной оценки оскорбления. Оскорбление в правосознании лингвиста. Оскорбление как речевой акт // Юрислингвистика. 2011. № 11. С. 330 – 339.
5. Голев Н. Д. Речевой жанр ссоры и инвективные фреймы в рассказах В. М. Шукшина // Культура. Образование. Духовность: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию Бийского госпединститута. Ч. 2. Бийск: НИЦ БиГПИ, 1999. С. 109 – 112.
6. Голев Н. Д. Юрислингвистика и прагматика: о двух стратегиях обвинения в словесной инвективе и защиты от него // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: тез. докл. к региональной науч.-практ. конф. памяти профессора И. А. Воробьевой (70 лет со дня рождения) / под ред. В. А. Чесноковой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 146 – 148.
7. Голев Н. Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы русистики: материалы международной научной конференции, посвященной 85-летию томской диалектологической школы и 125-летию Томского государственного университета (Томск, 21 – 23 октября 2003 г.). Томск, 2007. Вып. 2. Ч. 1. С. 92 – 97.
8. Голев Н. Д. Множественность интерпретации речевых произведений как фактор коммуникативного конфликта между их автором и адресатом // Житниковские чтения-7: Диалог языков и культур в гуманистической парадигме: материалы науч. конф. / отв. ред. Н. А. Новоселова. Челябинск, 2004. С. 114 – 116.
9. Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Научное издание. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ладомир, 2001. 352 с.
10. Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика. 2000. № 2. С. 194 – 206.
11. Жельвис В. И. «Оскорбление» или «обида»: попытка дифференциации // Юрислингвистика. 2008. № 9. С. 155 – 162.
12. Иваненко Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации. Челябинск: Полиграф-мастер, 2006.
13. Кусов Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
14. Кусов Г. В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: решение проблемы «неприличная форма» // Российский судья. 2013. № 5. С. 43 – 48.
15. Стернин И. А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) // Антропотекст-1. Томск. 2006.
16. Шарифуллин Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // Юрислингвистика. 2004. № 5. С. 126 – 137.

Информация об авторе:

Иваненко Галина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета, gala.april@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 20.02.2016 г., принята к печати 07.06.2016 г.

ACCUSATION / INSULT: ASPECTS OF THE QUALIFICATION IN EXPERT PRACTICE

Ivanenko **Galina S.**^{1,@}

¹ Chelyabinsk State Pedagogical University
@ gala.april@mail.ru

Abstract: Peer review of statements and texts for insult still remains a challenging field of linguotextology. The paper discusses the signs of invective communicative acts, and describes those factors, the analysis helps the expert to describe the content and form of speech influence. Rejecting the formal-stylistic approach to the concept of norms in the field of speech interaction and to the characterization of “indecent form”, which is the key to the proceedings of the insult, the author of this paper offers a linguistic and communicative approach, based on the analysis of the components of the speech act.

Keywords: linguistic expertise, invective, insult, speech act, communication, vulgar form of expression.

For citation: Ivanenko G. S. Accusation / insult: aspects of the qualification in expert practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 129 – 135.

References

1. Araeva L. A., Osadchii M. A. Problemy sudebno-lingvisticheskoi ekspertizy v ramkakh del o zashchite chesti i dostoinstva o klevete i oskorblenii [Problems of forensic linguistic examination within the framework of cases of defamation and insult libel]. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal – Russian law journal*, no. 2 (2006): 86 – 94.
2. Bel'chikov Iu. A. Invektivnaia leksika v kontekste nekotorykh tendentsii v sovremennoi russkoi rechevoi kommunikatsii [Invective vocabulary in the context of some of the trends in modern Russian speech communication]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*, no. 4 (2002): 66 – 74.
3. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta* [Linguistic expertise teksta]. Moscow: Flinta; Nauka, 2013.
4. Brinev K. I. Problema ekspertnoi otsenki oskorbleniia. Oskorblenie v pravosoznanii lingvista. Oskorblenie kak rechevoi akt [Problem peer review insults. Insult to the sense of justice of the linguist. Insulting a speech act]. *Iurislingvistika – Yurislingvistika*, no. 11 (2011): 330 – 339.
5. Golev N. D. Rechevoi zhanr ssory i invektivnye freimy v rasskazakh V. M. Shukshina [Speech genre of argument and invective frames stories in V. M. Shukshin]. *Kul'tura. Obrazovanie. Dukhovnost': Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 60-letiiu Biiskogo gospedinstituta* [Culture. Education. Spirituality: Proc. all-Russian Sc.-Prac. Conf. dedicated to the 60th anniversary of the Biysk state pedagogical Institute]. Biisk, NITs BiGPI, 1999, part 2, 109 – 112.
6. Golev N. D. Iurislingvistika i pragmatika: o dvukh strategiiakh obvineniia v slovesnoi invektive i zashchity ot nego [Yurislingvistika and pragmatics: two charges strategies in verbal invective and protection from it]. *Iazykovaia kontseptsiiia regional'nogo sushchestvovaniia cheloveka i etnosa: Tez. dokl. k regional'noi nauch.-prakt. konf. pamiati professora I. A. Vorob'voi (70 let so dnia rozhdeniia)* [The concept of regional linguistic human existence and ethnicity: Proc. Reg. Sc.-Prac. Conf. in memory of Prof. I. A. Vorobyeva (70 years since birthday)]. Ed. Chesnokova V. A. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1999, 146 – 148.
7. Golev N. D. Iurislingvisticheskii slovar' invektivnoi leksiki russkogo iazyka (k postanovke problemy) [Yurislingvisticheskii Dictionary invective Russian vocabulary (to the problem)]. *Aktual'nye problemy rusistiki: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 85-letiiu tomskoi dialektologicheskoi shkoly i 125-letiiu Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Tomsk, 21 – 23 oktiabria 2003 g.)* [Actual problems of Russian studies: Proc. Intern. Sc. Conf. devoted to 85-th anniversary of Tomsk dialect school and the 125th anniversary of Tomsk state University (Tomsk, October 21 – 23, 2003)]. Tomsk, part 1, vol. 2 (2007): 92 – 97.
8. Golev N. D. Mnozhestvennost' interpretatsii rechevykh proizvedenii kak faktor kommunikativnogo konflikta mezhdu ikh avtorom i adresatom [The multiplicity of interpretations voice works as the factor of communicative conflict between their author and the addressee]. *Zhitnikovskie chteniia-7: Dialog iazykov i kul'tur v gumanisticheskoi paradigme: Materialy nauch. konf.* [Janikowski reading-7: Dialogue of languages and cultures in the humanistic paradigm: Proc. Sc. Conf.]. Ed. Novoselova N. A. Cheliabinsk, 2004, 114 – 116.
9. Zhel'vis V. I. *Pole brani: Skvernoslovie kak sotsial'naia problema v iazykakh i kul'turakh mira* [Battlefield: Swearing as a social problem in the languages and cultures of the world]. 2nd ed. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Ladimir», 2001, 352.
10. Zhel'vis V. I. Slovo i delo: iuridicheskii aspekt skvernosloviia [Word and Deed: legal aspect]. *Iurislingvistika – Yurislingvistika*, no. 2 (2000): 194 – 206.
11. Zhel'vis V. I. «Oskorblenie» ili «obida»: popytka differentsiatsii ["Insult" or "insult": an attempt to differentiate]. *Iurislingvistika – Yurislingvistika*, no. 9 (2008): 155 – 162.
12. Ivanenko G. S. *Lingvisticheskaya ekspertiza v protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva, delovoi reputatsii* [Lingvisticheskaya expertise in the protection of the honor of processes, dignity and business reputation]. Cheliabinsk: Poligraf-master, 2006.
13. Kusov G. V. *Oskorblenie kak illokutivnyi lingvokul'turnyi kontsept*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Insult both illocutionary lingvokul'turnyj concept. Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Volgograd, 2004.
14. Kusov G. V. Sudebnaia lingvisticheskaya ekspertiza «oskorbleniia»: reshenie problemy «neprilichnaia forma» [Forensic linguistic examination "insults": solving the problem of "indecent form"]. *Rossiiskii sud'ia – Russian judge*, no. 5 (2013): 43 – 48.
15. Sternin I. A. Oskorblenie i neprilichnaia iazykovaia forma kak predmet lingvisticheskoi ekspertizy (bytovoe i iuridicheskoe ponimanie) [Insults and obscene language form as an object of linguistic expertise (domestic and legal understanding)]. *Antropotekst-1* [Antropotekst-1]. Tomsk, 2006.
16. Sharifullin B. Ia. Iazykovaia agressiia i iazykovoie nasilie v svete iurislingvistiki: problema invektivy [Language aggression and violence in the light of linguistic yurislingvistiki: problem invective]. *Iurislingvistika – Yurislingvistika*, no. 5 (2004): 126 – 137.

Received 20.02.2016, accepted 07.06.2016.

ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ГЕРМЕНЕВТИКУ (на материале избирательных споров)

Е. С. Кара-Мурза^{1, @}

¹ *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*
@kara-murza-elena@yandex.ru

Аннотация: Учитывая возможность конфликта юридической и юрислингвистической герменевтики, автор рассматривает в этом ракурсе такой малоизученный объект, как избирательный спор. Автор показывает, что он разрешается через универсальный интерпретационный механизм усмотрения, который одновременно является особым правовым институтом, а в сфере электоральных конфликтов проявляется как вариант юридической герменевтики. По мнению автора, усмотрение демонстрирует субъективность официально-делового стиля/юридического дискурса – свойство, до сих пор слабо принимаемое во внимание в лингвистике.

Ключевые слова: юридическая герменевтика, усмотрение, избирательный спор, субъективность юридического дискурса.

Для цитирования: Кара-Мурза Е. С. Юрислингвистическая точка зрения на юридическую герменевтику (на материале избирательных споров) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 136 – 142.

Жанр юбилейной статьи в честь выдающегося ученого позволяет принести дань уважения и восхищения ее адресату, а также предложить свое видение его творчества в целом или какой-либо из его идей, значимых для автора статьи. Поздравляя с юбилеем дорогого коллегу Николая Даниловича Голева, профессора Кемеровского государственного университета, академика МАН ВШ, первопроходца многих научных направлений, хочу подчеркнуть его роль как создателя новой концепции в парадигме правовой лингвистики. Это двуединая концепция юрислингвистики и лингвоюристики, основой и особенностью которой является глубокая лингвофилософская рефлексия: «Естественный язык попадает в сферу юридического функционирования разными путями: в одном из них он выступает в качестве средства юридической деятельности, а другом – в качестве ее объекта. (...) И та, и другая сферы служат источником языковых конфликтов, возникающих в силу особенностей ЕЯ: его антиномического бытия, стихийности законов существования, вступающих в противоречие с законами юридического языка» [7, с. 779]. Ученый показал, что основная фабула лингвоюридических решений связана с несовпадением лингвистических и юридических презумпций: с одной стороны, в ЕЯ множественность интерпретации является объективным механизмом его функционирования, а с другой стороны, в юридическом языке предполагается стремление к ее преодолению.

В размышлениях Н. Д. Голева о «проблемах на стыке языка и права» красной нитью проходит понятие герменевтики – одно из ключевых в судебной лингвистической экспертизе (СЛЭ) как прикладном направлении юрислингвистики и лингвоюристики. Это понятие будет исходным пунктом моих размышлений.

Герменевтика – теория и практика интерпретации смыслов; возникнув как техника толкования религиозных текстов, сейчас она используется во всех гуманитарных областях, стала «органом наук о духе» [2,

с. 34] – от филологии и журналистики до правоведения: «Право является по своей природе тотально герменевтическим явлением» [19]; «одним из наиболее продуктивных методов познания права является юридическая герменевтика, занимающая особое место в методологии права, поскольку наука права есть главным образом "понимающая" и "толкующая" дисциплина» [17].

Истолкование текста описывается через понятие герменевтического круга; а кроме того, включает ряд процедур: «Признанным считается деление на *subtilitas intelligendi* (понимание), *subtilitas explicandi* (истолкование) и *subtilitas applicandi* (применение). В понимании всегда имеет место нечто вроде применения подлежащего пониманию текста, в котором находится интерпретатор. Применение есть такая же интегральная часть герменевтического процесса, как понимание и толкование» [24, с. 114]; «если интерпретатор-философ может бесконечно переходить от «поэзиса» к «технэ» и наоборот, то интерпретатор-юрист (в сущности – профессиональный аппликатор) обязан принимать решения, обязан находить точку совпадения между двумя контрнаправленными интерпретациями, должен редуцировать всю неопределенность нормы в четкую систему соответствий» [14]. Г. И. Богин подчеркивал деятельностный характер герменевтических занятий [4]. Аппликация как финальный этап герменевтики становится «нулевым этапом» в таких прикладных областях, как наука, преподавание, правоприменение.

СЛЭ тоже герменевтическая процедура [3], «исследование текста письменного документа или устного высказывания в целях решения вопросов смыслового понимания» [5]; это юрислингвистический вариант филологической герменевтики [22]. Лингвисты-эксперты используют его для истолкования конфликтных текстов, для помощи правоведам в разрешении документационных и информационных споров.

Юридическая герменевтика способна входить в конфликт с юрислингвистической: известны случаи необоснованного неприятия судом экспертных исследований или изменения приговора после новой экспертизы. Для оптимизации взаимодействия с правоприменителями лингвистам-экспертам стоит глубже вникнуть в их истолковательскую манеру.

Относительно юридической герменевтики существует представление, что ее результатом «является нахождение единственно правильного варианта интерпретации общеправовых предписаний относительно конкретной правовой ситуации» [19]. С этой идеей совпадает мнение, распространенное в функциональной стилистике, что основным свойством официально-делового стиля является «точность, не допускающая инотолкование» [21, с. 274]. В дискурсологии специфическими чертами юридического дискурса тоже считаются «формализованность, «текстоцентричность», универсальность категорий, утверждаемых и реализуемых норм и конвенций, а также их объективность («отчужденность» от индивида)» [13, с. 142].

И у меня как у доцента кафедры стилистики русского языка и лингвиста-эксперта были идеализированные представления о юридической герменевтике, была презумпция ее объективности (если отвлечься от фактора «телефонного права»). Однако изучение лингвоправовых конфликтов (напомню, что основателем отечественной лингвоконфликтологии является также проф. Н. Д. Голев) помогло мне задуматься о глубинном субъективизме юридической герменевтики. Самое яркое проявление «человеческого фактора» в этой сфере – тот факт, что при вынесении приговора судья официально опирается как на нормы права, так и на свое профессиональное правовое сознание [25].

А мне, когда я изучала электоральный дискурс как конфликтноген и объект СЛЭ [11] бросились в глаза формулировки, используемые в избирательных спорах любыми их сторонами (политиками-кандидатами, ведомственными чиновниками, журналистами): в каком-либо тексте «(не) усматривается информация/агитация», «не усматривается нарушение закона», какой-либо текст «(не) признается / (не) считается предвыборной агитацией» и др. Эти «формулы усмотрения» сначала привели меня в недоумение: подумалось, что явная модализация делает их выражением мнения, т. е. суждениями неverifiedируемыми, вряд ли могущими лечь в основу правоприменения. Однако недоумение развеялось, как только я выяснила, что квалификации, отраженные в них, – это не просто личное мнение уполномоченных чиновников ЦИК, а результат усмотрения – особого феномена юридической практики, приема юридической герменевтики.

Вот пример анонсов с новостной ленты Яндекс (февраль 2012 г.). Некоторые заметки процитированы подробнее, чтобы показать юридические аргументы, с помощью которых различаются агитация и информация как конфликтногенные типы дискурсов (подробнее см. ниже).

(Пример 1) 1. ЦИК не усматривает в статьях Путина предвыборной агитации ЦИК РФ не считает статьи Владимира Путина, опубликованные в российских газетах, агитацией. Член Центризбир-

кома Майя Гришина, курирующая вопросы соблюдения избирательного законодательства, объяснила, что нарушением является то, в чем лежит агитационная цель. "В данном случае цель – информация", – заявила представитель ЦИК. При этом, по ее словам, важной особенностью является то, что статьи опубликованы в разных газетах, что означает равное внимание разным СМИ (ВВС Русская служба).

2. ЦИК не видит агитации в предвыборных статьях Путина: просто излагает свою позицию, всем интересно Статьи Путина, опубликованные в разных газетах, нельзя считать агитацией (Газета.Ru).

3. ЦИК не нашел признаков агитации в статьях Путина Член ЦИК утверждает, что единственная связь между этими публикациями и предстоящими президентскими выборами в том, что чем шире и полнее освещается деятельность кандидата, тем полезнее для избирателей. Гришина резюмировала, что нарушения законодательства Центризбирком не усматривает (BFM.ru).

4. ЦИК: В программных статьях Путина нет агитации Программные статьи кандидата в президенты Владимира Путина, опубликованные в разных газетах, не являются агитацией. Такое мнение высказала член ЦИК М. Гришина (Аргументы Недели АН-online).

Усмотрение – это общеевропейский институт с давней историей, по-латыни называемый *discretion*. Правоведы высоко оценивают его место в познавательных процессах и соотносят с категорией судебного убеждения, подчеркивая личностную составляющую в судебной герменевтике; иногда психологический аспект отрицают, подчеркивая, что это именно правовой институт [16]. Усмотрение работает в диапазоне от уголовного до административного производства и в других формах управления: «В современных юридических энциклопедиях даются понятия дискреции и дискреционной власти как решения должностным лицом или госорганом какого-либо вопроса по собственному усмотрению. (...) Как же можно определить природу рассматриваемого явления? Административное усмотрение есть мотивированный выбор для принятия правомерных решений и совершения действий управомоченным субъектом в рамках его компетенции для выполнения управленческих и иных задач. / Каковы элементы административного усмотрения? Условно к ним можно отнести:

а) правильно понятый публичный интерес и соотношение с ним возможных действий и решений в рамках собственных полномочий. Это административно-правовое повеление;

б) выработку установки и формирование соответствующей мотивации;

в) оценку альтернатив юридических действий и решений и обоснование выбора;

г) осуществление юридических действий, бездействие (если оно обусловлено уровнем компетентности), принятие решений;

д) намерение и волю следовать принятым решениям и действовать в их русле, и соответствующие поведенческие акты – сообразно требованиям психологии управления (...).

Как видно, административное усмотрение есть активное проявление субъективного фактора в процессе правотворчества и правоприменения. (...) Однако такие явления, как коррупция, взятки, безучастность, резко снижают положительный потенциал административного усмотрения» [23].

В герменевтике усмотрение предстает одним из ключевых феноменов: «Основные категории герменевтики – смысл, смыслоусмотрение, понимание, интерпретация» [15, с. 334]. Г. И. Богин описал многочисленные техники усмотрения и ставил вопрос, что главное в герменевтике – дискурсивность объяснения или интуитивность усмотрения [4], указывая, таким образом, на холизм и субъективизм последнего.

Усмотрение можно изучать и в лингвистическом ракурсе. Глагол «усмотреть/усматривать» проанализирован среди метафорических синонимов путативных глаголов [1, с. 389]. Усмотрение – это одна из рефлексивных метатекстовых конструкций, характерных в частности для научного дискурса и выполняющих текстообразующие функции – композиционную и риторическую. С его помощью ученый доказывает гипотезы – как для самого себя, так и для своих читателей; в этом состоит «сюжет» научного исследования [20]. Н. К. Рябцева назвала подобные конструкции ментальными перформативами; ср. анализ их употребления в «переводах» с научного дискурса на учебный [8]. А на материале избирательных споров можно попытаться понять роль «формул усмотрения» как ментальных перформативов в усмотрении – правовом акте, который имеет герменевтическую природу и юридическую силу.

ИС представляют собой «разногласия между участниками избирательного процесса, связанные с толкованием норм избирательного права в ходе их реализации, разрешаемые юридическими средствами уполномоченными на то органами в лице избирательных комиссий и судов на основе применения норм права» [5]. ИС может состоять из нескольких этапов – от административного до судебного и кассационного. Избирательный спор – это факт предвыборной борьбы, конфликт интересов и ресурсов в политической сфере, со сложной конфигурацией сторон и многослойной мотивацией; он вызван конкуренцией за властный ресурс – за место в федеральном или местном парламенте, за пост мэра или президента. Одним из приемов, позволяющих «нейтрализовать» политического соперника, является обвинение, что тот ведет избирательную кампанию с нарушением – от стандартов оформления подписных листов или финансирования кампании до правил информационного обеспечения выборов (ИОВ). В этой статье обсуждаются только споры вокруг ИОВ.

Этот феномен формируется двумя направлениями: информированием избирателей и предвыборной агитацией. Составляя единый правовой институт, они не только взаимодополнительны, но и противопоставлены. Агитация ограничена и в сроках проведения, и в использовании аргументов: запрещены некоторые риторические приемы (напр. критика соперников), диффамация и словесный экстремизм. Агитацией нельзя заниматься высокопоставленным чиновникам, деятелям религиозных и

благотворительных организаций. Изданиям и каналам СМИ можно размещать агитацию кандидатов и партий на специальных условиях, но им нельзя ею заниматься «от себя».

Поводом для ИС по поводу ИОВ становятся «кванты» агитационной деятельности:

1) мероприятия (встреча кандидата в президенты/в депутаты с избирателями; его выступление на партийном съезде или в СМИ);

2) тексты, подготовленные штабом (агитационная газета, брошюра, телеролик);

3) отражение избирательной кампании в журналистских выступлениях или в других публикациях в СМИ.

(Пример 2) «Избирком Хакасии не усмотрел на 19rus.info нарушений выборного законодательства Информационное агентство «Хакасия» получило ответ из Избирательной комиссии РХ» – это заголовок и подзаголовок заметки в Интернете, размещенной по этому э-адресу 11.03.12. В ходе президентских выборов 2012 г. республиканская прокуратура обвинила это информагентство в нарушении «дня тишины». Журналисты не согласились с обвинением и обратились в республиканский избирком. В дополнение к этой заметке, помимо сканированного письма из ЦИК РХ, на той же странице сайта приведены заголовки новостей по данной теме: 11/03/12 – Депутат Верховного Совета Хакасии Валерий Усатюк: Претензии к ИА «Хакасия» – чистейшая заказуха! 07/03/12 – Массированная атака на ИА "Хакасия" продолжается; 07/03/12 – Депутат Верховного Совета РХ считает претензии прокуратуры к ИА "Хакасия" необоснованными; 06/03/12 – Олег Иванов защищает ИА "Хакасия" от прокуратуры.

Главные участники данного конфликта – государственная надзорная инстанция (республиканская прокуратура) и информационная инстанция (агентство новостей); оба настаивают на соблюдении избирательного законодательства, но по-разному толкуют одну и ту же правовую норму. Квалифицированными наблюдателями выступили местные депутаты, критиковавшие прокуратуру и назвавшие «заказухой» ее претензии к журналистам. Агентство, подготовив подборку материалов со своими акцентами, само стало толкователем этого спора для политизированного электората и в целом для массовой аудитории. Характерен заголовок материала, в котором отражена «формула усмотрения»: он оформлен как фактологическое суждение, в котором отражено авторитетное мнение РИК. Таким способом журналисты подчеркнули отсутствие нарушений в своей профессиональной деятельности во время избирательной кампании.

Очевидно, что ИС реализуется как «конфликт интерпретаций», ценностная основа которого – правовая аксиология. Как событие правовой коммуникации/ юридического дискурса, ИС обладает богатой драматургией, многоплановым сюжетом и разветвленной системой персонажей. Завязка спора – обнаружение в ходе кампании правонарушения (даже мнимого) и обвинение в нем (хотя бы и надуманное); кульминация – правовая оценка деяния/текста и вердикт. А развязка – реализация административного

предписания избирательных комиссий (например арест агитационных материалов) или судебного решения (арест тиража издания с текстом, признанным по суду неправомочной агитацией).

Если в избирательном споре претензия предъявляется к речевому продукту, то возникает необходимость исследовать, соответствует ли он требованиям закона. Поэтому текст подлежит герменевтическим процедурам (пониманию, истолкованию и применению) и подвергается многостороннему анализу – операциям:

- 1) семантическим (по содержанию);
- 2) диагностическим (где его характерные особенности сопоставляются с лингвоправовыми признаками электоральных речевых правонарушений);
- 3) классификационным, в которых выявляется его принадлежность к одному из юридизированных типов дискурса (агитации/информации);
- 4) квалифицирующим – оценке в правовой аксиологии («законно/незаконно/нарушение» и др.).

Разграничение, распознавание коммуникативных феноменов «информация» и «агитация» – одна из главных задач правоприменения. А значит, оно становится и задачей лингвистической экспертизы; его можно считать самостоятельным направлением интерпретации текстов и особым типом СЛЭ – диагностическим [12].

В ИС распознавание предвыборной агитации основано на выявлении целей и намерений ее создателей и распространителей; см. в первом примере обвинения и оправдания в адрес премьер-министра В. В. Путина и журналистов. Это типично юридический подход к выявлению и дифференциации речедействительностных феноменов, юридико-герменевтический вариант интен-анализа: в российских законах и предвыборная агитация, и информация (а также реклама, коммерческая и социальная) характеризуются именно через направленность; поэтому толкователи именно ее усматривают (или нет) в конфликтогенных текстах. Проблема мне видится в том, что доминирование интенционального подхода к коммуникативным объектам может минимизировать влияние других: содержательно-тематического и формального (атрибутивного, через характерные и узнаваемые показатели агитации и прочих дискурсивных типов. Эти подходы не менее существенны в речевой практике, а главное – более органичны для носителей языка, каковыми являются все участники ИС. При этом лингвоправовые признаки ПА законодательно тоже зафиксированы – более или менее подробно и отчетливо, так что на них вполне можно опираться и в целях усмотрения, и в целях экспертизы.

Доводы в ИС воплощаются в суждениях, среди которых два ключевых типа – таксономические (касательно сущности объекта) и квалификативные (касательно правовой оценки этой сущности). Прото-типически они выглядят так:

- 1) *«Этот текст – агитация, а этот – журналистика/пропаганда и пр.»* или *«Этот текст (не) является агитацией», «(не) относится к агитации...»;*

- 2) *«это агитация законная, а это незаконная», «в этом тексте закон (не) нарушен», «это нарушение закона».*

Однако примеры (см. выше) показывают, что эти суждения регулярно используются не в прототипической, а в трансформированной форме, модализованной с помощью большого набора глаголов мысли и восприятия.

Представляется, что в «формуле усмотрения» выражена аппликация – финальный герменевтический этап. Более того, эти формулы способны наполняться правовой силой; не уверена, но предполагаю, что ее можно назвать вердиктивной. В исполнении разными участниками спора и на разных его стадиях сила этих слов неодинакова и даже противоположна. Когда инициативная сторона (часто это представители оппозиции) видит – усматривает – в действиях другой стороны нарушение закона, она выдвигает обвинение как правовую гипотезу, которая в надлежащем хронотопе получает правовую силу стимула избирательного спора. Гипотетичность проявляется в модализации таксономического или квалификативного суждения. Но главное – «формулы усмотрения» участников или наблюдателей не имеют вердиктивной силы.

Зато эту силу формулы получают, когда применяются ведомственными или государственными правоприменителями, которые уполномочены доказать или опровергнуть усмотрение-гипотезу в ходе юридически значимого истолкования. Обнародование этого ментального перформатива завершает герменевтическую стадию и переводит разговор в правоприменительную плоскость. Негативное решение представителей избиркомов (*«усмотрены признаки незаконной агитации»*) становится стимулом для создания таких ведомственных документов, как протокол об административном правонарушении или представление о пресечении противоправной деятельности. На этом основании либо уже происходит «адаптация мира к словам» (например полиция арестовывает тираж агитационных материалов или руководители телеканалов снимают телеролики с эфира), либо иницируется следующая – судебная – герменевтическая стадия с ее собственным усмотрением и с ее собственными перформативами – вердиктивами (судебными актами, на основании которых можно конфисковать тираж СМИ, где в публикациях усмотрена незаконная агитация). Если же ведомственные правоприменители склоняются к позитивному решению (*«это информация (а не агитация)», «незаконная агитация не усматривается»*) и заявляют об этом, например, в СМИ, то создается впечатление (у меня, во всяком случае), что никаких доказательств обратного (в т. ч. лингвоэкспертных) как будто уже не нужно.

А появляясь в СМИ в ходе избирательной кампании, формулы усмотрения получают не правовое, а риторическое предназначение – они отражают политическую борьбу в электоральном поле.

Что касается экспертной стороны, то эти вспомогательные герменевты формулами усмотрения практически (насколько я могу судить) не пользуются: в лингвоэкспертных исследованиях их субъективность

опасно актуализируется. Эксперты работают с учетом границ компетенции, стараясь не пользоваться юридической терминологией: они должны ставить в соответствие юридизированным терминам «информирование избирателей» или «предвыборная агитация» термины лингвоэкспертологии, медиалингвистики, коммуникативистики: дискурс, жанр, стиль, аргумент, оценка и пр. Задачу, которую они выполняют, можно в широком смысле назвать диагностикой дискурса. В избирательных спорах она усложняется из-за слабой изученности агитации (в том числе в сопоставлении с политической рекламой) и отсутствия ее лингвокоммуникативных дефиниций и вопросно-ответных стандартов, обеспечивающих надлежащее взаимодействие правоведов и экспертов [10].

Таким образом, юрислингвистический подход к избирательным спорам позволяет увидеть, как в них в качестве профессионального (юридического) варианта герменевтики функционирует усмотрение – этот универсальный герменевтический механизм. Усмотрение используется в информационных спорах (в т. ч. избирательных) для интерпретации конфликтного

текста, включая его классификацию (отнесение к юридически релевантному классу/типу текстов) и диагностику правовых признаков. Такие этапы герменевтического процесса, как «понимание», «истолкование» и «применение», вербализуются в суждениях таксономических («это текст информационный / агитационный») и кваликативных («это (не)законная агитация»). Эти суждения обосновывают заключительную стадию ИС, когда выносится вердиктивное суждение, которое предшествует значимым социальным изменениям («поскольку эти материалы содержат незаконную агитацию, постольку их нельзя распространять/надо задержать» – что и делается). В избирательном споре таксономическое суждение и правовая оценка регулярно оформляются через разные модусные рамки («формулы усмотрения»). Включение глаголов пропозитивной установки в предикат высказываний, которые используются как доводы в текстах, имеющих правовую силу, свидетельствует о субъективизме герменевтических процедур.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа *СЧИТАТЬ* // Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. 2. М.: ЯРК, 1995. С. 389 – 404.
2. Артамонова Ю. Д., Кузнецов В. Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003. Т. 1. С. 32 – 49.
3. Бельчиков Ю. А. Лингвистическая судебная экспертиза – целенаправленное герменевтическое исследование // Спорные тексты СМИ и судебные иски. М., 2005. С. 15 – 20.
4. Богин Г. И. Обретение способности понимать. Введение в филологическую герменевтику. М., 2001. 516 с.
5. Галушко И. В. Избирательные споры и судебная практика их разрешения в избирательном праве Российской Федерации: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
6. Галяшина Е. И. Развитие судебных речеведческих экспертиз в России // Эксперт-криминалист, 2010. № 4. С. 10 – 14.
7. Голев Н. Д. Теоретические аспекты юридического функционирования естественного языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: мат. III Международного конгресса. М.: МГУ, 2007. С. 779 – 780.
8. Григорьева О. С. Взаимодействие научного и учебного дискурса (на примере ментальных перформативов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. №. 4(56). Т. 1. С. 152 – 156.
9. Давыдова М. Л. К вопросу о стиле языка права // Юрислингвистика. 2011. № 11. С. 67 – 76.
10. Кара-Мурза Е. С. В помощь редакторам: лингвисты об агитации и информации // «Обреченные на немощь?» СМИ в период выборов: законы, комментарии, рекомендации. М., 2003. С. 119 – 152.
11. Кара-Мурза Е. С. Политическая реклама и предвыборная агитация: взгляд лингвиста-эксперта // Юрислингвистика. 2012. № 12. С. 72 – 82.
12. Кара-Мурза Е. С. Прикладные задачи диагностики политического дискурса: постановка вопроса и предыстория // Стилистика завтрашнего дня: сб. ст. к 80-летию проф. Г. Я. Солганика. М.: Медиамир, 2012. С. 95 – 110.
13. Кожемякин Е. А. Юридический дискурс как культурный феномен // Юрислингвистика. 2011. № 11. С. 131 – 145.
14. Корнеев В. В. Юридическая норма и проблемы аппликации // Сб. научн. тр. Вып. 6. Ч. 1: Гуманитарные науки. Сургут: Изд-во Сургут. ун-та. 2000. С. 122 – 127.
15. Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. Эстетика: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2014.
16. Марфицин П. Г. Усмотрение следователя: уголовно-процессуальный аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2003. 418 с.
17. Мережко А. А. Юридическая герменевтика и методология права // *Проблеми філософії права*. Киев, ИМО Киевского национального университета им. Т. Шевченко, 2002. Т. 1. С. 159 – 162. Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/8634/36-Merezhko.pdf?sequence=1> (дата обращения: 12.03.16).
18. Письмо ЦИК России от 05.06.2006 № 01-23/1572 «О пресечении незаконной агитационной деятельности и изъятии незаконных агитационных материалов». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71711/
19. Плавич В. П. От понимания смысла права к объяснению его сущности // Конституційно-правовий вимір в розвитку правової системи України: матеріали Міжнар. наук.-практ. конференції, присвяченої 95-річчю з дня

народження докт. юрид. наук, проф. Стрельцова Льва Михайловича (1918 – 1979) четверті юридичні читання, 25 жовтня 2013 р., м. Одеса / М-во освіти і науки України, Одеський нац. ун-т ім. І. І. Мечникова; [укл.: З. В. Кузнєцова, А. В. Левенець; за ред.: Л. О. Корчєвної, Є. Л. Стрельцова]. Одеса: Астропринт, 2013. С. 162 – 169.

20. Рябцева Н. К. Рефлексия и метатекст: ментальные перформативы в научном дискурсе // Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. С. 458 – 478.

21. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта-Наука, 2003.

22. Сухотерина Т. П. Юрислингвистическая герменевтика: программа учебной дисциплины / сост. Бринев К. И., Сухотерина Т. П. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. 6 с.

23. Тихомиров Ю. А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. 2000. № 4. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/comm/7004> (дата обращения: 10.11.12).

24. Харитонов Л. А. Герменевтический подход к толкованию правовых норм // КриминалистЪ, 2011. № 1(8). С. 113 – 117.

25. Ямбушев Ф. Ш. Правовое сознание в механизме правового регулирования общественных отношений: автореф ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

Информация об авторе:

Кара-Мурза Елена Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, kara-murza-elena@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 31.03.2016 г., принята к печати 14.06.2016 г.

JURISLINGUISTIC POINT OF VIEW ON LEGAL HERMENEUTICS (based on the electoral disputes)

Kara-Murza Elena S.^{1, @}

¹ *Moscow State University of M. V. Lomonosov*

[@] *kara-murza-elena@yandex.ru*

Abstract: Given the potential for conflict of legal and jurislinguistic hermeneutics, the author examines in this perspective the little-studied object of electoral disputes. The author shows that it is allowed in the interpretation of the universal mechanism of discretion, which is a special legal institute, and in the field of electoral conflict it is manifested as a variant of legal hermeneutics. According to the author, discretion demonstrates the subjectivity of the official-business style/judicial discourse – the property is still poorly taken into consideration in linguistics.

Keywords: legal hermeneutics, discretion, electoral dispute, subjectivity of the judicial discourse.

For citation: Kara-Murza E. S. Iyrislingvisticheskaya tochka srenia na iuridicheskuyu germevntiku (na material isbiratlnih sporiv). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, (2016): 136 – 142.

References

1. Apresian Iu. D. Sinonimii mental'nykh predikatov: gruppа SCHITAT" [Synonymy of mental predicates: SCHITAT group]. *Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografiia. Izbrannye trudy* [Integral description of language and systemic lexicography. Selected works]. Moscow: IaRK, vol. 2 (1995): 389 – 404.

2. Artamonova Iu. D., Kuznetsov V. G. Germenevticheskii aspekt iazyka SMI [The hermeneutic aspect of media language]. *Iazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia* [Media Language as an object of interdisciplinary research]. Moscow: Izd-vo MGU, vol. 1 (2003): 32 – 49.

3. Bel'chikov Iu. A. Lingvisticheskaya sudebnaia ekspertiza – tselenapravlennoe germenevticheskoe issledovanie [The linguistic forensics – targeted hermeneutical study]. *Spornye teksty SMI i sudebnye iski* [Controversial media texts and lawsuits]. Moscow, 2005, 15 – 20.

4. Bogin G. I. *Obretnenie sposobnosti ponimat'. Vvedenie v filologicheskuiu germevntiku* [Gaining the ability to understand. Introduction to philological hermeneutics]. Moscow, 2001, 516.

5. Galushko I. V. *Izbratel'nye spory i sudebnaia praktika ikh razresheniia v izbratel'nom prave Rossiiskoi Federatsii*. Avtoref. kand. iurid. nauk [Electoral disputes and court practice to resolve them in the electoral law of the Russian Federation. Cand. legal. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2004.

6. Galiashina E. I. Razvitiye sudebnykh rechevedcheskikh ekspertiz v Rossii [Development of judicial expertise rechevedcheskikh in Russia]. *Ekspert-kriminalist – Criminal expert*, no. 4 (2010): 10 – 14.

7. Golev N. D. Teoreticheskie aspekty iuridicheskogo funktsionirovaniia estestvennogo iazyka [Theoretical aspects of the legal functioning of the natural language]. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': Materialy III Mezhdunarodnogo kongressa* [Russian Language: its Historical Destiny and the Present: Proc. III Intern. Congress]. Moscow: MGU, 2007, 779 – 789.

8. Grigor'eva O. S. Vzaimodeistvie nauchnogo i uchebnogo diskursa (na primere mental'nykh performativov) [Interaction of scientific and academic discourse (for example, mental performatives)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 1, no. 4 (2013), 108 – 116.
9. Davydova M. L. K voprosu o stile iazyka prava [On the question of the rights of the language style]. *Iurilingvistika – Yurilingvistika*, no. 11 (2011): 67 – 76.
10. Kara-Murza E. S. V pomoshch' redaktoram: lingvisty ob agitatsii i informatsii [To help editors: linguists and information about the campaign]. «Obrechennye na nemotu?» *SMI v period vyborov: zakony, kommentarii, rekomendatsii* ["Doomed to dumbness?" The media during the election period: Laws, comments, recommendations]. Moscow, 2003, 119 – 152.
11. Kara-Murza E. S. Politicheskaya reklama i predvybornaya agitatsiya: vzgliad lingvista-eksperta [Political advertising and electioneering: look linguist expert]. *Iurilingvistika – Yurilingvistika*, no. 12 (2012): 72 – 82.
12. Kara-Murza E. S. Prikladnye zadachi diagnostiki politicheskogo diskursa: postanovka voprosa i predystoriia [Applications diagnostics political discourse: the formulation of the question and the background]. *Stilistika zavrashnogo dnia* [The style of tomorrow]. Moscow: Mediamir, 2012, 95 – 110.
13. Kozhemiakin E. A. Iuridicheskii diskurs kak kul'turnyi fenomen [Legal discourse as a cultural phenomenon]. *Iurilingvistika – Yurilingvistika*, no. 11 (2011): 131 – 145.
14. Korneev V. V. Iuridicheskaya norma i problemy aplikatsii [Legal norms and application problems]. *Sb. nauchn. tr. Gumanitarnye nauki* [Collection of scientific works. Humanities]. Surgut: Izd-vo Surgut. un-ta. no. 6, Part 1 (2000): 122 – 127.
15. Lebedev V. Iu., Prilutskii A. M. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Iurait, 2014.
16. Marfitsin P. G. *Usmotrenie sledovatelya: Uголовно-процессуальный аспект*. Avtoref. diss. doktora iurid. nauk [The discretion of the investigator: Criminal procedure aspect. Dr. legal. Sci. Diss. Abstr.]. Omsk, 2003, 418.
17. Merezko A. A. Iuridicheskaya hermenevtika i metodologiya prava [Legal hermeneutics and the methodology of law]. *Problemy filosofii prava* [Problems of philosophy of law]. Kiev: IMO Kievskogo natsional'nogo universiteta im. T. Shevchenko, vol. 1 (2002): 159 – 162. Available at: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle> (accessed 12.03.2016).
18. *Pis'mo TsIK Rossii ot 05.06.2006 # 01-23/1572 «O presechenii nezakonnoi agitatsionnoi deiatel'nosti i iz "iatii nezakonnykh agitatsionnykh materialov»* [CEC of Russia Letter dated 05.06.2006 no. 01-23/1572 "On the Suppression of unlawful campaigning activity and seizures of illegal propaganda materials"]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71711/
19. Plavich V. P. Ot ponimaniia smysla prava k ob'iasneniiu ego sushchnosti [By understanding the meaning of the right to an explanation of its essence]. *Konstitutsiino-pravovii vimir v rozvitku pravovoi sistemi Ukraïni: materialy Mizhnar. nauk.-prakt. konferentsii, prisviachenoi 95-richchiiu z dnia narodzhennia dokt. iurid. nauk, prof. Strel'tsova L'va Mikhailovicha (1918 – 1979) chetverti iuridichni chitannia, 25 zhovtnia 2013 r., m. Odesa / M-vo osviti i nauki Ukraïni, Odes'kii nats. un-t im. I. I. Mechnikova* [The constitutional-legal dimension in the development of the legal system of Ukraine: Proc. Intern. Sc.-prac. Conf. dedicated to the 95th anniversary of the birth of doctor. legal. PhD, Prof. Strel'tsov Lev Mikhailovich (1918 – 1979), the fourth legal read, October 25, 2013, Odessa M. / M-in education and science of Ukraine, Odessa NAT. UN-t im. I. I. Mechnikov]. Comp. Kuznetsova Z. V., Levenets' A. V. Ed. Korchevnoi L. O., Strel'tsova C. L. Odesa: Astroprint, 2013, 162 – 169.
20. Riabtseva N. K. *Iazyk i estestvennyi intellekt* [Language and natural intelligence]. Moscow: Academia, 2005, 458 – 478.
21. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language]. Ed. Kozhina M. N. Moscow: Flinta-Nauka, 2003.
22. Sukhoterina T. P. *Iurilingvisticheskaya hermenevtika* [Yurilingvisticheskaya hermeneutics]. Comp. Brinev K. I., Sukhoterina T. P. Barnaul: BGPU, 6.
23. Tikhomirov Iu. A. Administrativnoe usmotrenie i pravo [Administrative discretion and the right]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian law*, no. 4 (2015). Available at: <http://www.lawmix.ru/comm/7004> (accessed 10.11.2012).
24. Kharitonov L. A. Hermenevticheskii podkhod k tolkovaniiu pravovykh norm [The hermeneutic approach to the interpretation of legal norms]. *Kriminalist – Kriminalist*, no. 1(8) (2011): 113 – 117.
25. Iambushev F. Sh. *Pravovoe soznanie v mekhanizme pravovogo regulirovaniia obshchestvennykh otnoshenii*. Avtoref. kand. iurid. nauk [Sense of justice in the mechanism of legal regulation of social relations. Cand. legal. Sci. Diss. Abstr.]. N. Novgorod, 2002

Received 31.03.2016, accepted 14.06.2016.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ШКОЛЕ: ТОМУ ЛИ МЫ УЧИМ?

А. В. Кравченко^{1, @}¹ Байкальский государственный университет
@sashakr@hotmail.com

Аннотация: Ставится под сомнение эффективность школьного лингвистического образования, основанного на кодовой модели языка. Взгляд на письменный язык как репрезентацию речи игнорирует важное экспериментальное различие между когнитивными областями речи и письма, определяющими когнитивное развитие человека. Как следствие этого, растет вызывающий тревогу уровень функциональной неграмотности в обществе с развитой письменной культурой.

Ключевые слова: кодовая модель языка, речь, письмо, функциональная неграмотность.

Для цитирования: Кравченко А. В. Лингвистическое образование в школе: тому ли мы учим? // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 143 – 149.

1. Странная метаморфоза

Когда ребенок идет в школу в первый раз, он полон больших ожиданий и нетерпения войти в новый для него мир – мир учебы, который откроет дорогу к знаниям. Однако нередко уже после первого года обучения многие дети начинают проявлять признаки скуки, сопровождающейся чувством растерянности и недоумения. Оказывается, что учеба вовсе не всегда приносит удовольствие, а иногда и просто ставит ребенка в тупик: он не может найти применения своим новым знаниям, а ведь дети – большие прагматики. В результате, к концу начальной школы со многими детьми происходит метаморфоза: маленькое любопытное существо с широко раскрытыми глазами, очарованное чудесами из мира взрослых и готовое творить свои собственные чудеса с помощью вновь «приобретенных» знаний, постепенно превращается в унылого равнодушного человечка, пытающегося выжить в мире, который парадоксальным образом превратился в недружелюбный мир тяжелого труда и эмоционального напряжения, зачастую лишенный – по крайней мере на взгляд ребенка – какого-либо смысла. Многим родителям знакома эта внезапная потеря их чадами мотивации к учебе, и это заставляет задаться вопросом: «Что происходит в мире школьного образования?» Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим поближе на идеологию и методологию образования как общественного института.

2. Объективация знания и ее последствия

Согласно словарям (напр., [14; 16]), образование как процесс – это «получение систематизированных знаний и навыков», а как результат – «совокупность полученных знаний». Ключевые слова здесь – «получение» и «совокупность», которые четко указывают на то, как концептуализируется знание и в чем состоит процесс образования. В нашей картине мира знание – это вещь, своеобразный товар или приз, который можно приобретать и, соответственно, передавать, а образование – процесс такого обмена, происходящий на специальных «товарных биржах», каковыми и являются образовательные учреждения.

Но что представляют из себя предметы такого обмена (т. е. знания) и где они хранятся? Неспециалист, конечно же, ответит: в книгах (учебниках), которые содержат обширные знания, накопленные че-

ловечеством. Мы читаем книги, чтобы узнать о чем-то, и просто невозможно представить школу без учебников и учителей, чья работа состоит как раз в том, чтобы давать учащимся знания и следить за тем, чтобы оно было усвоено и расширено путем чтения дополнительной литературы по заданной теме. Другими словами, процесс образования состоит, по большей части, в «извлечении» знаний из книг (ср. обычный вопрос: «Что ты извлек из прочитанного?»); «извлеченное» знание становится предметом нашего «обладания», который мы можем, если захотим, передать кому-то еще.

Как передается знание? Посредством слов: либо устно, либо через написанный для определенной аудитории текст. В общем и целом, ортодоксальный взгляд на функцию языка как средства для выражения и передачи значений, мыслей, информации и т. п. проистекает из нашей объективации знания как чего-то внешнего по отношению к нашему организму, находящегося «где-то там». Знание ценно, потому что оно помогает (во всяком случае, так мы думаем) лучше понять мир вокруг нас и является надежным проводником в нашей повседневной жизни. Всегда хорошо быть *высокообразованным* или *начитанным*, т. е. *знающим*. Но неприятная правда состоит в том, что количество образования, полученного человеком, необязательно соотносится с его способностью осмысленно взаимодействовать с миром, а для человека этот мир, прежде всего – мир социальных взаимодействий. Так называемое знание, «переданное» учащемуся, нередко продолжает оставаться для него чем-то внешним и не востребуемым, сродни собранию потенциально полезных вещей, хранящихся на чердаке на всякий случай – хотя этот случай, как правило, так и не наступает.

Для общества такая ситуация имеет самые серьезные последствия, часто влияя на само качество нашей жизни по простой причине: «Всякое действие есть познание, всякое познание есть действие» [13, с. 23]. Знать что-то не означает «владеть знанием» как некой приобретенной ценностью; «знать» – это *быть в состоянии*, которое позволяет организму осмысленно взаимодействовать с миром. А каждое текущее состояние организма определяется структурой организма как результатом истории тонких структурных сопереживаний организма со средой. Это означает, что

«знание как переживание – это нечто личное и частное, что не может быть передано другому» [12, с. 95].

Несомненно, язык материален, поскольку он включает в себя различные наблюдаемые проявления, сопровождающие языковое поведение (вокализации, жесты, культурные артефакты и т. п.). Тем не менее, как вид адаптивного поведения, язык *не передает* информацию: с его помощью устанавливается реляционная область координированных взаимодействий, которые, с одной стороны, определяют состояния взаимодействующих организмов, а с другой стороны, сами определяются этими состояниями. Знание как состояние живой системы формируется «по ходу», оно имеет *эмерджентную* природу. Но если это так, и знание действительно нельзя передать (в частности, посредством языка как инструмента для такой передачи), то что же представляет собой образовательный процесс на самом деле? В поисках ответа на этот вопрос, рассмотрим общепринятый взгляд на язык как средство коммуникации.

3. Кодовая модель языка

Распространение в XX в. взглядов Соссюра на язык и семиотику, закрепившихся в лингвистике как «научном изучении языка», было едва ли не финальным мазком в создании языкового мифа [21], т. е. веры в то, что язык – это конечный набор правил, порождающих бесконечный набор пар, в которых материальные формы соединяются со значениями; он используется для обмена мыслями в соответствии с неким планом, определяемым этими правилами. Этот взгляд наглядно представлен в схеме (рис. 1), которую второклассник находит в своем учебнике русского языка [15]: кирпичики слов складываются в предложения, которые (в виде колец разного размера и цвета) нанизываются на «главную мысль» пирамиды текста.

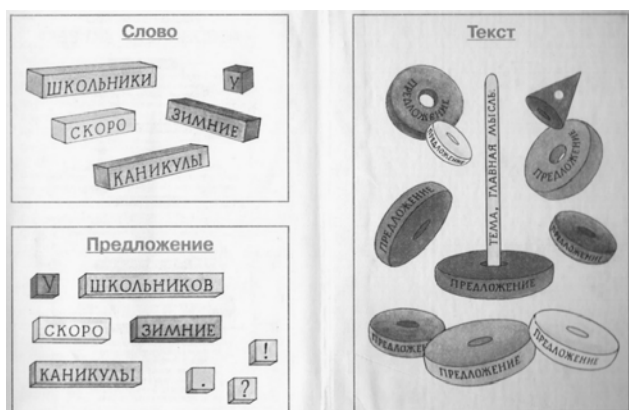

Рис. 1. Слова, предложения и тексты как предметы (взято из [15])

Fig. 1. Words, sentences and texts as objects (taken from [15])

Языковой миф – следствие двух взаимосвязанных заблуждений, лежащих в основании веры в то, что язык есть фиксированный код: одно состоит в убеждении, что язык используется для обмена мыслями, а другое – в том, что такой обмен осуществляется в соответствии с заданным планом, определяемым конечным набором правил. Это приводит к тому, что язык и мысль оказываются чем-то, что существует независи-

мо одно от другого. Однако эта кажущаяся независимость – всего лишь следствие «эпистемического разделения» наблюдаемого (язык как вид человеческого социально обусловленного поведения) и наблюдателя (человек, описывающий язык, будучи погруженным в языковую деятельность).

Язык, на котором мы говорим, играет над нами злую шутку, загоняя нас в эпистемическую ловушку языка. Для нас язык буквально создает мир, который мы пытаемся понять и описать, как если бы язык не был неотъемлемой частью этого мира [5]. Как подчеркивает Дамасио [20], хотя объективная реальность существует, и мы ее переживаем в действительности, все равно это *наша* реальность; можно сказать, что понятие «наша реальность» как нечто, имеющее доступный для других смысл, есть *реальность языковой деятельности*. Однако в философии объективного реализма [29], в противоположность прозорливым мыслям Выготского [1], язык и мышление превращаются в манипулируемые, онтологически независимые друг от друга вещи. Выготский считал, что мышление и язык неразделимы; биология же познания предлагает более сильный тезис: человеческий мозг мыслит языком, который суть способ организуемой им жизни [26; 23].

Не понимая этого, лингвистическое образование продолжает пребывать в состоянии застоя. Используемые учителями методы основаны на ошибочной кодовой модели языка, поддерживаемой языковым мифом, и часто превращают жизнь учеников в муку.

4. Что изучают на уроках русского языка?

Став второклассником, мой старший сын вдруг стал часто обращаться ко мне за помощью в выполнении домашних заданий по русскому языку. Он знал, что его отец – лингвист и должен понимать то, чего не может понять восьмилетний ребенок. Самое интересное, что я этих заданий тоже не мог понять. Во-первых, они очень редко имели отношение к естественному языку, которым мы пользуемся для живого общения: учащимся давались задания, связанные с выполнением различных операций над *текстами*, специально подготовленными таким образом, чтобы заставить ученика прибегать к металингвистическим знаниям, до этого полученным от учителя в классе и/или «извлеченным» из соответствующего раздела учебника. Во-вторых, если некоторые из заданий и имели какое-то отношение к речи, то лишь постольку поскольку отсылка к некоторым акустическим явлениям – таким, как звуки или слоги – была необходима для того, чтобы пояснить значения, закодированные в специальных значках: эти значки использовались в учебнике для схематической записи фрагментов письменных слов. По существу, ученику предлагалось заниматься самой настоящей криптографией, когда с помощью маленьких геометрических фигурок нужно было «перевести» некоторые характеристики живого слова в последовательность абстрактных символов с целью избежать орфографических ошибок при письме (рис. 2).

Рис. 2. Шифрограмма «Опасные места при письме»
Fig. 2. Cryptogram «Dangerous spots in writing»

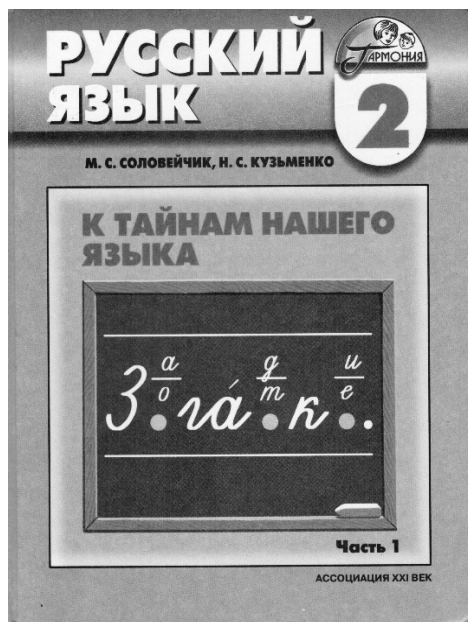

Рис. 3. Обложка учебника
Fig. 3. Textbook cover

Более того, учебники русского языка из упомянутого учебно-методического комплекса для 2 – 4 классов имеют подзаголовок «К тайнам нашего языка», а, чтобы подчеркнуть, что изучение русского языка – это расшифровка определенного кода, на обложке учебника для второго класса, изданного в 2008 г., приведена своеобразная криптограмма слова «загадка» (рис. 3) (в последних изданиях этого учебника картинка на обложке поменялась, но смысл ее остался прежним).

В старших классах продолжается «изучение» русского языка, которому в школьной программе отводится значительное место, и, хотя разработчики школьных программ по русскому языку ничего об этом не говорят, из приведенных рисунков хорошо видно, что в роли настоящего объекта изучения выступает отнюдь не язык как интерактивное человеческое поведение (коммуникация). Вместо того, чтобы учиться эффективному диалогическому взаимодей-

ствию с другими, учащимся приходится анализировать тексты с опорой на знание, которое им «передали» учителя, делая особый упор на правила орфографии (отметим, что на сомнительность подобной образовательной цели указывалось неоднократно, см., напр. [1; 10] и др.). По мнению педагогов, умение проводить такой анализ помогает учащимся создавать свои собственные тексты, отвечающие определенным требованиям, и, если ученик может написать хороший текст, считается, что он овладел хорошими коммуникативными навыками. Однако коллеги с соответствующим опытом в этой сфере наверняка согласятся, что это вовсе не так: выпускники школ зачастую не обладают адекватными навыками написания того, что можно было бы назвать хорошим текстом. Вместе с тем их навыки диалогических взаимодействий по степени развитости часто ничем не отличаются от тех навыков, с которыми они пришли в первый раз в первый класс. Причина этого проста: речь и письмо представляют собой *разные когнитивные области* [8], и рассмотрение их как двух версий какого-то единого кода, между которыми имеется однозначное соответствие (а именно такая практика принята в системе образования) имеет серьезные последствия для когнитивного развития как индивида, так и общества.

5. Области языковых взаимодействий

В основе нашего познания мира лежат наши взаимодействия со средой, которая психологически структурируется следующим образом: (а) личное пространство, (б) домашняя территория и (в) общественная территория [25; 31]. Как социально структурированная область взаимодействий, общественная территория делится на три подобласти: образовательную, внутрикультурную и межкультурную [4]. Самые первые и важнейшие шаги к тому, чтобы мозг ребенка начал мыслить на языке, который суть способ организуемой мозгом действительности, делаются в личном и домашнем пространствах как главных областях языковых взаимодействий. Феноменологический опыт именно в этих областях формирует исходные личностные стандарты языкового поведения, адекватность которого непрерывно проверяется через прямое или опосредованное обращение к авторитету родителей и членов семьи. Адекватность языкового поведения ребенка оценивается через его соотнесение с личностными ценностями, приоритетами и чертами характера членов семьи. Важно отметить, что при этом слова и высказывания не становятся абстрактными символами; они образуют систему перцептуально контекстуализированных сигналов (индексов), которые помогают ребенку «подстраивать» свое поведение в адаптивных взаимодействиях с социальной средой.

По мере взросления ребенка его область взаимодействий расширяется до уровня социальных отношений, и прежде чем произойдет его функциональная интеграция в социум и культуру в качестве относительно самостоятельного субъекта, длительный период в его развитии приходится на образовательные взаимодействия. В образовательной среде, когда уже сложились стандарты языкового поведения, контекстуализированные консенсуальной областью домашних взаимодействий (т. е. в семье), адаптивные усилия ребенка направлены на то, чтобы вызвать поощрение и одобрение со стороны педагогов, у которых своя соб-

ственная система ценностей и приоритетов. Ребенок испытывает постоянную потребность в одобрении своего интеракционного поведения в классе главным авторитетом – учителем. А одобрения со стороны учителя заслуживает не когнитивно-прагматическая эффективность диалогических взаимодействий учащегося с другими, а «правильные» манипуляции с чем-то написанным (морфемами, словами, фразами, предложениями, текстами) как результат применения правил письма. Таким образом, правила письма приобретают наивысшую важность, становясь своеобразной точкой отсчета в лингвистическом образовании: если учащийся знает правила, он будет писать хорошие тексты и получать хорошие оценки.

Однако тексты не репрезентируют речь. Письмо как своеобразный код, принятый обществом, позволяет, после специального обучения, соотносить последовательности графических образов с элементами возможных речевых событий, такими, как слова и цепочки слов (словосочетания, высказывания). Озвучивание всякого текста (его прочтение вслух) есть *реконструкция звуковой стороны возможного речевого события*; оно не является реконструкцией естественно-языкового события как такового. Аналогичным образом, написать текст не значит вступить в коммуникативное взаимодействие с другими; в лучшем случае, пишущий взаимодействует со своим собственным когнитивным «Я», опираясь на имеющийся у него опыт языковых взаимодействий (который может быть самым разным) и создавая, как результат интерпретации этого опыта, некий возможный (т. е. не контекстуализированный личным феноменологическим опытом) мир для читателя. Именно потому, что тексты не репрезентируют речь, а когнитивная динамика речи существенным образом отлична от когнитивной динамики письма, между этими двумя областями нет прямой корреляции: речь прекрасного писателя может быть тусклой и бедной выразительными средствами, а блестящий оратор может испытывать затруднения при написании связного текста [9]. Речь и письмо представляют собой когнитивные области различной опытной природы, и мера опыта, приобретенного в одной области, не является показателем опыта, приобретенного в другой.

6. Истоки функциональной неграмотности

Диалогические взаимодействия происходят в пространстве-времени, и в процессе таких взаимодействий стороны следят за тем, что происходит, и реагируют на происходящее [24]. Напротив, тексты, как правило, не прочитываются читателем по ходу их создания пишущим, и, поскольку для читателя процесс создания текста не является частью его пространства-времени, анализ письменного языка с необходимостью сосредоточивается на текстах и его составных частях. Буквы, слова, предложения, абзацы и т. д. предстают как *объекты*, которыми можно манипулировать – особенно при работе с компьютерным текстовым редактором. Поэтому важно понимать – особенно школьным педагогам – что письмо представляет собой семиотическую систему, существенно отличную от речи [6].

Однако вся идеология (и, соответственно, методология) лингвистического образования строится на отождествлении этих разных семиотических систем,

со всеми вытекающими негативными последствиями. Сосредоточившись на текстах как материальных объектах, состоящих из слов и предложений, лингвисты неизбежно приходят к выводу, что всякий текст является результатом комбинирования и перекомбинирования слов в предложениях, организованных в соответствии с набором правил. Отсюда – устоявшийся взгляд на язык как некий набор слов (лексикон) и правил их сочетания (грамматика). Соответственно, лингвистика – это изучение «слов» как самостоятельных сущностей, которые обладают значением и сочетаются в «предложениях», предназначенные для выражения мыслей. Таким образом, цель педагога-лингвиста – помочь учащемуся расширить свой словарный запас и овладеть правилами грамматики, необходимыми для порождения связного текста. Если ученик этого добился – значит, он приобрел необходимую языковую компетенцию и может не только читать и понимать тексты, но и порождать свои собственные культурные артефакты с помощью письма.

Однако в терминах функциональной грамотности [7] умение читать и писать не сводится к умению озвучивать написанное или записывать услышанное (стандартное значение слова «грамотный»): быть грамотным в этом смысле еще не значит быть зрелым членом социума. Как когнитивные процессы [3], чтение и письмо по своей динамике отличаются от диалогических взаимодействий. Поскольку операции над письменными знаками составляют часть нашей когнитивной обработки переживаемого опыта, письмо преобразует наши когнитивные способности, становясь *способом мышления* [27]. Письмо становится новым средством активного конструирования наших мыслей [18], предоставляя новые формы концентрации внимания и рассуждений, ведущих к новым прозрениям [17]. Другими словами, письмо и письменные артефакты, вместе с естественноречевыми взаимодействиями, становятся частью «биокультурной ниши» человека [30].

Эффективность живой, диалогической коммуникации не зависит от грамотности как таковой. Сама по себе грамотность не обеспечивает когнитивного развития индивида, она – всего лишь необходимое условие для приобретения нового вида опыта, существенно отличного от опыта диалогических взаимодействий. В письменных культурах «мир на бумаге» [28] становится важнейшей частью когнитивной ниши человека, которую мы активно создаем и к которой мы должны адаптироваться – так же, как мы должны адаптироваться к системе естественных диалогических взаимодействий. Письменноречевая предвзятость лингвистики [11] ведет к тому, что изучение естественноречевых взаимодействий подменяется изучением структурных особенностей текстов как культурных артефактов, что имеет серьезные идеологические и методологические последствия для лингвистического образования:

1) упускается из виду серьезное различие между речью и письмом как видами когнитивной деятельности разной опытной природы;

2) педагоги формируют у учащихся дуалистическое мировоззрение, в котором мышление и язык неположены друг другу;

3) недооценивается роль языка в формировании человеческих когнитивных способностей.

В результате, в современном обществе с развитой письменной культурой растет уровень функциональной неграмотности – неспособность индивидов осмысленно модифицировать свое поведение в социуме при взаимодействии с текстами, играющими важнейшую роль в когнитивном развитии человека [19].

7. Новая повестка дня для лингвистического образования

Педагоги должны понимать: мы – то, что мы делаем, а большая часть того, что мы делаем, опосредована языком. Речь и письмо образуют основу биокультурной ниши человека, но, как семиотические процессы разной динамики, они по-разному влияют на когнитивное развитие ребенка. Индексальная природа языковых взаимодействий, протекающих для говорящего ‘здесь-и-сейчас’, превращает их в ориентирующий механизм, с помощью которого выстраивается система ценностей как результат непрерывного процесса смыслопорождения в реляционной области языка. Эта система ценностей направляет социально адаптивное поведение; в школе дети научаются ориентировать свое поведение относительно ценностных систем своих педагогов, усваивая модели языкового поведения, которые они перенесут во взрослую жизнь.

Задача школы как социального института – способствовать когнитивному развитию ребенка, чтобы он смог стать функционально интегрированным членом социума. Такая интеграция невозможна без спо-

собности использовать письмо как особый способ функционирования человеческого мышления» [22, р. xi], который повышает адаптивную способность в реляционной области социальных взаимодействий. Руководствуясь кодовой моделью языка, лингвисты-педагоги неспособны увидеть нечто очень важное: если развитие ребенка сопровождается недостаточным опытом в области письменно-языковых взаимодействий как способа формирования особого вида мышления (а не как способа репрезентации речи в соответствии с принятыми правилами орфографии), это зачастую приводит к функциональной неграмотности и, что неудивительно, к недостаточной включенности в культурную жизнь общества. Письменная культура – это часть языковой среды человека, а чтение и письмо – это виды когнитивной деятельности, имеющие важнейшее значение для развития детского интеллекта, потому что они позволяют ему выйти за узкие рамки переживаемого опыта здесь-и-сейчас и порождать множественные возможные миры, в которых фантазии часто становятся реальностью. Создание и интерпретация таких возможных миров – а не правила письма сами по себе – должны стать целью обучения грамотности качественно иного уровня. Необходимо найти взвешенный подход к тому, чему и как учить школьников на уроках родного языка, понимая важность привития школьникам навыков эффективных взаимодействий в когнитивных областях речи и письма, но не забывая при этом, насколько эти области разные.

Литература

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999 (5 испр. изд.). 352 с.
2. Голев Н. Д. О содержании школьного курса "Русский язык" и тестовом способе его представления на экзаменах // Известия Алтайского государственного университета. 1998. Вып. 3(8). С. 96 – 102.
3. Коули С. Дж., Кравченко А. В. Динамика когнитивных процессов и науки о языке // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 133 – 141.
4. Кравченко А. В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. Иркутск: Изд. Ирк. ун-та, 1992. 212 с.
5. Кравченко А. В. Гипотеза Сепира-Уорфа в контексте биологии познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1. С. 5 – 14.
6. Кравченко А. В. Грамматика в когнитивно-семиотическом аспекте // А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев (сост.). Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 574 – 594.
7. Кравченко А. В. К определению понятия функциональной неграмотности // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: мат. VIII Междун. науч.-пр. конф. 19 – 20 июня 2003. Иркутск, 2003. С. 7 – 17.
8. Кравченко А. В. Речь и письмо как разные когнитивные области // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: мат. III Междун. науч.-пр. конф. 14 – 15 октября 2008. Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина. С. 133 – 139.
9. Кравченко А. В. "Язык писателя" как семиотический конструкт // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. Вып. 16. С. 21 – 29.
10. Крейдлин Г. Е., Кронгауз М. А. Интеграционный курс русского языка // Русский язык. 1999. № 28. Режим доступа: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=199902801>
11. Линелл П. Письменная языковая предвзятость лингвистики как научной отрасли // Наука о языке в изменяющейся парадигме знания / под ред. А. В. Кравченко. Иркутск: Изд. БГУЭП, 2009. С. 153 – 191.
12. Матурана У. Р. Биология познания // Язык и интеллект / сост. В. В. Петров. М.: Прогресс, 1996. С. 95 – 142.
13. Матурана У. Р., Варела Ф. Х. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1990. 917 с.
15. Соловейчик М. С., Кузьменко Н. С. Русский язык: к тайнам нашего языка: учебник для 2 класса общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч. 1. 6-е исправл. изд. Смоленск: Ассоциация XXI век, 2008. 160 с.
16. Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4-х т. М.: ИДНК, 2004.
17. Bradshaw T., Nichols B. Reading at risk: A survey of literary reading in America // National Endowment for the Arts: Research Division Report 46. Washington, DC. 2004. 60 p.
18. Clark A. A sense of presence // Pragmatics & Cognition. Vol. 15. № 3. 2007. P. 413 – 433.

19. Cunningham A. E., Stanovich K. E. What reading does for the mind // *Journal of Direct Instruction*. Vol. 1. № 2. 2001. P. 137 – 149.
20. Damasio A. R. *Descartes' Error: Emotion, reason, and the human brain*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1994. 331 p.
21. Harris R. *The Language Myth*. London: Duckworth, 1981. 212 p.
22. Harris R. *Rethinking Writing*. London: Athlone Press, 2000. XVI. 254 p.
23. Kravchenko A. V. Whence the autonomy? A reply to Harnad and Dror // *Pragmatics & Cognition*. Vol.5. № 3. 2007. P. 587 – 597.
24. Linell P. *Rethinking Language, Mind, and World Dialogically: Interactional and contextual theories of human sense-making*. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2009. 482 p.
25. Lyman S. M., Scott M. B. Territoriality: a neglected social dimension // *Social Problems*. Vol. 15. 1966. P. 236 – 249.
26. Maturana H., Mpodozis J., Letelier J. C. Brain, language, and the origin of human mental functions // *Biological Research*. Vol. 28. 1995. P. 15 – 26.
27. Menary R. Writing as thinking // *Language Sciences*. Vol. 29. № 5. 2007. P. 621 – 632.
28. Olson D. R. *The World on Paper: The Conceptual and Cognitive Implications of Writing and Reading*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 318 p.
29. Searle J. *Mind, Language and Society: Philosophy in the real world*. New York: Basic Books, 1998. 175 p.
30. Sinha C. Niche construction and semiosis: biocultural and social dynamics // D. Dor, C. Knight, J. Lewis (eds.), *The Social Origins of Language*. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 31 – 46.
31. Sommer R. *Personal Space: The behavioral basis of design*. Englewood Cliffs N. J.: Prentice-Hall, 1969. XI. 177 p.

Информация об авторе:

Кравченко Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Байкальского государственного университета, sashakr@hotmail.com.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 07.06.2016 г.

LINGUISTIC EDUCATION IN SCHOOL: ARE WE TEACHING THE RIGHT THING?

Kravchenko Alexander V.^{1, @}

¹ *Baikal National University*
@ *sashakr@hotmail.com*

Abstract: The efficiency of linguistic education based on the code model of language is questioned. The view of written language as a representation of speech ignores the important difference between the experientially different cognitive domains of speech and writing, which affect human cognitive development. As a consequence, the growth of functional illiteracy in societies with established literate cultures becomes an alarming tendency.

Keywords: code model of language, speech, writing, functional illiteracy.

For citation: Kravchenko A. V. Linguistic education in school: are we teaching the right thing? *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 143 – 149.

References

1. Vygotskii L. S. *Myshlenie i rech'* [Thought and Speech]. 5th ed. Moscow: Labirint, 1999, 352.
2. Golev N. D. O soderzhanii shkol'nogo kursa "Russkii iazyk" i testovom sposobe ego predstavleniia na ekzamenakh [About school course content "Russian language" and a test method of its presentation at the exams]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta – News of Altai State University*, no. 3(8) (1998): 96 – 102.
3. Coy S. D., Kravchenko A. V. Dinamika kognitivnykh protsessov i nauki o iazyke [Dynamics of cognitive processes and the science of language]. *Voprosy iazykoznaviia – Questions of linguistics*, no. 6 (2006): 133 – 141.
4. Kravchenko A. V. *Voprosy teorii ukazatel'nosti: Egotsentrichnost'. Deiktichnost'. Indeksal'nost'* [Ukazatel'nosti theory Questions: Egotsentrichnost. Deyktichnost. Indeksalnost]. Irkutsk: Izd. Irk. un-ta, 1992, 212.
5. Kravchenko A. V. Gipoteza Sepira-Uorfa v kontekste biologii poznaniia [Hypothesis Sapir-Whorf hypothesis in the context of the biology of cognition]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki – Issues of cognitive linguistics*, no. 1 (2007): 5 – 14.
6. Kravchenko A. V. Grammatika v kognitivno-semioticheskom aspekte [Grammar in cognitive-semiotic aspect]. *Iazyk i mysl': sovremennaia kognitivnaia lingvistika* [Language and thought: the modern cognitive linguistics]. Comp. Kibrik A. A., Koshelev A. D. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2015, 574 – 594.
7. Kravchenko A. V. K opredeleniiu poniatiia funktsional'noi negramotnosti [To the definition of functional illiteracy]. *Lingvisticheskie paradigmy i lingvodidaktika: Mat-ly 8-i mezhdun. nauch.-pr. konf. 19 – 20 iunია 2003* [Linguistic paradigms and didactics: Proc. 8th Intern. Sc.-prac. Conf. 19 – 20 June 2003]. Irkutsk, 2003, 7 – 17.
8. Kravchenko A. V. Rech' i pis'mo kak raznye kognitivnye oblasti [Speech and writing as different cognitive domains]. *Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problemy iazykoznaviia: Mat-ly 3 mezhdun. nauch.-pr. konf. 14 – 15 oktiabria 2008* [General theoretical and typological problems of linguistics: Proc. 3th Intern. Sc.-Prac. Conf. 14 – 15 October 2008]. Biisk: BPGU im. V. M. Shukshina, 133 – 139.

9. Kravchenko A. V. "Iazyk pisatel'ia" kak semioticheskii konstrukt ["Writer Language" as a semiotic construct]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki – Actual problems of philology and linguistics teaching*, no. 16 (2014): 21 – 29.
10. Kreidlin G. E., Krongauz M. A. Integratsionnyi kurs russkogo iazyka [Integration course of the Russian language]ю *Russkii iazyk – Russian language*, no. 28 (1999). Available at: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=199902801>
11. Linell P. Pis'mennoiazykovaia predvziatost' lingvistiki kak nauchnoi otrasli [Pismennoyazykovaya bias linguistics as a scientific branch]. *Nauka o iazyke v izmeniaiushcheisya paradigme znaniia* [The science of language in the changing paradigm of knowledge]. Ed. Kravchenko A. V. Irkutsk: Izd. BGUEP, 2009, 153 – 191.
12. Maturana U. R. Biologiia poznaniia [Biology of cognition and intelligence]. *Iazyk i intellekt* [Language and intelligence]. Comp. Petrov V. V. Moscow: Progress, 1996, 95 – 142.
13. Maturana U. R., Varela F. Kh. *Drevo poznaniia: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniia* [Tree of knowledge: the biological roots of human understanding]. Moscow: Progress-Traditsiia, 2001, 224.
14. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo iazyka* [Russian dictionary]. Ed. Shvedova N. Iu. Moscow: Russkii iazyk, 1990, 917.
15. Soloveichik M. S., Kuz'menko N. S. *Russkii iazyk: K tainam nashego iazyka* [Russian language: The secrets of our language]. 6th ed. Smolensk: Assotsiatsiia XXI vek, 2008, part 1, 160.
16. Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyii slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow: IDDK, 2004.
17. Bradshaw T., Nichols B. Reading at risk: A survey of literary reading in America. *National Endowment for the Arts: Research Division Report 46*. Washington, DC, 2004, 60.
18. Clark A. A sense of presence. *Pragmatics & Cognition*, 15, no. 3 (2007): 413 – 433.
19. Sunningham A. E., Stanovich K. E. What reading does for the mind. *Journal of Direct Instruction*, 1, no. 2 (2001): 137 – 149.
20. Damasio A. R. *Descartes' Error: Emotion, reason, and the human brain*. New York: G. P. Putnam's Sons, 1994, 331.
21. Harris R. *The Language Myth*. London: Duckworth, 1981, 212.
22. Harris R. *Rethinking Writing*. London: Athlone Press, 2000, xvi, 254.
23. Kravchenko A. V. Whence the autonomy? A reply to Harnad and Dror. *Pragmatics & Cognition*, 15, no. 3 (2007): 587 – 597.
24. Linell P. *Rethinking Language, Mind, and World Dialogically: Interactional and contextual theories of human sense-making*. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2009, 482.
25. Lyman S. M., Scott M. B. Territoriality: a neglected social dimension. *Social Problems*, vol. 15 (1966): 236 – 249.
26. Maturana H., Mpodozis J., Letelier J. C. Brain, language, and the origin of human mental functions. *Biological Research*, vol. 28 (1995): 15 – 26.
27. Menary R. Writing as thinking. *Language Sciences*, 29, no. 5 (2007): 621 – 632.
28. Olson D. R. *The World on Paper: The Conceptual and Cognitive Implications of Writing and Reading*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994, 318.
29. Searle J. *Mind, Language and Society: Philosophy in the real world*. New York: Basic Books, 1998, 175.
30. Sinha C. Niche construction and semiosis: biocultural and social dynamics. *The Social Origins of Language*. Eds. Dor D., Knight C., Lewis J. Oxford: Oxford University Press, 2014. 31 – 46.
31. Sommer R. *Personal Space: The behavioral basis of design*. Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1969, xi, 177.

Received 01.02.2016, accepted 07.06.2016.

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «КРИТЕРИИ Г. О. ВИНОКУРА»

А. А. Кретов^{1, @}

¹ Воронежский государственный университет
@ tilp@rgph.vsu.ru

Аннотация: Предметом статьи является определение направления лексической деривации, в связи с чем с применением системной методологии рассматривается «критерий Г. О. Винокура» и делается вывод о невозможности с его помощью определить направление деривации. Попутно опровергается существование техники усечения морфем в русском словообразовании и указывается на некорректность терминов *интерфикс* и необходимость замены его термином *эпентеза*. В качестве альтернативы «критерию Винокура» при определении направления деривации предлагается ориентироваться на количество морфем: *производной* является основа, отличающаяся от однокоренной на один дополнительный терминальный аффикс. Как следствие *морфемный анализ* оказывается *первым* этапом и необходимым условием установления *деривационных отношений* между словами. При корректной интерпретации «критерий Винокура» может принести большую пользу лексикографии, если его систематически использовать при толковании производных слов. Также «критерий Винокура» может служить показателем деэтимологизации производного слова. Методологическая безвредность использования «критерия Винокура» в качестве педагогического приёма при объяснении наиболее прозрачных случаев лексической деривации вызывает большие сомнения. Указывается на связь проблемы определения направления лексической деривации с проблемами существования-несуществования слов в языке и речи, с проблемой синхронии-диахронии словообразовательной системы, а также на необходимость различать подсистемы онимов и апеллятивов и рассматривать каждое производное слово на фоне всей системы языка.

Ключевые слова: словообразование, русский язык, лексическая деривация, «критерий Винокура», определение направления производности, интерфикс и эпентеза, морфемный и словообразовательный анализ.

Для цитирования: Кретов А. А. О так называемом «критерии Г. О. Винокура» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 150 – 154.

Одной из ключевых проблем словообразования является определение направления деривации. Обычно для этого используют так называемый *критерий Г. О. Винокура*, являющийся одной из «священных коров» традиционного словообразования. Рассмотрим подробнее *критерий* или (как некоторые его называют) *закон Г. О. Винокура*.

Критерий Г. О. Винокура предполагает, будто бы направление производности можно установить, исходя из дефиниции (толкования) производного слова. Сам Г. О. Винокур формулировал это так: «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [2, с. 421]. Из этого с необходимостью следует, что если в толковании слова есть однокоренное слово, то толкующее слово и есть производящее.

Например, в словаре [1] *переосвидетельствование* – содержит отсылку: см. *переосвидетельствование*. Значит, *переосвидетельствование* – производящее, *переосвидетельствование* – производное. А вот дальше нас ждёт неожиданность – *переосвидетельствование* толкуется через существительное *освидетельствование*: «Подвергать-подвергнуть повторному *освидетельствованию*». В соответствии с «критерием Винокура» оказывается, что глагол *переосвидетельствовать* образован вовсе не от глагола *освидетельствовать*, как можно подумать, а от существительного *освидетельствование*. Для того же, чтобы в соответствии с «критерием Винокура» признать глагол *освидетельствовать* производящим, а глагол *переосвидетельствовать* – производным,

надо изменить словарную дефиницию, например на «освидетельствовать повторно» и издать словарь с такой дефиницией.

Критерий Г. О. Винокура может быть полезен при диагностировании *деэтимологизации*: там, где производное нельзя истолковать через производящее, имеет место деэтимологизация. Надо сказать, что *критерий Г. О. Винокура* – это не более чем **педагогический прием**, работающий там, где отношения между производящим и производным и без того ясны и прозрачны. Однако опираться на него, апеллировать к нему в сложных случаях – значит осуществлять насилие над языком и приписывать языку то, чего в нем нет. По сути, нам предлагают факты естественного языка (слова и их происхождение) интерпретировать через артефакты (словарные толкования, дефиниции).

Толкования-дефиниции – это единицы метаязыка (метаязык – язык, используемый для описания самого себя). Производящее и производное это единицы языка, а дефиниции, как и чины, «людьми даются, а люди могут обмануться». В зависимости от дефиниции в соответствии с «критерием Г. О. Винокура» одной и той же паре слов мы должны будем приписывать разные направления деривации.

Рассмотрим пример: в словарях неологизмов, а также в словообразовательных словарях А. Н. Тихонова (школьном и большом) последовательно и широко используется критерий Г. О. Винокура. Так, дается толкование: *абсурдист* – ‘сторонник, представитель *абсурдизма*’. Значит, *абсурдизм* – производящее, *абсурдист* – производное. *Абсурдизм* же толкуется как ‘направление в театре и литературе воз-

водящее в принцип *абсурд*'. Значит, *абсурдист* производное от слова *абсурдизм*, а вот слово *абсурдизм* уже производное от слова *абсурд*. А *абсурдистский* толкуется так: 'относящийся к *абсурдизму*'. Таким образом, *абсурдизм* является производящим, а *абсурдистский* – производным.

Можно ли из *абсурдизма* получить *абсурдист*? Мы видим, что общее у них – основа *абсурд*-. Наверное, суффикс *-изм* при этом усекается и к усеченной основе прибавляется суффикс *-ист*. А если производящее *абсурдизм*, а производное *абсурдист*, значит, они находятся в одном шаге деривации друг от друга. А на одном шаге деривации прибавляется один аффикс. Значит, у основы *абсурдизм* надо отсечь *-изм*, к полученной основе *абсурд* прибавить *-ист*. В данном случае абсурдность такого установления деривационных отношений очевидна без всяких комментариев. Если мы дальше пойдем по пути Г. О. Винокура и будем дальше использовать дефиницию в качестве индикатора производящего, то неизбежно придем к выводу, что производящим для слова *стол* является слово *мебель*. А для слова *студент* – *человек*. Кстати, так деривация и понималась в Средние века. Примерно к такому же выводу приходит И. А. Мельчук [7]. Только он уже говорит о *семантической деривации*.

Если идти по этому пути, мы неизбежно придем к тому, что будем говорить не о деривации слов или лексико-семантических вариантов, а о деривации *значений*, протекающей уже не в языке, а в метаязыке лингвиста, дающего дефиниции. А это уже чисто метаязыковые отношения, которые к самому языку (и тем более – к процессу словообразования) имеют весьма опосредованное отношение. Тем самым мы от познания языка, не зависящего от нашего сознания, придём к конструированию некоего воображаемого объекта, всецело зависящего от нашего сознания. Проще говоря, этот путь ведёт от науки к научной фантастике.

Об «усечении основ» при словообразовании

Е. А. Земская приводит такой пример: *утенок* – 'детеныш *утки*'. Значит *утка* – производящее, *утенок* – производное. Но возникает вопрос, почему *утёнок*, а не **утчёнок*, если *утка* производящее куда исчезает –к? Е. А. Земская поясняет: –к – усекается [6, с. 140]. Но стоит только принять возможность усечения при словообразовании, становится возможным вывести что угодно из чего угодно. Например, на первый взгляд, сложно доказать, что *Воронеж* является производным от слова *воронежцы*. Но если дать дефиницию – '*Воронеж* – место обитания, проживания *воронежцев*', тогда *воронежцы* – производящее, *-цы* усекается, прибавляется нулевой суффикс со значением 'место' или 'город', и мы получаем производное *Воронеж*, от производящего *воронежцы*, строго следуя «критерию Г. О. Винокура» и практике усечения, используемой для реализации этого принципа.

Критерий Винокура всё ставит с ног на голову: не деривационные отношения должны устанавливаться по дефиниции, а дефиниции должны даваться, исходя из деривационных отношений: от основы *абсурд*- образованы *абсурдизм* и *абсурдист*, а от основы *абсурдист*- образовано прилагательное *абсур-*

дист=ск_ий. Следовательно, из рассмотренных выше дефиниций только дефиниции слова *абсурдизм* можно признать корректной. Слово же *абсурдист* надо толковать как 'сторонник *абсурда* в театре и литературе', а не как 'сторонник *абсурдизма*'. Слово же *абсурдистский* должно толковаться как 'свойственный *абсурдистам*, характеризующий *абсурдистов*', а не 'относящийся к *абсурдизму*'.

Если «критерий Винокура» поставить с головы на ноги, он может быть полезен как рекомендация для лексикографов включать в дефиницию слова его производящее и указывать в ней только лингвистические значения.

Есть такая птица *чируха*, у нее детеныши называются *чирята*, но не **чирушата* – ср. *лягуха* ([4]; [3]) > *лягушата*. А самец называется *чирок*. Так кто же от кого образован? Например, мы можем дать определение *чируха* – 'самка *чирка*'. Тогда *чирок* – производящее, *-ок* – усекается, *-уха* – добавляется. Или, *чирок* – 'самец *чирухи*'. Тогда уже *чируха* – производящее, *чирок* – производное: *-ух* – усекается, *-ок* – прибавляется.

На самом деле здесь, как и в слове *утка*, производящая основа не усекается: производящей является основа *чир*-, существующая в виде корня в словообразовательной системе языка. На это (по-видимому, заворожённые внутренней формой неточного, как мы показали выше, термина *словообразование*) многие лингвисты возражают: слова **чир* нет в языке, а значит, ничего от него образоваться и не могло. А те, кто производят от него слова *чирок*, *чируха* и *чирята*, приписывают языку то, чего в нём нет.

Если спросить, почему *основы чир*- нет в языке, ответят: **слово** **чир* отсутствует в словарях современного русского литературного языка, его не употребляют в речи. При этом наши оппоненты нарушают один из принципов системности – гомотопность, говоря о существовании или несуществовании единицы словообразовательной системы – *основы*, но ссылаясь при этом на отсутствие единицы другой – лексико-семантической системы – *слова*. Более того, аргументируя отсутствие основы в языке, ссылаются на отсутствие слова в речи. Речь никогда не использует возможности языка полностью, а также содержит многое из того, чего нет в языке – ну, хотя бы иноязычные слова или ошибочно образованные и произнесённые слова, намеренно или ненамеренно искаженные слова и т. д. Что касается словарей, то они лишь отражают речь, причем выборочно и неполно. Многое, присутствующее в речи, отсутствует в словаре (например, большая часть числительных или нецензурная лексика см. [10]), а многое, присутствующее в словаре отсутствует в речи. Для таких слов В. В. и А. В. Морковкины предложили специальный термин: *агнони́мы* [8] (*Прим. автора: Агно́ним* (от др.-греч. *ἀ* — не, *γνώσις* — знание и *ὄνομα*, *ὀνόμα* — имя) — *лексическая* или *фразеологическая* единица языка, которая неизвестна, непонятна или малопонятна одному или многим его носителям. Многие агнони́мы являются *диалектными*, *специальными терминами* или *устаревшими (архаизмами)*, но некоторые из них не имеют в словарях стилистических помет и относятся к

нейтральной общелитературной лексики. [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Агноним>]].

Проблема существования-несуществования лингвистических единиц к языку и речи заслуживает отдельного рассмотрения.

«Кто же, – возразят нам, – употребляет слово *чир*, в каком словаре это слово зафиксировано? Его нет. Оно выдуманно. Или если оно и было когда-то, то его давно перестали употреблять. Следовательно, – скажут нам, – вы совершаете грубую методологическую ошибку, смешивая синхронию и диахронию: берете какое-то древнейшее образование, которое не известно, существовало ли, употреблялось ли где и когда, и от этого фантома образуете реальные слова *чирок*, *чируха* и *чирята*».

Тут мы сталкиваемся с проблемой *синхронии и диахронии в словообразовании*, требующей отдельного рассмотрения.

Впрочем, специально для тех, кто свято верит в словари, в словаре В. И. Даля находим: «ЧИРИКАТЬ <...> | Издавать звук *чир*» [4] (ср. глагол, *чир-к-ать*, в котором звукоподражательный характер корня маркирован суффиксом-классификатором -к-: *гав-к-ать*, *кря-к-ать*, *бе-к-ать*, *ме-к-ать*, *хрю-к-ать* и т. д., а также сходное звукоподражание *чик-чирик*). Учитывая, что в России широко распространены два вида **речных уток**: *чирок-свистунок* и *чирок-трескунок*, трудно не согласиться с мнением этимологов, что *чирки* получили название по звуку, который они издают. Об этом говорят и данные биологов: «Видовое название [чирка-свистунка – А. К.] *crecca* является звукоподражанием крику самца, аналогичное название птицы имеется в ряде европейских языков — шведском («*kricka*»), букмол («*krikk-and*»), датском («*krik-and*») немецком («*krick-ente*»). Русское название *свистунок* также относится к способности селезня к характерному свисту» [9, с. 32]. Следовательно, слово *чирок* в лингвистическом словаре надо толковать как ‘речная утка, издающая звук «чир»’, а не ‘небольшая водоплавающая птица сем. утиных’ [1].

Итак, на вопрос, возможно ли усечение в русском словообразовании, отвечаем: в системе исконной русской апеллятивной аффиксации усечение как языковая техника отсутствует.

Есть одна поздняя и локальная подсистема словообразования – подсистема образования онимов (имен собственных), в которой, по мнению некоторых лингвистов, встречается то, что можно назвать усечением. Однако и там факты можно интерпретировать, не прибегая к усечению. Речь идет о словах типа

Польша
Польский
Польша
Поляк

Специалист в области славянской этнонимии Геннадий Филиппович Ковалев, исследовавший словообразование русских этнонимов, обратил внимание, что основы таких слов как *полька-поляк* имеют ту же производящую основу, что и притяжательное прилагательное *польский*, если у него отсечь суффикс =ск(ий).

У всех этих слов основа состоит из двух морфем: корня и суффикса, следовательно, они не могут нахо-

диться в отношениях производности, потому что основа производного всегда на одну терминальную морфему длиннее основы производящего. Все четыре слова производны от слова *пол_е*: *поль=ак* – ‘человек *поля*’, *поль=к_а* – ‘женщина *поля*’, а *поль=ск_ий* – ‘имеющий отношение к *полю*’. А слово *Польша* пришло к нам через белорусское посредство в белорусском фонетическом оформлении *Польша*, которому соответствует более прозрачное украинское: *Польща*, возникшее в результате выравнивания основы слова, заимствованной из польского языка по форме местного падежа (*w Polsce*). Именительный падеж польского субстантивированного прилагательного *Polska* – результат стяжения словосочетания *Polska zemia*. Это словосочетание стянулось в существительное *Polska* со значением, тождественным производящему словосочетанию [11, т. 3, с. 321]. Одним из первых в славистике на процесс стяжения (компрессии) обратил внимание А. В. Исаченко [5].

В результате такого стяжения основа берётся от определения, а синтаксическая функция – от определяемого; значение же производного остаётся тождественным значению производящего словосочетания; ср. сущ. *столовая* < *столовая комната* (отметим, что субстантивированное прилагательное *столовая* хотя и сохранило часть парадигмы прилагательного, утратило способность изменяться по родам и приобрело категорию женского рода, т. е. категорию слова *комната*).

Об «интерфиксах»

А как называют мужчин и женщин *Бразилии*? Если страна *Бразилия* (*Brazil*) значит, мужчина *бразил=ец*, а женщина *бразил=ьян=к_а*. В данном случае Е. А. Земская сказала бы, что -ьян- это *интерфикс* [6, с. 129 – 135]. По мнению исследовательницы, *интерфиксы* – не аффиксы, не морфемы (хотя форма термина =фикс указывает как раз на это) и даже не части их, а асемантические «прокладки» между морфемами, обеспечивающие их фонетическую сочетаемость.

«Интерфиксы» обслуживают «фонетическую сочетаемость», поэтому называться они должны не по морфемному – на -фикс (как *суффикс*, *префикс*, *аффикс*), а фонетически: *эпентезами*. (Ср. «*Эпентеза* (др.-греч. ἡ ἐπένθεσις, вставка) – фонетическое явление, добавление одного или более звуков в слово; согласного (лат. *excrementum*, нарост) или гласного (т. н. *анантисис*, др.-греч. ἡ ἀνάπτωσις, вставка) [Википедия]. **ЭПЕНТЕЗА** «Вставка добавочного звука в середину слова: согласного между гласными, гласного между согласными (в отдельных случаях слово с эпентезой закрепляется в языке) (в лингвистике)» [3]).

Паре *Бразилия-бразильянка* можно дать другое объяснение. «Интерфикс» -ьян в действительности оказывается романским адективным суффиксом, заимствованным в составе производной основы романского прилагательного. В XIX веке было распространено прилагательное *бразильянский*. В русский язык была заимствована романская основа прилагательного *brazilian* (*бразилиан-*), преобразованная русскими в соответствии с запретом на зияние в *бразильян-*. От этой заимствованной основы уже имеющей романский суффикс прилагательного =ьян- были об-

разованы формы: *бразильян=ск_ий*, *бразильян=ък_а*, *бразильян=ец*, *бразильян=ц_ы*. Но параллельно было образовано и прилагательное от основы *бразил-*: *бразильский*. Слова с основами *бразильян-* и *бразил-* стали конкурировать, и постепенно более короткие слова вытеснили более длинные. Исключением стало слово *бразильянка*, оказавшееся более удачным, чем **бразил(ь)ка*. Так возникла асимметрия словоупотребления.

Если у человека не родной отец, а отчим или не родная мать, а мачеха, значит ли это, что он является генетическим сыном отчима или мачехи? Разумеется, нет.

Когда же нам говорят, что *бразильянка* образована от *бразильский*, то предлагают реальность функционирования **лексико-семантической** системы слов в речи принимать за реальность существования **словообразовательной** системы языка. А это нарушение системного принципа гомотопности: вопросы словообразования предлагается решать с опорой не на словообразовательный, а на лексико-семантический уровень языка.

Итак, что противопоставить критерию Г. О. Винокура и как определять наличие и направление деривационных отношений?

Отношения деривационной производности устанавливаются между основами лексем, отличающимися друг от друга на один крайний (по-научному – терминальный) аффикс (приставку или суффикс).

Та основа, у которой на один терминальный аффикс *меньше*, является **производящей**, та основа, у которой на один терминальный аффикс *больше*, является **производной**.

Противопоставление морфемного членения слова словообразовательным отношениям не имеет под собой основы: *морфемный анализ* – первый и необходимый этап установления *словообразовательных (деривационных) отношений*. «Критерий Винокура», апеллирующий к семантике (пусть и через словарную дефиницию), – не более чем предохранитель от чисто формального установления отношений без учёта се-

мантики. Он позволяет установить корректность словообразовательной цепи *коза > козёл > козёлок* и некорректность формально подобного ей ряда: ~~*оса > осёл > осёлок*~~.

В системе апеллятивов и в системе онимов границы между словоизменением и словообразованием не совпадают. К словоизменению относится флексия, а к словообразованию основание, но это не всегда так:

кат-а-ть *кат-а=л_и*
кат-ну-ть *кат-н=и_те*
кат-и-ть
кат-ыва-ть

1. Мы прежде всего определяем морфемный состав слова. Это первый этап словообразовательного анализа. 2. Затем необходимо выделить цепи, отличающиеся друг от друга на одну терминальную морфему. 3. После этого необходимо сопоставить семантику корней и выявить, не было ли в одном из слов семантической деривации.

При этом обязательно последовательное различение межсловной (аффиксальной) и внутрисловной (семантической) деривации.

Рассмотрим пример:

конь > конин(а)

баран > баран-ин_а (мясо того животного, которое обозначено производящей основой)

медведь > медвежье мясо > медвежина

верблюд > верблюжье мясо > верблюжина

У суффикса *=ин* – одна и та же компрессивная функция: ужать словосочетание из прилагательного и существительного в одно слово с тем же значением.

Следовательно, *конина* и *баранина* образованы не от *конь* и *баран*, а от словосочетаний *конье мясо*, *баранье мясо*.

конь > конье мясо > конина {кон-йб-ин_а}

баран > баранье мясо > баранина {баран-йб=ин_а}

Понять производное слово можно только на фоне всей системы языка. Любое ограничение привлекаемого для анализа материала чревато ошибкой.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. 2010.
2. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 419 – 442.
3. Ефремова Т. Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. 2006.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. 2-е изд. 1880 – 1882.
5. Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // Slavia. 1958. № 3.
6. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и литература». М.: Просвещение, 1973. 304 с.
7. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». 2-е изд. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.
8. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: Астра семь, 1997.
9. Рябицев В. К. Птицы тундры. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1986.
10. Словарные агнонимы русского языка / под. ред. Я. Вавжинчика. Вып. 1. Warszawa, 2007. (Semiosis lexicographica. Vol. XLIII).
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н.Трубачева. 4-е изд. Стер. М.: Изд-во Астрель; Изд-во АСТ, 2004.

Информация об авторе:

Кретов Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета, tilp@rgph.vsu.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 07.06.2016 г.

ON THE SO-CALLED “VINOKUR CRITERION”

Kretov Alexey A.^{1, @}

¹ *Voronezh State University*

@ tilp@rgph.vsu.ru

Abstract: The paper is devoted to the problem of direction of lexical derivation. The system methodology was used to describe the “Vinokur criterion”; it turned out that the criterion can not be used to identify the derivation direction. Also the existence of morphemes apocope technique in Russian derivation is refuted and the term *interfix* is replaced by *epenthesis*. It is suggested to use the quantity of morphemes instead of the “Vinokur criterion”: the derived stem is different from the stem of the same root in one additional terminal affix. As a result the morphemic analysis is defined as the first stage and the obligatory condition of the derivative analysis. If the “Vinokur criterion” is interpreted correctly, it can be used in lexicography to describe the semantics of derived words. It may also be the indicator of derived word de-etymologization. The problem of the direction of lexical derivation is also connected with the problem of words existence-inexistence in language and speech, with the problem of synchrony and diachrony of word-formation system and also with the necessity for differentiation of the systems of onyms and appellatives and for consideration of each derivative as an element of the whole language system.

Keywords: word-formation, Russian language, lexical derivation, “Vinokur criterion”, direction of lexical derivation, interfix and epenthesis, morphemic and word-formation analysis.

For citation: Kretov A. A. On the so-called “Vinokur Criterion”. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 150 – 154.

References

1. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Great Dictionary of the Russian language]. Ed. Kuznetsov S. A. 2010.
2. Vinokur G. O. *Zametki po russkomu slovoobrazovaniyu* [Notes on Russian word formation]. *Izbrannye raboty po russkomu iazyku* [Notes on the Russian word formation]. Moscow: Uchpedgiz, 1959, 419 – 442.
3. Efremova T. F. *Bol'shoi sovremennyyi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Large modern dictionary of Russian language]. 2006.
4. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language in 4 volumes. 2nd edition]. 2nd ed. 1880 – 1882.
5. Isachenko A. V. K voprosu o strukturnoi tipologii slovarnogo sostava slavianskikh literaturnykh iazykov [On the question of the structural typology of the vocabulary of the Slavic literary languages]. *Slavia*, no. 3 (1958).
6. Zemskaya E. A. *Sovremennyyi russkii iazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word formation]. Moscow: Prosveshchenie, 1973, 304.
7. Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl – Tekst»* [Experience of linguistic models of the theory of “The Meaning – Text”]. 2nd ed. Moscow: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1999, 346.
8. Morkovkin V. V., Morkovkina A. V. *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem)* [Russian agnonimy (words that we do not know)]. Moscow: AO «Astra sem'», 1997.
9. Riabitsev V. K. *Ptitsy tundry* [Tundra birds]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986.
10. *Slovarnye agnonimy russkogo iazyka* [Vocabulary agnonimy Russian language]. Ed. Vavzhinchik Ia. Warszawa, 2007, Iss. 1. (Semiosis lexicographica. Vol. XLIII).
11. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Transl. Trubachev O. N. 4th ed. Moscow: OOO «Izd-vo Astrel'»; OOO «Izd-vo AST», 2004.

Received 01.02.2016, accepted 07.06.2016.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА И ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ КАК НАУЧНЫЙ МЕТОД СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

(из лингвоэкспертной практики)

В. С. Ли^{1, @1}, Р. Д. Карымсакова^{2, @2}

¹ Казахский национальный университет им. аль-Фараби

² Казахский национальный университет «Туран»

@1 li-vs@mail.ru

@2 rakhilya.11@mail.ru

Аннотация: В статье отражены ход и результаты такого прикладного лингвистического исследования, как заключение специалиста-филолога (судебная лингвистическая экспертиза), предмет которого обусловлен содержанием заданий специалисту (эксперту). По стенограмме разговора и его аудиозаписи исследуются особенности речевого поведения участников разговора, имеющие значение для уголовного расследования. В ходе исследования используются лингвопрагматический анализ, приемы дискурсивного анализа текста. Результат семантико-прагматического анализа речевой ситуации, речевых актов как единиц исследуемого разговора привел к однозначным выводам о характере отношений между участниками разговора, о коммуникативной роли каждого из них, об отсутствии вины Женщины в состоянии страха, испытываемого Мужчиной и т. д. В целом анализ разговора показал, что достижения лингвистической прагматики с ее теорией речевых актов могут успешно применяться в судебной лингвистической экспертизе. Результаты данного исследования могут быть использованы при выработке рекомендаций по вопросам методического обеспечения судебной лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: речевое поведение, речевая ситуация, коммуникативные роли говорящих, речевой акт, информативные речевые акты (репрезентативы).

Для цитирования: Ли В. С., Карымсакова Р. Д. Лингвистическая прагматика и теория речевых актов как научный метод судебной лингвистической экспертизы (из лингвоэкспертной практики) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 155 – 159.

Практика судебной лингвистической экспертизы показывает, что лингвопрагматика и, в частности теория речевых актов используются как научный метод, эффективный при анализе речевой ситуации [10, с. 350 – 351], речевого поведения участников разговора (беседы), ставшего источником доказательственной информации в ходе уголовного расследования. Приведем один пример из нашей экспертной практики.

Для проведения лингвистического исследования был предоставлен текст протокола осмотра предметов и документов, составленного 1 июля 2009 г. ст. следователем по ОВД СД АБЭКП РК, майором финансовой полиции Р., включающего стенограмму разговора между мужчиной и женщиной, а также аудиозапись этого разговора.

На разрешение специалиста поставлены следующие вопросы:

1. В каких отношениях находятся между собой участники разговора?
2. Кто является инициатором и ведущим в разговоре?
3. Имеются ли у мужчины и женщины общие интересы?
4. Каковы коммуникативные роли участников разговора и какие речевые акты характеризуют каждого из них?
5. Как следует толковать в контексте всего разговора реплику «Ой Аида я боюсь, что мне делать? Аида. Аида. Аида. Я боюсь. Чем дальше, тем больше»? В каких ситуациях говорящий признается об испытываемом им страхе? Можно ли из содержательного

анализа всего разговора установить причину такого состояния говорящего и является ли собеседник (в данном случае – женщина) причиной и виновником тому?

6. Можно ли из содержательного анализа записанного разговора установить, что в нем речь идет о взятии кем-то денег из кассы предприятия?

7. Содержится ли в репликах мужчины утверждение (в явной форме или в скрытом виде) о том, что он недополучал из кассы предприятия деньги на выкуп земельных участков у их собственников?

8. Можно ли из содержательного анализа представленного на исследование материала определить, знала ли женщина о финансовых нарушениях мужчины в момент их совершения или ей стало известно об этом позже?

Исследовательская часть

В тексте исследования участники разговора названы именами собственными «Мужчина» и «Женщина», т. е. обозначены прописными буквами.

Ответ 1. Межличностные отношения, как известно, делятся на официальные и неофициальные, отношения руководства и подчинения, деловые и личные. Официальными называют отношения, возникающие между людьми на должностной основе. Деловые отношения возникают в связи с совместной работой или по ее поводу, а личные – как отношения, складывающиеся между людьми независимо от выполняемой работы.

Лингвистический анализ текста показывает, что отношения между участниками разговора можно определить как неофициальные, равноправные, деловые. На неофициальные отношения указывает употребление обоими формы на «ты» (*Ты говорил по пять штук им; Это... щас сколько процентов (ты) считала*), затем использование имени, а не имени и отчества (*Давай вот так вот сделаем тогда? А, Аида?*), употребление Мужчиной разговорной, в том числе и жаргонной, эмоционально окрашенной лексики и экспрессивных синтаксических конструкций (*Офигеть; А, фигня!; Блин я ночами не сплю из-за этого. Запарился уже; Во всей ситуации этой... черт его знает...*). Разговаривают они на равных, что объясняется их примерно одинаковым профессиональным статусом (главный бухгалтер и юрист предприятия), их возрастом и т. д.

Проявляющиеся в разговоре отношения характеризуются как деловые, поскольку возникли они в связи с совместной работой на одном предприятии. Личные отношения языковыми средствами не выражены, они между участниками диалога отсутствуют.

Ответ 2. Инициатором разговора и ведущим в нем выступает Мужчина. Он начинает разговор и именно от него исходит настоятельная просьба помочь советом (*Что я хотел? Слушай, мне ...надо советовать; Что делать? Какой вариант еще есть?*). Инициатор разговора в сравнении с другим его участником (-ами) всегда имеет дополнительное преимущество: он может заранее продумать свое речевое поведение, выбрать и подготовить вопросы, сформулировать требования, например: *Возврат денег мне нужно сделать сегодняшним числом, завтрашним числом, задним числом, не знаю! Это раз!* и др. Мужчина как инициатор разговора в рассматриваемом случае активно управляет процессом разговора, определяет характер беседы, побуждая Женщину выполнять диктуемые им действия. Например:

1. *Нет... нормально, по предпринимательский нам нужно... Давай вот так вот сделаем тогда? А, Аида?*

2. *Что делать? Какой вариант еще есть? А если..., у тебя есть таблица здесь?*

Женщина: *Здесь нету, он же этот...*

– *Открыть его просто, открыть не сохранять...*

Мне Аникина нужна разница.

Ответ 3. Под общими интересами понимаются одинаковые, сходные с кем-л. идеи, подходы, предпочтения, потребности. Анализ текста показывает отсутствие общих интересов у участников разговора, отсутствие сотрудничества во имя общих интересов, взаимодействия в общих интересах.

Ключевое разногласие, несогласие Женщины с предлагаемыми Мужчиной вариантами переоформления договора задним числом выражены косвенно в реплике: *Задним числом ну это не самое...* (правильное, законное решение. – Спец.) и выводом в форме следующих риторических вопросов, сделанном ею на основании предшествующих предложений Мужчины.

Женщина: *Если ты возвращаешь, получается, тогда у меня в кассе будет не хватать денег?*

Мужчина: *Да...*

Женщина: *Я буду отвечать за эти деньги?*

Ответ 4. Стенограмма отражает лишь собственно языковые особенности беседы, в то время такие стороны диалогической речи, как интонация, темп речи, мимика, жесты и т. п. невербальные средства, непосредственно сопровождающие любую беседу и характеризующие речевую ситуацию, в рассматриваемой стенограмме не представлены. Поэтому в настоящем исследовании анализу будут подвергнуты все высказывания каждого участника беседы, квалифицируемые не только как отдельные реплики диалога, но и как самостоятельные речевые акты, т. е. каждая реплика считается отдельным речевым актом. Графическим средством выделения реплики принято считать отрезок текста от точки до точки. Всего в стенограмме 122 реплики, из них Мужчине принадлежат 75 реплик, Женщине – 47.

Для объективного исследования представленного материала необходимо уточнить понятие речевого акта, используемое в современной лингвистике. Под речевым актом (применительно к задачам настоящего исследования) понимается целенаправленное речевое действие, совершаемое говорящим для достижения определенной цели. Речевой акт – это не просто отдельное высказывание, отдельная языковая единица, а само действие. Именно такой подход к анализу представленного материала позволит с необходимой полнотой и точностью ответить на поставленный вопрос, который в собственно лингвистическом плане следует конкретизировать следующим образом: каковы коммуникативные роли Мужчины и Женщины и кому принадлежит роль ведущего в этой «языковой игре» (Л. Витгенштейн). При этом исследователь должен установить, к какому типу речевого акта относится каждая реплика, и лишь после этого и на основе этого делать выводы.

Определяя тип речевого акта, необходимо иметь в виду, что в современной лингвистике, в частности в лингвопрагматике представлены различные классификации речевых актов (от общих до детализированных). Для ответа на поставленный перед специалистами вопрос целесообразнее всего воспользоваться такой классификацией:

1) *репрезентативы* (речевые акты сообщения, информативы);

2) *директивы* (речевые акты побуждения);

3) *комиссивы* (речевые акты принятия обязательств);

4) *экспрессивы* (речевые акты, выражающие эмоциональное состояние говорящего) [8, с. 170 – 195].

Полный анализ всех реплик Мужчины и Женщины позволяет с большой степенью достоверности установить коммуникативные роли каждого из них, при этом совершенно очевидно, что большую часть реплик будут составлять информативные речевые акты (репрезентативы), в то время решающими для ответа на поставленный вопрос будут директивы и экспрессивы, их соотношение в речи каждого участника разговора, сопоставление их (участников разговора) в пределах отдельного типа речевого акта.

Тщательный анализ всех речевых актов, принадлежащих Мужчине, с одной стороны, и Женщине, с другой, позволяет установить их коммуникативные роли и коммуникативные ранги [9]. Так, директивные

речевые акты, представляющие собой попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы говорящий совершил нечто, в том числе определенный речевой акт, в стенограмме распределены неравномерно. В речи Мужчины их гораздо больше, чем у Женщины (соотношение: 31 к 6); директивы Мужчины выражены преимущественно вопросительными предложениями, которые требуют ответа от собеседника. Следует также отметить, что вопросительная форма этих речевых актов свидетельствует о ненавязчивом побуждении, а в отдельных случаях – о косвенном побуждении. В целом директивы Мужчины можно охарактеризовать такими глаголами-маркерами, как *спрашивать, советовать*. Не обнаружено ни одного речевого акта, который можно было охарактеризовать такими маркерами, как *приказывать, командовать, умолять, упрекать, обвинять*.

В речи Женщины речевых актов, которые следует отнести к директивам, – 6, и они представляют собой уточняющие вопросы. Директивы Женщины как речевые акты не относятся к категоричным и их можно маркировать глаголом *советовать*.

Комиссивов, т. е. таких речевых актов, которые имеют целью возложить на говорящего обязательство совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения, в исследуемом тексте не обнаружено. Отсутствие комиссивов косвенно свидетельствует о том, что у говорящих нет взаимных обязательств друг перед другом по обсуждаемой теме.

Экспрессивов в исследуемой стенограмме немного, и принадлежат они в основном Мужчине (8, в речи Женщины – 2). Подробный анализ экспрессивов Мужчины см. в ответе на вопрос 5.

Информативные речевые акты (репрезентативы), которые составляют абсолютное большинство речевых актов в исследуемом тексте, в речи Мужчины и Женщины распределены примерно одинаково: 36 и 39.

Таким образом, анализ и сопоставление речевых актов Мужчины и Женщины свидетельствуют об активной коммуникативной роли Мужчины, его заинтересованности в ведении беседы и получении информации. Женщина выступает в роли консультанта, не берущего на себя каких-либо обязательств перед Мужчиной.

Ответ 5. Реплика «Ой, Аида, я боюсь, что мне делать? Аида. Аида. Аида. Я боюсь» как речевой акт относится к разряду экспрессивов, т. е. высказываний, цель которых – выразить психическое состояние говорящего, задаваемое условием искренности относительно сложившейся ситуации. Экспрессивы выражаются различными средствами, к которым относятся междометия (в данном случае – междометие *ой*), повторы (*Аида*), вопросительные конструкции (*что мне делать?*). Типичными маркерами экспрессивов выступают такие глаголы, как ‘извиняться’, ‘благодарить’, ‘поздравлять’, ‘сочувствовать’, ‘приветствовать’ в перформативной функции (перформатив – высказывание как речевое действие). В исследуемой реплике таким словом является глагол ‘бояться’ в форме 1-го лица единственного числа (*Я боюсь*). Это высказывание описывает события двух типов в зависимости от так называемой пресуппозиции, т. е.

предшествующего опыта или сложившейся к данному времени ситуации.

1. Говорящий N не совершал каких-либо действий, поступков, но он ожидает (ждет) неизвестной неприятной ситуации. В таких высказываниях синтаксическая позиция зависимого от глагола слова обязательна: *Я боюсь темноты, Я боюсь, высоты, Я боюсь воды* и т. п. При таком характере пресуппозиции говорящий N не испытывает чувство вины за что-то.

2. N совершил какой-то проступок и говорит: *Я боюсь*. В подобных случаях ситуацию можно предположить в такой семантической записи:

‘N совершил действие P’

‘P относится к проступку осуждаемому, незаконному’

‘N понимает, что его ждет нечто неблагоприятное’.

В исследуемом тексте представлена 2-ая ситуация, так как в своих репликах Мужчина говорит о своих проступках и осознает, что они наказуемы. Это можно вывести из реплики Мужчины, обращенной к Женщине: *Аида что теперь мне делать скажи ты же главный бухгалтер? Целого концерна! Какой выход?* Эти реплики в форме косвенных директив обращены к Женщине. Тем самым Мужчина осознает и признается, что он совершил какое-то незаконное действие (или действия) и ждет неблагоприятных для него последствий, и от этого испытывает чувство страха, о чем он и говорит Женщине.

Вопрос о том, причастна ли Женщина к неприятностям, ждущим Мужчину, и виновна ли она в сложившейся ситуации, не может быть решен только лишь на основе лингвистических данных. Как известно, это компетенция следственных и судебных органов. Тем не менее собственно лингвистический анализ реплик позволяет установить коммуникативные роли говорящих, их намерения (интенции) и с помощью выводных знаний (речевых импликатур) ответить с достаточным основанием на поставленный вопрос о причастности Женщины к проступкам Мужчины [5, с. 217 – 237].

Абсолютное большинство реплик Женщин относится к репрезентативам (см. ответ на вопрос 4). Эти репрезентативы по пропозициональному содержанию относятся к разряду консультаций:

– По упрощенке получается: доходы налогового периода составляют десять тысяч тенге, десять миллионов. Налоговой период это – за год.

– И тут тогда, за отчетный период ставки в размере... 3 процента.

– Да, юр. лицо все равно большой налог.

– Причем получается то видишь, такой налог платишь. Корпоративный платит такой же большой.

– Налог, за год, то ты потом на следующий год получается уже должен показывать, что у тебя доход был за тот...

Эти репрезентативы-консультации исходят от человека, владеющего соответствующей информацией по обсуждаемому делу. Содержательный анализ всех реплик свидетельствует о том, что Женщина не причастна к действиям Мужчины и не брала на себя каких-либо обязательств. В тексте нет ни одной реплики-комиссива, т. е. речевого акта принятия на себя

какого-либо обязательства или обещания, которые обычно связывают участников коммуникации. С другой стороны, в репрезентативах Мужчины отсутствуют высказывания, которые содержали бы сведения о причастности Женщины к проступкам Мужчины. Такое заключение можно сделать из того, что в репликах Мужчины упоминается лишь одна причина его обращения за помощью к Женщине: *Аида что мне теперь делать скажи ты же главный бухгалтер? Целого концерна!* Других причин, таких, как соучастие Женщины в проступках Мужчины, давлении на него со стороны Женщины, в репликах не обнаружено. Из этого следует, что Женщина не участвовала в проступках Мужчины, из-за которых тот испытывает страх перед ожидаемыми им неблагоприятными последствиями.

Ответ 6. Анализ всех реплик показал, что ни прямо, ни косвенно никто не говорит о том, что взял деньги из кассы предприятия.

Ответ 7. В репликах Мужчины отсутствуют высказывания, которые указывали бы на то, что он недополучал из кассы предприятия деньги на выкуп земельных участков у их собственников.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011.
3. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография. М.: Флинта: Наука, 2014.
4. Голев Н. Д. «Герой капиталистического труда» – оскорбительно ли это звание? (о двух стратегиях прагматического анализа текста как объекта юрислингвистической экспертизы) // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: Межв. сб. научн. тр. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999.
5. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
6. Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И. Основы прагмалингвистики. М.: Флинта: Наука, 2015.
7. Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н. Н. Лобачевского. 2013. № 1(1). С. 286 – 290.
8. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.
9. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001.
10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003.

Информация об авторах:

Ли Валентин Сергеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии, русской и мировой литературы Казахского национального университета им. аль-Фараби, li-vs@mail.ru.

Карымсакова Рахиль Даулетбаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и переводческого дела университета «Туран», rakhilya.11@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 07.06.2016 г.

Ответ 8. В представленном на исследовании материале отсутствуют высказывания, из которых можно установить, знала или нет Женщина о финансовых нарушениях Мужчины в момент их совершения или ей стало известно об этом позже.

Таким образом, лингвистический анализ представленного на исследование материала показал, что достижения лингвистической прагматики могут успешно применяться в сфере судебной лингвистической экспертизы [7, с. 286 – 290]. Об этом во многих своих статьях по юрислингвистике пишет Н. Д. Голев. В одной из статей на материале двух судебных процессов он рассматривает прагматические стратегии юрислингвистической экспертизы текста [4, с. 122 – 138]. На значимость лингвопрагматики для экспертной деятельности указывает А. Н. Баранов: «Не менее существенна для экспертизы текста лингвистическая прагматика. В особенности теория речевых актов, определяющая коммуникативную направленность высказывания (его иллокутивную силу) и сущность таких важнейших речевых категорий, как утверждение, оценка, призыв» [2, с. 18 – 19].

LINGUISTIC PRAGMATICS AND SPEECH ACT THEORY AS A SCIENTIFIC METHOD OF JUDICIAL LINGUISTIC EXPERTISE (from lingual expert practice)

Lee Valentin S.^{1, @1}, Karymsakova Rakhilya D.^{2, @2}

¹ Al-Farabi Kazakh National University

² «Turan» University

@¹ li-vs@mail.ru

@² rakhilya.11@mail.ru

Abstract: The paper reflects the progress and results of such applied linguistic research, as the conclusion of the expert-philologist (forensic linguistic) expertise, the object of which is due to the content of tasks for the specialist (expert). According to the transcript of a conversation, the features of verbal behavior of participants of the conversation that are relevant for the criminal investigation are studied. The study used lingual pragmatic analysis, techniques of text discursive analysis. The result of the semantic-pragmatic analysis of speech situations, speech acts as the units of researched conversation led to unambiguous conclusions about the nature of relations between the participants of the conversation, the communicative role of each of them, the absence of women's guilt in the state of fear experienced by man, etc. In general, conversation analysis has shown that the achievement of linguistic pragmatics with its theory of speech acts can be successfully used in forensic linguistic examination. The results of this research can be used in the formulation of recommendations on the methodological support of forensic linguistic examination.

Keywords: verbal behavior, speech situation, communicative role of the speaking person, speech act, informative speech acts (representatives).

For citation: Lee V. S., Karymsakova R. D. Linguistic pragmatics and speech act theory as a scientific method of judicial linguistic expertise (from lingual expert practice). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 155 – 159.

References

1. Arutiunova N. D. Rechevoi akt [Speech act]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, 1990.
2. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniia i praktika* [Linguistic examination of the text: the theoretical bases and practice]. Moscow: Flinta: Nauka, 2011.
3. Brinev K. I. *Sudebnaia lingvisticheskaya ekspertiza: metodologiya i metodika* [Forensic linguistic expertise: methodology and technique]. Moscow: Flinta: NAUKA, 2014.
4. Golev N. D. «Geroi kapitalisticheskogo truda» - oskorbitel'no li eto zvanie? (o dvukh strategiakh pragmaticheskogo analiza teksta kak ob"ekta iurilingvisticheskoi ekspertizy) ["Capitalist hero of labor" - an insult if that title? (Two strategies pragmatic analysis of the text as an object of examination yurilingvisticheskoy)]. *Iurilingvistika – Yurilingvistika*, no. 1 (1999).
5. Grais G. P. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and speech communication]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike – New in foreign linguistics*, no. XVI (1985).
6. Matveeva G. G., Lenets A. V., Petrova E. I. *Osnovy pragmalingvistiki* [Basics pragmalinguistics]. Moscow: Flinta: Nauka, 2015.
7. Radbil' T. B., Iumatov V. A. Vozmozhnosti i perspektivy primeneniia teorii rechevykh aktov v lingvisticheskoi ekspertize [Opportunities and prospects of application of the theory of speech acts in the linguistic expertise]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. N. Lobachevskogo – Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. N. Lobachevsky*, no. 1(1) (2013): 286 – 290.
8. Serl' Dzh. R. Klassifikatsiia illokutivnykh aktov [Classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike – New in foreign linguistics*, no. XVII. Teoriia rechevykh aktov (1986). Moscow: Progress,
9. Sternin I. A. *Vvedenie v rechevoe vozdeistvie* [Introduction to speech influence]. Voronezh: Izd-vo VGU, 2001.
10. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language]. Ed. Kozhina M. N. Moscow: Flinta: Nauka, 2003.

Received 01.02.2016, accepted 07.06.2016.

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В. А. Маслова^{1, @}

¹ Витебский государственный университет (Республика Беларусь)

@mvavut@tut.by

Аннотация: Предметом исследования в статье является эстетическое как особый вид отношения человека к миру и самому себе. Цель статьи – проследить специфику реализации эстетической функции языка в поэзии; методологической основой стали труды психологов (Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева), лингвистов (Р. О. Якобсон, Г. О. Винокур, Л. П. Якубинский), филологов (М. М. Бахтин). В статье показано, что языковые единицы, попадая в поэтический текст, подчиняются эстетическим законам, оказываются обусловленными композицией, интертекстуальными связями, замыслом автора и т. д. При этом они обрастают совершенно новыми, по сравнению с обыденным языком, смыслами. В результате мы доказываем, что именно непохожесть обыденного (естественного) языка и языка, используемого в художественном произведении, «заставляет» сознание реципиента воспринимать текст как эстетический объект.

Ключевые слова: эстетическое, поэтический текст, языковые средства и приемы, законы языка, механизмы языка.

Для цитирования: Маслова В. А. Эстетическое как важнейший элемент лингвокультуры // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 160 – 163.

Эстетическое есть в природе, в обществе (продукты материального и духовного мира), в деятельности, в сознании. Язык, будучи орудием психической, в том числе и познавательной деятельности, фиксирует результаты этой деятельности – отраженные свойства, качества, закономерности объективной реальности. Среди них существуют и те, которые воспринимаются как эстетические: гармоничность, симметрия, организованность, целесообразность, ритм и т. д. Современными психологами доказано, что эстетическое восприятие мира носит универсальный характер: в окружающем мире нет ничего, что не могло бы выступить предметом эстетического отношения. Эстетическое представляет собой особый род отношений человека к миру. Оно соотносимо с категориями логического, этического, гедонического, с одной стороны, и чувствами, эмоциями, с другой.

Однако эстетическое в искусстве, в поэзии, оно имеет иной характер. Так, М. М. Бахтин писал: «Эстетическое созерцание природы, эстетические моменты в мифе, в мировоззрении... сумбуры, неустойчивы, гибриды. Эстетическое вполне осуществляет себя только в искусстве» [1, с. 22].

Цель данной статьи – проследить специфику реализации эстетической функции языка в поэзии.

Воздействие художественных текстов сходно с воздействием реальной действительности, но имеет и свою специфику: в результате воздействия художественных текстов возникает катарсис. Греческое слово «катарсис» было введено в науку Аристотелем и означает «очищение, просветление чувств». Эстетическая сфера человеческих отношений не является областью знаний и убеждений, это сфера мнений, «кажيمостей». Синкретизм (принципиальная слитность) объективного и субъективного в эстетическом говорит о его древности в ходе эволюции человечества. Л. С. Выготский рассматривал катарсис как особенность художественного восприятия [3].

Я. Мукаржовский еще в прошлом веке выделил эстетическую функцию языка, а Р. Якобсон – близкую к ней поэтическую. Эстетическую функцию языка мы понимаем как производную от познавательной (отражательной) функции. «Эстетическая функция языка реализуется в трех направлениях. Во-первых, в самой материи языка – в качествах и структуре (форме) знаков и способах их организации. Во-вторых, в трансляции эстетических знаний, оценок, суждений, взглядов и т. п., а также в эстетической информации о природных и социальных объектах в сфере общения и деятельности с помощью всех видов устных и письменных текстов. В-третьих, эстетическая функция языка реализуется в произведениях словесного искусства и прежде всего в поэзии» [5, с. 137]. Аналогичной точки зрения придерживается Г. А. Хайрутдинова [11].

Как указывал А. Н. Леонтьев, человеческий образ мира предполагает некую априорную целостность, которая предшествует четырехмерному восприятию мира в пространстве и времени. А. Н. Леонтьев назвал это «пятым квазиизмерением», подразумевая здесь «смысловое поле, систему значений» [4, с. 253]. Фактически, воспринимая предмет, человек видит его не только в его пространственных измерениях и во времени, но и в его значении. Это и есть измерение мира смыслом. В любом тексте (научном, публицистическом и др.) язык выполняет коммуникативную, идентификационную, информативную, эстетическую и другие функции, тогда как в языке художественной литературы, также ориентирующегося на нормы, на первый план выдвигается эстетическая функция.

Если в обыденном языке основным критерием эстетических качеств языка является наиболее полное соответствие языковых единиц своему назначению, то в поэтическом тексте все гораздо сложнее. Восприятие всякого, в том числе и художественного текста, опирается на вероятностное прогнозирование [10]. Так, например, звуки в обыденной речи встречаются с

определенной частотностью. Носитель языка интуитивно представляет себе нормальные частотности звуков и букв, и заранее “ожидает” встретить конкретный звук “нормальное” число раз. Если доля этих звуков в тексте находится в пределах нормы, то они не несут специальной смысловой и эстетической нагрузки. Заметное отклонение количества того или иного звука от нормы резко повышает информативность и символику звука, что отражается на восприятии всего текста. При этом была установлена следующая зависимость: чем ниже степень предсказуемости, тем привлекательнее текст.

Резкое противопоставление обыденного языка и языка художественной литературы началось в отечественной лингвистике в 20-е – 30-е гг. прошлого века. Было обнаружено, к примеру, что есть языки, где поэтический язык от естественного отличается даже количеством единиц отдельных уровней, “работающими” там законами языка. Так, в поэтическом японском языке есть звуки, отсутствующие в естественном языке. Л. П. Якубинский писал об отсутствии в поэтическом языке закона расподобления плавных звуков [12]. Мысль об “особости” поэтического языка приводила к попыткам создать новый поэтический язык (Хлебников и другие).

Г. О. Винокур писал об эстетической функции языка и его эстетической сущности: «Поэтическое произведение, разумеется, содержит в себе не просто язык, но прежде всего – мысли и чувства, выраженные в языке. Но язык в эстетическом произведении, независимо от этого, сам представляет собой известное произведение искусства, и в этом качестве он составляет предмет особой научной проблемы» [2, с. 245].

Осмысливая особенности эстетического восприятия поэтического текста, мы считаем необходимым подчеркнуть, что при его восприятии происходят сложные процессы: помимо восприятия художественного смысла, происходит также раскодирование образного языка, эмоциональное заражение, эмпатия. В совокупности все это дает чувство эстетического наслаждения.

Р. Ингарден ход эстетического переживания читателя видит в следующих этапах: первая эмоциональная реакция на художественное произведение – это первичная эстетическая эмоция, она возникает под влиянием какой-то детали текста. Эстетическая эмоция переходит в эстетическое переживание. Вторая фаза сопровождается спадом эмоционального напряжения и усилением когнитивной деятельности, что связано с более глубоким проникновением в авторский замысел. Думается, что все содержание подлинно художественных произведений (образы, мысли, переживания) является по своей природе эстетическим. Поэтический текст с психолингвистической точки зрения можно рассмотреть как систему раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую реакцию, которая начинается с акта восприятия.

Если читатель, владея естественным языком, не будет понимать специфики языка художественного текста, то текст не может им восприниматься как художественный (поэтический). Восприятие произведе-

ний искусства – это по существу активное сотворчество реципиента с автором. Более того, эстетическое содержание поэтического текста не воспринимается читателем непосредственно, не переносится механически в сознание, а **воссоздается** им, извлекается из знаков, воспринятых на первом и втором уровнях (за исключением тех случаев, когда сама форма знака имеет эстетическую значимость и воспринимается непосредственно), а зачастую даже “приписывается” реципиентом тексту. Например, известно, что А. Белый восхищался приемом русских поэтов XVIII в., которые помещали прилагательное после определяемого существительного: на самом же деле это явление объяснялось влиянием церковнославянского языка.

Следовательно, эстетическое восприятие поэтических текстов опосредуется индивидуально-личностным фактором, т. е. личностью реципиента с ее индивидуальным опытом, знаниями, темпераментом, самосознанием, психическими процессами и психическими свойствами личности. Кроме того, чтобы восприятие художественного текста было адекватным, нужно, чтобы установке автора соответствовала установка реципиента.

Многое в эстетическом восприятии зависит также и от ряда социальных факторов, например традиции эпохи, типа культуры и т. д. Так, в **эстетике тождества** прекрасным считалось точное следование исконным богодухновенным образцам, в то время как для современных художественных текстов считается, что неповторимость, новизна, оригинальность, индивидуальное своеобразие – большое достоинство текста. Известно также, что в разных культурах реципиент может быть в большей или меньшей степени сотворцом: традиционные восточные художественные тексты (например, «Лейли и Меджнун») требуют большей активности реципиента, чем современные европейские тексты, где автор и реципиент находятся, скорее, в паритетных отношениях. Или еще пример: в основе современной западной и восточной культур лежат разные эстетические подходы: для западной культурной традиции важно освоение человеком внешнего мира, а восточное мировоззрение, напротив, стремится к изоляции человека от внешнего мира, к уходу во внутреннюю жизнь [8, с. 37].

Мир, создаваемый поэтическим словом, – это мир сложных соотношений, взаимодействий и связей. Основатель философской эстетики Александр Баумgarten назвал произведение искусства «гетерокосмосом», т. е. другим, сотворенным миром. Языковые единицы, попадая в поэтический текст, подчиняются эстетическим законам, оказываются обусловленными композицией, интертекстуальными связями, замыслом автора и т. д. При этом они обрастают совершенно новым, невозможным для обыденного языка смыслом.

Рассмотрим для примера стихотворение Ю. Левитанского «Музыка моя, слова...» (1991), в котором, казалось бы, дан малоосмысленный набор созвучных слов:

*музыка моя, слова,
осень, ясень, синь, синица,
сень ли, синь ли, сон ли снится,
сон ли синью осенится,
сень ли, синь ли, синева*

Но воздействие его значительно, при первом прочтении становится ясно, что перед нами – высокая поэзия, в которой эстетические качества – зашкаливают. Во-первых, эстетическое заложено здесь в самой материи языка (звучах *с', н'*, которые в сочетании с гласными *и, э* дают поистине волшебные созвучия) и способах организации слов, создающих мелодику стиха: мы, действительно, слышим музыку, которая льется через край, выплескивается в наши души, «заражая» нас музыкой и вызывая распев души. Создается мелодика за счет повторения сходнозвучающих слов, что повышает символику стиха, отражаясь на восприятии всего текста. При этом подтверждается зависимость, выявленная психологами: чем ниже степень предсказуемости появления очередного слова, тем привлекательнее текст.

Во-вторых, трансляция эстетического идет через игру значений в слове *осениться*, которое заключает в себе противоположные смыслы: с одной стороны, 1) покрыться, закрыться тенью и 2) внезапно появиться (осенила мысль) [9, с. 645]. Скрытая энантиосемия, сближая оба значения, объединяет их в стихотворении и сталкивает с созвучными словами, тем самым как бы сплетает единую ткань, из которой создается сложный и неуловимый образ сна, сквозь который как сквозь покрывало сияют смыслы.

Важную роль в стихотворении также играет метафора *сон ли синью осенится, которая*, которая становится способом формирования недостающих языковому сознанию знаний о состоянии сновидений, она формирует новые смыслы и обуславливает более глубокое и более тонкое восприятие сна. Данная метафора выводит на новые ментальные феномены, накладывая друг на друга разные знания (синестезия восприятия в цветовом видении сна).

Таким образом, эстетическая функция языка реализуется через звучание и значение слова [6; 7]. Поэтический язык представляет собой особую систему, и слово в этой системе имеет свои законы развития, смысловой и грамматической трансформации, поскольку художественная (поэтическая речь) – это «особый модус языковой действительности» [2, с. 251]. Причем, возможности нести эстетическую информацию заложены в каждом слове, но отсюда вовсе не следует, что каждое слово в поэтическом слове эстетически значимо: большинство из них несут «упаковочную» функцию, именно на их фоне ярче проявляются эстетически значимые элементы.

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Винокур Г. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1965. 387 с.
4. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. Т. 1. М., 1983.
5. Маслова В. А. Поэтический текст как средство эстетического воспитания // Актуальные вопросы эстетики и эстетического воспитания в свете решений XXVII съезда КПСС: тез. докл. и выступлений. Полоцк, 1987. С. 136 – 138.
6. Матвеева Е. Н. Коммуникативно обусловленное эстетическое значение слова в поэзии (на материале поэзии Игоря Северянина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009. 17 с.
7. Петрова Л. А. Эстетическая тональность художественного значения // Филологические науки. 2015. № 5. С. 13 – 20.

Поэзия представляет собой ту область творческой деятельности человека, посредством которой человек получает возможность хотя бы отчасти «проникнуть» в область трансцендентности; расширяет и изменяет свое обыденное сознание; получает возможность увидеть мир, «в который еще не вторглись острые клыки пространства и времени» (Судзуки); а поэтическое слово представляет собой «путь, ведущий *сквозь* человеческую речь в засловесные глубины» (как характеризовал понимание слова у символистов Ю. М. Лотман). В силу этого в поэтическом тексте эксплицитно (а чаще имплицитно) проявляются все виды человеческого знания, которые исследователь должен увидеть и предложить читателю. Здесь важна художественная интуиция и автора, и читателя как «неучтенный элемент» в анализе поэзии.

Выводы

Результат эстетического восприятия поэтического текста, таким образом, детерминирован целым рядом факторов: личностью автора, качествами текста (способом аргументации, способом раскрытия темы, характером отбора языковых и стилистических средств и приемов), личностью реципиента, традициями эпохи, типом культуры и другими.

При восприятии художественного текста у реципиента возникает иная установка, чем при восприятии текста иного типа: реципиент учитывает условность этого вида искусства. Воспринимая художественный текст, реципиент ориентируется в жанре, месте и времени действия событий, описанных в тексте, действующих лицах, отношении автора к событиям текста и т.д. В жанре реципиент ориентируется по заголовку, началу, фамилии автора и другим сигналам (например, «Жили-были...» – сказка и т. д.). Считаем необходимым выделить в восприятии художественного текста два одновременно функционирующих уровня. Первый – восприятие (включая понимание) самого содержания репрезентированного языком. Второй – восприятие системы созданных из материала естественного языка специфических художественных средств и приемов, т. е. функционирование языкового материала в особой эстетической (поэтической) функции. Прежде всего, именно непохожесть обыденного (естественного) языка и языка, используемого в художественном произведении, «заставляет» сознание реципиента воспринимать текст как эстетический объект.

8. Разумовская В. А., Николаева А. С. Эстетическая информация сиджо как проблема перевода (на материале поэмы «Времена года рыбака») // Вестник РУДН. (Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика). 2015. № 2. С. 36 – 47.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 3. М., 1982.
10. Фрумкина Р. М. Вероятность элементов тестов и речевое поведение. М., 1971.
11. Хайрутдинова Г. А. Эстетические ресурсы морфологических средств русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2009. 356 с.
12. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Л. П. Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17 – 58.

Информация об авторе:

Маслова Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор Витебского государственного университета, Республика Беларусь, mvavit@tut.by.

Статья поступила в редколлегию 21.02.2016 г., принята к печати 08.06.2016 г.

ESTHETIC NOTION AS AN IMPORTANT ELEMENT OF LINGUISTIC CULTURE

Maslova Valentina A.^{1, @}

¹ Vitebsk State University, Belarus

@ mvavit@tut.by

Abstract: The subject of the research presented in the given paper is the esthetic notion as a special kind of a person's attitude to the world and themselves. The objective of the paper is to find out the specificity of the implementation of the esthetic function in the language of poetry. The methodological bases of the research are the works by psychologists (L. S. Vygotsky, A. N. Leontiev), linguists (R. O. Yakobson, H. O. Vinokur, L. P. Yakubinsky), philologists (M. M. Bakhtin). The paper shows that the linguistic units in a poetic text subject to esthetic laws are caused by composition, intertextual relations, the author's vision, etc. At the same time, they get a completely new meaning different from the everyday one. As a result, we prove that dissimilarity of the natural language and the language used in works of art "makes" the recipient's consciousness perceive the text as an esthetic object.

Keywords: esthetic, poetic text, linguistic means and techniques, linguistic laws, language, linguistic mechanisms.

For citation: Maslova V. A. Esthetic notion as an important element of linguistic culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 160 – 163.

References

1. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, 1975.
2. Vinokur G. *Izbrannye raboty po russkomu iazyku* [Selected works in the Russian language]. Moscow, 1959.
3. Vygotskii L. C. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow, 1965, 387.
4. Leont'ev A. N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniia* [Selected psychological works]. Moscow, vol. 1 (1983).
5. Maslova V. A. Poeticheskii tekst kak sredstvo esteticheskogo vospitaniia [Poetic text as a means of aesthetic education]. *Aktual'nye voprosy estetiki i esteticheskogo vospitaniia v svete reshenii XXVII s'ezda KPSS: tez. dokl. i vystuplenii* [Current issues of aesthetics and aesthetic education in the light of decisions of the XXVII Congress of the CPSU: proc. reports and speeches]. Polotsk, 1987, 136 – 138.
6. Matveeva E. N. *Kommunikativno obuslovlennoe esteticheskoe znachenie slova v poezii (na materiale poezii Igoria Severianina)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Communicative due to aesthetic meaning in poetry (based on the poetry of Igor Northerner). Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Barnaul, 2009, 17.
7. Petrova L. A. Esteticheskaiia tonal'nost' khudozhestvennogo znacheniiia [Aesthetic tonality artistic value]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*, no. 5 (2015): 13 – 20.
8. Razumovskaia V. A., Nikolaeva A. S. Esteticheskaiia informatsiia sidzho kak problema perevoda (na materiale poemy «Vremena goda rybaka») [Aesthetic information CJ as a transfer problem (on the "Seasons of the fisherman" material poem)]. *Vestnik RUDN. Ser. Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika – Bulletin of Peoples' Friendship University. Ser. The theory of language. Semiotics. Semantics*, no. 2 (2015): 36 – 47.
9. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow, vol. 3 (1982).
10. Frumkina R. M. *Veroiatnost' elementov testov i rechevoe povedenie* [The probability of test elements and verbal behavior]. Moscow, 1971.
11. Khairutdinova G. A. *Esteticheskie resursy morfologicheskikh sredstv russkogo iazyka*. Diss. doktora filol. nauk [Aesthetic resources morphological means of the Russian language. Dr. filol. Sci. Diss.]. Kazan', 2009, 356.
12. Iakubinskii L. P. *Izbrannye raboty: Iazyk i ego funktsionirovanie* [Selected works: Language and its functioning]. Moscow, 1986, 17 – 58.

Received 01.02.2016, accepted 08.06.2016.

ОТ ОБЫДЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ОБРАЗУ

В. М. Мокиенко^{1, @}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
@mokienko40@mail.ru

Аннотация: В статье демонстрируется значение «Словаря обыденных толкований русских слов. Лексика природы», созданном под руководством Н. Д. Голева, для объективного диагноза русской лексической системы. Подчеркивается взаимодействие обыденного значения со значением общелитературным, с одной стороны, и воздействие первого на эволюцию художественной образности и семантики. Предлагаемые наблюдения иллюстрируются сопоставлением словарной статьи «Муравей» в словаре под редакцией Н. Д. Голева со словарными статьями других лексикографических источников и семантикой, запечатленной в басне И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей».

Ключевые слова: обыденное толкование, семантика, лексикография, художественный образ.

Для цитирования: Мокиенко В. М. От обыденного значения к художественному образу // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 164 – 169.

Одним из инновативных проектов, реализуемых под руководством Н. Д. Голева в Кемеровском государственном университете, стало составление «Словаря обыденных толкований русских слов. Лексика природы» в 2-х т. [17]. 478 слов-стимулов, описанных в 1-м томе, отражают с возможной полнотой как основные семантические характеристики русской лексики природы, так и её широкое ассоциативное пространство с последовательной качественной и количественной его градацией. Тем самым авторами объективно очерчен значимый фрагмент русской языковой картины мира с утончённой характеристикой её национальной (и частично интернациональной) спецификой.

Вчитываясь в словарные статьи и сопоставляя их с описанием той или иной лексемы в других лексикографических источниках, нельзя не отметить такое достоинство Кемеровского словаря, как универсализм и полноту представления каждой лексемы в свете данных, полученных на основе эксперимента. Принцип лексикографической полноты, сформулированный в своё время Б. А. Лариным [8], может иметь разные ипостаси и зависеть от конкретного описываемого материала. Представители Ларинской лексикографической школы этот принцип давно уже реализовали в словарях самых разных типов. На диалектном материале это сделано в «Псковском областном словаре с историческими данными» [14], на материале древнерусского языка – в словаре «Моления» Даниила Заточника [4; 15], на материале языка писателя – в «Словаре автобиографической трилогии М. Горького» [16]. В словаре под редакцией Н. Д. Голева этот принцип обеспечивается материалом, собранным у современных носителей русского языка и его распределением по 5 основным параметрам: 1) значение; 2) ассоциации; 3) фразы; 4) объекты называния; 5) созвучия и 6) этимология.

Для иллюстрации воспроизведём последнюю словарную 1-го тома словаря – «Муравей» [17, с. 535]:

– **значение:** насекомое 64; насекомое очень трудолюбивое 4; маленькое насекомое 3; маленькое (мелкое) насекомое 2; букашка; грузовое суровое насекомое; животное; красный; кусается; маленькое

насекомое, которое может носить груз в несколько раз тяжелее себя; муравейник; насекомое в муравейнике (живёт в муравейнике); приказ; от слова «мурить»; работяга; рабочий; суета; таракан; трудяга; трудяга-насекомое; трудящееся насекомое, живущее в муравейнике; труженик 1; 100+21+10;

– **ассоциации:** насекомое 30; муравейник 14; маленький 6; стрекоза 5; лес; труд 3; жук; кислота; куча; трудяга 2; ант; Б. Вербер «Муравьи»; большой; букашка; былинка; вредители; дача; дерево; зеленый лес; кисло; китаец; книга Б. Вербера «Революция муравьев»; красный; лето; маленькие, работающие, сильные, быстрые организмы; маленький строитель; много их; молодец; муравей; муравьед; муха; неприязнь; пикник; поле; полянка; работать; рабочий; революция; солдат; термит; трудиться; трудоголик; трудолюбивый; черный 1; 105+44+4;

– **фразы:** насекомое; стрекоза и муравей 5; бегать как муравей; трудиться как муравей 2; «А зима катит глаза»; медленный как муравей; много как муравьев; муравей-работяга; муравей-трудоголик; работник; стрекоза; труд; трудоголик; трудяга; труженик; труженик муравей 1; 53+16+27;

– **объекты называния:** магазин; торт 3; автомобиль; аттракцион; газета; детский велосипед; дом; журнал; игрушка; клей; малолитражное, малогабаритное авто; минитрактор для садового участка; мопед; мотороллер; муравейник; муравьиный дом; средство от насекомых; строительный магазин; трактор; трудящийся человек; удобрение для растений; электроприбор 1; 55+22+27;

– **созвучия:** маленький; мурава; насекомое 3; выше дуралей; кочубей; кусать; лес; мамонт; мур; мура; мурава-веет; муравейник; муравушка; муравьи; мурка; не робей; отлей; пельмень; строить; хайвей; эгегей 1; 50+24+23;

– **этимология:** маленький; насекомое крошечное (маленькое) 2; бегать по траве; бегающий таракан; в мураве (траве) живет; вьет; курит мураву; маленькие и живут в траве; маленькие и от слова мурава; маленький, но проворливый; муравейник; насекомое, которое бежит в мураве; охотится в траве; сильный; черный 1; 52+15+35.

Как видим, в отличие от других словарей здесь нет строгого распределения описываемого семантического комплекса той или иной лексемы на «центр» и «периферию», а читателю предоставляется возможность самому выделить их из общей матрицы описания, ориентируясь на повторяемость той или иной семантической характеристики. Это свойство, в какой-то степени соответствующее принципу лексикографической полноты, вытекает из реального узуса слова в живой речи, представленной «обыденными толкованиями». Нормативная же семантика с одной стороны выкристаллизовывается из обыденной, с другой – регулирует создание и развитие последней. Так происходит круговорот семантической эволюции слова с разноплановой, но не хаотичной перегруппировкой смыслового и коннотативного потенциала.

Попытаемся представить такой круговорот на материале приведённой словарной статьи, проецируя её на лексикографический опыт предшественников и кристаллизацию в конкретном художественном образе.

Экстраполируя материал всех 6 разделов словарной статьи «Муравей», можно выделить семантические доминанты названия этого насекомого, отражаемые большинством из них:

- трудолюбие и физическая сила (resp. способность переносить большой груз);
- маленький, мелкий размер;
- коллективизм (жизнь в муравейнике, организованность), «кучность», множество;
- быстрота (resp. суетливость) передвижения;
- передвижение в траве (мураве).

Другие семантические признаки (красный, кусается, кусать, приказ, лес, кислота, вредители, пикник, солдат, черный, курит мураву и под.) периферийны и в какой-то мере случайны – как, например, «революционные» ассоциации с книгой Б. Вербера «Революция муравьев».

Показательно, что предложенное распределение семантики избранной лексики на «центр» и «периферию» имплицитно подтверждается и её использованием в 4-й группе – *объекты называния*. Здесь такие характеристики, как «трудолюбие», «малый размер», «кучность» или «быстрота передвижения» воплощаются в наименования конкретных артефактов, в которых соответствующие имплицитированные семы легко угадываются – ср. автомобиль, аттракцион, детский велосипед, игрушка, малолитражное или малогабаритное авто; минитрактор для садового участка, мопед, мотороллер, строительный магазин, трактор, электроприбор.

«Центральная» обиходная семантика лексики *Муравей* является результатом длительной «работы» языковой системы. Она особенно «обкатана» в трёх жанрах русского «малого фольклора» – поговорках, устойчивых сравнениях и пословицах. Они, собственно, и стали «кузницей», в которой обиходная семантика постепенно перековывалась в устойчивую образную, художественную. Рассмотрим такую кристаллизацию семантики на материале наших трёх словарей – «Большого словаря русских поговорок» [9, с. 417], «Большого словаря русских народных сравнений» [10, с. 410 – 411] и «Большого словаря русских пословиц» [11, с. 570 – 571]. Распределим их матери-

ал по схеме, предложенной выше на основе словарной статьи «Муравей» в «Словаре обыденных толкований русских слов». (Из-за лимита места не приводим точной паспортизации источников описываемого материала. Заинтересованный читатель найдет их, обратившись к соответствующим статьям наших трёх словарей – *Прим. автора*).

1. Поговорки.

В поговорках, собственно, реализовалось лишь две семантические доминанты, характерные для «центра» обиходной семантики:

- маленький, мелкий размер и
- быстрота (resp. суетливость) передвижения:

При этом они стали обозначением неприятного физического и психологического ощущения – озноба, дрожи, брезгливости и под.:

Мурашам обсыпает [кого]. Пск. То же, что **мураши по коже**.

Покрыться мурашами. Новг. Покрыться пупырышками (от холода, страха и т. п.).

Мураши вскочили. Пск. То же, что **мураши по коже**.

Мураши забегали [у кого]. Арх. У кого-л. появилось ощущение покалывания, дрожи.

Мураши по коже (по телу) [забегали (побежали, побегли)] [у кого]. Новг., Пск., Сиб. То же, что **мурашки по телу бегают**.

Мураши по спине плавают [у кого]. Кар. То же, что **мурашки по телу бегают**.

Мурашками посыпало кого. Народн. То же, что **мурашки по телу бегают**. **Мурашки одевает [кому].** Пск. То же, что **мурашки по телу бегают**.

Мурашки по телу (по спине) бегают (забегали, побежали, пошли) [у кого]. Пск., Разг. Об ощущении озноба, дрожи. **Мурашки по телу.** Пск. То же. **Мурашки под кожей забегали [у кого].** Вят. То же. **Одевать мурашки.** Пск. То же, что **мурашки по телу бегают**.

Ср.: **Дивить свой муравейник.** Казаться выше только в кругу маленьких.

2. Устойчивые народные сравнения.

– трудолюбие и физическая сила (resp. способность переносить большой груз):

волочь (волочить) что куда как муравей. Пск. О прилежно, настойчиво и рачительно доставляющем что-л. куда-л. человеку.

трудиться (хлопотать) как муравей. О неутомимо и терпеливо работающем, хлопотущем человеке.

(трудолюбивый, прилежный) **как муравей.** Об очень трудолюбивом, прилежном, неутомимом и терпеливом в исполнении чего-л. человеке.

биться как муравей. Кар. Очень интенсивно и постоянно работать. < **Муравей** – муравей.

(трудолюбивый, прилежный) **как мураш.** Народн. То же, что (трудолюбивый) **как муравей**.

трудиться (хлопотать) как мурашка. Ум. Прост. О неутомимо и упорно трудящемся, хлопотущем (обычно маленьком, слабосильном на вид) человеке.

(трудолюбивый, прилежный) **как мурашка.** Ум. Прост. То же, что (трудолюбивый) **как муравей**.

– маленький, мелкий размер:

сам как муравей. *Ленингр. Фольк. Неодобр.* О маленьком и слабом человеке. < Из детской считалки.

(маленькая) **как муравь.** *Ряз.* Об очень маленькой девочке. < **Муравь** – муравей.

(маленький) **как мураш.** *Народн.* Об очень маленьком (обычно видимом издали, с большого возвышения) человеке. < **Мураш** – муравей.

(маленький) **как мурашка.** *Ум. Прост.* То же, что (маленький) **как мураш.**

как мурашки. *Ум. Прост.* То же, что (маленький) **как мурашка.**

– «кучность», множество и быстрота (resp. су-етливость) передвижения:

кого где как муравьёв. *Прост.* О множестве движущихся, толкущихся, суетящихся где-л. людей.

гимзеть как муравьи. *Алт.* Беспорядочно двигаться в разных направлениях, шевелиться, копошиться, кишмя кишеть. < **Гимзеть** – кишеть.

ёрзать словно кого муравьи кусают. *Народн. Неодобр.* О беспокойно ёрзающем, не способном усидеть на одном месте человеке.

кишеть (копошиться) как муравьи. *Прост.* О скоплении людей, находящихся в интенсивном деятельном движении, делающих что-л. вместе.

расползаться/расползтись как муравьи. *Прост. Неодобр.* О множестве движущихся, хлопочущих, заполонивших большое пространство (разойдась в разные стороны) людей.

тащиться (двигаться, ползти) как муравьи. *Прост. Насмешл.* О медленно, вереницей идущих в большом количестве людях.

как растревоженный муравейник. О множестве беспокойно суетящихся, хлопочущих людей.

кишеть (кипеть) как муравейник. О большом скоплении беспокойно движущихся, перемещающих-ся людей.

Москва что муравейник. О переполненной людьми Москве. (А. С. Пушкин).

где [живо] как в муравейнике. То же, что **где (людей) как в муравейнике.**

где (людей) как в муравейнике. О сборище оживлённо копошащихся, перемещающихся людей в каком-л. замкнутом пространстве.

готовиться к зиме как муравьи. *Брян.* О неутомимо, постоянно запасающихся чем-л. людях. < **Муравель** – муравей.

копошиться где как в муравейнике. *Кар.* То же, что **кишеть как муравейник.** < **Муравельник** – муравейник.

кого где как муравню. *Перм.* То же, что **кого где как муравьёв.** < **Муравний (муравий)** – муравейник.

где как на муравьище. *Перм.* О большом скоплении людей. < **Муравьище** – муравейник.

(вшей) **что мураг.** *Брян.* О множестве насекомых. < **Мурага** – муравей.

(народу) **как мураша.** *Перм., Том.* О множестве людей. **копошиться мурашами.**

кого где как мурашей. *Народн., Новг.* То же, что **кого как муравьёв.** **кого где как мурашей на кочке.** *Новг., Том.* То же, что **кого где как муравьёв.** **кого где как на муравню мурашей.** *Перм.* То же, что **кого где как муравьёв.** < **Муравний** – муравейник.

малышей у кого как мурашей. *Пинеж.* О множестве детей у кого-л.

копошиться как мураши (мурашами). *Народн.* То же, что **кишеть как муравьи.**

натащить чего как мураши. *Арх.* О людях, интенсивно запасающих, скапливающих что-л.

разбрестись как мураши по траве. *Пск.* То же, что **расползтись как муравьи.**

расползаться/расползтись (разбредаться/разбрестись) как мураши. *Народн. Неодобр.* То же, что **расползтись как муравьи.**

(робята) **как мураши.** *Арх. Кар.* О множестве маленьких детей.

кишеть (копошиться) как мурашки. *Ум. Прост.* То же, что **кишеть как муравьи.**

расползаться/расползтись (разбредаться/разбрестись) как мурашки. *Ум. Прост.* То же, что **расползтись как муравьи.**

тащиться (двигаться, ползти) как мурашки. *Ум. Прост. Насмешл.* То же, что **тащиться как муравьи.**

2. Пословицы.

В пословицах отражается преимущественно такая характеристика муравья, как малый рост:

Для муравья и капля – море.

Для муравья и роса наводнение.

При этом большинство пословиц диалектически подчёркивает, что при малом росте муравей обладает большой физической силой и выносливостью:

Мал муравей, а гору воздвигает.

Мал муравей, да (а) горы копает.

Муравей мал, а и тот работает.

Муравей много тащит, да никто спасибо ему не скажет.

Муравей не велик, а большие кучи воздвигает.

Муравей не по себе ношу тащит, да никто ему спасибо не молвит; а пчела по искорке носит, да Богу и людям угождает.

Муравей невелик (не велик), а горы копает.

Муравей ношу тащит, да никто ему спасибо не скажет.

При общем тяготении к «центральной» обыденной семантике поговорки, сравнения и пословицы могут отражать и периферийные значения – напр.:

На муравья не наступит. О мирном, безобидном человеке.

Подтетюниться как мураш. *Зауралье* (1962). О ком-л., туго подпоясавшемся, затынутом ремнём. < **Подтетюниться** – туго подпоясаться.

У каждого муравья своя тропа.

Как видим, в устойчивых языковых единицах народной речи нашли отражение те же семантические доминанты, которые выявлены и описаны в словаре под редакцией Н. Д. Голева. Именно они отшлифовывались и отшлифовываются как художественные образы в русском литературном языке. Образный «портрет» Муравья в нём во многом отмечен семантическими флюидами басни «Стрекоза и Муравей» (1808 г.) – что, кстати, отражено и в Кемеровском словаре, где слово *стрекоза* трижды становится ассоциативным «сопроводителем» лексемы *Муравей*. Основная его характеристика – трудолюбие эксплицитно подчёркнута в краткой реплике Муравья Стрекозе, которая «лето целое пропела» в «мягких муравах»:

«Да работала ль ты в лето?...»

Басня И. А. Крылова несомненно закрепила эту семантическую доминанту слова *Муравей*. Не случайно в нашем словаре «Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения» [12] отражены в контекстных употреблениях 40 оборотов разного типа и употребительности, порождённых этой басней:

Без души; В мягких муравах; Всё прошло: с зимой холодной / нужда, голод настает; Да работала ль ты в лето?; До того ль, голубчик, было; Зима катит в глаза; Злой тоской удручена, / к муравью ползет она; И до вешних только дней / прокорми и обогрей; И кому же в ум пойдёт / на желудок петь голодный!; И стол, и дом; К муравью ползёт она; Как под каждым ей листком / был готов и стол, и дом; Как зима катит в глаза; Как под каждым ей кустом / был готов и стол и дом; К муравью ползёт она; Кум милой; Кумушка, мне странно это; Лето красное пропела; Муравей; Не оставь меня, кум милой; Нет уж дней тех светлых боле; На желудок петь голодный; Нет уж дней тех светлых боле; Нужда, голод настает; Оглянуться не успела; Прокорми и обогрей; Помертвело чисто поле; Попляши; Попрыгунья; Попрыгунья стрекоза; Попрыгунья стрекоза лето красное пропела; С зимой холодной голод, нужда настает; Стол и дом; Стрекоза; Стрекоза и муравей; Стрекоза уж не поёт; Так поди же попляши; Ты все пела? это дело: / так поди же, попляши!; Я без души лето целое всё пела; Я всё пела.

Комментируя эти крылатые выражения, мы старались объяснить источники и языковые факторы закрепления их семантической доминанты. Именно она повлияла не только на «охудожествление» образа русского Муравья в басне, но и на грамматическое перевоплощение басенного прототипа. Известно (В. В. Виноградов, Л. В. Успенский и др.) [2], что И. А. Крылов использовал сюжет басни Лафонтена «Le sigal et la fourmi», но при этом ему пришлось заменить женский род и пол французского муравья, а тем самым отказаться от русского «кузнечика» (le sigal), гендерно совпавшего с русским муравьем. И так французская цикада (а точнее – «цикад») перевоплотилась в Стрекозу – причем, в народном, старом значении этого слова: В русском языке XVIII – начала XIX в. оно означало насекомое вообще, поэтому И. А. Крылов, которому нужно было противопоставить в басне мужское трудолюбие и женское легкомыслие, избрал именно это существительное [7, с. 108].

Любопытно и вместе с тем показательно, что обыденная семантика, закреплённая русским фольклором и художественным образом басни И. А. Крылова, оказалась намного сильнее естественно-научного представления о муравье и стрекозе, которое уравнивает их положительную и отрицательную оценку:

«Есть еще не менее интересный и многочисленный мир насекомых. Знания об этом мире у литераторов еще более фрагментарны, а ошибки носят более серьезный характер. И. А. Крылов в басне «Стрекоза и Муравей» ни за что ни про что ослабил *Муравья* без всякого основания, обвинив в скаредности. *Муравьи* же в средних широтах ни растительного, ни животного корма вообще не запасают.

Так что стрекозе здесь зимой поживиться нечем. И уж если идти к ним в гости, то летом – перед дождями, когда муравьи создают временные запасы корма. Ну а на вопрос: *Да работала ль ты в лето?* – надо ответить, что, несомненно, *работала*, а пользы хищника-*стрекоза* приносит не меньше, чем муравей. *Стрекозы* летом уничтожают несметное количество мошек и комаров» [13].

Перевоплощение лафонтеновского образа настолько органично вписывается в русскую обыденную и фольклорную семантику, что оценивается как несомненное достоинство семантического преобразования оригинала:

«...Это очень вольный перевод из Лафонтена. В оригинале *Муравей* – бессердечный скупец, ценящий только земное и попрекающий небесное создание. Но в русском переводе мы имеем то, что имеем, басня прижилась на нашей почве, и слава Богу. Чуждое народу не прижилось бы» [3].

И в русском языке, несмотря на чёткую гендерную определенность басенных ролей, в порядке исключения пол *Муравья* и *Стрекозы* может меняться. Но при этом – именно для того, чтобы закрепить традиционное «гендерное противоречие» этих персонажей:

[Загол.] **Стрекоза и Муравей.** [В тексте] Статистика показывает, что большинство распадов семей случается из-за ухода мужчины к другой женщине. <...> Где же его ответственность? Его пресловутая логика, которой так мужчины любят хвалиться? <...> И я всегда буду поддерживать женщину, которая ушла от мужа с детьми. И это еще раз доказывает, насколько женщина мудрее и сильнее мужчины <...> Вот так-то, оказывается, *Стрекоза*-то – мужчина, а *Муравей* – женщина (Пишет ezevika_san <2009>) [18].

Такого рода попыток пересмотреть традиционное, обыденно-басенное представление о роли *Муравья* и *Стрекозы* можно немало найти в современном речевом и литературном дискурсе. Вот несколько из них:

«Сочинитель басни назначает, кому водить – кто в природе смешней похож на человека, похожего на какой-нибудь изъясн человеческого ума. Вот *Стрекоза*: состоит из одного легкомыслия – почти как мы с тобой. Это плохо, *Стрекозу* надо проучить-погубить или хоть пристыдить, а еще лучше – и то и другое. В этом смысл игры, с этой целью дедушка Крылов и заманил *Стрекозу* (хоть она и не зверь) в басню и *покумил* с *Муравьем*. Нет, настоящая, живая стрекоза – хорошая, обижать ее ни в коем случае нельзя» [6].

«Наиболее типичный и очевидный пример поэтической аллегории – это басня. В баснях Крылова действует и говорит *Муравей*, но ни автор басни, ни ее читатели вовсе не думают, что *муравей* действительно может так поступать и говорить, как там изображено. *Стрекоза* «удручена злой тоской». Но при чтении басни никому и в голову не приходит действительно думать, что стрекоза может иметь столь сложные переживания. Стало быть, «образ» тут значит одно, а «идея» – нечто совсем другое. Они вещественно отделены друг от друга» [5].

«Алина Дмитриевна пережила первый инфаркт. Ему позволили навестить ее, когда бабушка уже готовилась к выписке. Она встретила его, сидя в

креслице у окна, и, подставляя посвежевшую щеку под его поцелуй, поинтересовалась школьными успехами.

– Один Крылов вместо успехов! – со вздохом сказал Байрон. – *Попрыгунья*, видишь ли, *Стрекоза*!

– Лентяйше! – возмутилась бабушка. – Научись слушать, а уж потом подавайся в оценщики! Ты вслушивайся, Байрон. Сначала был звук, звук, который предшествовал слову, и Иван Крылов это животом понимал. Брюхом. Такому брюху позавидовали бы многие сердца.

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза...

Бабушка сняла очки в тонкой оправе – глаза ее стали пугающе глубокими – и повторила: *Как зима катит в глаза...* После паузы, глядя Байрону в висок и прижав его к своей кацавейке, пахнувшей маслянистыми духами, вдруг:

Помертвело чисто поле,
Нет уж дней тех светлых боле...
Она одним движением посадила очки на нос.

– *Помертвело чисто поле*. Вслушайся, мальчик, миленький мой: это же вся жизнь наша встает до последнего предела, до распоследнего предела. *Мертвело. Ррвело...* тело... А следом безжалостно-

режущее, как слово Русь, как свист острого железа: *чисто*. И горестно-пустое, полое, безнадежное – поле. А в рифме с ним – *боле*. Одновременно и *более* и *боль*. *Стрекоза* одна, никого вокруг, да и кого встретишь-то в русском *чистом поле*? Волка-одиночку? Замерзающего разбойника? Никого.

– *Муравья*, – шепотом возразил он, дрожа при виде слез на бабушкиных глазах.

– *Муравья*, – бесцветным голосом согласилась бабушка» [1].

В последнем контексте, насыщенном «крылатыми» инкрустациями из басни И. А. Крылова, как видим, главным связующим сюжетным началом являются, как и следовало ожидать, образы *Стрекозы* и *Муравья*. Но ассоциативное поле таких крылатых выражений гораздо шире, чем семантическая доминанта этих образов. Шире уже потому, что обыденные толкования этих слов ассоциативно отрываются от центра и диффузно уходят в периферию. Именно такой процесс развития русских обыденных толкований и отражен в оригинальном инновативном «Словаре обыденных толкований» под редакцией Н. Д. Голева.

Поздравляя Юбиляра, желаю ему довести это перспективное лексикографическое начинание до совершенного завершения.

Литература

1. Буйда Ю. Домзак // Октябрь. 2004. № 6.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове 1947. 784 с.
3. Киктенко В. Антология одного стихотворения. Из русской классической поэзии // Бельские просторы. 2003. № 10.
4. Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 232 с.
5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990.
6. Лурье С. Памятная книжка // Невское время. 1999. 25 ноября.
7. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
8. Мокиенко В. М. Принцип лексикографической полноты и славянская фразеология // Славянская филология. Вып. VIII. СПб.: Изд. СПбГУ, 1999. С. 56 – 70.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 784 с.
10. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских сравнений. Более 45000 образных выражений / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.
11. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70000 пословиц / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
12. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Басни Ивана Андреевича Крылова: цитаты, литературные образы, крылатые выражения. Словарь-справочник / под общ. ред. К. П. Сидоренко. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. Свое издательство, 2013. 682 с.
13. Поляков В. Любопытно. Двойка по природоведению // Кубанские новости. 17.05.2002. Режим доступа: <http://www.pressarchive.ru/kubanskies-novosti/2002/05/17/146847.html>
14. Псковский областной словарь с историческими данными. Основан Б. А. Лариным. Вып. 1 – 26. Л.: СПб: изд-во ЛГУ – СПбГУ, 1967 – 2015 (издание продолжается).
15. Словарь «Моления» Даниила Заточника. Подготовка к переизданию проф. А. С. Герд, доц. С. С. Волков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 236 с.
16. Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 1 – 6. Л., 1974 – 1990.
17. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: в 2 т. Т. 1: А-М (абрикос-муравей) (478 слов-стимулов) / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово, 2012.
18. Livejournal. Режим доступа: <http://ezevika-san.livejournal.com>

Информация об авторе:

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, mokienko40@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 20.02.2016 г., принята к печати 03.06.2016 г.

FROM THE ORDINARY MEANING TO THE ARTISTIC IMAGE

Mokienko Valery M.^{1, @}

¹ Saint-Petersburg State University, department of Slavic Philology
@ mokienko40@mail.ru

Abstract: The paper demonstrates the importance of the "Dictionary of ordinary interpretations of Russian words. Lexicon of Nature", created under the leadership of N. D. Golev for the objective of diagnostics of the Russian lexical system. It emphasizes the importance of everyday interaction with the value of common literary meanings, on the one hand, and the impact of the former on the evolution of artistic imagery and semantics. The proposed monitoring is illustrated by comparing the entry "Ant" in the dictionary under the editorship of Prof. Golev with the dictionary entries in other lexicographical sources and semantics embodied in the fable of I. A. Krylov's "The Ant and the Grasshopper."

Keywords: ordinary interpretation, semantics, lexicography, artistic image.

For citation: Mokienko V. M. From the ordinary meaning to the artistic image. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 164 – 169.

References

1. Buida Iu. Domzak [Domzak]. *Oktiabr' – October*, no. 6 (2004).
2. Vinogradov V. V. *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical doctrine of the word]. 1947, 784.
3. Kiktenko V. Antologiya odnogo stikhotvoreniia. Iz russkoi klassicheskoi poezii [Anthology of poems. From Russian classical poetry]. *Bel'skie prostory – Bielski expanses*, no. 10 (2003).
4. *Leksika i frazeologiya «Moleniia» Daniila Zatochnika* [Vocabulary and phraseology "Supplication" Daniel the Exile]. Leningrad: izd-vo LGU, 1981, 232.
5. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics myth]. Moscow: Pravda, 1990.
6. Lur'e S. Pamiatnaia knizhka [Memorial book]. *Nevskoe vremia – Neva time*, 25 November (1999).
7. Mokienko V. M. *Slavianskaia frazeologiya* [Slavonic phraseology]. 2nd ed. Moscow: Vysshaia shkola, 1989, 287.
8. Mokienko V. M. Printsip leksikograficheskoi polnoty i slavianskaia frazeografiia [Lexicographical principle of completeness and Slavic phraseology]. *Slavianskaia filologiya* [Slavic Philology], iss. VIII. Saint-Petersburg: Izd. SPbGU, 1999, 56 – 70.
9. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok. Bolee 40 000 obraznykh vyrazhenii* [Big dictionary of Russian proverbs. More than 40 000 figurative expressions]. Ed. Mokienko V. M. Moscow: ZAO «OLMA Media Grupp», 2008, 784.
10. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh sravnenii. Bolee 45 000 obraznykh vyrazhenii* [Dictionary Russian comparisons. More than 45 000 figurative expressions]. Ed. Mokienko V. M. Moscow: ZAO «OLMA Media Grupp», 2008, 800.
11. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. *Bol'shoi slovar' russkikh poslovits. Okolo 70 000 poslovits* [Big dictionary of Russian proverbs. Around 70,000 proverbs]. Ed. Mokienko V. M. Moscow: «OLMA Media Grupp», 2010, 1024.
12. Mokienko V. M., Sidorenko K. P. *Basni Ivana Andreevicha Krylova: tsitaty, literaturnye obrazy, krylatye vyrazheniia* [Fables by Ivan Krylov: quotes, literary images, sayings]. Ed. Sidorenko K. P. Saint-Petersburg: Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gertsena. Svoe izdatel'stvo, 2013, 682.
13. Poliakov V. Liubopytno. Dvoika po prirodovedeniiu [Curious. Deuce on natural]. *Kubanskii novosti – Kuban news*, 17.05.200. Available at: <http://www.pressarchive.ru/kubanskii-novosti/2002/05/17/146847.html>
14. *Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Oblast dictionary with historical data]. Found Larin B. A. Leningrad, Saint-Petersburg: izd-vo LGU – SPbGU. Iss. 1 – 26 (1967 – 2015).
15. *Slovar' «Moleniia» Daniila Zatochnika* [Glossary "Supplication" Daniel the Exile]. Prep. Gerd A.S., Volkov S. Sv. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007, 236.
16. *Slovar' avtobiograficheskoi trilogii M. Gor'kogo* [Dictionary autobiographical trilogy Gorky]. Leningrad, Iss. 1 – 6 (1974–1990).
17. *Slovar' obydennykh tolkovanii russkikh slov. Leksika prirody: v 2 t. T. 1: A-M (abrikos-muravei) (478 slov-stimulov)* [Dictionary of Russian interpretations of everyday words. Vocabulary nature. Vol. 1: A-M (apricot-ant) (478 words, incentives)]. Ed. Golev N. D. Kemerovo, 2012.
18. *Livejournal*. Available at: <http://ezevika-san.livejournal.com>

Received 20.02.2016, accepted 03.06.2016.

ДЕЛОКУТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н. А. Николина^{1, @}

¹ Московский педагогический государственный университет

@ admin@riash.ru

Аннотация: В статье выделен особый класс слов в русском языке – делокутивы, служащие обозначением речевого акта. Эти единицы связаны с метаязыковой деятельностью говорящих и носят разный характер. Рассматривается словообразовательная структура этих дериватов, дана их семантическая характеристика. Особое внимание уделено «отфразовым» делокутивам. Делается вывод о том, что делокутивы представляют собой открытый класс слов, активно пополняющийся в современной русской речи. С его расширением связаны развитие новых способов передачи чужой речи и формирование новых моделей. Делокутивы рассматриваются как лексические единицы, дающие интерпретацию речевого поведения говорящих, в связи с этим отмечается наличие у них оценочного семантического компонента.

Ключевые слова: делокутив; дериват; метаязыковое сознание; отфразовая деривация; речевой акт; способы словообразования; сращение; голофразис; чужая речь.

Для цитирования: Николина Н. А. Делокутивы в современном русском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 170 – 173.

В работах Н. Д. Голева убедительно доказано, что «обыденное метаязыковое сознание является важнейшим компонентом в современной ментально-языковой ситуации в России» [5, с. 378] и реализуется в разных формах. Отраженное в метаязыковой рефлексии обыденное сознание выявляет знания о мире, роль в нем языка, определяет динамику норм и коммуникативных ценностей, фиксирует и оценивает различные речевые акты.

Одним из средств выражения метаязыковой рефлексии являются делокутивы, до сих пор недостаточно изученные в русистике. Термин *делокутив* восходит к работе Э. Бенвениста «Делокутивные глаголы» (*Les verbes délocutifs*, 1958), в которой ученый назвал делокутивными глаголы, «которые ... произведены от «фраз» [1, с. 320]. Так, в качестве делокутивного глагола Бенвенист рассмотрел латинский дериват *salutare*, отметив, что он мотивирован не существительным *salus* 'здоровье, благо, привет', а восклицанием-приветствием, т. е. фразой *Salus!* ('Привет! Здравствуй!').

Подобные производные глаголы есть и в русском языке; см., например, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля:

Дакать, дакнуть, дакивать, такать, поддакивать, соглашаться в чем со словами другого, приговаривать: да, так, точно, так; *дакаться* с кем, ладить или соглашаться... *Дақанье* ср. таканье, при(под)дакивание. *Дакальщик* м. – *щица* ж. кто придакивает, такает, такала [6, I, с. 414].

Нукать, нукнуть, нукивать, понукать, понуждать, нудить, гнать, торопить, погонять, ободрять покрикивая *ну!*.. Мы с ним *нукались*, понукали друг друга [6, II, с. 558].

Глаголы-делокутивы прагматически ориентированы и чаще встречаются в диалогических репликах, хотя возможны и другие контексты. Ср., например:

– Ей-богу, люблю, мы с тобой когда-нибудь на «ты» перейдем? Или ты выкать хочешь?

– Ладно, ладно в бутылку-то лезть! Выкать буду (Ю. Бондарев. *Берег*).

Уж не ожидал ли он, что она будет его «выкать», говорить ему: вы? (И. Тургенев. Пунин и Бабурин).

Делокутивы, однако, не ограничиваются только глагольными лексемами, хотя глаголы и преобладают в их составе. Эти единицы могут быть определены как производные слова, мотивирующей базой которых служит обозначение речевого акта; см., например:

– Когда...

– Когда-когда... Закогдакал! – Марлен передернулся зябко (Е. Чицова. *Планета грибов*).

Глагол *закогдакал* в данном контексте употреблен в диалогической реплике и представляет собой вербализованную реакцию на предшествующее высказывание и его оценку. В основе его создания, таким образом, деятельность и говорящего, и слушающего. Глагол мотивирован словом *когда*, образован префиксально-суффиксальным способом и имеет значение '(начать) часто повторять слово *когда*'.

Делокутивы в русском языке представлены следующими группами слов:

1) глаголами, отображающими тот или иной речевой акт: выкать, тыкать, якать и др.;

2) именами существительными, обозначающими лиц, регулярно совершающих определенный речевой акт: *дакальщик*, *вуйка* (Ф. М. Достоевский) – 'девочка, постоянно говорящая *вуй* вместо русского *да*', *нукальщик*;

3) существительными-синтаксическими дериватами, обозначающими речевой акт как процесс: *выканье*, *тыканье*, *яканье* и др.

Делокутивы связаны с первым этапом обыденного метаязыкового сознания: они фиксируют конкретный речевой акт. Эта фиксация сопровождается обычно оценкой характера высказывания и – шире – речевого поведения говорящего. В сознании носителей языка «формируются достаточно устойчивые схемы речевого поведения и речевых произведений, оце-

ниваемых по разным параметрам» [3, с. 20]. Эти оценки речевого поведения отражаются в словарных толкованиях делокутивов; см., например:

– *поддакивать* – «слушая чужую речь, выражать согласие, одобрение, часто произнося «да»; вообще угодливо соглашаться во всем с кем-нибудь» [12, с. 664];

– *тыкать* (прост. неодобр.) – «обращаться к кому-н. на «ты», а не на «вы», как полагалось бы» [12, с. 1009];

– *якать* (разг. неодобр.) – «в разговоре ставить в центр себя, постоянно говорить «я» [12, с. 1135].

Делокутивы, как видим, способны выражать этическую оценку, которая регулярно проявляется при их употреблении. Кроме того, их функционирование часто предполагает интерпретацию говорящим речевого акта как процесса, часто повторяющегося: *некать* – повторительно говорить нет, отказывать, отрезаться, запирается; // отговариваться или не соглашаться [6, II, с. 562]. Аввакум потому позволял себе неустанно «якать», что должен был принимать на себя личную ответственность перед Богом... (А. Архангельский. Александр I).

Производящей базой для делокутивов служат:

- глагольные формы (нехочуха);
- местоимения (тыкать, выкать);
- междометия (ахать, ойкать, чертыхаться);
- частицы (воткать);
- звукоподражания;
- Молчи или скажи что-нибудь эдакое, «гм», например...
- Гм.
- Да ты не теперь гумкай, дурак! Ты мне-то отвечай (Ф. М. Достоевский. Дядюшкин сон).

Возможность использования звукоподражаний в качестве производящей базы для делокутивов была отмечена С. О. Карцевским: «Почти все подражательные образования могут быть трансформированы в глагол: ох! охать, усь! уськать!..; тот же суффикс – (к)ать употребляется, когда речь идет о воспроизведении слова как такового, с его звуковыми формами: вы – выкать, да – дакать, не – некать; сравни также: мадамкать (Нелли Пташкина. Дневник) [10, с. 76].

При мотивации звукоподражаниями наблюдается «типизация звучаний», которая «позволяет говорить о модельной характеристике звукоподражаний в естественном языке» [2, с. 81].

Заметим, что многие звукоподражания «поднимаются» от фиксации конкретного звукового восприятия к осмыслению определенной речевой ситуации. Так, в их семантической структуре может актуализироваться компонент, обозначающий неожиданную, часто резкую, грубоватую или неуместную речь: Подзадорила детинушку – Он почти всю правду бух! (Н. А. Некрасов). Его просили молчать об этом, а он бац все друзьям.

Такие звукоподражания составляют периферию класса делокутивов, поскольку они используются для воспроизведения речевого действия. К ним примыкают составные звукоподражания, образованные редупликацией и способные отображать обобщенные речевые реакции: В качестве ответа – чух-чух-чух, и

побегут волны слов неведомых, но чудных (Г. Давыдов).

Кроме того, делокутивы могут мотивироваться обращениями, любой повторяющийся предшествующей репликой, как правило, небольшого объема в структуре диалога; см., например:

Лена. Ой, ну, мама...

Мама. Не мамкай! (Ю. Муравицкий. Фома).

– Везде 35 дней.

– И чё?

– Хватит «чёкать» (В. Бенигсен. Глебов-младший).

Делокутивы, таким образом, представляют собой открытый класс слов, который легко пополняется в современной русской речи новообразованиями – потенциальными словами или окказионализмами: мамкать, чёкать, закогдакать, мерсикать и др. Мотивирующей базой для них, как уже отмечалось, служат различные речевые сигналы односложной, реже двусложной или трехсложной структуры.

Делокутивы образуются разными способами, среди которых доминирует суффиксация. В русском языке сформировалась особая словообразовательная модель с формантом –(к)а, по этому образцу образуется достаточно большая группа глаголов с деривационным значением ‘произносить или воспроизводить то, что названо мотивирующим словом, как ахать, бацать’ [7, с. 27].

Глаголы-делокутивы в свою очередь служат производящей базой для других производных, также отсылающих к факту речи: существительных, суффиксальных глаголов начинательного, ограничительного и однократного способов действия (заойкать, заохать, ахнуть, охнуть, цыкнуть), префиксально-суффиксальных глаголов прерывисто-смягчительного способа действия, а также имперфективов сопроводительного способа действия (похмыкивать, порывкивать, поддакивать, подсюсюкивать) (О способах глагольного действия см.: [8]).

Таким образом, в словообразовательном отношении производные делокутивы представляют собой довольно пеструю картину. Особое место в их составе занимают единицы, которые являются собственно «отфразовыми» дериватами. Это делокутивы, мотивировочную базу которых составляют не речевые сигналы (междометия, звукоподражания, отдельные возгласы), а развернутые высказывания, которые регулярно воспроизводятся в речи и подвергаются свертыванию. В этом случае используется сращение, частной разновидностью которого можно считать голофразис [11]. Так, за пределы интернет-коммуникации в современной речи уже вышло новообразование *крымнаш*, мотивировочной базой для которого послужил соответствующий лозунг. Интересно мнение лингвиста и культуролога М. Эпштейна: «Крымнаш ... воспроизведение клише, каким оно сложилось в стиле твиттера или текстового месседжа» [13]. Слово это победило на конкурсе «Слово года 2014». Его слитное написание связано со спецификой функционирования хештегов, используемых социальными сетями [9, с. 26]. Если первоначально это слово использовалось как делокутив, то в настоящее время это слово развило другие значения, в частности, оце-

ночное значение и значение лица; ср., например, он крымнаш, все они крымнаш. По этой модели в настоящее время образуются и другие окказионализмы, см., например: Алясканаша, крымних, сириянаша.

В интернет-коммуникации в последние годы активизируются окказиональные многокомпонентные образования, воспроизводящие тот или иной развернутый фрагмент высказывания, часто значительный по объему, или отсылающие к речевому произведению. Сращение при этом может взаимодействовать с суффиксацией. Например: На всякий чих не набудьздорюваешься. Прошел весь путь до немогубольше. Из последних сил держусь... немогубольше. Смертельно до немогубольше хочется отдыхать.

Голофрастические делокутивы распространены также в современной художественной речи, где они

– или воспроизводят высказывание, ставшее известной цитатой, прецедентным текстом: какбычегоневышлизм, какбычегоневышлист (Е. Евтушенко);

– или передают темповую характеристику отображаемой аллегорической речи, как правило, типичного для говорящего содержания: Мама то прибежит в комнату, то опять убегает на кухню, на ходу звенит колокольчиком: «...Тарелки-протри-так-не-ставь» (А. Мамедов);

– или воспроизводят фрагмент внешней или внутренней речи какого-либо лица либо коллективное мнение: ...Беги от бумаги к «бог-с-ним-что-скажут» (К. Чекмарева); Американский бар набитый как трамвай/Где-извините-я-не-говорю-по-русски (Н. Искренко); Вечером Юлька возвращается к мужу, а я к пустому окну и к «не-бояться-ночами» (К. Щербина).

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 447 с.
2. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во Томского университета, 1989. 252 с.
3. Голев Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам «лингвогносеологем») // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. Кемерово-Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2009. С. 7 – 41.
4. Голев Н. Д. Словообразование как эволютивный процесс // Русский язык в школе. 2010. № 12. С. 39 – 44.
5. Голев Н. Д. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («Правильность» как базовый постулат наивной лингвистики) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 2. Томск: издательство ТГПУ, 2009. С. 378 – 410.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1998.
7. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Русский язык, 1996.
8. Зализняк А. А., Микаэлян И. А., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015. 392 с.
9. Иссерс О. С. От серьезного – до смешного: игровой потенциал русского слова года // Политическая лингвистика. 2015. Вып. 4(54). С. 25 – 31.
10. Карцевский С. О. Из лингвистического наследия. Т. II. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
11. Ковынева И. А. Голофразис как способ словообразования в русском языке: автореф. канд. филол. наук. Орел, 2007. 23 с.
12. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.
13. Эпштейн М. Язык высывает язык. Слова и антислова 2014 // Сноб. 23.12.14. Режим доступа: <https://snob.ru/profile/27356/blog/85679>

Информация об авторе:

Николина Наталья Анатольевна – заведующая кафедрой русского языка Московского педагогического государственного университета, кандидат филологических наук, профессор, главный редактор журнала «Русский язык в школе», admin@riash.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 08.06.2016 г.

DELOCUTIVES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Nikolina Natalia A.^{1, @}

¹ Moscow Pedagogical State University
@ admin@riash.ru

Abstract: Delocutives that serve for designation of speech act are distinguished in the paper as special kind of words. They deal with speakers' metalinguistic activity and have different nature. Word-formative structure of these derivatives is considered and their semantic characteristics is given. Special attention is paid to "postphrasal" delocutives. It is concluded that delocutives are an open group of words that is ever-growing in the modern Russian speech. The development of new methods of another's speech transmission and formation of its new models is connected with the growth of this word group. Delocutives are described as lexical items that give an interpreting of speakers' verbal behavior, in this regard evaluative semantic component is observed in their meaning.

Keywords: delocutive; derivative; metalinguistic sense; postphrasal derivation; speech act; derivation methods; cluster; holophrasis; another's speech.

For citation: Nikolina N. A. Delocutives in the Modern Russian language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* – *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 170 – 173.

References

1. Benveniste E. *Obshchaia lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Editorial URSS, 2002, 447.
2. Golev N. D. *Dinamicheskii aspekt leksicheskoi motivatsii* [The dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1989, 252.
3. Golev N. D. Obydennoe metaiazykovoe soznanie kak ontologo-gnoseologicheskii fenomen (k poiskam «lingvognoseologem») [Everyday metalinguistic consciousness as ontological-epistemological phenomenon (the search for "lingvognoseologem")]. *Obydennoe metaiazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Everyday metalinguistic consciousness: ontological and epistemological aspects]. Kemerovo-Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, Part 1 (2009): 7 – 41.
4. Golev N. D. Slovoobrazovanie kak evoliutivnyi protsess [Word formation as a process of evolvement]. *Russkii iazyk v shkole* – *Russian language at school*, no. 12 (2010): 39 – 44.
5. Golev N. D. Sovremennoe rossiiskoe obydennoe metaiazykovoe soznanie mezhdru naukoj i shkol'nym kursom russkogo iazyka («Pravil'nost'» kak bazovyi postulat naivnoi lingvistiki). *Obydennoe metaiazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Modern Russian everyday metalinguistic consciousness between science and school courses of the Russian language ("correctness" as a basic postulate of linguistics naive)]. Tomsk: izdatel'stvo TGPU, Part 2 (2009): 378-410.
6. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Moscow: Russkii iazyk, 1998.
7. Efremova T. F. *Tolkovyj slovar' slovoobrazovatel'nykh edinits russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian language word formation units]. Moscow: Russkii iazyk, 1996.
8. Zalizniak A. A., Mikaelian I. A., Shmelev A. D. *Russkaia aspektologija: v zashchitu vidovoi pary* [Russian aspectology: to protect species pairs]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2015, 392.
9. Issers O. S. Ot ser'eznogo – do smeshnogo: igrovoi potentsial rossiiskogo slova goda [From serious - to the ridiculous: the gaming potential of the Russian words, the]. *Politicheskaja lingvistika* – *Political linguistics*, no. 4(54) (2015): 25 – 31.
10. Kartsevskii S. O. *Iz lingvisticheskogo nasledija* [From the linguistic heritage]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, vol. II (2004): 296.
11. Kovyneva I. A. *Golofrazis kak sposob slovoobrazovaniia v russkom iazyke*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Golofrazis as a way of word formation in Russian language. Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Orel, 2007, 23.
12. *Tolkovyj slovar' russkogo iazyka s vklucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov* [Dictionary of Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow: Azbukovnik, 2008, 1175.
13. Epshtein M. Iazyk vysovyvaet iazyk. Slova i antislova 2014 [Language sticks out his tongue. Words and antislova]. *Snob* – *Snob*, 23.12.14. Available at: <https://snob.ru/profile/27356/blog/85679>

Received 01.02.2016, accepted 08.06.2016.

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТИ В ОПИСАНИЯХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

М. Ю. Сидорова^{1, @}

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
@sidorovadoma@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу текстов, остающихся до сегодняшнего дня за пределами внимания русистики, но являющихся предметом активного изучения в компьютерных науках и когнитивистике – получаемых в результате лингвистического эксперимента описаний изображений. Обоснована актуальность лингвистического изучения данного объекта для решения теоретических и прикладных задач. Цель исследования составляла классификация языковых маркеров антропоцентризма (включая указания на пространственную и ментальную точку зрения субъекта и антропоморфизацию объекта изображения), обнаруживающихся в описаниях фотографий животных (домашних и диких, изображенных в естественной среде обитания/проживания). В результате были выделены 20 классов таких маркеров, различающихся по частоте встречаемости в описаниях. В статье также обсуждается влияние факторов субъекта (индивидуальные характеристики респондента) и объекта (денотативная ситуация, изображенная на фотографии) на использование антропоцентрических показателей, а также возможность применения выявленных параметров для определения нормы в описаниях изображений и отклонений от нее.

Ключевые слова: русский язык, описание изображений, антропоцентризм, пространственная точка зрения, ментальная точка зрения, антропоморфизм.

Для цитирования: Сидорова М. Ю. Языковые маркеры антропоцентричности в описаниях изображений // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 174 – 180.

Среди многих успешных идей, которыми обогатил российскую лингвистику проф. Н. Д. Голев, особое место занимают проекты и исследования, основанные на лингвистическом эксперименте. Это и Словарь обыденных толкований русских слов [6], и серия коллективных монографий, посвященных обыденному метаязыковому сознанию, и юрислингвистика, одним из создателей которой в нашей стране по праву считается Николай Данилович. Уместно и научное приношение к его юбилею посвятить экспериментальному исследованию языка, а конкретно – описаниям изображений.

«Чистая» лингвистика проявляет пока гораздо меньше интереса к описаниям изображений, чем компьютерные науки, в которых актуальными являются проблемы автоматического генерирования таких описаний и тегирования изображений, или психолингвистика и когнитивистика, использующие описание и именование визуальных объектов и сцен в исследованиях межъязыковых различий и речевых/когнитивных нарушений. Это небрежение трудно объяснить с теоретической или прикладной точки зрения, поскольку описания изображений представляют собой идеальный объект для моделирования речевой деятельности – задача важная, но весьма далекая от решения.

Особая роль изучения описаний изображений и шире – наблюдаемых объектов и сцен – в моделировании речевой деятельности обусловлена тем, что в этом случае есть возможность:

- а) непосредственного сопоставления текста с денотатом;
- б) фиксации исследовательского поведения говорящего по отношению к денотату, сопровождающего порождение текста;
- в) управления признаками вербализуемого объекта для установления их влияния на вербализацию;

г) наблюдения над влиянием формулировки задания и особенностей коммуникативной ситуации на выбор и сочетание языковых средств и тактику говорящего при порождении описания.

Выбор изображений для экспериментального получения описаний может быть обусловлен лингвистическим фактором (подбираются изображения, описанием/именованием которых должна, в соответствии с гипотезой эксперимента, выступать определенная языковая конструкция – см., например, [2] об описаниях типа «фигура X – релятор НА – фон Y») либо экстралингвистическим (изображения подбираются по денотату – тому, что на них изображено). Во втором случае интересным объектом лингвистического рассмотрения являются фотографии животных, при описании которых должен ярко проявляться антропоцентризм зафиксированного в языке человеческого восприятия животных [7 – 9].

Проявления антропоцентрической позиции в описании изображений животных зафиксированы в экспериментах с фотографиями диких (олени и другие копытные, тюлени и другие морские млекопитающие) и домашних (коровы, козы и др. сельскохозяйственные животные; кошки) животных. Животные разного пола и возраста были изображены на фото в своей естественной среде обитания/проживания, в разных позах. Далее будут перечислены черты антропоцентризма в описаниях, продемонстрированные информантами, которым предъявлялись цветные фотографии, объединенные в сетки от 8 до 20 штук, с заданием дать описание «картинки», выраженным через вопросы «Что вы видите? Что на картинке?». Эксперименты проводились на разных возрастных, профессиональных и демографических группах, однако, поскольку в настоящей статье нашей целью является максимально полная классификация всех возможных

проявлений антропоцентризма в описаниях изображений животных, характеристики выборок и различия между ними остаются за кадром.

Жирным шрифтом в каждом примере выделены элементы, соответствующие данному пункту классификации, хотя с ними могут соседствовать другие проявления антропоцентризма. Рассматривались только описания фотографий, где не присутствовали человек и животные другого вида (в экспериментальные наборы входили также цветные и черно-белые рисунки и изображения типа «Доярка доит корову» или «Коровы и медведь»). Не рассматривались также описания фотографий, на которых животные фигурируют в виде артефактов (например, статуэтка коровы). Не учитывались реакции, не представлявшие попытку ответа на поставленные вопросы (создание репродуктивного текста), как например *За лучшей жизнью* или *Не зная броду* на фотографию коров, переходящих реку, «передача» внутренней или внешней речи животных (*Чего уставился?* или *Смотрите, как я умею!*), одиночные абстрактные лексемы типа *Любовь*, *Мудрость* или цепочки таких лексем.

В результате получилась классификация из двадцати разрядов, которые делятся на две большие группы:

- антропоцентрические маркеры, эксплицирующие пространственную или ментальную точку зрения (перцептивный или ментальный модус) субъекта;

- антропоцентрические маркеры, эксплицирующие антропоморфизм объекта (животного).

1. Упоминание фигуры наблюдателя/фотографа, при этом позиция зрителя – автора описания – совмещается с позицией фотографа (камеры): *Ныряющий тюлень смотрит на фотографа* очень выпученными глазами; *Тюлень всплывает мимо камеры, растопырив лапы*; *Тюлень лежит, смотря в объектив фотографирующего*; *Тюлени лежат в ряд на берегу моря. Один из них поднялся и сморит в нашу сторону*; *Тюлень смотрит в камеру*; *Аккуратный морской котик смотрит на зрителя*; *Тюлень, лежащий у кромки воды, смотрит на меня*; *Поросенок смотрит в кадр*; *Розовый чистенький поросенок смотрит в кадр*; *Корова в черно-белой окраске смотрит на меня*; *Корова, смотрящая на тебя, которая жует сено*.

2. Упоминание того, что животное позирует (более «слабая» версия – *смотрит* в камеру): *Тюлень позирует у кромки прибоя*; *Позирует на фотокамеру*; *Позирующий на пляже тюлень*; *Бык позирует на фоне альпийского пейзажа*; *Черно-белая корова позирует в поле*; *Точно позирует*; *Позирует*; *Два почти одинаковых оленя смотрят в камеру, а третий проходит мимо*; *Три оленя на фоне леса. Два из них смотрят в камеру*; *Смотрящий в камеру тюлень*; *Корова смотрит в объектив фотокамеры и жует сено*.

3. Приписывание животным эмоциональных признаков (эмоционально-статуальных, эмоционально-экспрессивных [4; 5]): *Уставший тюлень*; *Потребованный тюлень лежит на песчаном берегу и смотрит в нашу сторону*; *Настороженная лань вышла на лесной водопой*; *Удивлённая нерпа*; *Довольный плавающий тюлень*; *Испуганный тюлень в воде*; *Белохвостый олень и лань вышли из зимнего елового*

леса к незамерзшему ручью возле застывшего озера и настороженно смотрят на огонь и озаренную палатку у берега; *Олень, беспокойно пьющий*; *Настороженный олень у реки*; *Рыжий телок с тяжелым ошейником смотрит очень печально*; *Злой бычара*; *Злая привязанная корова*; *К чему-то подключенная или привязанная светлая корова и ее недовольный теленок без рогов*; *Веселая корова*; *Корова в недоумении*; *Напряженная корова, лежащая в поле*; *Счастливая корова лежит на травке*.

4. Оценка внешних или внутренних признаков животного: *Забавные тюлени на мелководье*; *Мудрый тюлень*; *Тюлень качает косые мышцы пресса. Довольно забавно*; *Тюлень с хитрой мордочкой*; *Монументальный морж в профиль*; *Крайне фотогеничный и дружелюбный морской котик*; *Нерпа с красивым переливающимся мехом*; *Стремительно вынырнувший из воды тюлень*; *Изящество ныряющего тюленя*; *Очень милый тюлень на каменисто-песчаном пляже*; *Тюлень на берегу в элегантной позе*; *Милый тюлень, лежащий на пляже*; *Страшный обитатель пучины морской*; *Красиво освещённый олень идёт по воде*; *Олень странного цвета на фоне ядовито-бирюзовой воды*; *Изящный олень, бегающий по мелководью*; *Милая корова жует пучок сена*; *Черно-белые коровки по полю идут, целенаправленно и уверенно*; *На картине коровы со странными выражениями мордочек покоряют новые зеленые вершины*; *Красивая корова на отдыхе*; *Огромная, красивая корова*; *Вредная корова*; *Обжорливая ненасытная коза*; *Страшный бык*; *Фотогеничный поросенок*.

5. Приписывание животным целенаправленных физических действий, выраженных как глаголами настоящего времени (имперфективами), так и прошедшего времени совершенного вида (перфективами), а также причастными и деепричастными оборотами: *Олень ищет еду под снегом в зимнем лесу у ручья*; *Олень мочит ножки в реке*; *Лань наклонилась к воде под ольхой*; *Два оленя смотрят прямо, третий спрятался*; *Олень прогуливается по мелководью*; *Олени пришли на огонь к опушке зимнего леса*; *Тюлень выпрыгивает из воды*; *Тюлень оглядывается*; *Тюлень ныряет*; *Тюлень выныривает*; *Тюлень машет лапками, лежа на боку*; *Тюлень помахал фотографу*; *Тюлени плывут, держась плавниками*; *В горах корова угрожает фотографу рогами*; *Корова нападает*; *Две лошади обнимаются*; *Молодые телочки гуляют*.

6. Использование модальных глаголов, маркирующих внутреннюю сферу животного, а также целевых конструкций с инфинитивом: *Олень собирается перепрыгивать узкую речку с высокими травяными берегами*; *Олень на травянистом берегу реки собирается пить воду*; *Олениха стоит на крутом берегу реки и собирается пить воду*; *Олень готовится перепрыгнуть маленькую речку*; *Олень готовится к прыжку в протоку*; *Морж готовится всплыть от галечного дна*; *Белохвостый олень вошел в водоем напиться*; *Олень забрался в воду, чтобы попить*; *Бык идет бодаться*; *Корова хочет убежать*; *Корова на привязи пытается вырваться на свободу*; *Стадо коров, решивших попить воды*; *Корова, решившая прилечь на лугу*.

7. Использование интерпретационных глаголов, маркирующих внутреннюю сферу животного, для обозначения его расположения и позы: Тюлень **валяется** на песчаном берегу; Тюлень **потягивается** на каменистом припорошенном снегом берегу; Два морских котика **нежатся** в морских прибрежных волнах; Тюлень **нежится** в снегу; Тюлень **притаился** в камнях; Тюлень **пригрелся** на камне; Клыкастый морж с морщинистой шкурой **отдыхает** на скалах; Морж, **отдыхающий** на камне; Олень **отдыхает** на берегу северной реки в холмистой долине после сошедшей ночью воды возле обломков леса и плавника; Коровка **отдыхает** на лугу; **Отдыхающая** корова; Корова **греется** на солнце; Довольная корова **нежится** на солнышке.

8. Описание перцептивных действий и состояний животных: Олени зимой ночью **наблюдают** за палаткой на другом берегу ручья; Олени **наблюдают**; Олень **прислушивается**; Олениха что-то **заметила**; Пара любопытных оленей, которых **привлек** разбитый людьми лагерь; Олень **почуял** еду под снегом у берега ручья; Корова **нюхает** ромашку; Бело-черная корова **пробует** на вкус зеленую травушку; Корова **наблюдает**; Большой мокрый нос и большие черные уши **улавливают** запах травы и голос пастуха; Стадо коров. **Смотрят** на свое отражение.

9. Приписывание животным эмоционально-оценочных реакций: Что-то под водой очень сильно **удивило** тюленя; Стремительный прыжок **ухмыляющегося** тюленя; **Улыбающийся** тюлень; **Любопытные** тюлени под кромкой льда; Нерпа **лежит** на снегу и **улыбается**; **Влюбленные** лошади; Коза с благородной и довольной **улыбкой**; Черная корова **улыбается**; Бычок **наслаждается** солнечной погодой; **Улыбающаяся** хрюшка.

10. Приписывание животным ментальных действий: Олень **задумался**; Коза **ждет** хозяина; Коза **стоит** на фоне деревянного дома, **задумавшись** о своих личных делах; **Смотрит** на тебя и **не понимает**, как можно не жевать сено.

11) Пространственная ориентация. Относительно наблюдателя – фон (пояснение см. далее): Олень **на фоне** горного пейзажа и озера; Олень **стоит на фоне** озера, за которым видно лес, горы и луну в небе; Олень **стоит на берегу реки, текущей на фоне** леса и гор; Олень **на фоне** реки; Олень **на фоне** горно-речного пейзажа; Олень с большими рогами и белым задом в пойме реки **на фоне** луны, леса, и гор; Толстый бык **на фоне** гор и озера; Корова на зеленом лугу **на фоне** голубого неба. Относительно животного: Олени зимой ночью **наблюдают** за палаткой на **другом** берегу ручья; Олень **смотрит** на **другой** берег (другой берег – не тот, который маркирован присутствием оленя, в данном случае говорящий «присоединяется» к точке зрения животного, делая его центром пространственного действия).

12. Включение в описание перцептивных признаков не-визуальной модальности (о влиянии этих признаков на позицию наблюдателя см. [10]): **Под очень холодной на вид** водой два тюленя **смотрят** в камеру; Силуэты оленей, **морозное** утро; **Тихий** рассвет, река в тумане, горы.

13. Использование показателей неопределенности восприятия и категоризации: Олень **пасётся** на берегу

реки, **предположительно** в летней тундре; Олень **что-то** ищет в траве; Олень **что-то** нашел в снегу; Олень, лежащий на берегу моря или залива. **Вероятно**, это Канада; **Непонятное существо** на песке; **Какая-то туша** на берегу; Черная корова **что-то** нюхает.

14. Использование человеческих атрибутов: Тюлень с ошалевшим **лицом**; **Лицо** коровы крупным планом;

15. Использование человеческих номинаций: Тюлень-**трюкач**; Старый олень с **дочерью**; **Мама и сын**; Бык-**натуралист**; Корова-**рокер**.

16. Самокомментарии: Тюлени **смотрят** на меня. (**Левый, почему-то, осуждающе-безразлично... Немного грустно**); Тюлень машет лапой (**Плавником?**) (**Здоровается?**); Тюлениха **рожает** или **кормит** детеныша (**Если она живая, что вызывает сомнение**); Спящий на снегу тюлень (**надеюсь, это тюлень, первый раз вижу такого пушистого**).

17. Эксплицитное сравнение: Картина **изображает** четырех ярко-рыжих коров, они **стоят** на ярко-зеленом лугу, слева лес. Одна корова явно куда-то **устремлена и похожа на коня с памятника герою**.

18. Фиксация человеческих действий, оставшихся «за кадром»: Пара оленей **недалеко от разбитого лагеря**; **Выгуливание** коровы на лугу; **Привязанная** корова на лугу; Корову **подоили**, и теперь она **отдыхает** и **набирается сил**; Коровы, **построенные** в ряд.

19. Показатели относительного времени и стадии действия, вносящие динамику в статическое изображение: Олень **только что** подошёл к водопою; Олень **почти** переплыл реку.

20. Описание с использованием слов типа *силуэт, пейзаж, перспектива*, свидетельствующих о ментальной обработке наблюдателем перцептивных стимулов в известной ему парадигме оперирования с ними, сформированной изобразительным искусством и фотографией: **Силуэты** двух оленей в лучах зимнего солнца; Олень на фоне **горного пейзажа** и озера; Корова с **эффектом перспективы**.

Классификация требует некоторых комментариев.

То, что восприятие (вербализация) визуального стимула в терминах «фигура – фон» демонстрирует позицию наблюдателя, достаточно подробно аргументировано в психологии восприятия, начиная с Э. Рубина [15; 1; 3]. Что такое объект, а что такое пространство между объектами, «решает мозг» [3, с. 19]. Выделение фигуры из фона зависит от «смысла, вкладываемого нашим восприятием в часть видимого пространства» (Э. Рубин, цит. по [3, с. 20]). Более того, «чувства и предшествующие ассоциации в значительной мере определяют, какая конфигурация среди многих возможных будет доминировать в сознании» (при различении фигуры и фона) [15]. О том же свидетельствует критика экспериментов Рубина одним из его оппонентов, указывавшим на влияние формулировки задания на выделение фигуры из фона [12, с. 101 – 104]. Нас же больше интересует то, насколько свободно оперируют словом *фон* наши респонденты по отношению к тому на фотографии, что не является «фигурой» (животным), включая в «фон» разные объекты (очевидно, здесь можно говорить об обыденно-языковом значении слова). В приведенных примерах видно как разное «движение взгляда» (от дальнего

плана к ближнему или наоборот), так и разное отношение к ближнему объекту (река/озеро), который может а) называться в составе фона вместе с дальним, б) самостоятельно образовывать фон или в) выводиться из его состава:

а) Олень на фоне горного пейзажа и озера;

б) Олень стоит на фоне озера, за которым видно лес, горы и луну в небе;

в) Олень стоит на берегу реки, текущей на фоне леса и гор.

Ответы респондентов демонстрируют разную степень антропоцентричности:

Поднявший ласт тюлень – Тюлень машет ластой / лапкой / Тюлень под водой машет плавником – Тюлень здороваются;

Пара оленей недалеко от разбитого лагеря – Олень и олениха на фоне лагеря людей – Пара оленей (самец, самка) смотрит на стоянку возле ручья – Олени наблюдают за ночным костром туристов.

Одна и та же фотография может описываться с использованием антропоцентрических маркеров разных категорий: **грустная корова** (эмоциональный признак) – **элитная корова** (оценочный признак); **очаровательная буренка** (оценочный признак) – **испуганная корова** (эмоциональный признак) – **корова нюхает** цветок (перцептивное действие) – **беззаботная корова нюхает** белую ромашку (эмоциональный признак + перцептивное действие) – **лицо коровы крупным планом** (использование человеческих атрибутов) и т. п.

Могут различаться и конкретные лексемы, выражающие признаки одного типа. Одна и та же корова характеризуется с оценочной точки зрения как **вредная**, а с эмоциональной – как **довольная** (статистически преобладающий признак) и **веселая**.

Количество и разнообразие антропоцентрических маркеров варьируются в зависимости от содержания изображения. Так, из 55 описаний фотографии коровы крупным планом (возраст респондентов: 21 – 23 года, студенты механико-математического факультета МГУ) 37 включают антропоцентрические показатели (некоторые ответы – более одного) четырнадцати разных типов, причем значительная часть из них – маркеры антропоморфности объекта: **темная масть**; **довольная умиротворенная корова**; **нос коровы**; **корова нюхает камеру**; **черная корова наслаждается жизнью**; **корова отдыхает** на лугу; **коровий нос**; **большой мокрый нос** и **большие** черные уши **улавливают** запах травы и **голос пастуха**; **корова греется** на солнышке; **корова**; **корова с большими** ноздрями; **мордашка** (2 раза); **один рог поломан**; **черная корова сидит**; **утро**; **вредная корова**; **довольная корова** (3 раза); **корова довольная**; **корова отдыхает**; **счастливая коровка**; **черная довольная корова отдыхает** на лугу; **корова лежит**; **греется** на солнце; **довольная корова нюхает камеру**; **корова заискивающе смотрит в камеру**; **корова греется** на солнце; **радость**; **беззаботность**; **корова**; **черная корова спит** на лугу; **веселая корова**; **корова зевает**; **корова, прикинувшаяся** кошкой; **смотрит в камеру**; **поцелуй**; **довольная корова нежится** на солнышке; **бычок наслаждается** солнечной погодой; **он хочет нас поцеловать**; **бык сидит** на траве, окраска быка – преимущественно черная; **корова нюхает**

оператора; **селфи бык**; **носик коровы**; **черная корова что-то нюхает**; **корова с эффектом перспективы**; **черная корова** (5 раз); **бычок**; **черная корова улыбается**. (Отдельные ответы разделены точкой с запятой; приводятся все ответы, включая не ориентированные на предметное описание картинки). В той же выборке из 55 описаний панорамной фотографии пасущегося стада антропоцентрические показатели содержатся только в 21, в основном однотипные – пространственные и количественные маркеры, а также оценочные слова (т. е. все – эксплицирующие позицию модусного субъекта); маркеры антропоморфности объекта (**стадо гуляет**; **коровы ни о чем не подозревают**) использованы только дважды: **стадо коров питается травой**; **выпас коров на фоне гор**; **стадо гуляет**; **стадо коров** (6 раз); **стадо** (3 раза); **стадо коров пасется**; **пастбище**, **стадо коров на горных лугах**; **горный пейзаж** с коровами; **вид из окна**: **горы**, **деревья**, **луг** и **коровы**; **стадо коров в Альпах**; **корова**; **коровье стадо** на лугу, **на заднем плане виднеются горы**; **едят траву**; **группа пасущихся [так! – М. С.] коров**; **луг**; **пастбище коровок в предгорье**; **много коров**; **много коров на фоне гор**; **животное пастбище**; **стадо коров (примерно 10 коров)**; **стадо коров на лугу на фоне гор**; **коровы на фоне красивейших гор**; **горы**; **стадо коров пасется на лугу, на фоне горы**; **тучи сгущаются**, **коровы ни о чем не подозревают**; **стадо коров пасется на лугу**; **гроза**; **горный луг, на котором пасутся коровы**; **коровы в лоне природы**; **коровы пасутся на лугу**; **красивый пейзаж**; **коровки пасутся**; **Альпы**; **коровы пасутся на лугу на фоне гор**; **хочу в горы**; **шикарный вид, особенно горы**; **стадо коров в горной долине**; **большое горное пастбище**; **пейзаж**; **около 11 коров пасутся**; **пейзаж с несколькими коровами**; **горный воздух**; **снежные горы в облаках**; **шикарные горы** и **разбросанное** **драже** из **коров**; **стадо пасется**; **стадо ест**; **много коров**.

Количество и качество антропоцентрических элементов варьируются и по респондентам. Ср. описания нескольких фотографий с оленями у респондентов из одной возрастной выборки (студенты различных факультетов МГУ, 20 – 26 лет) (таблица).

Вопрос о том, какие проявления антропоцентричности являются нормой и вообще можно ли использовать антропоцентрические параметры для определения «нормальных» описаний, требует дополнительных исследований. Пока можно говорить о большей частоте п. 1 – 11 и существенно меньшей – п. 12 – 20. Очевидно также, что можно определить фотографии, для которых внесение, например, модального или эмоционального компонента в описание является нормой, и для которых оно нетипично (например, когда на фоне «общего мнения» выборки респондентов, что на картинке изображены **две коровы**, выделяется единичный ответ типа **Злой бычара**). Для решения вопроса о том, варьируется ли степень антропоцентризма описания в зависимости от вида животного, требуются дополнительные эксперименты. Предварительно можно сказать, что тюлень выглядит, по нашим данным, гораздо «эмоциональнее» оленя и даже коровы, то есть явно «провоцирует» наблюдателей на антропоцентрическую трактовку.

Таблица. Описания нескольких фотографий с оленями у респондентов из одной возрастной выборки (студенты различных факультетов МГУ, 20 – 26 лет)

Table. The descriptions of a number of photos with deer provided by a group of respondents of the same age students of different faculties of Moscow State University aged 20 – 26 years old)

1. Обернувшийся олень, стоящий под луной у реки на фоне дикой природы.	1. Олень на фоне горно-речного пейзажа.	1. Олень на берегу при луне
2. Силуэты двух оленей в лучах зимнего солнца.	2. Два оленя на фоне зимнего заката.	2. Силуэты оленей на снегу
3. Настороженный олень у реки, на фоне гор и леса. Раннее утро.	3. Олень перед рассветом на фоне гор и реки.	3. Олень в тумане.
4. Пасущийся на равнине у реки олень.	4. Олень на фоне горно-речного пейзажа.	4. Олень на берегу при луне.
5. Пара любопытных оленей, которых привлек разбитый людьми лагерь .	5. Олень и олениха на фоне лагерь людей , стоящего у реки.	5. Олени около стоянки человека .
6. Олень ищет пропитание под снегом.	6. Олень почуял еду под снегом у берега ручья.	6. Олень на пляже.

Полученные результаты полезны не только для теоретического осмысления проявлений антропоцентричности языка, для моделирования речевой деятельности и демонстрации принципиальных различий между человеческими и «человекоподобными» (human-like) описаниями изображений. Они могут найти практическое применение в области автоматического генерирования описаний изображений (в случае если задача получения human-like descriptions ставится с акцентом на human, а не на like), разработки методик

психиатрического тестирования (определение параметров, на основе которых возможно разграничение нормы и значимых отклонений от нее), а также в любых сферах деятельности, где ставится задача воздействия на человека с помощью изображений [14] или определения смыслов, эмоций и оценок, выражаемых человеком при использовании изображения в качестве коммуникативного средства (например, в Интернете) [11; 13; 16; 17].

Литература

1. Веккер Л. М. Психика и реальность. М.: Смысл, 1998. 364 с.
2. Гостев П. П., Сидорова М. Ю. Индексирование и именование изображений: проблемы вне русской грамматики или для русской грамматики? // Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics. Структуры и функции: исследования по русистике. 2015. Т. 2. № 1. С. 94 – 138.
3. Грегори Р. Л. Разумный глаз. М.: УРСС, 2003. 240 с.
4. Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 544 с.
5. Сидорова М. Ю. Семантико-грамматические свойства имен прилагательных как основание для их классификации // Русистика сегодня. 1994. № 2. С. 69 – 79.
6. Словарь обыденных толкований русских слов: лексика природы: в 2 т. Т. 1: А – М (АБРИКОС – МУРАВЕИ) (478 слов-стимулов) / под ред. Н. Д. Голева / авт.-сост. М. Ю. Басалаева, М. Е. Воробьева, Н. Д. Голев, Я. А. Дударева, А. В. Замилова, Л. Г. Ким, Е. В. Кишина, Т. Ю. Кузнецова, Н. В. Мельник. Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та, 2011. 500 с.
7. Хукаленко Ю. С. С точки зрения осьминога: лингвистические средства смещения фокуса эмпатии в сторону животного в статьях по этологии // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18 – 21 марта 2014 г.): Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 358 – 359.
8. Хукаленко Ю. С. Лингвистический анализ акциональных глаголов семантического поля «действия животных» в научных статьях по биологии // Вестник Удмуртского университета. (Серия: История и филология). 2015. Т. 25. Вып. 5. С. 26 – 32.
9. Хукаленко Ю. С. Язык как средство выражения когнитивной модели зоологии в современных научных текстах на русском языке: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2016. 24 с.
10. Чумирова В. Е. Тактические приемы моделирования пространства в художественном тексте: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2005. 24 с.
11. Bourlai E. E., Herring S. C. Multimodal Communication on Tumblr: “I have so many feels!” // ACM Web Science 2014 Conference. Bloomington, 2014. Режим доступа: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/tumblr.pdf> (дата обращения: 10.01.2016).
12. Kennedy J. M. A psychology of picture perception. San Francisco: Jossey-Bass, 1974.
13. McDonald D. Visual conversation styles in web communities. Proceedings of the 40th Hawaii International Conference on System Sciences. IEEE Computer Society Washington, DC, 2007. P. 76.
14. Phillips B. J. Advertising and the Cultural Meaning of Animals // Advances in Consumer Research, 1996. Vol. 23. P. 354 – 360.
15. Rubin E. Figure and ground // Readings in Perception. D. Van Nostrand, 1958. P. 194 – 203.

16. Siersdorfer S., Hare M. Analyzing and predicting sentiment of images on the social web // Proceedings of the 18th ACM International Conference on Multimedia (Firenze, Italy, October 25 – 29). ACM, New York, 2010. P. 715 – 718.
17. Yuan J., McDonough S., You Q., Luo, J. Sentribute: Image sentiment analysis from a mid-level perspective // Proceedings of the Second International Workshop on Issues of Sentiment Discovery and Opinion Mining (Chicago, IL, August 11 – 14). ACM, New York, 2013. Режим доступа: http://chbrown.github.io/kdd-2013-usb/workshops/-WISDOM/paper_14.pdf (дата обращения: 10.01.2016).

Информация об авторе:

Сидорова Марина Юрьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, sidorovadoma@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 14.06.2016 г.

LINGUISTIC MARKERS OF ANTROPOCENTRISM IN IMAGE DESCRIPTIONS

Marina Y. Sidorova^{1, @}

¹ Moscow State University of M. V. Lomonosov

@ sidorovadoma@mail.ru

Abstract: The paper discusses a type of texts neglected by the Russian linguistics but actively studied in computer and cognitive sciences – image descriptions collected by linguistic experiments. The relevance of the linguistic study of image descriptions for theoretic and applied purposes is argued. The aim of the study was to propose a classification of linguistic anthropocentric markers (including indicators of the subject's spatial and mental points of view as well as the image object's anthropomorphism) in animal image descriptions (both domestic and wild, depicted in their natural environment). As a result, a classification is proposed including 20 classes of such markers differentiated by frequency. We discuss the influence of subjective (individual characteristics of respondents) and objective (denotative situation in the photo) factors on anthropocentric markers and the possibility to use the identified parameters for establishing norms of image descriptions and deviations.

Keywords: Russian language, image descriptions, anthropocentrism, spatial point of view, mental point of view, anthropomorphism.

For citation: Sidorova M. Y. Iasikovie marker antropocentrizma v opisanih isobrazenii. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no 3 (2016): 174 – 180.

References

1. Vekker L. M. *Psikhika i real'nost'* [Mind and Reality]. Moscow: Smysl, 1984, 364.
2. Gostev P. P., Sidorova M. Yu. Indeksirovanie i imenovanie izobrazhenii: problemy vne russkoi grammatiki ili dlia russkoi grammatiki? [Indexing and naming the images: the problem is Russian grammar or Russian grammar]. *Struktury i funktsii: issledovaniia po rusistike – Structures & Functions: Studies in Russian Linguistics*, 2, no. 1 (2015): 94 – 138.
3. Gregori R. L. *Razumnyi glaz* [Intelligent eye]. Moscow: URSS, 2003, 240.
4. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, 1998, 544.
5. Sidorova M. Yu. Semantiko-grammaticheskie svoistva imen prilagatel'nykh kak osnovanie dlia ikh klassifikatsii [The semantic and grammatical properties of adjectives as the basis for their classification]. *Rusistika segodnia – Russian philology today*, no. 2 (1994): 69 – 79.
6. *Slovar' obydennykh tolkovanii russkikh slov: Leksika prirody. T. 1: A–M (ABRIKOS – MURAVEI) (478 slov-stimulov)* [Dictionary mundane interpretations of Russian words: Vocabulary nature. Vol. 1: A–M (APRICOT – ANT) (478 words-incentives)]. Ed. Golev N. D. Comp. Basalaeva M. Yu., Vorob'eva M. E., Golev N. D., Dudareva Ia. A., Zamilova A. V., Kim L. G., Kishina E. V., Kuznetsova T. Yu., Mel'nik N. V. Kemerovo: Izd-vo Kem. un-ta, vol. 1 (2011): 500.
7. Khukalenko Yu. S. S tochki zreniia os'minoga: lingvisticheskie sredstva smeshcheniia fokusa empatii v storonu zhivotnogo v stat'iakh po etologii [From the perspective of an octopus: the linguistic means of empathy focus shift towards animal articles on ethology]. *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': V Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo iazyka (Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, filologicheskii fakul'tet, 18 – 21 marta 2014 g.): Trudy i materialy* [Russian Language: its Historical Destiny and Present: Proc. V Intern. Congress of Russian Language Researchers (Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Faculty of Philology, March 18 – 21, 2014)]. Moscow: MAKSS Press, 2014, 358 – 359.
8. Khukalenko Yu. S. Lingvisticheskii analiz aktsional'nykh glagolov semanticheskogo polia «deistviia zhivotnykh» v nauchnykh stat'iakh po biologii [Linguistic Analysis of actional verbs "Animal Action" semantic field in scientific

papers on biology]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriia i filologiya» – Bulletin of Udmurt University. "History and Philology" Series*, 25, no. 5 (2015): 26 – 32.

9. Khukalenko Iu. S. *Iazyk kak sredstvo vyrazheniia kognitivnoi modeli zoologii v sovremennykh nauchnykh tekstakh na russkom iazyke*. Avtoref. kand. filol. nauk [Language as a means of expression Zoology cognitive model of modern scientific texts in Russian. Can. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2016, 24.

10. Chumirina V. E. *Takticheskie priemy modelirovaniia prostranstva v khudozhestvennom tekste*. Avtoref. kand. filol. nauk [Tactical modeling techniques of the space in a literary text. Can. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2015, 24.

11. Bourlai E. E., Herring S. C. Multimodal Communication on Tumblr: "I have so many feels!" [Multimodal Communication on Tumblr: "I have so many feels!"]. *ACM Web Science 2014 Conference*. Bloomington, 2014. Available at: <http://info.ils.indiana.edu/~herring/tumblr.pdf> (accessed 10.01.2016).

12. Kennedy J. M. *A psychology of picture perception*. San Francisco: Jossey-Bass, 1974.

13. McDonald D. Visual conversation styles in web communities. *Proceedings of the 40th Hawaii International Conference on System Sciences*. IEEE Computer Society Washington, DC, 2007, 76.

14. Phillips B. J. Advertising and the Cultural Meaning of Animals. *Advances in Consumer Research*, vol. 23 (1996): 354 – 360.

15. Rubin E. Figure and ground. *Readings in Perception*. D. Van Nostrand, 1958, 194 – 203.

16. Siersdorfer S., Hare M. Analyzing and predicting sentiment of images on the social web. *Proceedings of the 18th ACM International Conference on Multimedia (Firenze, Italy, October 25 – 29)*. ACM, New York, 2010, 715 – 718.

17. Yuan J., McDonough S., You Q., Luo, J. Sentribute: Image sentiment analysis from a mid-level perspective. *Proceedings of the Second International Workshop on Issues of Sentiment Discovery and Opinion Mining (Chicago, IL, August 11 – 14)*. ACM, New York, 2013. Available at: http://chbrown.github.io/kdd-2013-usb/workshops/WISDOM/paper_14.pdf (accessed 10.01.2016).

Received 01.02.2016, accepted 14.06.2016.

УДК 811.161.1:004.77

ОНЛАЙН-ПЕРЕПИСКА КАК САМООБУЧЕНИЕ

О. П. Сологуб^{1, @}

¹ Национальный Тайваньский университет
@olsolpa@mail.ru

Аннотация: Работа является продолжением осмысления первых результатов реализации лингводидактического проекта по обучению русскому языку как иностранному на базе учебно-речевой деятельности студентов, осуществляемой в ходе онлайн-переписки с носителями языка. В первой части статьи изложены исходные принципы организации и реализации проекта, сформулированные Н. Д. Голевым: теоретико-методологическая база, направления лингвометодической деятельности, технология осуществления онлайн-переписки. Вторая часть посвящена описанию опыта реализации данного проекта в плане самообучения студентов, которое заключается на первом этапе в освоении новых разноуровневых языковых и коммуникативно-речевых средств, извлеченных прежде всего из интернет-источников, а также из писем русских корреспондентов и введенных в актуальные контексты продуцируемого письма. На втором этапе осуществляется рефлексия над созданным текстом в виде работы над ошибками, осуществляемой как самостоятельно, так и под руководством преподавателя. В завершении работы студентами предъявляется переработанный текст письма, подлежащий оцениванию.

Ключевые слова: лингводидактический проект, онлайн-переписка, деривационная теория языка, линия расширения, линия осложнения, антиномия «обучение – самообучение».

Для цитирования: Сологуб О. П. Онлайн-переписка как самообучение // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 180 – 186.

Данная работа является особенной, так как она выполнена под знаком знаменательного события – юбилея Учителя, Друга, необыкновенного, яркого Человека. Николая Даниловича. Поражает разносторонность и масштабность его научных интересов, оригинальность идей, способность организовать научные коллективы и школы по реализации научно-исследовательских проектов. На протяжении всей своей научной и учебно-методической деятельности я работала в тесном содружестве с Николаем Даниловичем. Итогом такого сотрудничества явились напи-

санные в соавторстве научные статьи, посвященные актуальным проблемам теории номинации [5] и государственной коммуникации [2; 4], а также разделы в коллективных монографиях, посвященных исследованию языковой личности [8; 9].

Предлагаемая работа выполнена в рамках лингводидактического проекта, инициатором и идейным вдохновителем которого выступил Николай Данилович. Суть этого проекта состоит в следующем. Студентам, изучающим русский язык как иностранный, предлагается в качестве одного из направлений учеб-

ной деятельности осуществление переписки с русскими корреспондентами, в ходе которой студенты-иностранцы должны вступить в диалог на русском языке по актуальным для них темам. Данный проект включен в более масштабные научные проекты, которые осуществляются под руководством Николая Даниловича, либо при его активном участии: это теория естественной письменной речи; лингводидактические работы, в которых утверждаются коммуникативные принципы преподавания языка; лингвоперсонологическая теория языка; обыденная металингвистика. Объединяет все эти направления интерес к рядовому носителю языка в различных его ипостасях по отношению к языковой системе, к речевой деятельности.

Николаем Даниловичем были определены исходные установки инновационной лингводидактической программы по обучению иностранному языку: 1) теоретико-методологическая база, основой которой явилась деривационная теория языка Л. Н. Мурзина [1]; 2) стратегии обучения, которыми признаются стратегии расширения и усложнения («первая идет по линии пространственно-количественного расширения исходного текста, вторая – качественного. Первая предполагает аналитическое устройство языка, простую логическую дополняемость и редукцию, а также производимость и выводимость языковых единиц, вторая – вхождение в сферу синтетизма данного языка, овладение его устойчивым, идиоматическим (не в полной мере выводимым) фондом» [1, с. 108]); 3) технология форм сообщения (организационно-методическая деятельность по осуществлению проекта) (Прим. автора: *Различные аспекты организации проекта и первые его результаты неоднократно обсуждались на конференциях в Новосибирске (Международная конференция «Обучение иностранным языкам и межкультурной коммуникации в условиях интеграционных процессов», Новосибирский государственный университет, 6 – 7 декабря 2014 г.), Владивостоке (VI международная научно-практическая конференция «Русский язык и русская культура в диалоге стран АТР», проводимая в рамках Международного научного форума «Русский язык, литература и культура в пространстве АТР», 12 – 17 октября 2015 г.), Киото (Первый Международный форум в Японии по русистике, культуре, педагогике «Социокультурные и филологические аспекты в образовательном и научном контексте», Университет Киото Санъгё, 25 – 29 сентября 2014 г.), Тайбэе (VI симпозиум по европейским языкам в Восточной Азии, Национальный Тайваньский университет, 6 – 7 ноября 2015 г.; VI международная конференции «Современные проблемы славянской филологии: гуманитарные ценности в славянских языках и культурах», факультет славистики Государственного университета Чженьчжи, 7 – 8 ноября 2015 г.). Итогом обсуждений явились наши статьи ([1; 3; 6; 7; 10]).*

На основе этой программы автором данной работы была организована учебно-речевая деятельность тайваньских студентов по онлайн-переписке с русскими корреспондентами. В силу особенностей организации учебного процесса данный проект осуществляется нами с тайваньскими студентами, уже владеющими основами русского языка (их уровень

можно оценить как A2+/B1), поэтому содержательное наполнение проекта несколько отличается от того, как это представлено в концепции Николая Даниловича (она ориентирована на начальный уровень владения языком). Свою задачу в данных обстоятельствах мы видим, во-первых, в отработке навыков корректного употребления уже изученного языкового/речевого материала (т. е. в реализации корректировочного курса); во-вторых, в расширении коммуникативно-речевого потенциала за счет введения в активное употребление нового языкового материала (линия расширения), и, в-третьих, в совершенствовании коммуникативно-речевых способностей студентов за счет формирования их представления о функционально-семантическом потенциале языковых единиц и умения использовать этот потенциал (линия усложнения).

Для реализации этих целей была организована онлайн-переписка в Facebook (FB) между студентами Тайваньского и Дальневосточного университетов (Прим. Автора – Ранее общение осуществлялось по e-mail). Выбор данного формата общения был обусловлен, во-первых, предпочтениями студентов, выявленными в ходе предварительного опроса (Прим. авт.: *Студенты признают наиболее востребованным форматом общения социальные сети как внутри своей страны (95 % – русские студенты, 93 % – тайваньские студенты), так и в случаях установления и поддержания контактов с иностранцами (65 % – русские студенты, 77 % – тайваньские студенты); 42 % русских и 54 % тайваньских студентов предпочитают такой способ общения и в учебных целях [7; 10].* Во-вторых, общение в FB позволило существенно расширить и углубить лингводидактический потенциал нашего проекта. Это выразилось в возможности осуществления переписки в различных формах: а) в форме монолога (письма-знакомства, письма-рассказа о событиях в жизни и пр., а также развернутые суждения об актуальных проблемах изучаемой темы), б) в форме диалога (запрос информации по какому-то частному вопросу и получение ответа), в) в форме полилога (коллективное обсуждение актуальных проблем). Параллельно с этим студенты получили возможность развивать свои коммуникативно-речевые умения и навыки при овладении различными вариантами письменной речи. Так, осуществляя коммуникацию в виде монолога, они создают письменные тексты, приближенные к книжному варианту, что способствует их пониманию специфики русского письменного текста; переходя же в интерактивный режим онлайн-общения, они окунаются в стихию разговорной речи в ее письменном варианте и осваивают эту речевую разновидность. Подобная письменноречевая практика способствует активному усвоению разнообразных языковых и коммуникативно-прагматических средств, при этом данная работа осуществляется студентами во многом самостоятельно.

Эффективность предлагаемой методики проявляется также и в том, что она способствует формированию более практикоориентированной системы занятий: выявляя актуализированные в ходе онлайн-переписки тематические блоки и языко-речевые единицы, необходимые для выражения актуальных смыслов, а также обнажившиеся в письменноречевой

деятельности студентов проблемные зоны владения языком, преподаватель получает возможность определения содержательного наполнения занятий, направлений учебной коммуникативно-речевой деятельности.

Реализация указанного потенциала требует методического оснащения в виде лингводидактической программы, содержание которой составляют две антиномии – линия обучения и линия самообучения. Предметом рассмотрения в настоящей статье являются процессы самообучения, поскольку в данной программе им отводится приоритетная роль. Процессы самообучения реализуются в два этапа: 1) овладение новыми языковыми и коммуникативно-речевыми средствами в процессе восприятия чужого / порождения собственного текста; 2) рефлексия над своим созданным текстом в плане корректного использования языковых и коммуникативно-речевых единиц.

На **первом этапе** студенты, с одной стороны, актуализируют изученный ранее языковой материал и употребляют его в новом контексте; с другой – они вводят в оборот новый лексико-грамматический материал по актуальным для общения темам, при этом усвоение нового материала осуществляется студентами преимущественно по линии расширения – увеличения запаса активно употребляемых в речи языковых (преимущественно лексических) единиц.

Расширение, обогащение коммуникативно-речевого потенциала происходит в ходе восприятия писем русских друзей, при декодировании незнакомых слов и выражений, наблюдении контекстов употребления языковых единиц. Большое количество новой информации страноведческого, социокультурного и собственно лингвистического характера содержится в ответах русских студентов на заданный вопрос, например: *Раньше я был членом в клубе традиционной китайской музыки. Также я хочу знать, какая традиционная музыка есть в России. Большое спасибо! – В России очень красивые народные песни, есть и **протяжные**, и быстрые, и веселые, и грустные. Несколько лет назад я интересовалась народными песнями европейского юга России, слушала **казачьи** музыкальные **ансамбли**, изучала историю появления некоторых песен. Это необыкновенная, **малоисследованная область**, существуют **фольклорные экспедиции**, которые ходят по деревням и записывают неизвестные песни. Некоторые песни могут быть сходны по содержанию, но различные по **мелодии и напевности**; Я бы еще посоветовала послушать русские народные песни и **романсы в обработке** певицы Пелагеи. Мне очень нравится песня «**Казак**» в ее **исполнении**. У нее очень необычный голос (Прим. авт.: Жирным шрифтом здесь и далее выделены слова и выражения, которые ранее не изучались студентами).*

Более активно усвоение нового материала происходит при порождении собственного текста, при этом студенты пользуются словарем, услугами онлайн-переводчика, различными информационными ресурсами, прежде всего в сфере Интернет. См., например, рассказ тайваньской студентки о традициях проведения китайского праздника: *У нас многой праздники. Недавно есть очень важный праздник – Дуанью в пя-*

*том мая по лунным календарю. (А в этом году в западном стиле второй июня). Первоначально, этот праздник смерти великого китайского поэта Цюй Юань, поэтому раньше люди прошли этот день с грустью. Но сейчас мы весело отметили этот день. Мы купили и ели пельмени из риса (в китайском языке "цзунцзы"). Раньше люди сами готовили цзунцзы, но сейчас мы только купили. Мы ещё организовали конкурс **гребля**. Каждая **деревянная ладья** составляет 20 человек. Ладья самая быстрая победит!*

В целях более полного обмена информацией студенты нередко посылают фотографии, видеосюжеты, ссылки на те или иные источники. Такой способ общения побуждает их делать словесные комментарии, осваивая при этом новый языковой материал. См., например, фрагмент переписки: *Посмотрите фотографии Новосибирска. Могли бы вы прислать фотографии Тайваня и свои фотографии тоже? – Фотографии Новосибирска очень замечательные. Мне очень понравятся. Я послала фотографии **Каушонг порт** и самая известная станция метро в городе Каушонг – *Formosa Boulevard*. Другая, фотография меня и моих друзей. **Слева считать** Валя, я, Света, Оля, Маша и Ульяна.*

Расширение коммуникативно-речевого потенциала учащихся происходит также за счет введения новых коммуникативно значимых единиц. Новая дискурсивная практика вынуждает студентов использовать разнообразные языковые средства в прагматически значимых коммуникативных ситуациях, более активно и целенаправленно овладевать целым комплексом необходимых коммуникативно актуальных речевых навыков. При этом особое значение получают средства выражения различных интенций: это этикетные формулы (*Дорогой Артем, Здравствуй!; С уважением ваш Вера; Спасибо за ответ, и давай на "ты"!*; Целую Вас); приглашение к дальнейшему диалогу (*Очень рада и очень жду вашего ответа; Если бы можно, расскажите немного о вас и вашем городе*), обсуждение актуальных проблем (*В прошлом неделю я купил книгу «Отцы и дети», но я еще не начинаю читать. Вы прочитали этот роман?; Мы раскрашивали специально подготовленные яйца. Вы тоже так делаете в России? А строгий пост вы соблюдаете?*), выражение эмоций по поводу полученной информации (*Эта прекрасная озеро!!!; Песня очень оживлённая...!*); *Фотографии Новосибирска очень замечательные. Мне очень понравятся*), просьбы (*Я хочу смотреть русские сериалы, можно вы посоветуете мне какие сериалы что я должна смотреть?; В конце апреля у нас будет кулинарный конкурс, можете Вас мне посоветовать какое вкусное блюдо, можно приготовить; Если бы я ехала в Владивосток, куды ты бы советовала меня посетить?*) и т. д.

При продуцировании собственного текста студенты-тайваньцы нередко обращаются к письмам своих корреспондентов как к образцу для подражания (в этом мы видим яркое проявление деривационных механизмов овладения иностранным языком). Так, большим подспорьем в овладении синтаксических моделей для тайваньских студентов служат инициальные реплики их русских корреспондентов: они

стимулируют использование соответствующей модели в реплике-ответе. Например, на вопрос русского корреспондента *У вас хотела бы спросить, почему вы решили учить русский? Что вообще думаете о России и русских людях?* тайваньский студент отвечает в соответствии с заданными в вопросах моделями: **Я учу русский потому, что я интересуюсь русской культурой и хочу поехать в Россию как турист. О России тайваньцы думают, что это большая древняя страна и погода там гораздо холоднее чем в Тайване. А о русских людях мы думаем, что русские люди очень красивые, таинственные, стойкие и, может быть, чуть-чуть равнодушны** – и повторяет

одну из моделей в своем вопросе: *А что вы думаете о Тайване и о тайваньцах?*

Подобным же образом тайваньскими студентами осваивается жанр письма: они берут в качестве образца текстовую модель, представленную в письме своего русского корреспондента, и по нему (образцу) строят свое ответное письмо, повторяя его отдельные фрагменты, слова, выражения, конструкции. См., например, сравнительный анализ инициального письма русской студентки и ответ на него студентки из Тайваня (копируемые конструкции выделены жирным шрифтом).

Таблица 1. Обучающий потенциал речевых произведений, исполненных носителями языка
Table 1. The teaching potential of the texts created by native speakers of the language

Компоненты текста	Письмо русского корреспондента	Письмо тайваньского корреспондента
Приветствие	Привет, Ульяна.	Привет, Настя!
Извинение за задержку с ответом	Извини, что сразу не ответила на твое письмо. Как говорится – это были такие выходные после, которых опять нужны выходные ☺.	Извини, пожалуйста, что я задержалась с ответом, потому что я заболела и у меня болела рука
Ответ на вопрос – благодарность	Начну отвечать на твое письмо с конца. Имя Ульяна трактуется как русская форма имени Юлия <...>	Спасибо тебе за объяснение моего имени, мне оно очень понравилось!
Впечатления о стране	Перелет очень дорогой, пока у меня нет таких средств.	
Обсуждение художественных произведений	<...> Последняя книга, которую я прочитала В. Гюго «Отверженные». <...> Я тебе советую ее прочитать. На меня она произвела огромное впечатление.	Я знаю книгу, о которой ты написала, но я не читала её, только смотрела фильм. Ты знаешь этот фильм? <...> А я сейчас я читаю книгу «Мастер и Маргарита». Для меня эта книга очень сложная. А ты читала эту книгу? Тебе нравится опера? Я знаю, что в России много театров, если у меня появится возможность и я буду учиться в России, я обязательно пойду в театр! Правда, перелет очень дорогой.
Информация о праздниках	У нас в воскресенье тоже великий православный праздник – Святой Пасхи.	<...> На прошлой неделе у нас был кулинарный конкурс. <...> Я знаю, в России 9 мая был День Победы. Что ты обычно делаешь в этот день? А в Тайване в прошлое воскресенье был День Матери, наша семья ходила обедать в ресторан. Мы поблагодарили маму за хорошее воспитание. Я очень люблю мою маму. ☺☺☺
Повторные извинения за задержку с ответом	P.S. прошу прощения, что сразу не ответила на твое письмо. С нетерпением жду ответа.	<...> P.S. Извини ещё раз, что не сразу ответила! С нетерпением жду ответа. ☺

Таким образом, вступая в онлайн-переписку на иностранном языке, студенты получают большой стимул к активному использованию новых, актуальных в естественной речевой коммуникации языковых средств. Они приобретают разнообразный опыт их употребления, развивая тем самым свои способности в овладении иностранным языком.

Понятно, что для студентов процесс переписки на иностранном языке полон проб и многочисленных ошибок, и это определяет содержание **второго – корректировочного – этапа** (на данном этапе линия са-

мообучения сопряжена с линией обучения, но первая остается преобладающей). В связи с этим встает вопрос об организации работы над ошибками. На первых этапах эта работа ведется с помощью преподавателя. Вначале студентам предлагается ознакомиться с одним из выбранных преподавателем онлайн-сообщений и самостоятельно оценить его с точки зрения корректного исполнения. В этом случае студенты, как правило, замечают некоторые ошибки грамматического характера: неправильное употребление форм рода, числа, падежа существительных, прилагатель-

ных, местоимений, личных и видо-временных форм глагола и т. д., некорректно построенные предложения (но, как правило, без указания конкретных ошибок), – а также случаи неправильного написания слов. После обсуждения замеченных ошибок и внесения в текст соответствующих корректив студенты должны исправить оставшиеся недочеты, опираясь на предложенную преподавателем краткую инструкцию (Прим. авт.: В инструкции с помощью условных обозначений и комментариев к ним указаны все типы допущенных ошибок. Так, для текста письма, представленного в табл. 2, инструкция выглядит следующим образом: 1. Лексико-грамматические ошибки: 1) ...(+) – нужно добавить слово; 2) ← C2 – нужно употребить другое слово; 3) П – нужно правильно употребить падежную форму; 4) Спр. – нужно правильно употребить личную форму глагола (правильное окончание); 5) Вр.

– нужно правильно употребить время глагола; 6) ← Предл. – нужно употребить (другой) предлог. 2. Синтаксические ошибки: 1) ...S – нужно употребить субъект; 2) ТФ – нужно трансформировать предложение; 3) ← В – нужно употребить другое выражение; 4) СП – нужно использовать сложное предложение; 5) Z – нужно сделать абзац). Эта работа выполняется на занятии под руководством преподавателя. Далее студенты таким же образом выполняют самостоятельную работу над ошибками своих собственных речевых произведений, при этом в случае необходимости они консультируются у преподавателя (в табл. 2 моменты, которые обсуждались на консультации, отмечены подчеркиванием). Итогом работы над ошибками становится повторное воспроизведение текста в исправленном виде, который подлежит оценке.

Таблица 2. Этапы рефлексии студента-иностранца над созданным речевым произведением
Table 2. Stages of the foreign student's reflection over the created texts

Первоначальный вариант письма с отметками преподавателя	Самостоятельно исправленный вариант письма	Окончательный вариант письма
Женя, ... (+ приветствие) Z Извините КОГО? за ЧТО? ...S долго не отвечать Вр., КОМУ?, СП. Последнее время ← C2 мой японский друг вернулся в ← Предл. Японии, поэтому мы были заняты изготовлением наш последний память ТФ. Поздравляем Спр. КОГО? для ← Предл., П вашего брака ← C2! Мне 19 лет и у меня нет возлюбленный П, поэтому я удивлена, что вы получите брак ← В. Z ...(+) На Тайване погода уже жаркая и часто идёт дождь. ...(+) Какая погода в России? Мне нравится слушать музыку, а Вам? ...S Можно Спр. посоветовать мне ...(+) музыку, которую Вы слушаете? Я буду посоветовать Вр. Вам ...(+) некоторые китайские певцы П, например 陳綺貞, 田馥甄, 魏如萱. Они мои любимые певцы, Вы можете слушать их музыку ← C2. Всего хорошего, Инна	Женя, здравствуйте! <u>Извините меня я долго не отвечала Вам. Недавно мой японский друг вернулся из Японии, поэтому мы были заняты развлекаемся вместе.</u> Поздравляю вас с браком! Мне 19 лет, и у меня нет возлюбленного. У нас в Тайване молодые люди <u>мало брак</u> так рано, поэтому я <u>удивленная</u>, что вы <u>брак</u>. <u>У нас в Тайване погода уже жаркая и часто идёт дождь. А какая погода в России?</u> Мне нравится слушать музыку, а Вам? Вы <u>можно посоветовать мне хорошую</u> музыку, которую Вы слушаете? Я советую Вам <u>слушать</u> некоторых китайских певцов, например 陳綺貞 (Chen Qi-Zhen), 田馥甄 (Tian Fu-Zhen), 魏如萱 (Wei Ru-Xuan). Они мои любимые певцы, Вы можете слушать их концерт. Всего хорошего, Инна	Женя, здравствуйте! Извините меня за то, что я долго не отвечала Вам. Скоро мой японский друг вернется в Японию, поэтому мы все время проводили вместе. Мы ездили в 平溪 (Ping-Xi), 基隆 (Ji-Long), 台中 (Taichung), 墾丁 (Kenting). Он мой дорогой японский друг, и я боюсь, что больше не смогу встречаться с ним. Поздравляю Вас с бракосочетанием! Мне 19 лет, и у меня нет возлюбленного. У нас в Тайване молодые люди редко женятся так рано, поэтому я удивлена, что вы выходите замуж. Сейчас в Тайване погода уже жаркая и часто идёт дождь. А какая погода в России? Мне нравится слушать музыку, а Вам? Вы можете посоветовать мне послушать ту музыку, которую Вы слушаете? Я советую Вам послушать некоторых китайских певцов, например 陳綺貞 (Chen Qi-Zhen), 田馥甄 (Tian Fu-Zhen), 魏如萱 (Wei Ru-Xuan). Они мои любимые певцы, Вы можете слушать их песни. Всего хорошего, Инна

Конечно, окончательный вариант письма еще недостаточно совершенен, но все-таки он представляет собой достаточно корректную форму выражения интенций его автора, соответствует его уровню владения языком.

Таким видится нами на данном этапе осуществления проекта процесс самообучения студентов. Дополнив его описание анализом особенностей реализации процессов обучения, мы сможем сформировать основу комплексной учебно-методической программы по овладению живой иностранной речью.

Литература

1. Голев Н. Д. Электронная переписка как стратегия и тактика обучения иностранным языкам (лингводидактический проект) // Язык и культура. 2015. № 2. С. 105 – 116.
2. Голев Н. Д., Сологуб О. П. Государственная коммуникация (параметры официализации текста) // Стереотипность и творчество в тексте: сб. науч. тр. Вып. 11. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007. С. 47 – 57.
3. Голев Н. Д., Сологуб О. П. Онлайн-переписка как лингводидактическая база изучения РКИ: теория и практика. Владивосток (в печати).
4. Голев Н. Д., Сологуб О. П. Официальное функционирование языка в сфере государственной коммуникации // Юрислингвистика. 2008. № 9. С. 70 – 88.
5. Голев Н. Д., Сологуб О. П. Соотношение известного и нового в процессе естественной номинации (на материале народной лексики природы и лингвистического эксперимента в с. Мельниково, Шегарского района, Томской области) // Русские старожильческие говоры Сибири: сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 3 – 11.
6. Голев Н. Д., Сологуб О. П. Электронная переписка как эффективное средство овладения навыками письменной речи иностранными учащимися // Социокультурные и филологические аспекты в образовательном и научном контексте. Киото: Ун-т Киото Сонгё, 2014. С. 177 – 182.
7. Найдина Т. Е., Сологуб О. П. Ценностные ориентации участников межкультурной онлайн-коммуникации как база для формирования и реализации обучающих стратегий. Тайбэй: Изд-во ун-та Чженьчжи (в печати).
8. Сологуб О. П. Параметр официальности делового текста и его отражение в обыденном метаязыковом сознании // Обыденное метаязыковое сознание: онтологический и гносеологический аспекты. Ч. 2: коллект. моногр.; отв. ред. Н. Д. Голев. Томск: Изд-во Том. пед. ун-та, 2009. С. 254 – 278.
9. Сологуб О. П. Текстовая компетенция языковой личности – участника официально-деловой коммуникации // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н. Д. Голева и Н. Н. Шпильной. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 348 – 371.
10. Naydina T., Sologub O. Online communication in teaching Russian as a Foreign Language. Тайбэй: Изд-во Тайв. ун-та (в печати).

Информация об авторе:

Сологуб Ольга Павловна – доктор филологических наук, доцент факультета иностранных языков и литературы Национального Тайваньского университета, olsolpa@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 08.02.2016 г., принята к печати 07.06.2016 г.

ON-LINE CORRESPONDENCE AS SELF-TEACHING

Sologub Olga P.^{1, @}

¹ National Taiwan University
[@] olsolpa@mail.ru

Abstract: The paper presents further interpretation of the first results related to implementation of the linguo-didactic project regarding teaching Russian as a Foreign Language based on the students' educational and speech activity, which is carried out in the course of on-line correspondence with native speakers. The first part of the paper state the initial principles of organization and implementation of the project defined by N. D. Golev: the theoretical and methodological basis, areas of linguo-methodical activity, technology of on-line correspondence. The second part is devoted to description of this project implementation experience in respect of students' self-teaching, which is at first stage focused on the study and acquisition of the new different level of the language and communicative-speech units taken first of all from Internet sources as well as from Russian correspondents' letters and entered into actual contexts of a produced letter. The second stage deals with the review of the created text in the form of error correction carried out either on one's own or together with a teacher. Upon completion of work the students present the revised text of the letter which is subject to evaluation.

Keywords: linguo-didactic project, on-line correspondence, text derivational theory, line of expansion, line of complication, antinomy «teaching – self-teaching».

For citation: Sologub O. P. On-line correspondence as self-teaching. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 180 – 186.

References

1. Golev N. D. Elektronnaia perepiska kak strategii i taktika obuchenii inostrannym iazykam (lingvodidakticheskii proekt) [Email correspondence as the strategy and tactics of teaching foreign languages (Lingvodidakticheskii project)]. *Iazyk i kul'tura – Language and culture*, no. 2 (2015): 105 – 116.
2. Golev N. D., Sologub O. P. Gosudarstvennaia kommunikatsiia (parametry ofitsializatsii teksta) [State communication (parameters officialization text)]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotyping and creativity in the text]. Perm: Izd-vo Perm. un-ta, no. 11 (2007): 47 – 57.

3. Golev N. D., Sologub O. P. *Onlain-perepiska kak lingvodidakticheskaia baza izuchenii RKI: teoriia i praktika* [Online correspondence as a base lingvodidakticheskaja RCTs studying the theory and practice]. Vladivostok (in the printing).
4. Golev N. D., Sologub O. P. *Ofitsial'noe funktsionirovanie iazyka v sfere gosudarstvennoi kommunikatsii* [Official language functioning in the sphere of public communication]. *Iurislingvistika – Yurislingvistika*, no. 9 (2008): 70 – 88.
5. Golev N. D., Sologub O. P. *Sootnoshenie izvestnogo i novogo v protsesse estestvennoi nominatsii (na materiale narodnoi leksiki prirody i lingvisticheskogo eksperimenta v s. Mel'nikovo, Shegarskogo raiona, Tomskoi oblasti)* [The ratio of known and new in the natural category (based on the nature of people's vocabulary and linguistic experiment s.Melnikovo, Shegarsky District, Tomsk region)]. *Russkie starozhil'cheskie govory Sibiri* [Russian old dialects of Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1990, 3 – 11.
6. Golev N. D., Sologub O. P. *Elektronnaia perepiska kak effektivnoe sredstvo ovladeniia navykami pis'mennoi rechi inostrannymi uchashchimisia* [Email correspondence as an effective means of mastering writing skills of foreign students]. *Sotsiokul'turnye i filologicheskie aspekty v obrazovatel'nom i nauchnom kontekste* [Socio-cultural and philological aspects of the educational and scientific context]. *Kioto: Un-t Kioto Songe*, 2014, 177 – 182.
7. Naidina T. E., Sologub O. P. *Tsennostnye orientatsii uchastnikov mezhkul'turnoi onlain-kommunikatsii kak baza dlia formirovaniia i realizatsii obuchaiushchikh strategii* [Valuable orientations of participants online intercultural communication as a base for the formation and implementation of educational policies]. Taibei: Izd-vo un-ta Chzhen'chzhi (in the printing).
8. Sologub O. P. *Parametr ofitsial'nosti delovogo teksta i ego otrazhenie v obydennom metaiazykovom soznanii* [Parameter official business of the text and its reflection in the common meta language consciousness]. *Obydennoe metaiazykovoe soznanie: ontologicheskii i gnoseologicheskii aspekty* [Everyday metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Ed. Golev N. D. Kemerovo, Tomsk: Izd-vo Tom. ped. un-ta, no. 2 (2009): 254 – 278.
9. Sologub O. P. *Tekstovaia kompetentsiia iazykovoi lichnosti – uchastnika ofitsial'no-delovoi kommunikatsii* [Text language competence of the person – party official-business communication]. *Iazykovaia lichnost': modelirovanie, tipologii, portretirovanie. Sibirskaiia lingvopersonologiiia* [Linguistic personality: modeling, typology, portraiture. Siberian lingvopersonologiya]. Ed. Golev N. D., Shpil'naia N. N. Moscow: LENAND, no. 1 (2014): 348 – 371.
10. Naidina T., Sologub O. *Online communication in teaching Russian as a Foreign Language*. Tajbjei: Izd-vo Tajv. un-ta (in the printing).

Received 08.02.2016, accepted 15.06.2016.

УДК 81'344

ОТРАЖЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА В ФОНОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Е. Б. Трофимова^{1, @}

¹ Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина
@umt2005@rambler.ru

Посвящается Николаю Даниловичу Голеву, замечательному лингвисту и прекрасному человеку, общение с которым – всегда творческий процесс, порождающий новые идеи и желание работать и работать.

Аннотация: Данная статья состоит из двух частей. В первой части анализируется научный плюрализм как явление, свойственное любой науке, прошедшей определенный путь своего образования и развития. Обосновываются «плюсы» и «минусы» плюрализма. К плюсам относится возможность расширения исследовательского пространства за счет введения нового языкового материала, а также использования иных подходов к объекту исследования, к минусам – низкий уровень аргументации, наблюдаемый в некоторых случаях при формировании новых концепций. В оппозиции к плюрализму находится редукционизм, который возникает при абсолютизации собственного или единственного подхода к объекту исследования. Во второй части дается анализ зарубежных и российских фонологических концепций: дескриптивная американская фонология, две разновидности порождающей фонологии – стандартная и естественная порождающая фонология, фонологическая концепция Н. С. Трубецкого, Московская и Ленинградская фонологические школы, концепция «позднего» Р. И. Аванесова, фонологическая концепция С. К. Шаумяна. Оценивается теоретический вклад каждой концепции в науку и возможность их прагматического использования. Концепции сопоставляются, во-первых, по соотносительности фонемы и звука, то есть по принципу отражения в фонеме акустико-артикуляционных характеристик звука и, во-вторых, по соотносительности фонемного состава в парадигматике и синтагматике. Концептуальные различия по данным параметрам свидетельствуют о проявлении плюрализма в области фонологических исследований.

Ключевые слова: фонема, фонологические концепции, звукотип, плюрализм, редукционизм, архифонема, смыслообразительные оппозиции.

Для цитирования: Трофимова Е. Б. Отражение лингвистического плюрализма в фонологических концепциях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 186 – 194.

Я могла бы начать статью с анализа фонологических концепций, а затем с опорой на них перейти к проблемам плюрализма. Однако, учитывая, что сами указанные концепции рассматриваются с позиций лингвистического плюрализма, логичнее пойти от общего к частному.

Прежде всего следует отметить, что само понятие *плюрализм* в отечественной лингвистике первоначально содержало отрицательную коннотацию. Общеизвестно, что А. А. Реформатский, выступая в Совете Института русского языка, назвал Р. И. Аванесова «плюралистом» за попытку совместить некоторые положения в концепциях МФШ и ЛФШ в 50-е годы.

Затрудняюсь сказать, когда в нашей науке кардинально изменилось отношение к плюрализму, во всяком случае в настоящее время плюрализм не относится к негативным явлениям не только в научной, но и языковой сфере. Я имею в виду проявление языковой вариативности. В. Г. Гак в своей монографии «Языковые преобразования» посвятил отдельную главу плюрализму в лингвистике [2, с. 13 – 61]. Поддерживая позицию П. Фейерабенда относительно значимости научного плюрализма, автор отмечает, что «для объективного познания необходимо разнообразие мнений, и метод, одобряющий такое разнообразие, является единственным, совместимым с гуманистической позицией» [2, с. 13]. Владимир Григорьевич обосновывает наличие лингвистического плюрализма спецификой самого языкового феномена. Среди объективных факторов, порождающих многообразие трактовок одних и тех же языковых реалий, автор выделяет: 1) недискретность многих языковых явлений, 2) асимметрию, свойственную языковым знакам, 3) многоаспектность языковых явлений» [2, с. 16]. Безусловно, следует также учитывать, что *Язык* как феномен действительности целостно не дан нам в непосредственном наблюдении. Кроме того, сложность теоретических изысканий в области лингвистики заключается в том, что языковед по отношению к языку одновременно реализуется в двух ролях – пользователя и исследователя.

Встает вопрос: любое ли разнообразие мнений отвечает интересам науки? Представим такую ситуацию: мы хотим описать некий объект, онтология которого остается не до конца выясненной. Одни исследователи относят данный объект к артефактам, другие – к натурфактам. При такой постановке задачи существование научного плюрализма исключается (во всяком случае с позиций науки сегодняшнего дня). Плюрализм строится на принципиальной возможности отношения «и – и», здесь же, по существу, приемлемо только «или – или».

В каких же ситуациях плюрализм способствует научному прогрессу? Это должна быть новая исследовательская программа или даже научная парадигма, открывающая иные возможности исследования объекта, как правило, за счет привлечения новых методов. Другой вариант, приемлемый для реализации научного плюрализма – не новые методы, а принципиально новый подход к анализу объекта. Опираясь на материал фонетических исследований, приведу по

примеру, каждый из которых иллюстрирует одну из указанных выше возможностей.

Пример первый, касающийся внедрения новых методов, – использование спектрального анализа звуков речи, что позволило при исследовании фонетических единиц опираться непосредственно на их акустические признаки. Первоначально анализ проводился на аналоговых спектрографах, с середины 90-х годов для тех же целей использовались компьютерные программы. В любом случае, использование звуковых анализаторов уточнило универсальную классификацию звукотипов.

Второй пример объясняет достаточно широкий спектр фонологических концепций, формирование которых, прежде всего, связано с различным пониманием онтологических свойств фонемы, в то время как использование тех или иных методов является вторичным. Сопоставим фонологические концепции С. К. Шаумяна и Р. И. Аванесова. В представлениях данных исследователей о фонеме фактически отсутствуют точки соприкосновения. С позиции Шаумяна фонема и звук принадлежат к разным реальностям, и дифференциальные признаки фонемы могут быть не только звуковыми, но и цветовыми, и вообще любыми, однако подлежащими шкалированию, поскольку фонема – конструкт. Для Аванесова такая позиция неприемлема, так как согласно его пониманию сущности фонемы, получить состав фонем можно только индуктивным путем: через анализ звуков. Следует ли при таких расхождениях считать обоих авторов фонологами? Как выясняется, можно. Множественность фонологических концепций проистекает из высокой степени абстрактности фонемы: Шаумян вводит уровневую градацию фонем, при которой индивидуальные фонемы и классы фонем, независимо от материального компонента, соотносимы.

Во второй части будут рассмотрены существующие фонологические концепции в аспекте лингвистического плюрализма. Как известно, с конца XIX века и до начала 60-х годов XX столетия фонология занимала ведущее место в лингвистике как за рубежом, так и в нашей стране. Теоретические исследования были тесно связаны с прикладными задачами. Фонетике приходилось решать целый ряд проблем, связанных с созданием письменности и реформами орфографии, обучением иностранным языкам, позднее – синтезированием речи. Обыденная логика подсказывает: чем проще устроен какой-либо объект, тем легче с ним работать. Односторонние формальные единицы проще двусторонних значимых. Таким образом, фонология становится опытным полем лингвистики, на котором апробируются как общенаучные, так и собственно лингвистические идеи. Известный закон, согласно которому количество информации обратно пропорционально встречаемости, научно обоснованный в первой половине XX века, на практике применялся со времен античности при создании письменности: древнеегипетское письмо было полностью консонантным. В более поздние эпохи фонология продолжала использоваться при создании национальных алфавитов для бесписьменных народов.

Сформировавшиеся в первой половине XX века направления в области фонологии довольно много-

численны. Поскольку их спектр весьма неоднороден и обширен, при отборе материала исследования я исходила, во-первых, из уровня отраженных в концепции идей, а во-вторых, учитывала, насколько отобранный материал может быть востребован в научной и педагогической деятельности лингвиста. В работе рассматривается семь концепций, четыре из которых принадлежат отечественным исследователям: Московская фонологическая школа, Ленинградская фонологическая школа, концепция «позднего» Р. И. Аванесова, двухступенчатая фонология С. К. Шаумяна и три зарубежных: концепция Н. С. Трубецкого и две концепции, разработанные американскими исследователями.

Спектр фонологических концепций неоднороден с точки зрения заинтересованности лингвистов в этой проблематике, что выразилось в различной степени детализации материала при описании представленных концепций. В начало вынесены американские концепции и двухступенчатая фонология С. К. Шаумяна, которые представлены обзорно. По отношению к американским теориям это связано с тем, что они формировались на общетеоретических идеях дескриптивной и порождающей лингвистики, и их следует рассматривать не отдельно, а в русле общих представлений, характеризующих американскую лингвистику 30 – 60-х гг. Что касается концепции Шаумяна, то причина ее обзорной представленности объясняется как сложностью самой концепции, так и отвлеченностью от практических задач лингвистики. Остальные отечественные школы, а также концепция Н. С. Трубецкого даются в сопоставлении с целью описать фонологическое пространство плюрализма.

Необходимо дать пояснение относительно непредставленности в данной статье концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ. Иван Александрович – замечательный ученый, впервые в качестве научной проблемы поставивший вопрос, как совместить физическое и физиологическое с социально-психологическим еще в 70 – 80-е гг. XIX века. Его две трактовки фонемы – одна с системно-структурных позиций, а другая – с антропоцентрических – лингвистам хорошо известны и в определенной степени реализованы в концепциях МФШ и ЛФШ. Однако Иван Александрович никогда не рассматривал себя в качестве создателя фонологической концепции.

Итак, дескриптивная фонология развивалась в русле идей американской дескриптивной лингвистики, объединившей структуралистов, работавших в 30-е гг. XX века в области фонетики и фонологии: Л. Блумфилд, Э. Сэпир, У. Твонделл и др. Под фонемой понимались специфические признаки звуков, обслуживающие восприятие и порождение речи. Такое представление о фонеме в определенной степени явилось отправной точкой для концепции Н. С. Трубецкого. Дескриптивисты на всех уровнях языка работали только с наблюдаемыми речевыми фактами.

Следующий этап в американской фонологии – зарождение и развитие порождающей фонологии в 60-е – 70-е гг. – представлен двумя периодами. Первый представлен стандартной порождающей фонологией Н. Хомского и М. Халле. На фонологию распространялся принцип анализа, первоначально используемый

при работе с синтаксическими единицами. Второй период знаменует постепенный переход от стандартной фонологии к естественной порождающей фонологии.

В отличие от дескриптивной лингвистики, генеративная, особенно в первый период, опиралась на общие законы языка. По-видимому, переход от дескриптивной фонологии к естественной порождающей объясняется трудоемкостью процедур анализа, введенного Хомским, и достаточно серьезной критикой Хомского не только в России, но и за рубежом. Ноэма Хомского принято критиковать за идею, согласно которой человек обладает универсальной врожденной языковой способностью. «В его мозгу отображены схемы организации языковой компетенции» [14, с. 38]. Автор не говорит о врожденности языка, речь идет о подготовленности при отсутствии патологии мозговых структур к овладению языком. Естественно, что в норме к моменту рождения ребенка все его системы, в том числе и мозг, должны быть подготовлены к функционированию. Тем не менее к теории Хомского можно предъявить некоторые претензии.

Прежде всего, как известно, Хомский использовал понятие *врожденной языковой способности* с целью объяснить, каким образом ребенок в первые полтора-два года овладевает языком. Ученый дискутировал с американскими психолингвистами первого поколения, которые полагали, что формирование языка происходит за счет ассоциативного моделирования $S \rightarrow R$. С моей точки зрения, позиция Н. Хомского была убедительнее, однако исследователю не удалось доказать, каким образом осуществляется взаимодействие ментальных структур с потенциальной языковой зоной. Во-вторых, фонологический анализ Хомского строился исключительно на синтагматике: таким образом игнорируются потенциальные смысловые различительные свойства звуков, степень их устойчивости.

Естественная порождающая фонология уменьшила разрыв между абстрактными фонемами и конкретными звуками. Так, Д. Стэмп одним из первых подверг критике сверхглубинные построения Н. Хомского и М. Халле (см. [6, с. 156]). Однако ни порождающая фонология Н. Хомского, ни естественная порождающая фонология в концепциях Стэмпа и Халле не решили проблему процессов перекодировки между двумя уровнями – фонемным и звуковым. Тем не менее в современной американской лингвистике генеративная грамматика сохраняет свою актуальность [17].

Фонологическая концепция С. К. Шаумяна, сформировавшаяся в начале 60-х гг. XX в., стоит особняком по отношению к фонологическим теориям других исследователей [15]. Однако, выйдя за пределы фонологии, мы достаточно быстро обнаруживаем истоки *двухступенчатой теории фонологии*. Американский структурализм был чужд Шаумяну [15, с. 4]. Исследователь опирался на европейский структурализм и ставил вопрос о необходимости коренной перестройки фонологии как таковой, не ориентированной на конкретный язык (как это наблюдается во всех рассмотренных выше концепциях). Однако Шаумян ошибался: концепция Трубецкого позволяет работать

с любым языком, что сам автор доказал в своих исследованиях.

Вывод Шаумяном фонологии за пределы определенного языка дает возможность полностью отказаться от использования индуктивного подхода к методике исследования через использование гипотетико-дедуктивного метода (так называемого «мыслительного эксперимента»). Автор выделяет три фазы при реализации гипотетико-дедуктивного метода: а) фиксация фактов, которые требуется объяснить; б) выдвижение гипотез, направленных на объяснение данных фактов; в) определение степени вероятности гипотез после проверки фактов, связанных с гипотезами [15, с. 19]. Опора на указанные фазы позволяет исследователю отобрать тот материал, который отвечает решению определенной теоретической проблемы [15, с. 19].

Здесь возникает законный вопрос: как определить уровень достоверности «мыслительного эксперимента»? Шаумян отмечает, что «Предметом науки служит не только эмпирическая данность, не только то, что есть, но также и то, что в принципе может быть» [15, с. 19]. Исследователь ссылается на известного физика Нильса Бора, сформулировавшего принцип дополнительности, который с середины двадцатого века применяется не только в физике, но и в других науках, в том числе и в гуманитарных. Принцип дополнительности используется в тех случаях, когда необходимо объяснить отношения между явлениями, наблюдаемыми в разных условиях. Автор работы делает следующий вывод: если фонемы используются для дифференциации означающих, имеет смысл проверить наличие возможности перевода акустической субстанции в другие виды субстанции, например цветовую. Тогда лексему *сон* можно условно пофонемно представить как [с] – зелёный, [о] – коричневый; [н] – красный, а лексему *нос* как [н] – красный, [о] – коричневый, [с] – зелёный. Использование цветовой гаммы возможно только на коротких словах, но и при этом роль смысловозначительной функции фонемы резко падает как при восприятии, так и порождении текста: возможности создания фонологических оппозиций на основе цвета ограничены.

Подводя итоги достаточно краткого экскурса в область двухступенчатой фонологии, следует отметить, что концепция С. К. Шаумяна представляет безусловный интерес с точки зрения сближения фонологических реалий с объектами, не данными в прямом наблюдении, однако ее трудно использовать для решения актуальных прикладных задач.

Особое, ни с кем не сопоставимое место в фонологии занимает Николай Сергеевич Трубецкой. Заслуги Н. С. Трубецкого перед мировой наукой были высоко оценены как западными, так и отечественными лингвистами. А. А. Реформатский в развернутой рецензии на монографию Н. С. Трубецкого, представленной в качестве Послесловия к «Основам фонологии», отмечает, что Трубецкой сложился как ученый в атмосфере Московской лингвистической школы: Николай Сергеевич действительно получил высшее образование в МГУ. Однако его фонологическая концепция ощутимо отличается как от идей, представленных Московской фонологической школой, так и от

принципов, характеризующих подход «ленинградцев» к фонеме. Если уж говорить о преемственности, то истоки концепции Трубецкого следует искать в общем теоретическом подходе к языку Фердинанда де Соссюра, в его противопоставлении *языка* и *речи* как *идеального* и *материального*, *синхронического* и *диакронического*, *общего* и *частного*, *сущности* и *явления*. Именно по этим параметрам Трубецкой разграничивает *фонему* и *звук*, определяя фонему как единицу языка, а звук как единицу речи. И еще: подобно тому, как Соссюр полагает, что язык и речь относятся к разным разделам науки, Трубецкой определяет фонетику как учение о звуках речи, а фонологию как учение о звуках языка. По мнению автора, фонетика относится к естественным дисциплинам, а фонология – к гуманитарным. В то же время исследователь не сомневается в тесной взаимосвязи фонологии и фонетики, например: «Утверждение о противоположности между глухими и звонкими шумными в русском языке, служащей для различения слов, принадлежит сфере фонологии. Однако сами понятия *звонкий*, *глухой*, *шумный* являются фонетическими» [13, с. 21]. Для любого специалиста в области фонологии центральным вопросом является смысловозначительная ценность фонемы. Трубецкой в разделе *Основные понятия* на первое место ставит не фонему, а смысловозначительную оппозицию, которая и является фонологической.

При сравнении концепции Н. С. Трубецкого с американскими исследователями обнаруживаются общие истоки, идущие от Ф. де Соссюра, заключающиеся в онтологическом противопоставлении языка и речи. Существенные различия заключаются в прикладной успешности концепций. Несмотря на прагматический вектор деятельности американских лингвистов, созданные ими методы оказались непродуктивными при решении поставленных задач создания письменности индейских народов. Напротив, теоретическая концепция Н. С. Трубецкого, включающая развернутые логические классификации смысловозначительных оппозиций разных типов, активно используется при описании фонематических систем языков мира и значима в теории и практике преподавания иностранных языков.

А. А. Реформатский высоко оценивает вклад Николая Сергеевича Трубецкого в мировую лингвистику: «Основы фонологии» – это самая богатая и насыщенная знанием фактов огромного количества языков всех континентов земного шара книга Трубецкого. Это подлинный венец его разносторонней и неисчерпаемой любознательности и трудоспособности. Поражает в книге Трубецкого и знание всевозможной фонетической и фонологической литературы от давних до современных ему изданий» [8, с. 360].

Основные отечественные школы – МФШ, ЛФШ, а также фонологическая концепция «позднего» Р. И. Аванесова (мне не хочется, вслед за Александром Александровичем называть ее плюралистической) хорошо известны отечественным лингвистам, поэтому по первоначальному замыслу предполагалось по завершению краткого обзора все семь концепций дать в сопоставлении. Однако, сравнивать можно только то, что в принципе сопоставимо. Поэтому в

данном случае внимание будет сосредоточено на следующих концепциях: МФШ, ЛФШ, самостоятельной концепции «позднего» Р. И. Аванесова и концепции Н. С. Трубецкого.

Не подлежит сомнению, что концептуальность по отношению к любому языковому материалу формируется на двух уровнях: парадигматическом и синтагматическом. Тем не менее только в фонологии функциональная связь между этими уровнями оказывается достаточно слабой. При определении фонемного состава языка особых разногласий не наблюдается, поскольку, независимо от теоретических установок, арсенал фонем любого языка выстраивается за счёт возможных противопоставлений между различными звукотипами. Количественное несовпадение числа фонем в одном и том же языке по концепциям колеблется весьма незначительно. В синтагматике отношения между фонемами основательно усложняются: они уже не ограничиваются попарной противопоставленностью, а соотносятся в пределах морфемы, и условиях их соотношения определяют фонемно-семантические связи. Понимание характера значимости данных отношений зависит от общетеоретических представлений исследователей. Почему, например, не совпадает архифонема Н. С. Трубецкого с гиперфонемой московских фонологов. Разные цели создают разные установки. Для Н. С. Трубецкого архифонема – это своего рода ущербная единица, поскольку под ней понимается «совокупность различительных признаков общих для двух фонем» [13, с. 87]. Опора на фонему как совокупность дифференциальных признаков позволяла использовать одни и те же признаки при анализе фонемного состава любого языка. Гиперфонема в концепции МФШ – это совокупность фонем в непроверяемой слабой позиции. Как цель, так и установка в данном случае иные: внимание приковано к тому, что имеется зона риска в системе орфографии. Прагматическая направленность в данной концепции выражена достаточно ярко. Спорным внутри МФШ является вопрос: фонема – инвариант или вариант в сильной позиции? С точки зрения онтологии объекта эти два представления отражают разную онтологию, но абсолютно не влияют на фонологический анализ текста. ЛФШ формировалась на экспериментальной платформе. В отличие от Московских фонологов представители этого направления не занимались орфографическими проблемами. На системноцентрическом уровне фонема является минимальным различителем, но не морфем, а словоформ. Сильные позиции на синтагматическом уровне особой роли не играют, поскольку звуки в слабой позиции в тексте подтягиваются к ближайшей по акустико-артикуляционным свойствам парадигматической фонеме.

Р. И. Аванесов в споре МФШ и ЛФШ выбравший центральную позицию оказал «медвежью услугу» прежде всего себе. Что такое его сильные и слабые фонемы? Это не более, чем звуки в сильной и слабой позиции, поскольку фонема – элемент другого уровня, чем звук.

Достаточно богатый спектр представлений онтологической сущности фонемы обусловлен не различным пониманием её функциональной сущности, а местом локализации – внутри звука находится фонема

или вне его. В свою очередь, при внешней соотнесённости фонемы со звуком, важным фактором, определяющим специфику данной единицы, является степень зависимости свойств фонемы от свойств звука. Например, в концепции С. К. Шаумяна фонема может быть реализована в самых разных материальных носителях: в цветовой гамме, в музыкальных звучаниях и даже запахах. С позиции Шаумяна важно наличие противопоставленности данных сигналов. Однако это единственная концепция, «освобождающая» фонему от связи со звуком.

О чем свидетельствует такая разнородность во взглядах на онтологию фонемы? Данное явление вполне объяснимо. Фонемы – языковые единицы, не данные в непосредственном наблюдении. Кроме того, это мельчайшие односторонние единицы плана выражения в языке, которые при любой оценке их онтологических качеств противопоставлены звукам. Вся «драма идей» формируется именно на этой, как выясняется не столь узкой, площадке: *звук – фонема*. Однако вопрос, какая точка зрения на фонему наиболее продуктивна, сохраняет свою актуальность. С онтологической точки зрения ответ пока не получен. Отсутствует он потому, что до сих пор нет единой, доказанной концепции происхождения языка. А чтобы такая концепция появилась, нужна непротиворечивая концепция взаимосвязи языка и мышления. Может быть, совместные исследования когнитологов разного профиля найдут ответ на поставленный вопрос. Тогда мы получим единую фонологическую теорию. Однако такая теория появится именно вследствие того, что в течение длительного времени в области фонологии присутствовал плюрализм.

Однако в существовании плодотворной научной вариативности заинтересована не только наука, но и прагматика. Например, если Вы преподаватель в вузе и ведете курс *Русская фонетика*, в который входит и орфография, наиболее целесообразно в качестве основной концепции давать студентам Московскую фонологическую школу. МФШ в большей степени, чем другие фонологические концепции направлена на обслуживание орфографической системы русского языка. Кроме того, изложение представления о фонеме с этих позиций позволяет гораздо отчетливее увидеть разницу между орфографией и орфоэпией при сопоставлении фонетической и фонологической транскрипции. В школе очень мало уделяют внимания орфоэпическим нормам, что одинаково вредно как для орфоэпии, так и для орфографии. Носители русского языка слышат не то, что произносится. Это хорошо просматривается при написании фонетической транскрипции и анализе отдельных звуков. Например, в глаголе *идеешь* студенты при артикуляционной характеристике звуков нередко указывают мягкость [ш]. В результате притупляется как фонетический, так и фонологический слух, что опосредованно отражается на нормах литературного произношения. Поэтому параллельное фонетическое и «московское» фонологическое транскрибирование весьма полезно для филологов-русистов. В свое время Михаил Викторович Панов разработал, с опорой на принципы фонологической синтагматики, оригинальную методику по обучению школьников младших классов русской ор-

фографии. Методика М. В. Панова была апробирована на младшеклассниках и дала замечательные результаты. Что же касается других фонологических направлений, то для специалистов данного профиля их можно дать в общем обзоре.

Если же Вы преподаете фонетику или общее языкознание на факультете иностранных языков, то в качестве базовой фонологической концепции, которая отвечает интересам учащихся и преподавателей, советуем ориентироваться на две концепции – Ленинградскую фонологическую школу и концепцию Н. С. Трубецкого. МФШ изначально была ориентирована, прежде всего, на проблемы русской орфографии, и только вслед за этим на общетеоретические вопросы фонологии, которые в основном разрабатывались на материале русского языка. Лев Владимирович Щерба, создатель Ленинградской фонологической школы, активно занимался типологическими вопросами, и, создавая основы фонологической концепции, естественно, использовал материал разных языков. Можно сколько угодно спорить по поводу теоретических построений «ленинградцев», но созданная ими фонологическая транскрипция, как и широкое поле оппозиций по разным основаниям Н. С. Трубецкого, с учетом фонологических принципов, определяющих устройство звукового континуума в разных языках, – все это способствует углубленному изучению фонетической системы языка. Фонологическая транскрипция «ленинградцев» удобна для всякого рода прикладных целей, что не снимает обоснованных концептуальных разногласий, связанных с трактовкой онтологических свойств фонемы.

Самостоятельная концепция Р. И. Аванесова, сформировавшаяся в пятидесятые годы двадцатого столетия, оказалась совершенно неожиданной как для московских, так и для ленинградских фонологов. В преподавании она особой роли не играет, поскольку формально в практике транскрибирования совпадает с позицией МФШ. С теоретической точки зрения весьма спорным является введение понятий «сильные фонемы» и «слабые фонемы» – фонема, если считать ее самостоятельной единицей, не относится к позиционным явлениям, и тогда градация по критерию отражения фонологических свойств в звуке немотивирована.

Проведенный обзор фонологических концепций показал, что при всех сходствах и различиях фонологических концепций, основным показателем, определяющим статус фонемы, являются степень и способ соотносительности фонемы со звуком. Чем больше в языке коррелятивных пар, тем легче он усваивается. Можно ли заменить звуковые сигналы на какие-нибудь другие, о чем пишет в своей монографии Шаумян? Конечно, можно, но они искусственные, и их возможности ограничены. Если представим шкалу распределения фонем в выше рассмотренных фонологических концепциях в зависимости от степени соотносительности фонемы со звуком (в направлении от большей зависимости к меньшей) то получим следующую градацию: Ленинградская фонологическая школа → фонологическая концепция «позднего» Р. И. Аванесова → Московская фонологическая школа → фонологическая концепция Н. С. Трубецкого →

американская естественная порождающая фонология → двухступенчатая фонология С. К. Шаумяна.

Сопоставительный анализ российских и зарубежных концепций свидетельствует о том, что расхождение фонологов в оценке фонемы связано не с типологическими свойствами языков, а с общей онтологией языка: сложностью его структуры, многомерностью отношений между единицами разных уровней языковой системы, неданностью языка, в отличие от речи, в непосредственном наблюдении. В этих случаях плюрализм неизбежен и продуктивен.

Бурные дискуссии в области фонологии, наблюдавшиеся в 50 – 70-е гг. прошлого столетия и описанные выше, постепенно затихли. Казалось, что теоретическая фонология исчерпала себя, так и не построив общей научной платформы, которая позволила бы совместить разные представления о сущностных свойствах фонемы. Как отмечает А. А. Соколянский, «фонология для современных лингвистов уже не является той наукой-эталон, какой она была относительно недавно не только для лингвистов, но и для представителей смежных гуманитарных наук» [11, с. 3]. Однако в последнее время отмечается возрождение интереса к фонологическим проблемам. Полагаю, что это объясняется неисчерпанностью потенциальных фонемных резервов, которые могут быть применены как для решения задач внутри данной научной дисциплины, так и за ее пределами. Какие же аспекты в фонологии в данное время привлекают внимание исследователей?

Прежде всего, это использование традиционных концепций при анализе нового фонетического материала языков, как правило, слабо изученных. Описываются как фонологические системы экзотических языков (например, [4]), так и различные варианты английского языка [10; 18]. Проблемная составляющая фонологического описания может игнорироваться, как в указанных выше примерах, либо актуализироваться. Так, Ю. В. Гаврилова посвятила свою диссертацию концепции Д. Р. Фёрса, близкого по своим взглядам к Трубецкому, при этом автор диссертации в качестве материала использовала просодическую экзотических языков, с которыми не работали другие исследователи [1]. При описании известных языков фокус фонологических исследований смещается в область супraseгментных единиц [12; 16].

С другой стороны, наблюдается потребность в реставрации отдельных положений в области теоретической фонологии, прежде не вызывавшие дискуссий. Так, Л. Л. Касаткин публикует статью в таком авторитетном издании, как «Вопросы языкознания», в которой подвергает критике общепринятое представление о фонеме как односторонней единице. По мнению исследователя, фонема имеет не только означающее, представленное звуковой оболочкой, но и означаемое, под которым исследователь понимает набор дифференциальных признаков, содержащихся в ней [5]. Г. Мороз осуществляет попытку создания идеальной фонологической модели через введение правил и ограничений [6].

Некоторые лингвисты возвращаются к решению вопросов, поставленных в свое время другими исследователями, но полностью не исчерпавших возмож-

ностей дальнейшего изучения. Как известно, А. А. Потебня обратил внимание на появление гортанного приступа между предлогом и следующим за ним существительным, возникающим при полном стиле произношения: к *Ире*, за окном. Позднее за этим явлением был закреплен термин *диэрема*. Вопрос о статусе этого явления остается не до конца решенным. И. Г. Добродумов и Л. А. Щербакова рассмотрели диэрему в русском языке в аспекте диахро-

нии как процесс оглушения звонких перед паузой, в данном случае выполняющей роль диэремы как предельной суперсегментной единицы [3].

Краткий обзор работ в области фонологии, появившихся в последнее десятилетие, показывает, что эта отрасль языкознания ни в коей мере не исчерпала себя, а разнообразие мнений, по-прежнему присутствующее в фонологии, свидетельствует о сложном устройстве самого объекта.

Литература

1. Гаврилова Ю. В. Лондонская лингвистическая школа и концепция Джона Руперта Фёрса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 21 с.
2. Гак В. Г. О плюрализме в лингвистических теориях // Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 13 – 61.
3. Добродумов И. Г., Щербакова Л. А. Два облика одного пограничного сигнала в русской фонологии // Фонетика сегодня: материалы докладов и сообщений VI Международной научной конференции 8 – 10 октября 2010 года. М., 2010. С. 44 – 48.
4. Ефимов А. Ю. Фонология языка каолан // Вопросы языкознания. 2013. № 6. С. 70 – 78.
5. Касаткин Л. Л. О природе фонемы // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 92 – 102.
6. Кодзасов С. В., Кривнева О. В. Современная американская фонология. М.: Изд-во МГУ, 1981. 194 с.
7. Мороз Г. Фонологические теории правил и ограничений. 23.10.2014. Режим доступа: https://www-academia.edu/8913040/Фонологические_теории_правил_и_ограничений (дата обращения: 27.02.2016).
8. Реформатский А. А. Н. С. Трубецкой и его «Основы фонологии» // Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 326 – 361.
9. Реформатский А. А. Попытка синтеза концепции Ленинградской и Московской фонологических школ и фонологический плюрализм // Из истории отечественной фонологии. М., 1970. С. 75 – 91.
10. Романова Е. Ю. Фонология австралийского варианта английского языка: национальная специфика или общеанглийские тенденции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 1(687). С. 222 – 232.
11. Соколянский А. А. Модель многоуровневой фонологии русского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 54 с.
12. Трофимова Е. Б., Кубарич А. М. Исследование уровня корреляции между китайским тоном и характером лексической эмотивности // Central Asian Journal of Basic and Applied Research. 2014. № 1. С. 51 – 62.
13. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / под ред. С. Д. Кацнельсона. Изд. 4-е. Сер. Лингвистическое наследие XX века. М.: URSS, 2012. 335 с.
14. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 126 с.
15. Шаумян С. К. Проблемы теоретической фонологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 195 с.
16. Янко Т. Е. К проблеме сопоставительного анализа просодии: одесский региональный вариант русского языка vs. русская разговорная норма // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 14(21): в 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 650 – 666.
17. Goldsmith J., Laks B. Generative phonology: its origins, its principles, and its successors' // The Cambridge History of Linguistics, edited by Linda Waugh, John E. Joseph, and Monique Monville-Burston. The Cambridge History of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press. Режим доступа: <http://people.cs.uchicago.edu/~jagoldsm/Papers/GenerativePhonology.pdf>. (дата обращения: 26.02.2016).
18. Boberg Ch. Reshaping the Vowel System: an Index of Phonetic Innovation in Canadian English // Penn Working Papers in Linguistics 17/2: Selected Papers from NWAV 39. 2011. P. 20 – 29. Режим доступа: <http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1190&context=pwpl>. (дата обращения: 26.02.2016).

Информация об авторе:

Трофимова Елена Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры восточных языков и методики преподавания иностранных языков Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В. М. Шукшина, umt2005@rambler.ru.

Статья поступила в редколлегию 20.02.2016 г., принята к печати 16.06.2016 г.

REFLECTION OF LINGUISTIC PLURALISM IN PHONOLOGICAL CONCEPTS

Trofimova Elena B.^{1, @}¹ Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University

@umt2005@rambler.ru

Abstract: The paper consists of two parts. The first part presents the overview of scientific pluralism as a phenomenon that pertains any type of science, which has held a certain way of formation and development over the years. The «pros» and «cons» of pluralism are considered. «Pros» include the possibility of expanding the research area by introducing the new language material, and through the usage of non-traditional approaches to the research object; «cons» include the low level of reasoning observed in some cases when forming new concepts. Reductionism opposes pluralism. It appears with the absolutization of a single or authors' approaches to the research object. The second part covers the analysis of the following foreign and Russian phonological concepts: descriptive American phonology, two varieties of generative phonology – standard generative phonology and natural generative phonology, the phonological concept of Nikolai Trubetzkoy, Moscow and Leningrad phonological schools, the concept of «late» Ruben Avanesov, phonological concept of Sebastian Shaumyan. Theoretical contribution of each concept along with the possibility of its pragmatic applicability is estimated. Concepts are compared firstly, according to the reflection of sound acoustic-articulatory characteristics in the phoneme (phoneme-sound correlation principle); secondly, according to the phonemic structure in paradigmatics and syntagmatics. The absence of complete match of these parameters in concepts indicates the manifestation of pluralism in the area of phonological research.

Keywords: phoneme, phonological concepts, allophone, pluralism and pseudopluralism, reductionism, archiphoneme, distinctive opposition.

For citation: Trofimova E. B. Reflection of linguistic pluralism in phonological concepts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 186 – 194.

References

1. Gavrilova Iu. V. *Londonskaia lingvisticheskaia shkola i kontseptsiiia Dzhona Ruperta Fersa. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [London linguistic school and the concept of John Rupert Firth. Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2010, 21.
2. Gak V. G. O pliuralizme v lingvisticheskikh teoriiakh [About pluralism in linguistic theories]. *Iazykovye preobrazovaniia* [Language conversion]. Moscow: Shkola «Iazyki russkoi kul'tury», 1998, 13 – 61.
3. Dobrodomov I. G., Shcherbakova L.A. Dva oblika odnogo pogranichnogo signala v russkoi fonologii [Two shape of the boundary of the signal in the Russian phonology]. *Fonetika segodnia: Materialy dokladov i soobshchenii VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 8 – 10 oktiabria 2010 goda* [Phonetics today: Proc. VI Intern. Sc. Conf. October 8 – 10, 2010]. Moscow, 2010, 44 – 48
4. Efimov A. Iu. Fonologiiia iazyka kaolan [Kaplan language phonology]. *Voprosy iazykoznaniiia – Questions of linguistics*, no. 6 (2013): 70 – 78.
5. Kasatkin L. L. O prirode fonemy [On the nature of the phoneme]. *Voprosy iazykoznaniiia – Questions of linguistics*, no. 2 (2009): 92 – 102
6. Kodzasov C. V., Krivneva O. V. *Sovremennaia amerikanskaia fonologiiia* [Contemporary American phonology]. Moscow: Izd-vo MGU, 1981, 194.
7. Moroz G. *Fonologicheskie teorii pravil i ogranichenii* [Phonological theory, rules and restrictions]. 23.10.2014. Available at: <https://www.academia.edu/8913040/> (accessed 27.02.2016).
8. Trubetskoi N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury, 1960, 326 – 361.
9. Reformatskii A. A. Popytka sinteza kontseptsii Leningradskoi i Moskovskoi fonologicheskikh shkol i fonologicheskii pliuralizm [An attempt of synthesis of the concept of Leningrad and Moscow schools of phonological and phonemic pluralism]. *Iz istorii otechestvennoi fonologii* [From the history of Russian phonology]. Moscow, 1970, 75 – 91
10. Romanova E. Iu. Fonologiiia avstraliiskogo varianta angliiskogo iazyka: natsional'naia spetsifika ili obshcheangliiskie tendentsii [Phonology Australian English: national identity or the general tendencies of English]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Bulletin of Moscow State Linguistic University*, no. 1(687) (2014): 222 – 232.
11. Sokolianskii A. A. *Model' mnogourovnevoi fonologii russkogo iazyka. Avtoref. diss. doktora filol. nauk* [Model multi-level phonology of Russian language. Dr. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2011, 54.
12. Trofimova E.B., Kubarich A.M. Issledovanie urovnia korreliatsii mezhdu kitaiskim tonom i kharakterom leksicheskoi emotivnosti [Studies of correlation between Chinese lexical tone and emotive character]. *Central Asian Journal of Basic and Applied Research*, no. 1 (2014): 51 – 62.
13. Trubetzkoy N. S. *Osnovy fonologii. Ser. Lingvisticheskoe nasledie XX veka* [Fundamentals of phonology. Ser. Linguistic legacy of the twentieth century]. Ed. Katsnel'sona S. D. 4th ed. Moscow: URSS, 2012, 335.
14. Chomsky N. *Iazyk i myshlenie* [Language and Thought]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1972, 126.
15. Shaumian S. K. *Problemy teoreticheskoi fonologii* [Problems of theoretical phonology]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962, 195.

16. Ianko T. E. K probleme sopostavitel'nogo analiza prosodii: odesskii regional'nyi variant russkogo iazyka vs. russkaia razgovornaia norma [On the problem of the comparative analysis of prosody: Odessa regional version vs. Russian language Russian spoken norm]. *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. T. 1: Osnovnaia programma konferentsii* [Computational linguistics and intellectual technologies. Vol. 1: The main program of the conference]. Iss. 14(21) (2015): 650 – 666.

17. Goldsmith J., Laks B. Generative phonology: its origins, its principles, and its successors'. *The Cambridge History of Linguistics*, edited by Linda Waugh, John E. Joseph, and Monique Monville-Burston. The Cambridge History of Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: <http://people.cs.uchicago.edu/~jagoldsm//Papers/GenerativePhonology.pdf> (accessed 26.02.2016).

18. Boberg Ch. Reshaping the Vowel System: an Index of Phonetic Innovation in Canadian English. *Penn Working Papers in Linguistics 17/2: Selected Papers from NWAV 39*. 2011, 20 – 29. Available at: <http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1190&context=pwpl> (accessed 26.02.2016).

Received 20.02.2016, accepted 16.06.2016.

УДК 81

ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ: ЕГО ГРАНИЦЫ И ФОРМЫ РЕЧЕВОГО ВОПЛОЩЕНИЯ

Л. О. Чернейко^{1, @}

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
@ avollis@mail.ru

Личность – это прежде всего интерпретирующий себя самого текст.
В. В. Налимов. Спонтанность сознания.

Аннотация: Статья посвящена проблеме двух видов обыденного сознания – метаязыкового и поэтического. Выделенные Р. Якобсоном метаязыковая и поэтическая функции языка рассматриваются с ориентацией на говорящего и на слушающего, что позволяет выделить "метатексты говорящего" ("узкий"=определятельный и "широкий"=оценочный, представленный рефлексивами) и "метатекст слушающего". Особое внимание уделено такому малоизученному речевому факту, как метатекстовые извинения, для которых отсутствуют общепринятые правила. В статье ставится также проблема изучения метатекста (в частности метаоценок) в научной речи.

Ключевые слова: обыденное сознание (метаязыковое и поэтическое), язык индивидуума, функции языка по К. Бюлеру и Р. Якобсону, "метатекст-узкий" и "метатекст-широкий", "метаизвинения", поэтическая функция языка с позиции говорящего и с позиции слушающего, метатекст как "послетекст".

Для цитирования: Чернейко Л. О. Обыденное сознание: его границы и формы речевого воплощения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 194 – 202.

1.1.1. Широта филологических интересов Николая Даниловича Голева и глубина проникновения в специфику изучаемых объектов определили высокую значимость полученных им результатов как для лингвистики (теоретической и прикладной), так и для литературоведения (анализ текстов художественных произведений). В свете когнитивных устремлений современной лингвистики особенно важным представляется практическая реализация в «Словаре обыденных толкований русских слов» той лексикографической концепции исследователя, которая ориентирована на выявление представлений среднестатистического носителя русского языка о семантике слова (в словаре это бионимы), обусловленных определенной степенью знакомства респондентов со стоящими за словами реалиями. В этих представлениях, вербализованных в толкованиях, полученных в ходе «массового эксперимента» с «рядовыми носителями языка» (не биологами), обнаруживается такой тип сознания, которое Н. Д. Голев называет «обыденным метаязыковым» и считает его настолько «крупным самостоятельным объектом лингвистического (и не только) изучения», что предлагает говорить «о

самостоятельной лингвистической дисциплине – разделе лингвистической гносеологии» [8, с. 5].

С такой установкой ученого нельзя не согласиться, поскольку обыденное сознание вообще (а не только метаязыковое как его разновидность) – один из приоритетных предметов лингвистического описания: именно оно выступает идемиургом всех других форм общественного сознания (научного, философского, морального, художественного и др.), и фоном, высвечивающим их специфику. Но и специфика обыденного сознания раскрывается исключительно в сопоставлении с другими формами сознания. Так, когда обыденно-практическое сознание характеризуют как менее структурированное и более поверхностное, то сравнивают его прежде всего с сознанием научно-теоретическим. Такое сравнение ценно для научного познания обыденного сознания, имеющего, по словам Н. Д. Голева, «не только абстрактно-теоретическую значимость, но значимость общественную» [8, с. 13 – 14].

1.1.2. Обращение к речевой «обыденности» (Л. В. Щербы), «обиходности» (А. М. Пешковский) не является приметой современной лингвистической си-

туации. Л. В. Щерба, рассуждая о слове *младенчество* (статья 1940 г.), отмечал, что оно не стало в современной ему речевой действительности пассивным, но «стало менее обыденным, чем оно было, по-видимому, во времена Пушкина; круг употребления его сузился» [27, с. 59]. Такого рода изменения должен фиксировать академический, нормативный словарь, в основе которого, по мнению Л. В. Щербы, «лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [27, с. 55].

Особо следует отметить, что Л. В. Щерба одним из первых ученых (если не первый!) соотнес толковый словарь (а это словарь академического типа по предложенной им лексикографической классификации) с языковым сознанием как культурной реалией социума, его объективной данностью. Он писал, что «хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю» [27, с. 65]. В связи с этим возникают два вопроса: о норме чего идет речь и что считать нормой применительно к такому сложному аспекту слова, как его семантика?

На первый вопрос Л. В. Щерба отвечает следующим образом: «в понятие литературного языка входит не только разговорный язык, но прежде всего соответственный письменный» [27, с. 59], однако ответ на вопрос «Который из них является ведущим?», по его мнению, «не так просто разрешается». И до сих пор проблема соотношения литературного языка и разговорного остается дискуссионной. Что касается позиции Л. В. Щербы по второму вопросу, то она им самим и определена. Выстраивая аргументацию вокруг соотношения термина как единицы хранения специального знания и общелитературного языка, он пишет о необходимости разграничения научных и «обывательских» понятий (на примере словосочетания *прямая линия*) и о том, что в отличие от ботаники, где растения «определяются по установленной системе», «в быту, а следовательно, и в литературном языке» они определяются совершенно иначе» [27, с. 68].

1.2.1. В отзыве на докторскую диссертацию «Абстрактное имя в семантическом и прагматическом аспектах» (1997 г.) мой оппонент Ю. Н. Караулов отметил как положительную черту методологической базы работы то, что исследование проведено «под знаком обоснования приоритета обыденного сознания» (с. 5 Отзыва), хотя предмет моего исследования – субстантивы, за которыми стоят сущности невидимого мира, своего рода артефакты. И сам термин «сознание» не что иное, как абстрактное имя существительное, под которым философия понимает «состояние психической жизни индивида, выражающееся в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях» [16, с. 589].

Общая психология видит в сознании «высший уровень психического отражения действительности <...> непрерывно меняющуюся совокупность чувственных и умственных образов, непосредственно предстающих перед субъектом в его “внутреннем опыте”» [12, с. 327], и в таком понимании пересекается с частными психологиями, например с психоанализом, фокусирующимся в определении сознания на «качестве акту-

альности, характеризующем наличные восприятия (внешние и внутренние) в общей совокупности психических явлений» [13, с. 485]. В приведенных определениях общим параметром сознания является “переживаемость” актуальных событий действительности как внешней, так и внутренней, переплавляющая их в индивидуальный опыт, обеспечивающий возможность самоотчета. З. Фрейд, как отмечают авторы «Словаря по психоанализу», напротив, считал «сознание фактом индивидуального опыта, доступным непосредственной интуиции» [13, с. 486], из чего следует, что вопрос о соотношении двух феноменов психики человека – сознания и опыта – и соответствующих им абстрактных понятий «сознание» и «опыт» остается открытым и для философии, и для психологии.

Для лингвистики важно то, что и в филогенезе, и в онтогенезе индивидуальный опыт человека является базовым механизмом в его повседневной и ежеминутной адаптации к окружающему миру, в том числе и адаптации речевой. Для когнитивной лингвистики важно и то, как вербализуются в разных сферах культуры и в разных функциональных стилях представления об этих абстрактных сущностях (о сочетаемости термина *сознание* в: [23]). В концепции Фрейда есть такие характеристики сознания, которые оказываются лингвистически релевантными, а именно параметр “различение”. Фрейд отмечает, что «сознание дает нам то, что мы называем качествами, т. е. разнообразные ощущения различия» [цит. по: 13, с. 486]. Эти «ощущения различия» составляют фундамент повседневного восприятия двух видов действительности – окружающей человека и представляющей собою разные круги его внешнего мира («ближнего» = дом, рабочий коллектив, друзья и «дальнего») и внутренней, составляющей мир его внутренних переживаний и самонаблюдений. Именно по этой причине повседневное восприятие является базой того, что принято называть «обыденным сознанием» и что составляет естественный фундамент всех других возможных проявлений индивидуальной психики во всех сферах человеческой деятельности.

Из сказанного следует, что доступ к сознанию как таковому (а это не что иное, как сознание индивидуума) открывается через а) восприятие (перцепцию) в первую очередь и главным образом внешнего мира, б) восприятие различий и их переживаемость и в) самоотчет в переживаниях, рождающий смыслы, но невозможный вне языка, вне его лексикона, т. е. вне семиотизированной действительности. Как писал В. В. Налимов, «само сознание представляется нам скорее всего как некий механизм – процесс, оперирующий смыслами» [15, с. 224]. Что касается разграничения типов сознания, то этот вопрос лежит, как представляется, в иных плоскостях – целеполагания и способов оречевления (вербализации) полученных эпистемологических результатов. Та же база и у разграничения типов обыденного сознания.

1.2.2. В связи с проблемой обыденного сознания теоретической опорой представляется концепция языка, языкового мышления и индивидуального языка И. А. Бодуэна де Куртенэ. Она раскрывается в следующих положениях: 1. «Реально существует только индивидуальный язык» [3, с. 193], «племенные или

национальные языки <...> являются чистой фикцией, лишенной объективного существования» [3, с. 191]; «язык племенной или национальный как целое, как собрание всего, что ему принадлежит, что к нему относится, существует только в идеале» [2, с. 211]; 2. «Человеческий язык, человеческая речь существуют только в мозгу, только в “душе” человека, а основная жизнь языка заключается в ассоциации представлений в самых различных направлениях» [3, с. 59]. Из этого положения вытекают два следствия: а) параметр “социальное” по значимости в характеристике языка и речи равен параметру “психическое”, однако их неравенство состоит в том, что социальность языка самоочевидна; б) «только ассоциация с внеязыковыми представлениями может придать словам вроде “консерватор”, “социалист”, “атеист” способность вызывать у некоторых людей чувство гнева, отвращения, ненависти» [3, с. 64]; 3. «Реальной величиной является не «язык» в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления» [3, с. 182], и «всё происходящее в языковом мышлении сводится к ассоциациям представлений или идей» [3, с. 177].

Концепция И. А. Бодуэна де Куртенэ имеет большую объяснительную силу для тех интенциональных предметов, которые сделала приоритетными когнитивная лингвистика. Например для объяснения того, почему так различаются лексикографические интерпретации слов и те, что получены в ходе ассоциативных экспериментов, и почему «единство» реального языкового сознания, о котором писал Л. В. Щерба, а также «единство» языковой картины мира социума, говорящего на одном языке, о котором так много пишут современные лингвисты, весьма условные характеристики.

Трудно, однако, согласиться с категоричным утверждением Бодуэна де Куртенэ, что язык нации – «фикция». Конечно, тот язык, который обеспечивает взаимопонимание членов одного культурного сообщества (но в масштабах страны, а не тусовки), – явление, объективно существующее в сознании членов этого сообщества. Однако вопрос о том, каков этот инвариант всех индивидуальных языков, а главное – каков состав инварианта лексикона и какова семантическая структура каждой его единицы, остается открытым, и для его решения требуются усилия многих научных коллективов. Так, лингвисты Ленинградской школы (В. Б. Касевич, А. В. Смирнова, Е. В. Ягунова) эффективно работают над решением такого «коммуникативно важного» вопроса, как перцептивный словарь (база восприятия речи) взрослых и детей с ориентацией и на грамматику, и на смысл. И подступом к решению этой наиважнейшей проблемы является изучение индивидуальных языков во всех аспектах, позволяющих больше узнать об обыденном сознании, границы которого устанавливаются безграничностью языка повседневности, если только не сводить темы повседневного общения к таким «потребительским» вопросам, как, например, *Где купить?*, *Сколько стоит?* и *Как пройти?*.

2.1.1. Три базовые функции языка, выделенные К. Булером в работе 1918 г. и получившие позднее окончательные названия «экспрессия», «апелляция» и «репрезентация» [4, с. 34], Р. Якобсон и пересмотрел, и

удвоил, завещав лингвистам исследовать язык «во всем разнообразии его функций» [28, с. 197]. Функции языка моделируются им на основании обобщения фактов речи. Метаязыковая функция, какой видел ее Р. Якобсон, проявляет себя тогда, когда «говорящему и слушающему необходимо проверить, пользуются ли они одним и тем же кодом» [28, с. 224]. Сверка кода, сверка связи означающего и означаемого (а в высказывании – референта), играя «важную роль в нашем повседневном языке» [28, с. 201], выявляет уровень языковой компетенции участников коммуникации, когда, например, в разговоре участвуют либо ребенок, либо инофон, либо представитель другой субкультуры.

Известная и широко цитируемая статья А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» [5] задала возможность расширенного понимания метаязыковой функции, проявление которой исследователи стали усматривать в любой направленности сознания говорящего на актуализированное слово. Можно констатировать, что в интерпретации метаязыковой рефлексии сложились по крайней мере два подхода, основанные на разном понимании термина «метатекст»: подход узкий («якобсоновский», определительный,) и подход широкий («рефлексивный»).

2.1.2. Узкий подход к пониманию термина «метатекст» представлен во всех экспериментально полученных толкованиях, в частности в тех, что нашли отражение в «Словаре обыденных толкований русских слов» под редакцией Н. Д. Голева. Но такие толкования могут быть и текстовыми («текстовые дефиниции»), причем это касается не только заимствований, в частности англоязычных, наводнивших периферию современного русского лексикона (особенно сферу специальной лексики), определение которых в текстах СМИ, рассчитанных на рядового читателя, выполняет объяснительную, «просветительскую» функцию, например, кинематографический термин *саспенс*. (*В кинематографе и литературе существует понятие «саспенс». Это нагнетаемая тревога, которая держит читателя в напряжении, подогревая желание узнать, что же дальше – ЛГ № 28, 2013*), но и значимых для культуры абстрактных слов, имеющих «валентность на интерпретацию» [21; 23], таких как *свобода*, *счастье* или *интеллигенция*: *Свобода – это когда ты не делаешь того, что тебе поперек души. Этого уже вполне достаточно (РР № 33, 2010); Это мое собственное определение интеллигенции – как ордена, в который нельзя вступить, но можно из него выпасть (И 10.10.2005); Счастье – это когда тебя понимают (к/ф «Доживем до понедельника»); Счастье – это когда все внутри замирает, и время замирает, и кажется, вот она, настоящая жизнь (Д № 7 – 8, 2002); Счастье – это когда? (О № 5, 2016); На самом деле рутина – это счастье (О № 49, 2014).*

2.2.1. Что касается широкого понимания термина «метатекст», то оно достаточно полно представлено во многих лингвистических работах, обобщенных И. Т. Вепревой [6], и, как уже было сказано, охватывает все аспекты проявления отношения говорящего как к чужой речи («рефлексивы» – термин И. Т. Вепревой), так и к своей (саморефлексивы). Как известно, средствами выражения оценки речи, характера и способа выражения мысли являются хорошо изученные вводные

слова и конструкции, например: *иначе говоря, коротко говоря, словом, другими словами, проще говоря, если можно так выразиться* и т. д., являющиеся метатекстовыми операторами (маркёрами номинации).

Существенное отличие рефлексивов от вводных слов и конструкций состоит в многообразии тех субъективных смыслов, которые они выражают. Важно и то, что метаоценки, представленные знаменательными словами и конструкциями, в частности именами прилагательными, могут быть направлены и на означающее, и на означаемое знака. Классификация метаоценок именно по этому основанию, а также по их более узкой направленности на содержание знака и/или на его функцию впервые была предложена в статье «Оценка в знаке и знак в оценке» [24], где метаоценки по вводимым ими смыслам разделяются на эмоциональные, эстетические, этические, рациональные, лингвистические.

Изучение метаоценок на большом речевом материале, извлеченных из СМИ и обыденных разговоров, позволило выявить такое требование обыденного сознания к номинациям, которое превратилось в своего рода лозунг «Называть вещи своими именами», являющийся едва ли не приметой той переломной эпохи (90-е годы), хотя корнями он уходит в далекое прошлое. В качестве материала исследования в статье представлены и такие языковые факты, в которых проявляется обыденное сознание, даже если источником этих фактов является художественный текст, например: *Пробуждение Козыря совпало со словом Диспозиция. Первоначально ему показалось, что он увидел его в очень теплом сне и даже хотел отстранить рукой как холодное слово* (М. Булгаков. Белая гвардия). В нарративе описано определенное состояние сознания персонажа, оценивающего восприятие слова, т. е. метаязыковое обыденное сознание.

Еще одной особенностью этой давней работы является сопоставление метаоценок, присущих обыденному сознанию носителя русского языка (например *деревня с угрюмым названием Мурыжиха, холодное слово «бизнес»*), с перцептивными параметрами звуков русского языка, выявленными в результате экспериментального изучения их восприятия [10], которое показало высокую степень их корреляции.

2.2.2. Для современной русской речи характерны «метаизвинения» [20], представляющие собою особую сферу лингвистики извинений. Они не связаны с предписаниями, с конвенцией, не связаны и с общей для всех нормой, поскольку ее нет, так как не существует общепринятых правил для всех сфер культуры, которые бы регулировали употребление метаязыковых извинений. Изучение «извинительных» речевых актов во всем разнообразии коммуникативных ситуаций является условием для типологического описания по причинам их возникновения, по «мотивам» метаизвинений.

Обширный материал для изучения метаизвинений дает речь публичная, где извиняются за «пафос» (таких например слов, как *предательство, нация победителей*), за «высокий слог» (*сопричастность*), за «просто-ту выражения» (идиома *нести пургу*), за специальные термины и профессионализмы: *И многие читатели были заточены, извините меня за это слово, не на интеллектуальную литературу* (ТВ 17.09.12); *Если мы,*

извините меня за моветон, просто вступую будем выкачивать деньги из бюджета, тогда ничего не получится (ТВ 29.03.13); *Они могут сделать из него, простите за психотерапевтическое выражение, овощ* (ТВ 18.04.2011), а также за некорректность словоупотребления, причина которой кроется в нестыковке стилистических регистров: *У нас в Москве множество названий, которые выполняют, уж простите, примерно ту же функцию, что и соя в докторской колбасе* (ЛГ № 27, 2012).

При этом само извинение может выражаться и имплицитно, облекаясь например в форму оправдания выбора слова: *Этот класс (речь об интеллигенции – Л. Ч.), эта прослойка – приходится употреблять этот термин, поскольку других нет...; Простите, нет другого термина, будем называть их «новой интеллигенцией», «креативным классом»* (ТВ 04.06.12); *Сейчас, в эпоху тотального пиара – употребляю не без брезгливости это слово...* (ТВ Март 2011). Особую роль играет устойчивый оборот *если хотите* (Они видели стрелку, то место, где каменный город врезается в Неву, они видели всю мощь этого города, его величие и могущество, если хотите. – РМ Июнь 2011), представляющий собой форму имплицитного извинения.

Но метаизвинения могут выполнять не только собственно «извинительную» функцию, которая связана с ответственностью говорящего, являющейся причиной коммуникативного акта и его условием, но и использоваться как прием «ложной значительности»: *Искусство, извините за высокое слово, сближает, тогда как религия разъединяет* (ТВ 26.05.12), а также вводить иронию и даже сарказм, которые связаны с отстранением говорящего от навязываемых социумом стандартов именования: *Сфера деятельности у них тоже определенная: искусство, гуманитарные науки, и массовая, извините за выражение, информация* (Изв 27.06.2014); *Класс, который сам себе присвоил высокое звание «креативный». На этой почве сформировалось мощное мафиозное, то есть, простите, «экспертное сообщество»* (Изв 27.06.2014). Метаизвинения, для которых нет ни логических, ни этических оснований, уже не являются таковыми в строгом смысле термина, они вводят оценку (неприятие) говорящим того явления, за именование которого он извиняется и имя которого он цитирует. В этом случае кавычки выполняют двойную функцию – и цитации, и иронии.

2.2.3. Следует отметить, что метаоценки присущи и научным текстам, которые базируются на обыденном сознании. Научная терминология, составляющая специфику научного знания, не может обойтись без лексики общеизвестной по причине отсутствия в научном языке достаточного количества «научных» глаголов и прилагательных [23]. Кроме того, в научном сознании тесно переплетены рациональные и эмоциональные способы постижения действительности (языковой/речевой в том числе), а ее «переживание» имеет свою форму выражения: *“Безысключительность”, свойственная всем фонетическим соответствиям и обобщениям, которые пышно именуются “фонетическими законами”* (А. И. Бодуэн де Куртене); *Из этих трех слов (storm, tempest, hurricane – Л.Ч.) storm мы ощущаем как наиболее общее по значению и, несомненно, наименее “пышное” слово* (Э. Сепир) – для

сравнения: *Рассыпалась деревянная церквушка, пышно именуемая храмом* (ЛГ № 28, 1986). Таким образом, выявление метаоценок в научном тексте может и должно стать перспективой лингвистического анализа метаязыкового обыденного сознания в научной речи.

2.3. Среди маркёров номинации, или метатекстовых операторов, есть целая группа глаголов именования, которые по разным идеографическим словарям [14; 18; 17] попадают в разные синоптические пространства не только по причине своей многозначности (1. *называть дату*; 2. *называть Пуговкой, Сашей*; 3. *называть красивым, глупцом*; 4. *называть “конструктивизмом”*), но и по причине лексикографических различий в ее интерпретации. Так, например, в [18] глагол *называть (назвать)* в значениях 3 и 4 не разграничивается и представлен в группе «Глаголы определения» подполя «Глаголы интеллектуальной деятельности» семантического поля «Действие и деятельность»; в [14] значение 4 не представлено, а в словаре [17] под одним значением, помещенным под рубрикой «Глаголы именования», даются сочетания *назвать Аней* и *назвать горшком*, тогда как значение 3 помещено в группу «Глаголы называния, приписывания признака», где представлен и фразеологизм *так называемый* в своих двух значениях – констатации (*так называемый римский нос*) и иронии (*так называемые друзья*). Примечательно, что значения глагола, представленные в контекстах *назвать адрес* и *назвать победителей Олимпиады*, словарь Н. Ю. Шведовой фиксирует как два самостоятельных значения, разведенных по разным семантическим группам.

Можно было бы продолжить увлекательное занятие сопоставления лексикографических интерпретаций семантики и других глаголов, через которые осуществляется в русской речи ввод наименований, однако задача видится иной. В статье О. Ю. Дементьевой [9] представлены и грамматические аспекты проблемы именования, и результаты тщательного и тонкого семантического анализа контекстов употребления глаголов *называть* и *называться*, но автор фокусирует свое внимание на тех предложениях, где субъект-номинатор представлен имплицитно, подробно описывая контексты реализации их «полярных» функций номинации и характеристики, предлагая семантическое обоснование «закавыченности» предложно-падежных форм зависимых субстантивов.

В этой статье отмечается, что в научном стиле речи чаще встречается глагол *называться*, чем *называть*. Объяснение этому факту состоит, как представляется, в семантико-прагматическом различии этих глаголов: в глаголе *называть* (в форме с имплицитным неопределенным субъектом *называют*) присутствует некоторое отстранение от того названия, которое вводится глагольной формой, а текст ожидаемо разворачивается как контраргументация (*Х называют У-ом, тогда как/между тем...*). Поэтому и эта форма не так частотна в научной сфере речи, как форма *называется*, в которой, напротив, выражается солидарность говорящего с общепринятым именованием или, по крайней мере, его нейтральность. Форму *называют* можно считать маркированной по параметру «несолидарность» говорящего с общепринятой точкой зрения, его особую позицию, которая в самой глагольной форме представ-

лена имплицитно, но является потенциально текстопо-рождающей. И это важный содержательный параметр, поскольку именно он направляет выбор и глагольных форм, и кавычек.

Проблеме кавычек посвящено достаточно много работ [11], но открытым, требующим лингвистического анализа остается вопрос о действующем механизме «закавычивания» зависимой словоформы при указанных глаголах, а также в конструкции *так называемый*, поскольку в тождественных семантико-синтаксических условиях в речи одних кавычки присутствуют (ср.: *называть “конструктивизмом”*), а речи других их нет (*то, что принято называть управлением*). Разумеется, этот механизм работает только в письменной речи, но и в речи устной он все чаще приобретает и вербальную (самой словоформой *в кавычках*), и интонационную, и жестовую формы (известный жест – сгибание двух пальцев обеих рук), изучение функций которых может и должен составить специальный лингвистический предмет, непосредственно связанный с метаязыковым обыденным сознанием.

3.1. В. В. Виноградов, анализируя модальные слова, вводящие оценку речи, отметил их следующую особенность: «Говорящий как бы не решается признать свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли. Поэтому он снабжает свои высказывания оговорками, стилистическими оценками и замечками» [7, с. 577]. По мнению М. Бахтина, «отбор всех языковых средств производится под большим или меньшим влиянием адресата и его предвосхищаемого ответа» [1, с. 280].

Функциональное сходство оценочных определений слов и вводных конструкций, содержащих оценку способа выражения мысли, заключается в том, что те и другие эксплицируют отношение говорящего к тем языковым средствам, которые он использует в речи. Но если модальные слова, комментирующие текст, отражают ориентацию говорящего на собеседника, а в прогнозируемых говорящим ответных реакциях адресата обнаруживается его портрет, то в метаоценках на первый план выходит говорящий со своим видением слова и языка. В фокусе внимания говорящего – само высказывание, а в комментариях к словам отражается взгляд «стихийного, наивного лингвиста», воплощающий его метаязыковое обыденное сознание.

3.2.1. Термин «поэтическая функция» Р. Якобсон определил и узко – как «проекцию принципа эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» [28, с. 204], и широко – как «сосредоточение внимания на сообщении ради него самого» [28, с. 202]. Развернутый комментарий к первому пониманию дан в [19]. Если говорить коротко, то «принцип эквивалентности» может быть применен только к воспринимаемому тексту, из чего следует, что узкое определение поэтической функции ориентировано на читателя (слушателя), тогда как широкое охватывает как кодирующее сознание (говорящего), так и декодирующее (слушающего). Но Р. Якобсон имел в виду отправителя текста, т. е. говорящего. Что же касается функции метатекстовой (как узкой, так и широкой), то она, по сложившейся традиции, ориентирована полностью на говорящего и связана с его сознанием.

Р. Якобсон утверждал, что метаязыковая и поэтическая функции диаметрально противоположны друг другу, поскольку «в метаязыке последовательность используется для построения равенств, тогда как в поэзии равенство используется для построения последовательностей» [28, с. 204]. Эти функции в их якобсоновском понимании действительно не равны друг другу. Различие между узко понимаемой метаязыковой функцией, заключающейся в направленности сознания говорящего на сообщение как на код (на соотношение означающего знака и референта), и широко понимаемой поэтической, состоящей в направленности сознания на само сообщение, проявляется в том, что относительной семантической определенности и абсолютной синтаксической замкнутости первой, которые задаются текстовой дефиницией (*Собака – это...; Свобода – это...*) или оstenсивным определением (*Это собака; Это автобус, а не троллейбус*) и находятся «в руках» говорящего, противостоит смысловая незамкнутость второй, порождающая по причине своей неоднозначности множество интерпретаций, прочтений, множество «послетекстов» (в духе понимания Аристотелем термина «мета» = ‘после’), которые принадлежат слушающему и как таковые находятся в его руках.

При этом широко понимаемый «метатекст» как любой комментарий, направленный на слово и выраженный оценочными прилагательными (*холодные, угрюмые названия, скучные, веселые, пугающие слова*), развернутыми оценочными суждениями (*Мне не нравится слово «попса» – из разговора; Я не согласен с термином «народные массы»* – ТВ 04.03.2012) или более сложными аксиологическими суждениями, когда оценивается лексикод (*Он перешел на язык войны* – ТВ 4.03.2012), так же обладает семантически-прагматической определенностью, замкнутостью. Он не создает пространства для интерпретаций, поскольку интерпретация говорящего эксплицирована и ясна для слушающего. И тем не менее во всех подобных случаях, которые по уже сложившейся традиции интерпретируются как широко понимаемый метатекст, проявляет себя и поэтическая функция языка как направленность внимания (resp. сознания) на сообщение «ради него самого». Иными словами, метатекстовая и поэтическая функции языка в их широком понимании не только не противоречат друг другу, не являясь «диаметрально противоположными», но совмещаются по параметру «направленность внимания говорящего на само высказывание». Однако «широкий метатекст» наследует такую черту «метатекста узкого», как «принадлежность сознанию говорящего», определяющую и его эксплицитность, и его замкнутость.

Важно отметить, что метатексты говорящего могут быть ориентированы как на означаемое знака (метатекст узкий, толковательный), так и на знак в целом в единстве его означающего и означаемого (метатекст широкий, оценивающий). Метатексты слушающего всегда имеют отправной точкой означающее, потому что только они представляют собою материю знака, с которой идеальные означаемые связаны ассоциативно.

Для говорящего в «толковательных» метатекстах означаемое знака (слова) – цель, которая реализуется в том, что слову (означающему, на которое получен запрос от собеседника – реального или мыслимого) дает-

ся определение, подыскивается адекватное, с точки зрения говорящего, означаемое. Формулы «метатекстов говорящего»: метатекста «узкого» – «от чужого означающего к экспликации своего означаемого», метатекста «широкого» – «означающее как оценка означающего и означаемого знака, чужого или своего». При широко понимаемой, но ориентированной на слушающего (читателя) поэтической функции, означающее текста реального собеседника (в диалоге – типичной форме проявления обыденного сознания и самой естественной форме коммуникации) может стать единственной причиной («толчком», стимулом) ответной реплики. Формула «метатекста слушающего»: «от чужого означающего к своему означаемому». Декодирующее сознание слушающего становится сознанием говорящего (кодирующим, текстопорождающим) в ответ на означающее, но при одном сугубо языковом условии: текстопорождающее означающее принадлежит асимметричному знаку [19].

3.2.2. Есть все основания связывать языковую рефлексивность говорящего с необходимостью «преодолевать коммуникативные помехи, создаваемые смысловой неопределенностью» [26] одна из причин которых – асимметрия языкового знака. При этом асимметрия знака может быть как языковой (X: *Он сказал, что надо делиться.* – Y: *А я не клетка, чтобы делиться*), так и сугубо индивидуальной (*Этот театр построен на статистах (в хорошем смысле)* – ТВ 27.09.2010): толковый словарь С. И. Ожегова фиксирует только одно значение слова *статист*.

В бытовых диалогах и полилогах, а также в диалогах жанра «ток-шоу» на телевидении отправной точкой второй реплики является многозначное слово первой (*горький, доверять, сдавать, разлит*): **1. X:** *Зато ты приобрела ценный опыт.* – **Y:** *Горький опыт.* – **X:** *Горький, как истина.* – **Y:** *А опыт он и есть истина;* **2. X:** *У котика не хватает сообразовки : он лезет под ноги.* – **Y:** *Почему «не хватает»?* *Просто он доверяет нам абсолютно.* – **Z:** *Как народ Сталину;* **3. X:** *Мне нужно сдать анализ крови.* – **Y:** *А я сегодня плащ сдала.* – **X:** *А что?* – **Y:** *Не понравился;* **4. X:** *И все-таки мне придется их сдавать.* – **Y:** *Анализ?* – **X:** *Экзамены;* **X:** *Правовой нигилизм разлит у нас во всем обществе, включая элиту.* – Ведущий: *Так ведь льется-то всегда сверху* (НТВ. 27.01.08).

Особого внимания заслуживают достаточно прозаические речевые ситуации обыденной жизни, не имеющие никакого отношения к подготовленным телевизионным перформансам, а отражают спонтанную жизнь языка и в большой степени обыденное сознание народа, но не метаязыковое, а бескорыстное – поэтическое, когда взгляд рядового носителя языка, обращенный к языковому выражению, «зацепившему» его обыденное сознание, рождает свой «метатекст», свою игру с языком, прочно стоящую на ассоциативном фундаменте сознания (X: *У вас есть липовый чай?* – Y: *Да любой берите, он у них весь липовый*).

Заключение. Нельзя не согласиться с утверждением Н. Д. Голева о том, что «поднять лингвистическую культуру – значит поддержать ту внутреннюю тенденцию обыденного метаязыкового сознания, которую выражает стремление носителей языка (пусть отдельных) к преодолению обыденности» [8, с. 13 – 14]. Под-

нять необходимо как лингвистическую культуру (а она связана с обращением внимания носителя языка и на его речевое воплощение, и на его устройство), так и культуру языковую, что требует изменения «среды языкового существования» (термин Б. М. Гаспарова), невозможной без существенных изменений культурной политики государства.

Если говорить о базовых языковых функциях, то следует признать, что узко понимаемая метаязыковая

функция сознания коррелирует с репрезентативной (познавательной, гносеологической), а широко понимаемая метаязыковая, а также поэтическая – с эмотивной (эксперессивной). И если научное сообщество приняло на законных основаниях такой тип сознания, как обыденное метаязыковое, то на тех же основаниях можно принять и сознание обыденное поэтическое.

Сокращения названий источников СМИ: Д – «Домовой», И – «Итоги», Изв – «Известия», ЛГ – «Литературная газета», О – «Огонек», РМ – «Русский мир», РР – «Русский репортер», ТВ – телевидение.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: АН СССР, 1963. Т. I. 384 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: АН СССР, 1963. Т. 2. 391 с.
4. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
5. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М.: Прогресс, 1978. С. 402 – 421.
6. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 380 с.
7. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высш. шк., 1972. 614 с.
8. Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3(4). С. 5 – 17.
9. Дементьева О. Ю. Контексты называния: семантика и лингводидактика // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 47. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 186 – 199.
10. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974. 160 с.
11. Зализняк А. А. Семантика кавычек // Труды Международного семинара «Диалог'2007» по компьютерной лингвистике и её приложениям. М., 2007. Режим доступа: http://philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (дата обращения: 25.02.16).
12. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431.
13. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М.: Высш. шк., 1996. 623 с.
14. Лексическая основа русского языка: комплексный учебный словарь / под ред. В. В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1984. 1168 с.
15. Налимов В. В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1989. 287 с.
16. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. 692 с.
17. Русский семантический словарь. РАН. Ин-т рус. яз. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 4. М.: Азбуковник, 2007. 923 с.
18. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
19. Чернейко Л. О. Асимметричный языковой знак в речи: к вопросу о взаимодействии смыслов в разных условиях их реализации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012. № 2. С. 7 – 40.
20. Чернейко Л. О. Культура речи в свете этики ответственности // Труды института Русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 2. М.: РАН Ин-т рус. яз, 2014. С. 245 – 260.
21. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М., 1997. 320 с.
22. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. Изд. 2, перераб. М.: УРСС, 2010. 272 с.
23. Чернейко Л. О. Метафизика и поэтика в научном идиолекте // Филологические науки. 2009. № 3. С. 15 – 25.
24. Чернейко Л. О. Оценка в знаке и знак в оценке // Филологические науки. 1990. № 2. С. 72 – 82.
25. Чернейко Л. О., Добровольский Г. В. Естественнонаучная картина мира В. В. Докучаева через призму его языка // Проблемы культурно-природного синтеза: сб. мат. конференции РАН. М.: Изд. Ин-та иняз, 2009. С. 189 – 195.
26. Шейгал Е. И. Рефлексивы в политической коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности / под ред. В. Б. Кашкина. Вып. 3. Воронеж, 2002. С. 133 – 141. Режим доступа: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-57> (дата обращения: 25.02.16).
27. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л.: ЛГУ, 1958. 183 с.
28. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс. С. 193 – 230.

Информация об авторе:

Чернейко Людмила Олеговна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, avollis@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 04.03.2016 г., принята к печати 20.06.2016 г.

ORDINARY CONSCIOUSNESS: ITS BOUNDS AND FORMS OF SPEECH

Cherneyko Ludmila O.^{1, @}

¹ Lomonosov Moscow State University
@ avollis@mail.ru

Abstract: The paper is devoted to the problem of two types of ordinary consciousness – metalinguistic and poetic. Selected by R. Jakobson, metalinguistic and poetic functions of the language are considered with a focus on speaking and listening that allows you to select “speaker metatexts” (“narrow” = “definitive” and “wide” = “evaluative” presented by reflexives) and “listener metatext”. Special attention is paid to such little-studied speech fact as “meta-apologies”, for which there are no conventional rules. The paper also raises the problem of studying the metatext (particularity meta-evaluations) in academic speech.

Keywords: ordinary consciousness (metalinguistic and poetic), an individual language, language functions by K. Buhler and R. Jakobson, metatext-narrow (definition) and metatext-wide (reflexive), meta-apologies, poetic function of language from the speaker’s position and from the listener’s position, metatext as “aftertext”.

For citation: Cherneyko L. O. Ordinary consciousness: its bounds and forms of speech. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 194 – 202.

References

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo, 1979, 424.
2. Boduen de Kurtene I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniiu* [Selected works on General linguistics by Boduen de Kurtene I. A.]. Moscow: AN SSSR, vol. I (1963): 384.
3. Boduen de Kurtene I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniiu* [Selected works on General linguistics by Boduen de Kurtene I. A.]. Moscow: AN SSSR, vol. 2 (1963): 391.
4. Biuler K. *Teoriia iazyka* [Theory of language]. Moscow: Progress, 1993, 528.
5. Vezhbitska A. Metatekst v tekste [Metatext in the text]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow: Progress, Iss. VIII (1978): 402 – 421.
6. Vepreva I. T. *Iazykovaia refleksiiia v postsovetsskuiu epokhu* [Linguistic reflection in the post-Soviet era]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002, 380.
7. Vinogradov V. V. *Russkii iazyk* [Russian language]. Moscow: Vyssh. shk., 1972, 614.
8. Golev N. D. Osobennosti sovremennogo obydennoogo metaiazykovogo soznaniia v zerkale obsuzhdeniia voprosov iazykovogo stroitel'stva [Features of modern everyday metalinguistic consciousness in the mirror of discussion of questions of language construction]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Bulletin of the Tomsk state University. Philology*, no. 3(4) (2008): 5 – 17.
9. Dement'eva O. Iu. Konteksty nazyvaniia: semantika i lingvodidaktika [The Contexts of naming: semantics and linguistics]. *Iazyk. Soznanie. Kommunikatsiia* [Language. Consciousness. Communication]. Moscow: MAKSS Press, Iss. 47 (2013): 186 – 199.
10. Zhuravlev A. P. *Foneticheskoe znachenie* [Phonetic value]. Leningrad: LGU, 1974, 160.
11. Zalizniak A. A. Semantika kavychech [Semantics quotes]. *Trudy Mezhdunarodnogo seminarra «Dialog'2007» po komp'iuternoi lingvistike i ee prilozheniiam* [Proc. Intern. workshop "Dialogue'2007" on computational linguistics and its applications]. Moscow, 2007. Available at: http://philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm (accessed 25.02.16).
12. *Kratkii psikhologicheskii slovar'* [Concise dictionary of psychology]. Ed. Petrovsky A. V., Yaroshevsky M. G. Moscow: Politizdat, 1985, 431.
13. Laplansh Zh., Pontalis Zh.-B. *Slovar' po psikhoanalizu* [Dictionary of psychoanalysis]. Moscow: Vyssh. shk., 1996, 623.
14. *Leksicheskaia osnova russkogo iazyka* [The lexical basis of the Russian language]. Ed. Morkovkin V. V. Moscow: Rus. iaz., 1984, 1168.
15. Nalimov V. V. *Spontannost' soznaniia* [Spontaneity of consciousness]. Moscow: Prometei, 1989, 287.
16. *Novaia filosofskaia entsiklopediia*. [New philosophical encyclopedia]. Moscow: Mysl', vol. 3 (2001): 692.
17. *Russkii semanticheskii slovar'* [Russian semantic dictionary]. Ed. Shvedova N. Iu. Moscow: Azbukovnik, vol. 4 (2007): 923.
18. *Tolkovyi slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description]. Ed. Babenko L. G. Moscow: AST-PRESS, 1999, 704.
19. Cherneiko L. O. Asimmetrichnyi iazykovoi znak v rechi: k voprosu o vzaimodeistvii smyslov v raznykh usloviakh ikh realizatsii [Asymmetric linguistic sign in speech: the question of the interaction of meanings in different conditions of their realization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya – Vestnik of Moscow University. Ser. 9. Philology*, no. 2 (2012): 7 – 40.
20. Cherneiko L. O. Kul'tura rechi v svete etiki otvetstvennosti [Speech in the light of accountability ethics]. *Trudy instituta Russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova – Proceedings of the Institute of Russian language. V. V. Vinogradov*, no. 2 (2014): 245 – 260.

21. Cherneiko L. O. *Lingvo-filosofskii analiz abstraktnogo imeni* [Linguistic and philosophical analysis of the abstract name]. Moscow, 1997, 320.
22. Cherneiko L. O. *Lingvofilosofskii analiz abstraktnogo imeni* [Linguophilosophical analysis abstract name]. 2nd ed. Moscow: URSS, 2010, 272.
23. Cherneiko L. O. Metafizika i poetika v nauchnom idiolekte [Metaphysics and poetics in the scientific idiolect]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*, no. 3(2009): 15 – 25.
24. Cherneiko L. O. Otsenka v znake i znak v otsenke [Evaluation of the sign and sign in the evaluation of]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*, no. 2 (1990): 72 – 82.
25. Cherneiko L. O., Dobrovol'skii G. V. *Estestvenno-nauchnaia kartina mira V. V. Dokuchaeva cherez prizmu ego iazyka* [Natural-scientific picture of the world by Dokuchaev V. V. in the light of its language]. *Problemy kul'turno-prirodnogo sinteza: Sbornik materialov konferentsii RAN* [Problems of the cultural and natural synthesis: Collection of materials of conference of Russian Academy of Sciences]. Moscow: Izd. In-ta iniaz, 2009, 189 – 195.
26. Sheigal E. I. Refleksivny v politicheskoi kommunikatsii [Reflexive in political communication]. *Teoreticheskaia i prikladnaia lingvistika. Aspekty metakommunikativnoi deiatel'nosti* [Theoretical and applied linguistics. Aspects metacommunicative activities]. Ed. Kashkin V. B. Iss. 3 (2002): 133 – 141. Available at: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-57> (accessed 25.02.16).
27. Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po iazykoznaniiu i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics by Shcherba L. V.]. Leningrad: LGU, vol. 1 (1958): 183.
28. Jakobson R. *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: "for" and "against"]. Moscow: Progress, 193 – 230.

Received 04.03.2016, accepted 20.06.2016.

УДК81'42; 81'71

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВА В ОБЫДЕННОЙ И СТИХИЙНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В. Д. Черняк^{1, @, *}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

@ vdcher@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов № 15-04-00318 («Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей») и № 15-04-00122 («Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты»)

Аннотация: В статье рассматриваются различные формы и способы представления семантики слова в обыденной и стихийной лексикографии. Обыденная лексикография представляет результаты метаязыковой деятельности испытуемых, реализуемой в процессе ассоциативного эксперимента по заданным лексикографами параметрам. «Народная лексикография», осуществляемая в проекте «Викилексия», даёт возможность объёмно представить все аспекты семантики слова в живом функционировании. Стихийная лексикография, особенно характерная для современной публицистики, демонстрирует формы освоения нового слова и представляет разные стратегии коммуникации автора и читателя. Особые очертания стихийная лексикография приобретает при интерпретации политической лексики. В художественной литературе стихийная лексикография особенно часто демонстрирует различия тезаурусов коммуникантов и способы преодоления коммуникативных неудач. Словарная форма, наблюдаемая в современной литературе, также использует элементы обыденной и стихийной лексикографии. В статье показаны сходства и различия в интерпретации семантики слова разными направлениями «народной» лексикографии.

Ключевые слова: семантика слова, обыденная лексикография, стихийная лексикография, языковая рефлексия, лексикографические проекты.

Для цитирования: Черняк В. Д. Представление семантики слова в обыденной и стихийной лексикографии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 202 – 207.

Многогранная научная деятельность Николая Даниловича Голева проникнута духом антропоцентризма, его работы и работы его учеников и последователей [см. 15] органично вписываются, по образному выражению В. Г. Демьянкова, в «парадигму с человеческим лицом» [7]. Разноаспектное исследование языковой личности и языкового сознания привело Н. Д. Голева к реализации новых лексикографических проектов, что представляется абсолютно закономерным. По справедливому замечанию В. Д. Девкина,

«все не пропущенное через словарь оказывается не полностью понятым, не всесторонне осмысленным. Только он обеспечивает обозримость, комплексность и системность рассмотрения» [6, с. 14].

Развитие в последние десятилетия отечественной ассоциативной лексикографии, в арсенале которой сегодня более 20 словарей, в том числе таких фундаментальных изданий, как «Русский ассоциативный словарь» [9, с. 196 – 204], принципиально ориентировано на словарное воплощение языкового сознания

носителя языка. Ассоциативные словари являются сегодня важнейшим инструментом разнообразных лингвистических исследований. Исследование семантики слова с помощью ассоциативных словарей «однозначно свидетельствует о несводимости реально существующего в сознании носителей языка значения слова к его краткой дефиниции в толковом словаре» [13, с. 175]; ассоциативные поля, получаемые в результате ассоциативных экспериментов, отражают значение слова как социокультурную реальность [14] и выявляют специфику как коллективного, национального, так и индивидуального языкового сознания (последнее особенно важно для изучения идиолекта писателя). Пристальный анализ ассоциативных полей свидетельствует и о том, что в свободном ассоциативном эксперименте отражается рефлексия испытуемых над словом, проявляющаяся как в толкованиях, представленных в качестве реакции (достаточно редких), так и в разнотипных реакциях, обнаруживающих языковую рефлексию лишь в процессе интерпретации результатов эксперимента.

Н. Д. Голев поставил перед исследователями актуальную задачу выявления разных направлений метаязыковой рефлексии рядового носителя языка и представления их в лексикографической форме. Эта задача нашла чрезвычайно интересную реализацию в «Словаре обыденных толкований русских слов» [12], отразившем коммуникативный опыт испытуемых, их рефлексию над часто используемыми словами. Очень представительной группе испытуемых (4 тыс. человек разных социальных групп и возрастов!) в доступной для рядового носителя языка форме задавались вопросы, стимулирующие метаязыковую деятельность (например: «Назовите первые пришедшее на ум фразы, в составе которых есть следующие слова?»; «Какие слова приходят на ум, когда Вы слышите следующие слова?»; «Как Вы считаете, почему так названо явление, обозначенное следующим словом?»; «Какие предметы и явления могут быть названы следующими словами?») [1, с. 48 – 49]. Ответы на вопросы задают формы репрезентации семантики слова (дефиниционная, ассоциативная и ассоциативно-номинативная) и определяют структуру словарной статьи (значение, ассоциации, фразы, объекты названия, созвучия, этимология). Первый том словаря («Лексика природы») представляет захватывающие сюжеты бытования слова в сознании современной языковой личности. Так, например, в толкованиях и ассоциациях своеобразно вырисовывается «расслоение языкового сознания на обыденное и научное, а лексики – на общеупотребительную и специальную» [8, с. 83].

Показательны в этом отношении попытки категоризации лексемы **арбуз** (ягода в научной картине мира, овощ, фрукт, плод – в обыденном сознании): *ягода; большая ягода; большая полосатая ягода; вкусный фрукт; большой сладкий фрукт с семечками; плод; огромный фрукт; сладкая мочегонная ягода; ягода, относящаяся к бахчевым культурам; ягода, хоть и большая по размеру; утоляющий жажду овощ; фрукт, растет на земле и т. п.* Своеобразное соотнесение обыденного, научного и квазинаучного знания обнаруживается в попытках истолкования ми-

фического существа. Ср. извлечения из зоны «значение» в словарной статье **единорог**: *животное с одним рогом; сказочное животное с одним рогом; мифическое животное с одним рогом; животное Африки; парнокопытное животное, имеющее один рог; древнее животное; животное из рода парнокопытных, имеющее отличный признак – один рог на лбу; млекопитающее; морское животное; рогатое животное из сказок.*

Особый интерес в «Словаре обыденных толкований» представляет, с нашей точки зрения, зона «**этимология**», в которой великолепно отражены попытки испытуемых вскрыть внутреннюю форму слова. Образцы наивной этимологизации показывают, сколь причудливыми оказываются ассоциативные связи в языковом сознании. В. М. Мокиенко, рассматривая весьма распространенные наивные этимологии русской фразеологии, отмечает, что обыденная лексикография открывает простор для псевдонаучных «герменевтических» толкований [10, с. 250]. Метаязыковая рефлексия не только актуализирует элементарную лингвистическую компетенцию, но и выявляет «ассоциативные проекции игрового слова» [4, с. 148]. Приведем некоторые примеры подобных «этимологий». **Абрикос**: *внутри содержится КОСточка (в нем есть косточка «кос»); кос – это от слова косточка; абри – заимствовано, «кос» – косточка; африканский кокос; брусника: от слова «брусок», «брус»; «ика» – окончание многих ягод, брус – может быть, листья похожи на бруски; от «рус», «обрусел», назвали приезжие люди; от слова обрусевший; бегония: бежит; пускает побеги; с иностранного языка означает «много побегов или цветов»; стебли как бы разбегаются от самого растения; бабочка: гусеница в коконе похожа на бочку; животное женского пола, туловище как бочка; окончание на «чка», потому что маленькая; от английского слова «бааттерфляй»; багульник: священный, от бога; растение Бога; растение свободно растет в поле, как бы «гуляет».*

Новый проект «Викилексия», реализуемый под руководством Н. Д. Голева [2], продолжает исследование обыденного метаязыкового сознания и «народной лексикографии» с опорой на возможности Интернета. В отличие от известных Википедии и Вики-словаря, преследующих чисто прагматическую цель быстрого получения необходимой справки, он опирается на научную концепцию обыденного сознания и призван актуализировать усилия непрофессиональных лексикографов. Четко заданные параметры (зоны) словарной статьи (обозначены цифрами) дисциплинируют лексикографов-любителей и направляют их метаязыковую деятельность для получения максимально полной информации о слове. Приведем два примера словарной статьи: одна лексема относится к обиходной лексике, другая – к общественно-политической.

АТМОСФЕРНО 1.1. душевно, весело, в приятной компании 1.2. слово употребляется после посещения какого-либо меро-приятия или заведения. Еще это слово можно употребить после того, как с друзьями посидели у кого-нибудь дома. 1.3. это слово носит позитивную оценку 1.5. «Атмосферно посидели!» 2.1. Слово нравится, необычное, непафосное, юморное

3.2. Атмосферно может быть на паре, когда с преподавателем поговорили о жизни. 3.3. Это слово встречалось на форуме, посвященном аниме. Но знаю его не оттуда.

ПРАВОСЛАВИЗАЦИЯ 1.1. сознательное или стихийное придание статуса (свойств, признаков) православной религии нерелигиозным явлениям. 1.2. в последнее время распространилось в прессе (видимо, после появления в школьных программах курса православной культуры). 1.3. негативный смысл (употребляется в основном в дискурсе противников усиления православия). 1.4. В 2000-х можно уже говорить о возникновении такого феномена, как православизация элиты; Дискуссия о «православизации» российской школы достигла точки кипения. 1.5. Еще не устоялось, поэтому пишется как в кавычках, так и без кавычек. 2.1. иноязычный суффикс -изация после русской основы уже не задает языковое чувство. 3.3. В интернете отмечено многократно (в Яндексе – на 1000 страниц). В словарях не зафиксировано. Было бы интересно исследовать данное слово, как и другие слова такого рода в плане использования – неиспользования кавычек.

Как справедливо отмечает Н. Д. Голев, основная сфера деятельности «народных лексикографов» – новая лексика, которая в силу своей непривычности и частой агнонимичности стимулирует метаязыковую рефлексию.

Попытки сформулировать значение нового слова обнаруживаются в так называемой стихийной лексикографии, представленной как в публицистике, так и в художественной литературе. Различие между этими двумя тесно связанными понятиями представляется существенным. Если обыденная лексикография, принципы которой убедительно сформулированы Н. Д. Голевым, осуществляется по векторам, разработанным профессиональными лексикографами, и в идеале должна представить объемный портрет слова в его повседневном бытовании, то стихийная лексикография фиксирует рефлексию (нередко спонтанную) говорящего или пишущего и направлена на достижение взаимопонимания между автором и адресатом. Активно используемое «стихийное» лексикографирование в современном дискурсе является естественной реакцией пишущих на происходящие в языке и обществе процессы, а также необходимым условием успешной коммуникации. В процессе метаязыковой деятельности автор (журналист или писатель) использует различные способы интерпретации нового слова, которые зависят и от жанровой природы текста, и от интенций автора, и от потенциального адресата. Приведем несколько примеров из различных типов текста:

Маваси – характерную набедренную повязку сумоистов – в России делают из плотного, жесткого материала, напоминающего пожарный гидрант. А вот в Японии ее изготавливают из шелка и льна (МК в Питере. 2–9. 10. 2013).

Клетки массово производят различные молекулы. Перемещают их внутри себя, посылают в окружающее пространство – наш организм. Но перед этим упаковывают эти молекулы в **везикулы** – микроскопические пузырьки. Именно в таких «контейне-

рах» «перевозятся» гормоны, управляющие многими функциями организма, нейромедиаторы, которые задействованы в передаче нервных импульсов (Комсомольская правда. 08.10.2013).

Перед ним стояла высокая, крупная женщина лет сорока. Впрочем, ее крупность вполне могла оказаться зрительно преувеличенной широкими брюками и широкой же клетчатой рубашкой. На ногах у нее были резиновые боты, заляпанные свежей землей, а голову перетягивала косынка... или это нужно называть «**бандана**»? Как правильно в наше время называть платок на голове? Зависит ли слово от того, кому принадлежит голова – женщине или мужчине? Или зависит от того, как сильно косынка надвинута на лоб? Или от узора на ткани? В вазильках – косынка, а с индийским орнаментом – бандана? Чудеса. Язык наш, может, и велик, и могуч, но отдельные его носители как-то не очень (Т. Гармаш-Роффе. Ведь я еще жива).

– Слушай, старик, тебе работа нужна? Такая тема... Словом, нам сейчас нужен будет человек на должность **хаускипера**.

– Кого-кого?

– Хаускипера. По старинке – начальника АХУ.

– По старинке ничуть не лучше.

– Ну, снабжение, понимаешь? Начальник административно-хозяйственного управления. Порошки-салфетки... ну, что там по хозяйству бывает...

Митя был сбит с толку поворотом событий и словом «хаускипер». <...> Митя взял англо-русский словарь <...> Он раскрыл на букву «Н» и нашел нужное слово. «Housekeeper, – прочитал он. – Домохозяйка» (Д. Гуцко. Русскоговорящий).

Очевидно, что различные объекты стихийного лексикографирования демонстрируют и различные стратегии автора: могут использоваться перевод, элементарное объяснение, раскрытие внутренней формы слова, описание значимых семантических компонентов. Заметим, что нередко газетные толкования дословно или почти дословно повторяют словарные статьи из Википедии, которая оперативно восполняет отсутствующую в лексикографических изданиях информацию. Как показывают приведенные примеры, стихийное лексикографирование в художественном тексте нередко осуществляется в игровой форме.

Как справедливо пишет Н. Д. Голев, «вопросы лингвистики на народных порталах естественным образом перетекают в вопросы политики, промежуточным звеном такого перехода выступают суждения участников дискуссий о проблемах, имеющих социолингвистическое, юрислингвистическое, этнолингвистическое содержание» [3, с. 35]. Убедительным подтверждением этому служат словарная форма, активно используемая в современной публицистике, интернет-проекты «Дар слова», «Слово года», «Неологизм года», «Словарь перемен». Словотворчество и неразрывно связанная с ним языковая рефлексия отражают непрерывные изменения в «живом русском речевом продукте», «драмы времени», «острые блюда» языковой эпохи [5]. При семантизации политической лексики на первый план выступает рефлексия не по поводу слова, а по поводу явления, им номинированного.

Словарная форма стала активно использоваться как литературный прием и в современной художественной литературе. Приведем в качестве примера книгу воспоминаний Ю. Рытхэу с примечательным названием «Дорожный лексикон». Разделы книги, представленные в алфавитном порядке, не только позволяют произвольно выбирать для чтения любой фрагмент текста, но и демонстрируют в отдельных частях явные пересечения со «Словарем обыденных толкований». В процессе когнитивной обработки новых впечатлений, человек соотносит увиденное с имеющимися в тезаурусе стереотипами. Разрушение стереотипа в процессе освоения действительности прекрасно показано в главе «Арбуз»:

«Соответственного слова в чукотском языке нет и не было. Об этом удивительном плоде теплой земли мне было известно совсем немного – по изображению в школьном учебнике по ботанике. Нечто полосатое и неправдоподобное. Встреча с настоящим удивительным плодом была удивительной и запомнившейся на всю жизнь. Это случилось поздней осенью 1948 года на пути с Чукотки в Ленинград. ...В своих скитаниях по городу мы забрели на городской рынок. ... Перед нами вдруг ожили бледные картинки из школьных учебников, баночных этикеток!... Мы несколько раз прошлись по рядам, вглядываясь в каждый плод – огурец, помидор, яблоко, морковь. Кое-что мы узнавали, но большинство земных плодов для нас были совершенно незнакомы...» [11, с. 23 – 24].

Приемы стихийной лексикографии в художественной литературе очень часто используются для демонстрации различий тезаурусов коммуникантов и способов преодоления коммуникативных неудач. Приведем несколько примеров:

Поздним вечером, перед уходом, я спросил:
– Что такое обертон, Наталья Дмитриевна?

Она не глядя, через плечо, сунула руку в стеллаж, вынула из толщи книг том энциклопедии с отгоревшим золотом на корочке и корешке, полистала и прочла: «Обертон» – ряд дополнительных тонов, возникающих при звучании основного тона, придающих звуку особый оттенок или тембр... (В. Астафьев. Обертон).

– Какая прелесть..., – выдохнула Катя. – Дом с мезонином.

– А что такое мезонин? – спросил Костя.

– От французского слова «мэзон» – значит дом. А мезонин – маленький домик.

– Откуда вы знаете?

– Я закончила искусствоведческий. Но вообще – это знают все.

– Кроме меня, – уточнил Костя (В. Токарева. Стрелец).

В заключение отметим, что при очевидной общности обыденной лексикографии, стихийной лексикографии и элементов дефиниций толковых словарей между ними наблюдаются существенные различия, связанные, прежде всего, с различными целями и различными стратегиями текстового воплощения языковой рефлексии. Стихийная лексикография в значительной степени основывается на интуиции пишущего, связана с его языковым вкусом, обыденная же лексикография, опирающаяся на заданные стратегии профессиональных лексикографов, призвана объемно представить семантику живого слова. Успешность стихийного лексикографирования зависит от уровня лексикографической компетенции пишущего, его знания словарей, умения выбрать оптимальные способы объяснения слова, от степени его ответственности перед читателем [15, с. 36]; успешность обыденной лексикографии определяется тщательностью проводимого эксперимента, продуманными формами интерпретации его материалов.

Литература

1. Голев Н. Д. «Викилексия» – народный интернет-словарь: инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2014. № 2(6). С. 31 – 67.
2. Голев Н. Д. (1) Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // Вопросы лексикографии. 2013. № 2(4). С. 48 – 64.
3. Голев Н. Д. (2) Обыденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты // Политическая лингвистика. 2013. № 4(45). С. 30 – 37.
4. Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова как основа лингвистической креативности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3. С. 148 – 157.
5. Гусейнов Г. Лексикограф в аду // Словарь перемен – 2014 / сост. М. Вишневецкая. М.: Три квадрата, 2015. С. 5 – 10.
6. Девкин В. Д. Очерки по лексикографии. М.: Прометей, 2000. 394 с.
7. Демьянков В. Г. Парадигма с человеческим лицом: человек и его язык // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию Ю. Н. Караулова: сб. статей. М.: Изд. РУДН, 2006. С. 391 – 414.
8. Денисов П. Н. О переходе словесного субъективизма в историческую необходимость // Словарь. Грамматика. Текст: сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. М., 1996. 480 с.
9. Козырев В. А., Черняк В. Д. Русская лексикография: век нынешний и век минувший. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 631 с.
10. Мокиенко В. М. Русская фразеология в Интернете (культурологические и историко-этимологические комментарии) // Медиалингвистика. 2013. Т. 1. С. 244 – 252.
11. Рытхэу Ю. Дорожный лексикон. СПб.: Журнал «Звезда», 2010. 520 с.
12. Словарь обыденных толкований русских слов: Лексика природы: в 2 т. Т. 1: А – М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов) / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та, 2011. 500 с.
13. Стернин И. А., Рудакова А. В. Проблемы создания психолингвистического толкового словаря русского языка // Вопросы психолингвистики. 2012. № 16. С. 174 – 183.

14. Уфимцева Н. В. Значение слова как отображение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2. С. 83 – 92.
15. Черняк В. Д. Стихийная лексикография как инструмент освоения нового слова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 3. С. 30 – 36.
16. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпилюной. М.: ЛЕНАНД, 2014. 640 с.

Информация об авторе:

Черняк Валентина Даниловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, vdcher@yandex.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., Принята к печати 20.06.2016 г.

LEXICAL MEANING AS INTERPRETED IN QUOTIDIAN AND IMPROMPTU LEXICOGRAPHY

Chernyak Valentina D.^{1, @, *}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia

@ vdcher@yandex.ru

* *The work was supported by the RFH Grant No. 15-04-00318 («Sociocultural factors as motivational basis for dictionary typology») and No. 15-04-00122 («Pragmatic potential of the language sign: semasiological and lexicographical aspects»)*

Abstract: The paper discusses different forms and means of lexical meaning representation in quotidian and impromptu lexicography, as well as common and different trends in word meaning interpretation within different subdivisions of folk lexicography.

By quotidian lexicography we understand the results of metalinguistic activity stimulated by associative priming experiments with pre-established lexicographic parameters. Studying folk lexicography that is thriving in the Wikilexia project allows for demonstrating all aspects of lexical meaning in its daily functioning. Impromptu lexicography, ubiquitous in contemporary journalism, sheds light on the means of interpreting new words and represents different communicative strategies employed by writers and readers, especially when dealing with interpreting words related to politics. In fiction, impromptu lexicography often shows the difference between thesauri of interlocutors and ways of overcoming communication breakdowns. Dictionary form as employed in contemporary literature also incorporates elements of quotidian and impromptu lexicography.

Keywords: lexical meaning, quotidian lexicography, impromptu lexicography, linguistic self-reflection, lexicographic projects.

For citation: Chernyak V. D. Lexical meaning as interpreted in quotidian and impromptu lexicography. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 202 – 207.

References

1. Golev N. D. «Vikileksiia» – narodnyi internet-slovar': innovatsionnyi leksikograficheskii proekt [Vikileksiia – a popular online dictionary: a lexicographical innovation project]. *Voprosy leksikografii – Problems of lexicography*, no. 2(6) (2014): 31– 67.
2. Golev N. D. (1) Slovar' obydennykh tolkovanii slov: kontseptsii i opyt realizatsii [The Dictionary of ordinary interpretations of the words: the concept and implementation experience]. *Voprosy leksikografii – Questions of lexicography*, no. 2(4) (2013): 48 – 64.
3. Golev N. D. (2) Obydennyi politicheskii diskurs: metaiazykovoi i metalingvisticheskii aspekty [Ordinary political discourse: metalinguistic and metalinguistically aspects]. *Politicheskaiia lingvistik. – Political linguistics*, no. 4(45) (2013): 30 – 37.
4. Gridina T. A. Assotsiativnyi potentsial slova kak osnova lingvisticheskoi kreativnosti: eksperimental'nye dannye [Associative potential of words as the basis for linguistic creativity: experimental data]. *Voprosy psikholingvistiki – Questions of psycholinguistics*, no. 3 (2015): 148 – 157.
5. Guseinov G. Leksikograf v adu [Lexicographer in hell]. *Slovar' peremen – 2014* [The Dictionary changes – 2014]. Comp. Vishnevetskaia M. Moscow: Tri kvadrata, 2015, 5 – 10.
6. Devkin V. D. *Ocherki po leksikografii* [Essays on lexicography]. Moscow: Prometei, 2000, 394.
7. Dem'iankov V. G. Paradigma s chelovecheskim litsom: chelovek i ego iazyk [Paradigm with a human face: the man and his language]. *Iazykovaialichnost': tekst, slovar', obrazmira. K 70-letiiu Iu. N. Karaulova* [Language personality: the text, the dictionary, the image of the world. To the 70th anniversary of Karaulov Yu. N.]. Moscow: Izd. RUDN, 2006, 391 – 414.
8. Denisov P. N. O perekhode slovesnogo sub'ektivizma v istoricheskuiu neobkhodimost' [The transition of verbal subjectivity in historical necessity]. *Slovar'. Grammatika. Tekst* [The Dictionary. Grammar. Text]. Ed. Karaulov Iu. N., Liapon M. V. Moscow, 1996, 480.

9. Kozyrev V. A., Cherniak V. D. *Russkaia leksikografiia: vek nyneshnii i vek minuvshii* [Russian lexicography: present and past age]. 2nd ed. Saint-Petersburg: Izd. RGPU im. A. I. Gertsena, 2015, 631.
10. Mokienko V. M. *Russkaia frazeologiiia v Internetе (kul'turologicheskie i istoriko-etimologicheskie kommentarii)* [Russian language in the Internet (cultural and historical-etymological comments)]. *Medialingvistika – Metalinguistic*, vol. 1 (2013): 244 – 252.
11. Rytkheu Iu. *Dorozhnyi leksikon* [Road lexicon]. Saint-Petersburg: Zhurnal «Zvezda», 2010, 520.
12. *Slovar' obydennykh tolkovanii russkikh slov: Leksika prirody. T. 1: A–M (ABRIKOS – MURAVEI) (478 slov-stimulov)* [The dictionary of ordinary interpretations of Russian words: the Vocabulary of nature in 2 volumes, Vol. 1: A–M (APRICOT – ANT) (478 words-incentives)]. Ed. Golev N. D. Kemerovo: Izd-vo Kem. un- ta, 2011, 500.
13. Sternin I. A., Rudakova A. V. Problemy sozdaniia psikholingvisticheskogo tolkovogo slovaria russkogo iazyka [Problems of creation of psycholinguistic explanatory dictionary of the Russian language]. *Voprosy psikholingvistiki – Questions of psycholinguistics*, no. 16 (2012): 174 – 183.
14. Ufimtseva N. V. Znachenie slova kak otobrazhenie sotsiokul'turnoi real'nosti [The meaning of the word as a display of socio-cultural reality]. *Voprosy psikholingvistiki – Questions of psycholinguistics*, no. 2 (2015): 83 – 92.
15. Cherniak V. D. Stikhiinaia leksikografiia kak instrument osvoeniia novogo slova [Spontaneous lexicography as an instrument of learning new word]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of the Novosibirsk state pedagogical University*, no. 3 (2014): 30 – 36.
16. *Iazykovaia lichnost': modelirovanie, tipologiiia, portretirovanie. Sibirskaia lingvopersonologiiia*. [Linguistic personality: modeling, typology, painting. Siberian lingopresley]. Ed. Golev N. D., Spilnaia N. N. Moscow: LENAND, Part 1 (2014): 640.

Received 01.02.2016, accepted 20.06.2016.

УДК 81'36

СЛОВО И ФОРМЫ СЛОВА: ДЕРИВАЦИОННЫЕ ТИПЫ, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ И ФУНКЦИИ

А. Л. Шарандин^{1, @, *}

¹ Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
@sharandin@list.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ, проект № 15-04-00448 «Язык как интерпретирующий фактор познания»

Аннотация: Проблема соотношения понятий «слово» и «форма слова» является одной из центральных проблем русской грамматики (морфологии) и связана с приоритетными направлениями современного языкознания в рамках общего антропоцентрического подхода к описанию языка. Рассмотрены деривационные процессы, связанные с понятием мотивации, которое определяет выделение разных типов деривации, объединенных когнитивно-коммуникативным подходом. Определена лингвистическая значимость понятия форм слова в качестве концептуальной структуры, «обслуживающей» концептуальное содержание слова-лексемы. Выделены основные функции языковых форм и их значимость для описания языка как многоуровневой системы. Представленное расширенное понимание формы слова позволяет решить ряд проблем методологического (вопрос об относительности содержания и формы в языке), теоретического (вопрос определения слова и разных типов форм слова) и практического характера (вопрос о включении грамматического материала в лексикографическую практику).

Ключевые слова: слово, форма слова, деривация, мотивация, интерпретация, функции слова и форм слова.

Для цитирования: Шарандин А. Л. Слово и формы слова: деривационные типы, лингвистическая значимость и функции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 207 – 213.

Понятие формы слова является одним из центральных в русистике, поскольку русский язык среди флективных языков мира обладает наиболее полной и разнообразной системой языковых форм. Естественно, содержание этого понятия осознается, прежде всего, в реализации языком коммуникативной функции, позволяющей осуществить его основное предназначение – быть средством общения. Но в этом случае мы имеем дело не столько с языком, сколько с его важнейшей ипостасью – речью, которая актуализирует «языковленную» семиотическим (знаковым) способом внеязыковую действительность в конкретных

речевых формах в рамках коммуникативного акта. Поэтому и принято разграничивать язык и речь, прежде всего, в плане их назначения: язык оказывается *средством* познания и хранения познанной информации в словаре, тогда как речь – это *процесс*, позволяющий использовать орудийную функцию языка в речемыслительной деятельности человека для реализации своих мотивационных целей. В связи с этим примечательно высказывание Н. Д. Голева о том, что «коммуникативную основу имеют все основные принципы мотивации» [3, с. 5]. А поскольку мотивационные цели разнообразны, то и коммуникативная

их реализация оказывается неоднородной, но при этом, как справедливо отмечает Н. Д. Голев, несмотря на очевидную неоднородность коммуникативной функции в мотивационной сфере, она в целом «может по праву претендовать на роль функции-доминанты» [3, с. 4].

В этом плане рассмотрим деривационные процессы, в основе которых понятие мотивации определяет сущность их выделения в качестве разных типов, но объединенных когнитивно-коммуникативным подходом. Включение когниции в союз с коммуникацией вполне закономерно, учитывая взаимосвязь и взаимодействие языка (речи) и мышления (сознания), но имея при этом в виду, что слово как языковая единица предполагает связь с абстрагирующей функцией сознания, а слово как речевая (коммуникативная) единица реализует конкретизирующую функцию сознания [11].

Прежде всего отметим, что понятие формы слова осознается в соотношении с понятием слова-лексемы, закономерно связанным с решением вопроса о границах слова как языковой единицы, который, в свою очередь, оказывается обусловленным от решения вопроса о разграничении разных видов деривации между собой. Все же эти вопросы неоднозначно представлены в теории и практике русского языка. Поэтому целесообразно выделить ключевые моменты в их рассмотрении.

Итак, *что мы понимаем под словом?* Ответ на него будет различным, поскольку термин «слово» имеет разное понятийное содержание в зависимости от того, объект (предмет) какой науки (дисциплины) он представляет. Наиболее часто его употребление связывали с языком и речью, где слово рассматривалось либо как языковое понятие – в значении совокупность словоформ, либо как речевое – в значении словоформы [9, с. 9; 8]. На наш взгляд, наряду с пониманием слова как языковой или как речевой единицы, следует иметь в виду представленность слова в обыденном сознании носителей языка, а также определение слова как семиотической единицы, т. е. безотносительно к языку и речи.

Отметим, прежде всего, связь слова со знаниями, отражающими определенный тип сознания. В этом плане обращает на себя внимание, что наличие слова оказывается тем «шифром», который определяет специфику коммуникативной системы человека в отличие от коммуникативной системы животных. Это связано с тем, что человек способен закодировать информацию о предметах и явлениях окружающего мира в слова, которые оказываются репрезентантами концептов как единиц сознания. В результате информация о предметах и явлениях действительности становится коммуникативно значимой. В этом случае слово выступает как орудие познания и средство общения. Но, с другой стороны, слово оказывается объектом познания, в котором концентрируются определенные знания о мире и языке как специфическом объекте действительности.

Знание – это та информация, которая коммуникативно значима. Вот почему знания присущи и животным. В данном случае знания обусловлены биологической жизнедеятельностью животных, имеющей своей целью передачу животным информации, свя-

занной с опытом существования той или иной популяции, с их общением. Средством же передачи этой информации у животных оказываются нерасчлененные (нечленимые) коммуникативные сигналы.

Но *слово как единица знания не присуща животным*, поскольку животные не располагают механизмом сжатия информации о действительности в рамках второй сигнальной системы, которая у них отсутствует. Знания же человека сформировались на основе дискурсивной практики и текстовой информации о том или ином предмете, явлении или событии. В итоге слово предстает как своего рода текст, в котором познаваемый объект действительности описывается с позиций его существенных признаков, позволяющих отличать данный предмет от другого предмета, т. е. осмысливается в предметно-понятийном аспекте и включается в состав высказывания (коммуникативного сигнала) на правах его члена, делая тем самым высказывание расчлененным (членимым). В этом принципиальное отличие коммуникативной системы человека от коммуникативной системы животных. Данные системы, будучи связанными с отражением и передачей коммуникативно значимой информации, т. е. со знаниями, различаются основным способом накопления и передачи этих знаний. У животных мы имеем ситуативные знания, передаваемые нерасчлененными коммуникативными сигналами, а у человека основным способом передачи информации оказываются расчлененные (членимые) коммуникативные сигналы (предложения-высказывания), важнейшим элементом которых является слово, хотя есть и нерасчлененные (нечленимые) высказывания, представленные, например, междометиями типа «Ах!», которые отражают знания-реакции в тех или иных ситуациях. Но по основному способу передачи информации человек получает событийные знания, отражающие предметно-признаковое познание действительности в форме, прежде всего, понятий, являющихся концептуальным содержанием слова. Поэтому рассмотрение проблемы осмысления сущности слова связано с основными видами мыслительной деятельности человека – концептуализацией и категоризацией. Однако результаты этих процессов нашли отражение не только в языке и речи, но и семиотике.

С точки зрения семиотики слово определяется как вербальный знак и оказывается своего рода аналогом того объекта действительности, обозначением которого оно является. Наиболее наглядно семиотический характер слова представлен в тематической группе. В связи с этим примечательна позиция В. В. Виноградова, который писал: «Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения слова, в сущности, еще лишены соотносительности языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически» [2, с. 16]. Таким образом, сознание человека направлено на фонетическое (звуковое) оформление названий, обозначений. И, следовательно, в *слове как семиотической единице отсутствует поня-*

тие формы слова как члена парадигматического ряда. С этой точки зрения лексические значения, отражающие предметы и явления окружающего мира, оказываются его репрезентантами, имеющими аналоговую, логическую форму, содержание которой связано с отражением представлений и понятий об этих предметах и явлениях действительности. В этом случае лексические значения, будучи аналогами естественных объектов, находятся как бы за пределами языка, за пределами слова как языковой единицы.

Семиотический подход в его связи с когнитивным подходом позволяет выделить у слова собственно знаковую (аналоговую) функцию, которую можно назвать *когнитивно-семиотической*. Наиболее наглядно семиотический характер слова представлен в тематической группе. Исследователи отмечают экстралингвистическую направленность ее содержания и считают, что слова в ней оказываются своего рода «слепоками», «фотографиями» тех или иных фрагментов действительности. Например, лексический состав тематической группы «Части человеческого тела» обусловлен физиологической организацией человека, строением его тела. И собственно языковых закономерностей, позволяющих описать связи между словами в тематической группе, по существу, нет [4].

Однако пребывание слов как семиотических единиц только в состоянии номинации (называния) объектов действительности не является конечной целью коммуникативного акта и речемыслительной деятельности человека. В этом случае слово, в принципе, оказывается коммуникативно не востребованным; оно, скорее всего, обслуживает ментальный лексикон индивида или индивидов. Но без наличия слов в их номинативной (семиотической, знаковой) функции невозможен дальнейший процесс включения номинативных знаков в коммуникацию как процесс передачи информации (значений), поскольку знание определенной (основополагающей) части этой информации, представленной словами, оказывается основой для социально-культурного взаимодействия адресата и адресанта и их взаимопонимания. Как отмечает Н. Д. Голев, «выражаемое содержание – это коммуникативно ориентированное содержание» [3, с. 5].

Более того, именно усвоение знаковой информации в слове (концептуального содержания) позволяет в дальнейшем использовать слова в той или иной языковой (речевой) форме в зависимости от коммуникативных целей. Именно включение в коммуникацию, представленную уже речемыслительными единицами (разного типа высказываний), позволяет слову в качестве номинативного знака реализовать свои функциональные речевые возможности, *изменить статус знака вообще (семиотический статус) на статус языкового, а точнее – речевого знака как единицы общения*. И это изменение статуса слова сопровождается *соотносительностью языковой формы и значения*, т. е. слово становится единицей языка как коммуникативной знаковой системы, где слово предстает в виде определенного морфологосинтаксического образования. Понятия материи и формы в этом случае не оказываются, как при семиотическом оформлении, полностью тождественными, поскольку понятие формы включает не

только звуковое, но и собственно языковое оформление – грамматическое. Это позволяет выделить собственно языковую (речемыслительную) – *когнитивно-коммуникативную* функцию, которая реализуется в виде того или иного дискурсивного образования, т. е. в виде слова как грамматически (морфологически и/или синтаксически) оформленного языкового знака [12]. В соответствии с этим можно выделить *коммуникативно-актуализированную концептуализацию*, которая оказывается противопоставленной собственно знаковой (семиотической) концептуализации. Однако и это противопоставление не обуславливает разграничения понятий «слово» и «формы слова», поскольку в этом случае понятия слова и формы слова оказываются совпадающими по своей структуре, обеспечивая соотносительность лексического значения и грамматических значений, обслуживающих его. В результате возникает отрицание самого понятия «словоизменение». Например, как различные слова рассматривались Д. Н. Ушаковым слова «рука», «руку», «руки», «пишу», «пишешь», «писать», ибо «различные формальные принадлежности внесли в значение основы различные видоизменения» [8, с. 83].

Немаловажно и то, что в случае только речевого оформления слова его словарное описание оказалось бы неэкономным, и словарь предстал бы в виде словоформ с сопоставленным каждой словоформе значением. В этом случае мы имели бы наиболее простую лингвистическую модель, которая предполагала бы слишком напряженное действие человеческой памяти и исключала бы более объемное собственно языковое моделирование. По мнению Т. В. Булыгиной, в принципе это возможно и выполнимо, но такое решение было неудовлетворительным [1, с. 55]. Поэтому в словаре слово предстает как *языковая единица*. В этом случае слово оказывается *парадигматически оформленной* единицей. В состав парадигмы слова входят, прежде всего, грамматические формы тех категорий, которые оформляют, структурируют частеречное концептуальное содержание слова.

Итак, с точки зрения собственно языка как знаковой коммуникативной системы, слово – это языковой знак, концептуальное содержание которого (т. е. лексическое значение) структурировано, прежде всего, парадигмой грамматических форм. Это и позволяет нам, с одной стороны, противопоставлять лексическое значение и грамматическое значения, а с другой стороны, говорить о слове как о единстве лексического и грамматического значений. В целом же слово оказывается *единством* сознания (когниции), семиотики (номинации, обозначения), языка (средства общения) и коммуникации (речевой деятельности) [12].

С точки зрения сознания (когниции): слово – лексический репрезентант концепта. С точки зрения *семиотики*: слово – это номинативный знак предметов и явлений действительности. С точки зрения *языка*: слово – это знак, лексическое содержание которого грамматически оформлено, что позволяет ему предстать в виде парадигматической единицы в словаре. С точки зрения *коммуникации*: слово – это синтагматическая единица, функционирующая в линейной рече-

вой цепи высказывания в той или иной грамматической форме.

В онтологическом плане эти аспектные определения слова предстают в своем единстве, с позиций которого слово можно определить следующим образом. **Слово** как языковой знак – это лексический репрезентант концепта, чаще всего понятийного типа, который имеет звуковую оболочку, является синтагматическим членом высказывания и предстает в той или иной морфологической форме, совокупность которых образует его языковую репрезентативную парадигму.

Каждая из этих составляющих имеет свои *основные единицы*: сознание представлено тем или иным типом концепта, чаще всего в виде понятия, сформированным посредством определенных мыслительных операций; семиотика представлена материализованным звуковым способом знаком, язык – словом-лексемой, а коммуникация – предложением-высказыванием, в составе которого слово предстает, прежде всего, в виде словоформы (слова-формы). В соответствии с этим сознание можно определить как деятельность мозга по формированию концептов; семиотика и язык оказываются средством номинации (называния, обозначения) этих концептов посредством слов, а коммуникация может рассматриваться как среда, в которой функционируют концепты, обозначенные словами в составе предложений-высказываний. В них слово, сохраняя свою номинативную ценность и самостоятельность, претерпевает различного рода видоизменения, связанные с его взаимодействием с другими словами в составе высказывания, что находит отражение в их морфологической структуре, представленной той или иной формой слова.

Языковое сознание в этом случае позволяет систематизировать результаты функционирования слова в плане концептуализирующей и категоризирующей функций языка. Это дает возможность моделирования речемыслительной деятельности человека с целью наиболее экономного представления процесса номинации и слово-формопорождения (деривации), а также тех языковых знаний, которые обуславливают осмысление этого процесса и его единиц. Именно в этом плане и может быть использован термин «лексема». Согласно В. В. Виноградову, «лексема» – это «слово, рассматриваемое в контексте языка, т. е. взятое во всей совокупности своих форм и значений» [2, с. 17]. В отличие от этого определения, на наш взгляд, *лексема* – это языковой знак, планом содержания которого является *только один какой-то лексико-семантический вариант*, а планом выражения – совокупность форм, реализующих его в речи. Но в ней лексема реализует лишь одну форму, лексически, грамматически и стилистически гармонирующую с другими лексемами в структуре высказывания. Выбор такой формы определяется речемыслительной деятельностью человека, коммуникативными и прагматическими целями говорящего [11].

С учетом этой исследовательской позиции понятие формы слова (лексемы) получает *расширенное понимание*. Это, естественно, обуславливает вопрос о правомерности такого расширения в отношении данного понятия и, соответственно, *вопрос о границах лексемы*, т. е. необходим ответ о том, когда мы имеем

дело с одной и той же моделью номинации, а когда – с разными моделями номинации. Другими словами, *что* определяет переход от одной лексемы к другой?

Как и слово, термин «лексема» также неоднозначно представлен в лингвистической литературе. Однако он позволяет достаточно однозначно противопоставить два процессуальных явления, связанных с деривационным процессом – формообразование и лексемообразование.

Лексемообразование – это всегда *процесс образования нового понятия, нового ЛСВ, нового ядерного лексического значения*. Последнее понятие требует, конечно, уточнения, поскольку предполагает выделение в структуре лексического значения ядерного и неядерного компонентов. *Ядерное лексическое значение слова* как языковой единицы – это неосложненное коннотативными, модификационно-словообразовательными и стилистическими компонентами семиотическое концептуальное содержание, оформленное только грамматикой как концептуальной структурой. Ядерный лексический компонент является *обязательным* для общей семантической структуры слова, включающей, наряду с ним, обязательный грамматический компонент. Другими словами, *семантическую структуру слова* в этом случае можно определить как *минимальную* и противопоставить ей *расширенную* семантическую структуру, включающую факультативные семантические компоненты неграмматического характера. Здесь важно учитывать *модель мотивации*. Если производное образование включает в свой состав, помимо ядерного лексического значения, *факультативный* семантический компонент коннотативного, стилистического и модификационного словообразовательного характера, выраженный морфемным способом, то данное производное образование квалифицируется как *неграмматическая форма* лексемы [13].

В этой модели мотивации важнейшим компонентом является *тождество лексического значения* у различных деривационных образований. Поэтому важно определиться в понимании этого тождества. На наш взгляд, это тождество должно иметь семиотическую природу обязательного лексического компонента в семантической структуре слова. А все различия грамматического, коннотативного, модификационного, стилистического характера рассматриваются как связанные с концептуальной структурой этого концептуального содержания и оказываются включенными в состав форм этого слова (лексемы).

В качестве структурных семантических компонентов, обслуживающих ядерное лексическое значение, можно выделить обязательные грамматические компоненты и факультативные неграмматические компоненты.

На наш взгляд, мы имеем следующие *виды (типы) деривационных процессов*, направленные на образование различных форм реализации лексического значения в коммуникативном процессе. В рамках общего процесса формообразования выделяются грамматическое и неграмматическое формообразование, которое противопоставлено лексемообразованию. В системе грамматического формообразования выделяются морфологическое и синтаксическое формообра-

зование, представленное, соответственно, словоизменением и трансформацией. В системе неграмматического формообразования выделяются модификационное словообразовательное формообразование (способы глагольного действия, способы представления субстанции), коннотативное формообразование и стилистическое формообразование [10].

Человек делает достоянием своей памяти и сознания не только конкретные выражения (высказывания), но и результаты абстрагирующей функции языка – формы. Если человек знает, что это форма 1-го лица единственного числа настоящего времени, то эта форма является значимой для него, поскольку она объективирует ряд типичных конкретных высказываний, описывающих ситуацию действия говорящего в данный момент речи как реальный факт. Он овладевает знанием лексического значения слова, но не затрачивает при этом усилий на реализацию формы данного слова в определенном контексте. Поэтому и важно определиться в разграничении понятий «слово» и «форма слова», поскольку их функции принципиально различны: «слово» как языковой знак объективирует окружающий нас мир, а «форма слова» как речевая единица – отношения между различными сторонами этого мира. Это не означает, что формы слов не объективируют действительности. Они объективируют, но их объективация вторичная, результат преломления в сознании человека той первичной объективации, которая осуществлена знаковым (семиотическим, лексическим) способом. Поэтому важно, после выявления первичной, семиотической, объективации, установить механизм и формы реализации вторичной объективации, той категоризации, которая функциональна в узком смысле слова, поскольку сориентирована на высказывание, на функционирование языкового знака (слова) в высказывании, в тексте.

С точки зрения концептуальной структуры эти формы отражают динамические процессы в человеческом сознании, объективируя его в языковых формах. В рамках модификационного словообразования это проявляется, например, в способности того или иного способа действия указывать на частный характер протекания действия по отношению к общему, исходному представлению протекания действия, которое характеризует действие как таковое, вне какого-либо конкретного проявления временных, количественных и специально результативных отношений.

То же самое представляют собой мотивационные отношения и в способах представления предмета (субстанции) у существительного, когда субстанция (предмет) оказывается вовлеченной в восприятие ее со стороны каких-то частных количественных характеристик, которые сохраняют с существительным, называющим предмет как таковой, денотативно-понятийную общность, но вносят при этом «дополнительные смысловые оттенки» (ср.: *лист* – *листва*, *листик*, *листик*; *изюм* – *изюмина*, *изюминка*).

Структура мотивационных отношений, представленных коннотативными формами, хотя и отражает их производность в отношениях с нейтральной (в смысле коннотации) производящей формой (напри-

мер, *брат* – *братик*, *братишка*), но, как и в случае со способами глагольного действия и со способами представления предмета, мы имеем дело с модификационным словообразованием, только формантная часть производной структуры слова выражает концептуализацию сферы «чувство – оценка».

В функциональном отношении коннотация, представленная экспрессивным, эмотивным и оценочным значениями, «обслуживает» лексическое значение с целью передачи информации через «чувство – отношение» говорящего к обозначаемой действительности. Противопоставление лексического и коннотативного значений обусловлено их различной природой в структуре знания. Как отмечает М. В. Никитин, связывая лексическое (денотативно-сигнификативное) содержание с понятием когнитивного значения, а коннотативную информацию с прагматикой, мы наблюдаем, что «объективированное, внепрагматическое знание мира, его сущностей, их признаков, связей и зависимостей упорядочено в когнитивных структурах знания» [6, с. 30], а прагматический компонент «относится к информации о субъективном отношении, оценке, переживании означаемого факта, субъективной установке индивида на этот факт» [6, с. 31].

При этом важным представляется рассмотрение вопроса о характере их взаимодействия и взаимосвязи. По мнению М. В. Никитина, примеры типа *старик*, *старикашка*, *старец* свидетельствуют о том, что «субъективные интересы питаются объективным знанием». [6, с. 31]. Отношения между когнитивным и прагматическим значением, таким образом, сводятся к тому, что «прагматическое значение языковых единиц там, где оно дополнительно к их когнитивному значению» [6, с. 54].

Что же касается стилистических форм типа «*жить* – *проживать*», «*прочитать* – *прочесть*», «*лиса* – *лисица*», «*тетрадь* – *тетрадка*», то производность их структур, на наш взгляд, хотя и отмечена морфемными показателями, но она в содержательном плане в большей степени демонстрирует отношения вариантности или сосуществования, о чем свидетельствует словарное толкование стилистических форм. Например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова для этого используется оператор «*то же, что*» (ср.: *тетрадка* (разг.) – то же, что *тетрадь*; а в «*лиса* – *лисица*» этот оператор употреблен не в отношении толкования *лисица*, а в словарной статье *лиса*: *лиса* – то же, что *лисица*). В этом случае мы имеем концептуализацию сфер общения, которые оказываются социально значимыми в коммуникации. Языковая их «закрепленность» является важным моментом в понимании взаимосвязи стиля и сферы общения, так как язык обслуживает человека (общество) в самых различных областях его жизни и деятельности. Естественно, «откликнуться» и отразить все формы и случаи человеческого общения язык не может. Но наиболее коммуникативно значимые сферы общения оказываются маркированными теми или иными языковыми средствами. Компонент «стилистическое значение» включается в общую семантическую структуру слова на правах равноправного с другими компонентами с точки зрения отражательной

сущности языка, и на правах факультативного по отношению к ядерному лексическому компоненту.

В итоге появляется возможность представить наиболее экономный способ описания лексической системы русского языка на уровне выделения частей речи, поскольку *грамматические и неграмматические формы слова-лексем* исключаются из числа собственно языковых знаков, из числа лексических единиц, подлежащих классификации. Но при этом они включаются в состав парадигмы лексем и тем самым фиксируют ее концептуальное пространство с точки зрения уникальности плана содержания лексемы. Это, в свою очередь, должно найти отражение в лексикографической практике. Выделенные виды (типы) форм не должны иметь самостоятельной словарной статьи. Они включаются в словарную статью той лексемы, лексическое значение которой «обслуживают» в качестве форм.

Таким образом, лингвистическая значимость понятия *формы слова-лексем* определяется тем, что форма слова не участвует в лексической классификации, отражающей категоризацию действительности. Предметом лексической категоризации и представлением ее результатов в соответствующих классификациях является лексема, по отношению к которой форма слова выступает как план выражения, хотя при этом форма слова также имеет свое содержание. Такая ситуация в языке оказалась возможной в силу того, что понятия «содержание» и «форма» имеют относительный характер: то, что на одном уровне является содержанием, на другом, более высоком уровне вполне может оказаться формой (С. Д. Кацнельсон, А. А. Потебня и др.).

В результате языковые формы в составе лексемы обладают следующими взаимосвязанными функциями: 1) формы отражают определенное видение действительности человеком, тем самым концептуализируя и категоризируя ее в языке (например, формы грамматических категорий). Поэтому у формы слова (лексемы) наблюдается своего рода двойная референция: «...отсылать и к действительности, и к языку» [5, с. 407]; 2) формы оформляют, будучи содержатель-

ными сущностями, лексическую объективацию концепта, репрезентированного лексемой (например, парадигматическое оформление словарного слова); 3) формы выражают отношения слов в структуре высказывания или текста, позволяя экономно и без ущерба коммуникации передать необходимую концептуальную информацию об окружающем мире (например, структурное синтагматическое согласование словоформ); 4) формы выполняют текстообразующие функции (например, синтаксическая деривация); 5) формы отражают интерпретирующую функцию языка в аспекте антропоцентрического подхода к языку (например, коннотативные и стилистические формы).

Что дает расширенное понимание формы слова для теории и практики описания русского языка?

1. Более последовательно и системно реализовать критерий лексического тождества лексем (слов-лексем), который является определяющим в установлении границ лексемы. Лексема, отражая отдельное звено лексической системы, имеет набор различных форм, которые структурируют концептуальное содержание (ядерное лексическое значение) лексемы и тем самым фиксируют ее в языковой памяти и лингвистическом пространстве, отличая данную лексему от других лексем;

2. Увидеть большее многообразие функций форм лексемы (слова-лексемы);

3. Более последовательно и системно осмыслить методологический принцип об относительном характере формы и содержания в языке;

4. Представить наиболее экономный способ описания лексической системы русского языка на уровне выделения частей речи, поскольку не только грамматические, но и неграмматические формы лексемы исключаются из числа лексических единиц, подлежащих классификации;

5. Позволяет в лексикографической практике решить в какой-то степени проблему сокращения количества словарных статей при сохранении лексической информации в том объеме, в котором она была бы, если бы содержалась в этих самостоятельных статьях.

Литература

1. Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. 287 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 252 с.
4. Котцова Е. Е. Лексическая семантика в системно-тематическом аспекте. Архангельск: Поморский университет, 2002. 203 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1997. 760 с.
7. Теркулов В. И. Номинатема: опыт определения и описания. Горловка: ГПНИИЯ, 2010. 228 с.
8. Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. М., 1925.
9. Цыганкова Г. П. Состав слова и словообразование в русском языке. Киев: Радянська школа, 1978. 152 с.
10. Шарандин А. Л. Русский глагол: комплексное описание. Тамбов: Изд-во Першина, 2009. 586 с.
11. Шарандин А. Л. Сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика как единое концептуальное пространство // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3(25). С. 240 – 250.
12. Шарандин А. Л. Сознание, язык и коммуникация как диалектическое единство // Когнитивные исследования языка. 2012. № 12. С. 144 – 155.
13. Шарандин А. Л., Денисов Ю. Н. К вопросу о понятии формы слова за пределами грамматики // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир: ВлГУ, 2011. С. 526 – 530.

Информация об авторе:

Шарандин Анатолий Леонидович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, sharandin@list.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., Принята к печати 20.06.2016 г.

WORD AND WORD FORM: DERIVATIONAL TYPES, LINGUISTIC SIGNIFICANCE AND FUNCTIONS

Sharandin Anatolii L.^{1, @, *}

¹ *Tambov State University named after G. R. Derzhavin*

@ *sharandin@list.ru*

* *The work was supported by the RFH Grant No. 15-04-00448 «Language as interpreting factor of cognition»*

The problem of correlation of two notions “word” and “word form” is the central problem in Russian Grammar (Morphology) and is connected with some priority areas of the modern linguistics in the framework of the general anthropocentric approach to the language description. Derivational processes are connected with the notion of motivation and viewed in the paper. This motivation defines the eduction of different derivational types, which are united by a cognitive-communicative approach. The linguistic significance of the word form is determined as a conceptual structure, “servicing” conceptual content of the word-lexeme. The fundamental functions of the word forms and their significance for description of the language as a multilevel structure are identified. The represented extended understanding of word form allows to solve some problems of methodological (the problem of relativity between content and form in the language), theoretical (the problem of identification of the word and different types of the word form) and practical nature (inclusion the grammar material into the lexicographic practice).

Keywords: word, word form, derivation, motivation, interpretation, functions of the word and the word form.

For citation: A. L. Sharandin. Word and word form: derivational types, linguistic significance and functions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 207 – 213.

References

1. Bulygina T. V. *Problemy teorii morfologicheskikh modelei* [Problems of the theory of morphological models]. Moscow: Nauka, 1977, 287.
2. Vinogradov V. V. *Russkii iazyk* [Russian language]. Moscow: Vysshaia shkola, 1972, 614.
3. Golev N. D. *Dinamicheskii aspekt leksicheskoi motivatsii* [The dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1989, 252.
4. Kottsova E. E. *Leksicheskaia semantika v sistemno-tematicheskom aspekte* [Lexical semantics in the system theme]. Arkhangel'sk: Pomorskii universitet, 2002, 203.
5. Kubriakova E. S. *Iazyk i znanie* [Language and knowledge]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 560.
6. Nikitin M. V. *Kurs lingvisticheskoi semantiki* [The Course of linguistic semantics]. Saint-Petersburg: Nauchnyi tsentr problem dialoga, 1997, 760.
7. Terkulov V. I. *Nominatema: opyt opredeleniia i opisaniia* [Nominatim: experience definitions and descriptions]. Gorlovka: GGPIIIa, 2010, 228.
8. Ushakov D. N. *Kratkoe vvedenie v nauku o iazyke* [A brief introduction to the science of language]. Moscow, 1925.
9. Tsygankova G. P. *Sostav slova i slovoobrazovaniia v russkom iazyke* [The Structure of words and word formation in Russian language]. Kiev: Radians'ka shkola, 1978, 152.
10. Sharandin A. L. *Russkii glagol: kompleksnoe opisaniie* [Russian verb: a comprehensive description]. Tambov: Izd-vo Pershina, 2009, 586.
11. Sharandin A. L. Soznanie, semiotika, iazyk, kommunikatsiia i pragmatika kak edinoe kontseptual'noe prostranstvo [Consciousness, semiotics, language, communication and pragmatics as a single conceptual space]. *Voprosy psikholingvistiki – Questions of psycholinguistics*, no. 3(25) (2015): 240 – 250.
12. Sharandin A. L. Soznanie, iazyk i kommunikatsiia kak dialekticheskoe edinstvo [Consciousness, language and communication as a dialectical unity of]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka – Cognitive studies of language*, no. 12 (2012): 144 – 155.
13. Sharandin A. L., Denisov Iu. N. K voprosu o poniatii formy slova za predelami grammatiki [To the question about the concept to form words beyond grammar]. *Iazykovye kategorii i ediny: sintagmaticheskii aspekt* [Language category and units: syntagmatic aspect]. Vladimir: VIGU, 2011, 526 – 530.

Received 01.02.2016, accepted 20.06.2016.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

А. Д. Шмелев^{1, @}

¹ Московский педагогический государственный университет
@shmelev.alexei@gmail.com

Аннотация: В статье обсуждается роль языковых факторов в англосаксонской и континентальной правовых системах. В ней обосновывается представление, согласно которому в континентальной правовой системе важную роль играет лингвистическая экспертиза, тогда как в англосаксонской правовой системе решающая роль принадлежит языковой компетенции рядовых носителей языка. Высказывается мнение, что оптимальным способом получить адекватные результаты для континентальных правовых систем (в том числе для российской системы) было бы сочетание двух подходов, когда языковая компетенция рядовых носителей языка подвергается лингвистическому анализу, проводимому экспертом-лингвистом. Это мнение иллюстрируется разнообразными примерами, в том числе проблемами, возникающими в делах, связанных с гражданскими исками о защите чести и деловой репутации, а также знаменитым «делом о помидорах», когда Верховный суд США решал вопрос, являются ли помидоры фруктом или овощем. Кроме того, в статье обсуждается нечеткость формулировок и вытекающие из нее трудности применения закона «О государственном языке Российской Федерации» и принятых поправок к нему.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, англосаксонское право, континентальное право, повседневное словоупотребление, корпус.

Для цитирования: Шмелев А. Д. Здравый смысл и лингвистическая экспертиза в различных правовых системах // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 214 – 219.

Сразу следует сформулировать основной тезис статьи. Он заключается в том, что при проведении лингвистического анализа с потенциальными правовыми последствиями полезно не ограничиваться подходом, вытекающим из специфики континентальных правовых систем (к которым принадлежит и российская правовая система), а учитывать также некоторые подходы, характерные для англосаксонской правовой системы – иными словами, опираться не только на формулировки законов, но и на здравый смысл, вытекающий из языковой компетенции рядовых носителей языка.

Известно, что в юридической практике лингвистического анализа могут требовать два типа текстов. С одной стороны, это тексты законов и подзаконных актов, в отношении которых возможен и желателен предварительный анализ, не зависящий от конкретного судебного разбирательства. Такой анализ был бы желателен еще на стадии принятия законов, и это, вообще говоря, уже давно признается всеми (*Прим. автора: «Целесообразность лингвистической экспертизы проектов законов и других нормативных правовых актов сегодня ни у кого не вызывает сомнений, и соответствующие структурные подразделения уже существуют в законодательных органах большинства субъектов Российской Федерации»* [4]). С другой стороны, это анализ текстов, которые служат непосредственным объектом судебного разбирательства. Именно такой анализ чаще всего проводится у нас в рамках так называемой лингвистической экспертизы. Как правило, при таком анализе требования закона воспринимаются как данность и задача состоит в том, чтобы соотнести с ними анализируемый текст.

Хотя, как уже говорилось, необходимость предварительного лингвистического анализа текста еще на

стадии законопроекта является почти общепризнанной, обычно если он и проводится, то оказывается довольно поверхностным. Так, регламент Государственной думы ограничивается указанием на то, что «лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом функционально-стилистических особенностей текстов законов» (статья 121). В соответствии с этим положением сформулированы методические рекомендации Государственной думы от 6 августа 2013 г. «По лингвистической экспертизе законопроектов»: в них основное внимание уделяется стилистической стороне дела; речь идет не столько о тщательном лингвистическом анализе, сколько о редакторской работе. Чаще всего необходимость лингвистического анализа закона или подзаконного акта осознается, когда речь идет о правоприменении, т. е. в рамках уже начавшегося или намечаемого судебного процесса. В этом случае анализ касается не только текста закона как такового, но и возможности соотнести его с конкретной ситуацией, которая легла в основу судебного дела. При этом текст закона или подзаконного акта уже не подвергается критическому рассмотрению или тем более редактированию.

Между тем тексты действующих в настоящее время в России законов и подзаконных актов изобилуют темными местами и двусмысленностями, затрудняющими возможность однозначного толкования. Можно ограничиться одним примером, который затрагивает и лингвистические экспертизы второго типа (анализ текстов, которые служат непосредственным объектом судебного разбирательства). Речь идет о делах «о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических

лиц». Как известно, «иски по делам данной категории вправе предъявить граждане и юридические лица, которые считают, что о них распространены не соответствующие действительности порочащие сведения» (из постановления пленума Верховного суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г., статья 2). Уже из этой формулировки ясно, что основополагающими для дела являются три признака: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности (это подтверждается и в статье 7 цитированного постановления). Установления факта распространения сведений ответчиком, а также вопрос о соответствии или несоответствии их действительности находится вне компетенции эксперта-лингвиста; лингвистический анализ текста должен быть направлен на то, чтобы установить, являются ли сведения «порочащими». Здесь релевантным оказывается вопрос о лексическом значении глагола *порочить*, и оказывается, что она далеко не очевидна. Словарные толкования в данном случае мало что дают. Приведем толкование словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, который (в разных изданиях) регулярно используется при составлении лингвистических экспертиз (другие словари дают в общем ту же картину): «**порочить** — 1. Навлекать позор на кого-что-н., бесчестить. *П. честь мундира. П. свое имя.* 2. Осуждать, чернить. *П. чью-н. работу. П. своего противника.* // сов. *опорочить*». Мы видим, что у слова *порочить* выделено два значения: в первом значении речь идет о действиях, которые «навлекают позор» на того, кто совершает эти действия или на что-то с ним связанное; во втором случае глагол *порочить* обозначает речевое действие, направленное на другое лицо. В сочетании *порочащие сведения* имеет место метонимический сдвиг, поскольку формальным субъектом действия *порочить* оказывается не лицо, как это предполагается словарными толкованиями, а *сведения*. При этом представляется естественным соотнести причастие *порочащие* в этом сочетании со вторым значением, поскольку распространение сведений о другом лице представляет собою речевое действие; однако для однозначного вывода приведенное словарное толкование недостаточно. Можно попытаться понять, что означают использованные в толкованиях выражения *навлекать позор на кого-что-н., бесчестить, осуждать и чернить*; однако здесь словарь [7]водит нас по кругу. Выражение *навлекать позор* в словаре не толкуется, а близкий глагол *позорить*, истолкован как ‘то же, что *порочить*’; интересующее нас переносное значение глагола *чернить* толкуется точно так же: ‘то же, что *порочить*’; наконец, глагол *бесчестить* в интересующем нас значении истолкован как ‘позорить, порочить’. Круг замкнулся (очевидно, что значение глагола *осуждать*, поданному в словаре [7] как имперфектив к глаголу *осудить*, отстоит от значения глагола *порочить* слишком далеко и, скорее всего, он попал в толкование по недосмотру).

Более детальный семантический анализ глагола *порочить* приводит к следующим результатам [2, с. 222 – 223]. Глагол *(о)порочить* имеет две интерпретации, различающиеся тем, как говорящий оценивает репутацию лица, подвергаемого действию *(о)поро-*

чить. С одной стороны, когда говорят, что *Y-а порочит* (в глазах *Z-а*) его собственное поведение, предполагается, что говорящий считает поведение *Y-а*, по меньшей мере, неблагоприятным, как, напр., в сочетании *порочащие связи* (ср. *в связях, порочащих его, не замечен*). С другой стороны, когда говорят, что некто *X порочит Y-а* (в глазах *Z-а*), это может означать, что *X* намеренно сообщает (*Z-у*) об *Y-е* нечто такое, что должно скомпрометировать *Y-а* (в глазах *Z-а*), а говорящий чаще всего исходит из того, что эти сведения не соответствуют действительности. В обоих случаях говорящий не одобряет действие, которое он обозначает глаголом *порочить*. Поэтому, если *Y-а порочит* какой-то его собственный поступок (*Игра в карты опорочила честь его мундира*), то репутация *Y-а* оказывается подрванной не только в глазах *Z-а*, но и в глазах говорящего. Если же посредством глагола *(о)порочить* описывается речевой акт (*Она опорочила меня в его глазах*), то, поскольку говорящий не одобряет этот акт, мы понимаем, что он считает подрыв репутации *Y-а* необоснованным. Иными словами, в последнем случае глагол *порочить* называет речевой акт, который, по мнению говорящего, производится субъектом с неблагоприятной целью *опорочить*. Тем самым причастие *порочащие* в сочетании *порочащие сведения* можно соотнести с обоими значениями глагола *порочить* (с метонимическим сдвигом): в первом случае речь идет о распространении сведений о поступках какого-либо лица, которые могут *опорочить* это лицо; во втором – о распространении сведений, направленных на то, чтобы скомпрометировать некоторое лицо, причем говорящий считает, что это распространение можно обозначит глаголом *порочить* (в обоих случаях имеет место подрыв репутации этого лица, но оценка этого подрыва говорящим различна).

Исходя из сказанного, оказывается затрудненным объективный лингвистический анализ текста, чтобы решить, применимо ли к содержащимся в нем сведениям определение *порочащие*. Глагол включает в свое значение мнение говорящего; тем самым лингвист, давая экспертную оценку, вынужден апеллировать к субъективному мнению того, кто употребляет этот глагол, – по здравой логике, это означает, что применимость или неприменимость этого определения зависит от субъективных факторов. Отсюда возникает желание объективировать процедуру принятия решения по данному вопросу.

Такая объективация содержалась в соответствующих постановлениях Верховного суда. Комментарий, данный в постановлении пленума Верховного суда Российской Федерации от 18.08.1992 № 11 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (в редакции постановления пленума Верховного суда от 25.04.95 № 6) гласит: «Порочащими являются такие не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и

общественную деятельность, деловую репутацию и т. п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица». Очевидно, что комментарий ориентирован на второе значение глагола *порочить* и предполагает, что, во-первых, анализируемый текст содержит некоторое утверждение (о нарушении лицом «действующего законодательства или моральных принципов»), а во-вторых – что это утверждение не соответствует действительности (и потому является необоснованным). Понятно, что лингвист не имеет полномочий решать, соответствуют ли действительности те или иные утверждения; тем самым он не может однозначно ответить на вопрос, являются ли сведения, о которых идет речь, *порочащими*. Разумеется, всегда существовала возможность корректного ответа на вопрос, являются ли сведения *порочащими*, напр.: «Сообщаемые в тексте сведения содержат / не содержат утверждения о нарушении законодательства и/или моральных принципов; при этом я не имею возможности определить, соответствуют ли эти утверждения действительности». Более того, существовала возможность корректного вопроса, обращенного к эксперту, а именно: «Содержат ли сообщаемые в тексте сведения утверждения о нарушении законодательства и/или моральных принципов?» Однако формулировка данного постановления содержала и другую ловушку, хотя и не столь бросающуюся в глаза. Разъяснение в скобках, что понимается под «нарушением действующего законодательства или моральных принципов», содержало логическую ошибку (замкнутый круг), поскольку определяло слово *порочащие* через само это слово: «...и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т. п.»; кроме того, в нем содержалось несколько туманное выражение относительно «неправильного поведения в трудовом коллективе, быту», которое требовало интерпретации (впрочем, поскольку речь шла о замечании в скобках, все это не попадало в фокус внимания).

Однако впоследствии было принято уже упомянутое выше постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3, в котором признак «несоответствия действительности» рассматривается отдельно и не считается более необходимым условием признания сведений *порочащими* (тем самым определение переориентировано на первое значение глагола *порочить*). Новое определение гласит: «Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица». Мы видим, что устранена логическая ошибка толкования слова через само это слово. Однако в новой формулировке обращает на себя внимание оборот «в частности»: означает ли он,

что перечень открыт и под определение *порочащих сведений* может попасть еще что-то, не упомянутое в постановлении? Кроме того, даже если отвлечься от этой неясности, остается не вполне понятным, что понимается под «неправильным, неэтичным поведением в личной, общественной или политической жизни»: обозначают ли определения *неправильное* и *неэтичное* одно и то же или это разные вещи? Ирина Левонтина саркастически писала в связи с этой коллизией: «Вот, например, ходить зимой без шапки – правильно? А когда девушка ночью возвращается домой по неосвещенной улице – разве это правильно?<...>А если про судью написать, что он зевнул или почесался? Это ведь тоже неправильное поведение!» [6]

Представляется, что в связи с возникающими в таких случаях вопросами было бы любопытно обратиться к англосаксонской судебной практике, тем более что в глобальном мире многие элементы англосаксонского права заимствуются другими правовыми системами, в том числе российской (Прим. автора: Так, в российский правовой обиход вошло сочетание «разумный срок», до сих пор вызывающее недоумение у людей, привыкших к континентальной правовой системе, и вопрос: «“Разумный срок” – это сколько?» Дело в том, что само сочетание разумный срок представляет собою кальку английского выражения *reasonable time*, являющегося в англосаксонской правовой системе точным термином, опирающимся на «здравый смысл»). Важной особенностью англосаксонской правовой системы может считаться то значение, которое она придает здравому смыслу, считающемуся общим достоянием всех здравомыслящих людей (отсюда обозначение *commonsense*). Соответственно, и вопросы, связанные с использованием языка, решаются не столько посредством лингвистической экспертизы, сколько апелляцией к повседневному словоупотреблению носителей языка и восприятию ими текста (кроме специально оговоренных случаев).

Сказанное можно иллюстрировать на примере знаменитого дела о помидорах, уже проанализированного мною в иной связи [11; 9]. Дело рассматривалось Верховным судом США в 1893 г.; обсуждался вопрос о том, следует ли классифицировать помидор (*tomato*) как фрукт (*fruit*) или овощ (*vegetable*). Дело в том, что Тарифный акт от 3 марта 1883 предписывал взимать ввозные пошлины с овощей, но не фруктов; соответственно, Никсы, которые занимались импортом помидоров, подали в суд на таможенника Эдварда Хеддена, оспаривая законность решения о взыскании с них пошлин. Они ссылались на то, что с ботанической точки зрения помидор должен квалифицироваться как *fruit*. Суд, однако, единодушно отказал в удовлетворении иска, указав, что употребление таких слов, как *tomato*, в коммерческом языке ориентировано на повседневное употребление, а не на научную терминологию. (Прим. автора: Следует иметь в виду, что здесь играла роль неоднозначность английского слова *fruit*: оно обозначает как «плод» (часть растения, развивающуюся из цветка), так и «фрукт» (часть растения, используемую в пищу определенным образом)). Это дело создало прецедент (что чрезвычайно существенно для англосаксонской пра-

новой системы). Конечно, сама по себе апелляция к здравому смыслу и повседневному словоупотреблению не устраняет возможных неясностей в тексте законов, но часто позволяет разрешить возникающие коллизии.

В связи с этим можно упомянуть о деле, в котором рассматривался принятый в 1956 закон города Цинциннати, который объявлял незаконным, чтобы три человека или более собирались без предварительного уведомления на тротуаре таким образом, что это мешает прохожим и «раздражает» их (*inapanningmanner*). Что понималось под «раздражением», не уточнялось, но за нарушение закона полагался штраф в 50 долларов, или от одного до тридцати дней тюремного заключения, или и то, и другое. Закон оставался в силе в течение 15 лет, и полицейские стали использовать его как повод для ареста студентов, устраивающих демонстрации. В 1971 группа студентов, устроивших такую демонстрацию и приговоренных к штрафу, предпочла не платить штраф, но, потратив значительно больше денег на адвокатов, доказать в суде, что закон является неконституционным. Дело дошло до Верховного суда США, который большинством голосов постановил, что закон действительно является неконституционным, поскольку ограничивает свободу слова и свободу собраний, причем произвольным и неопределенным образом: то, что может быть «раздражающим» для одного, не является таковым для другого. Иными словами, закон, по мнению суда, содержал выражение, допускающее лишь субъективную интерпретацию, и поэтому было «нечестно» (*unfair*) использовать закон в том виде, как он был сформулирован. (Прим. автора: Здесь оказывается релевантным еще один концепт, ключевой для английского языка и для англосаксонской правовой системы, – концепт *fairness*, или «честной игры» (*fairplay*). Об этом концепте см., напр., [12, с. 141 – 167] и указанную там литературу).

Думается, что элементы такого подхода могли бы быть использованы и в российской практике, в частности при проведении лингвистических экспертиз. Применительно к рассмотренному выше постановлению пленума Верховного суда России это означает, что прилагательное *неправильное* в нем может просто не приниматься во внимание, будучи слишком неопределенным и не допускающим иной интерпретации, кроме субъективной. Это не значит, что следует отказаться от всего постановления: за вычетом данного прилагательного (и оборота *в частности*) оно вполне может служить базой для лингвистической экспертизы текстов в средствах массовой информации.

Собственно, идея, что лингвистическая экспертиза во многих случаях должна опираться на данные повседневного словоупотребления, в том числе в том виде как они представлены в различных корпусах, в большей мере, нежели на данные словарей, которые могут содержать ошибки и неточности, разделяется едва ли не большинством профессиональных лингвистов-экспертов (Прим. автора: См., в частности, [1, с. 475 – 527; 4]). Однако суды часто неохотно принимают экспертные заключения, которые подтверждены не данными авторитетных словарей, а ссылкой

ми на повседневное употребление языка (пусть даже и проанализированное с использованием корпусных данных).

Наконец, следует упомянуть еще один тип текстов, настоятельно требующих анализа, проведенного профессиональными лингвистами. Речь идет о законах, непосредственно регулирующих употребление языка; особенно это касается законов, вводящих те или иные языковые запреты и ограничения. Как правило, такие законы написаны лингвистически безграмотно (это связано с тем, что предварительная лингвистическая экспертиза законопроекта, по-видимому, не проводилась или сводилась к редакторской правке), что делает их негодными к применению. Это касается в частности печально знаменитого «Закона о государственном языке...». Текст первого варианта закона, принятого Думой в феврале 2003 г., содержал такое количество несуразностей и нестыковок (о них см., напр. [5; 8]), что этот закон, прошедший в Думе три чтения, не был утвержден Советом Федерации и был возвращен на доработку. Однако два с лишним года спустя закон «О государственном языке Российской Федерации» в новой версии, был принят Государственной думой и утвержден в мае 2005, несмотря на протесты лингвистов; при этом текст закона почти не подвергся изменениям, во всяком случае целый ряд одиозных мест в нем сохранился [10]. Поправки, внесенные в этот закон (они сформулированы в Федеральном законе Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 101-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере использования русского языка»), устранили ряд несуразностей, которые обнаруживались в тексте закона, но внесли новые.

Так, часть 6 статьи 1 после слов «литературного языка» дополнена уточнением в скобках, и в результате текст стал читаться так: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». Это уточнение совершенно излишне: и без него всем понятно, что нецензурная брань не соответствует «нормам литературного языка».

Был дополнен пункт 7 статьи 4, в результате чего он стал читаться так: «В целях защиты и поддержки государственного языка Российской Федерации федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции: <...> 7) осуществляют контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации», в том числе за использованием слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, путем организации проведения независимой экспертизы». В таком виде пункт не имеет смысла. В современном русском языке имеется множество явлений, в отношении степени нормативности которых мнения экспертов расходятся. Это касается всех уровней языковой системы:

произношения отдельных слов, места ударения (в том числе при словоизменении: склонении и образовании форм множественного числа существительных, спряжении глаголов), моделей управления глаголов, целого ряда синтаксических конструкций и т. д.

Пункт 9 части 1 статьи 3 стал читаться так: «[Государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию:] 9) в продукции средств массовой информации; 9¹) при показах фильмов в кинозалах; 9²) при публичных исполнениях произведений литературы, искусства, народного творчества посредством проведения театрально-зрелищных, культурно-просветительных, зрелищно-развлекательных мероприятий». Кроме того, часть 1 статьи 3 была дополнена следующим пунктом: «1¹. В сферах, указанных в пунктах 9, 9¹, 9² и 10 части 1 настоящей статьи, и в иных предусмотренных федеральными законами случаях наряду с государственным языком Российской Федерации могут использоваться государственные языки республик, находящихся в составе Российской Федерации, другие языки народов Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, также иностранные языки». В итоге внесенных изменений удалось устранить неясный и противоречивый пункт 9, который в прежней формулировке читался так: «[Государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию:] 9) в деятельности общероссийских, региональных и муниципальных организаций телерадиовещания, редакций общероссийских, региональных и муниципальных периодических печатных изданий, за исклю-

чением деятельности организаций телерадиовещания и редакций периодических печатных изданий, учрежденных специально для осуществления теле- и (или) радиовещания либо издания печатной продукции на государственных языках республик, находящихся в составе Российской Федерации, других языках народов Российской Федерации или иностранных языках, а также за исключением случаев, если использование лексики, не соответствующей нормам русского языка как государственного языка Российской Федерации, является неотъемлемой частью художественного замысла». Однако новая формулировка рассматриваемого пункта 9 тоже не лишена недостатков. В частности из нее вытекает тотальный запрет на публичное исполнение или публикацию в средствах массовой информации произведений классической литературы. Нет практически ни одного произведения русской классической литературы, в котором не содержались бы те или иные отклонения от строгих норм современного литературного языка: диалектизмы, элементы просторечия, устаревшие слова и выражения.

Представляется, что, когда речь идет о таких законах, непосредственно касающихся функционирования языка, гражданский долг лингвистов включает в себя непредвзятый анализ и критическую оценку текста законов. И в этом анализе, как и в прочих случаях, лингвистический профессионализм должен сочетаться со здравым смыслом, чтобы учесть разные аспекты функционирования русского языка во всем их многообразии при преимущественном внимании к повседневному языку.

Литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта; Наука, 2007. 592 с.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Грамматика позора // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 216 – 234.
3. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика. 1999. № 1. С. 11 – 58.
4. Котов А. А., Минеева З. И. Использование национального корпуса русского языка при проведении лингвистической экспертизы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8-2(26) С. 99 – 103.
5. Кронгауз М. А. Родная речь как юридическая проблема // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 497 – 501.
6. Левонтина И. Буква и закон. Судебная лингвистическая экспертиза // Отечественные записки. 2005. № 2(23). Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/bukva-i-zakon-sudebnaya-lingvisticheskaya-ekspertiza> (дата обращения: 01.02.2016).
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. М.: АзъLtd, 1992. 960 с.
8. Шмелев А. Д. Вопросы языкознания в Государственной думе // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 490 – 496.
9. Шмелев А. Д. «Дело о помидорах»: научная терминология или бытовой язык // Терминология и знание. М., 2010. С. 159 – 166.
10. Шмелев А. Д. Ложная тревога и подлинная беда // Отечественные записки. 2005. № 2(23). С. 18 – 35.
11. Шмелев А. Д. The tomato case reopened. Режим доступа: <http://www.spsl.nsc.ru/FullText/konfe/SlovoJazyk2010.pdf> (дата обращения: 01.02.2016).
12. Wierzbicka A. English: meaningandculture. New York: Oxford University Press, 2006. 352 p.

Информация об авторе:

Шмелев Алексей Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка РАН, shmelev.alexei@gmail.com.

Статья поступила в редколлегию 31.03.2016 г., принята к печати 20.06.2016 г.

COMMON SENSE AND LINGUISTIC EXAMINATION IN DIFFERENT LEGAL SYSTEMS

Shmelev Alexei D.^{1, @}

¹ Moscow Pedagogical State University
@ shmelev.alexei@gmail.com

Abstract: The paper discusses the role of linguistic examination in civil law and common law legal systems. It argues that while it is forensic linguistic expertise that often plays an important role in civil law systems, the lay people's opinion is crucial in common law systems. It suggests that the best way to obtain adequate results for civil law systems (including the Russian legal system) is to combine the two approaches, that is, to make use of an expert linguistic analysis of the linguistic competence of lay speakers of the language in question. Various examples illustrate the point (among them the problems arising in civil suits of honor protection and business reputation defense as well as the famous "tomato case", in which the United States Supreme Court addressed whether a tomato was classified as a fruit or a vegetable). In addition, the paper discusses vague wording and consequent difficulty of implementation of the "Federal Law on the National Language of the Russian Federation."

Keywords: linguistic examination, common law, civil law, everyday usage, corpus.

For citation: Shmelev A. D. Common sense and linguistic examination in different legal systems. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 214 – 219.

References

1. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic examination of the text: theory and practice]. Moscow: Flinta; Nauka, 2007, 592.
2. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Grammatika pozora* [Grammar of shame]. *Logicheskii analiz iazyka: iazyki etiki* [Logical analysis of language: Languages of ethics]. Moscow, 2000, 216 – 234.
3. Golev N. D. Iuridicheskii aspekt iazyka v lingvisticheskom osveshchenii [Legal aspect of the language in the linguistic illumination]. *Iurilingvistika – Jurilinguistic*, no. 1 (1999): 11 – 58.
4. Kotov A. A., Mineeva Z. I. Ispol'zovanie natsional'nogo korpusa russkogo iazyka pri provedenii lingvisticheskoi ekspertizy [Using the national corpus of the Russian language when carrying out a linguistic expertise]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of theory and practice*, no. 8-2(26) (2013): 99 – 103.
5. Krongauz M. A. Rodnaia rech' kak iuridicheskaya problema [Native language as a legal problem]. *Otechestvennye zapiski – Otechestvennye Zapiski*, no. 2 (2003): 497 – 501.
6. Levontina I. Bukva i zakon. Sudebnaia lingvisticheskaya ekspertiza [The Letter and the law. Forensic linguistic expertise]. *Otechestvennye zapiski – Otechestvennye Zapiski*, no. 2(23) (2005). Available at: <http://www.stranaz.ru/2005/2/bukva-i-zakon-sudebnaya-lingvisticheskaya-ekspertiza> (accessed 01.02.2016).
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Az" Ltd, 1992, 960.
8. Shmelev A. D. Voprosy iazykoznanii v Gosudarstvennoi dume [Linguistic Questions in the State Duma]. *Otechestvennye zapiski – Otechestvennye Zapiski*, no. 2 (2003): 490 – 496.
9. Shmelev A. D. «Delo o pomidorakh»: nauchnaia terminologiya ili bytovoi iazyk ["The case of the tomatoes": scientific terminology or everyday language]. *Terminologiya i znanie – Terminology and knowledge*. Moscow, 2010, 159 – 166.
10. Shmelev A. D. Lozhnaia trevoga i podlinnaia beda [A False alarm and true trouble]. *Otechestvennye zapiski – Otechestvennye Zapiski*, no. 2(23) (2005): 18 – 35.
11. Shmelev A. D. *The tomato case reopened*. Available at: <http://www.spsl.nsc.ru/FullText/konfe/SlovoJazyk2010.pdf> S. 272-281. (accessed 01.02.2016).
12. Wierzbicka A. *English: meaning and culture*. New York: Oxford University Press, 2006, 352.

Received 31.03.2016, accepted 20.06.2016.

МЕДИАЛИНГВИСТИКА НА ФОНЕ СФЕРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

Т. В. Шмелева^{1, @}

¹ Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
@szmiel@mail.ru

Аннотация: В статье излагаются представления о процессах в современной науке о языке, которые вызваны рядом социокультурных изменений в обществе. Обозначенные как дифференциация науки о языке, эти процессы выявляют новые аспекты функционирования языка, ставят новые теоретические проблемы и прикладные задачи и тем самым способствуют формированию новых – сферных лингвистик. Именно такие лингвистики – политическая, юрислингвистика и медиалингвистика – анализируются в статье. Основное внимание уделено понятию «сфера речи (общения, коммуникации)» в трудах таких лингвистов, как В. В. Виноградов, М. М. Бахтин, Ю. В. Рождественский в рамках стилистики, теории речевых жанров, общей филологии. Рассматриваются причины актуализации анализируемых сфер коммуникации на рубеже веков. В самом общем виде представлены процессы и этапы формирования трех лингвистик; специфическое и общее в их современном состоянии и месте в современной науке о языке; перспективы их развития. Названы ключевые моменты формирования отечественной медиалингвистики.

Ключевые слова: лингвистика, сфера коммуникации, политическая лингвистика, юрислингвистика, медиалингвистика.

Для цитирования: Шмелева Т. В. Медиалингвистика на фоне сферной дифференциации науки о языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 220 – 226.

Как-то еще в прошлом веке на одной конференции Николай Данилович Голев выступал со своим проектом юрислингвистики, а я возражала ему в том плане, что не надо нам много лингвистик, пусть будет одна – и в ней разные направления или что-то такое. Вспоминаю об этом с выражением «я была права»: сегодня не только юрислингвистика существует и активно участвует в социальной жизни, но и другие лингвистики заявляют о себе все активнее. Решаюсь вместе со своими изъявлениями почтения и симпатии юбиляру, поздравлениями и пожеланиями Николаю Даниловичу радости от научных трудов и других жизненных дел, посвятить юбилейные рассуждения проблеме множественности лингвистик и теоретическим основаниям их появления и развития. Связанная прежде всего с медиалингвистикой, возможно, буду говорить больше о ней и поэтому обозначила ее в названии статьи, но это, надеюсь, не помешает рассмотреть проблему в общетеоретическом ракурсе.

Итак, сегодня не остается ни малейших сомнений в том, что юрислингвистика, политическая лингвистика и медиалингвистика «существуют – и ни в зуб ногой», как когда-то сказано Маяковским о поэзии. Не стоит сомневаться и в том, что причины их появления общие, хотя, может быть, и не оторефлектированные явно всеми участниками процессов.

Опыт такой рефлексии касательно политической лингвистики предьявил А. П. Чудинов [19; 2]. Занимаясь более двадцати лет лингвистическими исследованиями в этой области, возглавляя журнал «Политическая лингвистика» с репутацией международного (вышло более полусотни номеров) и опубликовав серию учебных пособий этой тематики, А. П. Чудинов ставит вопрос: чем является политическая лингвистика – наукой, научным направлением или фантомом / симулякром? В поисках ответа на эти вопросы он формулирует критерии существования науки: специ-

фический объект исследования, собственный понятийно-терминологический аппарат, признание в научной среде, которое проявляется во внушительном ряде форм: научные конференции, специальные журналы, гранты и премии, исследования по истории и методологии науки, включение полученных знаний в учебные планы университетов, издание учебников.

В итоге он приходит к выводу о том, что политическая лингвистика – научная реальность, независимо от того, как ее определить – как особую науку или как научное направление, которое входит в федерацию как лингвистических, так и политических наук.

В рассуждениях А. П. Чудинова важно отметить два обстоятельства. Первое: проблемы статуса политической лингвистики он не считает уникальными, наряду с ней упоминает и такие новые направления, как юрислингвистика, медиалингвистика, что для наших рассуждений весьма существенно. И второе: он утверждает, что эти научные направления «выделяются в зависимости от сферы коммуникации (дискурсивной сферы)» [20: с. 129]. Это положение, как мне кажется, имеет ключевое значение для осмысления обсуждаемых лингвистик, и потому целесообразно рассмотреть его более подробно.

Языкознание прошлого века, выведя в центр внимания понятия системы и структуры языка, как будто не замечало ряда сторон его бытования, которые в самом конце века как будто открылись лингвистическому сообществу, вызвав разнообразные последствия. Изменение лингвистической оптики – результат не только внутренних процессов развития науки о языке, но и «внешних» социокультурных изменений, потребовавших новых сторон функционирования языка и, соответственно, новых дисциплин внутри науки о нем.

Не решаясь обсуждать все такие новые обстоятельства, хотя это безусловно важный аспект пробле-

мы, сосредоточусь на уже названном – сферах коммуникации, на которые лаконично указывает А. П. Чудинов.

Назвать это понятие новым сложно. Его можно найти в статье В. В. Виноградова 1955 года, посвященной итогам дискуссий о стилистике. Это понятие обозначается как *сфера речи, речевая сфера, сфера речевого общения* и толкуется как основание для определения стилей, понимаемых как «совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения» [2, с. 14 – 19].

Это понимание стиля находит продолжение и развитие в концепции М. Н. Кожинной, полагавшей, что функциональная стилистика изучает «закономерности функционирования языка в различных сферах общения» [10, с. 21]. В соответствии с этой логикой в русском общении противопоставляются сферы *научная, официально-деловая, публицистическая, художественная и разговорно-бытовая*. Характеристика научного стиля начинается фразой «Сфера научного общения отличается тем...» [10, с. 161]; но разделы о публицистическом и художественном стилях обходятся без этого понятия [10, с. 82, 200]. Это говорит о его неочевидности и не такой уж четкой связи сфер и стилей. Отметим, что ни о политической, ни о правовой, ни о медийной сферах здесь речи не идет.

Более масштабно – как «сфера деятельности и общения» – толкуется это понятие в концепции речевых жанров М. М. Бахтина: «В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы»; при этом называются сферы: *научная, техническая, публицистическая, деловая, бытовая* [1, с. 241]. Более масштабным это понимание позволяет считать тот факт, что речь идет уже не только об отборе языковых средств, а о репертуаре жанров. И опять мы не замечаем в списке сфер ни одной из интересующих нас.

Масштабность этого понятия подтверждается и тем, что оно включается в понятийный аппарат общей филологии, хотя не получает там существенного развития, уступая в значимости понятию «фактура речи», которое оказывается в концепции центральным, определяющим композицию учебного пособия. Однако важность понятия видна из объяснения специфики филологического рассмотрения проблем «в свете обращения текстов и создания сфер общения» [15, с. 3]. Состав сфер, специфика обращения текстов в них – в учебном пособии не рассматриваются. В более поздних публикациях Ю. В. Рождественский в толковании сферы речи ссылается на В. В. Виноградова, и при этом выдвигает как один из важнейших вопросов построения новой теории языка, соответствующей новым реалиям «исследование сфер общения и упорядочение их» [16, с. 11].

При необходимости конкретизировать положения этой концепции в курсе «Введения в общую филологию», пришлось назвать сферы – *бытовую, деловую, научную, политическую (идеологическую) и эстетическую*, подчеркивая, что они различаются предназначением в социальной жизни – решением специфических коммуникативных задач, составом участников и их ролями, речевыми жанрами, фактурой обращающихся текстов, способами регла-

ментации общения. Каждая из них изучается особой филологической наукой [23, с. 18 – 27].

Это представление о сферах оказалось востребованным и при разработке концепции речеведения, опыт которой мне приходилось предъявлять [14; 28 и др.]. Его важность для речеведения объясняется «сферичностью» русской речи, постоянной динамикой сфер [28, с. 306 – 307]. Невозможно обойтись без понятия сферы речи и при взгляде на языковую практику с позиций словесности, которая вернулась было в филологический обиход, но скоро опять пропала. В статье о возвращении словесности приведено графическая схема отношения сфер, куда включена и религиозная, что объясняется ее появлением в публичном общении в середине 1990-х годов. Схема должна была визуально подкрепить мысль о том, что сферы нельзя перечислять через запятую, они соотносятся как первичные, вторичные и «третичные» [24, с. 14 – 17].

Конечно, для общей филологии (теории словесности), речеведения и теоретической лингвистики весьма интересен вопрос об исчислении сфер речи (общения, коммуникации), описании их общих и дифференциальных признаков, исчислении сферных различий языка и сформированных ими его разновидностей (стилей). Но для наших рассуждений важнее другой вопрос: почему именно сферы политической, правовой и медийной коммуникации потребовали формирования особых научных дисциплин – лингвистик?

Нет сомнений в том, что ответ лежит в экстралингвистической плоскости. В течение прошлого века в нашей стране политическая сфера расширялась, в конце века взрывообразно втянув в себя огромное количество людей – для обсуждения социально значимых проблем, в первую очередь проблемы власти и ее отношений с обществом и гражданином. В целом это изменение связано с преобразованием политической культуры: от культуры послушания, монологической по существу, где решения принимаются закрытым кругом лицом и объявляются обществу, мы переходили к культуре диалогической, где огромные массы людей оказываются не только адресатами, но и субъектами коммуникации, обретают свой голос. Зарождение этих процессов ощущалось, мне приходилось писать об этом в университетской газете [27], но тогда, конечно, трудно было предполагать, к каким последствиям это приведет. Сегодня же этих последствий можно увидеть, по крайней мере, три, если иметь в виду обсуждаемые здесь проблемы.

Первое из этих последствий – выдвижение в центр общественной коммуникации политических дискуссий, что можно назвать **политизацией коммуникации**, заострившей многие вопросы социального бытия, и в том числе коммуникативные и собственно языковые. Последнее обстоятельство привлекло внимание многих лингвистов, не только «уловивших» новые по существу проблемы, но увидевших их в историческом и мировом контексте.

Как утверждается в учебнике, «предмет исследования политической лингвистики – политическая коммуникация, т. е. речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение

их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [21]. Конечно, в таком ознакомительном определении невозможно представить все, что относится к ведению политической лингвистики, но что речь идет об одной из сфер публичного общения (коммуникации) – очевидно.

Второе последствие состоит в том, параллельно с процессом вовлечения огромного количества людей в публичную коммуникацию выявлялись и ее правовые проблемы, в том числе языковые, коммуникантами осознавались их права, в частности право на коммуникативную безопасность, что означало формирование **правового пространства** [12, с. 95], а, следовательно, и **юридизацию** [5, с. 11] языкового общения. Осмысление этих феноменов, социальный заказ на формирование лингвистической теории как основы для экспертной деятельности, спрос на которую возрастал, и стало первоначальным импульсом появления юрислингвистики. О разных траекториях формирования этой области лингвистических знаний говорит и множественность обозначающих ее терминов – *«юридическая лингвистика, юрислингвистика, лингвоюрисдика, правовая лингвистика, судебная лингвистика (этот термин активен на Западе), лингвокриминалистика, судебнооречеведение, грамматика права»* [4]. И хотя взаимное внимание филологии и права отмечают с античных времен, институализация этой отрасли лингвистических знаний и исследований происходит уже в текущем столетии (термину, как отмечает Н. Д. в 2007 году, 8 лет, значит, сейчас – 16).

В этой же работе перечислены десять ситуаций, с которыми имеет дело юрислингвистика. Их анализ показывает, что они касаются а) таких фундаментальных свойств личности, как право на имя и на общение на родном языке; б) социального поведения, задевающего права других лиц и институций – оскорбление, брань, разжигание розни, различные виды манипуляции от рекламы до «грязных» выборов технологий; в) качества юридических текстов. Можно сказать, что этот круг явлений объединялся в единую сферу самой действительностью, ставившей перед обществом острые вопросы, которые приходилось решать первоначально исходя из здравого смысла, потом по прецеденту, и только потом на основе законов, которые параллельно создавались. Но сейчас наличие такой сферы, в которой решаются вопросы регулирования публичной коммуникации на основе законодательства и юридической практики его применения, не вызывает сомнений. Ее сформировала реальность, движение государства в направлении правового, повышение правового сознания и самосознания граждан.

Третьим последствием массовизации и интенсификации публичного общения стало усиление в нем роли посредников. Если в начале этих процессов это усиление выражалось в миллионных тиражах газет и журналов (вспомним ажиотажный спрос на «Огонёк»), то на рубеже веков появляется интернет, мобильная телефония, технологические возможности телевидение и радио возрастают, преобразая их в современные средства глобальной коммуникации.

Для обозначения посредника этой выросшей в масштабах и охвате коммуникации на смену понятию «средства СМИ/СМК» приходит понятие *масс-медиа*, или *медиа*, которое включает всю совокупность средств и технологий информации – как традиционные – прессу, радио и телевидение, так и новые – интернет-издания, интернет-радио, интернет-телевидение, блогосферу, мобильную телефонию. Разумеется, что мало соотносящиеся друг с другом традиции изучения языка газеты, радио и телевидения трансформируются и интегрируются в единую лингвистическую область, которая естественно получает название **медиалингвистика**. Она появляется именно тогда, когда медиасфера как реальность информационного общества выходит на первый план, становится ясно, что принципы обращения текстов в этой сфере не могут быть сведены к какой-либо другой, а язык медиасферы не оставляет сомнений в своей специфичности. Таким образом, можно сказать, что условием появления медиалингвистики стала **медиазация** общества, то есть выдвижение медиасферы в центр общественного внимания, приобретение ею такого влияния, что стало возможным говорить о медиакратии.

Другими словами, медиасфера появляется в системе социальных коммуникаций с первыми газетами – у нас это начало XVIII века. Но с той эпохой несопоставимы сегодняшние масштабы медийного общения, число вовлеченных в нее людей – в разных ролях, объем обращающейся в сфере информации, ее технологичность, скорость и интенсивность, рождение по существу новой повседневности. Не требует доказательств и именованная язык медиасферы, объяснить которые в основных трендах и в конкретных частностях предполагает медиалингвистика.

Конкретную дату появления российской медиалингвистики связывают с защитой докторской диссертации Т. Г. Добросклонской «Теория и методы медиалингвистики» в 2000 году [6, с. 63]. Но с этим вряд ли можно согласиться, поскольку и диссертация, и изданный позже учебник [7], и другие публикации этого автора (см. напр. [8, с. 29]) посвящены реалиям британской медиасферы или самым общим рассуждениям без обращения к фактам российских медиа.

Думаю, о зарождении отечественной медиалингвистики можно говорить, начиная со второго десятилетия текущего века. И локализуется это явление в Петербурге, где оно обретает первые признаки институализации. Кафедрой речевой коммуникации Высшей школы журналистики и массовой коммуникации СПбГУ в 2011 году создается сайт «Медиалингвистика – XXI век» (URL: <http://medialing.spbu.ru/>), с 2013 года выходит сборник статей «Медиалингвистика» (4 выпуска), а с 2014-го – международный научный журнал «Медиалингвистика» (вышло 6 номеров). Руководитель сайта, главный редактор сборников и журнала – Л. Р. Дускаева, ею опубликованы и работы о медиалингвистике, напр. [9].

Знаково, что на сайте создана особая страница «Медиалингвистика в лицах», где все желающие лингвисты могут разместить сведения о себе и указать свои работы (URL: http://medialing.spbu.ru/medialingvistika_v litsax/). Это способ выявления очертания

сообщества лингвистов, связывающих свою работу с медиалингвистикой, представляет сегодня 70 ученых, и не только российских – из Беларуси, Украины, Польши, Словакии, Болгарии, Испании, Германии, США, Китая, Турции. Даже этот список, а в большей степени регулярные публикации зарубежных ученых в журнале говорят о том, что российская медиалингвистика развивается в русле мировых тенденций, во всяком случае в стремлении консолидировать свои усилия с работой зарубежных исследователей.

Анализ публикаций, аккумулированных на сайте – в сборнике, журнале и странице «Библиотека» (URL: <http://medialing.spbu.ru/lib/>), опубликованных в журналах Московского университета, включающих рубрику «Медиастилистика», – Медиаскоп (URL: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/412>), «Медиаальманах», «Журналистика и культура русской речи», а также в материалах разных конференций, можно сделать такие выводы о современном состоянии медиалингвистики.

Обнаруживая среди этих публикаций статьи о самой медиалингвистике (напр. [9; 25; 26; 17; 3; 13; 22; 18; 11]), нельзя не отметить, что преимущественно внимание лингвистов сосредоточено на анализе конкретных явлений медиареальности – медиатекст и конкретные медиатексты, жанры, медиадискурс, идиостиль авторов и медиаинституций, региональное медиаполе. Появившаяся под знаком дифференциации науки о языке, медиалингвистика переживает процессы собственной дифференциации на фоне интеграции понятийного аппарата и исследовательского инструментария. Линии этой дифференциации лежат в плоскости фактуры речи (пресса, радио, телевидение, интернет), типов текста (журналистский, пиар-текст, реклама), федерального медиапространства и региональных медиаполей. Сегодняшнее ее состояние можно охарактеризовать как процесс собирания сил и накопления эмпирического опыта, дискуссий об объектах и подходах к нему. Самая молодая из трех «сферных» лингвистик, медиалингвистика выявляет свое место на карте современной науки о языке, соотносит свой исследовательский инструментарий с тем, что используют другие лингвистические направления – как традиционные, так и авангардные, пробивает дорогу в медиаобразование.

Итак, общей причиной появления обсуждаемых лингвистик стала **сферная дифференциация** науки о языке, которая, в свою очередь, стала ответом на вызовы таких процессов публичной коммуникации, как политизация, юридизация и медиатизация. Эти важнейшие процессы в современном обществе способствовали выявлению новых аспектов функционирования языка, формулированию новых исследовательских проблем, корректировку и обновление понятийного аппарата и терминологии.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М., 1981. 320 с.
3. Гайда С. (Медиа)лингвистические дилеммы // Медиалингвистика: международный научный журнал. 2015. № 3. С. 15 – 23. Режим доступа: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1443644877_1446.pdf
4. Голев Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика. № 8. 2007. С. 7 – 13. Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/2437439/>

Нельзя не заметить при этом, что эти сферы коммуникации организуются по разным основаниям. Политическая – по содержанию: власть и все аспекты обладания ею и ее отношений с обществом и гражданином (о чем). Юридическая лингвистика – возникает, как только подвергаются сомнению и становятся предметом спора право на имя, на обладание имуществом, на поведение (как вести коммуникацию). Наконец, медиасфера организуется присутствием медиа – посредника в публичной коммуникации, которая может касаться любых вопросов (какими средствами).

На фоне этого процесса и возникают новые лингвистики, в том числе политическая лингвистика, юрислингвистика и медиалингвистика как сферные версии лингвистики. Конечно, все они соотносятся с науками, изучающими сами сферы в их институциональном, социальном, экономическом и других аспектах, – то есть с политологией, юриспруденцией, медиалогией, оказываются частью многоаспектного изучения соответствующих феноменов, «отвечая» за их языковой аспект.

Но для наших рассуждений важно отметить, что обсуждаемые лингвистики тесно связаны и переплетены между собой: политические дискуссии проходят в медиасфере, и в ней же чаще всего происходят события, становящиеся объектом юридического рассмотрения. Из этого следует, что их параллельное появление отнюдь не означает параллельного существования: здесь параллели сходятся. И сходятся они, по всей видимости, в медиасфере.

Итак, все сферные лингвистики обязаны своим появлением и укреплением на поле гуманитарных наук тому обстоятельству, что наше общество стало (или становится) информационным, коммуникационным, политизированным, правовым и медиацентричным. Эти социальные процессы ставят перед гуманитарной наукой, и лингвистикой в том числе, новые проблемы, в результате чего она переживает процессы дифференциации, формирования новых научно-исследовательских ниш и образовательных дисциплин. Не располагая вековыми традициями бытования, все сферные лингвистики обращены к самой животрепещущей реальности, и в этом залог их социальной востребованности и перспективности.

А в этом залог оптимизма всех, кто причастен ко всем лингвистикам, и реалистическая основа желаний самой плодотворной работы юбиляру и его коллегам. Зная о том, что сегодня Николая Даниловича интересует множество других лингвистических проблем, я решила как бы продолжить нашу давнюю полемику в знак давнего и непрекращающегося интереса к юбиляру и сферам его научных занятий.

5. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика. № 1. 1999. С. 11 – 57.
6. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: новая парадигма в изучении языка СМИ // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. М., 2011. С. 63 – 72.
7. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М., 2008 (2-е изд. – 2014).
8. Добросклонская Т. Г. Прикладные аспекты медиалингвистических исследований // Медиалингвистика. Вып. 4. Профессиональная речевая рефлексия и массмедиа. СПб., 2015. С. 18 – 22. Режим доступа: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1428343475_2861.pdf
9. Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России: лингвопраксиологическая доминанта // Медиалингвистика: международный научный журнал. 2014. № 1. С. 5 – 15. Режим доступа: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1417035558_706.pdf
10. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. Изд. 3-е. М., 1993. 224 с.
11. Лю Шин. Медиалингвистика в Китае: состояние и перспективы // Журналистика и культура русской речи. 2011. № 2. С. 26 – 33.
12. Мансурова В. Д. Инстанция истины: о соотношении норм языка и права в общественной коммуникации // Юрислингвистика. 1999. № 1. С. 94 – 106.
13. Мишланов В. А. Медиалингвистика в ряду традиционных направлений языкознания // Медиалингвистика: международный научный журнал. 2015. № 3. С. 115 – 132. Режим доступа: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1443644877_1446.pdf
14. Речеведение. Теоретические и прикладные аспекты: материалы для обсуждения / сост. Т. В. Шмелева; Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Новгород, 1996. 20 с.
15. Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М., 1979.
16. Рождественский Ю. В. Общая филология. М., 1996.
17. Сиротинина О. Б. Медиалингвистика или медиастилистика? // Медиалингвистика: международный научный журнал. 2015. № 2. С. 17 – 24. Режим доступа: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1435177362_5869.pdf
18. Сковронек Б. Медиалингвистика в польской перспективе // Стилистика как речеведение: сб. науч. тр. славянских стилистов, посвященный памяти М. Н.Кожиной / под ред. Л. Р. Дускаевой. М.: Флинта: Наука, 2013. С. 146 – 154.
19. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: наука – научное направление – фантом // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Ч. 1. М., 2014. С. 248 – 256.
20. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: наука – научное направление – симулякр // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 126 – 134. Режим доступа: ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/upload/2015/04/Chudinov-A.P..pdf
21. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М, 2006. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/anatoliy_prokorevich_chudinov/politicheskaya_lingvistika/read
22. Шевченко Л. И. Медиалингвистика на Украине: перспектива исследования дискурса // Медиалингвистика. 2015. № 1(6). С. 15 – 24. Режим доступа: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1423081001_2905.pdf
23. Шмелева Т. В. Введение в общую филологию: Рабочая программа для студентов 1-го курса филологического факультета. Красноярск, 1987. 34 с. (2-е изд. – 1993).
24. Шмелева Т. В. Возвращение словесности? // Studia Litteraria Polono-Slavica, 5. Warszawa, 2000. S. 11 – 23.
25. Шмелева Т. В. Медиалингвистика как медийноеречеведение // Медиа́текст как полиинтенциональная система. СПб., 2012. С. 56 – 61. Режим доступа: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_135084...50844183_58.pdf
26. Шмелева Т. В. Медиалингвистика: терминологический аспект // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4. Ч. 1. С. 32 – 35. Режим доступа: <http://www.novsu.ru/file/1168154>
27. Шмелева Т. В. Политическая культура // Университетская жизнь. Красноярск. 1988. 29 марта (рубрика «Фокус внимания»).
28. Шмелева Т. В. Речеведение: в поисках теории // Stylistyka. YI. Opole, 1997. S. 301 – 313.
29. Dobrosklonskaya T. G. Media linguistics: theory and methods of studying language in the media // Медиалингвистика: Международный научный журнал. 2014. № 1. С. 7 – 15.

Информация об авторе:

Шмелева Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, szmiel@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 20.06.2016 г.

MEDIA LINGUISTICS ON THE BACKGROUND OF THE LINGUISTICS SPHERE DIFFERENTIATION

Shmeleva Tatyana V.^{1, @}

¹ Jaroslav-the-Wise Novgorod State University
@ szmiel@mail.ru

Abstract: The paper presents the idea of the processes in the modern science of language, which are caused by a number of socio-cultural changes in the society. Designated as the differentiation of the science of language, these processes reveal new aspects of the functioning of the language, pose new theoretical problems and applied tasks and thus contribute to the formation of the new ones – sphere linguistics. Precisely such linguistics – political, juridical linguistics and media linguistics – are analyzed in the paper. The main attention is paid to the concept of “the sphere of speech (communion, communication)” in the works of such linguists as V. V. Vinogradov, M. M. Bakhtin, Yu. V. Rozhdestvensky within the framework of stylistics, theory of speech genres, general philology. The reasons of the actualization of analyzed communication areas at the turn of the centuries are observed. Generally the processes and stages of the three types of linguistics forming, the specific and the general in their present condition and place in the modern science of language, their development prospects are presented. The key moments of the national media linguistics formation are named.

Keywords: linguistics, spheres of communication, political linguistics, juridical linguistics, media linguistics.

For citation: Shmeleva T. V. Media linguistics on the background of the linguistics sphere differentiation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 220 – 226.

References

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esteetika verbal creativity]. Moscow, 1979.
2. Vinogradov V. V. *Problemy russkoi stilistiki* [Problems of Russian stylistics]. Moscow, 1981, 320.
3. Gaoda S. (Media)lingvisticheskie dilemmy [(Media)linguistic dilemma]. *Medialingvistika – Metalinguistics*, no. 3 (2015): 15 – 23. Available at: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1443644877_1446.pdf
4. Golev N. D. Samoopredelenie iuridicheskoi lingvistiki v Rossii [The determination of legal linguistics in Russia]. *Iurilingvistika – Jurilinguistic*, no. 8 (2007): 7 – 13. Available at: <http://www.studfiles.ru/preview/2437439/>
5. Golev N. D. Iuridicheskii aspekt iazyka v lingvisticheskom osveshchenii [The legal aspect of language in the linguistic illumination]. *Iurilingvistika – Jurilinguistic*, no. 1 (1999): 11 – 57.
6. Dobroslonskaia T. G. Medialingvistika: novaia paradigma v izuchenii iazyka SMI [Metalinguistic: a new paradigm in language learning media]. *Iazyk i diskurs sredstv massovoi inforatsii v XXI veke* [Language and discourse of media information in the XXI century]. Ed. Volodya. M. N. Moscow, 2011, 63 – 72.
7. Dobroslonskaia T. G. *Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniiu iazyka SMI (Sovremennaiia angliiskaia mediarech')* [Metalinguistic: a systematic approach to the study of media language (Modern English mediarich)]. Moscow, 2008.
8. Dobroslonskaia T. G. Prikladnye aspekty medialingvisticheskikh issledovaniy [Applied aspects metalinguistically research]. *Medialingvistika. Vyp. 4. Professional'naiia rechevaia refleksii i massmedia* [Metalinguistic. Vol. 4. Professional verbal reflection, and media. Saint Petersburg]. 2015, 18 – 22. Available at: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1428343475_2861.pdf
9. Duskaeva L. R. Medialingvistika v Rossii: lingvopraksiologicheskaiia dominanta [Metalinguistics in Russia: linguotextology dominant]. *Medialingvistika – Metalinguistics*, no. 1 (2014): 5 – 15. Available at: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1417035558_706.pdf
10. Kozhina M. N. *Stilistika russkogo iazyka* [Stylistics of the Russian language]. 3th ed. Moscow, 1993, 224.
11. Liu Shin. Medialingvistika v Kitae: sostoianie i perspektivy [Metalinguistic in China: status and prospects]. *Zhurnalistika i kul'tura russkoi rechi – Journalism and culture of Russian speech*, no. 2 (2011): 26 – 33.
12. Mansurova V. D. Instantsiia istiny: o sootnoshenii norm iazyka i prava v obshchestvennoi kommunikatsii [The Court of truth: the ratio of the norms of language and law in social communication]. *Iurilingvistika – Jurilinguistic*, no. 1 (1999): 94 – 106.
13. Mishlanov V. A. Medialingvistika v riadu traditsionnykh napravlenii iazykoznanii [Metalinguistic in a number of traditional areas of linguistics]. *Medialingvistika – Metalinguistics*, no. 3 (2015): 115 – 132. Available at: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1443644877_1446.pdf
14. *Rechevedenie. Teoreticheskie i prikladnye aspekty: materialy dlia obsuzhdeniia* [Speech study. Theoretical and applied aspects: materials for discussion]. Comp. Shmeleva T. V. Novgorod. gos. un-t im. Iaroslava Mudrogo. Novgorod, 1996, 20.
15. Rozhdestvenskii Iu. V. *Vvedenie v obshchuiu filologiiu* [Introduction to General Philology]. Moscow, 1979.
16. Rozhdestvenskii Iu. V. *Obshchaia filologiiia* [General Philology]. Moscow, 1996.
17. Sirotinina O. B. Medialingvistika ili mediastilistika? [Metalinguistic or mediastinitis?]. *Medialingvistika – Metalinguistics*, no. 2 (2015): 17 – 24. Available at: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1435177362_5869.pdf

18. Skovronek B. Medialingvistika v pol'skoi perspective [Metalinguistic in the Polish perspective]. *Stilistika kak rechevedenie* [The Style how speech study: scientific collection. Tr. Slavic stylists dedicated to the memory of M. N. Kozhina]. Ed. Duskaeva L. R. Moscow: Flinta: Nauka, 2013, 146 – 154.
19. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: nauka – nauchnoe napravlenie – fantom [Political linguistics: science – scientific direction – the phantom]. *Stilistika segodnia i zavtra. Materialy konferentsii* [Stylistics today and tomorrow: Proc. Conf.]. Moscow, Part 1 (2014): 248 – 256.
20. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: nauka – nauchnoenapravlenie – simuliakr [Political linguistics: science – scientific direction – the simulacrum]. *Ekologiya iazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of language and communicative practice*, no. 1 (2015): 126 – 134. Available at: ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/upload/2015/04/Chudinov-A.P..pdf
21. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow, 2006. Available at: http://modernlib.ru/books/anatoliy_prokopevich_chudinov/politicheskaya_lingvistika/read
22. Shevchenko L. I. Medialingvistika na Ukraine: perspektiva issledovaniyadiskursa [Metalinguistic in Ukraine: the perspective of discourse analysis]. *Medialingvistika – Metalinguistic*, no. 1(6) (2015): 15 – 24. Available at: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1423081001_2905.pdf
23. Shmeleva T. V. *Vvedenie v obshchuyu filologiyu* [Introduction to General Philology]. Krasnoyarsk, 1987, 34.
24. Shmeleva T. V. Vozvrashchenie slovesnosti? [The Return of literature?]. *Studia Litteraria Polono-Slavica*, 5, Warszawa, 2000, 11 – 23.
25. Shmeleva T. V. Medialingvistika kak mediinoe rechevedenie [Metalinguistic media speech study]. *Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema* [Media text as paintersjournal system]. Saint Petersburg, 2012, 56 – 61. Available at: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_135084...50844183_58.pdf
26. Shmeleva T. V. Medialingvistika: terminologicheskii aspekt [Metalinguistic: terminological aspect]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Vestnik of Novgorod state University. Series of Humanitarian Sciences*, part 1, no. 4 (2015): 32 – 35. Available at: <http://www.novsu.ru/file/1168154>
27. Shmeleva T. V. Politicheskaya kul'tura [Political culture]. *Universitetskaya zhizn' – University life*, 29 March (1988). Krasnoyarsk.
28. Shmeleva T. V. *Rechevedenie: v poiskakh teorii* [Speech study: in search of theory]. *Stylistyka*. YI. Opole, 1997, 301 – 313.
29. Dobrosklonskaya T. G. Media linguistics: theory and methods of studying language in the media [Media linguistics: theory and methods of studying language in the media]. *Medialingvistika – Metalinguistics*, no. 1 (2014): 7 – 15.

Received 01.02.2016, accepted 20.06.2016.

РУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ И ПУНКТУАЦИЯ В XXI ВЕКЕ: «ЧЕЛОВЕК» И «ЗАКОН»

Н. В. Юдина^{1, @}

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
 @ dr.yudina@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена изучению и описанию некоторых активных процессов, происходящих в сфере орфографии и пунктуации русского языка XXI века. Среди наиболее характерных тенденций отмечается расхождение между кодифицированными рекомендациями правил и письменной (орфографической и пунктуационной) практикой; стремление современной языковой личности к активной лингвокреативной деятельности, связанной с использованием экспрессивных возможностей графики, орфографии и пунктуации для привлечения внимания читающих и пишущих, а также намеренное нарушение орфографической и пунктуационной нормы, вызванное либо низким уровнем владения письменной коммуникацией, либо пренебрежением к существующим правилам, либо стремлением к лингвистической самоидентификации. Тенденции в динамике русской орфографии и пунктуации рассматриваются как активный сегмент общих процессов, происходящих в сфере русского языка и русской речи. Делается вывод о необходимости пристального внимания и возможного пересмотра существующих орфографических и пунктуационных норм с целью налаживания адекватного, конструктивного, соответствующего «вызовам времени» диалога между современной языковой личностью и нормативными «законами» русского языка XXI века.

Ключевые слова: русский язык XXI века, орфография, пунктуация, кодификация, лингвокреативная деятельность, современная языковая личность.

Для цитирования: Юдина Н. В. Русская орфография и пунктуация в XXI веке: «человек» и «закон» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 227 – 233.

Согласно справедливому замечанию профессора Н. Д. Голева, тенденции в русской графике, орфографии и пунктуации являются «одним из частных проявлений глобальных тенденций в современной письменной речи, на основании которых невозможно прогнозировать её дальнейшее развитие. Тенденции, складывающиеся в ней, – прообраз будущей системы русского правописания, обнаруживающей сейчас ориентацию на сугубо коммуникативные потребности, и в первую очередь – перлокутивные. Все эти процессы протекают на наших глазах, и задача лингвиста – их зафиксировать, описать и интерпретировать» [4, с. 13].

Николай Данилович Голев, его ученики и единомышленники внесли значительный вклад в фиксацию, описание и интерпретацию современной письменной русскоязычной коммуникации, о чем свидетельствует ряд оригинальных и актуальных публикаций двух последних десятилетий (см. к примеру [3; 7; 10; 15; 24 и др.]). В юбилейной статье, посвященной 70-летию уважаемого профессора Н. Д. Голева, мы также хотели бы подключиться к обозначенному выше полилогу и внести свой скромный вклад в обсуждение активных процессов, происходящих в сфере орфографии и пунктуации русского языка в XXI веке, в их отношении к лингвокреативной деятельности современного носителя русского языка в плане соблюдения установленных и кодифицированных правил и норм.

Обращаясь к сфере **орфографии**, заметим, что письмо как часть общей национальной культуры является одним из самых консервативных сегментов языка, однако и в области русского письма в XXI веке так же, как и в других областях языка, изменения очевидны. Согласно точке зрения С. М. Кузьминой, «общая раскованность языка нашего времени, отмечаемая исследователями и характеризующая разные языковые яру-

сы, сказывается и на письме и проявляется прежде всего в вольном обращении с правилами, а нередко и в игнорировании их. Современная языковая ситуация характеризуется большим доверием к говорящему и пишущему. Отмена цензуры, создание частных, не всегда грамотных издательств, отсутствие корректирования, а подчас и редактирования текста приводят к пренебрежению орфографическими правилами и как результат – к безграмотному письму... Удручающая орфографическая безграмотность объясняется недостатком в обществе общей и языковой культуры» [14, с. 408].

Среди наиболее заметных тенденций в сфере орфографии современного русского языка мы могли бы отметить следующие:

1) появление ряда **орфографических ошибок** в различного рода печатных изданиях, рекламных текстах, вызванных пренебрежением к орфографическим правилам и отсутствием специальной корректуры;

2) систематическое **расхождение между кодифицированными рекомендациями правил и орфографической практикой** в некоторых сложных случаях русской орфографии; ср., напр., слитно-дефисное написание сложных прилагательных и наречий, написание Н и НН в отглагольных прилагательных, написание НЕ с различными частями речи;

3) **несистематическое использование**, а иногда и намеренное игнорирование **буквы Ё** в любых печатных текстах.

О судьбе этой буквы в русском языке написано много научной и научно-популярной литературы. Так, известно, что днём рождения буквы ё следует считать 29 (18) ноября 1783 года, когда общее собрание Петербургской академии наук утвердило предложение её директора, княгини Екатерины Дашковой, о замене

сочетания *io* на новую букву *ё*. Идею княгини поддержал Г. Р. Державин, который первым начал использовать *ё* в личной переписке. Первым печатным изданием, где в 1795 году появилась буква *ё*, стала книга русского баснописца Ивана Дмитриева «И мои безделки» (названная по аналогии с «Моими безделками» Н. М. Карамзина). Широкою известность буква *ё* получила благодаря Н. М. Карамзину. В 1797 г. почётный член Петербургской академии наук, писатель, журналист, историк при подготовке в печать одного из своих стихотворений заменил две буквы в слове *слиозы* на одну – *ё*. С лёгкой руки Карамзина *ё* вошла в русский алфавит. Буква *ё* употреблялась в прижизненных изданиях А. С. Пушкина и др. русских писателей (М. Ю. Лермонтова, И. И. Козлова, Ф. И. Тютчева, И. И. Лажечникова, В. К. Кюхельбекера, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова), словаре В. И. Даля, системах азбук Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского.

Появление буквы *ё* в русском языке было оправданным и даже необходимым. По мере развития русского языка графика славянского алфавита перестала полностью соответствовать фонетическому строю русской речи. *Ё* стала обозначать, во-первых, гласный звук *о* под ударением после мягких согласных (ср.: *нёс*); во-вторых, сочетание звуков *jo* (ср.: *ёж*). Научное обоснование необходимости буквы *ё* в системе графики русского языка было сделано такими выдающимися деятелями культуры и науки, как Е. Р. Дашкова, Н. М. Карамзин, Д. Н. Ушаков, Л. В. Щерба, С. И. Ожегов, А. А. Реформатский, Н. Ю. Шведова, А. И. Солженицын и мн. др.

Однако, ввиду отсутствия специального законодательного акта, буква *ё* далеко не всегда появлялась в печати. В истории русской орфографии известен прецедент, когда в 1942 г. приказом наркома просвещения РСФСР В. П. Потёмкина употребление буквы *ё* сделали обязательным. Однако это обязательное употребление буквы *ё* продержалось лишь до начала 50-х годов XX века. Традиция необязательного использования буквы *ё* сохраняется и по настоящее время.

Согласно социологическому опросу, проведенному исследовательским центром «SuperJob» и описанному в статье А. Фатеева, на вопрос социологов о необходимости законодательного закрепления буквы *ё* отвечали 1800 респондентов в возрасте от 18 до 60 лет. Более 43 % опрошенных сказали «да» обязательному употреблению буквы *ё* в письменных и печатных текстах, 47 % говорят законодателям категорическое «нет», а 10 % затрудняются ответить [25, с. 74] (о судьбе буквы *ё* подробнее см. и другие материалы в [6; 20], а также [5; 18; 23; 26 и мн. др.]).

В настоящее время некоторые из лингвистов склонны считать, что утрата буквы *ё* приводит к искажениям русского языка, нередко к путанице, неопределённости и ошибочным прочтениям. Особенно важными сферами использования буквы *ё* являются юридические документы (ср.: *Селезнев* и *Селезнёв*, *Потемкин* и *Потёмкин*, *Федор Семенович* и *Фёдор Семёнович* и др.), а также иноязычные фамилии и названия (ср.: *Гёте*, *Бёрнс*, *Бёлль*, *Кёльн* и др.). Известно также, что букве *ё* в г. Ульяновске даже поставлен памятник.

3 мая 2007 г. Министерство образования и науки РФ в соответствии с решениями Межведомственной комиссии по русскому языку (председатель Межведомственной комиссии по русскому языку – министр образования и науки РФ А. А. Фурсенко), принятыми на заседании в г. Иваново (протокол от 13 апреля 2007 года № 6), направило рекомендации по употреблению при написании имён собственных буквы *ё* (№ АФ-159/03) [22]. В приложении к данным рекомендациям в том числе было замечено: «Ныне буква *Ё* содержится в более чем 12500 словах, 2500 фамилиях граждан России и бывшего СССР, в тысячах географических названий России и мира, имён и фамилий граждан зарубежных государств. По статистике встречаемости русских букв в различных текстах для буквы *Ё* получается результат ниже 0,5 % (менее одного раза на 200 знаков). У российских граждан возникают проблемы с документами, если в их фамилии, имени, месте рождения в одних случаях буква *Ё* указана, а в других нет. Проблемы возникают при заполнении паспортов, свидетельств о рождении, оформлении наследства, транслитерации фамилий, передаче телеграмм и в ряде других случаев. Около 3 % граждан Российской Федерации имеют фамилии, имена или отчества, в которых содержится буква *Ё*, и нередко запись в паспорте оказывается искажённой. Причиной этого является несоблюдение установленного утверждёнными в 1956 г. Правилами русской орфографии и пунктуации требования обязательно использовать букву *Ё* в случаях, когда возможно неправильное прочтение слова. Имена собственные (фамилии, имена, отчества, географические названия, названия организаций и предприятий) как раз и относятся к этому случаю. Поэтому применение буквы *Ё* в именах собственных должно быть бесспорным и обязательным.

В связи с бурным развитием типографской деятельности в конце XIX в. буква *Ё* стала вытесняться из текстов похожей внешне, но совершенно другой буквой *Е*. Это явление имело экономическое обоснование: наличие буквы *Ё* вызывало при литерном или лито-типном наборе дополнительные материальные затраты. Сейчас наличие в тексте буквы *Ё* при компьютерном наборе и вёрстке любым кеглем и гарнитурой к удорожанию печати не ведёт» [19].

На необходимость использования буквы *ё* указано также и в Письме Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 30 сентября 2005 года № 01-387/07-01 «О характерных нарушениях при оформлении аттестатов об основном и среднем (полном) общем образовании». В частности замечено: «Кроме того, требуется обратить особое внимание на соответствие паспортных данных и данных, указанных в документах об образовании (например – в фамилиях, именах и отчествах буква «ё» заменяется на «е» (в паспорте «Ковалёва», а в аттестате «Ковалева», «Пётр» заменяется на «Петр»); правильное написание имен и отчеств в соответствующем падеже (Наталья – Наталия и т. д.)» [20].

Известно, что в настоящее время факт нарушения обозначенных требований в сфере употребления буквы *ё* в современной русской орфографии активно подтверждается;

4) **несформированность орфографической нормы и появление орфографической вариативности в заимствованных словах.** Ср., напр.: *Самый большой зал – это место, отведенное под эстрадную площадку и танцпол, чуть повыше располагаются каскадом авторитетные вип-места и вип-зона для зрителей* («МК», 2005) и *Курс проходит в современном VIP-классе* («Телесемь», 2006); *Взрослые тоже нередко впадают в детство и приглашают ряженных на новогодние «пати»* («МК», 2005) и *Любимым развлечением ее последнего мужа было посещение великосветских party* («Комсомольская правда», 2003); *Старший, как и папа, увлекается музыкой и, по-видимому, станет популярным ди-джем* («МК», 2004) и *После окончания его игры за пульт встал его хороший друг и не менее известный DJ, который отыграл потрясающий сет техно-музыки* («Досуг», 2005); *Green card ему выдали, а получение гражданства могло растянуться на неопределенное количество лет* («Владимирские ведомости», 2006) и *Закон об ОСАГО имеет и международный аспект. Его принятие было одним из условий вступления России в международную систему страхования гражданско-правовой ответственности владельцев транспортных средств «Зеленая карта», в состав которой входят в настоящее время 43 страны* («Комсомольская правда», 2005) и др.;

5) усиление личностного начала в языке и, как следствие, апеллятивно-экспрессивной функции, что находит отражение в фактах **авторской орфографии**, т. е. намеренном отступлении от орфографической нормы, выражающем особые цели или пристрастия пишущего. Результатом этой тенденции становится публикация материалов в авторской редакции, включая орфографию и пунктуацию;

6) **стремление к свободе использования экспрессивных возможностей графики и орфографии для привлечения внимания читающих**, в частности потребителей рекламных текстов:

- неуместное и необоснованное использование прописных букв; ср.: **Владимирский Государственный Университет*;

- неуместное (часто безграмотное) использование дореформенной графики: **ва-банк, *лекарь, *коммерсантъ, *трактір* и др.;

- чрезмерное увлечение латиницей, необоснованное чередование кириллицы и латиницы в одной лексической единице или номинации (ср.: *Иван-мобиl* (название салонов по продаже мобильных телефонов), *Дягилеv* (название салонов красоты) и др.);

- использование разных шрифтов в пределах одного слова или словосочетания: *БУХГАЛТЕРУЯ* (объявление о наборе слушателей на курс бухгалтеров);

- необоснованное разбиение слов на слоги и отделение их друг от друга пунктуационными знаками, обычно употребляемыми в конце предложения; ср.: *Тре!Бу!Ем!Ся!*; (подробнее см.: [14, с. 410–412]; часть примеров взята там же [14, с. 411];

- частое использование пиктографики как нового явления в русской параграфемике, под которым Т. М. Григорьева предлагает понимать замену буквы в слове рисунком, тематически связанным с областью рекламируемого. Так, например, вместо буквы А в слове ЗАМКИ на вывеске изображается замочная скважи-

на, в слове КАНЦТОВАРЫ букву А заменяет изображение циркуля, а слове КУЛИНАРИЯ на месте буквы А нарисован треугольный кусок торта (цит. по: [15]).

Как заметил В. Г. Костомаров, большую роль в определении нынешнего «орфографического вкуса» следует приписать рекламе и в целом всем масс-медиа. Формируясь на рубеже лингвистических и графических, точнее – всех изохудожественных средств (вплоть до цвета и звука), они принципиально переплетают языковую и внеязыковую стороны, что и вызывает органическую потребность в новых типах письменного оформления текста [11, с. 215].

По мнению ряда лингвистов (см., к примеру, [1]), нуждается в обновлении действующий с 1956 г. свод «Правил русской орфографии и пунктуации», в котором должны найти применение изменения, произошедшие за последние 50 лет. В частности, это касается новых слов, написание которых не регламентировано и вследствие этого постоянно варьируется (ср.: *дилер, киллер, дефолт, риелтор* и др.); нуждаются в регламентации языковые единицы, стоящие на грани между словом и частью слова и содержащие в себе единицы типа *мини, миди, макси, микро, видео, аудио, медиа* и мн. др. Как нам думается, на сегодняшний день задача специалистов в теории письма, таким образом, состоит в том, чтобы следить за функционированием орфографии, за действенностью орфографических правил, выявлять «устаревшие стеснительные правила» (см., к примеру, [9]) и разрабатывать научно обоснованные предложения по их изменению.

Не случайно в 90-е XX в. Орфографической комиссией при Отделении литературы и языка РАН под руководством главного научного сотрудника Института языкознания РАН, доктора филологических наук В. В. Лопатина был предложен к общественному обсуждению проект новой редакции свода правил русского правописания, подготовленный в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Согласно мнению одного из разработчиков проекта С. М. Кузьминой, можно отметить две противоположные тенденции в отношении российского общества к изменениям в орфографической системе XXI в.: с одной стороны, желание упростить орфографию и в результате облегчить её усвоение, а с другой стороны – стремление к устойчивости орфографической нормы и неприятие изменений в орфографической сфере [14]. После длительной научной и общественной дискуссии изменения, предлагаемые комиссией, руководствующейся задачами отражения современной орфографической практики и стремлением обозначить в правилах исторически сложившиеся закономерности правописания [17], не были приняты (более подробно о подготовленных предложениях см., напр., в [8; 12; 13; 16; 17 и др.]). Однако корректировка русской орфографии XXI века по-прежнему является одной из актуальных задач, стоящих перед современными русистами.

В этой связи нам очень импонирует пассаж Н. Д. Голева, объясняющий факт необходимости пересмотра ценностных ориентиров современной орфографической и пунктуационной нормы: «Трудно оспорить факт, что владение орфографическими и пунктуационными нормами – признак культурного человека и что следует приветствовать все проявления его культурно-

сти, в том числе речевой. Однако эта бесспорность не должна заслонять вопроса о прагматике. Ходить в шортах в официальном учреждении, бесспорно, является некультурным, но это не означает, во-первых, что это неудобно и, во-вторых, что вопрос об официальной одежде в аспекте удобства – неудобства не подлежит рассмотрению – это разные вопросы, не вытекающие один из другого и далеко не всегда предполагающие друг друга» [4, с. 25].

Анализируя тенденции в современной русской **пунктуации**, Н. С. Валгина выдвинула тезис о том, что «современная русская пунктуация, как определенный исторический этап в её становлении, представляет собой функциональную систему, с одной стороны, достаточно устойчивую и стабильную, и, с другой стороны, систему гибкую, нежесткую, способную адекватно отражать «движение мысли» и стилистические нюансы» [2, с. 239]. Отсюда следует, что в целом современная пунктуационная норма соответствует «Правилам русской орфографии и пунктуации» 1956 года, так как в своей основе русская пунктуация достаточно стабильна на протяжении многих десятков лет. Однако в начале XXI века можно выделить некоторые особенности в сфере пунктуации, являющиеся продолжением отражения ряда тенденций в области синтаксиса и речевого поведения носителей современного русского языка.

Обзор существующей лингвистической литературы и самостоятельно собранный языковой материал дают основание выделить следующие особенности русской пунктуации в XXI веке:

1) являясь выразителем тончайших оттенков смысла, интонации, ритма и стиля, пунктуация позволяет современному человеку проявить собственное творческое начало, что часто выражается в **использовании ситуативных и собственно авторских знаков**, которые, с одной стороны, помогают более полно и глубоко передать смысловое и эмоциональное содержание текста, а с другой стороны, такого рода знаки нельзя считать регламентированными;

2) к сожалению, следует признать, что в текстах XXI века довольно часто отмечается **нарушение пунктуационной нормы**, вызванное, как и в случаях с орфографическими ошибками, пренебрежением к пунктуационным правилам и отсутствием квалифицированной корректуры. По замечанию В. Г. Костомарова, «в пунктуации наблюдается еще больший разрыв, нежели в орфографии. Несомненные ошибки здесь исчисляются сотнями» [11, с. 215]. К наиболее часто встречающимся ошибкам В. Г. Костомаров относит постановку знаков препинания между подлежащим и именной частью сказуемого без глагольной связки, оформление постраничных сносок и библиографических ссылок;

3) широко распространенное в современной печати явление *парцелляции* находит отражение в достаточно часто **необоснованной постановке точки**, основной функцией которой является членение текста на отдельные предложения и указание на конец повествовательного предложения. Пренебрежение к данной функции, необоснованное дробление текста, постановка точки, рвущей предложение, достаточно часто приводят к утрате экспрессивности, разрушают семантическую

цельность текста и воспринимаются как ошибки, в то время как парцелляция является одним из наиболее ярких приемов, используемых в русской литературе XX – XXI веков;

4) в XXI веке происходит постепенное **сужение сферы распространения точки с запятой** и, как следствие, сокращается её использование, вызванное, как минимум, двумя причинами. Во-первых, согласно исследованиям Н. С. Валгиной, точка с запятой, в прошлом чрезвычайно употребительный и многозначный знак, к настоящему времени закрепила свои позиции только в предложениях с очень распространенными однородными членами или сложными предложениями однородного состава (сложноподчиненными или бессоюзными с перечислительными отношениями) [2, с. 250]. Во всех остальных случаях точка с запятой чаще всего заменяется запятой. Во-вторых, обозначенное выше стремление к сжатости, экономности высказывания и вместе с тем к информационной и эмоциональной ёмкости, которые обеспечивает точка – сегодня столь модная – как наиболее удобный знак, не подкрепляется необходимостью использования в особо осложненных контекстах традиционно нормативной точки с запятой;

5) процесс **сужения и локализации функций двоеточия** (более традиционного, строгого и «академического») **в пользу тире**, более свободного, энергичного, экспрессивного и многофункционального, а значит, самого удобного знака, выполняющего структурные, смысловые и экспрессивные функции, связан с **процессом универсализации тире** и его активным распространением;

6) в настоящее время **повышается частотность употребления многоточия** и развитие его новых значений, вызванные эмоциональной наполненностью многоточия как показателя психологического напряжения, маркера большого эмоционального и интеллектуального накала, также свойственных языковой личности XXI века;

7) **частотность использования** пунктуационных знаков в XXI веке (расширение использования тире и точек, с одной стороны, и потеря части функций у точки с запятой и тире – с другой стороны) **влечет за собой качественные изменения их функций**, вызванные, в первую очередь, необходимостью соответствовать требованиям современного человека (более подробно об активных процессах в сфере русского языка XXI века см.: [27]).

Таким образом, представленный нами языковой материал и некоторые описанные выше активные процессы в сфере современной русской орфографии и пунктуации подтверждают один из тезисов профессора Н. Д. Голева о том, что «важнейшей антиномией в процессе формирования письменной разговорной речи является антиномия коммуникативно-прагматической и культурно-знаковой функции с перестановкой акцентов в пользу первой. При этом ОРФОграфические нормы по сравнению с пунктуационными оказываются более устойчивыми в обыденном метаязыковом сознании в плане сохранения представлений о культурно-знаковых ценностях единообразного «решения орфограмм» [4, с. 28]. Кроме того, бесспорным, на наш взгляд, является и тот факт, что орфографическая и

пунктуационные нормы нуждаются сегодня в пристальном внимании и – отчасти – пересмотре с целью налаживания адекватного, конструктивного, соответствующего «вызовам времени» диалога между современной языковой личностью и нормативными «законами» русского языка XXI века.

В завершение настоящей статьи, посвященной 70-летию доктора филологических наук, профессора

Н. Д. Голева и 10-летию юбилею научной школы «Социально-когнитивное функционирование русского языка», пожелаем глубокоуважаемому Николаю Даниловичу доброго здоровья и новых лингвистических достижений, в том числе и в сфере изучения основных векторов развития письменной коммуникации Новейшего времени.

Литература

1. Букчина Б. З. «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. и орфографическая практика // ИАН ОЛЯ, 1974. Т. 33. № 1.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
3. Голев Н. Д. Письменная коммуникация Новейшего времени: основные векторы развития // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2. С. 5 – 17.
4. Голев Н. Д. Русская письменная разговорная речь и её отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5(25). С. 12 – 30.
5. Головей В. Д. Об одной нерешённой проблеме русской орфографии // Язык. Человек. Общество: II Международный сборник научных трудов (к 65-летию проф. В. Т. Малыгина) / отв. ред. Н. В. Юдина. СПб.; Владимир, 2010.
6. «Дар веков сберечь...»: русский язык на страницах парламентской газеты / Тюменский государственный университет; Союз журналистов Тюменской области; областная парламентская газета «Тюменские известия» / под ред. О. В. Трофимовой. Тюмень: Мандр и Ка, 2008.
7. Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. 1: Проблемы письменной речи и развития языкового чувства: материалы конф. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 347 с.
8. Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. М., 1994.
9. Карцевский С. И. Повторительный курс русского языка // Из лингвистического наследия. М., 2000. С. 97 – 214.
10. Киселева О. А. Русская орфография в коммуникативном аспекте (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.
11. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
12. Кузьмина С. М. О новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации» // Русская словесность. 1995. № 2.
13. Кузьмина С. М., Лопатин В. В. К лингвистическому обоснованию «Свода правил русского правописания» // Русистика сегодня. 1996. № 1.
14. Кузьмина С. М. Активные процессы в области русского письма // Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX – XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 397 – 412.
15. Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Тюкаева Н. И. Жанры естественной письменной речи. М.: Изд-во URSS, 2011. 251 с.
16. Лопатин В. В. Русская орфография: задачи корректировки // Новый мир. 2001. № 5.
17. Лопатин В. В. Новая редакция правил русского правописания: реальности и мифология // Общественные науки и современность. 2002. № 3. С. 172 – 180.
18. Моисеев А. И. О букве Ё // Русский язык за рубежом. 1977. № 1.
19. О решениях Межведомственной комиссии по русскому языку (Минобрнауки России) от 03 мая 2007 г. № АФ-159/03. Режим доступа: <http://lex-spb.ru/news/?news=13> (дата обращения: 24.02.2016).
20. О характерных нарушениях при оформлении аттестатов об основном и среднем (полном) общем образовании. Письмо Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 30 сентября 2005 г. № 01-387/07-01. Режим доступа: <http://lex-spb.ru/news/?news=13> (дата обращения: 24.02.2016).
21. Пчёллов Е. Д., Чумаков В. Т. Два века русской буквы Ё. История и словарь // Народное образование. М., 2000. 248 с.
22. Рекомендации Министерства образования и науки РФ от 3 мая 2007 года № АФ-159/03.
23. Суперанская А. В. Вновь о букве ё // Наука и жизнь. 2008. № 1.
24. Тискова О. В. Проблема влияния пунктуации на письменноречевые коммуникативные процессы: (на материале интерпретации читающим письменных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
25. Фатеев А. Ё-моё! Как же без Ё? // «Дар веков сберечь...»: русский язык на страницах парламентской газеты / под ред. О. В. Трофимовой. Тюмень: Мандр и Ка, 2008. С. 73 – 75.
26. Чумаков В. Т. Употребление буквы Ё. М.: Народное образование, 2009.
27. Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М.: Гнозис, 2010. 293 с.

Информация об авторе:

Юдина Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор, директор Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, dr.yudina@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., принята к печати 16.06.2016 г.

RUSSIAN ORTHOGRAPHY AND PUNCTUATION IN THE 21ST CENTURY: «MAN» AND «LAW»

Yudina Natalia V.^{1, @}

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation

@ dr.yudina@mail.ru

Abstract: The paper is focused on the research and description of several active processes in Russian orthography and punctuation of the 21st century. The following tendencies are most specific: difference between the codified recommendations of rules and the written (orthographic and punctuative) practice; wish of a modern language personality to make the linguistic activity creative, use the expressive means of graphics, orthography and punctuation and draw attention of those who read and write; intentional violation of the orthographic and punctuative norms caused either by a low level of the written communication, neglect of the existing rules, or motive to the linguistic self-identification. The tendencies in the dynamics of Russian orthography and punctuation are viewed as an active part of the common processes in the Russian language and speech. The research makes it possible to investigate and review the existing orthographic and punctuative norms in order to meet the “challenges of time” and build a reasonable and functional dialogue between a modern language personality and the normative “laws” of the Russian language of the 21st century.

Keywords: the Russian language of the 21st century, orthography, punctuation, codification, linguocreative activity, a modern language personality.

For citation: Yudina N. V. Russian orthography and punctuation in the 21st century: «man» and «law». *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 227 – 233.

References

1. Bukchina B. Z. «Pravila russkoi orfografii i punktuatsii» 1956 g. i orfograficheskaya praktika [“The rules of Russian orthography and punctuation” 1956 and spelling practice]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR, Otdelenie literatury i iazyka – Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR, Department of literature and language*, 33, no. 1 (1974).
2. Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom iazyke* [Active processes in modern Russian]. Moscow, 2001.
3. Golev N. D. Pis'mennaya kommunikatsiya Noveishego vremeni: osnovnye vektory razvitiya [Written communication Newest time: the main vectors of development]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Bulletin of the Tomsk State University. Philology*, no. 2 (2012): 5 – 17.
4. Golev N. D. Russkaya pis'mennaya razgovornaya rech' i ee otrazhenie v obydennom metazykovom soznanii uchastnikov virtual'noi kommunikatsii [Russian written spoken language and its reflection in the everyday metalinguistic consciousness of participants of virtual communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Bulletin of the Tomsk State University. Philology*, no. 5(25) (2013): 12 – 30.
5. Golovei V. D. Ob odnoi nereshennoi probleme russkoi orfografii [On the one unsolved problem of Russian orthography]. *Iazyk. Chelovek. Obshchestvo: II Mezhdunarodnyi sbornik nauchnykh trudov (k 65-letiiu prof. V. T. Malygina)* [Language. Human. Society: II Intern. collection of scientific papers (To the 65th anniversary of Professor Malygin V. T.)]. Ed. Iudina N. V. Saint-Petersburg – Vladimir, 2010.
6. «Dar vekov sberech'...»: russkii iazyk na stranitsakh parlamentskoi gazety [“The Gift of the centuries to preserve ...”: the Russian language on the pages of the parliamentary newspaper]. Ed. Trofimova O. V. Tiumen': Mandr i Ka, 2008.
7. *Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech': issledovatel'skii i obrazovatel'nyi aspekty. Ch. 1: Problemy pis'mennoi rechi i razvitiya iazykovogo chuvstva: materialy konf.* [Natural written Russian speech: research and educational aspects. Part 1: Problems writing and development of linguistic senses: Proc. Conf.]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 200, 347.
8. Es'kova N. A. *Kratkii slovar' trudnostei russkogo iazyka. Grammaticheskie formy. Udarenie* [Concise Dictionary of the difficulties of the Russian language. The grammatical form. Stress]. Moscow, 1994.
9. Kartsevskii S. I. Povtoritel'nyi kurs russkogo iazyka [Repeating Russian language course]. *Iz lingvisticheskogo naslediya* [From the linguistic heritage]. Moscow, 2000, 97 – 214.
10. Kiseleva O. A. *Russkaya orfografiya v kommunikativnom aspekte (eksperimental'noe issledovanie)*. Diss. kand. filol. nauk [Russian spelling in the communicative aspect (experimental research). Cand. filol. Sci. Diss.]. Barnaul, 2002.
11. Kostomarov V. G. *Iazykovo vkus epokhi: iz nabliudenii nad rechevoi praktikoi mass-media* [Language taste of the era: from observations of speech practice media]. Moscow: Pedagogika-Press, 1994.
12. Kuz'mina S. M. O novoi redaktsii «Pravil russkoi orfografii i punktuatsii» [On the “Rules of Russian orthography and punctuation” new edition]. *Russkaya slovesnost' – Russian literature*, no. 2 (1995).
13. Kuz'mina S. M., Lopatin V. V. K lingvisticheskomu obosnovaniyu «Svoda pravil russkogo pravopisaniya» [For linguistic substantiation “Of the Code of Russian spelling”]. *Rusistika segodnia – Russian philology today*, no. 1 (1996).
14. Kuz'mina S. M. Aktivnye protsessy v oblasti russkogo pis'ma [Active processes in the field of Russian letters]. *Sovremennyy russkii iazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX – XXI vekov* [Modern Russian language: Active processes at the turn of XX - XXI centuries]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2008, 397 – 412.

15. Lebedeva N. B., Zyrianova E. G., Plaksina N. Iu., Tiukaeva N. I. *Zhany estestvennoi pis'mennoi rechi* [Genres natural writing]. Moscow: Izd-vo URSS, 2011, 251.
16. Lopatin V. V. Russkaia orfografiia: zadachi korrekcirovki [Russian orthography: adjustment problems]. *Novyi mir – New world*, no.5 (2001).
17. Lopatin V. V. Novaia redaksiia pravil russkogo pravopisaniia: real'nosti i mifologii [The new version of the rules of Russian spelling: reality and mythology]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Modernity*, no. 3 (2002): 172 – 180.
18. Moiseev A. I. O bukve E [About the letter E]. *Russkii iazyk za rubezhom – Russian language abroad*, no. 1 (1977).
19. *O resheniiakh Mezhdovedstvennoi komissii po russkomu iazyku (Minobrnauki Rossii) ot 03 maia 2007 g. № AF-159/03* [Solutions of the Interagency Commission of the Russian language (Russian Ministry of Education) on May 3, 2007 no. AF-159/03]. Available at: <http://www.lex-spb.ru/news/?news=13> (accessed 24.02.2016)
20. *O kharakternykh narusheniiakh pri oformlenii attestatov ob osnovnom i srednem (polnom) obshchem obrazovanii* [On the characteristic irregularities in the registration certificates for basic and secondary (complete) general education. Letter of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Education and Science on September 30, 2005 no. 01-387 / 07-01]. Available at: <http://www.lex-spb.ru/news/?news=13> (accessed 24.02.2016).
21. Pchelov E. D., Chumakov V. T. Dva veka russkoi bukvy E. Istoriia i slovar' [Two centuries of Russian history and the letter Y. Dictionary]. *Narodnoe obrazovanie* [Education]. Moscow, 2000, 248.
22. *Rekomendatsii Ministerstva obrazovaniia i nauki RF ot 3 maia 2007 goda № AF-159/03* [Recommendations of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated May 3, 2007 no. AF-159/03].
23. Superanskaia A. B. Vnov' o bukve e [Once again about the letter g]. *Nauka i zhizn' – Science and life*, no. 1 (2008).
24. Tiskova O.V. *Problema vliianiia punktuatsii na pis'mennorechevye kommunikativnye protsessy: (Na materiale interpretatsii chitaiushchim pis'mennykh tekstov)*. Diss. kand. filol. nauk [The problem punctuation effect on pismennorechevye communicative processes: (On the interpretation of reading material written texts). Cand. filol. Sci. Diss.]. Barnaul, 2004.
25. Fateev A. E-moe! Kak zhe bez E? [E-mine! As without E?]. «*Dar vekov sberech'...*»: russkii iazyk na stranitsakh parlamentskoi gazety ["The Gift of the centuries to preserve...": the Russian language on the pages of the parliamentary newspaper]. Ed. Trofimova O. V. Tiumen': Mandr i Ka, 2008, 73 – 75.
26. Chumakov V. T. *Upotreblenie bukvy E* [The use of the letter E]. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 2009.
27. Iudina N. V. *Russkii iazyk v XXI veke: krizis? evoliutsiia? progress?* [Russian language in the XXI century: the crisis? evolution? progress?]. Moscow: Gnozis, 2010, 293.

Received 01.02.2016, accepted 16.06.2016.

ПЕРСОНАЛИИ

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР НИКОЛАЙ ДАНИЛОВИЧ ГОЛЕВ (К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Голев Николай Данилович – профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член МАН ВШ, руководитель научной школы «Социально-когнитивное функционирование русского языка», «Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов», основатель новых научных направлений – лингвоперсонологии, юрислингвистики, обыденной лингвополитологии, наивной лексикографии, функционального и когнитивного аспектов русской орфографии.

Professor Nikolay D. Golev – Professor at the Department of the Russian Language, Kemerovo State University, Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Russian Higher Education, Full Member of the International Higher Education Academy of Sciences, Head of the Scientific School “Social and Cognitive Functioning of the Russian Language”, Chair of the “Siberian Association of Linguists-Experts”, founder of the new research areas: linguopersonology, juridical linguistics, ordinary linguopolitology, naïve lexicography, functional and cognitive aspects of the Russian orthography.

Двадцать второго августа 2016 года исполняется 70 лет со дня рождения Николая Даниловича Голева, Заслуженного работника высшей школы РФ, доктора филологических наук, профессора, действительного члена МАН ВШ, руководителя научной школы «Социально-когнитивное функционирование русского языка», «Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов», профессора кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.

Н. Д. Голев – выпускник Томского государственного университета. В 1974 г. в диссертационном совете Томского университета он блестяще защитил кандидатскую диссертацию «Система номинации конкретных предметов в русском языке» (научный руководитель – профессор ТГУ О. И. Блинова), а в 1991 г. – докторскую диссертацию «Динамический аспект лексической мотивации». В кандидатской диссертации Н. Д. Голев предложил оригинальную модель речевой номинации предметов, не имеющих узусных имен. В докторской диссертации им разработана теория непрерывного деривационно-мотивационного процесса, объясняющая генезис и функционирование внутренней формы слова. Идеи этих диссертаций до сих пор актуальны и свежи, имеют большую теоретическую значимость.

Имя Н. Д. Голева широко известно мировой научной общественности как автора многочисленных научных трудов (более 500 публикаций), как крупного ученого, успешно работающего в разных областях науки о языке.

Результаты его научной деятельности оказали влияние на развитие таких научных направлений, как дериватология, лингвокогнитология, лингводидактика, мотивология, ономазиология, семасиология, лексикография. Помимо этого, он является основателем новых научных направлений – лингвоперсонологии, юрислингвистики, обыденной лингвополитологии, наивной лексикографии, функционального и когнитивного аспектов русской орфографии. Творческая энергия Николая Даниловича никогда не приостанавливается. Сейчас он разрабатывает новый тип народного Интернет словаря, названного им «Викилексия».

Н. Д. Голев является экспертом Российского гуманитарного научного фонда, членом двух Диссертационных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, главным редактором основанного им научно-практического журнала «Юрислингвистика», членом редколлегии журналов «Сибирский филологический журнал» и «Вестник Томского государственного университета», научным редактором изданий «Словарь обыденных толкований русских слов» и «Словарь обыденных толкований политических терминов», научным редактором монографии «Языковая личность. Сибирская лингвоперсонология».

Николай Данилович относится к тем ученым, которые не замыкаются только на академической науке. Его особым вниманием пользуется учебная и методическая работа в вузе и школе. Н. Д. Голев разрабатывает концепцию и технологии деятельностного подхода, ориентированного на формирование научного мышления в обучении студентов. Он отдал много лет творческой работе в средней школе. Список учебных и учебно-методических работ, методических программ для школы и вуза насчитывает около 30 наименований. Он – разработчик и руководитель оригинальной магистратуры «Юридическая и документная лингвистика».

Н. Д. Голев не только Ученый, но и замечательный педагог и научный наставник молодых исследователей. Более 40 лет он занимается научной и преподавательской деятельностью в сфере высшего образования РФ. Под

его руководством защищено 11 докторских и 40 кандидатских диссертаций. Его вчерашние ученики – аспиранты и докторанты – сегодня и сами являются выдающимися учеными, определяющими развитие современной лингвистики.

Заслуги юбиляра получили признание на государственном уровне: почётное звание «Заслуженный работник высшей школы РФ», нагрудный знак «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», почетная грамота Министерства общего и профессионального образования РФ, премии Губернатора Кемеровской области, почётные грамоты, благодарственные письма КемГУ.

Профессиональные и личностные качества, генерирование новых идей, научный энтузиазм и неутомимая работоспособность Николая Даниловича позволили ему объединить вокруг себя единомышленников, испытывающих к юбиляру самую искреннюю любовь и благодарность.

Коллеги и друзья Николая Даниловича желают ему крепкого здоровья, долгих лет, продолжения плодотворной научной работы и новых научных свершений!

Л. Г. Ким, Е. В. Кишина, Н. Б. Лебедева

Дорогой Николай Данилович, сердечно поздравляем с юбилеем. У Вас сейчас самое чудесное время, в которое можно творить, рождать новые идеи и делиться с ними со своими учениками, коллегами. Удачи Вам во всем, здоровья. Эта статья – то неожиданно новое, что, может быть, понравится и Вам. Данное исследование стало возможным благодаря появлению на факультете направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика», за становлением которого Вы постоянно наблюдаете и стремитесь помочь в его развитии.

Каждый из членов авторского коллектива относится к Вам с глубоким уважением и желает Вам всего доброго в этой непростой жизни.

Пистиң қару найыбыс Николай Данилович, авторский коллективтың кажсы ла кижизи Серди сүрекей күндүлөп, пу жеңил эмес жадыйшта. Серге ончо ырыс күүнзеп турды. Сердиң юбилейгердиң учун уткуул сөс айдып турдық!

Эмди Серге сүрекей жакшы чақ полды. Жаңы идеяларды, жаңы ийүлтеди эң ле паштап үренчиктеригерге пергер! Эзен полгор, ырысту полгор!

Серди сүрекей тооп туратан, коллегаларың.

Урматтуу Николай Данилович! Сизди Ала-Тоо, Теңир-Тоо, Улуу-Тоо, Керме-Тоо өңүрлөрүн байырлаган кыргыз элинин атынан кутман курагыңыз менен чын жүрөктөн куттуктайбыз! Азыр Сиз илимдин бийик сересине чыгып, даремет-күчүңүз ашып-ташып, ой чабытыңыз кеңейип, жаңы идеяларды жараткан, өмүр бою топтогон бай тажрыйбаңызды көптөгөн кесиптеш-шакирттериңиз менен бөлүшүп турган куракка келип олтурасыз. Макалада кытайдын жана кыргыз менен тектеш телеут калкынын каада-салты менен үрп-адатынын тилдеги бейнеси салыштырма өңүттөн териштирилет. Факультетиңиздерде “Фундаменталдык жана колдонмо лингвистика” багыты ачылганына жана Түштүк Сибирь окумуштуулары тарабынан жергиликтүү тектеш тилдер менен бирге кыргыз тилин иликтөө иши колго алына баштаганына биз чоң кубанычтабыз жана кызматташууга ар дайым даярбыз. Бул багыттын түптөлүшүнө, калыптанышына жана өркүндөп өсүшүнө Сиздин кошкон салымыңыз эбегейсиз экени биз үчүн чоң сыймык.

Бул макаланын даярдаган авторлор жамааты Сизге арчадай узун өмүр, Хан-Теңирдей чыгармачылык бийиктик, Ала-Тоонун аптак карындай тунук сезимде Наталья эжейибиз менен баккубат өмүр сүрүшүңүздү тилейт.

Уважаемый Николай Данилович! От киргизского народа с незапамятных времен, населяющего отроги гор Ала-Тоо (Пестрые горы), Улуу-Тоо (Великие горы), Керме-Тоо (Вытянутые горы) и Тенир-Тоо (Небесные горы), от всего сердца поздравляем Вас со славным возрастом. Сейчас вы достигли того возраста, когда взойшли на высокую вершину науки, щедро делитесь богатыми научными знаниями со своими коллегами и учениками. В этой статье рассматриваются традиции и образы мира киргизского народа в сравнении китайским и родственными киргизам языком телеутов. Мы искренне рады, что на вашем факультете открылось направление “Фундаментальная и прикладная лингвистика”, где ученые Западной Сибири изучают киргизский язык с местными родственными ему языками. Мы высоко ценим Ваш вклад в становление и развитие данного направления.

尊敬的尼科莱·达尼尔洛维奇!

我们衷心地祝贺您生日。现在您有最好的时间,这其间您能创新,产生新的心思,

以及把此心思和知识与学生们,同事们分享。祝你万事如意和身体健康。我们希望您喜欢这个文章。

这项研究可能由于在系开过了“基础及应用语言学”的专业。而且您经常监视也帮助专业发展。

每个作者对您表示非常尊重,也祝你一切顺利!

Л. А. Араева, Л. С. Калентьев, В. С. Кузнецова, М. Дж. Тагаев

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе, соответствующие тематике журнала, и ранее не опубликованные ни в каких других изданиях. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Порядок предоставления материала в редакцию

1. Текст статьи представляется в редакцию в виде файла с расширением .doc, построенного средствами Microsoft Word 97-2007 через систему электронной редакции на сайте издания, или по электронной почте vestnik@kemsu.ru.
2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.
3. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.
4. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Все поступившие в редакцию статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат», представленные материалы должны быть оригинальными – с уникальностью текста не менее 75 %.
5. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.
6. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.
7. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.
8. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.
9. Статьи обучающихся (аспиранты, магистранты, студенты) вузов и научных организаций России, а также сотрудников КемГУ, работающих над диссертационными исследованиями, темы которых утверждены ученым советом университета, публикуются при наличии рекомендации научного руководителя (научного консультанта) и (или) решения кафедры. Статьи студентов при этом принимаются для публикации по рекомендации кафедры только в соавторстве с научным руководителем или учеными, являющимися специалистами в соответствующей области науки.
10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала. Статьи публикуются в порядке очередности: прием к публикации не предполагает опубликования в ближайшем номере журнала.
11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Структура статьи

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; контактные данные (телефон, адрес электронной почты).

Требования к оформлению статей

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
4. Статья должна быть снабжена аннотацией на русском и английском языках. Аннотация к статье должна быть: информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное со-

держание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи: предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.

5. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).

6. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров.

7. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.

8. Таблицы нумеруются, если их число более одной.

9. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках.

10. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература». Под одним номером допустимо указывать только один источник.

11. Список литературы в транслитерации предваряется словом "References", приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. Примеры описания цитируемых публикаций приведены на сайте издания.

12. Для перевода описания источников в латиницу следует использовать Систему транслитерации Библиотеки Конгресса США (LC), в основе описания источников выбран стиль Chicago style citation.

13. На последней странице статьи указываются сведения об авторах на русском и английском языках: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

14. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

15. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

18+

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – В. А. Шерина

Подписано к печати 11.07.2016 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 15.08.2016 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 30,25. Уч.- изд. л. – 30,46.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО "Авторское издательство Кузбассвуиздат".

Россия, Кемеровская область, 650043, г. Кемерово, пр. Советский, д. 60Б, оф. 101.